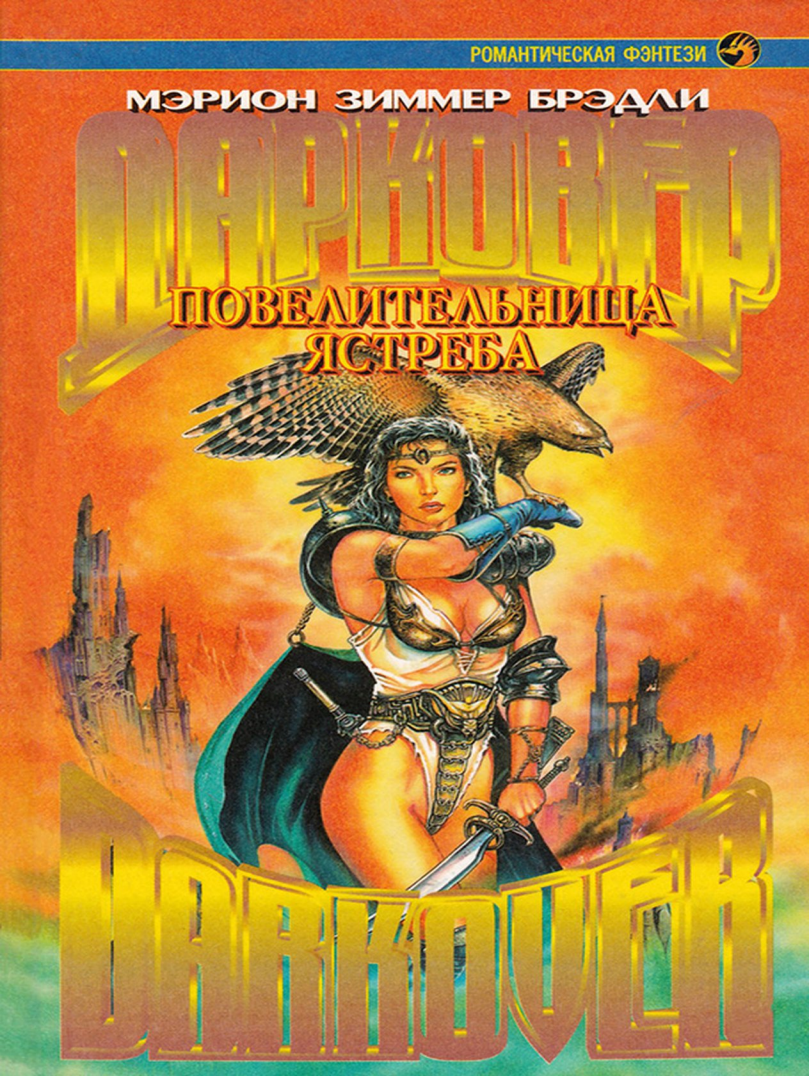
РОМАНТИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

МЭРИОН ЗИММЕР БРЭДЛИ

ДАРКОВЕР

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ЯСТРЕБА



ДАРКОВЕР

Повелительница ястреба
Мэрион Зиммер Брэдли

Аннотация
Мэрион Зиммер Брэдли. ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ЯСТРЕБА
Часть первая. «Соколиная лужайка» на холмах Киллгард
1
2
3
4
5
Часть вторая. Беглянка
1
2
3
4
5
Часть третья. Меченосица
1
2
3
4
5

6
7
8
9

Аннотация

Роман известной американской писательницы М. З. Брэдли «Повелительница ястреба» продолжает историю таинственной планеты Дарковер, населенной экстрасенсами и телепатами. Главная героиня — Ромили Макаран, дочь правителя Горного княжества — наделена даром мысленного общения с животными и птицами. Ромили стремится развить свой талант, для чего покидает родной дом и отправляется на поиски учителя. Но волею случая девушка оказывается в центре борьбы за восстановление на престоле свергнутого заговорщиками монарха. В критической ситуации ей на помощь приходит ручной ястреб, верный друг и спутник Ромили. Отважной повелительнице птиц предстоит пережить удивительные приключения, найти друзей и встретить любовь.

Мэрион Зиммер Брэдли
ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ЯСТРЕБА

Marion Zimmer Bradley
HAWKMISTRESS!

Copyright © 1982 by Marion Zimmer Bradley
© М. Ишков, перевод на русский язык, 1996
© «Издательство «Альфа-книга», 1996

* * *

Часть первая
«Соколиная лужайка» на холмах Киллгард

1

Ромили так устала, что едва держалась на ногах.

Луга, расстилавшиеся за порогом, скрывала сумеречная мгла. В доме тьма; редкие тусклые полосы света, сочившиеся из подвешенной к балке лампы, да золотистые, с черными точками-зрачками глаза хищной птицы — дикие, пылающие гневом — вспарывали мрак. Вот ястреб опять повел головой, отвернулся, замер. Скрипнув, качнулась лампа.

«Испугалась до смерти. Это не ненависть. Страх. Только страх… Даже вздрагивает от испуга…»

Собственно, то же самое Ромили могла сказать и о себе — недавний гнев был рожден ужасом. Отсюда и необоримая слабость в теле. Девичьи глаза вспыхнули, готовые в ярости сжечь грязную солому, разбросанную по полу. Это последнее желание пришло извне — не от ястреба ли? Следом, вдогон, ненависть, безрассудная готовность.

Ромили вытащила из-за пояса острый нож и осторожно вырезала из лежащей рядом туши жирный кусок — в то же мгновение ее бросило в дрожь, она едва справилась со стремлением в

который раз наброситься на ремешок, спутавший ее ноги. Ее? Или птицы? Скорее бы истерзать в клочья этот привязанный, к балке кожаный ремень, лишивший ее свободы.

Чье это желание — ее? Или ястреба?

Птица моргнула, ударила крыльями. Ромили невольно отпрянула, кусок мяса упал на солому. И вновь смешались в душе собственная усталость и гнев и безумный ужас, испытываемые птицей. Словно этот ремень — Ромили въяве ощутила прикосновение холодной полоски кожи к своей ноге — и ее держал в неволе. Хотелось изо всех сил рвануться, клюнуть, истерзать эти предательские путы. Ромили с трудом подняла кусок мяса, попыталась очистить его, однако новая волна чужих мыслей затопила сознание девушки. Она со стоном закрыла глаза руками. Как переживания ястреба стали частью ее существа? Почему Ромили не могла избавиться от ощущения, что это она неистово бьет крыльями? Бьет, бьет!.. В первый раз она испытала подобное наваждение более года назад — тогда, пораженная, испуганная, она бросилась в луга. Мчалась как безумная, пока не споткнулась и не полетела на землю у самой пропасти. Совсем недалеко от стен замка «Соколиная лужайка», что на холмах Киллгард… Там, внизу,

на берегу Кадарина, торчали острые скалы.

Ей не следует позволять проникать в ее сознание чуждым ощущениям; следует помнить, что она человек, что ее зовут Ромили Макаран… Девушка усилием воли восстановила дыхание — для этого пришлось припомнить заклинания молодой лерони[1], которая как-то поделилась с ней своими тайнами. Говорила почти на бегу, торопливым шепотком, перед самым возвращением в Башню Трамонтана. Слова сами собой всплыли в сознании.

«У тебя редкий дар, девочка, одно из самых невероятных чудес природы, наделившей тебя лараном[2]. Не знаю, почему твой отец так возражает против того, чтобы подвергнуть испытаниям тебя, твоих сестер и братьев! Почему он не желает, чтобы вы овладели этим даром, научились им пользоваться? Я уверена, ему отлично известно, что необразованный в телепатии человек представляет огромную угрозу как для самого себя, так и для всех окружающих; ведь твой отец тоже в полной мере наделен этим даром».

---

[1] notes: 1

Человека, обладающего развитыми психокинетическими способностями.

[2] notes: 2

Психокинетическими способностями.

Ромили догадывалась, что лерони лукавила — им обеим хорошо было известно, в чем причина, однако вследствие дочерней почтительности не смела говорить об этом вслух, а вот зачем молодая колдунья прикидывалась несведущей, было непонятно. Лорд Макаран не отказал ей в гостеприимстве; когда же посланница сообщила о цели визита, хозяин замка сдвинул брови…

— Мои дети не будут подвергнуты проверке на наличие ларана. Все, об этом ни слова. И не упоминай!.. — Потом подумал и добавил: — Вы моя гостья, домна[3] Марели. — Хочу сообщить, что уже потерял сына. Он спрятался в одной из этих проклятых Башен, расплодившихся на наших землях и соблазняющих сыновей честных людей и — что скрывать? — дочерей тоже! Они настраивают их против родичей, против семьи. Пока в горах бушует буря, вы найдете здесь надежное убежище и все, чем хозяин обязан одаривать гостей, однако предупреждаю — держитесь подальше от моих детей.

«Потерял сына в одной из этих проклятых Башен», — припомнила Ромили слова отца. Это случилось с братом Руйвеном, который тайком

---

[3] notes: 3
Уважительное обращение к женщине благородного происхождения.

переправился через Кадарин и сбежал в Башню Нескья. Четыре года назад… Неужели вскоре отец лишится и Дарена, которого куда больше прельщает монастырь Неварсин или одна из Башен, чем замок «Соколиная лужайка», который должен перейти ему по наследству?»

Дарен долго жил и воспитывался в Неварсине, как то подобает сыну благородного господина — обычаи в горной стране строги, — и вряд ли испытывал желание вернуться в родовое гнездо. С другой стороны, нельзя было ослушаться отца, когда тот потребовал, чтобы наследник возвратился домой.

Как Руйвен мог так подвести брата? Как мог решиться на побег, зная, что Дарену в одиночку не удержать в своих руках «Соколиную лужайку»? Братья были погодками и очень дружили. Словно двойняшки… Вместе отправились в монастырь Неварсин — только Дарен вернулся на зов отца, а Руйвен нет. Старший брат сказал, что Руйвен подался в Башню Нескья. Руйвен прислал письмо — его прочитал отец. Пробежал глазами, тут же порвал и выбросил. С той поры в замке было запрещено произносить имя Руйвена.

— У меня два сына, — объявил отец. — Один вновь отправился в монастырь, другой сидит у

матери на коленях. Ясно? — Это он обратился к Марели.

Уже позже лерони, встретив Ромили, шепнула ей:

— Я сделала все что могла, но он даже слышать не хочет об этом, так что выбор ты должна сделать сама. Твой дар — твое богатство, наследство, судьба… Ты должна овладеть им, или он овладеет тобой… За то время, что я пробуду в замке, я постараюсь научить тебя кое-чему. Если лорд Макаран об этом узнает, то выставит меня из замка. Но я обязана помочь тебе и научить, как следует защитить себя, когда проснется ларан. Тебе придется сражаться с ним в одиночку, это будет нелегко. Это будет очень трудно, девочка, но у тебя достаточно сил. Немногие способны овладеть лараном. В их числе твой брат.

— Вы знакомы с моим братом? — шепотом спросила Ромили.

— Да, моя девочка. Как ты думаешь, кто надоумил меня приехать в ваш замок и повидаться с тобой? Это он, твой брат.

Ромили сжала губы, и Марели торопливо продолжила:

— Он помнит о тебе и любит. Он любит отца. Он бы никогда не покинул вас, если бы на то не было

веской причины. Сама знаешь: что подходит кворебни[4], для молодого сокола — смерть. Ему не пристало жить в клетке. Если бы Руйвен вернулся сюда, ему бы уже не вырваться на волю, а жизнь без ларана для него хуже смерти, Ромили. Как ты не можешь понять?! Это все равно что оглохнуть и ослепнуть. Душу потерять!..

— Тогда что такое этот ларан?! Что это за проклятье, если ради него он предал всех нас? — вскрикнула Ромили и прикрыла рот ладошкой.

Марели печально посмотрела на нее.

— Узнаешь, когда проснется твой собственный дар, девочка.

Ромили возмутилась:

— Ненавижу! Ненавижу эту пакость, грызущую человека изнутри!.. Ненавижу ваши Башни!.. Эти ваши колдовские гнезда украли у нас Руйвена.

Она решительно повернулась спиной к Марели, показывая тем самым, что не желает продолжать разговор. Лерони, глядя ей вслед, тихо произнесла:

— Конечно, верность семье, любовь к отцу — это очень важно. Я не могу осуждать тебя за это.

Марели вздохнула и направилась в предостав-

---

[4] notes: 4
Птица, питающаяся падалью.

ленную ей комнату. Утром она, даже не пытаясь повидаться с Ромили, оставила замок.

Это случилось два года назад. С той поры девушка много раз пыталась забыть слова лерони. Не тут-то было! Примерно с год назад ее словно пронзило ощущение беды, тревога стала очевидной, мысли — более ясными… Смысл видения, открывшейся истины был в том, что дар Макаранов, способность при помощи ясновидения проникать в самую суть, мысленно сливаться с живыми существами, проявился в ней с невиданной силой. Что-то стронулось в ее сознании, девушка с легкостью могла отождествиться с коршуном, молодой борзой, жеребцом — любым животным. Более того, она временами ощущала полное слияние с этими послушными и дерзкими, добрыми, покладистыми и хищными, злобными и простодушными созданиями. Вот когда наступил момент, о котором предупреждала ее приезжая чародейка. Самое время посоветоваться с ней, порасспросить, выведать — как же бороться или по крайней мере как ужиться с этим чудесным даром?..

Но об этом не приходилось даже мечтать. «Пусть ларан выжжет меня изнутри, — снова и снова твердила Ромили, — я никогда не оставлю

дом и семью. Не хватало еще!..»

С просыпающимся лараном она боролась в одиночку — изо всех сил пыталась овладеть, приручить, научиться управлять им. И теперь, один на один с молодой самкой ястреба, девушка заставила себя успокоиться, восстановить дыхание. Вот так, вот так… Потихоньку, помаленьку… Плененная хищница замерла. Ромили почувствовала, что вновь вернулась в человеческое обличье — вернее, замерла на границе двух сознаний: собственного и чуждого, рвущегося в полет. Оба потока чувств умещались в ее душе, текли ровно, без всплесков и водоворотов, открывая неизведанные и такие волнующие глубины. Когда схлынула волна ярости и страха, пришла новая мысль: «Узелок на лапах слишком затянут. Очень больно…»

Ромили напряглась, пытаясь излучить в пространство волны безмятежного спокойствия, влить их в сознание птицы. В следующее мгновение вновь произошло перевоплощение, и глазами молодой самки она глянула на пленившего ее недруга. Тот тоже страдал от голода и страха. «Силы на исходе, я не причиню тебе вреда. Поверь…» Девушка осторожно потянула за ремешок из сыромятной кожи. Где-то на краю

сознания, уже почти успокоившегося, еще билась пугающая мысль: что ты делаешь, опомнись, взгляни ястребу в глаза, сколько там обжигающей ярости; обрати внимание на длинный крепкий клюв! Однако Ромили сумела взять себя в руки, смирить панические мысли и не спеша, уже настойчивее продолжила распутывать путы. Сначала на левой ноге, потом на правой…

Боже, взмолилась она, благодарю тебя, что надоумил свое глупое чадо поучиться вязать узлы в темноте, что позволил свободно развязывать их вслепую. Благодарю, что смирил гордыню, одолел упрямство, благодарю, что послушала старого Девина. Тот по многу раз заставлял ее проделывать эти манипуляции. Пальцы теперь сильны и очень чувствительны. Ведь как говорил старик: «Жить ты будешь большей частью в темных помещениях и одной рукой будешь держать ястреба». Вот и проводила Ромили день за днем, час за часом, сплетая и расплетая молодые гибкие ветви, затягивая и распуская на них узлы. Старик долго не подпускал ее к птицам. «Трудись, трудись…» — повторял он. Сколько раз пот увлажнял ее пальцы, но Ромили не позволяла себе отвлекаться. Перерывы были кратки… «Трудись, трудись, иначе погубишь птицу…»

Ромили напряглась и, осторожно потянувшись, свободной рукой нащупала в соломе кусок мяса, попыталась стряхнуть с него налипшие травинки и грязь. Можно было, конечно, обойтись и без этого — птицам в общем-то наплевать на приставшие стебельки и землю. Крылатые создания глотают камешки, чтобы пища лучше переваривалась. И все равно девушка снова попыталась очистить кусок мяса, затем осторожно, пристроив еду на ладонь, протянула птице. Подождала, положила на балку. Неужели птица когда-нибудь будет есть из ее рук? Или, несмотря на острое чувство голода, откажется питаться в неволе — такое тоже случается. Тогда придется выпустить ястреба на волю. Про себя Ромили решила, что этого она не допустит. Хватит, одного уже выпустила!..

Произошло это несколько дней назад, как раз когда старый Девин свалился от приступа лихорадки. Только он поймал двух ястребов, как его скрутило, и кормить их, заняться приручением уже не мог. У Ромили тоже ничего не получилось — птицы даже не глядели на мясо. Ей было очень обидно, она хотела попробовать еще раз, ведь Девин обещал подарить ей одного из ястребов. Другим, мол, он сам займется… Однако лихорадка добралась и до «Соколиной лужайки», и старик

попросил Ромили отпустить птиц, иначе они погибнут от голода. «Ничего, девочка, — стуча зубами, добавил он, — придут другие времена, эти ястребы не последние…»

В тот момент Ромили подумала, что эти ястребы — редкость. Они же верины, поймать такого хищника — большая удача. Редко кому выпадает такое счастье. И все-таки, освобождая более крупную, зрелую птицу, Ромили знала, что старый Девин прав. Ястребы из семейства веринов являлись бесценной добычей. Особенно тот, могучий… У короля Каролина из Каркосы никогда не было лучшей птицы, так сказал Девин. Уж кто-кто, а он-то знал… Дедушка Ромили служил сокольничим при короле Каролине, которого вынудили отправиться в изгнание в горы Хеллеры после того, как Ракхел взбунтовал народ. Что теперь с королем, никто не знает — может, нашел смерть на чужбине? Его приближенные тоже были сосланы в свои поместья, узурпатор не доверял им и окружил себя верными людьми.

Ну кому злодей сделал хуже, если не самому себе, ведь дед Ромили был известен как лучший сокольничий от Кадарина до Далерутского моря. Свое искусство он передал Микелу, нынешнему главе рода Макаранов, и его двоюродному брату

из простолюдинов Девину, Повелителю Ястребов, как прозвали его в народе. Ястреб из породы веринов, пойманный в зрелом возрасте, был куда более упрям, чем его сородич, взращенный в неволе. Птица скорее умрет от голода, чем возьмет пищу из рук существа, пленившего ее. Так лучше пусть она живет на свободе и сама ищет себе добычу…

Тогда Ромили и выпустила самца — вытащила его из клетки и с горечью взобралась с ним на высокую скалу, подбросила в небо… В глазах стояли слезы — и в то же мгновение ее печаль была сметена взрывом бурной радости… «Свободен, свободен… Наконец-то свободен!..» Перед глазами Ромили открылась удивительная панорама — даже голова закружилась! — далеко внизу лежал родной замок, вокруг поросшие лесом ущелья, а еще дальше, на самом берегу озера, высокая белая башня.

Башня Хали… Неужели ее брат все еще прячется там?

Затем она обнаружила, что все еще стоит на вершине скалы. Одинокая, дрожащая от холода, глаза слезились. Ромили вглядывалась в небо, но ястреба уже не было видно. Потом понурив голову вернулась в сарай за второй птицей. Вз-

глянула на самку — в этот момент их взгляды встретились, и Ромили словно пронзило. «Эту я смогу приручить, эту ни за что не выпущу… Я смогу сломить ее упрямство».

Как ни странно, но лихорадка, свалившая обитателей замка, очень помогла ей. На следующий день Ромили как всегда предстояло вместе со своей младшей сестренкой Мэйлиной заняться уроками и повседневными обязанностями, как подобает дочерям благородного лорда, однако и сестра, и гувернантка заболели.

Когда девушка явилась в классную комнату, строгая домна Калинда уже была там — жалась к пылающему камину. Глаза ее лихорадочно блестели — какие уж тут уроки! Ромили робко испросила разрешения посетить конюшню. Согласие она получила, но вслед последовало наставление, что не дело для дочери лорда шляться по конюшням и любоваться на жеребцов. Было бы лучше и полезнее отправиться наверх в оранжерею и там, среди благоухающих цветов, в тишине, заняться рукоделием или, что еще полезнее, почитать учебник. Ох уж эта домна Калинда!.. Слава Богу, что в тот день ей было не до ученицы — нянюшка Гвенис сидела с Мэйлиной, леди Люсьела не отходила от девятилетнего

Раэля — тот, в отличие от Мэйлины, был совсем плох: метался в жару и не мог глотать.

Итак, денек выдался хоть куда! Ромили бегом бросилась во двор к сараю, где Девин держал пойманных птиц. Неужели домна Калинда всерьез рассчитывала, что ее воспитанница проведет свободный день за вышиванием или чтением глупых учебников?! Добравшись до места, девушка обнаружила, что и старого Девина свалила болезнь. Однако сокольничий обрадовался появлению Ромили. Пусть девушка пока не в состоянии заняться дикими птицами, зато может позаботиться об остальных. Почистить клетки и заодно выпустить этих, не поддающихся приручению. Он так и сказал ей: все, хватит их мучить. Ученица подчинилась…

Нет, эта птица все равно ее!.. Пусть ястреб ерепенится, пусть зверем глядит на нее, бьет крыльями, страдает от ненависти и бессилия. Пусть! В конце концов они станут друзьями. Рано или поздно…

Конечно, добиться этого трудно, и времени придется потратить уйму. Она подняла глаза и глянула на птицу. Рожденные в неволе или захваченные птенцами, хищники быстро привыкали брать мясо с руки. Еще до того, как успевали

обрасти перьями. Эта же была поймана уже усвоившей науку выживания в диком лесу, оперившейся, научившейся находить добычу. Такие ястребы ценились больше всего — их было трудно приручить, но это лучшие охотники, чем те, что выросли в клетке. Примерно два из пяти ястребов, пойманных в зрелом возрасте, умирали от голода, однако эта птица не погибнет — Ромили отказывалась в это поверить. Неизвестно как, когда, но между ними протянется ниточка. Пусть даже будет она тоньше паутины…

Ястреб вновь занервничал, забил крыльями. Ромили с трудом сдержала яростный напор чуждого сознания, приняла в себя волну гнева и ненависти и затем мягко отправила в сторону ястребицы посыл, полный нежности и покоя: «Я не причиню тебе вреда, моя хорошая. Посмотри, какой вкусненький кусочек мяса». Однако птица проигнорировала сигнал, опять забила крыльями, и Ромили едва сдержалась, чтобы не разгневаться и не впасть в отчаяние. Она напряженно боролась сама с собой, изо всех сил старалась поглотить долетающие до нее мысленные вскрики ужаса плененной птицы.

А ведь на этот раз она куда тише бьет крыльями, чем прежде. Ромили задумалась… Может, она

устала? Может, это от слабости и она доведет ее до смерти, настойчиво домогаясь дружбы? Ромили потеряла мысленный контакт с ястребом, но и так было видно, что птица присмирела. Ромили позволила себе коснуться охотничьей перчаткой опоры, чуть выдвинула руку. Перчатка была слишком тяжела для нее, пальцы затекли (часами она тренировалась — стояла, вытянув руку в перчатке, старалась преодолеть усталость; мускулы сводило, однако девушка терпеливо приучала себя преодолевать тяжесть).

Нельзя расслабляться — она должна точно сознавать, когда погружается в сознание ястребицы, когда становится сама собой. Но необходим краткий отдых. Ромили невольно прислонилась спиной к стене. Веки тут же сомкнулись. Нет, спать нельзя! Совершать резкие движения тоже!..

Она не имеет права прерываться — сколько раз Девин твердил ей об этом. Ни на мгновение… Когда она была маленькой, то как-то раз наивно спросила у Девина: «Даже если захочется есть?» Тот фыркнул: «Ты должна научиться обходиться без еды и питья куда дольше, чем ястреб. Если тебе это не под силу, то не стоит и браться за приручение».

Эта заповедь была одной из основных, и он сперва недоверчиво поглядывал на малышку. Такого на его памяти еще не случалось. Чтобы девица смогла приручить ястреба? Или хотя бы стремиться к этому? С другой стороны, кто-то должен после его смерти принять на себя заботу о птицах. Что поделать, если старшие братья не очень-то рвутся воспитывать пернатых охотников, а ведь кому-то из них достанется «Соколиная лужайка». Впрочем, такое уже случалось в их роду, когда муж оставлял усадьбу в наследство жене. Но чтобы та любила безумную скачку на лошадях, занималась приручением ястребов?.. Чудеса, да и только! Бабушка Ромили, по слухам, тоже любила лошадей и даже занималась дрессировкой пернатых. Голубей!.. Те, как рассказывают, садились ей на запястье, как бы образуя браслет… Правда, хищных крылатых разбойников она за версту обходила, даже мысль о том, чтобы прикоснуться к красавцу верину, приводила ее в ужас, а вот внучка — пожалуйста! Так и лезет к соколам!

Подобные сомнения, особенно высказанные вслух, очень раздражали Ромили.

«Почему бы и нет? — негодуя спрашивала она себя. — Я же родилась от Макаранов, мне по на-

следству перешел наш дар. Разве мне может быть отказано в желании повелевать лошадьми, охотничьими собаками? И ястребами… К черту ларан, я никогда не позволю, чтобы это дьявольское проклятье овладело мной… Но как же все-таки древний дар Макаранов?.. А вот так!.. Ястребы мне нравятся, а ларан нет. Ну ни капельки… Пусть я женщина, но у меня такие же права, как и у братьев».

Девушка осторожно отодвинулась от стены, шагнула по направлению к клетке с ястребицей, чуть двигая пальцами, натянула рукавицу и вновь принялась потихоньку подвигать мясо поближе к пленнице. Хищник вскинул голову, чуть склонил ее набок и неотрывно уставился угольно-черными, в густо-оранжевом поле, бусинками зрачков. Далее рука не доставала… А ведь птица может уже дотянуться… Ромили зашептала что-то доброе, успокаивающее, призывающее схватить этот вкусный кусочек. Ну же!..

На нее самое вдруг накатило нестерпимое чувство голода. Ей бы следовало захватить с собой что-нибудь перекусить, а она впопыхах выскочила из дома и бросилась на конюшню… Заглянула бы на кухню или в кладовую, сунула бы кусок хлеба в карман… Девин часто во время работы с

птицами что-то жевал — то ли мясо, то ли сухарь. Ему это не вредило… Еще бы надо кое-куда заскочить, а то уже терпение кончалось. Мочевой пузырь почти лопался. Хорошо отцу и братьям — выскочат на мгновение, встанут у стены, и пожалуйста!.. Может, ей — мелькнула мысль у Ромили — тоже выскочить из сарая? Нет уж, вздохнула девушка. Несмотря на то что она была одета в старые бриджи Руйвена, под ними было слишком много завязок, застежек, веревочек, затянутых узелками, и прочей канители. Только попробуй, и с ястребами все пойдет насмарку.

«Если тебе это не под силу, — говаривал старый Девин, — если не способна пересилить птицу, тебе лучше не браться за это дело».

Девушка вздохнула еще раз и осталась на месте. С подобным неудобством она сталкивалась так остро в первый раз. Неужели сразу сдаться? Собственно, это обстоятельство было единственной серьезной помехой, стоявшей перед женщиной, желавшей заняться приручением хищной птицы.

«Ну же, — мысленно обратилась она к ястребице, — попробуй. Смотри, какой вкусный кусочек. Если я голодна и не могу отойти, это вовсе не означает, что и тебе нельзя поесть. Ох, ну и упря-

мица же ты!»

Хищник не сдвинулся с места, даже не-взглянул на пододвигаемый кусок мяса — смотрел на девушку холодно, отчужденно, и Ромили решила, что еще мгновение, и ястреб вновь впадет в ярость. Снова последует взрыв… Однако птица неожиданно перевела взгляд на еду, потом вновь на Ромили, но не двинулась с места.

«Когда мои братья были в моем возрасте, считалось само собой разумеющимся, что каждый Макаран должен сам объездить коня, вырастить охотничью собаку, воспитать ястреба. Вон Раэль — ему только девять лет, а отец уже настаивает, чтобы он начал овладевать хорошими манерами». Когда Ромили была совсем маленькой — еще до того, как сбежал Руйвен, а Дарен был послан в Башню Нескья, — ее отец гордился тем, что дочь так привязана к животным. Он позволил ей возиться и с лошадьми, и с собаками… Он тогда похвалялся: «Ромили — кровь от крови, плоть от плоти Макаран; у нее есть дар. Не найти такого коня, которого бы она не сумела обуздать, такую гончую, которая отказала бы ей в дружбе. Любая сука может прийти и ощениться у нее в подвале». Так он говорил… Он гордился ею. Сколько раз стыдил Руйвена и Дарена — твердил, что Ромили

куда больше Макаран, чем они. Он заставлял их присматриваться к тому, как она обращалась с лошадьми. А теперь он все больше сердится…

С того дня, как сбежал Руйвен, жизнь Ромили резко изменилась. Ей указали, что следует вести себя достойно, подражать мачехе и заниматься тем, что пристало леди. Теперь ей уже почти пятнадцать, ее младшая сестра Мэйлина уже начала закалывать волосы заколкой в виде бабочки, какую носят взрослые дамы. Ох эта Мэйлина!.. Ей вполне достаточно вышивания — целыми днями может провести с иголкой в руках. А как она усаживалась в женское седло! Смех!.. Мэйлину забавляли глупые комнатные собачонки. Ей претила игра с умными, все понимающими овчарками и резвыми гончими. Она и сама была как комнатная собачонка, но самое ужасное было то, что отец настаивал, чтобы Ромили подражала ей. Это, видите ли, прилично!..

«Никогда! Я лучше умру, чем позволю запереть себя в четырех стенах. Еще и вышиванием заниматься!.. Мэйлина привыкла скакать на лошади со всеми удобствами, она как мачеха, право слово, такая же покорная, слабохарактерная… Стоит лошади фыркнуть или мотнуть головой, она от страха помирает. Хороший галоп она и полчаса

не выдержит. Тут же бледнеет, того и гляди в обморок упадет. Просто как рыба на дереве!.. Она такая жеманница и болтушка — ну вылитая Люсьела! И отец требует, чтобы я вела себя так же?»

В дальнем конце помещения раздался едва различимый шорох, и сидевшие по клеткам ястребята всполошились. Послышался дикий клекот, резкие крики — птицы почуяли запах пищи. Эти звуки привели ястребицу в состояние сильного возбуждения. Она отчаянно забила крыльями, и девушка в ту же секунду догадалась, что явился парнишка, помощник сокольничего. Наступило время кормежки. Это значило, что уже вечер, а она прибежала сюда утром. Дальше продолжать бессмысленно. Она подняла голову и взглянула на ястреба.

— Госпожа Ромили! Что вы тут делаете, дамисела?![5]

Писклявый голосок привел ястребицу в ярость, и Ромили снова почувствовала острую резь в животе. Она едва держалась на ногах от усталости… Тут она, подобно птице, чуть было не взорвалась от гнева, страха, голода, от страстного желания найти виноватого и пустить ему кровь. Так и хо-

---

[5] notes: 5
Уважительное обращение к благородной девушке.

телось вцепиться когтями, ударить клювом: вот тебе, вот тебе!.. Но, одолев мысленное возмущение птицы, сумела взять себя в руки и спокойно ответила:

— Я занимаюсь этим ястребом. Ступай, Кер, если ты закончил. Не надо пугать птицу.

— Я слышал, как старый Девин говорил, что птицу надо освободить, а Макаран буквально вышел из себя, когда ему сказали об этом, — проворчал Кер. — Он не желает так запросто терять веринов. Он пригрозил Девину, что выгонит его, такого старого и больного, если тот выпустит их.

— Да, отец вел речь как раз об этой самке, а ты стоишь и пугаешь ее, — жестко ответила Ромили. — Ступай, Кер, пока она вновь не взъярилась…

Действительно, девушка ощутила дрожь, зарождавшуюся в теле птицы, закипающую в ее сознании ненависть. Еще немного, еще чуть-чуть — и ястреб сорвется. Можно ли тогда будет успокоить его? Она грубо прикрикнула:

— Убирайся!

Ее собственное возбуждение передалось птице — и вновь бурные взмахи крыльев, оглушающие хлопки, дикие пронзительные крики… Ромили попыталась противопоставить этому шквалу

свои мысли:

«Успокойся, успокойся, моя хорошая, ничего, все пройдет. Никто не посмеет причинить тебе вреда, вот попробуй, какой вкусный кусочек мяса…»

И вновь странное ощущение раздвоенности, смутного, мерцающего непонимания: кто она — человек или птица? Когда это наваждение растаяло, парня рядом уже не было.

Он оставил дверь в сарай открытой, и от входа резко потянуло холодом, вечерним туманом. Скоро в проеме совсем стемнело, пошел дождь. Или снег?.. Вот паршивец!.. На цыпочках, стараясь не встревожить птицу, Ромили отошла и прикрыла дверь — что толку, если ей в конце концов удастся приручить этого хищника, а все остальные птицы погибнут от холода! Следом явились сомнения — видно, надо было только стронуться с места, чтобы один за другим потянулись вопросы: кто она такая, к чему эти мучения? Как могла прийти в голову мысль, что ей, молоденькой девушке, удастся то, что даже у старого Девина, знатока из знатоков, выходило в двух случаях из пяти? Зачем она накричала на мальчишку? Надо было просто сказать ему, что птица уже на грани истощения… И перед глазами возникла картина

того, как мужчины обращались с необъезженным, загнанным до изнеможения жеребцом, пойманным в табуне, который бегал по ущельям и дальним холмам. Вот ее отец гоняет скакуна по кругу. Проходит час, другой… Наконец Макаран подходит к взмыленному коню, в руках у него уздечка… Жеребец едва удерживает на весу большую голову, отец тоже с трудом переставляет ноги… Ромили уверена, он бы и эту птицу спас. Он бы приручил… У нее же силенок не хватает, она сама едва дышит от усталости. Как скоро прошли те времена, когда она вскарабкивалась к отцу на колени и делилась с ним своими горестями!

Тут до нее долетел оклик. В голосе звучали недовольство и нежность. Так разговаривать с Ромили мог только Микел, лорд «Соколиной лужайки».

— Ромили! Дочь!.. Ты соображаешь, что делаешь? Разве это занятие для благородной девицы — приручать верина? Я уже распорядился насчет этой пары, однако старый негодник Девин мало того что свалился в лихорадке, так еще одного ястреба упустил, а другого, видно, уморил голодом…

Слезы навернулись у девушки на глаза — она едва смогла вымолвить:

— Первый ястреб теперь свободен… Это я его

выпустила. Сегодня утром… А этот, папа, ну никак не приручается!..

После этих слов птица взъярилась еще сильнее, чем раньше, захлопала крыльями, заклекотала, и Ромили с изумлением обнаружила, как бунтующее сознание птицы, ее страстное желание свободы, полета, страстное стремление вольно раскинуть крылья в вышине с необыкновенной ясностью обрушилось на нее. Этим порывам было трудно сопротивляться, но она справилась. В следующее мгновение напор ослаб, и девушка, чуть слышно окликая птицу, попыталась наплывом безмятежного спокойствия утихомирить ее. На грани двух сознаний, самым краешком рассудка неожиданно спросила себя: «А что же отец?» — и только тогда догадалась: эта волна умиротворения, мощная, мягкая, мысленная пелена, наложенная на ястребицу, исходила от него. «Вот, оказывается, как он это делает…» Ромили откинула локон, свисавший на глаза, и медленно шагнула к птице.

«Вот пища, подойди поешь…» Тошнота подступила к горлу. Одного взгляда на кусочек мяса, лежащий на ладони, хватило, чтобы ей стало худо. Закружилась голова… И вдруг откуда-то со стороны пришла мысль: «Ястребы питаются

только свежим мясом, их приручают, подсовывая падаль. Но съесть — значит сдаться».

В следующее мгновение в сознании Ромили все смешалось, мысли сплелись… Чьи мысли? Собственные? Отца? Ястреба? Или сидящих по клеткам прирученных птиц? Девушка пошатнулась… Вдруг все оборвалось, послышался растерянный голос отца:

— Что же я делаю с тобой, Ромили? Что ты вообще делаешь здесь? Разве это пристойное место для дамы? — Потом он заговорил мягче, раздумчивей: — Не сомневаюсь, что все это случилось по вине старого Девина. Все он подстроил, негодяй! Придется поговорить с ним, вбить кое-что в его глупую голову. Оставь мясо, Ромили, и ступай отсюда. Случается, что ястреб поедает пищу в одиночестве, когда его одолевает голод. Если эта птица отведает мяса, считай, что она в наших руках; если нет, Девин завтра выпустит ее. Или этот парень с жестянкой… Должен же он хоть чем-то заработать кусок хлеба!.. Редкий лентяй!.. Сегодня ее нельзя выпускать, уже темно. Мы не дадим ей погибнуть; если подобное случится, то считай, мы погубили первого ястреба за столько лет. Ступай, Ромили, прими ванну и ложись спать. Пусть ястребами занимаются старый Де-

вин и этот лодырь — это их удел. Моей девочке не следует увлекаться подобным ремеслом. Ступай, Ромили.

На глазах у девушки опять появились слезы, она с трудом глотнула, попыталась отогнать их.

— Папочка, — наконец выговорила она. — Я уверена, у меня получится. Я приручу ее. Умоляю, позволь мне остаться здесь!

— Зандру тебя побери! Твоим бы братьям твое умение и силу, девочка!.. Но не могу же я позволить тебе ковыряться в конюшне и проводить время с соколами! Ступай в дом, это мое последнее слово. Другого ответа не жди.

Его лицо посуровело — ястреб опять всполошился, и Ромили вновь ощутила гнев, ярость, разочарование и ужас. Девушка скинула рукавицу, зарыдала и выбежала на улицу. Отец помедлил, потом твердыми шагами направился к выходу и уже за порогом осторожно прикрыл за собой дверь.

Уже в своей комнате, в туалете, Ромили помочилась, съела кусок хлеба с медом, запила молоком, но все это механически, по привычке — мысли ее по-прежнему были прикованы к голодной самке ястреба, оставшейся в сарае.

Ей бы следовало поесть, иначе она умрет. Толь-

ко-только птица начала привыкать к Ромили, только-только доверилась ей — последние два или три раза она уже не так сильно била крыльями. Как раз до того момента, когда папа вновь растревожил ястреба. Скоро бы она совсем успокоилась — Ромили чувствовала, как хищник уже приглядывался к ней. А теперь она обязательно погибнет!..

Ромили начала развязывать шнурки ботинок. Члены семьи Макаранов не могли не выполнить распоряжение главы рода, им это и в голову не приходило. Ромили тоже… Даже Руйвен, детина шести футов ростом, и тот до самого бегства не осмеливался перечить отцу. Ромили, Дарен, Мэйлина — каждый из них безропотно повиновался его слову и редко когда осмеливался бросить на отца недовольный взгляд. Разве что маленький избалованный Раэль позволял себе и передразнивать, и оговариваться, и в то же время льнуть к отцу.

В соседней комнате, за стеклянной дверью, давным-давно спала Мэйлина. Ее светлые волосы с рыжеватым отливом разметались по подушке. Леди Калинда долго не отходила от ее постели. Вот и старая Гвенис по-прежнему подремывает в кресле. Конечно, болезнь сестры печалила Роми-

ли, но, с другой стороны, слава Богу, что нянька была занята исключительно Мэйлиной. Если бы она увидела, в каком виде Ромили явилась домой — девушка оглядела грязную, испачканную медом одежду, — попрекам, наставлениям, уговорам задуматься о своем будущем конца бы не было.

Несмотря на усталость, Ромили мечтала о ванне, полной горячей воды, о чистой одежде, мягкой постели. Собственно, она сделала все что могла. И даже больше… По-видимому, ей давным-давно следовало оставить попытки… Ястреб мог съесть пищу и в одиночестве. Птица так и сделает — конечно, она не погибнет. Скорее всего так и будет — еду из кормушки птица брать будет, с руки человека — никогда. Такое часто случается. Это верный знак, что все напрасно и ястреба следует выпустить. Ну и пусть улетает!.. А если, даже изголодавшись до крайности, измучившись от ужаса, она все равно не тронет мясо и умрет… Что ж, это не первая и не последняя птица, погибшая в «Соколиной лужайке».

«Но существа, с которыми у меня налаживалось понимание, не умирали… Она будет первая?»

Это случилось неожиданно — налетело разом. Видением… Клетка, темный сарай, мясо

с душком… Резкий взмах крыльями. Попытка вырваться, сломать прутья, разорвать клювом путы… Вырваться или умереть!.. «Как и я в родном доме, в этих дамских нарядах, с глупейшим вышиванием в руках…»

Нет, она этого не допустит. Никогда!..

Отец — Ромили отчужденно подумала о лорде Микеле — очень рассердится. На этот раз он, может, даже выпорет ее, как уже грозился. Он, правда, никогда не наказывал дочь. Гувернантка, было дело, отшлепала ее раза два в детстве. До сих пор все ограничивалось выговорами, запрещением покидать свою комнату, не сметь скакать на лошадях, лишением лакомств.

«Теперь он точно выпорет меня. — И на нее нахлынула обида. — Пусть меня накажут, пусть отхлестают за то, что я не могу остаться равнодушной, за то, что мне небезразлична судьба несчастной птицы… Нет, пусть выпорет. Пока еще никто не погиб от ремня…»

Ромили боялась признаться себе в том, что уже приняла решение. Она поступит наперекор отцу. Мысль о том, что за этим последует, заставила ее съежиться. И все равно выхода не было — ей будет стыдно перед самой собой, если отступит и спокойно ляжет в постельку. Если бросит на

произвол судьбы погибающую ястребицу.

Освободила бы ее вчера, как приказал Девин, теперь бы жила спокойно. Ничто бы не волновало, не терзало душу. Нет чтобы отцу раньше заглянуть в сарай и сразу наказать ее за непослушание. Теперь, когда она занялась этим верином, когда привязалась к нему, это будет слишком жестоко. Потом непонятно, почему должна страдать птица? Разве она способна осознать, зачем ей целый день совали мясо, а затем вдруг бросили? Разве ястреб виноват в том, что по каким-то неизвестным причинам от него отказались? Папа каждый раз напоминал ей, что хороший сокольничий никогда не возьмется за дело, которое не сможет закончить. Это будет нечестно по отношению к птице. Той нет дела до мотивов!..

«Если, — решила она, — вдруг случится, что необходимо порвать отношения с человеком и для этого будет веский повод, всегда можно объясниться с ним. Но если так поступить с бессловесным существом, ты нанесешь ему жестокий удар, потому что в этом случае невозможно объяснить ничего».

За всю жизнь Ромили ни разу не слышала, чтобы отец заговаривал о религии или упоминал Бога, за исключением ругательств, но теперь

— судя по тому, что он не раз делился с ней подобными мыслями, — девушка почувствовала, что это правда, что Микел из «Соколиной лужайки» верил в достоинство и честь. Трудно нарушить запрет, однако Ромили была уверена — по какому-то высшему счету она должна поступить так, как учит отец, и даже если ее высекут, он должен знать — наступит день, когда ему, сиятельному лорду, придется согласиться, что поступок его дочери был необходим.

Только так!

Ромили попила воды. Впрок… С голодом можно было справиться, но жажда была настоящей пыткой. Старый Девин, когда начинал работать с ястребом, обычно держал поблизости полное ведро, а Ромили забыла об этом правиле. И где сейчас ночью возьмешь ведро?

Она выскользнула из комнаты. В случае удачи птица сломается еще до рассвета — поест с руки и уснет. Случившийся перерыв довел их обоих до ручки — если ястреб не поест, то погибнет, но даже в этом случае птица должна знать, что человек ее не бросил.

Неожиданно Ромили вернулась в комнату — забыла захватить с собой кремневую зажигалку… Отец или помощник Девина, конечно, унесли

фонарь с собой, а без света ей не обойтись. Гвенис в соседней комнате пошевелилась, зевнула, и Ромили застыла на месте. Няня склонилась к Мэйлине, пощупала ей лоб и вновь откинулась в кресле. В сторону комнаты Ромили она даже не взглянула.

Бесшумно ступая, девушка спустилась по лестнице.

Два сторожевых пса спали у входной двери — Ромили их обоих кликала Буянами. Собаки были вовсе не страшные, не кусачие, они бы не набросились даже на проникшего в дом чужака, но облаяли бы его так, что подняли бы всех домочадцев. Ромили знала псов с той поры, когда они были слепыми кутятами, она выкормила их, поэтому, не стесняясь, отпихнула собак от порога. Буяны открыли глаза, слабо вильнули хвостами и вновь заснули.

Как она и ожидала, света в соколятне не было. В сарае было мрачно, таинственно и жутко, и ей вспомнилась песня — точнее, старинная баллада, которую пела мать. Это было в далеком детстве, песня была захватывающе интересная — в ней говорилось о том, что по ночам, когда поблизости нет людей, птицы начинают переговариваться между собой. Тут Ромили обратила внимание,

что идет на цыпочках, словно надеясь услышать их беседу, однако прирученные птицы уже давным-давно спали на жердочках.

Вокруг стояла чуткая тишина…

А вдруг они умеют общаться мысленно? Ну-у, вряд ли!.. Даже лерони на это не способна, она так и не смогла телепатически связаться с Ромили. К тому же, уверила себя девушка, почти все птицы не обладают лараном, иначе они бы уже давно проснулись, учуяв ее присутствие.

Жуть какая! Сердце так и сжималось от страха. В следующее мгновение Ромили почувствовала прежний смутный ужас, острое чувство голода, режущую печаль, которые полнили душу пойманного верина.

Трясущимися руками девушка зажгла лампу. Папа никогда не поверит, что самка ястреба все-таки съела положенное на обрубок жерди мясо. Нет, пища лежит на прежнем месте. Все знали, что хищники не питаются в темноте. Как же он мог прогнать ее из сарая? Как он мог поддаться гневу, ведь в этом случае птица определенно должна была погибнуть?

Теперь придется начинать все заново. Вот и оставленный кусок мяса на месте. Даже не тронут. Пища уже начала портиться. Ромили замутило.

«Уж будь я ястребом, никогда бы не прикоснулась к этой падали».

Ястребица опять всполошилась, и Ромили, пытаясь успокоить ее, подошла ближе. И правда, после нескольких взмахов птица сложила крылья. Может, потому, что узнала ее? А вдруг неожиданный перерыв и в самом деле даст ей шанс? Что, если это пернатое существо о чем-то догадалось, прониклось ее отчаянием, смятением, обидой, которые она испытала во время разговора с отцом? Девушка скоро и умело натянула рукавицу, отрезала свежий кусок мяса от туши, лежащей поодаль, и протянула его ястребу. Но и на этот раз мерзкий запах ударил ей в ноздри.

Уж не вернулась ли к ней способность слиться мыслями с ястребом? Уж не его ли покоробил запах несвежего мяса?.. Их взгляды встретились — на этот раз желтые, с черными точками глаза хищника показались особенно большими. Все неожиданно сместилось — пространство сжалось до крайности, ограничилось обрубком жерди, ремнями, опутавшими ноги и не дающими взлететь, и еще неким существом, которое пыталось насильно впихнуть какую-то грязную падаль, совершенно несъедобную… Еще секунда, и со-

знание вновь расщепилось — Ромили увидела себя не умеющим говорить младенцем, усаженным на высокий стул, рядом няня, пытающаяся всунуть ей в рот ложку с противной кашей. Что ей оставалось делать? Только сопротивляться и исходить в крике…

Содрогаясь от этого воспоминания, от прикосновения к чуждой душе, она отступила. Уронила на пол мясо… Неужели в памяти птицы останется только эта пытка, эта жестокость, с которой человек обращался с ней? Пусть лучше улетает — если ястреб погибнет, Ромили не сможет жить с такой тяжестью в душе… «Неужели все животные, которых мы приручили, так же ненавидят нас? Почему бы и нет, ведь, дрессируя собак и лошадей, люди применяют куда более дьявольские методы по сравнению с методами воспитания детей… Тот, кто отлавливает птиц, опутывает им ноги и привязывает к жердям, чем он лучше насильника, издевающегося над женщинами?..»

Неожиданно птица свалилась с жерди и повисла вниз головой. Ромили бросилась вперед, вновь посадила ее на палку, помогла справиться со слабостью, подождала, пока ястреб не усядется поудобнее.

Потом она долго стояла, затаив дыхание, — так

страшно было еще раз всполошить несчастного ястреба. В голове у девушки сталкивались и боролись мысли двух таких чуждых сознаний. На гнев и ярость, терзающие ее, она старалась ответить терпением, миролюбием, пониманием… Припоминала, как совсем недавно охотилась со своим любимым ястребом… Его глазами с огромной вышины глянула на землю — радость свободного полета, желание схватить добычу охватили ее…

Ромили знала, что эта птица доставит ей еще большее наслаждение… Между ними в конце концов возникнет доверие, завяжется дружба…

Все эти чувства невозможно, немыслимо выразить в словах. С чем можно сравнить удовлетворение, испытанное девушкой, когда любимая сука приволокла к ее ногам своих первых щенков? Любовь собаки была сродни тому согревающему душу благоговению, которое она питала к отцу. Как дороги ей были его редкие похвалы! Как гордилась ими девушка!.. Даже когда приручали жеребца, когда из сознания животного потоком хлестали боль и ужас, все равно где-то на донышке всегда жила возможность любви, понимания, нерушимого доверия, которое возникало между всадником и скакуном. Когда они мчались во весь опор, Ромили полностью отдавалась скачке

— так же, впрочем, как и лошадь. В такие минуты они становились единым целым.

Нет, приручение и дрессировка — это не пытка. В этом есть сила, но нет насилия… По крайней мере, не большее, чем усилие няни заставить маленького ребенка есть кашу. Пусть она сначала кажется невкусной, пусть ничего не хочется, кроме молока. Потому что нельзя, после того как прорезались зубы, питаться только молоком, ибо ребенок вырастет хилым и болезненным. Он нуждается в твердой и более грубой пище. Затем ребенка — хочет он или нет — учат есть самостоятельно, учат одеваться, заправлять постель. Потом следует наука обращения с ножом и вилкой. Без этих навыков не обойтись.

Ястреб опять забил крыльями, и на этот раз Ромили страстно и тихо зашептала:

— Доверься мне, моя хорошая. Скоро ты опять будешь свободна, взлетишь высоко-высоко. Мы вместе будем охотиться, ты и я. Мы подружимся… Ты не будешь рабыней, а я — хозяйкой, клянусь тебе.

Она наполнила сознание птицы ощущениями свободного полета — внизу проплывал лес, солнце вольно светило в чистом небе. Ромили попыталась пробудить в ее сознании память о

самой последней охоте — вот она спиралью падает вниз, бьет жертву, потом большими кусками глотает кровавые куски… И следом опять ее посетило неослабевающее чувство голода, ощущение все увеличивающейся слабости. Голод доводил до безумия — вот оно, дымящееся мясо, хлынувшая кровь… Девушку едва не вырвало, так сильны были эмоции птицы; вместе с тем необорим был запах тухлятины — от него просто спасу не было.

— Тебе надо поесть, ты должна вырасти сильной. Ты такая красивая, такая совершенная… настоящая пречиоза…[6] — Ромили раз за разом принялась ласково нашептывать: — Пречиоза, Пречиоза… Так и буду тебя звать. Это будет твое имя… Ты очень хочешь есть, тебе надо еще расти, Пречиоза, мы будем вместе охотиться, но сначала ты должна довериться мне и поесть… Я очень этого хочу, поешь, птица. Я очень люблю тебя и хочу, чтобы ты разделила со мной это чувство, но прежде ты должна научиться есть с моей руки… Поешь, Пречиоза, моя хорошая, драгоценная моя. Какая ты красавица! Почему ты не хочешь отведать этот кусочек? На вид он совсем свеженький. Только не умирай, я умоляю тебя!

---

[6] notes: 6
Ласковое обращение: «дорогая».

Долгие часы провела девушка возле слабеющего ястреба, и все это время между ними шла напряженная борьба. Взмахи крыльев с каждым разом становились все слабее. Муки голода были нестерпимы — Ромили тоже едва справлялась с приступами боли. Ястреб по-прежнему холодно и отрешенно смотрел на человека, все так же ярко золотились ободки вокруг черных зрачков, все та же ненависть жила в них. Все то же отчаяние терзало душу девушки.

Приближался критический момент — если сейчас птица откажется от пищи, то все пропало. Она не съела ни кусочка с того самого часа, как попала в сети, а с тех пор прошло ни много ни мало четыре часа.

Может, отец был прав и женщине не пристало заниматься мужскими делами… Не под силу ей это…

На ум пришло мгновение, когда она впервые мысленно перевоплотилась в ястреба и взглянула на себя, Ромили Макаран, глазами птицы. Вновь страх и отчаяние затопили душу, и тут же эти страсти смешались с ее собственными — если эта птица погибнет, у Ромили самой не будет будущего. Что ей тогда останется? Вышивание гладью, обычный удел женщины… Она почувствовала,

что ожидающая ее темница куда страшнее той, в которой очутилась ястребица. У нее по крайней мере есть шанс вновь взмахнуть крыльями, взлететь в небо, глянуть с высоты на землю — она же, Ромили, окажется приговоренной пожизненно. Ей уже не видать свободы…

Нет, лучше умереть, чем быть вечной узницей!

«Но ведь должен быть выход! Как же найти его?»

Она не имеет права отступить, не имеет права позволить хищнику взять верх. Она происходит из благородного рода Макаранов, унаследовала великий дар. Неужели уступить какой-то ястребице? Ромили не позволит птице погибнуть… нет, не пернатому созданию, не «какой-то ястребице», но Пречиозе. Она очень любит ее и будет бороться за ее жизнь, не щадя себя…

Ромили еще раз осторожно и бесстрашно вторглась в сознание пернатого… На мгновение ей почудилось, что ястребица взбесится от ярости, но в этот миг ее привлек запах пищи, лежащей на рукавице.

Ромили ощутила волнение птицы… «Да-да, ешь, ешь, тебе нужно вырасти большой и сильной…» Опять подступила тошнота. «Ей так хочется поесть, ей так хочется довериться мне, но этот

запах! Она не может это есть; еще чуть-чуть, и будет поздно, ну что тут поделаешь… Она же не стервятник…»

Ромили впала в отчаяние. Она захватила на кухне самое свежее мясо, но прошло слишком много времени; ястребица уже начала доверяться ей и могла бы взять пищу с рукавицы… если она найдет что-нибудь, что действительно можно есть… Крысы шуршали в соломе, и птица внимательно прислушивалась к этим шорохам. Девушка вновь почувствовала себя ястребом — это была добыча! Свежатина!..

Приближался рассвет, в щелях двери забрезжило, внутрь сарая проникла сумрачная влажная серость. Зачирикали птички в саду, под крышей заворковали рассаженные по клеткам голуби; жаренные, они были на редкость вкусны — ими угощали важных гостей и больных. «Голубятник очень рассердится на меня. Мне строго-настрого заказано касаться голубей без разрешения…» Эта мысль не остановила девушку — так свербило где-то в самой глубине сознания. Все равно, семь бед, один ответ! Голодный спазм перехватил желудок… Ромили швырнула кусок несвежего мяса, вырезанного из тушки рогатого кролика, на навозную кучу — он сгниет там или его сожрет

какой-нибудь любитель падали. Может, пес не побрезгует, они такие простаки… Девушка сунула руку в клетку — там сразу поднялась суматоха, — пальцы наткнулись на что-то мягкое, оперенное, отчаянно заверещавшее… Сердце наполнилось волнением, ноги задрожали, Ромили совладала с собой, не сробела — она выросла в деревне, видела и не такое. Голубь отчаянно забился у нее в руке. Ромили свернула ему шею и положила тушку на уже натянутую рукавицу. Следом целенаправленно послала в сторону Пречиозы мысленный сигнал.

На мгновение девушке показалось, что ястребица и на этот раз взорвется в припадке ярости. Ромили едва не заплакала от обиды… Неожиданно птица наклонила голову, глянула на тушку и ударила ее клювом так быстро, что Ромили даже не заметила, только руку отбросило. Хлынула кровь… И слезы!.. Птица еще раз так же стремительно ударила и принялась есть.

Теперь Ромили зарыдала громко, взахлеб. Она едва могла удержать руку — та ходила ходуном.

— Ой, моя хорошая… — сквозь слезы прошептала девушка. — Красавица ты моя!.. Радость ты моя драгоценная!..

Когда птица насытилась — голод буквально

глодал Ромили изнутри, даже пить не хотелось, только хотя бы что-нибудь, вот такое малюсенькое, положить в рот, — девушка натянула на голову самке колпачок. Пусть Пречиоза поспит, а когда проснется, сразу вспомнит, кто и каким образом ее накормил. Да, только бы не забыть — нужно распорядиться, чтобы Пречиозу кормили только свежатиной; птицы, мыши — все равно, лишь бы еще теплые. Что поделать, этот порядок придется ввести до той поры, пока сама ястребица не сможет вылететь на охоту. Это случится еще не скоро… С другой стороны, Пречиоза очень умна — Ромили верила в это, — и обучение не займет много времени. Вот что еще мелькнуло в сознании — теперь ястребицу следует приучить, что именно она, Ромили, является источником пищи, эту мысль ей надо вдолбить во что бы то ни стало. Тогда можно и на охоту отправляться…

Рука затекла — девушка скинула перчатку из грубой кожи, тяжелую, едва мнущуюся, и повертела кистью. Уже совсем рассвело, сквозь щели в сарае пробивался утренний свет — значит, она провела здесь всю ночь? Ой, надо бежать домой, сейчас слуги начнут вставать…

Девушка загасила фонарь, повернулась к внезапно распахнувшейся двери. На пороге стоял

Микел, владелец «Соколиной лужайки». Рядом — старый Девин.

— Госпожа Ромили! — удивленно воскликнул Девин. — Вы что, провели здесь всю ночь?

На висках отца запульсировали жилки.

— Ты, негодница!.. Я же приказал тебе отправляться домой. Я разве разрешил тебе остаться? Ты мне вызов бросаешь?! Убирайся отсюда и больше никогда не прикасайся к этому ястребу!

— Ястреб поел! — выкрикнула Ромили. — Я его спасла! Разве это ничего не значит? — На глазах выступили слезы, и, подобно пленной птице, она взорвалась от гнева: — Пусть меня выпорют, если тебе так хочется! Если тебе так важно, чтобы я чувствовала себя благородной дамой, а птице позволила погибнуть!.. Если так должны поступать знатные леди, клянусь тебе, я никогда не стану такой… У меня есть ларан… — Ромили уже не соображала, что говорит. — Не думаю, чтобы боги допустили ошибку, и не зря они наградили меня этим даром. Разве я виновата, что мои братья им не обладают, а во мне живет он полной мерой? И вот пожалуйста, Пречиоза спит, она поела!..

Рыдания заглушили последние слова, девушка бессильно попыталась жестикулировать, потом, не в силах совладать с руками, опустила их.

— Она права, Господи, — тихо сказал старый Девин. — Она не первая из женщин вашего рода, кто получил при рождении дар, и, дайте боги, не последняя…

Макаран метнул на него скользящий взгляд, потом молча шагнул, пощупал спящую ястребицу, чуть взъерошил ей перья.

— Замечательная птица! — наконец выговорил отец. — Как ты ее назвала? Пречиоза?.. А что, хорошее имя… Ладно, ты верно поступила, дочь. — Тут же, словно опомнившись, Микел повысил голос и процедил сквозь зубы: — Немедленно ступай домой, прими ванну, переоденься. Я не желаю, чтобы от моей дочери пахло, как от подзаборной шлюхи. Иди направь ко мне свою служанку и больше не гневи меня! Если я еще раз увижу тебя вне дома…

Девушка торопливо прошмыгнула мимо отца — тот на ходу с силой шлепнул ее. Хотел было придержать и еще раз наподдать, уже от души, однако рука не поднялась, ведь она спасла жизнь такому ястребу! Залюбуешься!..

Микел крикнул вдогонку — изо всех сил, набрав полные легкие воздуха, скорее рявкнул:

— Тебе это даром не пройдет, черт тебя побери, Ромили!..

2

Девушка сидела у окна — уперев подбородок в ладони, локти на подоконнике — и смотрела вдаль.

Исполинское красновато-бурое с кровавым отливом светило стояло высоко. В небе не истаяли еще две мелкие луны, вдоль линии горизонта, изломанной холмами Киллгард, висели облака, чуть ближе, над лесом, сновали птицы. Рядом с Ромили на учебном столике лежала раскрытая тетрадка — левая страница исписана. Девушка решила задачу, вот и ответ… Тут же располагалась еще влажная, аккуратно переписанная страница сентенций из «Книги Мыслей» христофоро[7]. Калинда в стороне что-то недовольно выговаривала Мэйлине — по-видимому, та как всегда неряшливо выполнила задание.

«Сегодня я впервые возьму Пречиозу с собой. Оседлаю Ветрогона, посажу на руку мою красавицу — конечно, надвину колпачок на самые глаза, — пусть привыкает к запаху лошадиного пота, к скачке. Летать ей пока рано, но и этот

---

[7] notes: 7
Монах, монахи, одноименная религия.

день недалек…»

По комнате, пришаркивая на ходу, пробежал Раэль. Калинда укоризненно покачала головой. Ромили вздохнула — совсем избаловали Раэля, испортят мальчишку. Он едва выжил во время болезни, и сегодня в первый раз ему позволили явиться на занятия.

Мальчик сел на место. В классной комнате опять наступила тишина, прерываемая скрипом пера Мэйлины да легким пощелкиванием спиц Калинды — она вязала теплую нательную рубаху для мальчика. Затем еще надо будет заставить мальчика надеть ее.

В глазах Ромили застыла скука. Наконец она повернулась и положила локти на парту, опершись подбородком о ладони, что придавало девушке убитый, чуть плаксивый вид.

В этот момент Мэйлина разразилась проклятьями:

— Черт бы побрал это перо! Так и сыплются кляксы, ну как осенью листья!.. Вот я еще один лист испачкала!

— Потише, потише, Мэйлина, — выговорила ей гувернантка. — Ромили, прочитай вслух максимы, которые я дала тебе переписать из «Книги Мыслей». А ты, Мэйлина, послушай.

Ромили очнулась, сняла локти с парты и чуть громче, чем следовало, чуть заунывней, чем домна Калинда, прочитала:

— «Плохой работник всегда винит инструмент, а не себя».

— Так что выходит, не перо виновато в том, что ты не можешь писать без клякс, — заключила Калинда. Она поднялась и, приблизившись к ученице, поправила перо в ее руке. — Руку надо держать вот так…

— У меня пальцы болят и кисть отваливается, — захныкала Мэйлина. — Зачем мне все это надо — портить глаза? Никто из дочерей лорда «Высоких скал» не умеет ни писать, ни читать, а они уже обручены, и то, что они неграмотны, вовсе не помешало им.

— Тебе следовало бы задуматься о будущем, — строго сказала воспитательница. — Твой отец не желает, чтобы его дочери выросли невежественными, умеющими только штопать, прясть и вышивать. Те, из «Высоких скал», не могут написать на банках: «Яблочное варенье». Куда это годится! Когда я была в твоем возрасте, мне пришлось немало трудиться, чтобы приобрести знания. Твой отец смотрит вперед, ему хватает разума, чтобы понять, что в нынешнее время

благородные девицы должны знать столько же, сколько сыновья лордов. Имей в виду, пока ты не перепишешь страницу без клякс, из-за парты не выйдешь. Ромили, дай-ка я взгляну на твою работу. Вот, можно же все сделать аккуратно!.. Пока я буду проверять решение, Ромили, послушай, как твой братец читает вслух.

Девушка живо поднялась и подсела к Раэлю — все интереснее, чем сидеть и пялиться в окно. Калинда склонилась над плечом Мэйлины, наблюдая, как та со страдальческим видом водит пером по листу. Раэль прижался к сестре, она обняла его и указала пальцем, откуда начинать. Книга была очень старая, девушка сама училась по ней читать, и, наверное, Руйвен и Дарен тоже. Том был прошит еще бабушкой в ту пору, когда ее отец начинал учить буквы. О том свидетельствовала надпись на титульном листе, выполненная большими кособокими литерами: «Книга Микела Макарана». Чернила уже немного выцвели, но все же буквы еще хорошо различались.

— «Лошадь стоит в конюшне, — медленно, торжественно выговорил мальчик. — Птица сидит в гнезде. Птица летит. Дерево растет в лесу. Лодка плывет по воде. Орех на дереве. Мальчик…» — Он нахмурился и, гадая, полувопросительно сказал:

— В амбаре?

Ромили коротко и чуть слышно хохотнула:

— Думаю, он, как и ты, с куда большим удовольствием прибежал бы туда, но это неправильно. Посмотри, какая первая буква? Назови ее.

— «Мальчик на кухне, — мрачно буркнул Раэль. — Хлеб поставлен…» В миске?

— Раэль, ты опять угадываешь. Читай, что написано. Ты же знаешь эту букву.

— «Хлеб поставлен в печь».

— Правильно. Теперь на следующей странице. Отсюда…

— «Повар печет хлеб. Крестьянин…» — Он запнулся, подвигал губами. — Собирает?

— Правильно, продолжай.

— «Крестьянин собирает орехи. Солдат скачет на лошади. Конюх седлает коня». Роми, когда же я научусь читать что-нибудь интересное?

Девушка вновь рассмеялась.

— Когда ты хорошенько запомнишь все буквы. Теперь давай посмотрим твою тетрадь. Так, вот ты написал буквы… А что же они у тебя все вкривь и вкось? Переваливаются с боку на бок, как утки… Они ведь должны стоять ровно, прямо, как солдаты в строю. Вот взгляни на образец, здесь писала Калинда…

Мальчик перевел умоляющий взгляд на старшую сестру.

— Хорошо, я скажу домне Калинде, что ты выполнил задание.

— Мы побежим на конюшню? — шепотом спросил Раэль. — Роми, тебя уже выпороли за то, что ты приручила ястреба? Я слышал, мама говорила отцу, что он обязан принять меры.

«Не сомневаюсь в этом», — подумала Ромили про себя. Обидело другое — леди Люсьела могла бы не вести подобные разговоры при сыне. Мачеха не любила ее.

— Нет, — также тихо ответила девушка. — Меня и пальцем не тронули; папа сказал, что я поступила правильно. Если бы не я, мы бы потеряли верина, это очень редкая и дорогая птица, а наша ястребица почти умирала от голода.

— Как же тебе удалось? Можно я тоже когда-нибудь приручу ястреба? Они такие страшные, просто жуть берет…

Последнюю фразу мальчик произнес громче, и домна Калинда тут же подняла голову.

— Раэль, Ромили, вы там занимаетесь?

— Да, местра[8], — вежливо ответила Ромили. —

---

[8] notes: 8
Уважительное обращение к пожилой женщине.

Он уже закончил. Прочитал две страницы — и всего раз ошибся.

— Ты же знаешь, Ромили, что недопустимо перешептываться и хихикать, когда занимаешься делом, — устало сказала гувернантка. — Раэль, покажи мне свою письменную работу.

Увидев корявые буквы, она нахмурилась.

— О, какой ужас! Такой большой мальчик, как ты, должен писать аккуратно и красиво. Садись и возьми ручку.

— Я не могу, — надулся Раэль. — У меня голова болит.

— Если у тебя болит голова, то мне придется сказать твоей матери, что тебе сегодня не следует кататься верхом.

Она едва заметно улыбнулась.

Раэль помрачнел и вновь уселся за парту, что-то буркнув про себя, схватил ручку и начал переписывать буквы. Вскоре, сам того не замечая, высунул кончик языка…

— Мэйлина, ступай и отмой пальцы от чернил. Ромили, принеси свое вышивание… Захвати также сестрино, — распорядилась воспитательница и склонилась над мальчиком.

Ромили с мрачным видом направилась к буфету и достала с полки две корзинки с вышиванием.

Девушка вздохнула — с ручкой она научилась управляться, почерк у нее ровный, красивый, а вот иголку в руках держать не могла.

— Сейчас я еще раз покажу вам новый шов, — сказала Калинда и, не выдержав, зажала руку мальчика своими пальцами, пытаясь выровнять выводимые буквы.

Тут Ромили укололась иголкой и ойкнула.

— Это просто позор, Ромили. Тебе уже скоро пятнадцать, совсем невеста, а не можешь научиться обращаться с иголкой… Ну, Раэль, если очень постараешься, то все может получиться куда лучше, поверь мне!..

— Может, лучше оставить его в покое? — робко заметила Ромили.

Калинда метнула на нее недоуменный взгляд, потом вновь занялась мальчиком.

— Ну, что ты здесь написал?

Ромили приблизилась и осторожно заглянула в тетрадь. Написанное сразило ее, как, впрочем, и гувернантку.

«Я очень хочу, чтобы мой брат Руйвен вернулся домой».

— Немедленно порви это! Быстро!.. — приказала Калинда, и, не дожидаясь исполнения, сама вырвала листок и смяла его. — Если твой отец

увидит… Ты же знаешь, он строго-настрого запретил упоминать его имя. Он забыт, его больше не существует.

— Я не упоминал, — ответил мальчик. — Я просто написал, что пришло в голову. Все равно он мой брат, и я буду говорить то, что хочу. Руйвен, Руйвен, Руйвен — ты где?

— Тихо, тихо, Раэль! — воскликнула Калинда. — Мы все… — Она словно споткнулась и замолчала, однако Ромили ясно услышала, как воспитательница закончила фразу про себя: «Мы все скучаем по Руйвену». Уже понизив голос, Калинда добавила: — Хорошо, можешь закончить с правописанием и заняться верховой ездой.

Раэль тут же зашвырнул букварь в парту и помчался к двери. Ромили с завистью поглядела ему вслед, потом с мрачным видом принялась разглядывать вышивание. После долгой паузы Калинда наконец подала голос:

— Конечно, ребенку трудно понять… Ваш брат Дарен приедет домой в середине лета. И то хорошо — Раэль очень скучает по нему. Теперь, Ромили, следи за моими пальцами — клади стежки вот так. Три раза вокруг иголки и протягивай. И протягивай… Вот видишь, когда захочешь, у тебя получается очень неплохо.

— Ну, так шить легко. Просто удовольствие!.. — поделилась Мэйлина, разглядывая наполовину вышитый рисунок, под ее ловкими пальчиками уже почти раскрылся яркий цветок.

— Как тебе не стыдно, Ромили? Мэйлина уже успела вышить с дюжину наволочек для приданого. Теперь она подрубает простыни…

— Послушайте, — сказала Ромили и отошла к стене. — Разве я нуждаюсь в вышитых наволочках? На диванных подушках сидят, а не разглядывают, что на них вышито. Мне кажется, когда я выйду замуж, пусть лучше муж смотрит на меня, а не на вышитые цветы на простынях.

Мэйлина хихикнула и покраснела. Калинда воскликнула:

— Что ты говоришь, Ромили! Это же просто ужас какой-то!.. — Потом она вдруг улыбнулась. — Когда у тебя будет собственный дом, ты поймешь, как важно наполнить его красивыми вещами.

«В чем я лично глубоко сомневаюсь», — решила Ромили и вновь взяла пяльцы. Мэйлина между тем занялась отделкой узорчатой каймы — здесь золотые нити переплетались с ярко-синими.

Да, это хорошо, согласилась Ромили, глядя на ловкие пальчики сестры, но почему этому придается такое большое значение? И сколько

приходится тратить сил! Конечно, даже подседельная подушка должна выглядеть красиво. И попона тоже… И колпачок для ястреба, но зачем все это пышное разноцветье, эти бьющие в глаза крупные распустившиеся бутоны? Вот что ей не по душе.

— Ты пропускаешь мимо ушей все, что я тебе говорю, — попеняла воспитательница. — Я поговорю с лордом Микелом — может, наш домоуправитель даст тебе уроки по ведению приходо-расходной книги, а может, ты освоишь с ним более сложные расчеты. Ты быстро решила задачу. Тебе действительно надо учиться, развивать свой умишко, он у тебя очень даже приспособлен к усвоению знаний.

— Брать уроки у управляющего? — раздался голос от порога. — Это полная чепуха, местра. Ромили уже взрослая девица, чтобы оставлять ее наедине с мужчиной. Тут пахнет скандалом. И что за нужда для леди уметь вести бухгалтерские книги?!

Ромили подняла голову — ее мачеха Люсьела вошла в классную комнату.

— Если я научусь разбираться в подсчетах, — ответила Ромили, — я могу быть уверена, что никакой бесчестный слуга не обманет меня.

Люсьела улыбнулась. Это была маленькая полная женщина, волосы ее чуть вились. Одета она была так нарядно, словно получила приглашение от королевы на чаепитие в саду.

— Моя приемная дочь, думаю, нам удастся найти тебе такого мужа, чтобы ты не испытывала необходимости в подобном контроле за слугами. — Она наклонилась и поцеловала Мэйлину в пухлую щечку, потом похлопала Ромили по голове. — Что, Раэль уже убежал заниматься верховой ездой? Надеюсь, солнце сегодня не такое яркое и не повредит ему. — Женщина вгляделась в вышивку Ромили. — О дорогая, это никуда не годится! Дай-ка мне иголку, дитя, ты держишь ее словно скребницу для лошадей. Смотри, иголочку следует держать вот так. Видишь? Теперь мы сделаем аккуратный узелочек — это же очень просто, стоит только правильно взять иголочку.

Ромили кивнула. Домна Люсьела по отношению к старшей падчерице была сама доброта, только она никак не могла взять в толк, почему та совсем не похожа на Мэйлину. Разве что лицом, да и то сходство очень отдаленное.

— Ну-ка, сделай еще один стежок, а я посмотрю. Старайся делать, как я…

Ромили тут же оттопырила мизинец.

— Вот видишь, так намного лучше. Я же знаю, ты очень способная, и пальчики у тебя ловкие, надо только захотеть и заставить их трудиться. Твои письменные работы выглядят куда лучше, чем у Мэйлины, только тебе не хватает терпения и старания. Калинда, — обратилась она к гувернантке, — я пришла спросить, не пора ли сделать перерыв? Кстати, Раэль уже ускакал из усадьбы? Ну, хорошо, мне, собственно, нужны только девушки. Надо разобраться с платьями для верховой езды, они понадобятся, когда к нам приедут гости на Праздник середины лета.

Мэйлина взвизгнула от восторга.

— У меня будет новое платье, матушка? А какого цвета? Оно будет из бархата, как у настоящих леди?..

— Нет, моя дорогая, твое сшито из габардина. Бархатное — тяжелое и предназначено для более старших, — ответила Люсьела.

Мэйлина недовольно заворчала:

— Все-то мне достается что похуже. Все платья грубые, сшитые из лоскутьев. Да еще мешковатые, огромные…

— А ты вырастай побыстрее, — мягко ответила Люсьела. — Какой смысл нынче шить тебе по мерке, когда ты так быстро растешь? К тому же

ты самая младшая в семье, так что радуйся, что на этот раз тебе сошьют новое платье. Тебе бы следовало донашивать за Ромили, вот только, как за ней ни следи, она в несколько месяцев превращает добротную одежду в кучу тряпья, которое и молочнице-то носить не к лицу.

— Лошадь предназначена, чтобы скакать, а не для того, чтобы влезть на нее в пышном наряде и жеманно улыбаться конюху, — сказала Ромили.

— Ах ты дрянь! — Мэйлина поджала губы и ткнула локтем сестру в бок. — Да на тебя, как на палку от метлы, никто и не взглянет.

— А уж на тебя, хрюшку, все будут пялиться! — огрызнулась Ромили. — Только не рассчитывай на мои обноски, потому что так разъелась на медовых пирожных, что ничего на тебя не налезет. Никак мимо кухни пройти не можешь!..

— Девочки! Девочки! — всполошилась Люсьела. — Нельзя же так. Что за выражения? Я пришла попросить, чтобы вас освободили на сегодня от занятий, а вы что затеяли? Желаете целый день провести в классной комнате?

— Конечно нет, матушка, — быстро согласилась Ромили.

В свою очередь Мэйлина угрюмо буркнула:

— А пусть она не обижает меня.

— Нет-нет, никто не будет тебя обижать, — поспешила заверить ее Люсьела. — Пойдемте, пойдемте, портнихи уже заждались.

— Я вам больше не нужна, ваи домна? — спросила Калинда.

— Нет, можете отдохнуть, местра. Мне кажется, вам просто необходимо перевести дух после утра, проведенного с моим выводком. Только сначала пошлите слугу — пусть посмотрит, как там Раэль. Ему тоже надо примерить новый камзол, но это потом. После верховой езды…

Сердце Ромили, когда она спускалась за приемной матерью в комнату, где их ждали портнихи, сжималось от самых мрачных предчувствий.

Комната представляла собой светлый, наполненный воздухом зал. Широкие окна, вдоль стен и по углам зеленеющие плодовые деревья — и никаких комнатных цветов! Леди Люсьела была практичная женщина и повсюду разводила исключительно полезные растения: целебные травы, пряности, овощные культуры. Ее вкусы и круг интересов едва ли заходил дальше рассуждений об оборках и кружевах, и после нескольких столкновений по этим вопросам, которые позволила себе Ромили, ей пришлось прикусить язычок. Вот почему девушка с тревогой ожидала,

что же такое соорудили портнихи под руководством мачехи. Но когда она увидела свой наряд — темно-зеленый бархат, искусно подогнанный, подчеркивающий стройность ее фигуры; никаких украшений, кроме белого воротничка; цвет очень подходит к ее серо-зеленым глазам и медного тона волосам, — сердце зашлось от радости.

— Ой, как красиво! — Ромили всплеснула руками. — Даже не верится, что это для меня.

— Конечно, дорогуша, ты же должна быть прилично одетой, когда поедешь на охоту. Ты не можешь быть хуже других, когда на Праздник середины лета приедут гости из «Высоких скал», — сказала Люсьела. — Им надо будет показать, какая ты замечательная наездница. Я думаю, тебе следует ездить на более подходящей для дамы лошади, чем старый Ветрогон, пусть даже ты и приручила его. Я уже подсказала Микелу, чтобы он подобрал тебе коня.

Изумление падчерицы развеселило Люсьелу. Девушка помогала отцу объезжать трех чудесных, черных, как ночная мгла, скакунов, доставленных из ленартских поместий. Именно эти кони стали украшением конюшни «Соколиной лужайки». Неужели отец позволит ей оседлать одного из этих красавцев! Девушка на мгновение

представила себя восседающей на вороном жеребце с Пречиозой на руке — и непроизвольно бросилась к Люсьеле. Крепко обняла стареющую женщину, чем несколько перепугала ее.

— О, благодарю, благодарю вас, приемная матушка!

— Какая радость видеть тебя столь похожей на благородную даму, — сказала Люсьела и улыбнулась, увидев Ромили в новом платье. — Теперь сними его, дорогая, платье еще надо дошить. Дара, Дара, — обратилась она к швее, которая поправляла наряд на полной груди Мэйлины, — здесь чуть отпусти и здесь — неприлично молодой девушке выставлять на обозрение все свои округлости.

Мэйлина надулась.

— Ну почему все мои платья болтаются как мешки? Что я, ребенок, что ли? Вон у меня какая фигура, не то что у Ромили.

— Конечно, — согласилась старшая сестра, — титьки у тебя, как у деревенских девок. Ты вполне можешь наняться в кормилицы. — Она критически оглядела округлую фигуру сестры. Та огрызнулась:

— Любое платье висит на тебе, как на вешалке. Ты можешь обойтись старыми штанами Дарена. И так выглядишь как мальчишка, особенно в

мужских кожаных бриджах. Совсем как одна из этих… из Ордена Меча…

— Ну, девочки, — миролюбиво сказала Люсьела. — Ромили, не смейся над сестрой, она растет куда быстрее, чем ты, — в этом все дело. И ты, Мэйлина, веди себя потише — Ромили уже выросла, и ваш отец вполне определенно выразился, что ей уже не к лицу скакать на лошади по-мужски, тем более носить штаны и сапоги. Она теперь станет настоящей леди, на которую во время летнего праздника будут любоваться гости из «Высоких скал». О-о, здесь устроят соколиную охоту и собачий гон… Возможно, сам Алдаран из Скатфелла с сыновьями и дочерьми явится сюда и даже господа из «Сторновых высот».

Мэйлина завизжала от удовольствия — обе дочери Скатфелла были ее ближайшими подругами. В зимнее время, когда снежные заносы отрезали «Соколиную лужайку» от дома Скатфеллов и «Высоких скал», они не могли видеться. Ромили, в общем-то, было все равно — Джесами и Джеральда были ее ровесницами, однако во всем походили на Мэйлину, такие же сочные и полные… До смерти пугались лошадей, на которых они ездили, и заботились больше о нарядах для верховой езды и орнаментах, украшавших седла,

чем о самих скакунах или мастерстве выездки. Старший сын владельца «Высоких скал» был одних лет с Руйвеном, они были лучшими друзьями. Люди из Сторна все взрослые, большинство из них женаты. Наедут с детьми…

Может, ей выпадет удача участвовать в скачках вместе с отцом и Дареном, который тоже приедет домой из монастыря Неварсин? Может, позволят в первый раз выпустить в полет Пречиозу?.. Собственно, это даже не плохо, если при гостях она будет носить женские наряды и скакать в дамском седле. Действительно, зачем на праздник надевать сапоги и бриджи, подшитые кожей? Гости побудут и разъедутся, а Ромили докажет, что является примерной дочерью. Она и в дамском седле не подкачает — сидит в нем как влитая. Пусть мачеха и отец порадуются… Кто знает, может, подобное послушание зачтется?

Что-то напевая про себя, девушка вернулась в свою комнату, чтобы переодеться. Ромили собиралась пойти на конюшню, вывести Ветрогона — заодно можно присмотреться к вороным скакунам. Может, и в самом деле взять с собой Раэля, когда отправится прогуливать Пречиозу — та будет сидеть на луке седла на длинной бечевке? С собой придется захватить кусочки мяса, чтобы

вовремя награждать ее. Как иначе можно выдрессировать хищную птицу?.. В комнате она сразу принялась разыскивать сапоги и бриджи, доставшиеся ей от Руйвена, однако их нигде не было.

Она хлопнула в ладошки, чтобы подозвать служанку, убиравшуюся в ее помещении. На звук появилась старая Гвенис.

— Няня, в чем дело? Где моя одежда для верховой езды?

— Твой отец строго-настрого наказал, — ответила Гвенис, — а леди Люсьела добавила, чтобы я немедленно выбросила бриджи и рубаху. Они до того износились, что и для мальчишки, помощника Девина, уже не годятся. Пока твои новые наряды не будут готовы, ты можешь надеть старые платья, моя радость. — Она указала на юбку и блузку, разложенные на кровати. — Если хочешь, девочка, я помогу тебе одеться.

— Ты все выбросила? — рассвирепела Ромили. — Да как ты посмела?!

— Зачем бранишь меня, любовь моя! Разве могла я не подчиниться леди Люсьеле? Сама подумай… А что, юбочка вполне тебе к лицу, даже если и немного будет жать в талии. Посмотри, я еще вчера, как только леди Люсьела приказала, все приготовила.

— Как я могу скакать на Ветрогоне в этом? — Ромили смяла одежду в комок и швырнула в угол комнаты. — Он не приучен к дамскому седлу. Я тоже ненавижу его! Верни мне бриджи!.. — бушевала девушка, но няня с печальным видом покачала головой.

— Я не могу, моя хорошая, твой отец строго-настрого наказал… Больше тебе не придется скакать в мужских штанах. Пришло время, тебе же в самый канун летнего праздника стукнет пятнадцать, мы уже должны подумать о женитьбе. Ну какой мужчина захочет взять в жены девчонку-сорванца, которая мчится на коне в мужских штанах, словно шлюха или одна из этих сумасшедших из Ордена! Послушай, Ромили, это же просто неприлично. Такая большая девочка — а что выделываешь? Убегаешь из дома и всю ночь торчишь в соколятнике!.. Тебе пора понять, что ты благородного происхождения и у тебя масса обязанностей. Теперь, если желаешь прокатиться на коне, одевайся как подобает. И не мели больше глупый вздор.

Ромили со страхом глянула на старую нянюшку. Вот какое наказание выдумал отец! Куда более тяжкое, чем порка, куда более жестокое… К тому же ей было хорошо известно, что приказы

отца никогда не оспаривались. И против чего в этом случае можно протестовать?.. Против юбки? Глупо… Все вроде по справедливости. Пришла пора забыть ребячьи забавы… Что здесь можно возразить? И то, что подобное решение было сродни тому, как она поступила с пойманной птицей, впервые пришло ей в голову. Вот и ее начали приручать, вот она, если так можно выразиться, дрессировка. И все вроде по обычаю, по установлениям древних, никем и никогда не оспариваемых…

«Лучше бы он выпорол меня. Наконец, он должен был напрямую поговорить со мной. Ведь я тоже человек!.. А не отдавать меня в руки Люсьелы, чтобы дать ей возможность сделать из меня настоящую даму…»

— Этот наряд испугает моего коня! — крикнула Ромили. — Он меня и близко к себе не подпустит. Я его не надену!

Она принялась пинать ногами ненавистные тряпки.

— Вот и хорошо, моя радость. Лучше останься дома. Зачем тебе эти скачки? Пора вести себя как юная благородная дама, — примиряюще сказала Гвенис. — Ты и так слишком долго торчишь на конюшне, надо заняться и домашними делами.

Пусть с ястребами и лошадьми возятся твои братья.

Пораженная, Ромили едва проглотила комок, застрявший в горле, посмотрела сначала на нянюшку, потом на раскиданную по полу одежду.

— Что-то подобное я ожидала от Люсьелы, она ненавидит меня. Так можно обращаться с Мэйлиной, не понимающей, что такое настоящий конь. Но я никак не могу поверить, что и ты с ними заодно, няня!

— Твои упреки несправедливы! — уныло пожаловалась Гвенис. — Как ты можешь так говорить о своей мачехе?! Послушай, Ромили, я редко встречала женщину, которая бы по-доброму относилась ко взрослым падчерицам. Чтобы благородная дама одевала приемных дочерей лучше себя, да еще при этом сознавала, что вы обе куда более красивы, чем она?.. Зная, что наследником является Дарен, а ее сыну не на что рассчитывать и ему будет уготована судьба недестро?[9] Я такую не встречала. Послушай, Ромили, твоя мать тоже бы выбросила мужские штаны из твоей спальни, она бы никогда не позволила тебе гонять сломя голову по лесам и ущельям. Как ты можешь гово-

---

[9] notes: 9
Внебрачный отпрыск.

рить, что леди Люсьела ненавидит тебя?!

Ромили по-прежнему упорно смотрела в пол. Взгляд ее буквально ел одежду. Как ни крути, а няня была права: вряд ли кто относился к ней с такой добротой, как Люсьела. Было бы куда лучше, если бы она открыто выказала свою ненависть. А так что она может поделать против доброты? Против нее не попрешь, не поборешься, а что там внутри — кого это интересует…

«Она меня в конце концов придушит своей заботой, и я ничего не смогу поделать».

Пречиоза напрасно будет ждать ее — неужели Гвенис всерьез думает, что она оставит ястребицу на попечение этого ленивого подростка? Или даже самого Девина?..

«Так что же делать? Разорвать все в клочья? То-то радость будет Люсьеле! Как же, заботишься о ней, заботишься — и все напрасно. Никакой, мол, управы на Ромили нет. Тут же найдут управу. И кто от этого выиграет?»

Трясущимися от ярости руками девушка принялась натягивать ненавистную габардиновую юбку. Ничего, что жмет в талии — Ромили холодно отвергла попытки Гвенис помочь ей. Лучше скакать в этом идиотском наряде, чем бросить верховую езду! Однако пусть они не думают, что

она так легко сдастся.

Она еще им покажет! Даже в этих тряпках.

Закипая от злости, Ромили спустилась во двор, направилась в конюшню. Рядом стояла соколятня… Раза два она споткнулась, запутавшись в длинной юбке. Как же дамы ходят в подобных одеждах?! Мелкими шажками, степенно? Она тоже попыталась так пройти и тут же снова споткнулась. Да, подложила ей свинью Люсьела… Подманила нарядным бархатным платьем, а потом лицом в грязь. И ударчик подсластила — послала вместо себя Гвенис. Какая деликатность! Даже словом не обмолвилась, что бриджи и сапоги тю-тю!..

В соколятне Ромили первым делом натянула охотничью перчатку, потом подошла к жерди, на которой сидела привязанная Пречиоза, и усадила ее на запястье. Погладила ястребицу по груди специально приготовленным для этой цели перышком — руками птичьего оперенья касаться нельзя. Пречиоза почувствовала ласковые прикосновения и пошевелилась. Девушка едва удерживала руку — все-таки ястребица грузная, тяжелая птица. Ромили начала успокаивать ее, потом положила руку, на которой сидела Пречиоза, на подпорку. Наконец подозвала к себе Кера:

— Приготовил свежее мясо для Пречиозы?

— Да, дамисела. У меня есть голубь, ему только что свернули шею. Я его специально отложил для ястреба. Всего-то минут десять прошло, — ответил парень, и Ромили недоверчиво понюхала тушку, затем подвесила ее к поясу.

Птица, почуяв запах, вновь заволновалась, задвигалась. Ромили направилась к выходу, длинный подол мешал идти нормальным шагом. Девушка вышла во двор, освободила ястреба, потом покрутила приманкой над головой. Пречиоза встрепенулась и, внезапно сильно оттолкнув руку хозяйки, ударила крыльями, взлетела в небо и уже оттуда камнем пала на добычу, брошенную на булыжники двора. Ромили тут же оттащила ястребицу, потом свистнула в особый свисток и позволила хищнику несколько раз клюнуть добычу.

Очень важно было научить ястреба подчиняться этому сигналу — в ее сознании этот звук должен был соединиться с разрешением наброситься на добычу. Пречиоза, взлетев, вновь уселась на руку Ромили. Девушка протянула голубя Керу и сказала:

— Теперь ты. Я хочу посмотреть, как она летает.

Тот послушно взял приманку, тоже покрутил ею над головой; вновь Ромили сняла колпачок — Пречиоза взмыла в небо и по свистку пала на тушку. Этот прием был повторен дважды, потом Ромили позволила птице доклевать голубя. Наконец, водрузив на голову хищника черный колпачок, отнесла ее в сарай и там посадила на жердь. Снова и снова она принялась ласкать Пречиозу перышком, шептала глупые, но такие приятные слова, хвалила ее. Их сознания опять слились, и Ромили отчетливо ощутила, как приятны молодой птице эти знаки внимания. Так проходило обучение… Уже недалек был день, когда ястреб отправится в свободный полет, сам будет искать добычу и возвращаться к хозяину…

— Ступай и оседлай Ветрогона, — приказала Ромили и угрюмо добавила: — Приготовь дамское седло.

Парень отвел глаза в сторону.

— Простите, дамисела, ваш отец распорядился… Такой сердитый он был…

Ага, вот еще добавок к выброшенным бриджам и сапогам. Конечно, все это вместе куда человечнее, чем варварская порка. Отец никогда бы не додумался до этого — здесь чувствуется опытная пухленькая ручка. Так и кладет стежок за стеж-

ком… Ромили воочию увидела эту сцену — вот Люсьела жалуется отцу: такая большая девушка, а часами не вылезает из конюшни, и от соколов ее не оторвать. Ты ей все прощаешь, смотри, если что случится!.. А случится обязательно, и даже если не случится, то сколько будет разговоров. Не лучше ли мне заняться ею, я быстро сделаю из нее настоящую даму…

Ромили уже почти была готова броситься на слугу, гнев застил глаза… Потом опомнилась. Ну и ладно, все равно любому уважающему себя скакуну дамское седло оскорбительно. Ветрогон просто не дастся… Вот и Пречиоза, почуяв, что хозяйка на грани взрыва, тоже взъерепенилась. Девушка усилием воли подавила злость и спокойно сказала:

— Хорошо, оседлай кобылу.

Как бы там ни было, а она сегодня обязательно проедется с Пречиозой — пусть та привыкает и к рыси, и к галопу. В любом случае лучше заняться делом, чем дуться от бессильной ярости.

Пока Ромили скакала верхом, она без конца размышляла над своим положением. Мысли были хлесткие, ясные… Обратиться к отцу? Бесполезно… В этом деле он во всем положился на Люсьелу. Новый наряд для верховой езды сразу

прояснил направление, в котором дует ветер. Как ни крути, но очевидно, что недалек день, когда ей совсем будет запрещено садиться на лошадь. Все будет обделано аккуратненько — Люсьела заявит, что отец желает подобрать ей достойную коняшку. И ездить она должна по-дамски, мелкой рысцой; а сидя на дамском седле, нельзя будет возить с собой ястреба — там нет на передней луке приспособления, на которое можно было бы посадить Пречиозу. Следующим шагом будет попытка уговорить ее вообще не появляться на конюшне и в соколятнике, потом и совсем запретят — Люсьела заявит, что благородной даме там делать нечего. Ей только надо приказать, и оседланную кобылу подведут к крыльцу.

Что Ромили сможет с этим поделать? Она же еще несовершеннолетняя — пятнадцать исполнится только летом.

Зачем в таком случае боги наградили ее лараном, если только мужчинам дано свободно пользоваться этим даром? Ромили едва не заплакала. Почему она не родилась мужчиной? Вот, к примеру, если спросить Люсьелу об этом, то ответ будет дан немедленно. Зачем, переспросит она, женщине этот дар? Ну конечно для того, чтобы передать его сыновьям.

Значит, она всего лишь некий передаточный механизм для переноса дара от неизвестного мужа к его сыновьям? Она много раз задумывалась о детях — ей очень хотелось иметь таких симпатичных карапузов. Припомнился Раэль, когда он был еще совсем малыш. Такой пухленький, с очаровательными складочками на ручках и ножках, слюнявый, улыбающийся… Похожий на куколку… Но отказаться от всего, что составляло ее жизнь — а значит, от самой себя, — не выходить за порог дома, превратиться в ленивую, отъевшуюся бабу, какой стала Люсьела, заниматься исключительно детьми?.. Слишком высокая цена — даже за такую замечательную награду, как ребятишки. Ромили неожиданно разрыдалась — тут же выругала себя за слабость, ведь ее сомнения тотчас передадутся лошади и ястребу. Нет, нюни распускать нельзя!..

Ей следует выждать. Не терять голову. Возможно, когда отец остынет, ему самому станет не по себе — тогда и следует попытаться втолковать ему всю бессмысленность подобного обращения с дочерью. Внезапно у Ромили родилась идея — на праздники, за несколько недель до середины лета, в «Соколиную лужайку» вернется Дарен. Он хорошо к ней относится, к тому же он законный

наследник поместья, может, он встанет на ее сторону и повлияет на отца? Ромили на скаку погладила ястребицу перышком — пусть успокоится, жизнь не такая уж плохая штука, чтобы по каждому поводу взмахивать крыльями, — и, развернув кобылу, помчалась домой. В сердце затеплилась надежда…

3

За десять дней до Праздника середины лета, в канун дня рождения Ромили, в «Соколиную лужайку» вернулся Дарен.

Первым увидел приближавшихся всадников Раэль — в это время вся семья завтракала на воздухе. Погода стояла прекрасная, и с террасы открывалась широкая панорама. Вся обширная долина Кадарина была как на ладони. Раэль в тот момент как раз потянулся за вторым куском хлеба с медом. На мягкие попреки матери, что ему бы следовало не вертеться, вести себя за столом прилично, он без слов отвернулся от стола и положил хлеб на перила ограды. В этом месте над балконом нависали редкие ветки иви — огромного дерева, верхушка которого возвышалась над крышей замка.

— Мама, взгляни-ка, — позвал мальчик. — Там какие-то всадники поднимаются вверх по тропинке. Они направляются сюда, разве не так? Папа, ты их видишь?

Макаран нахмурился, поднял чашку.

— Тихо, Раэль. Я же разговариваю с твоей матерью. Нехорошо перебивать взрослых…

— Это же Дарен! — теперь уже вскрикнула Ромили и подбежала к перилам. — Я узнаю его лошадь. Я встречу его внизу!..

— Ромили! Сядь на место и доешь, — начала Люсьела, но девушка уже мчалась к выходу.

Толстые косы били по плечам. Вот уже позади длинный пролет лестницы. Сзади послышался дробный перестук каблуков Раэля. Она засмеялась, представив застывшую с разведенными руками Люсьелу: «Что за безобразие? Ну зачем же так скакать?» На ходу девушка облизала липкие от меда пальцы и выскочила во двор. Тут ее догнал Раэль — мальчик подбежал к входным воротам и с разбегу повис на них. Его звонкий голосок сразу начал созывать слуг, чтобы те поскорее раздвинули створки.

— Там мой брат Дарен — он уже совсем близко… Ну, что же вы!..

Тут же набежали радостно возбужденные слуги, принялись вытаскивать брусья, с помощью которых на ночь запирали ворота. С внешней стороны уже долетало лошадиное ржание. Раэль без конца распоряжался, мешался под ногами. Как только тяжелые створки начали расползаться, он выскользнул за ворота и принялся махать руками.

— Это же Дарен. С ним еще кто-то… Ромили, взгляни. Побежим, встретим их!..

Но сестра внезапно остановилась, смутилась. Как-то сразу ей стали мешать косы, отброшенные за спину, грязные пальцы и рот. Она быстро вытерла руки о шкуру вертевшегося у ног дворового пса, потом достала платок и, послюнявив его край, стала тереть щеки и подбородок. Что за блажь на нее накатила? Почему вдруг подобные пустяки взволновали ее?.. Разве только из-за Дарена или еще и друг его, пока невиденный, незнакомый, смутил ее?.. Наконец всадники въехали во двор. Дарен спешился, и Раэль бросился ему на шею, повис, затараторил что-то быстро, глотая звуки — не разберешь… Старший брат засмеялся, обнял мальчика, затем направился к Ромили и обнял ее.

— Как ты вытянулась, уже совсем невеста…

— У нее скоро день рождения!.. — выпалил Раэль. — Что ты ей привез?

Дарен рассмеялся. Он был высок и строен, тонок в талии. Рыжие волосы завивались в кудряшки — словно папаха, надвинутая на глаза. Лицо бледно, по-видимому, от долгих занятий в монастыре Святого Валентина в Снегах, на которых ему приходилось просиживать часами.

— Я совсем забыл, что у тебя день рождения, сестра, — признался Дарен. — Ты меня не забыла? А подарок к празднику я все-таки везу.

— Для меня самый лучший подарок — твой приезд, — ответила Ромили, и легкая тень грусти мелькнула на лице. Она любила Дарена, но Руйвен был ей куда ближе. Однако он больше никогда не вернется домой. Никогда, никогда… Ненависть к проклятым Башням, которые похитили у нее брата, всколыхнулась в душе. Даже слезы на глаза выступили…

— Папа и Люсьела завтракают, — сообщила она. — Поднимемся на балкон, Дарен? Прикажи коридому[10], чтобы он распаковал сумы и отнес вещи в твою комнату.

Она схватила брата за руку и уже было совсем поволокла к лестнице, однако тот осторожно высвободил руку и повернулся к своему спутнику, который уже слез с коня и отдал поводья слуге.

— Прежде я хочу познакомить тебя с моим другом, — сказал он и, вернувшись, подтащил незнакомца поближе к сестре. — Алдерик из Кастамира… Старшая из моих сестер Ромили…

Молодой человек был еще выше Дарена, его

---

[10] notes: 10
Управляющему.

темно-рыжие как медь волосы приблескивали на кончиках золотистыми светлыми искорками. Глаза серые, глубоко посаженные, лоб высокий, чистый… Одет он был бедновато, не в пример разряженному Дарену. Тот как законный наследник «Соколиной лужайки» был облачен в бархатный, украшенный вышивкой и меховой опушкой камзол. На плечах Алдерика болтался поношенный плащ — создавалось впечатление, что этим нарядом пользовался еще его отец, а то и дедушка. Местами были видны искусно наложенные заплаты.

«Значит, он нашел друга из числа тех парней, что беднее его. Он и сюда его привез потому, что молодому человеку не по средствам отправиться домой. Дарен очень добр…»

Она тоже вмиг прониклась участием к бедному послушнику и доброжелательно сказала:

— Добро пожаловать, дом[11] Алдерик. Давайте поднимемся наверх, я познакомлю вас с родителями. Мы все вместе позавтракаем… Герин, — обратилась она к коридому, — перенесите вещи брата в его комнату, а багаж дома Алдерика в красный зал. Пока… Потом леди Люсьела выде-

---

[11] notes: 11
Уважительное обращение к мужчине.

лит ему помещение, хотелось бы, чтобы поближе к комнате Дарена.

— Вот отлично. Пойдем! — воскликнул Дарен и, подхватив сестру под руку, поволок друга к лестнице. — Раэль, тебя-то я уже тащить не могу — беги вперед, пожалуйста!

— Он так скучал по тебе, — сказала Ромили. — И по… — Она уже совсем было выговорила имя Руйвена, но в присутствии чужого человека не следовало касаться семейных дел; у нее с Дареном еще будет время для беседы.

Наконец они вышли на террасу, и Дарен тут же угодил в объятия Мэйлины. Ромили в свою очередь представила Алдерика из Кастамира отцу.

Старший Макаран учтиво сказал:

— Добро пожаловать в наш дом, парень. Друг моего сына — друг дома. Вы не родственник Валдрина Кастамира из Хайгарта? Мы вместе служили в гвардии короля Рафаэля еще до того, как король был предательски убит.

— Дальний, сэр, — ответил Алдерик. — Вы, верно, не знаете, что лорд Валдрин погиб. Его замок со всеми домочадцами был сожжен клингфайром…[12] Сэр Валдрин предоставил убежище

---

[12] notes: 12

Клингфайр — огненная смесь, изготовляемая лерони, способна прожигать материю и плоть.

Каролину на пути в изгнание…

Микел Макаран от неожиданности даже сглотнул.

— Валдрин мертв? Мы были закадычные друзья и даже бредины[13]. К сожалению, он всегда отличался некоторой недальновидностью, что в общем-то свойственно всем, кто лезет в дела сильных мира сего.

— Я с гордостью вспоминаю о лорде Валдрине. Он до конца исполнил свой долг и остался верен законному монарху.

— Долг, честь! — горько усмехнулся Микел. — Честь не избавляет от смерти… Ладно бы он сам, а то и невинных утянул за собой. Велика ли в этом честь для его жены и детей? Сомневаюсь… Погибнуть заживо сожженным! Как будто свары правителей касаются меня или любого другого уважаемого человека!

Ромили заметила, что Алдерик едва удержался, чтобы не ответить резко на это замечание. Однако юноша сумел сдержаться, помедлил немного и склонился в поклоне. Прилично ли с первой же минуты возражать хозяину?.. Потом Алдерику представили Мэйлину — та жеманно улыбну-

---

[13] notes: 13
Побратимы.

лась гостю. Ромили с презрением наблюдала за сестрой — и эта туда же! Решила, по-видимому, испробовать на нем силу своих чар, даже поношенная одежда не остановила ее. Видимо, Дарен имел намерение подкормить друга после постных блюд в Неварсине — вон он какой худой, совсем скелет. Да, на каше и холодной воде не растолстеешь!..

Мэйлина между тем продолжала ворковать:

— …И люди из «Сторновых высот» приедут, и дети дома Алдарана из Скатфелла. И все-все уже расписано — вечеринки, охота с гончими, с ястребами и вечер танцев. — Она поморгала, глядя на Алдерика, и добавила: — Вы умеете танцевать, дом Алдерик?

— Да, но танцевать мне приходилось все больше в детстве, — ответил тот. — Я разучивал пляски, которые исполняют во время зимних холодов бродячие монахи и послушники, но ожидаю, что вы, дамисела, научите меня другим танцам. — Он поклонился ей, потом Ромили, но тут Мэйлина поспешно заметила:

— О, Ромили вовсе не танцует с мужчинами — ей приятнее проводить время на конюшне. Куда большее удовольствие вы доставите ей, если пожелаете взглянуть на собак и ястребов.

— Мэйлина, тебе пора заняться уроками, — сладким, многозначительным голосом пропела леди Люсьела. В нем так и слышалось: я с тобой потом поговорю. Следом, обращаясь к гостю, добавила: — Простите ее, дом Алдерик, она еще совсем ребенок.

Мэйлина вспыхнула и выбежала с террасы. Алдерик улыбнулся Ромили и заметил:

— Я куда уютнее чувствую себя в компании собак и ястребов, чем с женщинами. Я так полагаю, что одна из лошадей, на которых мы приехали из Неварсина, ваша?

— Она принадлежит… — начал Дарен, но тут же, заметив, что отец нахмурился, вывернулся: — …нашему родственнику. Он оставил ее в Неварсине, чтобы мы доставили ее сюда.

Ромили заметила, что Дарен и Алдерик переглянулись. Ей стало ясно, что гость все знает. Как далеко, с горечью подумала девушка, расползлись слухи о том, что приключилось с Руйвеном!

— Ромили, — подал голос отец, — не пора ли тебе заняться уроками с госпожой Калиндой?

— Вы же обещали, что в день рождения я буду свободна от занятий! — Она оборотилась к леди Люсьеле, и та очень учтиво и грациозно подтвердила:

— Да, так и было — по-видимому, ты желаешь провести этот день с братом. Если он не против — пожалуйста…

Ромили опустила глаза и тихо попросила:

— Я бы хотела показать ему нового верина.

— Ромили сама его обучает! — выкрикнул Раэль.

Отец нахмурился, а мальчик с прежним воодушевлением продолжил:

— Когда Девин был болен, она всю ночь провела возле ястреба и все-таки добилась, чтобы он поел с ее руки. Старик сказал, что даже папа не смог бы сделать лучше ее.

— Ай! — жестко откликнулся отец. — Твоя сестра, Дарен, занимается тем, чем следовало бы заняться тебе. Ты мог бы поучиться у нее, как обращаться с животными. И храбрости ей не занимать. Родись ты девчонкой, а она парнем, то тогда бы тебе пришлось носить юбки и проводить дни за вязанием и вышивкой.

Дарен неожиданно запустил пятерню в свою густую красивую шевелюру.

— Зачем высмеивать меня в присутствии друга, отец? Я готов поклясться, что и так делаю все от меня зависящее. Но я есть то, кем меня сотворили боги, ни больше ни меньше. Рогатому кролику во-

век не стать боевым конем, а если он возомнит о себе что-либо подобное, то станет посмешищем.

— И это все, чему обучили тебя эти чертовы монахи?

— Они научили меня верно понимать свое призвание, реально оценивать свои силы, — ответил Дарен, и Ромили заметила, как в его глазах блеснули слезы. — И вот что еще, отец. Конечно, я ни в чем не могу перечить тебе. Я подчиняюсь твоей воле и постараюсь исполнить ее как можно лучше. Со всеми своими недостатками…

Он на мгновение примолк, а Ромили ясно услышала продолжение его мысли — брат едва не назвал имя, которое было запрещено произносить в «Соколиной лужайке». «Моя беда, что я не Руйвен и не могу, как он, покинуть этот дом».

От удивления Микел открыл рот. Ромили готова была поклясться, что он услышал эти непроизнесенные слова. Отец закашлял, потом с мрачным видом сказал:

— Ладно, Роми, покажи брату ястреба. Возможно, ему станет стыдно, что девочка справилась с такой птицей.

Дарен собрался что-то ответить, но Ромили тут же дернула его за рукав, словно уговаривая — давай-ка лучше побежим поскорее, пока он не

передумал. Девушка так сильно акцентировала эти мысли, что Дарен на мгновение опешил, потом, справившись со смущением, обратился к другу:

— Пойдем, Алдерик. Надеюсь, ястребы тебя не утомят.

Тот ответил что-то подобающее, вежливо поклонился лорду Микелу и леди Люсьеле, и они втроем ушли с террасы.

Последние несколько дней Пречиоза уже жила на жердях, где сбилась компания прирученных ястребов. В сарае, двигаясь бесшумно и осторожно, с охотничьей рукавицей на руке, Ромили приблизилась и взяла птицу, а затем вернулась к молодым людям.

— Вот она, Пречиоза, — не скрывая гордости, представила Ромили свою любимицу. — Не хочешь подержать ее, пока я схожу за приманкой? Ей пора привыкать к чужим рукам и голосу.

Как только она шагнула к брату, тот невольно отшатнулся, и Ромили, почувствовав его страх, сразу принялась успокаивать встрепенувшуюся было Пречиозу. Начала поглаживать ее перышком… Потом тихо сказала:

— Никогда не делай резких движений в присутствии ястреба — тебе бы следовало знать это!

Ты можешь напугать его, а кто-то решит, что ты сам испугался.

— Прямо… Испугался! — ответил Дарен. — Просто я не привык находиться рядом с такой огромной и страшной птицей. — Он поджал губы.

— Пречиоза страшная? Да что ты! Она очень добрая и покладистая, — удивилась Ромили, потом обратилась к Керу: — Ну-ка принеси приманку. — Когда он доставил ее, Ромили осмотрела и понюхала мясо. — Это ты даешь ястребам? Ты что, считаешь их пожирателями падали? Даже собаки не станут есть подобную тухлятину. Я же приказала, чтобы Пречиозе давали только свежее мясо — и пусть это будут мыши, если на кухне нет ничего лучшего. Но чтобы кормить птицу подобной гадостью!..

— Госпожа, сам Девин отложил эти куски!

Ромили уже совсем было собралась задать ему взбучку, но в этот момент Пречиоза насторожилась, завозилась у нее на руке. Девушка глубоко вздохнула и, взяв себя в руки, спокойно сказала:

— Я поговорю с Девином. Напомню, что такой падалью нельзя кормить ястребов. А теперь ступай и принеси мне свежатины. Если нет голубя, то возьми собаку и налови мышей или крыс. И

побыстрее!..

Как только Кер убежал, Дарен заметил:

— Я смотрю, тренировка ястребов выработала у тебя командирский тон. Да и собой ты научилась владеть — это очень полезное качество!

— Я бы хотела, чтобы отец услышал твои слова, — сказала Ромили, продолжая тем временем гладить перышком ястребицу. — Птицы похожи на детей, они чутко воспринимают внутреннее состояние каждого, кто находится поблизости. Это факт. Помнишь, когда Раэль был совсем маленьким, Люсьеле пришлось прогнать его кормилицу — уже не помню, как ее звали, то ли Марья, то ли Мойра, что-то в этом духе. Одним словом, у нее утонул старший мальчик, и всякий раз, когда она видела Раэля, сразу принималась плакать, а у младенца начинались колики… Вот тогда Гвенис и пришла к нам.

— Дело не только в этом, — заметил Алдерик, когда все они вышли на вымощенный камнем двор. — Суть в ларане. Как я слышал, впервые он ярко проявился у Деллереев и Макаранов… Ощущения слияния сознаний ястреба, лошади или караульных птиц… Это и помогло им обучать животных… Еще во время войны, которая велась в царствование короля Феликса. В роду Деллереев

это было связано с какой-то ненормальностью, какой-то несущий смерть ген орудовал в их наследственном аппарате, поэтому их род вымер, а у Макаранов этот дар до сих пор передается по наследству.

Дарен криво усмехнулся:

— Я уже просил тебя, дружище, не упоминать о ларане, если тебя может услышать мой отец.

— Ну, он не похож на человека, с которым можно разговаривать только о цветах, сожалея о том, что выпавший снег способен погубить их, — усмехнулся Алдерик. — С детских лет я слышал рассказы о лошадях, объезженных Макаранами. Это были самые лучшие скакуны в мире, и дом Микел один из самых знаменитых лордов рода Макаранов. Я уверен, он обо всем прекрасно осведомлен.

— Возможно, но он ни разу не обмолвился об этом, — ответил Дарен. — Особенно с тех пор, как Руйвен ударился в бега, он вообще и слышать не желает о ларане. Я не порицаю брата — нет… хотя кое-кто утверждает, что я от этого только выиграл. Что хорошего в раздорах? Когда-нибудь мы поплатимся за это… За то, что не сумели сохранить мир в семье. Ромили… пока отца нет поблизости, я скажу тебе, а ты тайком передашь

Мэйлине… Думаю, Раэлю говорить не стоит, он слишком мал, брякнет еще что-нибудь невпопад. Я получил письмо от Руйвена — у него все в порядке; работа, которой он занимается, ему нравится. Он даже счастлив!.. Брат посылает нам всем привет и пишет, что всех любит, целует вас… издалека, так сказать. Он просит меня еще раз поговорить с отцом, когда выпадет удобный момент.

— Скорее яблоки созреют на ледяных утесах Неварсина, — покачала головой Ромили. — Ты же знаешь его…

— Сестра, — сказал Дарен, — пусть я не так силен в телепатии, как ты, чтобы разобрать его мысли, однако разгневался он крепко.

Ромили недоверчиво взглянула на брата.

— Неужели ты не слышишь того, что возникает в чужой голове? Ну, невысказанное слово, чувства… Ты что, не способен на это?

Юноша медленно покраснел, опустил глаза.

— Именно так, сестричка, — ответил он, и Ромили отвела взгляд. Она даже предположить не могла; она была уверена, что все ее родственники наделены этим даром. Она глянула на Девина, который пересекал двор.

— Как же ты, верный друг, распорядился кор-

мить ястребов отбросами с кухни? — Девушка указала на чан, который принес Кер.

Девин приблизился, поднял кусок мяса, понюхал. Его лицо вытянулось.

— Этот негодяй принес это? Он никогда не станет хорошим сокольничим. В общем-то я послал его на кухню, поскольку леди Люсьела сказала, что слишком много голубей идет на приманку. Не думал, что этот лентяй не наловит мышей. Ну совсем обнаглел, лодырь!..

В разговор вступил Алдерик:

— Можно, я поглажу ее? — Ромили передала ему перышко. Молодой человек принялся осторожно водить им по роскошному оперению огромной самки. — Да, очень красиво! Настоящий верин!.. Их не так-то просто держать при усадьбе, хотя я и не пытался… Это совсем не то, что выведенные в соколятне, совсем другой толк… Он был дикий? Кто же его приручил?

Ромили потупилась, щеки ее покраснели от удовольствия, и она ответила тихо, едва слышно:

— Я. Мы и теперь трудимся вместе. Птица еще ни разу не была выпущена в свободный полет.

— Ты?! Девушка? Но почему? Разве сам Макаран не смог бы? Хотя, конечно, ты же из его рода. Какое-то время я жил в Башне, там мне тоже

встречались женщины, сумевшие приручить веринов. Одной, самой искусной в обращении с птицами, так и говорили: «Ну, ты настоящая Макаран!»

— Разве в Башне жил кто-нибудь из нашего рода? — спросила Ромили. — Вроде бы все родичи мне известны, и там не могло быть наших родственников. Правда, пока мой брат не сбежал туда…

— Нет, это просто пословица такая. Я слышал ее от отца, а тот от своего отца. Чуть что, они приговаривали: настоящий Макаран!.. Или: ну, у этого парня донас[14] Макаранов.

Ромили обратила внимание, что гость употребил древнее, отличавшее особую касту слово «донас», а не принятое на Киллгардских холмах «ларан».

В этот момент Алдерик поинтересовался:

— Как я заметил, ваш отец не очень-то рад, что его сын оказался в Башне. Очень многие знатные господа почли бы за честь…

Дарен горько улыбнулся:

— Я не способен работать с животными — нет у меня этих способностей, а те слабенькие, что

---

[14] notes: 14
То же самое, что ларан.

перешли по наследству, сохранились только благодаря обучению. А то бы они тоже угасли. Пока Руйвен был наследником, это не имело значения; в этом случае меня определили бы в монастырь, я был счастлив, если бы меня посвятили в Братство. Теперь все перевернулось — ныне отец и слышать не хочет о Неварсине, где якобы его сына сбили с толку.

— У тебя же есть третий брат! — пожал плечами Алдерик. — Тот мальчик, который бросился тебя встречать. Недестро. Он что, слабоумный? Почему бы отцу не позволить тебе уйти в монастырь Святого Валентина в Снегах или в более отдаленный — Святого Рафаэля, а ему передать по наследству титул и поместье? Раэль, кажется, так ты называл его… Взгляни хотя бы на госпожу Ромили. Разве она не могла бы стать здесь хозяйкой?.. — Он учтиво поклонился девушке, улыбнулся, и та вспыхнула.

Дарен скривил губы.

— Ты не знаешь моего отца, — ответил он и пристально глянул на сестру, которая, онемев от высказанного только что Алдериком предположения, смотрела на того, приоткрыв рот. Неужели это он всерьез и она вправе занять место Руйвена?

— Госпожа Ромили, — подал голос Девин, — я принес свежую приманку для вашего ястреба. Одна из кухарок как раз разделывала дичь для жаркого на обед и позволила мне взять кусок. Я распорядился, чтобы каждое утро на кухне откладывали свежайшие потроха для вашего ястреба… Этот растяпа Кер взял то, что было выделено позавчера для собак. Несчастный дурень засмотрелся на красоток на кухне и совсем потерял голову. Забыл попросить свежее мясо. Никогда он не станет мастером. Клянусь, я выгоню его обратно в секал[15], а в подмастерья возьму господина Раэля.

Ромили хихикнула:

— То-то Люсьена взовьется! — Потом, приняв серьезный вид, добавила, обращаясь к старику: — Это верно, пусть Кер займется свиньями или на худой конец присматривает за собаками. Неужели в поместье нельзя найти мальчишку, который бы справился с ястребами?

Девин невесело усмехнулся, задумался, потом сказал:

— Разве что попытаться взять сына Нельды Гариса? Вообще-то его мать в подоле принесла и кто его отец, неизвестно. По крайней мере, помал-

---

[15] notes: 15
Деревня.

кивают… Со зверями он обходится запросто. Если присмотреть за ним… Однажды я Предложил Нельде усыновить его, но она такая гордячка… Попросил сэра Микела, чтобы Гарис занимался вместе с господином Раэлем, но наша госпожа Люсьела не позволила — что это еще за новости: из свинарника да за учебники! Нечего!..

— Тебе, должно быть, известно, что леди Люсьела слышит только то, что желает слышать, — сказала Ромили. — Возможно, что всякий незаконнорожденный подобен блохе, которую, если вовремя не пришибить… — Она пощупала кусок мяса.

В этот момент Пречиоза завозилась на руке, начала переступать с ноги на ногу.

— Черт возьми! Дарен, не мог бы ты подержать ее? Если нет, то, Бога ради, убери приманку — она уже учуяла ее и каждую секунду может взбеситься.

— Можно я подержу, если только вы доверяете мне, — попросил Алдерик и протянул руку. — Иди ко мне, моя хорошая. У-у, какие мы красавицы!.. — Он осторожно пересадил ястреба на свое запястье. — Почему ты назвала ее Пречиозой? Потому что она такая драгоценная?..

Ромили ревниво следила, как огромная птица

с колпачком на голове, переступив пару раз, наконец удобно устроилась на руке гостя; потом девушка занялась приманкой — обвязала ее бечевкой. Задача была в том, чтобы не позволить Пречиозе слишком быстро съесть мясо, а броситься на него только тогда, когда приманка упадет на землю, как поступают все хорошо обученные птицы. Те же ястребы, которым не хватало навыков, начинали раздирать мясо еще в воздухе. Дело в том, что добычу хищник должен приносить хозяину в целости и сохранности и терпеливо ждать, пока тот не угостит его из рук.

— Дай-ка мне приманку и конец веревки, — попросил Дарен. — Если уж ни на что не годен, то уж мясо-то я смогу покрутить.

Ромили порадовали его слова — что он тут стоит как столб? Вот и нашел себе дело…

— Спасибо. Ты куда выше меня, тебе сподручнее раскрутить приманку, — сказала она и вновь взяла Пречиозу.

Свободной рукой сняла колпачок с головы птицы и подбросила его вверх. Тросик, которым была привязана Пречиоза, размотался в мгновение ока… Ромили следила за ястребом, задрав голову. Пречиоза, заметив вращающийся в воздухе кусок мяса, внезапно сложила крылья и пала

на приманку, вцепилась в нее когтями, ударила клювом и тут же мягко опустилась у самых ног Ромили. Девушка подула в свисток — резкий, высокий звук. С его помощью еда связывалась в сознании птицы с сигналом. Затем Ромили вновь посадила птицу на руку и наградила маленьким кусочком мяса.

Ястребица моментально проглотила его и, склонив голову, уставилась на приманку, лежащую на плитах двора. Чтобы удобнее видеть, она переступила боком и вцепилась когтями в не защищенное перчаткой место на руке. Ромили отчаянно сжала челюсти, чтобы не закричать от боли, но, как только на ткани выступила кровь, Дарен испуганно вскрикнул:

— Ой, сестра!..

Пречиоза вздрогнула и, потеряв равновесие, соскочила с руки. Она успела расправить крылья, одно из которых хлестнуло Дарена по лицу. Ромили попыталась подхватить ее, однако в это мгновение Дарен панически заорал. Он принялся отбиваться руками, обнаружив перед самым своим носом огромные когти и клюв. Птица, в свою очередь, еще раз взмахнула крыльями и взмыла вверх. Тросик мгновенно размотался и натянулся, ястреб издал гневный крик.

— Черт тебя побери, Дарен! Что ты орешь, руками машешь?.. Ты же мог повредить ей перья. Разве ты не слыхал, что рядом с ястребом нельзя шуметь и дергаться? Ты же до смерти напугал ее, — сжав челюсти, прошипела Ромили.

Дарен, запинаясь, пробормотал:

— У тебя же… у тебя кровь!..

— Ну и что?

Девушка отпихнула его здоровой рукой и принялась свистом подзывать Пречиозу.

— Лучше бы я взяла с собой Раэля, а не тебя, неумеху. Ступай отсюда!

— Ну и наследник у меня! — раздался голос лорда Микела.

Он вышел из-за двери сарая, откуда, невидимый, наблюдал за молодыми людьми. Даже в гневе он говорил очень тихо — Микел не хотел еще больше пугать ястреба. Насупив густые брови, лорд Макаран угрюмо наблюдал, как ловко Ромили подтягивает тросик. Вот наконец девушка посадила Пречиозу на запястье. Тут хозяин поместья опять не выдержал:

— Тебе не стыдно, Дарен, стоять и смотреть, как девчонка управляется с ястребом? А ведь ей этот дар не нужен, его должен был унаследовать ты. Однако, зная твою мать, готов поклясться, что

твоим отцом является какой-нибудь безродный бродяга… Боже правый, за что ты наказал меня таким сыном?

Он шагнул к молодым людям, схватил сына за руку и втащил в сарай. Дарен тут же принялся истошно вопить. Ромили сжала зубы и вжала голову в плечи, словно ощущала побои, которые достались Дарену.

— Теперь ступай во двор и веди себя как мужчина. Возьми ястреба!.. Нет, не так, черт тебя побери! Что у тебя за руки? Только и способны, что держать перо да бумагу марать. Теперь упражняйся с ним, и, если увижу, что ты опять струсил, клянусь, я прибью тебя, а потом посажу на хлеб и воду, как это было, когда тебе исполнилось столько же лет, как и Раэлю.

Алдерик побелел, сжал челюсти и молча рассматривал свои руки. Ромили вновь обвязала приманку, гость тут же начал вращать ее над головой. Девушка, закинув голову, следила, как ястребица кругами набирает высоту. Они старались не смотреть на Дарена — это было все, чем они могли помочь ему.

Ромили между тем размышляла: «В конце концов, брат все-таки старается. Возможно, это требует куда больше мужества, чем то, что я де-

лаю, бросая вызов отцу. У меня дар, и я занимаюсь тем, что мне свойственно от природы, а Дарену приходится преодолевать себя… — Слезы подступили к глазам, но плакать было бесполезно. Этим Дарену не помочь. Никто не в состоянии подсобить ему, кроме его самого. И где-то в глубине души Ромили ощутила презрение к брату. — Что же он за рохля, даже такое простое дело не может осилить!»

4

Ромили не удалось в числе первых встретить съезжавшихся на праздник гостей. День выдался замечательный — небо чистое, лишь кое-где у горизонта легкими прозрачными перышками скользили редкие облачка. Целых три дня не было ни дождя, ни снега, и на дворе распустились цветы. Проснувшись, она потянулась в кровати, потом замерла. От предчувствий даже дух захватывало, ведь сегодня она впервые пустит Пречиозу в свободный полет.

Это испытание было самым главным как для ястреба, так и для охотника. Слишком часто случалось так, что птица, освобожденная от пут, взмывала в небо, набирала высоту, скрывалась в сизых облаках — и не возвращалась. Особенно не везло с веринами — те, почуяв свободу, напрочь забывали все уроки. Жажда воли была неодолима… Кто мог гарантировать, что и Пречиоза не поступит так же?..

Нет, эта птица обязательно вернется — Ромили верила в это. Девушка скинула ночную рубашку и посмотрела на охотничий костюм — платье из зеленого бархата, которое было сшито по указанию

мачехи. Наряд был разложен на кресле, однако Ромили надела ношеную блузку и старые бриджи Дарена. Пусть рассердится отец, пусть Люсьела будет бросать в ее сторону косые взгляды, она не может испортить первую охоту с Пречиозой, дразня ее непривычной одеждой или, что еще хуже, постоянно боясь в первый же день испортить такое дорогое платье.

Ромили открыла дверь и только было собралась выйти в коридор, как споткнулась о корзину, стоящую у ее порога. В ней лежали подарки, которые мужчины семьи обычно дарили матерям, сестрам, дочерям. Отец ее на этот раз был очень щедр — Ромили втащила корзину в комнату, порылась в ней, достала яблоко и обычные сладости, рассовала все по карманам. Пригодится на охоте… Потом подумала и добавила сладостей, чтобы угостить при случае Дарена и Алдерика. Да, но около двери стояли еще две корзины поменьше. Одна от Дарена? Такая маленькая, неряшливо оклеенная бумажными лентами. Нет, это от Раэля… Как раз такие мальчик пытался развесить в классной комнате. Она снисходительно улыбнулась, разорвала бумагу. Внутри оказалась горсть орехов… Батюшки, он же сэкономил их, не стал доедать десерт. Какой он хороший, ее меньший

братишка! На мгновение она поддалась соблазну — может, и его взять с собой на сегодняшнюю охоту? Потом, поразмыслив, решила не рисковать и не гневать мачеху. Она сделает ему сюрприз попозже — приготовит что-нибудь вкусненькое… Последнюю корзинку девушка не стала трогать.

Ромили вышла в коридор и присоединилась к Дарену и Алдерику, которые ждали ее в дверях. Во дворе уже собралась свора собак. Молодые люди вышли во двор и направились на конюшню.

По пути Дарен сообщил:

— Я сказал отцу, что сегодня утром мы отправимся на охоту с ястребами. Он разрешил тебе, Алдерик, взять его птицу.

— Он очень добр.

— А ты какого возьмешь? — спросила Ромили.

Брат поднял на нее глаза и усмехнулся:

— Ты же знаешь, какой я охотник. Да и не по сердцу мне это развлечение. Если отец в конце концов будет настаивать, чтобы я занялся одним из этих страшилищ, я все равно откажусь, но думаю, по случаю праздника он не станет беспокоить меня.

Юноша произнес это таким горьким тоном, что Алдерик, взглянув на него, сказал:

— Мне кажется, он считает, что тебе это пойдет

на пользу.

— О, не сомневаюсь.

Ромили посадила Пречиозу на луку седла. Села на коня, решив: чему быть, того не миновать, и если отец захочет наказать ее, то, значит, такова судьба. Она покорно склонится перед его волей.

Зато какая радость вновь ощутить прохладный утренний ветерок, отдаться широкой размашистой рыси Ветрогона, чувствовать, как напряглась ястребица. Птица словно бы сознавала, что сегодня ей предстоит что-то необычное.

Всадники поднялись на один из ближайших холмов и огляделись. Облака в небе таяли на глазах. Было тихо, только чуть слышно похрустывал под копытами коней тончайший налет инея.

— Куда мы поскачем, Дарен? — спросил Алдерик. — Ты, должно быть, хорошо знаешь эти места.

Дарен невесело рассмеялся:

— Лучше спроси у Ромили. Какой толк меня пытать?

Удивленная резкостью его тона, девушка подняла глаза и перехватила, взгляд брата, брошенный на друга. Взгляд многозначительный, предостерегающий… Заметив, что сестра насторожилась, он быстро добавил:

— Моя сестричка, лорд Насмешник, лучше меня разбирается в местных охотничьих угодьях и ястребах.

— Лучше всего добраться до дальнего выпаса. Там мы сможем выпустить Пречиозу. Никто не помешает… К тому же там полно птиц и мелких животных — они так и шныряют в зарослях.

Через некоторое время всадники вновь остановились на возвышенности — перед ними открылась широкая, чуть вытянутая холмистая равнина. Густые травы волнами колыхались под свежим утренним ветерком, то тут, то там были разбросаны ягодники, низины заросли кустарником. Невдалеке пасся небольшой табун — лошади спокойно щипали сочную траву. Наступила долгожданная пора, когда все в природе пустилось в рост и, набрав силу, зацвело, заколосилось. Раздолье для насекомых — даже на вершине холма воздух звенел неумолкаемым стрекотом кузнечиков. Вожак табуна захрапел, резко вскинул голову и долго стоял, оглядывал равнину. Зыркнул глазом на всадников, что застыли на холме, потом громко, по-хозяйски, всхрапнул и принялся щипать траву. Люди начали спускаться в долину, и в этот момент маленькая лошадка, что паслась в табуне, вскинула голову, заржав, и

мелкой рысцой поскакала в их сторону. Ромили засмеялась, соскользнула с седла и бросилась ей навстречу. Ростом кобылка была девушке по плечо.

— Это Энжел, — объяснила Ромили спутникам. — Родилась прошлой зимой… Я кормлю ее огрызками яблок — она к ним так привыкла… Нет, нет, Энжел, это мой завтрак. — Ромили принялась отталкивать лошадиную морду, которая упорно лезла в карман. Делать было нечего — девушка обреченно глянула на молодых людей, достала нож и отрезала от яблока маленький кусочек.

— Больше не дам, — чуть построже заявила Ромили, — иначе у тебя разболится живот. — И кобылка, словно догадалась, о чем идет речь, помахала головой и, перебирая стройными ногами, помчалась обратно. — Поторопитесь, иначе старый Винди пристанет к нам, — смеясь, сказала Ромили. — Он пасется где-то здесь. Теперь он совсем постарел, и кобылы не обращают на него никакого внимания. Зубы сточились, уже и траву жевать не может. Его должны были усыпить этой весной, но отец решил — пусть погуляет последнее лето, потешится, надышится свободой, а на пороге зимы уйдет навсегда. Холодов ему уже не

осилить, зачем мучиться…

— Это печальное известие, — откликнулся Дарен. — Мы все учились держаться в седле на этом жеребце. Знаешь, во-от такая широченная спина, едешь как в кресле-качалке. Вон он, гляди. — Юноша показал рукой на дальний угол пастбища, где стоял вороной конь. — Я думаю, отец пожалел его, потому что Руйвен впервые сел на нем в седло… — добавил Дарен.

— Он прожил долгую жизнь, — сказал Алдерик. — В отличие от людей, коней вовремя лишают жизни. Зачем мучить себя и других, когда ты уже совсем дряхл и беспомощен? Или наполовину свихнулся… Если бы людям оказывали подобную милость! С другой стороны, если бы нам была дарована такая поблажка, слишком просто бы решались все трудности и никто бы не считал сидящего ныне в Хали правителя узурпатором, а настоящий король не тешил бы себя в изгнании надеждами…

— Я не понимаю, — вымолвила Ромили. Дарен нахмурился, а Алдерик продолжил:

— Тебе было совсем немного лет, когда умер король Феликс. Вообще-то он прожил что-то око-

ло полутораста лет — одним словом, эммаска![16] Умер старой развалиной и не оставил сыновей. С этого все и началось… Распоряжения о наследнике он не сделал по наущению старшего сына младшего брата. Таким образом, после коронации законного наследника — сына среднего брата — для всяких темных личностей открылось широкое поле для интриг. В результате новый король был свергнут и на трон взошел тот самый сын младшего брата, Рафаэля. Теперь этот бабник, рядом с которым ни одна женщина не может чувствовать себя в безопасности, управляет государством! Плод какой-то мимолетной греховной интриги коронован и восседает на славном троне Хастуров в Большом дворце, в Хали, а законный монарх Каролин с сыновьями прячутся за Кадарином и со страхом ждут, когда какой-нибудь бандит отрубит им головы и положит их к ногам этого «добряка» Ракхела… Что касается меня, я никогда не назову его королем.

— Ты знаком?.. Ты знаком с изгнанным монархом? — спросила брата Ромили.

Дарен кивнул.

— Некоторое время молодой принц жил сре-

---

[16] notes: 16
Бесполое существо, отмечается долголетием.

ди монахов в Неварсине, однако, когда прошел слух, что лорд Ракхел узнал об этом, он покинул монастырь.

— Ты стоишь за молодого принца и… и короля в изгнании? — спросила Ромили.

— Я? Да… Если какой-то хитроумный льстец помог Феликсу освободиться от жизни, которая стала ему в тягость, это его дело. Каролин никогда бы не допустил, чтобы древний святой город, столица Хастуров, превратился в выгребную яму, скопище грязи и непотребства, где ни один человек не отваживается искать справедливости, не раздавая направо и налево взятки, а выскочки из знатных семей и чужаки делят между собой наши земли.

Ромили не ответила — она ничего не знала ни о королях, ни о жизни при дворе. Даже в ближайшем городе, который расположен в предгорьях Нескьи, не бывала. Что уж говорить о побережье озера Хали!.. Она коснулась колпачка, надетого на голову Пречиозы, потом, поколебавшись, из чувства вежливости перед гостем, предложила Алдерику:

— Не желаете ли первым запустить ее?

Молодой человек улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Я думаю, нам всем будет куда интереснее посмотреть, что получится у тебя. И полезнее, потому что ты в этом деле мастер.

Ромили кивнула и сняла шапочку с головы птицы, оглядела богатое оперение Пречиозы.

Час пробил!

Теперь, взволнованно подумала девушка, мы проверим, чему ты научилась, понимая, что сейчас испытывается не только мастерство дрессировщицы, но и, это куда важнее, незримая духовная связь, возникающая между птицей и человеком. Ужалило предчувствие беды — Ромили призналась себе, что не вынесет, если ястребица покинет ее. Она ее так полюбила!.. Сколько беспокойных, утомительных часов провела девушка возле ее жерди! Такое уже случалось — пустят ястреба в полет, и только его и видели. Мысль об этом была невыносима. «Не так ли мучился отец, когда ему сообщили, что Руйвен решил не возвращаться домой?» Все равно этого нельзя избежать. Иначе Пречиоза была бы этакой пестрой занятной игрушкой, точно певчая птичка в клетке, а не охотничьим ястребом, чья стихия — небо, воля, борьба. Слезы подступили к глазам, Ромили крепко сжала челюсти, очень осторожно пересадила Пречиозу на защищенное рукавицей

запястье — ястребица качнулась, потом обрела равновесие и вдруг, в мгновение ока расправив крылья, взмыла вверх.

Пречиоза набирала высоту не спеша, широкими ровными кругами — все ближе и ближе к солнцу. Ромили, закинув голову, не отрываясь наблюдала за ее полетом. В сознании теснились беспокойные мысли — что у нее с крыльями, не ослабли ли они от долгого бездействия, короткие минуты натаски на приманку не в счет. Кажется, все в порядке — ястребица легко и грациозно взмахивала крыльями, потом планировала, распустив перья, чуть покачиваясь. Ромили чувствовала, что сама как бы взмывает над землей, глазами птицы она посматривала с высоты на пастбище, заросли кустарника — там вдали открывалась громадная низина, густо заросшая лесом. Вот и Кадарин — изогнутое серо-стальное лезвие, быстрый могучий поток. Девичье сердце зашлось от радости… Она взлетала все выше, выше…

Ромили тяжело вздохнула. Вот и все — ястребица не вернется. Она почуяла волю, прежний простор, небесное приволье сманили ее…

— Кажется, она улетела, — тихо вымолвил Алдерик. — Ты потеряла ее… Извини, дамисела…

Пустота, боль мешались в душе с недавней радостью. Она все еще верила — не могла даже подумать, то это конец. Вот уже неразличимы взмахи крыльев, Пречиоза на глазах превращалась в точку, теряющуюся в бескрайней сини. Ромили встряхнула головой — вот и точка исчезла… Если ястреб улетел, значит, не было между ними душевного единения. Никогда птица на самом деле не принадлежала ей, и те внезапно проявляющиеся картины, мысленные наплывы, когда ей казалось, что сумела проникнуть в душу ястреба, — всего лишь наваждение, обман, вызванный желанием поверить в то, что она обладает лараном. «Ну что же, — Ромили еще раз вздохнула, — пусть так и будет! Лучше потерять ее, чем держать в неволе».

«Жаль, что отец не видит…» Эта мысль проникла к ней в сознание извне — чужая, сдобренная капелькой радости. Это же Дарен, это он с облегчением смотрел в небо. От этого стало еще горше… Вот еще напасть, зачем ей чужие мысли? Ладно бы этот дар был постоянен и каждую секунду — пусть даже от этого мороз идет по коже — она могла читать чужие мысли. Нет, это наваливалось внезапно, редко, в минуты сильного потрясения — как сейчас, и подобные

откровения, сколько помнила себя Ромили, ничего, кроме горечи, не приносили. Зачем ей это? Зачем ей животные? Хотя при работе с ними — она остро чувствовала это — ларан ее заметно усиливался… Возможно, это наблюдение тоже из области самообмана, как и вера в Пречиозу.

Итак, птица свободна, а все остальное — иллюзии! Выходит, ее удел сидеть сиднем дома и заниматься вышиванием. На что она рассчитывала, берясь за мужскую работу?

Глупая девчонка!..

На миг Ромили показалось, что сердце ее замерло, совсем остановилось, и сквозь смутную блуждающую боль, сквозь едкое чувство утраты она, словно прозрев, увидела необъятную даль и где-то внизу землю, очень похожую на те карты, что были вклеены в учебник, только искусно раскрашенную, ожившую, где прорезались мельчайшие детали, даже блики капель росы на траве. Что уж говорить о маленьких птахах и мышах в траве?

Пречиоза!

Боже, ястреб не потерял с ней связь. Птица все еще принадлежит ей! Дарен сказал что-то успокаивающее — Ромили даже не расслышала. Потом долетел ответ Алдерика:

— Не трать силы, друг, она все равно тебя не слышит. Она сейчас со своей Пречиозой!..

Ромили поерзала в седле — вот глаза стали различать туманные контуры Алдерика и Дарена. По-прежнему она плыла — или висела? — высоко над пастбищем, ощущала гордость полета. Все та же сверхъестественная обостренность зрения и чувств. Вот она осознала себя одной из маленьких птичек, даже губы зашевелились, задвигались, словно чирикая, и следующее мгновение, опять бурно, — резь от голода и жажда крови, плоти, жестокое, но очень сильное наваждение…

Вниз!

Камнем вниз!..

Удар клювом; жгучая, горячая, свежая кровь во рту, трепет жертвы, последняя капля жизни, истекающая из кроличьего тела.

И следом опять взлет, потом вниз, к земле! Ромили сноровисто, машинально выставила руку в перчатке. Тяжеленный ястреб точно попал на запястье, но рука не должна дрожать, гнуться к земле… Слезы хлынули из глаз девушки, но времени на переживания не было. Она выхватила нож, отхватила жертве голову, сунула тушку — ее, человеческую, долю — в мешок и тут же протянула голову — ястребиную долю — Пречиозе. Та

восприняла это как должное и тут же принялась клевать свою порцию. Алдерик, сняв колпачок с головки своей птицы, выпустил ястреба, но Ромили не видела этого — она тихо плакала от любви и радости. Пречиоза с колпачком на голове гордо сидела на ее запястье.

Она вернулась!..

Вернулась по собственной воле — сама отказалась от свободы, приняв жердь и колпачок на голове. Ромили плакала, не скрывая слез, и при этом все поглаживала ястребицу перышком.

«За что мне такая награда? Чем я заслужила ее? Как я смогу отблагодарить ее? Что мне теперь делать с этим богатством, невесомым и бесценным?.. Это дикое создание ради меня отказалось от свободы… Чем же мне отплатить ей?»

Позже, перед возвращением в «Соколиную лужайку», они поели — Ромили угостила парней яблоками и сладостями, которые захватила с собой. Когда они въехали во двор, там уже стояли чужие, еще не расседланные кони — у одного на попоне были цвета Алдарана из Скатфелла. Значит, высокорожденные гости уже прибыли…

Алдерик тихонько поинтересовался:

— Старый Гарет все еще лорд Скатфелл?

— Какой же он старый? — удивилась Роми-

ли. — Гарету из Скатфелла около пятидесяти.

Алдерик вздохнул с облегчением, и девушка опять отметила, как странно переглянулись молодые люди. Алдерик буркнул что-то непонятное:

— Он не мог запомнить меня.

— Ты не доверяешь законам… — начал было Дарен, но, заметив, что Ромили, приоткрыв рот, смотрит на них, нахмурился и замолчал. Девушка перевела взгляд на ястреба, задумалась.

«Они считают меня совсем глупой? Что я, слепая? Или туга на ухо? Неужели трудно догадаться, что он выступает за Каролина — возможно, даже участвует в каком-нибудь заговоре. А вдруг это сам молодой принц? Теперь я понимаю, почему они не сказали ни слова отцу».

— Старый Гарет, старик, умер три зимы назад, сир, — сказал Дарен, — к тому времени он почти совсем ослеп. Ромили, здесь собрались всю люди из Скатфелла?

Девушка, успокоившись и обрадовавшись, что напряжение спало, начала перечислять взрослых сыновей и дочерей старого Гарета. Здесь же был нынешний хозяин Скатфелла — Гарет, пожилой мужчина, и его наследник, тоже Гарет («Они называют его Гарис, как принято в долине», —

добавила она). Дом Гарис — вдовец, он схоронил уже трех жен. Ему около тридцати, но выглядит он старше. К тому же хромает…

— Тебе он не нравится, — заметил Алдерик, и Ромили ехидно усмехнулась.

— Откуда вы знаете, лорд Алдерик? Правда, так оно и есть. Он очень любит тискать девушек по углам, даже Мэйлину не пропустил. Это было в прошлом году, когда она еще не убирала свои волосы.

— Старый похотливый козел! — выругался Дарен. — Отец знает?

— Никто не хочет ссориться с соседями. Люсьела выговорила Мэйлине и посоветовала нам держаться от него подальше, если мы не желаем, чтобы разразился скандал. Там еще есть дом Эдрик, он совсем слепой, его жена Руана, которая сама ведет хозяйство. Как мужчина… Еще двойняшки Кадел и Синил, они, правда, не так молоды, примерно возраста Руйвена. Что-то около двадцати… Еще жена Кадела, мы с ней дружили в детстве, — Дариса Сторн. Синил еще не женат. Отец однажды намекнул, что вот было бы неплохо породниться с ними, но ничего из этого не выйдет. Еще бы не хватало, чтобы я жила в Скатфелле. Это настоящее бандитское гнездо!

Хотя мы прекрасно уживались с Дарисой, да и Синил в общем-то неплохой парень.

— Мне кажется, что ты еще все-таки молода для замужества, — сказал Алдерик.

Дарен почему-то засмеялся.

— На этих холмах выходят замуж даже девочки, а Ромили уже пятнадцать. Я не сомневаюсь, что она уже задумывалась о собственном доме, лишь бы подальше от надзора Люсьелы. Еще наши предки говаривали: если в доме две хозяйки, то крыша там может вспыхнуть от одной-единственной искры… Я считаю, что отец просто подбирает для Ромили более выгодную партию. Что это, четвертый сын в семье? Лучше быть хозяйкой в хижине, чем служанкой в замке. Когда дом Гарис женится еще раз или нынешний хозяин поместья обзаведется супругой, жена Синила сразу окажется наинижайшей из домочадцев — рангом чуть выше приживалки. Видел бы ты Дарису до замужества — яркая, хорошенькая девица!.. Теперь же из-за постоянных беременностей она выглядит лет на десять старше своих лет.

— Я вовсе не думаю о замужестве, — заявила Ромили. — К тому же здесь, на холмах, достаточно достойных мужчин. Вот, например, Манфред Сторн, наследник «Сторновых высот». Он одних

лет с Руйвеном. Так что вполне вероятно, когда я подрасту, отец поговорит о нашем браке со старым лордом Сторном. Родовитые владельцы «Высоких скал» тоже собираются сюда, у них два неженатых сына и незамужние дочери. Возможно, они присмотрятся к Раэлю. И ко мне… — Она пожала плечиками. — Ну и разговор у нас. Мужчины все одинаковы…

Алдерик фыркнул:

— Эти слова выдают вас с головой, госпожа Ромили. Вы еще так молоды… Надеюсь, ваш отец будет настолько благоразумен, что подождет, пока вы сами сделаете выбор, иначе наступит день, когда, проснувшись, вы решите, что вышли замуж за самого последнего человека из всех, годных в мужья. Итак, мы идем в дом или нет? Солнце уже высоко, а ваша мачеха что-то говорила насчет праздничного завтрака. Я уже почуял запах чего-то вкусненького, когда мы проходили мимо кухни.

Ромили молила богов, чтобы они уберегли ее от сторонних взглядов и позволили прошмыгнуть в свою комнату незамеченной. Там уж она моментально переоденется, быстренько примет ванну… Будет такой паинькой, что и описать нельзя. К сожалению, не повезло — в коридоре она по-

чти столкнулась с высоким бледным толстяком со светлыми волосами, выходящим из ванной комнаты с бассейном, наполняемым водой из горячих источников. Одет он был в свободный халат, волосы не причесаны — очевидно, решил освежиться после долгих часов, проведенных в седле.

Ромили вежливо извинилась, затем, вспомнив, что она в мужских бриджах, едва не выругалась. Вот не повезло! А вдруг он ее не узнал и принял за мальчишку-слугу? Нет, мужчина расплылся в широкой улыбке.

— Госпожа Ромили? — Взгляд у него стал несколько озадаченным, он перевел глаза на ее ноги. — Вот так встреча! К обоюдному удовольствию!.. Какие у вас стройные ножки, просто прелесть. Вы так выросли… — Потом, уже пристальнее, он оглядел кружева на груди. — Для меня будет большим удовольствием пригласить вас на танец сегодня вечером. Мне кажется, вы из числа тех женщин, которые умело прячут свои достоинства.

Ромили вспыхнула и, почувствовав, что краска бросилась ей в лицо, бросилась бежать.

«Боже, теперь я понимаю, почему Люсьела считает, что я слишком взрослая, чтобы бегать в

бриджах — это все равно что голой выскочить. Как же он смотрел на меня!.. Вот старый развратник!..»

Всю жизнь она донашивала одежду братьев — так уж вышло в семье; может, поэтому и не обращала внимания и не стыдилась этого. Ну, бегает еще один парнишка… Теперь под пристальным взглядом наследника лорда Алдарана Ромили почувствовала, что ее словно бы ощупывают — тискают грубо, как вещь. От этого в груди засвербило и в животе екнуло.

Девушка вбежала в свою комнату и захлопнула дверь. Отдышалась… Дождалась, пока сердце успокоится, потом подошла к рукомойнику и сполоснула лицо холодной водой.

Люсьела права. Ой, как же она права. Ну почему она не предупредила меня раньше?!

Ромили почувствовала себя такой несчастной! Ясно, что никому нельзя говорить об этом, иначе ее высмеют. Руки у нее все еще дрожали. Она скинула блузку, расстегнула штаны — когда те упали на пол, перешагнула через них. Приблизилась к зеркалу… Впервые в своей жизни обнаружила, что с блестящей плоскости на нее смотрит не девочка, а молодая женщина. Тело ее было стройно, талия узкая, груди, правда, едва округлились, бед-

ра все-таки узковаты, совсем как у мальчишки, да и ноги тоже тощие.

«Все равно, — решила Ромили, — если я надену мужской костюм, уверена — никто не сможет обнаружить, что я женщина».

Через стеклянную дверь, отделявшую ее половину от комнаты Мэйлины, она заметила, что сестра изучает содержимое корзинки с подарками, присланными ей по случаю Праздника середины лета. Как и у нее самой, перед Мэйлиной стояли три корзинки — это натолкнуло Ромили на мысль внимательнее просмотреть ту, последнюю. Первая — от отца, в ней куда больше фруктов, чем цветов. Макаран всегда был практичным человеком и считал, что материальное, тем более вкусненькое, куда важнее, чем, например, цветы. Другая корзинка от Раэля — милый, милый братишка!.. Я тоже позабочусь о тебе… А это, значит, от Дарена? Хотя нет… Ромили достала странные соцветия, уложенные в букет… Вряд ли от старшего брата — вот как аккуратно подобраны бутоны. А это что за невиданные фрукты? Должно быть, он привез их из Неварсина… Такие в окрестностях замка не растут.

Под букетом лежал листок. Ромили взяла его и с удивлением прочитала:

Нет у меня ни сестры, ни матери,
Чтобы вручить подарок.
С почтением преподношу его вам.

Алдерик, студент.

Мэйлина закричала из своей комнаты:

— Роми, ты еще не одета? Поторопись, нам нельзя опаздывать на праздничный завтрак. — И после короткой паузы еще вопросы: — Какое платье ты собираешься надеть? Праздничное? Калинда у мамы, ты не поможешь застегнуть мне пуговицы?

Тут же сестра ворвалась в ее комнату.

— Какие красивые цветы! Роми, ты только посмотри… Мои все срезаны в нашем саду, а эти какие-то странные… Ага, и здесь букетик снежного винограда, ой, какой же он сладкий, прямо как мед. Я слыхала, они ждут морозов, эти монахи в Неварсине, и, когда ягоды хорошенько прихватит, собирают и готовят из них крем и сладости. Роми, как ты думаешь, кто он? Он выглядит так романтично. Думаешь, дом Алдерик собирается ухаживать за кем-нибудь из нас? Я была бы просто счастлива, если бы кого-нибудь из нас обручили с ним. Он такой представительный и галантный. Совсем как принц из какой-то

сказки…

— Какие глупости ты говоришь, Мэйли! — ответила Ромили, однако потом не выдержала и улыбнулась. — Я думаю, что он обычный гость, не более… Не сомневаюсь, такую же корзинку он послал и нашей приемной матери.

— Домна Люсьела вряд ли оценит этот подарок, — фыркнула Мэйлина. — Она считает праздничную ночь языческим обрядом, а христофоро не к лицу не то чтобы участвовать в нем, а даже наблюдать за праздником. Она ворчала на Калинду уже за то, что та позволила Раэлю приготовить корзинки с подарками. На что отец сказал: «Все празднуют, все радуются, любой будет прощен, этот грех невелик, ведь получают же батраки день отдыха. Пусть Раэль получит удовольствие, пока маленький. Он будет хороший христофоро, если останется таким добрым и хорошенько освоит «Книгу Мыслей».

Ромили улыбнулась и сказала:

— Отец, насколько я помню, говорит одно и то же в канун каждого праздника. Все время твердит, что следует жить скромно, умерять аппетиты, а сам, я уверена, как любой другой человек, любит фрукты, имбирный хлеб и шафранные пирожные. Папа вообще слишком много говорит:

животное должно быть довольно своей пищей, рабочий — платой и отдыхом… И тому подобное, что написано в «Книге Мыслей». Он часто бывает груб, но с батраками обращается справедливо. — Она застегнула пуговицу и повернула сестру к себе лицом. — О Мэйли, как ты красива!.. Но слава Богу, что ты не носишь это платье каждый день — я бы измучилась застегивать его. И расстегивать тоже… Любая бы девушка отчаялась… Вот почему у меня на праздничном платье нашиты только кружева — я бы взвыла, если бы мне пришлось разбираться с ними каждое утро.

Она застегнула последнюю пуговицу на рукавах своей нижней рубашки и через голову надела бархатный, в ржавчину, расшитый бабочками сакрос[17]. Потом Ромили повернулась к Мэйлин — скрепить ее косу заколкой-бабочкой так, чтобы ее крылья прикрыли сзади воротник.

Сестра тем временем рылась в корзинке в поисках цветка.

— Вот этот розовый мне пойдет? — спросила она у Ромили. — Как раз к моему платью… О-о, Роми, взгляни! — Она даже рот приоткрыла от изумления. — Нет, ты только посмотри! Ты что,

---

[17] notes: 17
Длинная, с широкими рукавами одежда.

его не видела? Он положил в корзинку золотой цветок. Это же дорилис!..

— И что из этого? — невозмутимо поинтересовалась Ромили, выбравшая к своему платью голубой киресет. Мэйлина испуганно схватила ее за руку.

— Как что? Ты не должна это принимать — разве тебе не известен язык цветов! Если какой-то мужчина преподносит тебе в дар золотой цветок… ну, цветок страсти… Ты сама прекрасно знаешь, на что он намекает.

Ромили вспыхнула — точно так же, как и только что, в коридоре. Она словно почувствовала на себе похотливый взгляд, каким одарил ее толстяк, вышедший из ванны. Алдерик? Неужели он тоже смотрел на нее с подобной жадностью? Да нет же, ничего такого и в помине не было. Вполне дружеские, вежливые, без всякой примеси каких-либо грязных мыслей отношения.

— Чепуха! — ясным голосом заявила она. — Он чужак в наших горах, значит, не о чем и разговор вести. Но если это вызовет нежелательные разговоры… Мэйлина, выбери-ка мне цветок, которым можно было бы украсить прическу.

Сестры явились в огромную столовую во всем блеске. Там проходили обычно торжества и

праздники. Девушки шли степенно, в руках, как того требовал древний обычай, несли подаренные им в этот день корзинки с фруктами. Ими они должны были одарить отца и братьев. Леди Люсьела радостно приветствовала гостей. Раэль в новом нарядном костюмчике был тут же; рядом восседала Калинда — тоже в новом платье, темном и строгом, как и подобает ее положению. Ромили сразу обратила на это внимание. Все-таки Люсьела, подумала она, добрая женщина. Как бы ни складывались их взаимоотношения, это нужно признать. В других домах гувернантки обычно десятилетиями донашивают свои собственные наряды или им отдают старые с барского плеча. Дарен обрядился в лучший свой костюм. Алдерик тоже, хотя нарядом ему служил обычный черный камзол студента из Неварсина, на котором в помине не было каких-либо семейных гербов или цветной отделки. Странно, решила Ромили, какого же он все-таки роду-племени? Она все более укреплялась в мысли, что он из приверженцев отправленного в изгнание законного короля. Возможно, даже сам молодой принц… Она, конечно, никому не заикнется о своей догадке, но почему бы Дарену не довериться ей?

Гарет из Скатфелла — тот, что являлся хозяином

поместья, — занимал самое почетное место за праздничным столом, на котором обычно сидел сам дом Макаран, однако отец Микела в придворной табели о рангах стоял ниже отца Гарета. Молодые люди сидели за отдельным столом. Ромили, увидев Дарису, сидевшую возле Кадела, хотела бы присоединиться к своей подруге, но мачеха жестом указала ей на свободный стул возле дома Гариса, наследника Скатфелла. Девушка покраснела, но решила, что не стоит сразу устраивать скандал. Пришлось сесть на назначенное место. Ромили поджала губы и решила, что в присутствии родителей дом Гарис будет вести себя прилично.

— Теперь, так ладно прикрыв свою красу, вы выглядите еще прекрасней, дамисела, — сказал он. Слова были вполне вежливы, не придерешься; однако, взглянув в его круглое, чуть надменное лицо, Ромили решила, что лучше не отвечать. Он, к ее удивлению, счел подобное поведение нормальным и даже улыбнулся доброжелательно и весело.

Трапеза затянулась за полдень — трудно перечесть, сколько наивкуснейших блюд, редких деликатесов было подано к столу. Уже в самом конце, когда пресытившиеся гости по крохам

пробовали то или иное кушанье, в зал вошли музыканты. На окнах подняли занавесы, и в просторное помещение ворвались лучи густо-багрового исполинского светила. Самого солнца видно не было, но на полу лежали тусклые, шафранного оттенка прямоугольники света.

Наконец слуги распахнули двери, и гости спустились в нижний зал, из которого была вынесена вся мебель, чтобы было просторнее танцевать. Дарен первым повел сестру, как того требовал обычай, и, проходя мимо стола, за которым расположились местные лорды, Ромили услышала их разговор. Естественно, присутствующие в деталях обсуждали свару при дворе и изгнание Каролина.

— Плевать мне на всю эту заварушку, — объяснял Макаран. — Мне безразлично, кто сидит на троне, но что хорошего, если по каждому вопросу то и дело приходится совать взятки? Они хапают без числа. Было время, когда Макараны правили этим королевством, потом моим предкам не хватило сил защитить королевство. Мои предки не захотели превращать свой домен в военный лагерь или, что еще хуже, в поле битвы и полюбовно договорились с Хастурами. Пусть они правят, но я проклинаю их братоубийственные

войны и принимать в них участие не желаю.

— Я слышал, что Каролин и его старший сын бежали на наш берег Кадарина, — сказал лорд Гарис. — Не сомневаюсь, он попытается найти убежище у моего кузена Алдарана… Между Хастурами и Алдаранами существует давняя вражда.

Его отец скептически усмехнулся.

— Не найти более свирепых охотников на волков, чем собаки, в чьих жилах течет волчья кровь. Те же Алдараны — разве они не вышли из рода Хастуров? Правда, это было давным-давно…

— По крайней мере, так говорят, — согласился лорд Гарис. — Я в общем-то не очень доверяю всем этим сказкам о спустившихся с неба богах… Хотя кто знает, ведь в роду Алдаранов из поколения в поколение передается ларан. Так же, впрочем, как и среди моих детей. И ваших… Дом Микел, ваш сын тоже живет в Башне?

Отец нахмурился.

— Но не по моей воле. Я не посылал его туда — он сам выбрал этот жребий. — Микел ударил ладонью по подлокотнику. — Я больше не считаю его сыном. Тот, кто променял родовое гнездо на Башню Хали, мне не сын! — Он помолчал немного, потом добавил: — Но сейчас разговор на эту тему неуместен. Не желаете ли, господа,

потанцевать?

— С большой охотой, — улыбнулся сэр Гарис, — оставлю вас, чтобы побыть с молодежью. — Не позволите ли, дорогой хозяин, пригласить вашу даму? — спросил он и, дождавшись разрешающего кивка, предложил леди Люсьеле руку.

После первого традиционного танца юноши образовали как бы внешний круг, женщины и девушки собрались в центре. Последовала небольшая пауза. Когда же музыканты принялись наигрывать быструю мелодию, веселье разлилось вширь. Ромили заметила, как Дариса, отказав нескольким кавалерам, выбралась из своего круга, и бросилась к подруге. Крепко обняла ее… Ромили предложила что-нибудь выпить, и они с бокалами в руках уселись в сторонке поболтать. Дариса была наряжена в свободное, без пояса платье, которое обычно носят беременные женщины. Пряжку на своей блузке она тоже расстегнула, без конца обмахивалась веером. Лицо ее раскраснелось, она тяжело дышала…

Молодая женщина погладила себя по животу и пожаловалась:

— Всего-то один разочек и дал потанцевать. Сам же без конца пляшет — толкается, дрыгается, особенно когда я пытаюсь заснуть.

Подошел Кадел и заботливо склонился над женой, но та отослала его к танцующим.

— Иди и повеселись, мой муж. Я немного отдохну, мы здесь поболтаем с подругой.

Потом она обратилась к Ромили:

— О чем ты думаешь, Ромили? Тебе уже пятнадцать, а ты еще не обручена.

Ромили только кивнула. Она слова не могла вымолвить, пораженная видом подруги. Какой тоненькой, грациозной и хорошенькой была Дариса три года назад! А теперь? Ноги как у слонихи, когда-то маленькие груди раздулись и заметно колыхались под кружевами, нашитыми на открытой ворот платья, запястья налились жиром. Дариса вынашивала третьего. Словно прочитав мысли подруги, она горько усмехнулась.

— Да уж, — она вздохнула, — что поделаешь! Я уже не та, что раньше. Какая была стройненькая, гибкая… Так что наслаждайся своим последним годиком, Роми; вероятно, скоро и ты будешь ходить с таким же пузом. Мой свекор уже упоминал, что пора женить Синила. То ли на тебе, то ли на Мэйлине… Скорее на твоей сестре — он считает, что она более послушна и похожа на леди.

Ромили наконец обрела дар речи.

— Но зачем рожать так скоро? Я думаю, двоих

за три года достаточно…

Дариса пожала плечами и засмеялась:

— Конечно, но так уж вышло. Это потому, что я кормила детей сама, а не отдавала их кормилице. Вот рожу, и все. Ни-ни!.. Троих пока хватит.

— Для меня это было бы чересчур, — решительно заявила Ромили.

Дариса засмеялась:

— Все так говорят, когда ходят в девушках. Лорд Скатфелл относится ко мне с уважением, потому что я уже принесла нашей семье двух мальчиков. Надеюсь, что этот ребенок будет девочкой. Я так хочу, чтобы у меня была малышка; попозже я познакомлю тебя с моими детьми. Они такие хорошенькие — маленький Гарет совсем рыжий, может, у него проявится ларан и он сгодится для Башен…

— Неужели ты хочешь, чтобы он попал туда? — Глаза у Ромили округлились.

Дариса опять рассмеялась.

— Конечно. Это было бы просто здорово, если бы Башня Трамонтана или любая другая приняла его. Все Алдараны и Хастуры, как наши, так и дальние родственники, вышли оттуда еще до эпохи Сотен царств. У них остались прочные связи с Трамонтаной. — Дариса, понизив голос,

спросила: — У тебя нет вестей от Руйвена? Отец действительно лишил его наследства?

Ромили кивнула, и подруга испуганно прикрыла рот ладошкой. Старший брат и Дариса в детстве крепко дружили.

— Помню, как в один из Праздников середины лета он подарил мне корзинку, — сказала она, — и я с удовольствием приколола на свое платье веточку с золотыми цветочками, которую он подарил. И надо же так случиться, что в конце праздника папа объявил о моей помолвке с Каделом. Теперь мы очень счастливы, у нас двое детей, ждем третьего, но я всегда по-доброму вспоминаю Руйвена, и я была бы не прочь стать тебе сестрой, Ромили. Как ты думаешь, Макаран согласится выдать тебя за Синила, если он попросит твоей руки? Тогда мы и в самом деле стали бы сестрами. Вот было бы здорово!..

— Мне не нравится Синил, — ответила Ромили, и в это мгновение вздрогнула — ее как бы сразило отчетливое видение: вот она спустя три года, такая же как Дариса, толстая, с одышкой, кожа испещрена родимыми пятнами, тело отяжелеет от родов. Жуткая картина!.. — Единственная радость, — заметила она, — что в результате этого брака мы будем рядом. Но я не спешу замуж; вот

и Люсьела говорит, что в пятнадцать лет еще слишком рано устраивать свой дом. Она заявила, что мне начнут жениха подбирать не ранее семнадцати или даже позже. Можно испортить хорошую суку, если случить ее слишком рано.

— О, Ромили! — вспыхнула Дариса, и они захихикали, как в детстве.

— Тогда танцуй и веселись вволю, пока есть возможность, скоро все это кончится, — вздохнула женщина. — Взгляни-ка на того парня, друга Дарена, которого он захватил с собой из монастыря. Он выглядит как заправский монах в своем темном наряде. Он случайно не из братьев?

Ромили отрицательно покачала головой.

— Я не знаю, кто он. Известно только, что он дружит с Дареном, а сам он из рода Кастамиров.

Все, о чем она, как ей казалось, догадалась, девушка оставила при себе.

— Кастамиры же из Хастуров! Удивляюсь, что он свободно разъезжает по нашим краям, — я слышала, Кастамиры поддерживают прежнего короля. Твой отец за Каролина или привержен новому королю?

— Думаю, отцу глубоко безразлично, кто сидит на троне, — ответила Ромили, но прежде, чем она смогла продолжить, возле нее остановился

Алдерик.

— Госпожа Ромили, позвольте пригласить вас на следующий танец?

— Дариса, ты же не хочешь остаться одна?

— Нет, ступай, дорогая. Вон Кадел, я попрошу его, чтобы он подлил мне вина.

Ромили позволила Алдерику вывести ее на середину зала и занять место среди танцоров.

Всего собралось шесть пар, хотя одну из них составили Раэль и Джесами Сторн, которой уже было одиннадцать. Она на полголовы была выше своего партнера.

Молодые люди встали лицом друг к другу. Дарен танцевал с Джеральдой Сторн — они стояли первыми и, выдвинувшись вперед, взялись за руки, тем самым как бы подавая пример всем остальным участникам. Когда очередь кружить партнершу дошла до Алдерика, Ромили доверчиво подала ему руку. Ладони у Алдерика были твердые, теплые и приятно сухие — совсем не похожие на руки школяра. А уж отчетливые шероховатости мозолей сразу выдавали и нем человека, привыкшего обращаться с мечом. Что совсем несвойственно монаху, подумала Ромили. Потом она полностью отдалась танцевальным па и в конце музыкальной фразы оказалась на-

против Дарена, затем перед ней предстал Раэль. Когда в очередной фигуре она на короткое время подала руку Синилу, тот улыбнулся и легко сжал ее пальчики, однако девушка опустила глаза и не улыбнулась в ответ. Значит, лорд Скатфелл задумал женить ее в этом году на Синиле, ей скоро придется рожать ребенка за ребенком и она растолстеет, как Дариса?

Невероятно!

Конечно, придет день, и она выйдет замуж, но не за зеленого же юнца! Ромили приложит все силы, чтобы не допустить этого! Ее отец не так уж и боится лордов из королевского рода Алдаранов, к тому же этот господин к ним сбоку припека, он всего лишь Алдаран из Скатфелла. Хозяева этой усадьбы — самые богатые и влиятельные из соседей, но и ее отец вполне независимый лорд. Они владели этими землями с незапамятных времен.

Теперь она оказалась лицом к лицу с домом Гарисом. Он тоже улыбнулся и сжал ее пальцы.

Девушка вновь покраснела — ее руки остались холодными, она даже не шевельнула пальцами в ответ, отвела взор и, как только позволила музыка, выдернула их. Вздохнула с облегчением, когда в следующей фигуре ей вновь довелось встретиться с Алдериком.

Наконец музыка смолкла, но скоро вновь заиграли танец, исполняемый парами, и в этот момент Ромили заметила, что к ней направляется дом Гарис. Она тут же дернула Алдерика за рукав и быстро прошептала:

— Немедленно пригласите меня на танец, дом Алдерик.

— С большим удовольствием, — улыбнулся тот и вновь вывел девушку на середину зала.

Ромили улыбнулась в ответ, когда они миновали дома Гариса, пристально наблюдавшего за ними, потом заметила:

— Не такой уж вы неповоротливый, каким кажетесь.

— Разве нет? — Он засмеялся. — Просто мне давно не приходилось танцевать.

— Вы что, занимались танцами в монастыре?

— Иногда. Чтобы сохранить форму. Там во время служб исполняются священные танцы. Некоторые из студентов, кто еще не обручен, бегают на танцы в ближайшую деревню. Правда, я… — Он запнулся, не зная, стоит ли продолжать дальше, однако все же закончил: — …я слишком ленив для этого.

— Они там заставляют вас очень много заниматься, не так ли? Домна Люсьела говорит, что

Дарен совсем похудел, побледнел — слушайте, они вас там хотя бы досыта кормят? А одежда у вас теплая?

Он кивнул.

— Я привык к трудностям.

Молодые люди примолкли. Ромили полностью отдалась танцу и музыке. В самом конце, когда пришло время расстаться и проводить даму, Алдерик спросил:

— Я смотрю, вы прикрепили к платью один из цветков, которые я подарил. Они вам понравились, дамисела?

— Очень, — ответила Ромили и тут же смутилась — ведь он же, по словам Мэйлины, намеренно сунул в корзину веточку дорилиса. А может, просто чужестранец не знает здешних обычаев? Ей так хотелось спросить, но это уже было нарушением приличий. Самой привлекать внимание к подобному щекотливому вопросу! Однако Алдерик словно прочитал ее мысли и сам ответил:

— Это подсказал мне Дарен. Поверьте, я не имел в виду ничего дурного, госпожа Ромили. В нашем краю — я родом с равнины — звездный цветок, или дорилис, лорд Хастур принес в дар Касильде Блаженной, и я только хотел таким образом поздравить вас, не более того.

Она улыбнулась, явно посмеиваясь над молодым человеком.

— Я так и поняла… Ведь вы, дом Алдерик, совершенно не способны совершить что-то неприличное, намекнуть на что-либо дурное…

— Я скромный человек, ваш брат одарил меня дружбой, стоит ли величать меня домом? Мы ведь только один раз вместе побывали на охоте…

— Думаю, с вашей стороны тоже нет нужды называть меня дамисела, — ответила девушка. — Мои братья и сестры зовут меня Роми.

— Прекрасно, мы будем как дальние родственники, так же, как и мы с Дареном относимся друг к другу, — сказал Алдерик. — Не желаете ли немного пива?

Они вместе направились к столу, где были выставлены закуски и в кувшинах хранилось вино. Правда, от него Ромили отказалась — сослалась на запрет пить вино в компании.

— Тогда, может, шалан?..

Он подал фруктовый напиток. Девушка жадно отпила. После быстрого танца волосы, конечно, растрепались, подумала она, но присоединиться к тем хохотушкам, что переглядывались и без конца закатывались смехом в одном из углов зала, ей тоже не хотелось.

— Вам нравится ястребиная охота? — спросила она.

— Очень. Должен сказать, что в нашей семье есть женщины, которые занимаются приручением сторожевых птиц. Вы когда-нибудь видали таких, дами… Роми?

Девушка отрицательно покачала головой. Ей никогда не доводилось видеть этих ужасных птиц.

— Я слышала, их можно приручить. Они что, лучше ястребов? Значит, могут запросто ловить рогатых кроликов? Они, видимо, замечательные охотники.

— Их готовят не для охоты, — сказал Алдерик. — Этих птиц натаскивают для войны или для обнаружения лесных пожаров — это делается с помощью ларана. Сторожевые птицы могут с безопасной высоты, сами оставаясь невидимыми, следить за передвижениями захватчиков или бандитов. Или за распространением огня в лесу. Это уже не забава. Птицы на вид на самом деле выглядят очень страшно, их не так-то легко приручить. Я считаю, Роми, вам это под силу, если вы сами правильно воспитаете ларан.

— Этого не может быть, это слишком невероятно. Да и насчет меня вы заблуждаетесь. Сами же

прекрасно знаете об этом, если, конечно, Дарен не наговорил вам всякой всячины. Надо же, сторожевые птицы!..

Ромили почувствовала легкую дрожь — то ли от восхищения, то ли от благоговейного ужаса. Это была безумная мечта — обладать такой птицей.

— Я думаю, это будет потруднее, чем приручить духа, — наконец вымолвила она.

Алдерик засмеялся:

— Я тоже слышал об этом в дальнем пограничье. Духи — или баньши, как их иногда называют, — к вашему сведению, очень глупы. Чтобы приручить их, и умения особого не нужно — стоит только забрать подходящий экземпляр из выводка и кормить его теплой едой, и они будут делать все, что вы пожелаете: следить за передвижением отрядов по теплу, оставляемому на земле. В общем-то они превосходные наблюдатели. Вот если бы только они пахли не так мерзко!..

Вот это да! У девушки даже дыхание перехватило — мысль о том, что эти слепые, огромные, неспособные летать, кровожадные создания могут быть использованы как следопыты, потрясла ее. С другой стороны, к чему все это, подумала она, и уже вслух спросила:

— Но зачем использовать для этого духов, когда

хороший охотничий пес отлично возьмет след? И дома его можно держать.

— Не буду спорить, — согласился Алдерик. — Я скорее пройдусь босиком по битому стеклу, чем стану приручать баньши. Но, в принципе, это выполнимо. Я не могу приручить сторожевую птицу, у меня нет дара, однако кое-кто из женщин нашей семьи с успехом занимался этим. И в Башне тоже находились такие умельцы. Они использовали этих птиц для предотвращения лесных пожаров. Их глаза намного зорче, чем у людей.

В этот момент в зале опять зазвучала музыка. Алдерик спросил:

— Не желаете еще потанцевать?

Она отрицательно покачала головой:

— Нет, спасибо.

Алдерик поклонился кому-то за ее спиной, девушка повернулась и увидела подошедшую к ней Люсьелу. Мачеха спросила:

— Ромили, ты бы не хотела станцевать с домом Гарисом?

Она ответила, не скрывая презрения:

— Похоже, он решил, что лучше пожаловаться моей приемной матери, чем поступить, как подобает мужчине, и самому попытать счастья.

— Ромили, он же наследник Скатфелла!

— Для меня не имеет значения, кто чей наследник — Небесной Лестницы или Зандру из девятой преисподней… — начала было девушка, но дом Гарис лично выплыл из-за спины Люсьелы и сказал с приятной улыбкой:

— Вы окажете мне честь, если согласитесь станцевать со мной, госпожа Ромили…

Получилось так, что отказ в этом случае мог быть воспринят как оскорбление, а лорд Гарис все-таки был гостем отца. Пусть даже Ромили считала, что ему следовало танцевать с дамами своего возраста и не цепляться к юным девочкам, но теперь ее соображения не имели никакого значения.

Девушка положила свою ладонь на запястье Гариса, и тот ввел ее в круг. Ромили успокоилась — пока за ними наблюдал дом Макаран, Алдаран не мог позволить себе какую-либо грубую выходку. И братья ее были тут же. Да и присутствие других благородных господ должно было остановить его. Пальцы Гариса были мягкие и потные.

— Ну, — наконец заговорил лорд Гарис, — вы легки, как перышко, дамисела. И танцуете вы превосходно. Просто замечательная молодая леди. Увидев вас в сапогах и штанах — ну вылитый

мальчишка! — кто бы поверил, сколько в вас величия и одухотворенного благородства. Я не сомневаюсь, что вся молодежь так и вертится вокруг вас.

Ромили в знак признательности за добрые слова склонила голову и ничего не ответила. Девушка ненавидела разговоры подобного рода, напыщенные комплименты, наигранное восхищение. Это Мэйлине подобные пошлости ну как бальзам на сердце. Сестра прямо расцветает от подобных слов, начинает хихикать и стрелять глазками. Когда танец кончился, лорд Гарис попросил разрешения пригласить ее на следующий, однако она вежливо отказала — сослалась на острую боль в боку. Он было предложил угостить ее вином. «Или, если угодно, не желаете ли бокал шалана?» Нет, ответила девушка; ей очень хочется посидеть рядом с Дарисой. Он тут же пристроился рядом и без конца осыпал ее знаками внимания. К счастью, танцы скоро закончились — точнее, музыканты заиграли мелодию, которая требовала всем собраться в круг. Этот хоровод был исключительно молодежным — здесь лихо стучали пятками по полу, и лорд Гарис вынужден был оставить ее в покое.

Ромили наконец-то перевела дух.

— Я смотрю, ты одержала еще одну победу, — поддразнила ее Дариса.

— Невероятно, он танцевал со мной, как с какой-то посудомойкой. Удивительно, что бы Гарис ни говорил, все звучит двусмысленно. — Ромили пожала плечами. — Алдараны из Скатфелла слишком знатны для нашей семьи — меня разве что можно выдать за самого младшего из сыновей. Отец как-то заметил, что лучшей партией для меня был бы Манфред Сторн. К сожалению, ему еще не исполнилось пятнадцати, так что следует подождать. С другой стороны, пусть я не так уж и благородна, но все же и не такого низкого происхождения, чтобы применить силу. И вообще, он мне не нравится. — Девушка с улыбкой добавила: — А наихудшим в замужестве с Синилом будет для меня необходимость называть этого жирного слизняка «братец». Думаю, что родственные обязанности — не побоюсь так выразиться, — которые мне придется выполнять, в конце концов заденут мою честь.

— Вынуждена с тобой согласиться, — призналась Дариса, понизив голос. — Он домогался меня, когда я была беременна маленьким Рафаэлем. Гарис сказал, что не стоит считать его предложение неподобающим или неприличным, тем более

падать в обморок. Я отчитала его, а он заметил, что неплохо вспомнить старое доброе время, когда здесь, в горах, у родственников были общие супруги. Он добавил, что уверен в Каделе — тот, мол, готов отплатить старшему брату за его доброту и заботу… И что нет ничего особенного, если я разделю с ним ложе, а его собственная жена займется тем же самым с кем-нибудь из родственников. Я лягнула Гариса и посоветовала найти для подобных утех какую-нибудь служанку, если уж ему так хочется… одним словом, уязвила его гордость, однако с тех пор он и близко ко мне не подходит. Сказать по правде, Гарис в общем-то недурен, если бы только не его вечно плаксивый голос и потные руки. И вот еще что, — добавила женщина. В этот момент на ее щечках появились ямочки — может быть, единственное, что не изменилось в Дарисе за это время. — Я очень люблю Кадела, чтобы искать забавы на стороне.

Ромили покраснела, взгляд ее, обращенный куда-то вдаль, застыл. Выросшей среди животных, ей был не в диковинку подобный содом — но то животные!.. Люсьела была строгая, истовая христофоро — при ней нельзя было не то чтобы заводить разговор на подобные темы, даже намекнуть — большой грех…

Дариса неправильно истолковала ее молчание, затуманившийся взгляд и, словно бы заглаживая неловкость, попыталась перевести разговор на другое:

— Ты знаешь, этого ребенка я ношу удивительно легко. Не то что жена Гариса… Ну да, последняя — она мне никогда не нравилась, все время рожала мертвых и сама умерла при родах, еще до Праздника середины зимы. Он уже трех жен вогнал в могилу, дом Гарис… Все пытается заполучить наследника. И вот что я заметила — все его дети умирают при родах. У меня нет никакого желания забеременеть от него, иначе мне тоже плохо придется. Моя старшая сестра, — продолжила она, — в девичестве провела несколько лет в Башне Трамонтана. Она рассказывает, что слышала там о давным-давно забытых днях — в общем, никто не помнит, когда это было. Вот в то время и была запущена особая генетическая программа. В результате Алдараны получили особый дар — ларан. Правда, не только они. Но беда в том, что в их наследственный аппарат был введен какой-то ген, наградивший их этим даром. К сожалению, ген этот… Я сама не знаю, что это такое, а ты знаешь? — И, не дожидаясь ответа Ромили, подруга продолжила: — Этот ген,

значит, оказался смертельным. Вот, например, твой отец сам объезжает и тренирует лошадей, разве не так? Вот я и думаю, что у сэра Гариса есть этот ген, а у моего Кадела нет. И вот что может получиться — у лорда Гариса никогда не будет наследников, так что когда-нибудь мой старший сын унаследует Скатфелл.

— А ты будешь править имением как его мать, — засмеялась Ромили.

В этот момент к ним подбежал Раэль и потянул сестру в круг. Закричал, что им не хватает девушек, чтобы образовать еще один хоровод, и Ромили как-то забыла о своей догадке.

Праздник с танцами, с веселыми розыгрышами продолжался весь день. Поздно, когда стемнело, Микел Макаран, лорд Скатфелл и другие важные гости удалились на покой со своими женами. Молодежь осталась одна — веселье разгорелось с новой силой. Раэля увела воспитательница. Следом за ней отправили в свою комнату Мэйлину — та отчаянно протестовала. Единственным облегчением для нее было то, что и с ее подругами Джесами и Джеральдой поступили так же. Ромили тоже была не прочь пойти в спальню — ведь она встала сегодня еще затемно, потом много сил и волнений отняло испытание Пречиозы, — од-

нако и Алдерик, и Дарен собирались танцевать до утра. Как она могла позволить себе уступить им хотя бы в чем-нибудь!.. Однако, уже решив остаться, Ромили с некоторым беспокойством обнаружила, что Дариса уходит из зала — ребеночек, как она выразилась, подгоняет ее ко сну.

«Я буду держаться поближе к Дарену. В присутствии моего брата дом Гарис не сможет выкинуть какой-нибудь фокус или преследовать меня...»

Тут-то она и попалась — Ромили поняла это сразу, едва дом Гарис издали поглядел на нее. Долго, пронзительно... Кому она могла пожаловаться? Кто может запретить гостю посматривать в сторону молоденькой симпатичной дочки хозяина? Тем не менее от его взгляда, от алчущих глаз — память о встрече в коридоре вновь обожгла девушку — похолодело на душе, тело все напряглось. Только теперь ей стало окончательно ясно, что встреча оказалась куда более важной, чем она подумала, а взгляд дома Гариса куда более многозначителен — он как бы обволок ее какой-то жирной или масляной пленкой. Ромили весь день — и теперь всю ночь? — будет вынуждена ощущать на теле эту грязь.

«Неужели это и есть ларан? Мне бы совсем не следовало танцевать. Ой, дура!.. Не отходила бы

от брата и его приятеля!.. Разве с ними не о чем поговорить? Например, о ястребах, о лошадях…»

Тут Синил пригласил ее на танец, потом уже никак нельзя было отказать дому Гарису. Музыка звучала теперь немного диковато, пляски стали чересчур живы, и все гости постарше оставили зал, а вот этому все покоя не было. Он закружил девушку в танце и вроде бы не выходил за рамки приличий, и все равно Ромили сознавала, что лорд то и дело переступал незримую черту — то прижмет ее к себе слишком крепко, то перехватит руку повыше. Когда же девушка попыталась освободиться, он засмеялся и сразу ослабил хватку.

— Ну, теперь вы не можете утверждать, что слишком робки… — заметил дом Гарис.

Ромили не могла и слова в ответ вымолвить — его взгляд, вгонявший в краску, словно заставил проглотить язык. Слова звучали невнятно — видно было, что он несколько перебрал за столом.

— …и не стоит разыгрывать саму скромность, если поутру пробежали мимо меня в мужских штанах, обтягивавших ваши стройные ножки, и в какой-то рубашонке, по меньшей мере на три размера теснее ваших грудок.

Гарис привлек ее к себе — Ромили почувствовала, как его губы коснулись ее щеки. Она

попыталась вырваться.

— Ну уж нет, — тихо процедил мужчина.

Ромили рассердилась:

— Мне не нравится, когда пахнет изо рта, а вы сегодня много выпили, дом Гарис. Позвольте мне уйти.

— Тебе бы следовало выпить еще больше, — игриво ответил он и закружил ее в направлении длинной галереи, которая вела прочь от танцевального зала. — Ну-ка, как насчет поцелуя, Роми? Не подаришь?..

— Я вам не Роми, — отрезала девушка и резко откинула голову. — Если бы вы не шпионили в том месте, у девичьих спален, где вам не положено торчать, вы бы не увидели меня в костюме моего брата. Если вы считаете, что я так вырядилась специально ради вашей чести, то глубоко ошибаетесь.

— Неужели ради этого надменного отпрыска Халиминов, который ухаживал за тобой на ястребиной охоте? — спросил он и вновь рассмеялся.

— Я желаю вернуться в зал. Я бы никогда не удалилась с вами по собственной воле. Мне бы не хотелось устраивать сцену на балу… Лучше отпустите меня, или я сейчас позову на помощь брата. Тогда мой отец выпорет вас кнутом.

Гарис еще больше развеселился.

— Милая, чем, ты думаешь, в такую ночь занимается твой любезный братец? Он вовсе не обрадуется, если своими криками ты оторвешь его от того, чем любят в такой поздний час позабавиться молодые люди. Поэтому не надо лишних слов, ты уже совсем не ребенок. Ну, как насчет поцелуйчика?

— Ни за что!

Ромили принялась отчаянно бороться, потом закричала — он тут же отпустил ее и вежливо извинился:

— Простите. Я просто испытывал вас. Теперь я вижу, вы порядочная девушка, и все, что боги не дозволяют, к вам никакого отношения не имеет. — Он склонился перед ней и неожиданно поцеловал ей руку.

Ромили часто заморгала, стараясь скрыть выступившие слезы, и быстро выбежала из галереи, пересекла зал и бросилась вверх по лестнице. Уже в комнате скинула платье, бросилась на кровать и горько разрыдалась.

Как она ненавидела его!

5

Каждый год Макараны использовали Праздник середины лета для предварительных переговоров, осмотра, выведения на круг охотничьих собак, лошадей и ястребов, которых готовили к большой ярмарке. Шум во дворе, отдельные выкрики и смех разбудили Ромили. Она выглянула в окно — толпа галдела как раз под ее окнами. Девушка быстро оделась — натянула свое старенькое платье. Теперь она и помыслить не могла о бриджах, сапогах, мужской рубашке, ее даже в дрожь бросило от этой мысли. Быстро ополоснув лицо, она выскочила в коридор. На лестнице столкнулась с Калиндой, та одарила ее печальной улыбкой.

— Сегодня мне вряд ли удастся засадить Раэля за парту. К тому же его забирают от меня — твой отец собирается отправить его в Неварсин, теперь он будет учиться там. Тебя, как я погляжу, тоже сегодня не удержишь, Ромили. Ладно, — она еще раз улыбнулась, — беги, если так хочешь, а я займусь с Мэйлиной правописанием… Она более усидчива, когда в классе нет тебя и Раэля. Надеюсь, там среди гостей ты не забудешь, чему

я тебя учила. Пусть книга будет твоим верным спутником. Хотя завтра, — спохватилась Калинда, — я дам тебе удвоенное задание.

Ромили крепко обняла стареющую женщину — у той даже дыхание перехватило.

— Спасибо, Калинда. Большое спасибо…

Девушка вышла во двор, потихоньку пробилась через толпу и наконец очутилась в поле перед воротами, где знатоки и будущие покупатели осматривали лошадей. Невдалеке Девин готовил приманку для одного из лучших ястребов Макаранов. Ястреб был крупный, очень видный — в его тренировке принимала участие и Ромили. Теперь она стояла в сторонке и, волнуясь, наблюдала за старым мастером. Неожиданно Девин увидел ее и подозвал к себе.

— С виду этот ястреб такой страшный, огромный, а на самом деле отъявленный добряк. С ним справится и молоденькая девушка. Госпожа Ромили, не желаете подержать его?

Та, ни слова не говоря, натянула рукавицу и подставила запястье. Старик пересадил птицу и начал раскручивать приманку над головой. Ромили выпустила хищника — ястреб начал набирать высоту. Приманка — кусок мяса с воткнутыми в него перьями — отлетела и упала

на землю, и в тот же миг хищник с невообразимой скоростью — даже глаз не мог уследить за его падением — устремился вниз и вцепился в приманку. Ромили подхватила птицу, в другую, свободную, руку взяла мясо, чтобы охотник мог поклевать добычу. В толпе раздались приглушенные крики восхищения.

— Я бы приобрел этого ястреба для своей жены, — подал голос Кадел Алдаран из Скатфелла. — С тех пор как она занята детьми, у нее не было достаточно времени для упражнений с ловчей птицей, так что этот ястреб будет ей прекрасным подарком.

— Нет, — твердо заявил дом Гарет, хозяин Скатфелла, — под моей крышей никакая женщина не имеет права владеть таким прекрасным ястребом. Отдаю должное вашей системе обучения, мессир. Есть ли у вас что-нибудь поменьше, что-нибудь подходящее для леди — его бы я приобрел для госпожи Дарисы. Госпожа Ромили, нет ли в вашей соколятне какого-нибудь ястреба попроще, который был бы под стать моей снохе?

Девушка опустила глаза и скромно ответила:

— Я, собственно, обучаю верина, ваи дом, но вот эти трое, — она указала на молодых, не очень больших птиц, чьи крылья не превышали длины

ее руки, — все прекрасно обучены, и я думаю, что ни с одним из них у Дарисы не будет много хлопот. Даю вам слово, сэр, что и этот крупный ястреб очень хорош, и Дариса вполне сможет брать его на охоту — вы знаете, чем больше ловчая птица, тем лучше она в деле, тем более солидную добычу может принести на кухню. Чего ждать от малыша? Разве что землероек?..

Дом Гарет фыркнул:

— Женщинам в моем доме нет нужды охотиться, чтобы прокормить семью. Если они дрессируют ястребов, то только для прогулки на свежем воздухе и для тренировки. Неужели Макаран все еще позволяет такой взрослой девушке, как ты, охотиться с верином? Какой позор!..

Ромили едва успела сжать губы, чтобы не ответить дерзостью на эти оскорбительные слова.

«Алдаранам не дано понять, что и женщины способны тренировать ястребов. Что ж, это их дело… Может, найдется мужчина не такой упрямый, сварливый и узколобый, который сможет в конце концов понять это… Нет, ты лучше помолчи, сейчас только скандала не хватает…»

Действительно, не дай Бог обидеть такого знатного соседа и приятеля отца. Несмотря на то что, в общем, в поместье производилось все

необходимое, Макаранам нельзя было обойтись без звонкой монеты, а ее всегда не хватало, и на выручку, полученную от ярмарки, они жили целый год. Ромили вежливо поклонилась лорду Скатфеллу и, передав ястреба, Девину, отошла в сторону. Старик принялся торговаться с Гаретом, а Ромили быстрым испуганным взглядом обвела луг, на котором проходило торжище. Неужели отец, чтобы наказать строптивую дочь, выставит на продажу и Пречиозу? Нет, вроде ястребицы нигде не видно — ее, по-видимому, оставили в сарае. На дальнем конце поляны отец держал под уздцы двух своих лучших коней. К ним уже пробовали приценяться, кто-то, взгромоздясь в седло, проскакал на жеребце и повернул обратно. Неподалеку дворовый псарь Макаранов демонстрировал выучку собак. Показывал, как они подчиняются команде или жесту… Знать, вчера в роскошных костюмах танцевавшая на вечеринке, теперь толпилась на поле локоть о локоть с мелкими землевладельцами и фермерами, которые явились на ярмарку, чтобы подобрать подходящих псов для охраны скота, а если повезет, то и прикупить лошадку, на которую не польстились лорды. Дарена отрядили секретарем к коридому вести книгу учета, в кото-

рую юноша заносил все сведения о заключенных сделках. Раэль шнырял в толпе — играл в салочки с мальчишками своего возраста. Руки у него были грязные, курточка в нескольких местах порвана.

— Может, вы проводите меня? — раздался чей-то голос у уха Ромили. Она тут же обернулась, рядом стоял Алдерик. — Я хочу взглянуть на лошадей. Все уверяют, что у вашего отца лучшая конюшня в округе. Я бы хотел обменять свою клячу на что-либо более резвое. Денег у меня немного, но, может, он согласится, если я поработаю у него некоторое время. Как вы считаете, его заинтересует подобное предложение? Я заметил, что ваш коридом совсем стар и слаб — мне по силам заменить его, пока лорд Макаран не найдет достойного управляющего, а старика можно было бы перевести на работы по дому.

Ромили удивленно заморгала — вроде бы совсем уверила себя, что этот молодой человек не иначе как принц из рода Хастуров, находящийся в изгнании, а он вдруг решил наняться в работники в обмен на коня! Ну и ну! Однако девушка вежливо ответила:

— Насчет этого вам лучше поговорить с ним лично. Что я могу посоветовать? Вообще-то мы держим несколько отличных лошадок, на вид

неказистых, лорды на них внимания не обращают, а вот тем, кто победнее, они очень даже могут подойти. Возможно, какая-нибудь вам приглянется? Тем более если ее хорошенько обучить. Да вот, например. — Она указала на стоявшего поодаль неуклюжего коня, грязно-бурого, с черными пятнами. Даже грива у него росла клоками, да и хвост был, что называется, на боку. — Конечно, он немного костляв и особой красотой не блещет, но, если вас интересует надежность и выносливость, вы сразу поймете, что это очень сильное и умное животное. Даме он не подойдет, не придется по вкусу и какому-нибудь галантному франту, а вот бедному студенту в самый раз. Ему бы попасть в хорошие руки — он уж не подведет. Его отец был из самой лучшей нашей линии, к сожалению, мать попалась из отбракованных. Так что он не таких плохих кровей. Видите, каков уродец, одна масть чего стоит!

— Да, ноги у него сильные, — согласился Алдерик. — Но прежде я бы хотел взглянуть на его зубы. К тому же, кажется, он неустойчив под седлом.

— Точно, папа сначала хотел использовать его в упряжке — уж слишком он велик для большинства всадников. Но вы, — заметила она, — высо-

кий мужчина, вам и лошадь нужна под стать. Объезжал его Руйвен, я сама ездила на нем, хотя… — сказала она с ехидной улыбкой, — отец об этом не знает. Надеюсь, вы не выдадите меня?

— А вы не можете, дамисела, лично показать, как управляться с этим иноходцем? — Алдерик с любопытством глянул на нее.

— Пусть сначала покупатели наглядятся на него. Может, кто решится сам удостовериться, что перед ним не страшила о четырех ногах, а прирожденный скакун, — ответила Ромили, потом после небольшой паузы продолжила: — Зря вы не верите! Неужели я бы посмела унизиться до того, чтобы попытаться обманом всучить вам негодный товар! Хотя, — на мгновение глаза их встретились, — как вы можете знать?..

— Что я могу знать, Ромили? — Алдерик даже не улыбнулся. Он был очень серьезен.

— Не важно… — замялась девушка, потом решительно заявила: — Даю вам слово, что этот конь достаточно резв. Правда, держать его надо в крепких руках. Норов у него — ого-го! Знаете, иной раз у меня складывается впечатление, что он даже чувством юмора обладает. Да-да, поверите ли, я иногда уверена, он ржет над людьми — над теми простаками, которые считают, что

вполне достаточно влезть на коня, а тот уже сам все сделает. Он и Дарена сбросил на землю через две минуты, а вот отец может скакать на нем сколько угодно. Даже без уздечки, только седло и стремена… И тот слушается! Отец знает, как управляться с лошадьми…

— Я слышал, у вас такой же дар. — Алдерик еще раз заглянул ей в глаза. — Ладно, я поговорю с вашим отцом. Как вы считаете, согласится он обменять мою кобылу?

— Да, он всегда нуждается в лошадях со свежей кровью, — кивнула Ромили. — Как раз от таких получаются лучшие тягловые кони, которых мы потом продаем местным крестьянам. Эти люди больших денег не имеют, не могут завести себе конюшню, а без лошади в наших краях — никуда! Одна из наших кобыл совсем одряхлела, от нее уже не дождешься приплода. Отец почти задаром отдал ее одному старику, который живет поблизости. Он слишком беден, чтобы купить хорошего коня, а так и кобыла пристроена, и старик доволен. Легкая работа ей в радость. Не сомневаюсь, та же участь может ждать и вашу лошадь — если, конечно, она еще таскает ноги от старости…

— Нет, моя животинка пока ничего, — ответил Алдерик, — но беда в том, что на следующее лето

я должен отправляться в Хеллеры. Даже в такую благодатную пору это нелегкий путь.

— В Хеллеры? Так далеко? — удивленно переспросила Ромили. Она не могла взять в толк, что бы могло понадобиться этому молодому человеку в диких, почти непроходимых горах, однако Алдерик резко сменил тему и задал вопрос еще до того, как девушка успела это выяснить.

— Знаете, я никак не ожидал, что юная девушка способна так хорошо разбираться в коневодстве. Откуда вы столько знаете?

— Я же из рода Макаранов, сэр. Работала вместе с отцом. Бок о бок… Когда стала постарше и могла усидеть в седле, отправлялась с ним на дальние пастбища, а когда Руйвен оставил… — Она запнулась — разве можно выносить сор из избы, разве можно упоминать при чужих, что старший брат сбежал к монахам и отцу не с кем, кроме старшей дочери, было разделить любовь к животным, которых он разводил и тренировал? Ромили на мгновение показалось, что стоявший рядом молодой человек понял ее без слов — с такой симпатией он улыбнулся.

— Мне нравится ваш отец, — тихо сказал Алдерик. — Он, конечно, грубоват, но справедлив. С детьми он обращается, как и подобает…

— Не так, как ваш отец?

Алдерик пожал плечами, задумался — глянул в высокое чистое небо, где у горизонта тянулись полупрозрачные перистые облачка. Они висели высоко-высоко и еле двигались — следовало затаиться, замереть, следить неотрывно, прежде чем можно было обнаружить их неспешный, неодолимый ход…

— С тех пор как я вырос из детских штанишек, я разговаривал с ним всего пару раз. Моя мать была выдана за него из династических соображений, между ними не было особой любви. Сомневаюсь, что они перекинулись хотя бы словом с тех пор, как была зачата моя сестра. Они живут отдельно и встречаются несколько раз в году только для того, чтобы решить какие-то формальные вопросы. Не более того… Мой отец — добрый человек. Здравомыслящий… Однако мне все время кажется, что, глядя на меня, отмечая мою схожесть с матерью, он словно не в состоянии переступить через какой-то порог в самом себе. Уже в детстве я был вынужден называть его «сир», а когда вырос — я уже упоминал об этом, — наши встречи можно по пальцам пересчитать. Я вам завидую, когда вижу, как Раэль, ни капельки не смущаясь, влезает к отцу на колени. Не могу не то чтобы

припомнить — представить, чтобы я вот так же общался с отцом. Вы можете подойти к отцу, свободно выложить ему все, что у вас на сердце, — он выслушает вас, как старший товарищ, не прервет, не отмахнется… Пусть мой отец и выше по положению… — Он замолчал. На некоторое мгновение между ними повисла напряженная тишина, только потом он ослабевшим голосом закончил: — …и по знатности, я бы хотел, чтобы мне не приходилось постоянно обращаться к нему: «мой повелитель». Клянусь, я бы хотел на миг поменяться отцами.

— Лорд Макаран серьезно может прикинуть, какие выгоды сулит ему подобная сделка, — горько заметила Ромили, однако тут же пристыдила себя — зачем возводить напраслину, ведь отец любит ее. Пусть по-своему, без всяких нежностей, но любит, и она знала об этом. — Посмотрите, он сейчас стоит один, возле него нет покупателей. Самый момент подойти и поговорить насчет Краснокрылого. Согласится он обменять его на вашу лошадь?

— Благодарю, — промолвил Алдерик и отошел. Девин подозвал Ромили, чтобы она продемонстрировала, на что способны выдрессированные ею собаки. Девушка тут же забыла об Алдерике.

Весь день она провела на ярмарке, показывая выучку сторожевых псов, рассказывая их родословные, сообщая данные из племенных книг — так и сыпала сведениями! — потом помогала сокольничему торговать ястребами. За все это время, где-то в полдень, Ромили удалось перехватить кусок хлеба с сыром и несколько орехов, которые она быстро проглотила в загоне, расположенном за конюшней, вместе с другими работниками Макарана. К тому моменту, когда вечером пошел дождь и гости начали разъезжаться по домам, она буквально валилась с ног. Девушка с трудом добралась до своей комнаты, однако ванна вернула ей силы, и, переодевшись в обыденный наряд — блузку и юбку, — она направилась в столовую на ужин. Уже в гостиной ей в нос ударил соблазнительный аромат жареного мяса и свежеиспеченного хлеба… Раэль за столом не давал никому слова молвить — все рассказывал, как он провел день, каких животных ему довелось повидать, — пока мать не одернула его:

— Тихо, Раэль, или отправишься ужинать в детскую. Здесь же есть люди постарше тебя, которым тоже надо перекинуться парой слов. Как прошел день, дорогой? — спросила она вошедшего Микела Макарана.

Тот молча сел за стол, долго устраивался на стуле, потом, явно не торопясь с ответом, отпил из кубка.

— В общем-то удачно. Мне удалось обменять Краснокрылого — замечательного коня для того, кто понимает толк в лошадях и смотрит не на масть. Это с твоей подачи, Ромили? Дом Алдерик так мне сказал… — Он наградил дочь улыбкой.

— Я правильно поступила? Папа, мне бы не хотелось вмешиваться в мужские дела, но мне показалось, что для дома Алдерика он будет как раз впору, — ответила она нерешительно. Оглядела стол, Дарена и его друга еще не было. Тогда Ромили закончила: — Он сказал, что у него туго с деньгами, вот я и подумала, что подобный обмен то, что нам надо.

— Я рад, что ты так толково все придумала. Мне очень хотелось, чтобы Краснокрылый попал в надежные руки. Вряд ли кто-нибудь способен управиться с ним, но молодому Кастамиру, думаю, это удастся. Спасибо, дочь.

— И вот еще что, — строго добавила Люсьела. — Этот год — последний, который Ромили проводит в поле, на ярмарке среди мужчин. Хватит демонстрировать ястребов и лошадей!.. Микел, она уже взрослая женщина!..

— Ну, это не страшно, — улыбнулся Макаран. — У меня есть новости. Ромили, дорогая, тебе уже известно, что ты вошла в брачный возраст. Я никогда не думал, что тебе выпадет такая удача — сам дом Гарис просил твоей руки, и я ответил ему — да!

Ромили почувствовала, как ледяная рука сжала ее горло.

— Отец! — выкрикнула она. В этот момент Люсьела и Мэйлина начали возбужденно перешептываться. — Только не дом Гарис!

— Давай, давай, — понимающе улыбнулся Микел. — Уверен, что ты еще никому не успела вручить свое сердце, так почему бы не он? Манфред Сторн совсем сопляк, ему рано еще жениться. Вот я и подумал: почему бы не дом Гарис? Ты дружна с Дарисой и рада будешь вступить в семью, где тебя встретит лучшая подруга…

— Я считала, что, может быть, Синил?..

— Он со своими шуточками какой-то легкомысленный, — пренебрежительно ответил Макаран. — Я вполне могу перегнуть его через колено и отшлепать, как мальчишку. Послушай, зачем выходить за самого младшего сына в семье, когда тебе делает предложение наследник?

Вспомнив о том, что случилось в галерее, Ро-

мили почувствовала, как ее сердечко внезапно ухнуло в пропасть и там замерло, затаилось… «Я просто испытывал вас. Теперь я вижу, вы порядочная девушка…» Итак, решила Ромили, если бы дом Гарис был достаточно хорош для нее, чтобы подарить ему поцелуй, то тогда он бы не рискнул жениться на ней. Выходит, замужество — это своего рода награда за примерное поведение? А поскольку она откровенно выказала отвращение, которое испытывает к нему, он тем более заинтересовался. В глазах Ромили заиграли бешеные огоньки, но устраивать скандал здесь, в присутствии отца, всей семьи?.. Она взяла себя в руки.

— Отец, — твердо и спокойно сказала Ромили, — я ненавижу его. Пожалуйста, не выдавайте меня за него замуж.

— Ромили! — воскликнула Мэйлина. — Как ты не понимаешь? Ведь ты же будешь леди Скатфелл!.. Ведь он же законный наследник поместья, а возможно, и земель Алдаранов. И такой день может наступить!.. Ведь семья Алдаран — это только ветвь Хастуров.

Микел Макаран жестом принудил младшую дочь примолкнуть.

— Роми! — членораздельно и веско выговорил он. — Женитьба — это очень серьезный шаг, он

не может быть отдан на волю случая, тем более каприза. Я выбрал для тебя достойную партию.

— Ага, он уже похоронил трех жен, и все они скончались при родах. И не так уж он молод!..

— Это потому, что он женился на девушках из рода Алдаранов, — ответил отец. — Любой коннозаводчик объяснит тебе, чем могут кончиться браки между близкими родственниками. В тебе же нет ни капли крови рода Алдаранов, и ты, возможно, родишь ему наконец здоровых детей.

Ромили припомнился разговор с Дарисой, ведь подруга была не намного старше ее, а теперь как она выглядит? Раздувшаяся, бесформенная туша, вся колыхается при ходьбе!.. Тьфу!.. К тому же если отцом ее детей станет дом Гарис с его сладким голосочком, вечно потными руками, маслеными глазками… У нее в полном смысле слова подкосились ноги. Она почувствовала, что, прикажи ей сейчас встать, она рухнет на пол.

— Больше не о чем говорить, — заявил отец и прихлопнул ладонью по столу. — Все девицы глупы, все верят, что им самим лучше известно, какой мужчина подходит им более всего, но стоит только довериться их выбору, и все полетит в тартарары! Вот почему нам, старшим и опытным, доверено подумать над тем, как устроить их

жизнь. Я не собираюсь объявлять о свадьбе ранее сбора урожая. Я не хочу торопиться с женитьбой, но после того, как с полей будет убран последний колосок, ты станешь женой дома Гариса. И хватит об этом.

— Значит, ты выгодно продал меня! Так же, как продаешь коней или собак, не правда ли? — промолвила с горечью Ромили. — Значит, теперь ты занялся торговлей дочерьми? Скажи, отец, дом Гарис предложил хорошую цену?

Кровь прихлынула к лицу Микела, и Ромили угадала, что попала в больное место.

Отец резко бросил:

— Я не слышал этих наглых слов, дочь моя.

В любом деле должна быть соблюдена мера.

— Я не сомневаюсь в этом! — Ромили не имела намерения заканчивать разговор. — Конечно, куда легче торговать конями, собаками и ястребами — они не могут перечить. Ты можешь поступать с ними, как твоей душеньке угодно.

Микел Макаран открыл было рот, чтобы ответить дочери, и замер, только смерил ее тяжелым, пронзительным взглядом. Потом обратился к Люсьеле:

— Жена! В ваши обязанности входит призвать к порядку моих дочерей. Вы должны глаз с них не

спускать! Взгляните, что получается. Скандал, не так ли? Я продолжу обед в компании коридома, мне не к лицу выслушивать все это за столом.

Он поднялся и, тяжело ступая, вышел из столовой.

Ромили бросилась к Люсьеле, рухнула на колени, уткнулась лицом в подол ее платья.

— Мама! — зарыдала она. — Неужели вы выдадите меня за этого… за этого… — После короткой запинки она выговорила: — …слизняка? Он же вылитый… этот… который ползает по трупу… по трупу… у которого дюжина ног…

Люсьела погладила ее по голове, потом задумчиво посмотрела в угол комнаты.

— Ну же, ну же, девочка, — с трудом, шепотом, выговорила она. — Все это не так страшно, как ты думаешь. Ты же сама сказала дому Алдерику — вспомни, — что надо смотреть в корень, не судить по внешнему виду. Дом Гарис — хороший, уважаемый человек. В твоем возрасте я уже родила своего первого ребенка, и твоя родная мать тоже. Роми, ну, Роми, не надо плакать, — беспомощно промолвила женщина.

Ромили внезапно поняла, что мачеха ей не заступница — Люсьела никогда не перечила отцу. Она просто не способна на это.

Выхода не было!

И в комнате, и катаясь верхом с Пречиозой на луке седла, она мучительно размышляла: что делать? Казалось, ее загнали в капкан. Отец еще ни разу не изменил своего решения. Он даже слышать не хотел о том, чтобы простить Руйвена, а ведь Дарен пытался просить за брата. Если что-то вобьет в голову, клещами не вытащить. Никогда он не нарушит слово, данное дому Гарису. А может, сам Гарет из Скатфелла возьмет назад свое предложение? Ни за что! Пусть небо упадет ему на голову, но он не отступится. Это было так очевидно, что Ромили, обдумывая и такой поворот событий, сразу мрачнела, слезы сами собой навертывались на глаза. Случалось, правда, что иной раз мачеха или воспитательница пытались убедить отца, что то или иное решение неверно, особенно когда он наказывал детей; но Ромили что-то не слышала, чтобы он прислушался к голосам женщин или доводам рассудка. Сказал — как отрезал! Пусть даже Микел сознавал, что перегнул палку или неумеренно поддался чувству… По всем холмам Киллгард было известно, что слово Макарана ни в чем не уступает слову Хастуров. Оно крепче железа. Ему верили всегда, Макарану не надо было писать долговых обязательств или

клясться на мече.

Что, если она бросит вызов отцу? Так уже случалось, и у Ромили внутри все трепетало, когда она задумывалась о том гневе, какой вызовет у него ее отказ. И все равно, даже перехлестывающая все границы ярость Микела казалась ей более терпимым наказанием, чем ежедневные, ежечасные прикосновения наглого, торжествующего Гариса, исполнение супружеских обязанностей… Просто отец не знает, что представляет собой этот человек. Тут ее внезапно пронзила мысль, что отец даже не поймет ее. Ему это просто не дано! Он не в состоянии ощутить, что может чувствовать женщина, оказавшаяся в руках у Гариса Алдарана.

«Да меня просто вырвет, когда он прикоснется ко мне!» Пусть отец выйдет из себя, пусть придумает что хочет, выберет любое наказание, но она еще раз поговорит с ним.

Ромили нашла лорда Макарана в конюшне — тот наблюдал, как мальчишка, помощник конюха, делал припарку черному пони, который разбил колено, упав во дворе. Момент был неблагоприятный — отец выглядел мрачным, задумчивым.

— Накладывай повязку повыше, — наставлял

он подростка. — Горячее и холодное в течение по меньшей мере двух часов, потом посыпь бинт порошком каралы[18] и крепко перебинтуй сустав. Следи, чтобы он не лез в грязь. Каждые несколько часов меняй соломенную подстилку. Все должно быть чисто. Чертов пони, как это его угораздило! Лечи не лечи, но если он потом все равно будет беречь ногу, придется продать его с убытком или использовать только на легких работах. Оставляю его на твое попечение. Если животное не поправится, я с тебя шкуру спущу. Слышал, ты, мошенник? Это по твоей милости он упал.

Парнишка было попытался протестовать, но хозяин жестом приказал ему заткнуться.

— Не надо мне сказки рассказывать, я сам видел, как ты скакал на нем по камням. Чертов осел! Мне бы следовало запереть тебя в подвал и посадить на сорок дней на хлеб и воду.

В этот момент он повернулся и увидел Ромили.

— Что тебе надо на конюшне, девочка?

— Я тебя искала, отец, — ответила девушка. Она изо всех сил старалась, чтобы голос ее звучал твердо, достойно. — Я хотела бы поговорить с тобой. Если, конечно, у тебя есть время.

---

[18] notes: 18
Антисептик.

— Время, говоришь? Да мне все утро ничего в голову не лезет, кроме этого пони. Надо же так ногу расквасить. Убыток на убытке!..

Тем не менее он не спеша вышел из конюшни и прислонился спиной к столбу ограды.

— В чем дело, девочка?

В горле встал комок. Ромили никак не могла решиться заговорить, и она несколько минут смотрела вдаль. В легкой голубоватой дымке просматривались горы, ближе расстилалась долина, поросшая сочной травой. Там, невдалеке, на выгоне, паслись племенные кобылы. Безмятежно пощипывали траву… Многие уже совсем старые… Служанки из домашней челяди стирали белье у ручья. В большом котле, подвешенном над дымящимся костерком, что-то кипело и булькало… Как все эти незамысловатые сценки были ей дороги! Помнится, она как угорелая носилась по выгону, все пыталась заглянуть в котел, подбрасывала ветки в огонь… Теперь это придется оставить, податься в чужие края. Зачем?

«Соколиная лужайка» была дорога Ромили, как, впрочем, любому из детей Микела, а теперь, выходит, пора замуж и прощайте горы, долина? Ради чего? Любой из ее братьев с радостью остался бы здесь, так бы и прожил жизнь рядом с этими

холмами, кобылами, ручьем, собаками… Даже Руйвен, который сбежал из родных мест, мог бы остаться здесь навсегда. Почему он выбрал такой путь? И Дарена тоже тянет вдаль, не такой уж охотник до отцовского наследства.

Почему, ну почему у братьев все наперекосяк? Теперь и до нее это проклятье докатилось. Слезы навернулись на глаза, Ромили отчаянно заморгала — не хватало еще разреветься! Ну почему ей нельзя остаться здесь, стать наследницей? Она бы привела сюда мужа — это куда лучше, чем уезжать куда-то на сторону, да еще к ненавистному супругу…

— Так что же случилось, дочь? — мягко переспросил отец, и Ромили поняла, что он заметил ее слезы.

Девушка кашлянула, попробовала голос, потом сказала:

— Отец, спору нет, я, конечно, должна выйти замуж. Мне это известно лучше, чем кому бы то ни было. И мне радостно было бы подчиниться твоей воле, но… но почему именно дом Гарис? Я просто ненавижу его! Я его терпеть не могу!.. Он же похож на жабу. — Она почти выкрикнула последние слова, но тут же спохватилась, заставила себя успокоиться. Ее голос не должен срываться

на крик — будет только хуже.

Отец понимающе покивал.

— Я долго пытался подобрать тебе самую лучшую пару. Делал все, что в моих силах. И думаю, что в этом случае не ошибся. Он наследник Скатфелла, Роми, и не так далек от титула лорда Алдарана. Если, конечно, старый лорд умрет бездетным. А откуда у него могут взяться дети? Я ведь небогатый человек и не могу выделить тебе большое приданое, а Скатфеллы состоятельны настолько, что им в общем-то безразлично, что ты принесешь с собой. Дому Гарису просто нужна жена.

— Он уже трех вогнал в могилу, — в отчаянии воскликнула Ромили, — а теперь собирается жениться на девочке, которой только-только исполнилось пятнадцать!..

— Одну причину он сам просил довести до твоего сведения. Беда в том, что прежние жены были слабы здоровьем и приходились ему близкими родственницами. Он хочет взять жену из другого дома. Если ты родишь ему здорового сына, это будет большая удача для тебя. Дом Гарис исполнит все, что ты пожелаешь.

— А если нет? Если я умру, то никому не будет интересно, была ли я счастлива или нет! — вос-

кликнула Ромили, и слезы ручьем хлынули из ее глаз. — Отец, я просто не могу! Я не в состоянии выйти за него замуж, он вызывает у меня отвращение. О папа, я не пытаюсь оспорить твое решение, я с охотой стану женой кого угодно, хоть Синила, хоть дома Алдерика…

— Алдерика? Хе-хе… — Отец взял ее за подбородок и, подняв голову, заглянул в лицо. — Теперь скажи мне правду, девочка. Дом Гарис желает, чтобы ты была чиста и невинна. Уж не этот ли надменный отпрыск Кастамиров взволновал твои чувства, дочь? Уж не соблазнил ли он тебя, этот гость, пробравшийся под теплую крышу?..

— Дом Алдерик ни разу ни словом, ни жестом, ни поступком не выказал мне неуважения. Так что твои подозрения необоснованны. Я ни разу не встречалась с ним с глазу на глаз — только в присутствии матери, тебя или Дарена, — возмутилась Ромили. — Я упомянула его только потому, что не испытываю к нему отвращения. Ни к нему, ни к Синилу, ни к любому другому здоровому молодому человеку, который был бы чуть постарше меня или одного со мною возраста. Но этот… этот скользкий… — Она даже договорить не смогла — сжала губы, чтобы не вскрикнуть, только пальцы ее непроизвольно сжались и

разжались.

— Ромили, — мягко сказал отец, придерживая ее подбородок. — Дом Гарис не так стар, как тебе кажется, ведь не старика-лорда я выбрал тебе в мужья. Послушай, он не какой-нибудь сумасброд, который неизвестно что выкинет, не пьяница, не азартный игрок, не безумный мот, готовый растранжирить все, что попадет под руку. Я знаю Гариса с младенчества — он добрый малый. Честный, хорошего рода. Тебе не следует задирать нос перед ним. Красота скоро поблекнет, но честь и гордое, благородное имя, полученное при рождении, не поблекнут никогда. Тем более покладистый, несклочный характер. Именно такого мужа я искал для тебя, Роми. Ты еще глупа и не видишь дальше собственного носа. Тебя влекут красавчики и ловкие танцоры, а мы, родители, смотрим глубже. Опыт нам это позволяет! Прожитые годы, они вот тут, — он похлопал себя по шее, — скапливаются. Вот где хомутом висят…

О чем здесь говорить! — обреченно подумала Ромили. Ну упомяну ему о сцене в галерее — ну и что из этого? Проймешь его этим, что ли? Но и помалкивать было невмоготу — вроде бы отец пытался убедить ее, старался достучаться до ее умишка, почему бы не попытаться добраться до

его рассудка?

— Он… он так смотрел на меня… ну, будто я голая… И когда мы танцевали, когда он положил на меня свои руки…

Отец нахмурился, опасливо глянул по сторонам. Девушка догадалась, что и его смутила эта новость. Однако он нашел оправдания. И очень быстро…

— Мужчине нужна жена. Когда вы поженитесь, Гарису не будет нужды поступать так. Наконец, ты знаешь, что он не… — отец смущенно кашлянул и нервно потер руки, — не дамский угодник и… до мужчин ему тоже нет дела. Он не бросит тебя ради какого-нибудь симпатичного паренька из дворцовой стражи. Я думаю, он будет тебе хорошим мужем, Роми. Он, может, немного неуклюж и не знает, как вести себя с тобой, но все придет со временем. Стерпится — слюбится, вы будете счастливы.

Ромили опять расплакалась. Она выговаривала сквозь рыдания:

— Отец! Отец, ну пожалуйста!!! Любой другой, только не он. Клянусь, я слова поперек не скажу… Только не дом Гарис!..

Макаран нахмурился, сжал губы, потом наконец вымолвил:

— Ромили, дело зашло так далеко, что я не могу уже поворачивать оглобли, не уронив достоинства. Вопрос слишком серьезен — я не хотел упоминать об этом. Скатфеллы наши соседи, я завишу от их доброй воли. Если я нарушу слово, это будет такой удар по их чести, такой вызов, после которого примирение будет невозможно. Итак, что сделано, то сделано, и теперь я повязан по ногам и рукам. Мне больше нечего тебе сказать, дитя мое. Ты еще очень молода и скоро привыкнешь к дому Гарису, и все будет хорошо. Обещаю тебе… Ободрись, не надо плакать. Обещаю подарить тебе скакуна из чудной пары вороных коней. Я их сам объезжал… Это будет мой свадебный подарок. К тому же я собираюсь тебе во владение дать маленькую ферму у Серых скал, так что у тебя всегда будет свой собственный уголок. Скажу Люсьеле, чтобы она послала человека в Каер-Донн на ярмарку — пусть купит самой лучшей материи на свадебное платье. Утешься… утри слезы. Пока прикинь, какого коня ты выберешь. Можешь сказать Люсьеле, что тебе надо сшить три, нет, четыре новых платья и все, что к ним требуется: всякие юбки там, перья, шляпки и прочие безделушки, которые так нравятся девушкам. На наших холмах не было и не

будет более нарядной невесты.

Ромили отвернулась, сглотнула слезы. Надежды нет, все попусту, раз отец дал слово лорду Скатфеллу и дому Гарису. Он никогда не повернет назад, что бы она сейчас ни говорила. Макаран, ошибочно приняв ее молчание за согласие, погладил дочь по щеке.

— Все будет хорошо, моя девочка. Я горжусь тобой куда больше, чем твоими братьями. Ты крепка духом, здорова телом.

— Я предпочла бы быть вашим сыном, — выпалила Ромили. — Тогда бы я навсегда осталась с вами в родном доме.

Отец мягко обнял ее.

— Я тоже, девочка. Видит небо — я тоже! Но на все воля богов, только высший судья знает, почему он подарил мне такую дочурку, как ты, ведь все, чем ты обладаешь от рождения, куда больше подходит мужчине. Все идет предначертанными свыше путями, и не мне и не тебе испытывать терпение небес, Роми.

Дом Микел вновь обнял Ромили, и она зарыдала горько-горько, навзрыд и никак не могла остановиться.

Уже потом она размышляла, что оттого, что отец любит ее, жалеет ее, еще горше на душе. Если

бы он грозил, повысил голос, разгневался, накричал на нее, ударил, наконец, ей было бы легче. Тогда ее сопротивление обретало бы смысл. А так? Если принять его точку зрения, то ее доводы — пустая блажь. Пусть даже это правда, но как переступить через себя, как заставить поверить, что стерпится — слюбится?! Отца тоже можно понять — ладно, она слишком молода, слишком неопытна, слишком глупа, но как все-таки стерпеть брак с нелюбимым?

Ромили старалась выказать интерес к свадебным приготовлениям. Бракосочетание, как сказал Макаран, должно состояться сразу после сбора урожая. Люсьела уже послала за тончайшим шелком на ярмарку в Каер-Донн. Там же должны были приобрести и все необходимые причиндалы. Решено было шить малиновое, голубое и фиолетовое платья, а также прикупить галантерейных товаров, лифчиков и кружевного белья. Мэйлина — стоило ей увидеть все эти вещи — буквально потеряла дар речи от зависти.

Однажды утром в «Соколиную лужайку» прискакал всадник из Скатфелла. Когда он въехал на двор, все увидели, что тот держит накрытую материей клетку.

— Сэр, — обратился он к вышедшему на крыль-

цо Макарану, — я привез послание от дома Гариса, а также подарок для госпожи Ромили.

Микел взял письмо, развернул его и чуть прищурился. Потом передал послание сыну.

— Дарен, у тебя глаза зорче. Ну-ка, прочти, что там написано.

Ромили почувствовала раздражение — если письмо направлено ей, то лишь она должна читать его. Возможно, отец не хотел показать, что его дочь читает куда лучше, чем сын, столько лет проведший в Неварсинском монастыре.

Дарен между тем огласил текст письма:

— «Макарану, владельцу «Соколиной лужайки» и моей будущей жене Ромили от Гариса-Регис Алдарана из Скатфелла — привет!

Ваша дочь сообщила мне, что она облетывала дикого ястреба-верина, о котором говорят, что эта птица умнейшая из тех, что когда-либо появлялись на наших холмах. Сие занятие — неподобающее времяпрепровождение для супруги наследника домена Скатфеллов. Вследствие этого я позволил себе вольность послать своей будущей супруге двух замечательных птиц, которым более приличествует сидеть на самой прекрасной ручке на всех холмах Киллгард. Теперь у нее не будет нужды заниматься

сугубо мужским делом. Умоляю ее принять этих чудесных птиц, которых, надеюсь, она с большой охотой обучит искусству ловли. Передаю свои приветствия и уважение моей будущей жене и вам, сэр».

Прочитав послание, Дарен сказал:

— Здесь приложена личная печать Гариса.

Макаран поднял глаза к небу, потом, пожевав губами, заметил:

— Очень учтивое послание. Открой клетку, человек.

Тот поднял накидку — в клетке сидели два прекрасных маленьких ястреба. На головах у них были надеты колпачки из тончайшей алой кожи с гербами Алдаранов, вышитыми золотой нитью. Ремешки украшало золото. Птицы были яркие, оперение поблескивало. У Ромили даже дух захватило.

— Замечательный подарок, — сказала она. — И очень содержательный. Скажи моему… передай моему будущему супругу, что я благодарна ему и немедленно займусь их обучением, при этом я постоянно буду помнить о его доброте.

Она подняла руку и посадила одного из ястребов на запястье, покрытое перчаткой. Птицы сидели так спокойно, что Ромили могла поклясть-

ся, что учить их нечему — ястребы прекрасно тренированы. Правда, и годны они были только на то, чтобы ловить мышей, однако сам факт покупки таких дорогих игрушек говорил о том, что дом Гарис относился с вниманием к увлечениям своей будущей жены. На мгновение она подумала, что ее будущий супруг, возможно, не так уж плох, однако уже в следующую минуту ей пришло на ум, что таким образом Скатфелл предупреждает ее, что после свадьбы ей будет строго-настрого запрещено работать с настоящими ястребами. Помнится, отец его, старый Гарет, так и заявил: «Подобное занятие недопустимо для жены наследника Скатфелла». На этот счет у Ромили уже сложилось мнение — что бы они ни говорили, она ни за что не согласится расстаться с Пречиозой.

С некоторым чувством вины перед своей подругой — словно она в чем-то изменила ей — Ромили отправилась на охоту с маленькими ястребами. Между хозяйкой и птицами сразу установилась прочная связь, однако, запуская их в полет, девушка испытывала странные ощущения: и радость оттого, что они так послушны, и некоторую неудовлетворенность при поимке добычи, а подчас и легкое раздражение от невозможности

добиться уже знакомого единения, слияния в одно целое, в некое окрыленное разумное существо, что она с восторгом, с ликованием переживала с Пречиозой. Мелкие ястребы слишком примитивно организованы, чтобы обладать хотя бы зачатками ларана, к тому же эти красавчики были выведены в неволе. Раз или два Ромили пыталась установить с ними телепатическую связь. Никакой радости! Сознание этих птичек было совершенно плоским, механическим, «однословным», как у глупых женщин. Скоро ей наскучили эти образцово-показательные полеты — в них не было живости, чего-то неуловимо возбуждающего душу; ястребам не хватало изобретательности. Высоту они набирали за одно и то же количество кругов, точно так же падали камнем вниз… Она ежедневно запускала их — птицы ни в чем не виноваты и без тренировок просто погибнут, но всякий раз, как только, отработав свое, они садились на дужку, прикрепленную к передней луке седла, Ромили испытывала облегчение. С каким волнующим предвкушением счастья надевала им на клювастые головы нарядные кожаные колпачки и — наконец-то! — брала в руки Пречиозу. Вот когда она тешилась вволю, вот когда, выпустив ястребицу в небо, она полностью отдавалась

полету и ощущению полной свободы.

Теперь по большей части она выезжала на охоту с Дареном и Раэлем — Алдерик, нанявшийся в коридомы, целыми днями был занят. Дел было по горло — надо было вести книги приходов и расходов, держать под присмотром достаточно многочисленный штат слуг, проверять состояние лошадей, собак, ястребов и промыслов, которыми жила усадьба. Молодые люди теперь виделись редко, разве что вечерами, когда управляющий лично зажигал светильники в доме и садился с Дареном и хозяином играть в кастлы[19] или в карты или долгими часами вырезал из дерева игрушки Раэлю. Встречались, обменивались двумя-тремя словами — и все…

Собственно, у Ромили тоже не выпадало свободной минутки. Отец заявил, что в преддверии свадьбы можно сократить количество уроков. Теперь уже и речи не шло о том, чтобы позаниматься с бывшим коридомом основами ведения домовых книг. К чему это, скривился отец, коль скоро быть свадьбе, а в новом доме есть кому считать деньги. Теперь девушку на долгие часы усаживали за шитье, вязание, и Калинда

---

[19] notes: 19
Настольная игра.

без конца учила всяким хитростям надзора за кухарками, швеями, пряхами и даже за молочницами. При этом воспитательница заставляла ее самое готовить, кроить, доить коров… Как приговаривала Калинда, это совсем не значит, что ей придется заниматься подобными делами, но хорошая хозяйка должна знать, выдаивает ли доярка вымя до конца или ленится, не балует ли с водой, а уж о домашних слугах и говорить не приходится. За этими нужен глаз да глаз! Лорд Скатфелл вдовствовал, и по всему выходило, что супруге наследника суждено стать первой дамой в их семье, следовательно, заниматься хозяйством. К тому же нельзя было хотя бы намеком показать, что она не разбирается в этих вопросах. Ни в коем случае нельзя было давать повод для пересудов: вот, мол, те из «Соколиной лужайки» — сущая беднота, и женщины из их рода не в состоянии справиться с хозяйством, ибо никакого хозяйства у них никогда не было. Так, крупная ферма, а не поместье… Однако, по мнению Ромили, подобное обучение более походило на самый тяжкий, взаправдашний труд, чем на пояснение, как надо следить за работницами. Сколько грязи она выволокла на своем горбу из амбара, сколько коров подоила, сколько взбила масла — словами

не передать. И все это давалось огромным напряжением сил — навыков-то у нее почти не было, до всего по большей части приходилось доходить своим умом, а те, за кем она должна была приглядывать, скорее приглядывали за ней. Советы их были полезны, но скупы — они толком и объяснить не могли, почему надо было делать так, а не иначе. От подобных вопросов слуги нередко застывали и начинали часто моргать. Ромили тогда становилось неловко, а наиболее простодушные после недоумения и паузы начинали ворчать — почему, почему? По кочану!.. Учили их так, вот почему!..

Потом в бой вступала Люсьела и круто принималась за Ромили, а заодно и за Мэйлину. Мачеха собрала все их старые куклы, поодевала их в ношенные Раэлем наряды и учила сестер, как купать младенца, как поддерживать головку, как пеленать, как поступать, когда высыпала потница или замечалось покраснение. Ромили в толк взять не могла, зачем все эти муки, если в доме Скатфеллов полно нянек и опытных женщин среднего возраста — хотя бы Дариса, у которой уже двое, нет, трое детей, — зачем ей-то вся эта премудрость? Не тут-то было — Люсьела неожиданно резко и безоговорочно подавила

всякие попытки пререкаться. «Надо! — заявила она. — Надо, и все тут!..» Ну и жизнь начинается, вздыхала Ромили. Она в общем-то не очень горела желанием обзаводиться детьми. Тем более сразу. Конечно, Раэль в младенчестве был просто чудо, однако стоило ей вспомнить Дарису, как у девушки тут же холодело на душе. Неужели и она раздастся до таких размеров, расползется, как квашня?! Жуть!.. Потом еще этот… Ну, сам процесс, в результате которого получаются дети. Она выросла на ферме, была здоровой, грудастой девицей, которая втайне частенько задумывалась — даже с некоторым удовольствием — о суженом, которому доверит себя. О любовнике-муже… Но когда перед мысленным взором Ромили вставало ненавистное, пухлое, с алыми влажными губами лицо дома Гариса, ее охватывала такая слабость, что сама мысль о соитии с мужчиной ничего, кроме отвращения и дрожи, не вызывала. Она просто не могла, просто не в состоянии была представить себя в его объятиях, в чужих бесстыдных объятиях!.. Нет, надо бежать — как-то сразу и без колебаний однажды решила Ромили. Только бежать!.. Вступить в Орден Меча, опоясаться оружием и в качестве наемницы сражаться за того короля, который больше заплатит.

Придется обрезать косы, проколоть уши… Когда прошел первый угар, когда девушка обдумала эту возможность, ей стало смешно. Как же она глупа — ну, сбежит она, дальше что? За ней тотчас отправят погоню. Нужно быть полной дурой, чтобы поверить, что ее не нагонят, не отыщут — в холмах Киллгард следопытов хватает. Что последует за этим? Душераздирающий разговор с отцом, мачехой и самим домом Гарисом? Они ее свяжут — в этот миг фантазия опять заработала, и Ромили со страхом и надеждой погрузилась в волнующие душу видения, — закуют в кандалы, а она примется истошно вопить: «Нет!» Тогда они потащат ее к кровати… Что, прямо в кандалах? Нет, кандалы снимут, но вопить она будет. «Нет! Нет!.. Ни в коем случае!» — так, что ли? Ромили грустно усмехнулась, посидела, подумала, потом встрепенулась. А что, если… Нет, и так не получится… Тогда она вот как поступит… Глазки у девушки вновь разгорелись. У нее будет с собой кинжал… Дом Гарис, конечно, сразу отпрянет. Она заявит, что заколет его или себя, если он посмеет притронуться к ней. Она по-доброму, убедительно объяснит ему, как он ей ненавистен. Гарис смутится, может, даже, если он хороший человек, заплачет и отпустит ее на все четыре

стороны.

Может, даже встанет на колени и начнет умолять простить его…

Ромили глубоко вздохнула. Дура, дура ты, охота тебе тешиться девичьими сказками? Прямо, на колени встанет!.. Ей не миновать замужества, но и согласиться в душе на брак она не могла. Что-то надо было делать!..

Между тем приближалось лето. По вечерам мелкий дождик уже редко и как бы в шутку сменялся снегопадом; на холмах буйно цвело разнотравье. Уже и на ореховых деревьях проклюнулись маленькие округлые завязи — их обилие предвещало богатый урожай. Теперь Ромили и Мэйлина почти каждый день ходили по грибы — в старой роще неподалеку от усадьбы их было видимо-невидимо. К тому же в обязанности старшей сестры входил и сбор ягод, и заготовка варенья, и сбивание масла, так что времени на отдых, на верховую прогулку с Пречиозой почти не оставалось. И все-таки ежедневно девушка находила минутку, чтобы забежать в сарай, погладить свой любимицу. Не забывала и попросить Дарена или Алдерика взять Пречиозу с собой, дать ей полетать, поохотиться. Птице нельзя терять форму. Дарен по-прежнему опасался ястреба и, как мог,

избегал попадаться сестре на глаза, однако когда Алдерик отказывался, он был вынужден сажать птицу на дужку седла.

Однажды вечером Дарен решил объясниться с сестрой.

— Ястреб при мне очень плохо летает, — начал он. — Она, как мне кажется, скучает по тебе.

— Ну что мне делать? У меня нет времени заниматься ею, — виновато ответила Ромили. Она сама попала в капкан — вот возникли между ней и птицей любовь и взаимопонимание, а зачем? Разве можно ястребице объяснить, сколько дел свалилось на хозяйку? А сколько еще свалится! Ничего, завтра мы с тобой поохотимся, решила Ромили, черт с ними, с делами. В любом случае она улучит часок-другой, и они отправятся в горы.

На следующее утро Ромили с такой решительностью, с такой небывалой энергией взялась за дела — буквально летала по двору, — что Люсьела не выдержала и спросила:

— Что с тобой случилось, Роми?

— Я хочу поскорее закончить, матушка, а потом прогулять своего ястреба.

Люсьела замялась, но все-таки заметила:

— Тебе бы не следовало пренебрегать подар-

ками дома Гариса. Ну ладно, ступай, подыши свежим воздухом.

Ромили перевела дух и бросилась в свою комнату переодеться в охотничий костюм. По пути приказала оседлать лошадь — она предполагала, что ей будет приготовлено дамское седло, собственно, об этом уже не стоило упоминать, конюхам все было давным-давно известно. Наконец она въехала во двор.

Дарен в это время с мрачным видом обучал здесь двух ястребов. Ромили сразу заметила, как неуверенно движется брат. Она на ходу бросила, что собирается на охоту, и поинтересовалась — не составит ли он ей компанию? Юноша обрадовался, тут же согласился и приказал оседлать коня. Тем временем Ромили взяла Пречиозу — с удовольствием ощутила привычную тяжесть птицы, попыталась проникнуть в ее сознание. В этот момент в соколятню вошел отец.

— Ромили! — резко сказал он. — Возьми своих ястребов, а этого посади на место. Ты же слышала, что сказал твой будущий муж — неприлично молодой даме иметь дело с веринами. Верни ястребицу на место.

— Отец! — От гнева у нее даже краска на лице выступила. — Пречиоза тоже мой собственный

ястреб! Я сама обучила ее! Она — моя! Моя!.. Что здесь неприличного, если я решила поохотиться со своей птицей! Неужели дом Гарис имеет право указывать тебе, что прилично для твоей дочери, что нет? Даже в твоем собственном доме?..

Девушка заметила, что отец задумался, потом, видно справившись с нерешительностью, уже громче повторил:

— Я уже сказал тебе, посади этого ястреба на место и возьми своего. Любого из двух… Можешь взять обоих. Я не слышал твоих слов, девочка!

Он шагнул к Ромили. Пречиоза почувствовала волнение хозяйки и забила крыльями, взлетела на длину ремешка, затем тяжело села на руку.

— Отец, — умоляюще, очень тихо, чтобы не побеспокоить пугливых птиц, сказала она. — Не говори так…

Отец не ответил, сам взял Пречиозу и посадил на прежнее место, на жердь.

— Я буду очень послушной — это все, что мне надо…

Дон Микел Макаран не ответил.

— Она уже долго не охотилась, ей необходима тренировка.

После недолгой паузы Макаран заметил:

— Это верно, — и кивком подозвал к себе Даре-

на. — Иди сюда. Вот, возьми настоящую птицу, я дарю ее тебе. Это лучшее, что у нас есть, тебе следует поработать с ней, поддерживать форму. Начни сегодня же.

Ромили рот открыла от изумления — он не мог так поступить! Макаран опять взял птицу — держал до тех пор, пока ястреб не успокоился, затем умело пересадил на запястье Дарена. Тот, испугавшись, невольно отшатнулся, и Пречиоза, даже прикрытая колпачком, встрепенулась, вскинула голову, попыталась расправить крылья. Дарен совсем растерялся, попытался прикрыть голову свободной рукой, но и она дрожала. Ястребица упала и повисла на прикрепленном к ее ногам ремешке. Макаран зло прошептал:

— Подними ее! Успокой, черт тебя побери! Если она повредит крылья, я тебе шею сверну, парень.

Дарен усадил Пречиозу на запястье, поглаживаниями успокоил ее. Птица наконец затихла. В этот момент брат подал голос — от волнения заговорил фальцетом:

— Это… это нечестно, сэр. Отец, прошу тебя, ведь Ромили обучала этого ястреба. Ведь у нее же есть ларан…

— Замолчи! — прошипел Макаран. — Не смей употреблять это слово в моем присутствии.

— Пусть ты отказываешься слышать об этом, ничего не изменится. Что есть, то есть!.. Этот ястреб принадлежит Ромили. Она научила его охотиться, она заслужила, и я не желаю… Я не имею права отнять у нее птицу.

— Но ты же получил ястреба от меня! — прошипел Макаран. Его нижняя челюсть выпятилась, пальцы задвигались, словно он пытался за что-то зацепиться. Бесполезно… — Как ты осмелился выговорить такое?.. Оказывается, ястреб, воспитанный в моем доме, уже не мой ястреб и я, видите ли, не имею права им распоряжаться? У Ромили есть свои птицы — подарок от будущего мужа. А этот мой, понимаешь — мой! И если ты не возьмешь его, то… — Его глаза блеснули, пальцы опять принялись хватать воздух. Макаран дышал тяжело, прерывисто. — Или я сам, собственной рукой сверну ему шею. Вот сейчас, на ваших глазах!..

Он потянулся к Пречиозе, и в этот момент Ромили не выдержала. Вскрикнула!..

— Нет! Папа, не надо!.. Пожалуйста!.. Дарен, не отдавай, возьми ястреба себе. Лучше так…

Дарен тяжело, прерывисто вздохнул. Облизнул губы и сказал:

— Только ради тебя, Ромили. Только ради тебя,

клянусь!..

Его глаза погасли, теперь в них стыла печаль — безысходная, туповатая… Сердце у Ромили защемило… Она, чтобы разрядить напряжение, подбежала к одному из своих нарядно-игрушечных ястребов. Как она ненавидела их в этот момент! От вида шибающих в глаза сафьяновых колпачков ее бросило в ярость. Едва успела совладать с собой — помогло долгое общение с ястребами. Ястребы не терпели суматохи, криков, всплесков… Поработай с ними — и такую выдержку воспитаешь!.. Вот и на этот раз Ромили спохватилась, пристыдила себя — чем эти пернатые куклы виноваты? И все равно раздражение не смолкало. Заниматься с подобными пустышками в самый раз Раэлю. Ястреб спокойно устроился на ее запястье, несколько раз переступил, выбирая удобное место. Ромили даже стало жалко его — виноват ли он, что не уродился Пречиозой?

Пречиоза тем временем все переступала на рукавице, натянутой на руку Дарена. Никак не могла найти опору.

«Боже, мой ястреб… Мой!.. Теперь этот глупый Дарен окончательно испортит его… Ох, Пречиоза, Пречиоза, почему нам с тобой так не везет? Почему это должно было случиться именно с нами?»

В тот миг она почувствовала, что ненавидит отца. Дарена тоже… Как он обращается с Пречиозой! Ромили зарыдала, села в седло. Микел хмурил кустистые седые брови — наконец коротко рявкнул, что поскачет с ними, проверит, правильно ли Дарен пустит ястреба. Если что не так, он тут же научит его. Как в детстве, когда мальчик осиливал азбуку. Ничего, добавил он, лишняя зуботычина шкуре не помешает. Его самого так же обучали.

Без слов, не глядя друг на друга, выехали они со двора и поскакали по склону холма.

«Соколиная лужайка» была возведена на высоком труднодоступном месте. Чуть покатая вершина горы к подножию круто обрывалась, только в одном месте к замку вела неширокая извилистая тропинка.

Ромили скакала последней, не скрывая злости, поглядывала на отца, а также на Дарена, на луке седла которого серовато-сизой каменной глыбой возвышалась Пречиоза. Она сосредоточила свое внимание на птице. Так называемый ларан. Раз уж это слово было произнесено, нечего стесняться, вот и проверим, есть он у нее или нет? Однако ястреб был слишком возбужден и как бы не замечал призывов девушки. Ромили удалось

различить что-то размытое, клокочущее, некий сгусток гнева и ярости. Девушку буквально обдало полыхавшей в сознании птицы ненавистью. Как успокоить ее, если она едет в отдалении, на другой лошади?

Вскоре кавалькада добралась до нарядного широкого лужка — здесь Пречиозу пустили в первый пробный полет, только на этот раз с ними не было Алдерика. Вместо него — разгневанный отец… Ромили едва не выругалась, наблюдая, как неуклюже, робея, Дарен вел ястреба. Когда всадники остановились, брат снял с головы хищника колпачок, пересадил на запястье, поднял руку и пустил в полет. Ромили изо всех сил бросила ей вслед мысленный сигнал. С набором высоты птица успокаивалась — девушка сразу почувствовала это; вот уже прояснились дали, за которыми ястребиными очами наблюдал человек. Горизонт отодвинулся, понизился, стал более похож на привычную ломаную границу исполинского небесного купола. Земля тоже выглядела теперь по-другому — изменилась точка наблюдения. Стала заметна разная живность, населявшая холмы Киллгард. Ястребица видела то, что было скрыто от человеческих глаз, — с огромной высоты различала малую былинку. Даже волоски на

рыже-серой шкурке рогатого кролика.

Сердце Ромили переполнилось отчаянием. «Пусть она будет свободна! Тебе теперь не быть моей, а чужие руки тебя погубят, милая птица. Чего ждать от этого неумехи Дарена? Умом он все понимает, но ничего не может поделать, коль руки и сердце не лежат к охоте, а его упорно заставляют заниматься нелюбимым делом. Но как же мне расстаться с тобой, милая птица? Это значит погубить себя!..» Девушка едва не закричала: «Будь свободна — кому-то из нас просто необходимо оказаться на воле. Выше! Поднимайся выше — теперь лети-и-и!..»

— Ромили, что с тобой? Ты заболела? — взволнованно спросил отец. — Оставь птицу в покое, девочка!

Она ничего не ответила — на мгновение оторвалась от сознания Пречиозы, сдернула колпачок с головы своего ястреба, подбросила его вверх. Ярким драгоценным камнем в лучах густо-красного громадного солнца мелькнула в небе хищная птица. Ястреб развернулся по ветру, но тут Ромили перевела взгляд на едва заметную точку, виднеющуюся на западе, ее мысли вновь метнулись к Пречиозе, разом установился мысленный контакт, и девушка страстно подумала: «Выше,

выше… теперь планируй против ветра… улетай… Улетай прочь! Будь свободна как ветер!..»

В последний раз перед внутренним взором Ромили открылась панорама земли, осматриваемой с огромной высоты, — что-то напоминающее карту в учебнике Раэля, затем изображение пару раз мигнуло и пропало. Ромили увидела себя на коне, рядом отец и брат, и в вышине пронзительно кричал маленький ястреб. Видно, обнаружил добычу в густой траве… Неожиданно, сложив крылья, он рухнул вниз и через несколько мгновений уже сидел на перчатке. Ромили инстинктивно, не соображая, что делает, подсунула ему полевку… Пусть птица насытится, она честно отработала… Но все это мелькнуло в сознании мимоходом, тенью. Другая увесистая мысль крушила разум: «Все, она улетела… Улетела навсегда… Никогда опять…»

Отец напряженно вглядывался в небо, пытаясь отыскать ястребицу.

— Слишком долго… Слишком… — возбужденно выговорил он. — Ромили, ты разрешила ей скрыться из глаз?

Ромили отрицательно покачала головой. Микел еще подождал — он замер, привстав на стременах. Дарен тоже, откинув голову назад,

удивленно вглядывался в небо, губы его сложились в подобие буквы «о».

Наконец отец гневно бросил:

— Ты упустил ее, чертов неумеха! Моего лучшего ястреба. С первого же раза!.. Никудышный ты человек! Ну, послал Бог сынка… В первый раз пустил в полет и тут же потерял…

Он с размаху, с оттяжкой хлестнул нагайкой сына по плечам. Тот взвыл, более от страха, чем от боли. Свист хлыста словно разбудил Ромили. Она с силой ударила каблуками своего коня, тот рванулся вперед, и девушка встала между братом и отцом. Следующий удар пал на нее.

— Меня, меня пори! — отчаянно закричала она. — Дарен не виноват. Я отпустила ее! Я!.. Пусть летит!.. Если мне быть в рабстве, если на меня наложили цепи, если у меня нагло забрали моего ястреба — вот так, в родном доме ограбили, ты, гнусный тиран! — пусть она будет свободна! Я заставила ее улететь… Да-да, с помощью ларана. Как бы тебе не было ненавистно это слово, я повторяю: с помощью ларана! Ты и Руйвена прогнал прочь, потому что он не послушался… А зачем тебя, чертова деспота, слушаться? Ты и Дарена решил забить до смерти — он и так уже страшится одного твоего вида. Но я не боюсь тебя,

я рада, что ты больше никогда не возьмешь в руки моего ястреба. Слышишь, моего!!!

Потом она зарыдала — во всю силу, не стесняясь…

Макаран, на мгновение опешивший, не ожидавший, что удар придется по дочери, замер с поднятой рукой, но стоило Ромили упомянуть Руйвена и следом выкрикнуть: ларан! — лицо его побагровело, глаза вылезли из орбит, ярость затмила рассудок, и он принялся со всей силой хлестать непокорную дочь. Он избивал ее зверски, исступленно. Девушка содрогнулась от боли, сжалась, пронзительно вскрикнула, сползла с седла. Микел тоже спрыгнул на землю и подошел к ней, продолжая лупить ее хлыстом. Дарен завопил так, что его крик эхом разлился по полю, потом, повиснув на отце, завыл в голос. Следом послышался еще один призыв опомниться — это дом Алдерик схватил отца за правую руку.

— Сэр, сэр, простите, но разве можно избивать женщину! Тем более молодую девушку, вашу дочь. Боже, Ромили, у тебя вся спина в крови. Взгляните, сэр, что вы наделали — вся одежда порвана.

Он вырвал хлыст. Микел Макаран не сопротивлялся, руки у него безвольно повисли. Девушка

с трудом поднялась, прижала ладони к груди. По спине — она отчетливо ощущала сквозь боль — струилась кровь. Боль была жгучая, с каждым мгновением она разгоралась все сильнее. Алдерик оттолкнул отца, и Дарен тут же забрал его в свои объятия, а чужак бросился к девушке, поддержал ее под локоть. Макаран, словно просыпаясь, изумленно посмотрел на дочь, потом перевел взгляд на хлыст — жуть случившегося наконец дошла до его сознания. Он с ужасом глянул на разодранное в клочья платье дочери, на ее тело, покрытое набухшими, источавшими кровь рубцами.

Наконец лорд с трудом выговорил:

— Я не знаю, что со мной произошло. Я теперь у вас в долгу, дом Алдерик. Я… я… — Его голос сел. Микел покачнулся и, если бы сын не поддерживал его, так и сполз бы на землю. Затем он глянул на дочь уже прояснившимся взором и сказал грубо, как бы печатая слова:

— Это из-за тебя я потерял рассудок. Я никогда не забуду, до чего ты довела меня, проклятая… Была бы ты парнем, я бы избил тебя до бесчувствия. Ничего, скоро тобой муж займется. Он быстро из тебя строптивость выколотит. Попробуй только скажи ему то, что ты посмела ляпнуть в моем

присутствии, — не сомневаюсь, он тебе голову оторвет. Прочь с моих глаз!

Ромили хотела было шагнуть, но тут же споткнулась. Алдерик поддержал ее.

— Вы сможете ехать верхом? — спросил он, понизив голос.

Она кивнула и опять разрыдалась.

— Вам бы лучше вернуться в дом. Именно сейчас, пока он в шоке от того, что случилось.

Макаран между тем стоял без поддержки сына. Он вроде бы пришел в себя, однако отупелый взгляд выдавал страх и некую глубинную растерянность. Точно человек вдруг обнаруживает, что произошло непоправимое, и как поступить теперь, он даже предположить не может.

— За всю свою жизнь, — в некотором недоумении, словно бы самому себе, начал объяснять Макаран, — я ни разу даже пальцем не тронул женщины. Я не могу простить себе этого. Не могу простить и Ромили за то, что она довела меня до подобного безумия.

Он поднял голову, оглядел небо, что-то тихо пробормотал про себя. Ромили уже не видела этого — она ехала по направлению к «Соколиной лужайке». Ее лошадь вел в поводу Алдерик.

В своей комнате, до порога которой ее довел

новый управляющий, Ромили встретила перепуганная няня.

— Ой, мой ягненочек, золотая ты моя, что же с тобой произошло? Спина… Боже мой, твое платье…

— Отец избил меня, — сквозь всхлипы выговорила Ромили, — за то, что Дарен упустил моего ястреба.

Гвенис осторожно раздела юную госпожу, обнажила ей спину и, обмыв раны, принялась смазывать рубцы маслом и мазью из лечебных трав. Потом надела на нее старый халат и принесла в постель горячего супа. Ромили скоро бросило в озноб, у нее начался жар. Старая няня села у ее кровати и принялась ворчать, потом спросила:

— Как же тебе удалось довести отца до такого состояния? Он такой мягкий человек. Должно было произойти что-то невероятное, чтобы он до такой степени вышел из себя.

Ромили не ответила — она просто не могла слова выговорить. Зубы у нее стучали, она едва сдерживалась, чтобы не застонать, не завыть в полный голос от боли. Гвенис испугалась, бросилась к Люсьеле, которая, увидев раны на теле падчерицы, громко вскрикнула. И все равно принялась твердить то же самое, что и Гвенис:

— Как ты могла? Как посмела довести родного отца до такого состояния? Он никого из женщин пальцем не тронул — это надо же так его разозлить!

«Они порицают меня, — думала Ромили, — значит, я виновата в том, что меня избили?! Надежды больше нет. Конец мечте… Пречиоза улетела… Отца больше заботят хорошие отношения с Алдаранами, а не я. Он безжалостен с Дареном, но разве брат виноват, что у него нет моего дара? Отец никогда не допустит, чтобы я жила так, как хочу, а Дарен так, как он хочет. Мы его не интересуем или интересуем только, если он может что-либо выторговать за нас».

Она уже не слышала, что, всплескивая руками, говорила Люсьела, в чем убеждала ее Гвенис. Ромили плакала навзрыд. Боль была нестерпима — девушка спасалась криком. Наконец, обессилев, она уснула.

Ромили проснулась ночью, когда в «Соколиной лужайке» все стихло. Огромный голубой диск Киррдиса заглядывал в окно. Луна сияла ровно, как всегда с некой переливчатой силой. Голова ужасно болела, спину нестерпимо жгло… Не помогли и притирания няни. Девушка почувствовала сильный голод — решила проскользнуть на

кухню и поискать хлеба. Может, и кусок холодного мяса отыщется…

«Отец меня ненавидит. Что поделаешь! Он и Руйвена довел до ручки своим тиранством, однако теперь брат свободен. Он избрал путь, который ему по сердцу, в Башне он учится быть самим собой. Руйвен поступил правильно, удалившись из-под власти отца, сбросив груз его железной руки. Так и надо! Хватит клонить голову, ловить каждое слово…»

Ромили даже замерла на мгновение, так и застыла на ступеньке. «Почему этот путь мне заказан? — спросила она себя. — Почему нельзя, как Пречиоза… Почему нельзя быть свободной?»

Девушка вернулась в комнату, достала старую вязаную фуфайку, с трудом натянула ее поверх ночной рубашки, потом надела рубашку, бриджи, подаренные ей Дареном. Оделась тепло, подпоясалась… Вышла в коридор — туфли несла с собой в руках. Вот они-то ее и смущали больше всего. Сколько раз за свою жизнь она слышала, что женщине опасно появляться одной на дороге. Теперь, после того как дом Гарис окинул ее оценивающим взглядом, она знала почему. Она приблизилась к комнате Руйвена, чуть приоткрыла дверь, скользнула внутрь. С тех пор как

отец запретил упоминать имя брата, сюда никто не входил. Тем лучше! Где что лежит, Ромили было известно.

Отыскала сапоги, тут под руку попали его кожаные штаны. Эта одежда куда лучше, чем ношеные тонкие бриджи Дарена… Девушка быстро переоделась — ничего, что штаны оказались чуть великоваты. Взяла также плащ и кожаную рубашку — длиннополую, почти до колен… Потом, встрепенувшись, вернулась в свою комнату и подобрала толстую перчатку, напоминающую крагу. Именно на нее сажали ястреба. Тут она помедлила — зачем ей лишняя тяжесть, Пречиозы-то все равно нет? «Ну и что, придет день, и заведу себе нового ястреба. Он будет напоминать мне о ней…» Ромили грустно вздохнула и, прежде чем сунуть кинжал в ножны, отхватила косы по самый затылок.

Выбравшись из дома, Ромили зашвырнула косу за навозную кучу. Вряд ли кто теперь сможет найти ее. И в комнате Руйвена она все прибрала — даже если ее начнут обследовать, то вряд ли заметят отсутствие сапог и одной из кожаных рубашек. Кто их когда считал! Пусть теперь выставляют дозорных, шлют патрули, которым будет предписано искать девушку в зеленом

платье. Кого заинтересует парнишка в кожаной накидке, брюках и сапогах?..

В конюшне разыскала свое прежнее, уже совсем запылившееся седло, спрятанное среди кучи других, которыми уже не пользовались. Седло она водрузила на вороного скакуна, потом подумала и вновь сняла. Этот замечательный конь сразу выдаст ее — вся округа знает, что он принадлежит Макарану. Лучше поступить по-другому.

Ромили перевязала седло, прикрепив к нему узелок со своей девичьей одеждой, вынесла его во двор, там спрятала, а сама отправилась на летнюю кухню — небольшой домик, стоявший на отшибе. Летом там всегда готовили еду, кухня в доме в это время года пустовала. В домике она собрала в дорогу припасы: мясо, каравай хлеба, горсть орехов, несколько лепешек из муки грубого помола, которые пекли ежедневно для подкормки породистых собак, беременных и только ощенившихся сук… Очень вкусные, Ромили любила эти лепешки… Пекли их дюжинами, потом сотнями… Слуги тоже охотно похрустывали ими. Никто эту кучу пересчитывать не будет…

Все закатала в одно из многочисленных широких полотенец, перевязала тесемкой и подвесила

на шею. Уже во дворе натянула сапоги и, подхватив на ходу седло с привязанной к нему одеждой, направилась в сторону выгона, расположенного за тыном. Там паслись старые и отбракованные кони. Некоторое время она размышляла, которого выбрать. Вопрос был серьезный — не хватало, чтобы тот пал после нескольких дней пути. Важно, чтобы его не скоро хватились — пусть считают, что она ушла пешком. В конце концов выбрала стареющую, но еще выносливую верховую лошадь, принадлежавшую дряхлому коридому, отправленному на пенсию и теперь уже почти не выходящему во двор, тем более на пастбище… Она удовлетворенно рассмеялась — все кони знали ее, так что не надо было никого ловить. Ромили подозвала нужного ей коня, сунула ему горсть травы, и тот сразу громко зачавкал. Девушка оседлала его и, чуть подтолкнув в бок кулаком, потянула за повод. Тот покорно пошел следом. В замке залаяла какая-то собака — Ромили замерла и отсюда, из-за стен, послала просьбу, чтобы та умолкла. Собака словно услышала ее — брехнула еще пару раз и заткнулась.

У подножия холма девушка села в седло — вздрогнула от боли, поежилась, поводила плечами… Посидела немного, не двигаясь с места,

потом застегнула плащ — предутренний холодок уже заполз за ворот. Только раз она обернулась и бросила взгляд на родимое гнездо, возвышавшееся на вершине горы.

«Повелитель Разума, я не могу! Не могу иначе!.. Отец, конечно, переживает, что избил меня, но он не отступится ни от единого слова. Мне не оставили выбора — либо погибнуть, либо жить…»

Вчерашняя сцена опять встала у Ромили перед глазами — лицо Дарена с трясущимися от страха губами, когда он запускал Пречиозу, гнев отца, побагровевшего при упоминании имени Руйвена, его выпученные глаза, щеки и лоб. Вспомнились печальные глаза Руйвена, когда он перед самым отъездом в Неварсин встретился с сестрой… Отец видит в них то, что ему хотелось бы видеть… Тут еще последнюю минуту прощания отравило всплывшее в памяти лицо дома Гариса. Он уже, по-видимому, ждет не дождется, когда же эта строптивая сучка попадет ему в лапы. То-то он взовьется — его собственность смылась…

Лицо у нее окаменело. В тот момент она стала очень похожа на своего отца… Наконец она тронулась с места и поскакала по тропинке, ни разу не обернувшись.

Часть вторая
Беглянка

1

На третий день пошел снег. Повалил обильно… Ромили, всю жизнь прожившая в горах, сразу почуяла опасность — следовало немедленно искать убежище. Хеллеры славились бурями — начнется снегопад, взвоет ветер, только держись. Даже в летнюю пору в подобную метель жди беды. Занесет — не откопать… Началось! Первым же порывом дикий, рухнувший с высоты ветер согнул деревья, растущие по сторонам тропы, по которой ехала Ромили. Рев, подобный вскрику десяти тысяч дьяволов, потряс округу. На мгновение девушка подумала: не вернуться ли на маленькую ферму, которую она миновала ранним утром, и попросить там убежища? Нет! Хозяевами вполне могли оказаться люди, которые неоднократно бывали на ярмарке в «Соколиной лужайке», в этом случае ее и мужской наряд бы не спас. Не важно, что она их не знает — ей никогда не приходилось уезжать далеко от дома.

По рассказам, было известно, что если держаться этого пути и двигаться на север, то можно добраться до монастыря Неварсин. Там подскажут дорогу до Башни Трамонтана. В Башне

встречу Руйвена, а если лерони, которые управляют этими таинственными замками, отослали его, то хотя бы ей объяснят, куда двигаться. У нее в памяти засело, что именно в Башнях могут помочь ей овладеть своим лараном, ведь лерони Марели когда-то приглашала ее в одну из этих школ. Если не получится, то Ромили останется на зиму в Неварсине. Зимой в окрестностях Хеллер путешествуют либо безумцы, либо потерявшие надежду путники. В монастыре она могла найти какую-нибудь работу. Она, например, умеет обращаться с ястребами, может быть подмастерьем в кузнице или конюхом. Она выдаст себя за парня, девушкой оставаться не было никакого смысла…

Ромили редко покидала родительский кров, где даже с кухарками и прачками обращались как с равными; леди Люсьела, добрый по натуре человек, не терпела суровых наказаний, но по зрелом размышлении, по суровым рассказам, доходившим до нее, девушке было ясно, что быть женщиной в большом враждебном мире — нелегкий удел. Послушать только одну из служанок, которая долгие годы разносила блюда в придорожной таверне, — волосы дыбом вставали от ее откровений. Ромили не сомневалась, что способна дать отпор любым посягатель-

ствам на ее честь, однако факт оставался фактом: ничтожный мальчишка, убиравший навоз в конюшне, стоял на социальной лестнице куда выше, чем какая-нибудь, пусть даже хорошая, кухарка или служанка. Он и получал больше… Вот и выходит, что поскольку юная Макаран владела несколькими профессиями, которыми в основном занимались мужчины, то и наниматься на работу надо, выдавая себя за парня. А что, собственно, она умела? Ухаживать за ястребами и лошадьми да надзирать за слугами. Еще швеей могла поработать, няней по присмотру за детьми — за эту работу платили больше; однако быть няней, даже швеей означало быть допущенной в дом, следовательно, придется сообщить о себе поболее сведений, чем хотелось. Выбора у нее в общем-то не было — если удастся остаться в Неварсине, то работу следует искать либо на конюшне, либо в соколятне.

А что, это было бы совсем неплохо — животных и птиц она любила, они отвечали ей взаимностью…

Сердце ее в тот момент забилось — прихлынули воспоминания о Пречиозе.

«Вот и хорошо, что так случилось, — зло подумала Ромили, борясь с ветром и небольшими

шажками продвигаясь вперед. — Иначе я бы никогда не набралась мужества порвать с отчим домом. Так бы и ходила повесив голову, даже позволила бы, чтобы меня выдали за дома Гариса».

От отвращения ее опять бросило в дрожь. Нет уж, лучше сбежать, даже если остаток жизни ей придется провести на конюшне где-нибудь на чужой стороне.

Снег сменился редким холодным дождем. Конь, ставя ноги, поскальзывался, крупные капли били его по бокам. Он начал тревожно и печально всхрапывать. Тут еще новая напасть — влага мгновенно замерзла, и скоро ее плащ покрылся коркой льда. Надо было срочно отыскать убежище.

Так и брели они по мокрому месиву, в которое превратилась дорога. Скоро тропа разделилась — одна вела к роще старых деревьев, другая, более широкая и натоптанная, но совсем разбитая, шла под уклон. Ромили долго стояла на развилке, всматриваясь в даль, пытаясь взглядом пробить плотный туман, сгущавшийся окрест. Внизу дорога терялась в белесом месиве, клочья тумана в той стороне время от времени открывали небольшой водопад, звонко бившийся об исполинские валуны. Вверху же за рваной влажной пеленой

проглядывала каменная кладка или угол какого-то строения. Или ей только показалось?.. Нет, в просвете мелькнула дощатая крыша… Это либо сарай, либо загон, либо овчарня — трудно было разобрать. С другой стороны более натоптанный проселок, шедший под изволок, мог привести в долину, где конечно же были дворы, однако в сумерках сквозь туман не мерцало ни единого огонька.

Что было делать? Шлепать вверх, какое бы укрытие ни представляла собой эта стена? Там хотя бы можно спрятаться от дождя, который, как назло, полил сильнее. Так и побрела по дорожке, ведя в поводу понурившуюся лошадь. Ромили судорожно вздохнула, потом подошла к коню, обняла его и что-то прошептала на ухо. Тот сразу встрепенулся, поводил ушами. Жаль, что не взяла вороного, подумала девушка, взбираясь по тропинке, тот, конечно, был посильнее. Но и этот ничего, по крайней мере, послушен…

Сумерки сгущались, и сквозь крепнущую тьму Ромили различила, что это было жилое строение. Что-то вроде небольшого каменного домишка… Вот и хорошо, какое-никакое, а укрытие. Дверь наперекосяк висела на петлях — собственно, петля была только одна, у другой давным-давно

отлетела дужка. Она робко потянула створку на себя… Та отчаянно заскрипела. Отступать было некуда, и Ромили уже решительней распахнула дверь.

Переступила через порог… Внутри было темно.

— Кто там? — донесся из темноты дрожащий голос, и Ромили почувствовала, как боязливо забилось у нее сердце, перехватило горло. Во тьме, оказывается, кто-то прятался.

Она быстро ответила:

— Я не причиню вам вреда. Я всего лишь путник, заблудился, а тут началась буря… — Внезапно Ромили спохватилась: что это она затараторила? Со страху, что ли? Рано пока трусить, и уже более спокойным голосом девушка спросила: — Можно войти?

— Слава Хранителю Разума! Спасибо и тебе, что ты не прошел мимо моего дома, — ответил тот же голос. Ясное дело, женский, решила Ромили. — Мой внук отправился в город — теперь можно не волноваться, теперь его тоже кто-нибудь приютит. Непогода-то разыгралась не на шутку. Я услышала поступь твоего коня и на минутку подумала: может, Рори вернулся, но он уехал на пони, а у тебя, уважаемый гость, настоящий конь. Я не могу встать с кровати, мальчик. Ты не

разведешь огонь?

Пообвыкнув, Ромили смогла кое-как рассмотреть помещение. Едва заметно проступила в полутьме кровать в углу, на ней среди кучи тряпья светлым пятном выделялось лицо. Черты его разобрать было невозможно, однако девушка уже догадалась, что разговаривает со старухой. В комнате терпко пахло недавно потухшими угольями. Она подошла к очагу — то там, то здесь вспыхивали редкие, слабые искорки. Что ж, раздуть можно, надо лишь поднапрячься. Дело привычное: быстро набросала сухих веточек, освободила умирающие алые искорки и начала дуть. Когда первые огоньки заплясали в очаге, еще добавила щепочек и наконец сунула в разгудевшееся, разыгравшееся пламя большое розоватое полено. Погрела руки, отдышалась, огляделась… Обстановка была бедная: одна или две лавки, какой-то древний сундук в углу, у стены кровать, на ней полусидя, упершись в спинку, располагалась старуха.

Когда огонь разгорелся, она позвала:

— Иди сюда, мальчик. Дай-ка я взгляну на тебя.

— Моя лошадь… — робко сказала девушка.

— Отведи ее в коровник. Это прежде всего, потом вернешься.

Ромили с трудом накинула плащ и, вздохнув, вышла во двор. В сарае было пусто, только две худые кошки, которые тотчас замяукали и начали тереться о ее ноги. Потом уже, расседлав лошадь и дав ей два хлебца — на сегодня достаточно, — она отломила кусочек и кинула возбужденным зверькам. Кошки на ходу сглотнули пищу, задрав хвосты, бросились за ней следом и улеглись в доме у огня. Сразу принялись вылизывать шкурки…

— Вот и хорошо, — вздохнула старуха. — Я уже беспокоилась насчет них — каково там, на холоде. Ан нет, вишь ты, прибежали, умываются… Иди-ка сюда, парень, дай-ка я тебя получше рассмотрю.

Когда же Ромили подошла к кровати, старуха оттолкнула ее — встань, мол, подальше, а то не вижу. Наглядевшись, хозяйка спросила:

— Как же тебя угораздило в такую погоду выйти из дому?

— Я, местра, направляюсь в Неварсин.

— Совсем один? В такую бурю?

— Я вышел три дня назад, тогда вокруг было тихо.

— Не из южан ли ты будешь — тех, что живут на берегах Кадарина? Рыжий… Очень похож на тех, которые из Хали.

Она поплотнее укуталась в поношенную шаль, потуже связала концы. Три или четыре ветхих одеяла, размером не превышающие лошадиную попону, были брошены на кровать. Старуха выглядела совсем изможденной. Она прерывисто вздыхала.

— Я надеялась, что он успеет сегодня вернуться из Неварсина, — сказала она, — но, видать, снег помешал. Здесь, на севере, снег — это беда… Теперь с тобой да при огне!.. Куда уж тут замерзнуть! Мои старые кости не выносят холода — я-то ничего, сдюжу, а вот кости ни в какую. Прежде чем уйти, он развел огонь — видишь, и дрова оставил; сказал, что успеет вернуться, пока пламя не погаснет.

— Могу я еще что-то для вас сделать, местра?

— Если бы ты сварил кашу, мог бы и съесть ее со мной, — ответила старуха и указала на пустой горшок, чашку и ложку, — но сначала развесь свои вещи, пусть посушатся.

Ромили затаила дыхание — несомненно, она приняла ее за крестьянского парнишку. Девушка скинула сапоги, кожаную накидку, поместила их недалеко от очага. Там же стояла лохань с водой — Ромили помыла посуду в уголке, где помещалась кухня, и, следуя указаниям хозяйки, нашла

полмешка муки грубого помола, мешок земляных орехов, соль… Потом подвесила котелок с водой над огнем.

Старуха поманила ее к себе:

— Откуда ты явился, парень, в такое лихое время? Смотри, как непогода разыгралась…

Услышав, что называют парнем, Ромили почувствовала облегчение — если уж старая, опытная женщина приняла ее за мальчишку, то, значит, пронесло, слава Хранителю Разума. Хотя, с другой стороны, что сложного в том, чтобы обмануть полуслепую старую женщину? Надо опасаться тех, кто помоложе, поглазастей… Тут она заметила, что хозяйка все еще дожидается ее ответа — то-то она веки прищурила.

— Мне надо добраться до Неварсина, — сказала Ромили, — там мой брат.

— В монастыре? Ну, ты сбился с дороги — у подножия горы, там, где развилка, следовало взять влево. Теперь уже поздно, тебе лучше остаться здесь. Куда ты поедешь в такое ненастье? Вот вернется Рори, он укажет тебе верный путь.

— Спасибо, местра.

— Как тебя звать?

— Ром… — Ромили поколебалась, замерла, сглотнула окончание. Как же она заранее не

подумала об этом? Может, назваться Руйвеном? Как же тогда назвать брата, если спросят? Она притворно закашлялась, словно дым попал в легкие, и ответила: — Румал.

— А зачем ты один следуешь в Неварсин? Ты же не монах. Или ты один из тех сыновей мелких дворян, которых посылают учиться в монастырь? Ты и вправду, видать, из благородных, родился в знатной семье. И руки у тебя чистые, не то что у конюшего.

Ромили едва не рассмеялась, вспомнив то время, когда Гвенис, нахмурившись, разглядывала ее грязные ладошки. «Смотри, — наставляла она воспитанницу, — если не будешь ухаживать за руками, они станут у тебя, как у конюха».

Время ли сейчас вспоминать о той беззаботной поре — ведь старуха ждет ответа. Тут Ромили припомнился сын Нельды, Лоран. Все в «Соколиной лужайке» знали, что он незаконный сын Макарана — недестро, хотя Люсьела часто притворялась, что она слыхом не слыхивала об этой истории, но энергично сопротивлялась всяким попыткам приблизить мальчика к законным детям. Она даже делала вид, что вообще никогда не слыхала о таком.

— Я действительно был рожден в знатном

семействе, однако мать была слишком горда и не осмелилась показать меня отцу. Ну, одним словом… я — дитя праздника. Вот мне мать и сказала, что в поместье мне рассчитывать не на что, лучше попробовать себя в городе. Я надеюсь найти работу в Неварсине. Я вообще-то неплохой сокольничий… «Разве это, в конце концов, не правда? Я с куда большим основанием могу считать себя учеником старого Девина, чем Кер».

— Хорошо, Румал, добро пожаловать. Располагайся… Я живу здесь одна со своим внуком. Дочь умерла при родах, отец его отравился в долину на службу к королю Рафаэлю. Ушел куда-то на юг, за Кадарин. Зовут меня Мхари, и живу я здесь большую часть своей жизни. Мы выращивали земляные орехи, пока я не состарилась. Рори трудно одному ухаживать и за деревьями, и за мной. Он, правда, добрый парень — отправился в Неварсин, чтобы продать орехи на рынке. Там он купит крупы, а мне лечебных трав. Когда он станет немного постарше, то сможет, если повезет, найти себе жену, тогда они будут жить здесь. Дом-то добротный… Я ему все оставлю…

— Каша уже, наверное, сварилась. — Ромили поспешила к огню и отодвинула котелок подальше от огня. Потом положила кашу в миску и дала

Мхари. Тут же взбила подушки, перестелила постель и наконец занялась устройством места для ночлега.

— Какой ты умелый, совсем как девушка, — заметила Мхари.

Сердце у гостьи замерло, однако она быстро справилась с замешательством и объяснила:

— Это все у меня от дружбы с птицами. Они меня всему научили, и прежде всего терпению. Бабушка, каша остынет. Ешьте! Потом ложитесь спать. Все равно Рори в такой буран не вернется домой.

Ромили устроилась у очага с полной чашкой каши, потом помыла посуду, разделась и устроила у огня часть своей одежды. Пусть сохнет. Лавка, на которой она расположилась, была жесткая. Дважды она в течение ночи просыпалась, чтобы подбросить дров в огонь. Ближе к утру ветер стих, и она провалилась в забытье. Разбудил ее громкий стук в дверь. Мхари села в кровати.

— Это Рори, — заявила она. — Отодвинь задвижку.

Ромили едва не ахнула от страха. Она попала в глупейшее положение. Уже перед самым сном она закрыла дверь. Ясно, что старуха не могла этого сделать. Неудивительно, что парень пере-

пугался, что там с бабушкой, и начал ломиться в дом. Ромили поспешно отодвинула задвижку.

В комнату ворвался здоровенный усатый мужик. На нем было напялено что-то, напоминавшее рваный мешок, а поверх него плащ. Такую одежонку в Хеллерах уже не носили с той поры, когда ее отец был ребенком. В руке у Рори блеснул длинный нож, еще мгновение — и он вогнал бы лезвие в грудь Ромили, но в этот момент старуха истошно вскрикнула:

— Постой, Рори, парень не сделал мне ничего плохого. Он позаботился обо мне, накормил кашей. Я упросила его остаться на ночь.

Верзила опустил нож, подошел к постели.

— С тобой действительно все в порядке, бабушка? Когда я наткнулся на запертую дверь, да еще этот чужак… Как только я его увидел, у меня сердце взыграло! Ну, думаю, не причинил ли он тебе вреда?

— Слава Хранителю, что он заглянул ко мне — буря не на шутку разыгралась. Огонь-то совсем потух, и, если бы не он, я бы так и замерзла в постели.

— Тогда благодарю тебя, кто бы ты ни был, парень, — заявил хозяин, сунул оружие в ножны и поцеловал старуху в лоб. — Да-а, таких

буранов здесь давно не бывало. Я еле пробился, дороги совсем развезло — то снег, то дождь, под ногами месиво, а я все беспокоился, как там моя бабуля. Вишь, задержался я — ну, думаю, совсем окоченела, совсем, наверное, кишки свело. Приготовить-то еду она не сможет. Я тебя, бабушка, никогда не брошу. Если тебе нужно мое сердце, возьми его, — добавил он, глядя на девушку.

Ромили встрепенулась — как-то необычно прозвучала в его устах последняя фраза, одно из самых древних выражений гостеприимства. Не слишком ли торжественно, встревожилась она, однако парень, не делая паузы, продолжил рассказ:

— Я отправился в дорогу, как только прекратился дождь. Домой надо, объяснил я приютившим меня людям. Они говорят: останься до рассвета, куда ты попрешься, ни зги не видать. А у тебя, оказывается, все хорошо. Тепло, сытно… Это очень важно, бабушка… — Рори нежно взглянул на старуху, затем бросил накидку на свободную лавку, спросил: — Мне ничего поесть не оставили? — и, не дожидаясь ответа, проверил котелок.

Каша уже успела застыть, хозяин все-таки сунул туда грязный черпак и прямо из черпака, помогая себе пальцами, начал пожирать пищу.

— Тепленькая еще, это здорово, — одобрил он. — А на улице такой мороз, Зандру так и садит холодом. Деревья, земля обледенели, покрылись во-от такой, — он раздвинул большой и указательный пальцы, чтобы показать, какова толщина льда, — коркой. У меня сердце всякий раз съеживалось, когда старый Хорни оступался и начинал скользить. Только бы конь ногу не сломал… Тогда каюк! А съездил я, бабушка, удачно, привез и крупы, и хлеба, а также сухих фруктов — там лежат, в мешке. Жена мельника прислала их тебе в подарок. Сказала, чтобы ты поправлялась…

Он повернулся к Ромили и попросил:

— Не в службу, а в дружбу, ты не смог бы развьючить моих кляч? Руки у меня окоченели, я узлов развязать не смогу, пока пальцы не отогреются. А ты вроде ночь провел в тепле!..

— Буду рад, — ответила девушка. — Мне в любом случае надо сходить и взглянуть на моего коня.

— У тебя есть лошадь? — Нескрываемый жадный интерес промелькнул в его взгляде. — Я всегда хотел иметь скакуна, но они не для таких, как я! Ты, видно, вырос в знатной семье.

Ромили накинула плащ на плечи и, не отвечая

ни слова, вышла во двор. Здесь недалеко от порога стоял похожий на оленя червин[20], на котором приехал Рори. Второй — поодаль… Мешок с зерном она отволокла в коровник, а седельные сумы втащила в дом и оставила возле очага.

Рори сидел возле бабушки и, склонившись над ней, о чем-то тихо спрашивал. Старуха так же вполголоса отвечала. Они были так увлечены беседой, что Ромили решила, будто они и не заметили ее, и вновь осторожно выскользнула во двор, добралась до коровника и, отыскав свой мешок, накормила коня — дала ему еще два хлебца, погладила по морде… Рядом с коровником стояла будка — отхожее место, и Ромили забежала туда. Когда она увидела свое нижнее белье, она вздрогнула от испуга — красные пятна расползлись по материи.

«Боже, я же из-за всего этого забыла про цикл! Спокойно!.. Дело швах, если распаниковаться. Как же это я промахнулась?»

Она оторвала край старой нижней юбки, сделала прокладку. Что же дальше? По этому признаку легче легкого обнаружить, что она женщина. Может, сразу бежать отсюда? Старуха говорила, что

---

[20] notes: 20
Местное ездовое животное, нечто среднее между пони и оленем.

Рори покажет ей дорогу на Неварсин. Неужели он немедленно выгонит ее? С него станется… Надо бы ввернуть в разговоре, что ее ждут в городе, и если она не появится в срок, то отправятся разыскивать… Надо что-то решать.

С этими мыслями она подошла к порогу, прислушалась… Старуха объясняла внуку — говорила очень тихо, но Ромили все-таки уловила.

— Паренек был очень добр ко мне, а то, что ты задумал, этого нельзя! Это грех — нарушить законы гостеприимства.

Рори ответил тихо, угрюмо:

— Ты же знаешь, как я мечтал о коне. Все время, пока жил здесь… Лучшей возможности не появится. Если этот ублюдок сбежал, то его никто не будет отыскивать. Ты видела его плащ — за всю жизнь мне не то что поносить, пощупать такую вещь не доводилось. А брошь какая?! За нее в Неварсине дадут столько монет, что хватит и на лечение, и на все что угодно. Что ты, должна ему, что ли? Ну развел огонь, ну сварил кашу — так это о себе думал, а не о тебе. Я ему очень быстренько чик по горлышку — он испугаться-то не успеет!

Ромили невольно прикрыла рукой горло. Он хочет убить ее! Это было так странно. Убить человека за какую-то брошь, за кожаный плащ, за

горсть монет в кошельке, за лошадь, стоявшую в коровнике. Лишить жизни за *это*? Ромили было бесшумно подалась назад, но мысль о том, что без плаща, без лошади, без еды она погибнет, остановила ее.

Оказывается, за порогом родительского дома лежал страшный, непонятный мир. Девушка начала подспудно осознавать, что здесь, среди людей, надо держать ухо востро. И вот еще что: хуже всего быть жертвой, а уж считать себя ею — полная безнадега. Злоба несколько охладила ее, прояснила мозги. Что ж, Рори, попробуй, только предупреждаю — не на ту напал! То есть не на того!.. Ромили крепко сжала рукоять кинжала, висевшего на поясе. Однако стоп! Чему научило тебя общение с ястребами? Прежде всего терпению — точнее, выдержке. Ни в коем случае не дать им понять, что она знает об их планах. Плащ и вещи надо взять в любом случае. Коня тоже нельзя потерять. Она тут же вернулась в коровник и оседлала лошадь. Оставалось только вскочить в седло — и ищи свищи!..

Теперь плащ. Держа руку на рукояти кинжала, она вошла в дом. Рори, сидя на лавке, снимал башмаки, старая Мхари спала в кровати. Или притворялась, что спит… Заметив Ромили, хозя-

ин попросил:

— Слушай, парень, помоги скинуть обувку, а то руки не слушаются.

— Охотно, — согласилась девушка, решив, что босому несподручно гоняться за обутым. Она наклонилась и обеими руками взялась за ботинок… Рори чуть подался вперед, и Ромили заметила блеск лезвия ножа.

Не раздумывая, она с силой пихнула его коленом — примерилась так, что чашечка ударила в подбородок. Что-то хрустнуло… Раздался звериный вопль… Лавка опрокинулась, и Рори полетел на пол. Все лицо у него было в крови — то ли она ему зубы выбила, то ли губу разбила. В следующее мгновение Ромили, схватив плащ, бросилась к двери, однако парень успел сообразить, что к чему, и бросился за ней. Мгновение — и он схватил ее прежде, чем девушка успела убежать. Повалил на пол. Ножа у него в руке уже не было — выронил, наверное, от неожиданности… Ромили отчаянно сопротивлялась, однако в таком положении ей было не справиться с верзилой. Рубашка у нее на груди лопнула, его пальцы уже добрались до ее горла, и в этот момент Рори замер.

— Бог мой! Титьки, как у коровы!.. Ты что, девка, что ли?

Он перехватил ее руку — девушка пыталась выцарапать ему глаза, — завел за спину, затем поставил Ромили на ноги и пинками погнал в маленькую каморку, служившую кухней.

— Эй, бабушка! Посмотри-ка, какого гостя нам послало небо. Черт, я едва не пришиб ее, как муху. Надо же — четыре года подыскивал себе жену, копил по копеечке, а тут она сама явилась ко мне. — Он засмеялся. — Не бойся, сучка, теперь-то я не причиню тебе вреда, будешь в целости и сохранности… Разве что помну немного. — И опять заржал. — Вот так удача, бабушка! Теперь будет кому присмотреть за тобой, когда я буду в поле или уеду в город или на мельницу.

Обрадованный парень развернул девушку к себе и влепил ей сочный поцелуй — так и впился разбитым ртом.

— Значит, ты была в обслуге у какого-то важного господина, а теперь сбежала, не так ли? Вот и замечательно — вот твоя кухня. Ты останешься здесь.

Последние слова буквально лишили Ромили сил, однако надо было что-то делать. Рори совсем обезумел — он уже сильно возбудился и принялся целовать ее, начал стаскивать с нее одежду.

— Ладно, — стараясь говорить хриплым голо-

сом, согласилась Ромили, — по крайней мере, ты не хуже того ублюдка, за которого меня хотели выдать.

Вымолвив это, девушка вдруг осознала, что только что сказанное не так уж далеко от истины. Она продолжала:

— Раза в два старше меня, любит лапать по углам беспомощных девушек. Ты все-таки и помоложе, и почище.

Парень задумался, потом заявил:

— Думаю, у нас все будет хорошо, когда мы привыкнем друг к другу. Мы с тобой будем делить постель, еду и огонь, а потом сам лорд Сторн обвенчает нас, как это бывает у благородных. Ты умеешь готовить, я люблю вкусно поесть, а то эта каша во где у меня сидит. — Он чиркнул ладонью по горлу.

— Постараюсь, — согласилась Ромили. Она пыталась говорить безмятежно, даже игриво. — А что будет не так — не сомневаюсь, местра Мхари подскажет.

— Ты что, считаешь себя лучше бабушки? Ты должна называть ее домна Мхари. Поняла?.. Если только она позволит, можешь изредка окликать ее бабушкой…

— Я не думала ее обидеть… — всполошилась

Ромили. Как это она не заметила, что обратилась к старухе, как к прислуге!

— И вот еще что — раз ты девка, значит, будешь каждый день подмывать ее, стелить постель, переодевать ее.

— То-то я смотрю, она очень аккуратна для парнишки, — подала голос Мхари.

Ромили подошла к ней и, приподняв, устроила поудобнее, затем налила теплой воды из кувшина, помыла ей руки, ополоснула лицо. Рори указал на стопку чистого белья в углу — пришлось заняться и переодеванием… Мысли о том, в какую историю она влипла, не оставляли ее. Какая же она дура! Зачем надо было бежать из дома? Почему же родные не спускали с нее глаз до тех пор, пока не свершится обряд бракосочетания? «А потому, — мрачно укорила она себя, — что все родственники решили, что ей не до побега. Ей бы спину подлечить». У Ромили заныло в животе от одной мысли, что этот неотесанный грубый деревенщина разделит с нею ложе. Теперь, конечно, он не убьет ее — хуже, он ее обрюхатит, и будет это продолжаться из года в год. То-то колом вышли ей насмешки над Дарисой. Как же она была глупа, хихикая и фыркая при виде ее расплывшихся форм!

— Что ты стоишь? — закапризничала старуха. — Одевай поскорее, я совсем замерзла. Как тебя называть?

Ромили на мгновение задумалась — какой смысл было скрывать свое настоящее имя? А если отец не оставит поисков и сюда доберутся его люди? Подумав, девушка ответила:

— Калинда.

— Пошевеливайся, Калинда, я вся дрожу.

— Простите, матушка Мхари. — Подобное обращение было вполне Уместно. — Я тут задумалась… — Ромили наконец переодела ее, накинула на плечи старухе шерстяную шаль, потом уложила на подушки, накрыла одеялами.

— Вот и хорошо, что сговорились, — ободрила ее Мхари. — Он человек добрый и никогда не будет бить тебя просто так, без надобности.

— Да, добрый, — захныкала Ромили. — Что ж он так полез на меня? Мне сегодня никак нельзя. Месячные у меня…

— А-а, ну и хорошо, — закивала старуха. — Вот и хорошо, что сказала: мужики совсем глупые в этом смысле. Он ведь мог отлупить тебя за то, что ты сопротивляешься. Мой-то мужик почем зря махал кулаками. Все ему было нипочем. Если напьется — давай, и все тут! Я его тогда к служанке

спроваживала… Да-а, были времена, когда у нас была служанка. Не веришь? И кухарка была… А теперь взгляни на меня. Ничего, с твоей помощью я поправлюсь, и Рори теперь не придется варить кашу и печь хлеб. Разве это занятие для мужчины? Взгляни, какой он красивый парень. И добрый до жути… Никогда худого слова от него не слышала, не брезговал помыть меня, поправить постель. Кормил, давал горшок. Кстати, о горшке. — И она указала на угол.

Пришлось и этим заняться…

«Она считает, что лучше такой жизни ничего быть не может. Как же, у меня будет муж, хозяйство… Старуха не спустит глаз с меня». Эта мысль вызвала у Ромили прилив отвращения, но бунтовать еще не время. Не время драться… «Возможно, какой-нибудь женщине все это придется по душе — собственный дом, работящий муж, который, оказывается, так добр к своей бабушке».

Она вышла во двор, выплеснула содержимое ночного горшка.

«Неужели я отказала дому Гарису, чтобы вот так, силком быть выданной за этого варвара, пусть даже доброго и честного? Хороша честность — едва не придушил гостя. Ладно, в любом случае у меня есть в запасе несколько дней. Придется

по-прежнему притворяться… До тех пор, пока они не ослабят надзор».

Когда с заботами о старой женщине было покончено, Ромили отправилась за водой. Уже рассвело, и в утренних сумерках девушке пришлось приняться за работу: поставить кипятиться грязное белье, потом, следуя указаниям Мхари, замесить тесто, поставить каравай на огонь. Когда хлеб испекся, старуха разрешила ей передохнуть.

Значит, и поразмыслить… Крепко задуматься…

Итак, что мы имеем? Когда Ромили заглянула в коровник, то обнаружила, что лошадь ее расседлана и накрепко привязана к яслям веревкой. Ну, это пустяки, если удастся, то она вмиг разрежет ее. Надо дождаться, пока Рори разденется, скинет сапоги. Мешок свой можно оставить, это не страшно, но вот теплая одежда и, прежде всего, кожаный плащ?.. Без них невозможно пускаться в путь. Нет, и без еды нельзя…

Может быть, сегодня ночью, когда все уснут? Ромили легла на другой бок. Вроде бы старуха сказала, что должно потеплеть. Хранитель, спаси меня! Если это животное доберется до меня, то, значит, и этим делом придется заниматься при старухе? Как же живет бедный люд! Это же просто ужас!..

«Может, лучше вернуться? Ну ее, эту свободу! Что значит она по сравнению с сытой, защищенной от всех напастей жизнью? Стану женой дома Гариса… как ястреб на жердочке, привязанный за ногу. Наденут на голову колпачок, то бишь всякие наряды. Кому она нужна, эта свобода? Одна радость — Пречиозу выпустила. Как она высоко взлетела!..»

Волнующая радость охватила ее. Никогда Дарен не будет владеть ее ястребом. Это ли не доказательство? Птица вернулась к ней по собственной воле оттого, что полюбила ее, привязалась к ней. Ведь могла же улететь. А вот от Дарена улетела. И никогда не вернется.

«Теперь она свободна, теперь она никому не принадлежит. Не то что я…»

Рори мог овладеть ею — что тут поделаешь? Но за это он дорого заплатит, ему удастся взять Ромили, только когда она потеряет сознание от побоев. Но принадлежать ему она никогда не будет, не дождется… Она будет как плохо обученный ястреб — он всегда улучит момент и улетит.

…Она стирала весь день, к вечеру рук поднять не могла, но белье — чистое, свежее — висело для просушки. Будет чем застелить кровать — не отдаваться же этому громиле в грязи.

Потом принялась варить суп — нашла на кухне бобы, приправы. Рори, вернувшийся с улицы, увидев, что она занимается обедом, достал откуда-то мешок с сушеными грибами.

— Вот, это для супа. Это будет наш свадебный ужин, — сообщил он, сгреб ее в свои объятия, поцеловал в шею.

Ромили стиснула зубы, не отпрянула, и он принял это за согласие и влепил еще один поцелуй. Прямо в губы…

— Завтра ты уже не будешь такой мрачной, моя юная леди. Эй, бабушка, она хорошо о тебе заботится? Если что, ты мне скажи, я ее поучу.

Он взял свою ветхую, всю в заплатах накидку, оглядел, отбросил в сторону, потом снял с вешалки кожаный плащ Ромили, с трудом натянул его на плечи и уже с порога с изрядной долей надменности заявил:

— Он тебе больше не понадобится. Тебе будет незачем ходить со двора, разве что в отхожее место. Скоро потеплеет, потом придет весна… так что обойдешься.

Рори ушел. Ромили едва сумела сдержать гнев. Ишь ты как распоряжается! Натянул на плечи плащ ее брата — и хоть бы что! Ладно, негодяй! Пока я твою накидку припрячу — ничего, что ста-

ренькая, все еще теплая. Еще кошелек с монетами — пусть их не так много, — тоже хорошенько спрячем, без них нечего делать в Неварсине. К сожалению, сумма маленькая — Макаран был щедрый человек и покупал жене и дочерям все, что они желали, но вот с наличными… Зная, что деньги в повседневном обиходе им не нужны, он выдавал им только по одной серебряной монете, которые они могли потратить на ярмарке. Конечно, если Рори увидит их, эта сумма покажется ему настоящим богатством. Ромили улучила момент, когда старуха не могла проследить за ней, и, спрятавшись за развешанным бельем, завернула монеты в тряпочку и спрятала у себя на груди. В кошельке же оставила пару мелких медяшек. Девушка была уверена, что рано или поздно Рори спохватится и сообразит, что она не могла отправиться в дорогу без денег, и обязательно обыщет ее — вот почему следовало хоть чем-то утихомирить его жадность.

К вечеру вся «семейка» собралась за дощатым, ничем не покрытым столом. Ромили поставила посредине котелок с супом, рядом — испеченный ею каравай. Рори недовольно заворчал — хлеб, мол, сыроват. Что она могла поделать? Не такая уж искусная стряпуха из нее получилась. Старуха

была настроена более миролюбиво — ничего, успокоила она внука, девка молодая, еще научится. Хлеб печь вообще большое мастерство, не то что суп варить, а суп получился неплохой, есть можно… Когда пришло время ложиться спать, Рори тяжело глянул на нее и объявил, что сегодня она может спать на кровати вместе с бабушкой. Он подождет четыре дня. Не больше…

Теперь стало ясно, за какой срок следовало успеть с подготовкой побега. Однако не тут-то было — Мхари, посопев, сказала:

— Давай-ка залезай к стенке, дорогуша. Думаешь, я не видела, как у тебя глазки горят, как ты все норовишь дать деру. Ты сама, дура, не понимаешь, от какой жизни отказываешься. Когда вы с Рори поженитесь, ты уже не сможешь убежать.

Как это? Ромили даже опешила, однако, чтобы ничем не выдать своего удивления, стиснула зубы. Ничего, решила она, когда-нибудь ты все же заснешь. Девушка залезла на постель, но, наработавшись за целый день, сразу заснула, как только голова коснулась подушки. Проснувшись ночью, она заметила, что старуха бодрствует — глаза ее так и горели во тьме. Что ей, старой, совсем спать не хочется?! Ага, так ведь она отсыпается днем… Вот карга хитрая!..

Так прошло три дня. Ромили готовила, убирала за старой женщиной, меняла ей постель и одежду. Кое-как наскребла несколько минуток, чтобы простирнуть свое бельишко… К счастью, стирала она в дальнем углу, и Мхари не могла заметить, чем именно она занимается. Месячные прошли, белье чистое — следовало что-то предпринимать.

Вот еще что мучило ее. Если она решила, что выдаст себя за парня, ей следует заранее в деталях продумать, как вести себя в такие дни. Много разговоров слышала насчет солдат женского пола, сестер из так называемого Ордена Меча, которые дают обет никогда не носить женскую одежду, не отпускать волосы. Она таких никогда не видела, но ходили слухи, что и с этой трудностью они справились. Оказывается, существуют особые целебные травы, которые останавливают кровотечение. Вот бы узнать их секрет! Ромили знала кое-что о травах, ведь ей приходилось лечить животных. Да, было одно средство, правда, наоборот: оно вызывало кровотечение у коров, сук и, если хотите, у женщин, но никак уж не подавляло это отправление, хотя была травка, с помощью которой можно на некоторое время остановить кровотечение. Эти, из Ордена Меча, используют

что-то в этом роде? Может, попытаться? Однако она не собака, ведь у людей цикл проходит по-другому. Стоит ли в ее нынешнем положении задумываться о таких сложных вещах, тем более что у нее нет запаса трав.

На четвертый день, проснувшись, Рори сказал:

— Сегодня ты будешь спать со мной, в маленькой комнате. Вечером разделим пищу и огонь, пусть все будет по закону.

Его слова не на шутку расстроили Ромили. В горах, как она слышала, закон в любом случае требует возвращения жены к мужу. Не имеет значения — по доброй ли воле пошла она замуж или нет. Женщина вообще имела мало прав, так что, если Ромили сбежит после того, как проведет с ним ночь, разыскивать ее будут не только родные, но и муж. Возьмут ли ее в обучение при таких обстоятельствах? Значит, либо сегодня, либо никогда!

Весь день, присматривая за старухой, она гадала, как поступить. Может, стоит подождать, пока он возьмет ее… и вот когда захрапит… Она слышала, что все мужчины, насытившись, тут же засыпают. Но вот старуха! Помешать она не сможет, а вот шум поднять — это пожалуйста! Целыми днями твердит одно и то же: будто она,

Ромили, сама не понимает, какая удача ей привалила. Это им удача привалила, а не ей. Жену покупать не надо, сама приехала. Вот вцепились!.. В любом случае тем или иным способом, но она вырвется отсюда. Впредь будет умнее…

Может, действительно, отдаться ему?.. От этой мысли сразу же перехватило горло — что же она, жалкая жертва, которую может использовать всякий добряк? Как бы сделать так, чтобы он не смог преследовать ее? Когда они разденутся, может, улучить минутку и спрятать его одежду и обувь? Трудно, но что поделать! Однако этого мало, все старье тоже надо припрятать, всю обувь, одежду — он все равно бросится в погоню. Точно! Не забыть выпустить червинов из коровника.

Нет, она не подчинится!

Когда они разденутся, вырубить-то его она вырубит. Точный удар коленом, и он еще не скоро очухается. Только бить надо изо всех сил, стесняться тут нечего. Если она промахнется — конец!.. С другой стороны, он едва не придушил ее, когда бросился на нее в первый раз, и теперь ни на йоту не доверяет… Вот он, главный вопрос, который бессознательно будоражил ее все это время: готова ли она погибнуть, но не допустить, чтобы над ней было совершено насилие, или

нет?

Сердце замерло, точнее, заледенело, потому что следом неизбежно всплыла и другая ужасная загадка — сама-то она готова убить мужчину, если он попытается овладеть ею?

Теперь требовалась ясная голова, нельзя было поддаться бремени этой мысли. Если сомнения придавят ее — пиши пропало, жизнь свою можно было считать конченой.

Рори же первым накинулся на нее и, если бы она на самом деле оказалась парнем или если бы не порвалась рубашка, непременно бы задушил. За лошадь и кожаный плащ он был готов на все! Да, потом он к ней относился по-доброму, в общем-то не докучал, как ни горько звучит это слово. Теперь, после так называемой женитьбы, Ромили попала бы в рабство на всю жизнь. Готовь, стирай, ухаживай за старухой, ублажай его по ночам, и так день за днем, месяц за месяцем… До самой старости? До смерти? И в конце концов принять ее, как примет Мхари? Нет, такая жизнь ее не устраивает. Она, значит, ему кожаный плащ, коня, удовольствие, а он ей неподъемную работу за здорово живешь?

В полдень Рори вошел в хижину — она в тот момент формовала каравай — и бросил на стол

тушку рогатого кролика.

— Я его освежевал и снял шкуру. Зажарь к обеду, чтобы только с корочкой. Чтоб хрустело на зубах. Я десять дней не ел мяса. Завтра засолишь остаток, а сегодня повесь в коровник, да смотри повыше, чтобы вермины[21] не достали.

— Как скажешь, Рори.

Втайне она обрадовалась. Замороженное мясо очень даже пригодится ей в дороге. Остаток тушки она подвесила рядом с седлом.

Скоро в комнате вкусно запахло жареным мясом. Ромили была отчаянно голодна, однако после того, как накормила старуху, уложила ее на взбитые подушки, отерла ей подбородок, почувствовала, что не может проглотить ни куска.

Только этого не хватало. Не дай Бог выдать раньше срока свои намерения!

«Я должна быть готова! Сегодня или никогда».

Она сидела за столом и нервно, мелкими глотками пила чай, когда Рори вошел в комнату, приблизился, обнял ее сзади.

— Я развел огонь в очаге в маленькой комнате, так что нам не будет холодно, Калинда. Пойдем.

Конечно, это старуха сказала ему, как ее якобы

---

[21] notes: 21
Мелкие хищники, вроде крыс.

зовут. Она-то ничего не говорила. И он ни разу не спросил, а теперь, значит, Калинда… Какой ласковый!.. Она почувствовала неодолимую слабость в коленях — даже сомнение взяло: хватит ли у нее смелости осуществить задуманное.

Ромили позволила Рори взять себя за руку; покорная, влекомая мужчиной, пошла за ним к двери. Спокойно наблюдала, как он закрыл дверь, накинул крючок. Это плохо. Если ей удастся осуществить задуманное, то путь к отступлению должен быть полностью свободен.

— Стоит ли дверь закрывать? — небрежно спросила она. — Бабушка вряд ли войдет в нашу комнату. Она ходить-то не может.

— Я думал, так будет уютнее. — Он глупо ухмыльнулся.

— А если бабушка позовет меня ночью, тут в темноте ничего не разберешь. И придется с дверью возиться.

— Я смотрю, ты поумнела. — Рори совсем расслабился — Это хорошо, что у тебя душа добрая, мы с тобой уживемся…

Он откинул крючок и чуть приоткрыл дверь, затем грузно опустился на край кровати. Дерево затрещало… Рори начал снимать ботинки.

— Дай-ка я помогу тебе. — Она бросилась к пар-

ню. Помогла ему снять обувь и тут же наморщила носик. — Фу, как они воняют! Ты что, в навозную кучу наступил? Дай-ка мне их, я утром почищу. Давай-ка и свои кожаные штаны, от них тоже дух идет… — Она на мгновение замерла — не слишком ли далеко зашла? Однако Рори не заметил подвоха.

— Тогда и рубашку возьми, — предложил он, — постирай… Я утром подожду, пока она высохнет. Поставь ботинки возле параши. Нечего смердеть им здесь, в комнате для новобрачных.

«Лучше, уже лучше! Однако не спеши, он еще может догадаться…» Ромили помедлила, пододвинула поближе кувшин, в который сливали воду после умывания, — тоже пригодится… Постояла, пока не услышала его голос:

— Калинда! Я жду. Иди сюда…

— Иду, — откликнулась девушка и осторожно двинулась к постели.

Сейчас или никогда!

Она села на край кровати, стянула свои сапоги, потом носки, потом верхнюю рубашку. Наконец, бриджи…

Рори шевельнулся под одеялом, сел рядом. Руки его начали шарить по ее груди, что, по мнению парня, означало ласку.

Потом завалил ее на кровать, принялся целовать.

Ромили невольно оттолкнула его.

— Значит, любишь сопротивляться? Если так, девчонка, то я люблю вот так! — Он покрыл ее, тело его было обнажено, изо рта пахло чем-то прокисшим.

Ромили едва не вырвало. Ей страстно захотелось глотнуть свежего воздуха. Хоть капельку, хоть чуть-чуть… Тем более выбраться из-под верзилы. Иначе как ударить, когда он стиснул ее намертво? Но вот Рори приподнялся на локте, начал копаться у нее между ног, и Ромили, улучив момент, изо всех сил ударила его коленкой. Попала точно — Рори взвыл и скатился с кровати. Руки он зажал между ног.

— А-а, сука! Кошка чертова! Ну, сука!.. А-а…

Что-то встревоженно закричала в большой комнате Мхари — спрашивала, что случилось, наверное… Ромили тут же скатилась с кровати, бросилась к старухе, забила ей в глотку кусок оторванной от ее нижней рубашки материи, а самое рубашку завернула на голову. Потом бросилась в кухонный угол, схватила оставшиеся полкаравая и остатки жареного кролика, обувку и штаны Рори, кое-как скрутила все в один узел, подхватила

свою одежду и бросилась в коровник.

Уф!..

В доме продолжал завывать Рори — жалко, страшно, совсем как перепутанный зверь. Тут же завизжала старуха — видно, удалось выдернуть кляп изо рта…

Ромили справилась с дыханием — на мгновение ей стало жалко этих несчастных людишек, не по своей воле одичавших, но выбора не было. Кто кого!

Наконец она добралась до коровника, кинжалом разрезала затянутый Рори узел и, нахлестывая червинов по хребту, погнала их к выходу. Когда те, удивленно ревя, выбрались во двор, бросилась к своей лошади. Между тем крики Рори перешли в стон. Ромили вновь с жалостью подумала о бедном парне. Это все из-за ларана, мелькнуло в голове. Это из-за него она вдруг на мгновение почувствовала боль, которую испытывал крестьянин.

Следом в душе вскипела злость.

«Он хотел убить меня. Хотел изнасиловать — я ни в чем не виновата перед ним. Я защищалась!..»

Ромили подняла свою обувку, бриджи, быстро натянула их, потом схватила мужские ботинки

— тут на мгновение задумалась… Наконец, решившись, швырнула их к туалету, подбежала к нему, распахнула дверь, сунула ботинки в очко, запихнула туда же и брюки. Он их будет долго искать, а когда найдет, будет еще столько же отмывать, и только потом отправится на поиски. Так, теперь оседлать лошадь, собрать провизию, упаковать все ненадежнее — и вот уже, вскочив на коня, проверив, все ли на месте, Ромили ударила его каблуками, и тот, заржав, мелкой рысцой затрусил в сторону леса. На развилке она повернула на дорогу, которая вела под уклон, отпустила поводья, давая лошади возможность самой одолеть крутой спуск. На ум пришли слова старой Мхари: «Тебе бы следовало взять влево от развилки и добираться до подножия горы».

Сердце гулко билось у нее в груди — будущее, скрытое пеленой, теперь не казалось столь очевидным, как представлялось в ночь, когда она покинула родной кров. Тогда мечталось: доберусь до Неварсина, узнаю о Руйвене; в конце концов разыщу его, и все устроится. Нет, не устроится — она еще до Неварсина не успела добраться, как уже попала в переплет. Слава Богу, удалось вырваться, вновь стать свободной. Надолго ли?

И все равно — она свободна! Как там ни крути,

Рори вряд ли будет преследовать ее — ему нельзя надолго бросать старуху. И кого он будет искать? Калинду? Нет больше никакой Калинды! Есть Румал. Пусть вокруг темная ночь, пусть хлещет дождь… Плевать, что провизии в общем-то с гулькин нос. И деньжат маловато. Все-таки она теперь вольная птица. Она вырвалась из ужасной западни.

«Итак, теперь я свободна. Осталось только решить, что же мне делать со свободой. Может, вернуться в «Соколиную лужайку»?» Но это будет полным поражением, проявлением малодушия и трусостью. Ромили заботило, как она будет выглядеть в глазах отца. Но как-то странно выходило — она столько сил потратила на то, чтобы вырваться на свободу, теперь, значит, добровольно отправится в тюрьму?

«Нет, буду действовать, как решила. Доберусь до Башни и начну тренировать ларан». Ромили напомнила себе, что во всех сказках и легендах герой начинал с того, что преодолевал трудности. Множество трудностей!.. Совершал подвиги… «Ну, до подвигов мне далеко; если считать побег от Рори героическим деянием, то конечно… Но в любом случае, я теперь героиня удивительной повести, которая называется жизнью, и в ней,

по-видимому, открывается новая глава.

Ужас какой!..»

Девушка даже вздрогнула от мысли, что впереди во мраке ее ждала не свобода, а новые испытания.

2

Ночь была мглистая, темная… Дорога покрылась коркой льда. Деревья стояли как истуканы, легкий ветерок не шевелил их обмерзшие ветви. Скоро взошла луна, однако Ромили не прибавила ходу, с ней случилось то, чего она больше всего боялась. Девушка заблудилась. Места, открывшиеся при сумеречно подрагивающем свете луны, были ей совершенно незнакомы. У подножия горы она вместо того, чтобы повернуть налево, как советовала Мхари, взяла вправо. Пусть даже этот путь уводил в сторону от Неварсина… Слишком простенькую задачку она предложила бы Рори, вздумай тот отправиться в погоню. Вот на что рассчитывала — чем ближе к монастырю, тем больше поселений, спросит у кого-нибудь путь. Тем не менее она упорно держалась выбранного направления. Так и ехала весь следующий день, по то появляющемуся, то исчезающему проселку. Раз дорога есть, значит, куда-нибудь она приведет?

К вечеру девушка окончательно заблудилась — ни единого огонька не посверкивало в округе. Делать нечего, следовало готовиться к ночлегу.

Ромили подъехала к редкому колку — деревья в роще все были старые, зябнувшие под ледяной коркой… Вот как бывает в горах — зарядит метель, потом осыплет дождем и следом внезапно ударит морозом. Случалось, от холода птицы замерзали на лету, а деревья превращались в жутких невиданных чудищ. Слава Богу, что теперь мороз ослаб. Ветерок пахнул теплом, прелью… Это была верная примета, что к утру начнется оттепель.

Девушка выбрала дерево, самое могучее, подвела к нему коня, расседлала, привязала к стволу. Все делала в полусне, сил уже не осталось, но и кое-как готовиться к ночлегу нельзя. Закоченеешь, несмотря на оттепель… Наконец завернулась в накидку, сверху прикрылась одеялом, прихваченным из избушки, и устроилась в выкопанной в снегу ямке как раз между двумя толстенными корнями. Лежбище получилось удачное. Она свернулась клубочком и тут же провалилась во тьму. Однако во сне Ромили мучили кошмары. Какой-то человек без лица — вернее, со светлым пятном вместо физиономии, он был одновременно и домом Гарисом, и Рори — неумолимо, загоняя в угол, приближался к ней. Буквально заворожил — она ни рукой, ни ногой шевельнуть не могла. Во сне Ромили стало ясно,

что если она опять попадет в лапы Рори, то на этот раз обязательно покончит с собой. Или его убьет!.. Так и оборонялась в углу, выставив вперед оружие. Но тот, безликий, был спокоен — вырвал у нее кинжал и забросил куда-то далеко-далеко. В какую-то бездонную яму. Она было бросилась искать кинжал, но тут же замерла на месте — на ней не было никакой одежды, кроме пропитавшихся кровью тряпок… Каким-то образом Ромили вдруг очутилась на поле возле родного замка, где проводились ежегодные ярмарки. Там торговали конями… Те шумно всхрапывали.

От этих звуков Ромили проснулась. Это ее лошадь фыркала и храпела… Солнце уже встало. Вокруг заметно потеплело, деревья освободились от ледяной корки. Девушка почувствовала себя такой счастливой, голова кружилась от ощущения удачи. Как лихо она сбежала вчера — теперь ищи свищи!.. Конь здоров и невредим. Пройти по такой дороге и не сломать ногу — это верная примета, что и далее все пойдет хорошо. Теперь проверим припасы…

Съестное, которым она была более-менее обеспечена, составляло четверть тушки рогатого кролика. Его вполне можно провялить. Ничего, что соли нет, при таком холоде мясо не протухнет.

В конце концов, можно полакомиться и строганиной… Полакомиться — это, конечно, чересчур, но от голода сырое мясо спасет. К сожалению, она потеряла и кремень, и кресало; выпали, наверное, где-то по дороге… Ох, как она глупа! Снег-то почти растаял, дорога освободилась ото льда — там этих камней видимо-невидимо! И металл есть — лезвие кинжала!..

Старая накидка Рори оказалась на удивление теплой и плотной. Черт с ним, с кожаным плащом, — может, он этой добычей удовлетворится и не станет ее разыскивать. Все-таки плащ замечательный, с меховой подкладкой… Сапоги пока целы, так же как и кожаные бриджи для верховой езды. Вот кинжал, вот несколько серебряных монет — хватит прятать их на груди; пожалуйте-ка в кармашек, к своим медным соседкам!

Теперь главное не терять головы и не совершать никаких поспешных, необдуманных поступков. Прежде всего накормить коня… Она достала из переметной сумы два хлебца и дала их коню. Тот сразу захрустел ими, а Ромили тем временем переоделась. Из хижины она бежала впопыхах, одевалась тоже на ходу. Затем расчесала пятерней короткие волосы. Ну и видок у нее теперь! Что же, это к лучшему!.. Как еще может

выглядеть нищий, подмастерье сокольничего? Нищий, говоришь? А конь?.. Это точно, обреченно подумала Ромили. Первым делом в Неварсине его надо продать и купить какого-нибудь пони-замухрышку. В лошадях она разбирается и сумеет подобрать то, что надо. И выносливого, и невзрачного…

Солнце встало совсем высоко. Денек обещал быть чудесным, теплело на глазах. На деревьях начинали распускаться почки. Ромили настрогала с кроличьей тушки несколько тончайших лепестков мяса и, как учили старые охотники, прежде чем разжевать, пососала их. Мясо было жесткое, безвкусное, однако птицы и звери едят его охотно. Значит, и человеку оно полезно… А насчет жареного, вареного, пареного пока забудь!

По солнцу она определила направление и двинулась на север. Дорожка совсем потерялась, тем не менее Ромили не беспокоилась — жилье или какого-нибудь странника она рано или поздно встретит. Это уж как пить дать — чем ближе к долине, тем населенней места. Там она и узнает, как добраться до Неварсина, потом найдет дорогу и к Башне Трамонтана.

Однако за целый день она никого не встретила. Ни человека, ни хижины… На этот раз девушка

не очень-то испугалась — пока погода теплая, пока есть еда, можно куда хочешь добраться. С другой стороны, в любой момент может разразиться следующая буря. Так что необходимо найти убежище. Лучше всего поскорее доехать до Неварсина и продать коня. На вырученные деньги необходимо обзавестись одеждой — в этом деле нельзя дать промашку, зима на носу — и съестными припасами.

В полдень она еще раз поела строганины, нашла в зарослях несколько зимних яблок, рассовала их по карманам. Сама только надкусила и тут же сморщилась. Ну кислятина!.. Однако лошадь пожирала их с большим удовольствием. В небе, высоко, над самой головой, раздался крик ястреба — Ромили вскинула голову и долго следила за его полетом. Тот кружил и кружил в безоблачной выси. Вспомнилась Пречиоза… Тут же к глазам, обращенным в небо, подступили слезы. Что-то слабое и теплое коснулось сознания, затуманило на миг зрение. Наплыла странная картина — будто она и лошадь не более мухи, ползающей там, глубоко внизу…

«Ох, Пречиоза, теперь ты свободна, а ведь мы так любили друг друга… Воля — это самое важное в жизни. Ты обрела ее, а я еще в пути…»

Эту ночь Ромили провела в заброшенной придорожной таверне, которую люди не посещали, по-видимому, с тех пор, как Алдараны объявили об отделении шести доменов и создании собственного королевства по ту сторону Кадарина. С той поры сообщение через реку между Тендарой и Неварсином совсем прервалось. В доме, полуразрушенном, с обвалившейся крышей, было пусто и уныло-жутко, однако это было все же лучше, чем провести еще одну ночь в открытом поле и в лесу. Долго Ромили мучилась с огнем — наконец, уже совсем отчаявшись, она выбила из кремня крохотную искорку. Та упала на сухую траву и, не успев погаснуть, родила тонюсенький язычок пламени. Ромили затаила дыхание и уже через несколько мгновений смогла обжарить на разгоревшемся огне куски мяса. За весь день ей так и не удалось отыскать орехов. Мясо уже, откровенно говоря, приелось, но ничего подходящего не попадалось по дороге. Ладно, не попалось так не попалось — грех жаловаться. Если придется, она и хлеб, предназначенный для собак, съест с большим удовольствием. Беда с конем — его просто необходимо подкормить, иначе он долго не продержится.

В пути Ромили провела уже три дня. Теперь

по здравом размышлении пришла к выводу, что родственники должны были прекратить поиски. Интересно, будет ли горевать отец, что его дочери уже нет в живых?

«Когда доберусь до Неварсина, пошлю ему весточку. Тайком, конечно, чтобы никто не знал… Напишу, что я в безопасности. Не сомневаюсь, со мной поступят так же, как и с Руйвеном, — он проклянет и заявит, что у него не было дочери. Все равно, я должна исполнить свой долг. Нет ничего хуже неизвестности, и при всех своих недостатках он не заслужил этого. А проклятья? Что мне до них! Одним больше, одним меньше…»

Конечно, ухарство — это хорошо, это просто здорово, но почему горло вновь стиснула невидимая рука? Ни сглотнуть, ни слова вымолвить… Ага, не хватало только сейчас расплакаться. Она уже наревелась, и что получила взамен — головную боль и бесплодные сомнения? Хватит! Плачь не плачь, а никто тебе, кроме себя самой, не поможет.

С другой стороны, женщины рассказывали, что слезы приносят облегчение. Наверное, мужики все-таки правы, когда посмеиваются: мол, слезы — это женское занятие. Точно, мы слишком много проливаем влаги, потому так беспомощны.

Мужики же действуют мгновенно — ударила в голову ярость, и он тут же бросается в бой. Победил, сложил голову — не важно, скорее всего победил, но главное — действие. Деяние, поступок…

Она проглотила последний кусочек мяса. Удовлетворения, тем более сытости не испытала — от такой порции даже собака взвыла бы от голода. Ястреб тоже требовательно посмотрел бы на хозяина. Вздернул клюв, глянул искоса — давай, мол, еще.

Ан нету! И Ромили развела руками…

На пятую ночь она сгрызла всего горсть орехов, которые удалось разыскать по дороге, да закусила парой грибков. Вот и весь ужин. Возможно, завтра ей повезет и она сможет поймать несколько птиц. Или повстречает человека, который поделится с ней хлебом и подскажет, как выпутаться из этих дебрей и добраться до Неварсина. Хотя вряд ли — дорог в том краю, куда Ромили забрела, вообще не было, кроме, возможно, той, на которую она выехала у подножия горы. Время от времени попадалась тропка, местами проселок… Как она отыскала их? По характеру местности — в горах да и на холмах не так уж много направлений, по которым можно передвигаться. Значит, что-то было не так в ее расчетах — пустыня, расти-

лавшаяся вокруг нее, говорила о многом. Ведь чем ближе к городу, тем больше народу, чаще поселения.

Собачьи хлебцы тоже кончились, и Ромили на этот раз остановилась задолго до захода солнца. Необходимо было дать возможность лошади попастись. К счастью, опять потеплело, так что и корма для скакуна теперь хватило, и ночевать можно было на открытом воздухе. Как ни говори, а встреча с людьми в этой дикой местности начинала по-настоящему пугать беглянку. Она чувствовала себя совершенно разбитой. Одно радовало: возврата не было. Даже если бы захотела, она бы уже не смогла отыскать дорогу до «Соколиной лужайки». Так что все, можно ставить точку! Оно и лучше…

Незачем мучить себя сомнениями.

Спала Ромили плохо, голод не давал покоя, холод донимал… Потому, вероятно, и проснулась рано.

Лежала, прикидывала… Может, попытаться вернуться к подножию горы? По тропинке и собственным следам она может добраться туда и затем свернуть на Неварсин. Тут еще одна напасть свалилась на нее — из хижины она выскочила, забыв носки, и теперь стерла ноги.

Пришлось оторвать подол от рубашки и сделать подобие портянок. Над головой, высоко в небе, по-прежнему кружил одинокий ястреб. Что привязался? С другой стороны, места здесь дикие, добычи хватает. Может, это его территория?.. Следом опять помутилось зрение, а затем она вновь увидела себя далеко внизу. Что за чертово наваждение?

Наваждение ли? А не чертов ли ларан? Кто же может добраться до ее сознания?

Сердце захолонуло… Еще спрашивает? Она же улетела, она же свободна!.. Странно, я же рассталась с ней еще раньше, чем сбежала из дома!.. Нет, этого не может быть…

Время сбора фруктов миновало, однако ей удалось найти несколько вкусных плодов. Жаль, что мало… Потом повезло: ей попалось дерево, с которого стоит отодрать кору — и можно добраться до мягкой древесины. Сердцевинкой, конечно, полакомиться можно, однако она еще не дошла до этого.

Пора было отправляться в дорогу — солнце уже стояло высоко. Ромили с трудом оседлала коня, затянула подпруги — пришлось упереться коленом в живот лошади, силы в руках уже не было. Наконец взобралась в седло, и в тот самый

момент, как грузно опустилась на спину лошади, в голове помутилось от слабости. В первый раз Ромили кольнула мысль, что долго так продолжаться не может. Если сегодня не отыщет дорогу на Неварсин, то дальше ее может ждать только смерть. Сколько можно плутать среди этих холмов? К тому же срочно надо подкрепиться чем-то более сытным, чем орехи…

Спустя час, двигаясь по то пропадающей, то вновь появляющейся дорожке, она наконец выехала к развилке. Придержала коня и, мучась от голода, задумалась. Что, если отпустить лошадь — пусть немного попасется, пока она взберется на вершину ближайшего холма и изучит местность? Должны же быть здесь какие-то поселения? Неужели этот край совсем обезлюдел? Может, удастся засечь где-нибудь дымок от костра или пасущуюся отару. Никогда доселе она не чувствовала себя такой одинокой.

Вот и хорошо. Радоваться надо, никто не мешает, грустно пошутила она и, спустившись с коня, полезла вверх по склону.

«Дальше так продолжаться не может. Без пищи я совсем пропаду. Ищи, чего бы тебе это ни стоило!»

Теперь ее частенько посещала бредовая мысль:

не лучше ли было остаться у Рори и его выжившей из ума бабки? Там бы она могла отогреться, поесть… Неужели это уж так плохо — выйти замуж?

«Тут я точно сдохну от голода». Она была откровенна сама с собой.

Вот и вершина. Ромили открылась безрадостная картина. Куда ни глянь, все та же глушь, те же безлюдные холмы. К северо-западу на границе окоема высились горы, те самые Хеллеры, непроходимые и дикие… Ближе тоже ничего утешительного.

Ромили вновь глянула в сторону гор. Снеговые пики тускло светились в лиловато-розовом небе. Как раз за ними находилась Стена Мира. До нее вообще немыслимо добраться — это было известно из сказок. По крайней мере, никто еще не доходил до нее. Однажды она пристала к воспитательнице — расскажите да расскажите, что там, за Стеной? «Ледяная пустыня, — объяснила ей Калинда. — Хотя никто не может точно сказать…»

Этот ответ очень заинтересовал Ромили, разбудил воображение. Теперь она наконец попала туда, куда мечтала попасть с детства, и что? Особой радости это не вызвало. Местность, открывавшаяся с вершины холма, озадачила своей

пустынностью и безлюдьем. Стыдно признаться, но девушка была близка к полному отчаянию.

Неужели она проклята на всю жизнь и удача окончательно отвернулась от нее? Нет, мы еще поборемся. С кем? Точнее, с чем поборемся? С этим запустением, с этими дебрями? Ну-ну!.. Ромили вздохнула, потуже затянула пояс. Опять бросила взгляд в сторону гор, в направлении самого высокого пика — что-то там, на его фоне, показалось ей приметным. Какое-то белое здание необычной архитектуры? Может, это замок или, может, башня? Значит — северо-запад!.. Она должна учесть движение солнца, чтобы не сбиться с пути. Не дай Бог, начнет плутать по кругу. Но если она и дальше будет придерживаться дороги, то именно так и получится.

Теперь следует вернуться к лошади. Она глянула вверх. Странно, ястреб по-прежнему висит над головой. Вряд ли это тот же самый. В диких местах полно хищных птиц. Но вот то, что показывает ее ларан, этот вид сверху… Что это? Она почувствовала слабость и головокружение… Оттуда сочится едва заметный голубоватый свет… Да что это с ней? Кто все это наблюдает — она или ястреб? Ромили потрясла головой, словно пытаясь стряхнуть наваждение и освободиться от навя-

зываемой картины. Этак недолго и свихнуться. Здесь, наедине с небом, ветром и облаками, все возможно.

Она спустилась к подножию холма и вновь, с трудом преодолевая бессилие, оседлала коня. Хорошо, что по крайней мере скакун сыт.

— Эй, дружок, — она похлопала его по шее, — если бы и я могла питаться травой!

В ответ с небес до нее долетел истошный гортанный призыв — так обычно оглашают окрестности сбившие добычу ястребы. И вновь в сознании, а теперь и в желудке ясно, до спазм, Ромили ощутила вкус свежей крови. Будто бы ее клюв, острый как сталь, вонзается в еще трепещущую плоть. Рот наполнился слюной. От голодных судорог стало невозможно дышать. Конь тоже перепугался, принялся прядать ушами — это привело Ромили в чувство. Не хватало еще с лошади свалиться! Девушка похлопала скакуна по шее, натянула уздечку. И вдруг перед глазами мелькнуло ястребиное крыло. Она машинально выставила руку, почувствовала крепкую хватку когтей и невольно вскрикнула:

— Пречиоза! — и тут же разрыдалась.

Как, зачем ястреб следовал за ней во время долгих путаных скитаний, она не могла понять.

Пронзительные крики, хлопанье крыльев отвлекли Ромили, слезы перестали течь сами собой. Боже, она и добычу принесла — бросила у ног коня прежде, чем сесть на руку. Птица! Какая большая! Вкусная!.. Девушка умилилась… На руке выступила кровь — не важно! Ромили пересадила Пречиозу на луку седла, сама соскочила, вытащила кинжал и, отхватив голову сбитой птице, протянула ее ястребице. Пока хищник клевал добычу, Ромили вознесла молитву Хранителю Разума. Лошадь была достаточно обучена, чтобы стоять твердо, не переступая с ноги на ногу, когда на луке седла сидела ловчая птица. Потом, вздохнув, девушка быстро ощипала принесенную добычу, набрала хворосту, сухой травы и умелыми ударами быстро высекла сноп искр. Скоро у подножия холма запылал небольшой костерок.

«Надо же, она спасла меня… Как будто знала?.. Она знала! Она же принесла мне пищу, сама отказалась от свободы. Вот еще и кожаный ремешок болтается на ноге. Помилуй меня, Господи, но я не могу иначе».

Девушка срезала ремешок с ноги ястребицы.

«Если она захочет остаться со мной, это будет ее выбор. Никогда впредь я не надену на нее путы…

Ни о каком владении больше не может быть и речи. Она принадлежит только самой себе».

Глаза вновь наполнились слезами — Ромили еще раз тяжело вздохнула: давала слово понапрасну не реветь, и на тебе. Ничего не выходит… Взгляды человека и птицы встретились. Между ними само по себе установилось взаимопонимание… Нет, это трудно было определить словом «любовь» — откуда бы птице знать, что такое любовь? Скорее это была ревность… Точно… «Это не мне принадлежит ястреб… Я принадлежу ей. Это было так странно, так необычно… Она привыкла ко мне, и нет другого объяснения».

Ястребица даже не дернулась, когда девушка направилась к ней, — птица по-прежнему балансировала на луке седла, переступала с ноги на ногу и неотрывно глядела в человечьи глаза. Казалось, взгляд ее ничего не выражал, был холоден и пуст, но это только потому, что мы в этом ничего не понимаем. Теперь-то Ромили знала тайну, и взгляд хищника наполнился для нее смыслом. Пречиоза невозмутимо перелетела на плечо Ромили, впилась когтями так, что девушка невольно поморщилась. Хватка тут же ослабла, и все равно птица вполне устойчиво держалась на такой необычной опоре.

— Ах ты, моя хорошая, радость ты моя. Диво дивное!..

Ястребица вытянула шею, принялась чистить перья.

«Могла ли я когда-нибудь предположить, что Пречиоза пожертвует ради меня свободой…»

Неожиданно Ромили пришло на ум, что все дело в ларане, ее собственной способности проникаться мыслями другого живого существа.

Теперь им не надо было слов, они общались напрямую. В любой момент Ромили могла взглянуть окрест глазами птицы. Интересно, а ястребица хотя бы ухватывала краешек обильных мыслей человека? И в следующую секунду Ромили подумала, что, может, не так уж важно уметь считать, рассчитывать, подсчитывать, учитывать — хотя, конечно, без этого тоже нельзя, — куда весомее способность образно воспринимать мир, четко сознавать, что хорошо и что плохо. Причем сознавать не механически, а выплывать к этому пониманию из самых глубин сознания. Если это удавалось, то именно подобное состояние можно передать другому — пусть то будет человек, конь или птица. Может, именно это переливчатое, неуловимое нечто зовется душой?

Кто знает!..

Она размышляла, а сама механически расседлала коня, потом, дожидаясь, пока зажарится птичья тушка, подбрасывала веточки в огонь. Птица по-прежнему была рядом, близость была духовная — ястребица как бы вслушивалась в то, о чем говорил с собой человек.

«Теперь ты останешься со мной? Или улетишь? Хотя какое это имеет значение?! Сейчас мы вместе, и это уже радость».

Пречиоза все так же холодно, непроницаемо посматривала на девушку.

— Вот и хорошо, — вслух ответила на ее взгляд Ромили и рассмеялась.

Пора было заняться делом, в животе ощущалась приятная тяжесть. Силенок у нее вмиг прибавилось. Девушка срезала подходящий сук, оструга его и прикрепила позади седла. Что ж, жердочка для Пречиозы готова. Ромили подсадила ястребицу на сук, заставила потоптаться — удобно ли? Пречиоза тщательно исследовала новую опору, перебралась с одного края на другой, наклонив голову… Потом она резко взмахнула крыльями и взлетела. Набрала высоту и села на верхушку соседнего дерева. Ромили, затаившая дыхание, облегченно вздохнула. Птица не собиралась оставлять ее.

Мало того, в следующее мгновение она ясно услышала голоса — грубоватый мужской баритон заявил: «Лопнуть мне на месте, если я не видел дымок», — на что другой что-то возразил тенорком. Что — Ромили не удалось разобрать. Этот краткий разговор сопровождался перестуком копыт, шарканьем лап и собачьим лаем.

Ромили перетрусила и, не успев даже задуматься, что за чертовщина творится вокруг, увела коня подальше от дороги, надежно укрыла в зарослях. Встреча с людьми страшила ее — не хватало еще попасть из огня да в полымя. Сначала надо приглядеться, что за путешественники бродят в этих диких местах… На кого они похожи, сколько их?..

И вновь послышался мужской голос, на этот раз сочный, изъяснявшийся правильными фразами, выдававшими образованного человека… С таким же акцентом, как у Алдерика. Так коверкают слова только жители равнины, решила Ромили. «Вряд ли кто-нибудь осмелится путешествовать в этих местах, Орейн. Что за нужда могла загнать его в эти дебри? Хотя, если у него есть цель… Все равно, думаю, он был бы рад встретиться с людьми».

Ромили осторожно выглянула из-за куста — до-

рога была пуста. Этого не могло быть — она все так же отчетливо слышала топот копыт по грязи, тяжелое дыхание, храп уставших животных… Девушка глянула вверх, на сидевшую на дереве ястребицу. Та неотрывно смотрела вдаль в том направлении, откуда вела дорога. Уж не ее ли ушами слышала Ромили? Она опять невольно впала в умиление — у-у, ты, моя заступница. Страж ты мой неусыпный…

Наконец из-за мшистых валунов, языком спускавшихся к подножию холма, появились всадники. Впереди высокий рыжеволосый человек — правда, одет он был в какое-то рванье, но как элегантно сидели на нем выцветший поношенный камзол и штопанные на бедрах бриджи! Сразу видно породу, ничего общего с дубинноголовым Рори… Чем-то он напоминал Ромили лорда Сторна, их соседа, или старого Скатфелла. Хотя, конечно, одежонка не та… Похуже, чем ее собственная, да и бороду, а также волосы можно было расчесать. Рыжая шевелюра клочьями стоит на голове…

Его сосед был высок, грузен — просто великан. Одет он был в длиннополую рубашку, на груди был вышит древний орнамент; на ногах огромные сапоги, сработанные каким-то ленивым

сапожником из плохо выделанной кожи. На передней луке седла дуга — что-то вроде насеста для ястреба. На нем сидела огромная птица — Ромили ранее никогда не видала ничего подобного. И на хищника она не была похожа… В такт лошадиному шагу птица тоже переступала по дуге — перехватывала жердочку когтистыми лапами то влево, то вправо. Ромили, еще не утратившая телепатическую связь с Пречиозой, сразу почувствовала, как нелюба была эта тварь ястребице. Она одновременно ненавидела и побаивалась ее… Это чувство, передавшись Ромили, заставило ее поглубже спрятаться в кустах.

Позади двух всадников, возглавлявших группу, скакало пятеро или шестеро других. Только двое из них ехали на лошадях, у остальных под седлами были червины. Животные заметно отощали, мелкие, заботились о них неважно, кое у кого рога были обломаны и торчащие трубчатые острия не сглажены. У двух червинов рога вообще были неумело спилены. Ромили встречалась уже с подобным обращением с животными, которых, случалось, безжалостно загоняли до смерти. Девушку даже передернуло… Ее отец ни секунды не промедлил и тут же рассчитал бы работника, если бы он так относился к животным. Например,

можно было бы аккуратнее спилить рога. Она сама сделала бы это намного лучше… Эти двое, которые впереди, вроде бы ничего, но те, позади, настоящие головорезы, прости Хранитель…

Великан, ехавший впереди с птицей, неожиданно повернул коня и отъехал от дороги. Там он недолго порыскал влево-вправо, потом обрадованно воскликнул:

— Я же говорил, вот оно, кострище… зола совсем свежая, еще, видать, теплая, а рядом следы копыт. Не-е, здесь без всадника не обошлось.

— С конем, да еще в такой пустыне? — засомневался Аристократ (Ромили с первого взгляда дала ему эту кличку), сразу видно, что не из простых. Брови у него поползли вверх — этак изломисто, многозначительно, не спеша… Истинный лорд! Только представители высшей аристократии могли позволить себе такую мимику. Кто попроще, мигом бы схлопотал по роже за такую гримасу. Не выпендривайся!..

Рыжий привстал в стременах, приложил руку козырьком, оглядел окрестности. Его более простоватый спутник, заметив круп лошади, выглядывавшей из-за ствола старого дерева, окликнул Ромили:

— Иди сюда, парень. Мы не причиним тебе

вреда, — и поманил пальцем.

Тем временем Аристократ подъехал поближе и, соскочив с коня, начал изучать только что брошенное кострище. Пошевелил угольки — те тут же ответили несколькими крупными издыхающими искрами. Он подложил в горячую золу несколько сухих веточек, потом одобрительно оглядел костер. Место было выбрано удачно — Ромили, подобно всем живущим в Хеллерах, очень осторожно обращалась с огнем в лесу. Это была первая заповедь следопытов и охотников. Такая уж им досталась родина — этот Дарковер!..[22] Летом здесь можно ожидать метель, а после метели долгую засуху.

— Эй, парень! — крикнул Аристократ. — Можешь выходить. Ты молодец, избавил нас от необходимости разводить огонь. — Голос у него был слабоват, с менторскими нотками. — Присоединяйся, никто тебя не обидит.

Да, согласилась Ромили, они не опасны. Она даже попыталась, закрыв глаза, проникнуть в их мысли. Ничего не вышло — мгла перед глазами. Ну и ладно!.. Она вывела коня в поводу из-за ствола и в нерешительности остановилась, робея

---

[22] notes: 22
Планета, где происходит действие.

приблизиться…

— Эй, парень, ты кто? Куда направляешься? — спросил богатырь. Спросил заинтересованно, по-доброму. Ромили решила, что он не старше ее отца, однако лет ему побольше, чем любому из ее братьев. В ответ она поведала выдуманную ею сказку:

— Я был подручным у сокольничего. Рожден в знатном доме, однако мать моя была слишком горда, чтобы записать меня сыном благородного господина. Вот я и решил попытать счастья в городе. С этим и отправился в Неварсин, да вот потерял дорогу и плутаю здесь…

— Я смотрю, у тебя есть конь, кинжал и — если не ошибаюсь — ученый ястреб, — заметил рыжий. Он стрельнул глазами в сторону импровизированной дуги для ястреба, которую Ромили собственноручно смастерила и приладила к задней луке седла. К тому же Ромили до сих пор держала в одной руке кожаный ремешок, на который обычно сажают ястребов. Долгая работа на конюшне и в соколятне приучила ее, что никакую вещь, какой бы ненужной она ни казалась, выбрасывать нельзя. Всегда пригодится… Тем более добротный кожаный ремешок… Им можно надежно прикрепить к седлу жердочку

для Пречиозы.

— Ты потерял своего ястреба? Или украл его, сознайся? Что подручному мастера делать с птицей? Кстати, где она?

Ромини не знала, что ответить. Она глянула на говорившего, потом подняла руку, и в тот же момент Пречиоза, до той поры сидевшая на дереве, камнем бросилась вниз и села на запястье, уже прикрытое рукавицей.

— Она моя! — горячо воскликнула девушка. — И принадлежит только мне. Я ее сам обучил.

— Не сомневаюсь, — кивнул Аристократ, — если в такой глуши, без всякого поводка… Ястреб мог бы давным-давно улететь, если бы пожелал. В этом смысле можно говорить, что птица — твоя собственность. Впрочем, это слово здесь вряд ли уместно — скорее, она принадлежит тебе, а ты ей…

«Он понял!» — обрадовалась Ромили и почувствовала доверие к этому человеку, словно они состояли в близком родстве. Поверила ему как брату или даже как отцу… Она улыбнулась, он понимающе усмехнулся, затем взглядом отозвал своих людей, которые между тем как бы невзначай окружили заросли.

— Мы тоже следуем в Неварсин, хотя и круж-

ным путем. На это есть особые причины. Если желаешь, присоединяйся к нам.

— Дом Карло имеет в виду, — предупредил гигант, — что если мы поедем по столбовой дороге, то нам несдобровать. Тут же найдутся люди, которые схватят нас и отдадут в лапы палача.

Что же это, изумилась Ромили, они — бандиты? Они вне закона? Вот влипла! Стоило ли убегать от Рори, чтобы попасть в руки разбойников, которые сторонятся властей. Сами же предупреждают — стоит им попасться, как сразу угодят на плаху!.. Она растерянно покачала головой. Может, один прыжок в седло и — деру? Далеко не убежишь, пока продерешься через кусты, этот громила вмиг достанет ее.

Рыжий господин, глядя на Ромили, не смог сдержать улыбку. Взгляд его несколько успокоил девушку — вряд ли у негодяя могли быть такие заботливые, добрые глаза, и в то же мгновение она поняла, что, если она сбежит, никто ловить ее не будет. Вопрос только в том — стоит ли бежать? От судьбы так просто не уйдешь.

Наконец дом Карло обратился к своему спутнику:

— Ты говоришь так, будто мы шайка убийц, Орейн. Эй, парень, мы всего лишь обездоленные,

потерявшие свои вотчины странники. У некоторых из нас убили родственников. К несчастью… Дело в том, что мы приняли сторону законного короля и отвергаем коварство и жестокость, которые исповедует нынешний узурпатор, захвативший трон Хастуров. Его сила зиждется на злобе, жадности, предательстве, он уверен, что сумеет завоевать достаточное количество сторонников, которые больше полагаются на яд, веревку и нож, чем закон, справедливость и милосердие. Он считает, что ему хватит земель, чтобы наградить своих подручных, а если не хватит, то можно заняться убийством. Домены у их законных владельцев не желают поддерживать дорвавшегося до власти негодяя. Мы тоже направляемся в Неварсин, там объявлен сбор армии сторонников настоящего короля. Ракхел никогда без боя не отдаст Большой дворец в Хали, который извечно принадлежал Хастурам! — Мужчина коротко рассмеялся. — Корона будет жечь ему голову, пока жив хотя бы один из нас. Меня зовут Карло из «Голубого озера», а это мой советник и друг Орейн.

Слово «друг», которое использовал дом Карло, могло означать и «кузен», и «приемный брат», тем более что во время этой речи Орейн с предан-

ностью смотрел на говорившего. Словно добрая гончая на хозяина…

Неожиданно тот хмыкнул:

— Если парень, как он говорит, работал подмастерьем у настоящего сокольничего, пусть он посмотрит наших сторожевых птиц. Что-то им нездоровится…

Карло спросил у Ромили:

— Как тебя зовут, парень?

— Румал.

— Судя по твоему акценту, ты родом с севера. Не из предгорий ли?

— Да.

— Послушай, Румал, ты что-нибудь понимаешь в ястребах?

— Более-менее, сэр, — ответила Ромили.

— Посмотри наших птиц.

Орейн тронул коня и пересадил своего пернатого друга с насеста на руку. Потом поманил двух слуг, у которых на седлах сидели точно такие же птицы. Орейн снял колпачок — птица нелепо дернула головой, как бы поклевала что-то, однако двигалась она вяло, апатично. На голове у пернатого топорщился хохолок из длинных мягких перьев, прикрывавший зрачки, однако сама голова и шея были совершенно голые и

уродливые. Оперенье неопрятное, даже грязное, маховые перья торчали в разные стороны, что свидетельствовало о явной болезни. Даже пух на когтистых лапах был странно взъерошен.

Ромили никогда до сих пор не доводилось видеть таких некрасивых птиц, хотя если бы они были здоровы, то, конечно, производили бы впечатление. Всякая живая, здоровая тварь красива по-своему. Теперь же птицы выглядели жалкими, костлявыми… Одна из них вытянула шею и пронзительно закричала, затем безвольно опустила голову и замерла.

Ромили покачала головой:

— Я никогда не видела подобных птиц, сэр.

И похожи-то они были скорее на вкусненьких, жирненьких кворебни, чем на охотничьих ястребов. В родных ей местах такие никогда не встречались.

— Какая разница, пернатые и есть пернатые, — ответил Карло. — Мы получили их от наших тайных доброжелателей и везем в дар Его величеству Каролину в Неварсин. Без них армия слепа, однако, как видишь, напасть приключилась!.. В пути они сразу заболели, этак мы их и не довезем, а что с ними — не можем понять, хотя некоторые из нас умеют обращаться с ястребами. С этими

же тварями сплошные неприятности. Непонятно даже, чем их кормить, когда они болеют. Ты что-нибудь в этом понимаешь, мастер Румал?

— Немного, — ответила Ромили, отчаянно перебирая в уме все то, что узнала от старого Девина, чем можно помочь больным тварям. То, что птицам нездоровилось, было очевидно — птица верин и мелкая певчая пичужка, если не чистит клювом перья и постоянно дрожит, безусловно больна. В общем-то девушка легко справлялась, если надо было подлечить крыло или маховые перья — ее этому учили, но когда болезнь развивалась изнутри, она вряд ли была способна помочь.

Тем не менее она выпустила Пречиозу, подошла к Орейну и пересадила его птицу на свою руку. Внимательно заглянула пернатому созданию в глаза и попыталась проникнуть в чуждое сознание. Пред ней предстала какая-то туманная мгла, навалились болезненные ощущения, ее нестерпимо потянуло на рвоту. Почувствовав отвращение, она прервала мысленную связь и спросила:

— Чем вы их кормите?

Догадка была верная — она сразу поняла это, припомнив, с каким неприятием Пречиоза встре-

чала попытки накормить ее несвежим мясом.

— Самой лучшей и свежей пищей! — как бы защищаясь, ответил один из людей, вставший за спиной у Орейна. — Я жил в знатном доме, где было много ястребов. Больше всего они любят мясо — когда нам не везло на охоте, нас отправляли ловить мышей. Все-то им нужно только самое свежее… Нам-то можно было всякую тухлятину скормить, — пожаловался он и с тоской глянул на сидящую у него на руке птицу. Та совсем повесила голову…

— Только свежее мясо? — всполошилась Ромили. — В этом все дело, сэр. Посмотрите на их клювы и когти, теперь припомните, каковы они у моего ястреба. Это же стервятники, они падалью питаются… Их следует выпустить, они сами найдут себе добычу. Птицы не могут справиться со свежеубитой тушкой, клювики у них маленькие, когти слабые. К тому же, если их постоянно возить на седле, они не смогут наглотаться маленьких камешков, а без них пища в желудках не переварится. Они едят полупротухшее мясо, и чтобы там были перья или мех. Обязательно! Вам следует дать им припахивающие тушки и ни в коем случае не чистить их — они сами доберутся до содержимого желудков добычи. Там все для

них есть — непереваренная до конца трава, и камешки, и веточки. Вы стараетесь, я уверена в этом, а они умирают от голода, потому что то, что вы им суете, не для них. Сторожам, мне кажется, надо позволить поохотиться самим, пусть даже на длинном поводке.

— Преисподняя Зандру, Орейн, а ведь в том, что парнишка говорит, есть смысл, — заметил дом Карло. Он задумался, помигал и покаянно добавил: — Я должен был предвидеть это… Хорошо, допустим, причину мы нашли. Что же нам теперь делать?

Ромили уже знала средство. Девушка посмотрела вверх, где широкими кругами парила в небе Пречиоза. Нужно было только установить с ней связь. Сказано — сделано! Ромили закрыла глаза, привыкла к необычной точке наблюдения сверху, откуда ястребице была видна каждая мельчайшая деталь, и посоветовала:

— Там в глубине рощи есть какая-то падаль. Я только не знаю — как вы их зовете… сторожевые птицы, да? — питаются они вместе или живут каждая на своей территории?

— Мы им не позволяем приблизиться друг к другу, — ответил Орейн, — когда пускаем в полет. Вот эта, которую я везу, уже пыталась выклевать

глаза той, что у Гевина.

— Тогда это не поможет, — заявила Ромили. — Выходит, их надо кормить так, чтобы они не видели друг дружку… — Она задумалась, потом решила: — Их надо спасать, кормить немедленно, иначе они больше двух дней не протянут. Значит, надо найти добычу.

Мужчины задумались.

— Ладно, — решительно махнул рукой Карло. — Чего вы ждете? Каролину крайне необходимы эти птицы. Без сомнения, в Трамонтане есть опытные лерони, которые умеют с ними обращаться, но до Башни мы их обязаны доставить живыми!

— У-у, тошнотики, неженки, неумехи проклятые! — выругался Орейн. Кого он поносил, было непонятно — то ли сторожевых птиц, то ли ухаживавших за ними слуг. Скорее всего и тех, и других. — Боитесь ручки замарать! Ладно, придется показать вам пример. Эй, парень, где та падаль, которую ты сумел разглядеть?

Ромили оставила коня и бросилась в заросли. Орейн последовал за ней, а дом Карло, не сдерживая гнева, обрушился на сопровождающих:

— Эй вы, бездельники, ступайте за ними и помогите, если потребуется. Неужели они вдвоем сумеют выволочь падаль?!

Тут же двое слуг побежали следом за Ромили и Орейном.

Что за мертвечина валялась в кустах, Ромили разобрать не удалось — скорее всего, маленький пегий лесной червин. Уже скоро она почувствовала сладковатый трупный запах. Девушка поморщилась.

Орейн недоверчиво спросил:

— Неужели мы должны кормить этим таких замечательных птиц?

Он подошел к смердящей туше, наклонился, пнул труп ногой. Ромили, зажав нос, обошла мертвого червина. Тот еще не успел разложиться, и труп можно было вытащить на дорогу. Пришлось Ромили волочь его за одну ногу, Орейну — за другую. Дышать старались через рот — смрад вокруг стоял невыносимый. Невозможно было терпеть.

— Для ваших кворебни это, должно быть, настоящий пир. Царское угощение, — отдуваясь, сказала Ромили. — У нас никогда не держали стервятников. Конечно, думаю, у них и желудки разные. Вот, например, вам бы хотелось питаться исключительно травой?

— Конечно нет, — мрачно ответил Орейн. — Да, по-видимому, ты прав, но мне и в голову не

приходило, что людям короля придется таскать подобную падаль.

Тем временем к ним подбежали слуги, которые бросились на помощь. Они схватили тушу за передние ноги и быстро выволокли труп к дороге. Наконец-то можно было передохнуть. Однако некоторым из слуг пришлось затыкать рты, чтобы их не вырвало, другие, не в силах справиться с тошнотой, отбежали в сторону. Орейн между тем достал длинный кинжал и, глухо выругавшись, разделил тушу на три части. Ромили открыла рот от изумления, увидев длину лезвия, однако в могучих лапах гиганта это оружие казалось маленьким ножичком. Не успел он закончить работу, как сторожевые птицы подняли истошный галдеж. Их вид был неприятен Ромили, а уж пронзительные крики вообще невозможно было слышать. Надо же, подумала она, какие отвратительные твари, а считается, что цены им нет. Особенно обученным… Все же, услышав вопли кворебни, Ромили облегченно перевела дух — она даже помыслить боялась о том, что случилось бы, дай она неверный совет. Теперь-то, при виде взбудораженных, отчаянно голосящих птиц, всем стало ясно, что она была права. Девушка подняла с дороги комок грязи с налипшей на нее галькой,

потом отрезала от трупа кусок посеревшего мяса, перемешала все и, поколебавшись, подошла к одной из больных птиц. Попыталась проникнуть в ее сознание — что-то смутное расплылось перед глазами, — посадила к себе на руку и решительно сдернула с ее головы колпачок.

— Эй, парень, побереги глаза, а то она тебе их вмиг выклюет!

Однако птица, к удивлению присутствующих, вела себя тихо. Бедная, совсем изголодалась, подумала Ромили. Такую большую птицу она удерживала с трудом, старалась изо всех сил. Наконец подошла с ней к одному из кусков, отрубленных от туши, и опустила на землю. Стервятник с громким хриплым криком ударил клювом и начал отчаянно рвать подгнившую плоть. Глотал жадно, все подряд — поблекшее мясо, мех, гальку с дороги…

— Видите? — Ромили указала на пернатого пальцем и направилась к следующей птице. Орейн приблизился, чтобы помочь ей, однако стервятник отчаянно зашипел и попытался ударить его клювом — тот оторопело отдернул руку и отошел, предоставив девушке самой заниматься кормежкой.

Когда все птицы насытились и принялись

чистить перья — при этом они ворчливо перебранивались, — дом Карло переглянулся с Орейном, и великан, хмыкнув в кулак, заявил:

— Слушай, парень, давай-ка присоединяйся к нам. Вместе мы доберемся до Неварсина, оттуда отправимся к Трамонтане, где должны передать этих птиц людям Каролина. Ты за ними присмотришь в дороге. Поставим на довольствие тебя и твоего коня. Если все сложится удачно, получишь по серебряной монете за каждый день. Конечно, только в том случае, если птицы будут чувствовать себя хорошо. Твой ястреб, — добавил он и усмехнулся, — сам добудет для себя пропитание.

— Сама, — поправила его Ромили.

— Мне все равно, самец он или самка. Самое главное, он не будет отвлекать тебя от твоей главной обязанности… Но если что случится со сторожевыми птицами, то, при всей нашей доброте… Не так ли, дом Карло? — И он зло усмехнулся, так что сердце у Ромили сжалось. — Так что, как насчет моего предложения, а-а, парень? — спросил богатырь. — Поедешь с нами?

Ромили в общем-то давным-давно все решила, тем более что их маршрут удачно совпадал. Собственно, ей повезло, что встретились эти всадники, теперь по крайней мере можно быть

уверенной, что она в конце концов разыщет брата. Однако последнее замечание смутило ее… Ага, если с ними что случится, тогда этот ухарь с кулаками, что молоты, в землю ее вгонит? С другой стороны, иногда следует рискнуть… Если откровенно, то подобная работа совершенно не пугала ее — наоборот, уж с кем, с кем, а с птицами она всегда найдет общий язык. Загадывать бессмысленно. Попадутся ли они в лапы патрулей, доберутся ли до Неварсина — кто мог знать, кроме богов, но их воля непроницаема, недоступна простому смертному. Значит, надо верить в свою звезду, в себя, в милость Хранителя Разума.

— Хорошо, дом Карло и мастер Орейн, — наконец сказала она.

— Сделка состоялась, — рассмеялся Орейн и протянул ей свою исполинскую лапищу для рукопожатия. — Теперь, когда птицы насытились, мы можем наконец убраться подальше от этой падали и сами перекусить.

— Звучит неплохо, — согласилась Ромили и отправилась к своей лошади.

Они отъехали подальше, выбрались в отлогую лощину и здесь, у ручья, развели костер. Мясо нанизали на веточки и жарили над угольями, а сочные клубни запекли в золе. Орейн предложил

Ромили соль, которую хранил в маленьком кожаном мешочке. Доставал он его долго, откуда-то из недр необъятных штанов… Когда трапеза была закончена, птиц снова посадили на седла, и Орейн попросил Ромили надеть им колпачки — сами-то мужчины не очень жаждали приближаться к стервятникам. Тут девушка услышала обрывок разговора:

— Вот наглость! Какой-то молокосос будет путешествовать на коне, а мы должны сбивать свои задницы на этих чертовых пони. Может, заставим его поменяться?

— Только попробуй, Аларик, — повернувшись, рассудил их Орейн. — Тогда тебе придется скакать в одиночку по этим холмам. Среди нас нет и быть не может воров и грабителей. Если ты хоть пальцем к этой лошади притронешься, я сам с тобой разберусь.

— А что я такого сказал? — пожал плечами Аларик. — Заметил только, что это несправедливо, и все…

— Вот-вот — и все! Я тебя предупредил.

Ромили почувствовала, как волна симпатии и признательности поднялась в сердце, кровь прилила к щекам. Не хватало еще, рассердилась она, покраснеть, как девчонка!.. Все равно, впервые

за тот недолгий срок, что она провела вне дома, тревога ненадолго оставила ее. Неужели в этом мире у нее появился защитник? Вот поехала она с ними, а случись ей остаться один на один с этими разбойничьими мордами, что тогда делать?..

Уже в дороге Ромили поинтересовалась:

— Как зовут этих птиц?

Орейн только мрачно осклабился.

— Разве придет кому-нибудь в голову награждать именами такие гнусные создания! Ты спрашиваешь так, как будто их держали в клетке и они были любимцами семьи.

— Вовсе нет, — возразила Ромили. — Если желаешь приручить птицу, тем более работать с ней, тебе необходимо дать кличку. Она должна запомнить ее, сжиться с именем и откликаться каждый раз, когда ты мысленно позовешь ее — или его. Ну, с кем говоришь!.. Птица или животное должны сразу понять, что обращаются именно к ним.

— Неужели? — засмеялся Орейн. — Тогда назови их Уродец-один, Уродец-два, Уродец-три. Можешь окликать их гнусью… Тоже по номерам…

— Ни в коем случае! — возмущенно воскликнула Ромили. — Птицы особенно чувствительны.

Если вы хотите дружить и работать с ними, вы должны полюбить их… — Она взглянула на мужчин, те откровенно посмеивались над ней, переглядывались и глупо ухмылялись. Девушка вспыхнула, тем не менее упрямо продолжила: — Прежде всего вы должны относиться к ним с уважением, заботиться о них без всякого принуждения, быть попросту добрыми с ними. Думаете, им невдомек, что вы их ненавидите и боитесь?

— А тебя они любят? — спросил дом Карло. Его голос звучал заинтересованно, и Ромили повернулась к нему, заговорила увлеченно, страстно:

— Разве вы позволите себе издеваться и передразнивать своих охотничьих собак, когда собираетесь на охоту? Ведь они должны желать получить от вас приказание, команду. Награду, наконец. Разве не так?

— Я уже давным-давно не выезжал на охоту… С тех пор, как был еще молодым. Но определенно я никогда не позволял себе пренебрежительно относиться к тем животным, которых приручил, подготовил к работе. Конечно, я испытывал к ним уважение. Все прислушайтесь к тому, что говорит этот парень. В том же самом убеждал меня мой сокольничий. Уверен, — Карло любовно похлопал по шее своего скакуна, — что к нашим-то

коням и червинам мы относимся с любовью.

— Ну, — сказал Орейн и, глянув на сидящую перед ним птицу, по привычке пробормотал что-то насчет преисподней Зандру, — в таком случае можно назвать эту Красоткой, вон ту Прелестью, а следующую Кралей. Я не сомневаюсь, что кому-то они и в самом деле покажутся совершенством — любовь зла, как говорила моя матушка, полюбишь и козла.

Ромили хихикнула.

— Это уж слишком, — возразила она. — Оли, может, и не очень-то хороши собой, однако — позвольте мне подумать… Ага, можно дать им имена добродетелей. Вот эту, например, можно назвать Благоразумием. — Она указала на птицу, которая сидела на лошади Орейна. Потом она обернулась к той, что ехала на червине справа, и тоже окрестила ее: — Эта — Умеренность, а последнюю наречем Усердие.

— Как же нам их различать? — возмутился один из слуг. — Их сам черт не разберет.

— Почему же, — серьезно ответила девушка, — они же совсем не похожи друг на друга. Вот, например, Усердие — она самая крупная, и кончики крыльев окрашены голубым. Видите, каемка на перьях? Умеренность… Ах, вам сейчас

не видно под колпачком. Все равно — у нее самый большой хохолок, и на нем крапинки. А Благоразумие — самая маленькая, у нее по лишнему коготку на каждой ноге.

Орейн изумленно принялся рассматривать свою птицу.

— Действительно! — растерянно пробормотал он. — Они такие разные. Мне бы и в голову не пришло.

Девушка решила дать мужчинам небольшой урок обращения с птицами.

— Самое главное, — сказала она, — что надо усвоить, — это то, что любое пернатое создание особенное. Каждая птица имеет свою индивидуальность. Здесь все имеет значение, все надо подмечать — манеру поведения, привычки. Они точно такие же существа, как вы сами. — Ромили повернулась в седле в сторону рыжеволосого и сказала: — Простите меня, сэр, возможно, мне следовало посоветоваться с вами прежде, чем давать клички сторожевым птицам…

Он отрицательно покачал головой.

— Я, собственно, никогда об этом не задумывался… Имена, в общем, подходящие, все равно мои люди их укоротят. Они все подгоняют под свое разумение… Кстати, паренек, ты, случаем,

не христофоро?

Она кивнула:

— Да, я была воспитана в этой вере. А вы, сэр?

— Я служу Властелину Света, — коротко обронил он. Ромили промолчала, но сердце ее ненадолго сжал страх. Вера Халиминов еще не добралась до ее родных предгорий. С другой стороны, если эти люди служат королю Каролину, сосланному новым хозяином страны, то и верить они должны в богов клана Хастуров. Боже, неужели возле Неварсина назначен сбор армии изгнанного короля? Это открытие неожиданно взволновало ее. Тогда понятно, почему Алдерик прятался в холмах Киллгард. Оттуда ему легко будет присоединиться к королю. Вот, значит, что он за человек! А говорил: я бедный студент, готов служить конюхом… Ну и конюх для отцовской конюшни! Хорошо, что его хотя бы управляющим сделали. Если это люди Каролина, возможно, они знают его? Может, они даже его друзья?.. Но это ее не касается. Самое последнее дело, если она ввяжется в какую-нибудь мужскую кутерьму. Ее отец справедливо полагал, что ему все равно, какой мошенник сидит на троне, и пусть они дерутся как можно дольше. А в это время простой народ, по крайней мере, будет оставлен в покое и

может спокойно заниматься своими делами.

В караване Ромили заняла место поближе к дому Карло и Орейну — ей очень не понравились взгляды, которые время от времени бросал на нее Аларик. Сразу было ясно, что он бандит почище Рори. Как и тот, без раздумий готов был наложить лапы на то, что ему приглянулось, — на этот раз на ее коня. Хорошо, что он не догадывался, кто она, — тут его не удержишь. Таким, как он, стоит только унюхать, что пахнет женщиной, и все! Мысль неприятная, тягостная, но правду не скроешь — в этом мире женщине без защиты не обойтись.

Слава Хранителю, что на этот раз приходится оберегать коня, а не собственное тело.

Они скакали весь день, остановку сделали только раз, после полудня, чтобы поесть каши, приготовленной из муки, замешанной на холодной воде. К удивлению Ромили, еда оказалась вкусной, каждому вдобавок отсыпали горсть земляных орехов. После обеда они немного отдохнули, однако девушка использовала это время, чтобы вырезать из подобранных ею сучьев более надежные насесты для сторожевых птиц. Прежние никуда не годились: мало того что птиц покачивало во время езды, так еще и подставки

ходили ходуном. Птицы то и дело балансировали, хватались за опору — одним словом, ни на минуту не знали покоя. Потом она перетянула и несколько расслабила затяжку узлов на кожаных ремешках, которыми стервятники были привязаны к жердям. И вовремя! Ромили сразу заметила у одной из птиц потертость на левой ноге. Она тут же обмыла это место чистой водой и обвязала ногу обрывком листа целебного растения. Остальные мужчины загорали на солнце, радуясь кратковременному отдыху, кое-кто задремал. Когда же Ромили закончила возиться с птицами и вернулась к ним, ее вдруг встревожил пристальный взгляд, который бросил на нее дом Карло. Девушка невольно вернулась назад, к пасущимся червинам, словно бы забыла исполнить какое-то важное дело. В самом деле, работа ей тут же нашлась. Один из них явно страдал от того, что из основания неумело — или наспех? — отпиленного рога сочилась сукровица. Прежде всего Ромили успокоила животное, вошла в его сознание и лаской, заботой совсем усмирила его, потом очистила рану, обсушила ее кусочком чистой тряпки, наложила на это место небольшой комок мха, чтобы вытянуть гной, и перевязала рану. Так она обошла одно животное за другим,

внимательно осмотрела их, особенно копыта пони (так в просторечье называли червинов) и лошадей. Каждое копыто очистила с помощью ножа от застрявших в промежутках между костяными наростами камней.

Дом Карло по-прежнему внимательно наблюдал за девушкой.

— Румал, — позвал ее наконец лорд, хозяин каравана. — Мне нравится твое усердие. Трудолюбие тоже… Где ты научился обращаться с животными? Случаем, ты не у Макаранов служил?

Карло поднялся и подошел поближе.

Услышав о Макаранах, Ромили вздрогнула, однако мужчина как ни в чем не бывало продолжил:

— Должен отметить — у тебя поистине большой дар. Тебе не говорили, что следует развивать свой ларан? Смотрю я на тебя и чем дальше, тем больше прихожу к выводу, что ты родом из этого клана.

Их взгляды встретились, и Ромили ясно ощутила, что серые глаза дома Карло легко проникают в ее сознание — туда, куда посторонним не было доступа. Ромили даже содрогнулась — если он из рода Хастуров, наделенных сильным лараном,

то сможет догадаться, что она девица. Однако он вроде бы даже не заметил ее растерянности, только по-прежнему, не отводя глаз, пристально смотрел не нее. Складывалось впечатление, что этому человеку нельзя солгать, он видит собеседника насквозь.

Девушка ответила через силу, запинаясь:

— Я был… ну, воспитывался… В общем, я кое-кого из них знаю.

— Рожден не на той кровати, я полагаю? Весьма распространенная история в холмах Киллгард… Собственно, как и везде… — сказал дом Карло. — Одна из причин того, что этот разбойник Ракхел сидит на троне, а Каролин… — Он помедлил, потом закончил мысль: — …дожидается нас в Неварсине.

— Вы знакомы с королем, сэр? Кажется, вы тоже один из Халиминов?

— Ну да, — согласился он. — Орейн тоже, хотя по его речи этого не скажешь, однако парень он добрый и не причинит тебе вреда. Знаком ли я с королем? Да, однако видимся мы нечасто. Мы с ним родственники, поэтому я и держу его сторону. Как я уже заметил, все эти неприятности доставили Каролину недестро, которых в последнее время развелось видимо-невидимо. Его отец

был слишком мягок со своими родственниками, поэтому их аппетиты росли день ото дня. Вот тиран ими и воспользовался, чтобы захватить трон. Тут встала проблема — как расплачиваться с новоявленными сторонниками? Пришлось ему заняться аристократией. Кого под надуманными предлогами казнили, кого отправили в ссылку. Их поместья он передал своим приближенным. Послушай, парень, я тебе сочувствую. Сам я тоже многим рискую — стоит мне попасть в лапы к узурпатору, моя голова тут же будет торчать на стене его замка. Впрочем, подобная судьба ждет и сыновей Каролина. Ты, я смотрю, тоже не очень-то жаждешь встреч с людьми… Один в такой пустыне!.. Мне кажется, что ты один из отпрысков Макарана, иначе я просто не могу объяснить, откуда у тебя такой замечательный дар в обращении с животными. Там, в Трамонтане, есть ларанцу из рода Макаранов. Именно ему и его другу мы везем этих птиц. В конце концов, что тут скрывать, все равно ты теперь едешь с нами. Ты когда-нибудь раньше слыхал о сторожевых птицах?

Ромили отрицательно покачала головой.

— До сегодняшнего дня я их никогда не видел. Конечно, в наших местах ходило много разгово-

ров о том, что они умеют отлично шпионить.

— Так и есть, — ответил дом Карло. — Любой, у кого есть ларан, как у членов вашей семьи, или что-то похожее на дар, может с их помощью обозревать окрестности. Люди входят с птицами в телепатическую связь и их глазами наблюдают за всем происходящим. Те взлетают в небо и кружат там, а пославший их человек видит все, что делается на расстоянии многих миль. Никакой маневр вражеской армии, направление движения, количество людей, их вооружение от них не укроются. Причем все эти сведения поступают постоянно и сразу после того, как изменилась обстановка. На чьей стороне находятся сторожевые птицы, там, считай, и победа, потому что любой маневр противника для них — открытая книга.

— Но как их обучают этому?

— Специальной тренировкой добиваются того, чтобы они были верны своему хозяину и легко подчинялись мысленным командам, — пояснил Карло. — Тут все дело в ларане — либо он есть, либо его нет. Человек, поддерживающий короля, живет на этих холмах, у него сильный ларан, а вот мои люди ничего не понимают в этом искусстве. Хвала богам, что они послали нам тебя. Ты умеешь обращаться со всякой живностью,

возможно, сможешь работать и со сторожевыми птицами.

— Нет, — отказалась Ромили, — пусть этим займется тот, кому это положено. Мы так не договаривались! — заявила она. — К человеческим рукам, к человеческому голосу я постараюсь их приучить, прослежу, чтобы они были здоровыми, крепкими, но чтобы выпускать их в полет… Это уж слишком!..

Странно получалось, решила Ромили, тот человек в Трамонтане, да еще из их рода, — уж не брат ли ее Руйвен? По всему выходило, что так. У него есть ларан, по-видимому, птицы предназначались именно для него. Как удивительны порой бывают выкрутасы судьбы!.. Возможно, на пути к Трамонтане ей действительно стоит заняться обучением птиц?.. Но ведь она ничего в этом не понимает! Что, если какой-нибудь стервятник улетит?

Вслух она предложила:

— Дом Карло, надо, чтобы ваши люди по дороге занялись охотой и настреляли для них птиц. Пусть те чуть протухнут, чтобы сгодились в пищу нашим стервятникам. Видите, когти у них слабые, впрочем, как и клювы…

— Они переходят в твое распоряжение, — тут

же согласился дом Карло. — Если будут какие-нибудь проблемы, скажи мне. Это очень ценные создания, их следует доставить в целости и сохранности.

Он глянул в небо, окрашенное в нежно-малиновый цвет гигантским багряным светилом, стремившимся к закату. В небе едва-едва можно было различить темную точку. Это была ястребица.

— Надо же, — поразился Карло, — твой ястреб даже в свободном полете остается поблизости. Как его зовут?

— Пречиоза, сэр.

— Пречиоза? — ухмыльнулся подъехавший к дому Карло Аларик. — Совсем как кукла. Маленькие девочки любят подобные имена.

— Не смейся над парнем, — миролюбиво заметил господин. — Радовался бы, что он повстречался нам на пути. Что бы мы без него делали? Ты бы лучше приглядывал за своими пони. Червин не так уж плох в дороге, по крайней мере, повыносливей коня. Тебе бы следовало поблагодарить Румала за то, что он выковырял камень из копыта твоего Серохода.

— О да, конечно! — Аларик тут же помрачнел и отъехал в сторону.

Ромили посмотрела на него с откровенной неприязнью. Казалось, она уже успела нажить себе врага. И причины вроде бы никакой не было, а вот поди ж ты! Всем не угодить… Возможно, она повела себя не совсем тактично и не следовало вообще подходить к их червинам. Может, лучше было бы просто предупредить Аларика, что его червин хромает. Она словно упрекнула его в слепоте. Он же не мог связаться с животным, а хромота была почти не заметна. И с нетерпимостью, которая свойственна молодежи, упрямо решила: если не способен разобрать, что у животного на душе, то нечего на нем ездить!

Вскоре отряд вновь тронулся в путь. Дорога теперь углубилась в горы и то взлетала вверх, то падала на дно распадка. Ромили начала отставать — на таких участках кони не могли состязаться с низкорослыми, увалистыми червинами. Время от времени Карло, Орейну и Ромили приходилось спешиваться и вести скакунов в поводу, в то время как слуги могли вполне ровно спускаться на пони. Ромили выросла в горах, и ей в привычку были крутые обрывы и взбирающаяся, казалось, в самое небо тропа, но и у нее замирало сердце, когда дорожка суживалась до ширины двух ступней, а рядом открывался зев бездонной

пропасти. Тропа замысловато вилась между диких скал, взбиралась к самым облакам, чьи холодные влажные пальцы проникали до самых костей. Тогда болели уши, дыхания не хватало — девушка начинала часто хватать ртом воздух. На одном из поворотов она нечаянно задела камень — тот, стукаясь о каменную стену обрыва, полетел вниз. Ромили, затаив дыхание, долго следила за ним, пока он не исчез в покрывшем склон горы облаке.

На перевале они сделали передышку, и Орейн указал на россыпь огней, полыхавших вдали на сумеречной горе:

— Это Неварсин, Город Снегов, ваи дом. Еще два, ну, три дня пути — и вы будете в безопасности за стенами монастыря Святого Валентина в Снегах.

— И твое честное сердце сможет наконец успокоиться, бреду? Но чего нам бояться — люди у нас надежные, верные, и даже если бы они знали…

— Потише, потише, мой господин! Не так громко, дом Карло, — прервал его Орейн.

Дом Карло подъехал к богатырю и обнял его за плечо.

— Ты охраняешь меня с детского возраста — кто, кроме тебя, будет со мной до конца, сводный брат?

— А-а, да у вас дюжины — нет, сотни сторонников, мой… — Он запнулся и потом закончил: — …ваи дом.

— Так-то оно так, но никто из них пока еще не жертвовал жизнью ради меня, — сказал дом Карло. — Ничего, дай срок. Я награжу тебя по-царски.

— Для меня наградой является возможность быть рядом с вами, видеть, как вы займете прежнее положение… Карло, — ответил Орейн и повернулся, чтобы внимательно рассмотреть, как слуги спускаются по крутой тропке на дно ущелья.

Ночевку они устроили на открытом воздухе, под сенью старого дерева. Листва его была так густа, что капли начавшегося дождя не могли добраться до земли, прорезанной вздувшимися гигантскими корневищами. Как и положено телохранителю, Орейн держался поближе к своему господину — они и спали под одним одеялом. Ромили проверила животных, осмотрела копыта, рога, накормила птиц и только было решила расположиться поодаль от мужчин, как Орейн окликнул ее:

— Ну-ка, Румал, ложись поближе к нам. Ночи здесь холодные, а у тебя даже одеяла нет и накид-

ка какая-то жалкая. Совсем замерзнешь, парень.

Ромили поблагодарила и на мгновение растерялась, потом наконец решилась и улеглась меж двух мужчин. Сняла она только сапоги, больше не решилась — не дай Бог, увидят ее нижнее белье. Однако чем дальше, тем больше начала мерзнуть. В душе она была благодарна Орейну, иначе она бы точно к утру превратилась в ледышку. Уже в полудреме она заметила, как Пречиоза спустилась к земле и села на ветку, нависавшую над хозяйкой, потом что-то еще… она сначала не поняла, что это такое… Некое шевеление мысли, прикосновение чужого ларана — батюшки, да это же мысленный взор дома Карло! Тот как бы воспарил над лагерем, проверил, все ли нормально с людьми, животными, птицами, и, убедившись, что все в порядке, медленно угас.

Следом и Ромили провалилась в забытье.

3

В предрассветных сумерках Ромили отправилась за водой и съестными припасами для сторожевых птиц — еще с вечера было решено, что один из слуг должен сходить сегодня на охоту — настрелять дичи для стервятников. Они явно пошли на поправку, чистили перья, очищали когти. Не успела девушка отойти от лагеря, как перед ней открылся пейзаж невиданной красоты. В горах, как известно, расстояния скрадываются, и ослепительно белые, словно сложенные из снега или соли, стены Неварсина, казалось, высились совсем рядом. Рукой подать… В яснеющем на глазах воздухе были видны все детали — отдельные дома, улочки, шпили на башнях, даже вымпелы, развевавшиеся над этим древним городом, построенным на склоне горы. Выше, уже за границей снегов, вздымались вырезанные из цельной скалы стены и кельи монастыря.

Тем временем лагерь пробуждался. Вот один из слуг отправился за водой, чтобы варить кашу, другой кормил коней и червинов.

Аларик, хмурый, со всклокоченной головой мужик в неопрятной, поношенной одежде, пугал

Ромили больше других, однако полностью избежать общения с ним она никак не могла. Ведь он вез на луке седла одну из сторожевых птиц.

— Простите, — вежливо обратилась к нему Ромили, — но вам следует отправиться на охоту и добыть что-нибудь для наших птиц. Если поохотиться сейчас, то к ночи можно будет накормить стервятников.

— Ах вот как, — хмыкнул Аларик, — стоит только провести ночку рядом с господином, и уже можно распоряжаться здесь, как у себя дома? Не надейся, парень, что тебя кто-нибудь послушает. Кто ты, собственно, такой, чтобы командовать людьми, которые не оставили кое-кого в трудные годы? Твое место у параши — заруби это себе на носу, педераст несчастный.

Ромили бросило в краску, губы задрожали от негодования.

— Как вы смеете говорить подобные вещи! Дом Карло приставил меня смотреть за птицами, кормить их, поить… Это не моя прихоть, а необходимость, и ваи дом сказал, что во всем, что касается этих пернатых созданий, мое слово — это его слово.

— Я тоже так могу сказать, — несколько снизив тон, пробормотал Аларик. Потом прошипел та-

кое, что Ромили сначала даже не поняла, о чем идет речь: — Не желаешь пососать у меня?..

У девушки перехватило дыхание, а когда смысл сказанного дошел до нее, она в отчаянии подумала, как бы в таком случае поступил любой из ее братьев. Разве что, не раздумывая, выхватил кинжал и бросился бы на негодяя. Но разве ей сладить с таким громилой? Она обиженно засопела, но нашла в себе силы ответить:

— Возможно, если ваи дом сам распорядится, вы возьметесь за дело…

Она стиснула зубы и отошла от Аларика, твердя на ходу про себя: «Черт с ним! Ну его, дурака!.. Мне нельзя плакать, я не имею права… Я ни за что не заплачу…»

— Что с тобой, парень? — удивленно спросил ее Орейн — Что ты мрачнее тучи? Заболел, что ли? Где болит?..

Ромили наконец справилась со слезами и сказала первое, что пришло ей в голову:

— Дядюшка, у вас, вероятно, есть запасная охотничья перчатка. Вы бы мне ее не одолжили? — Она использовала обращение, которое часто применялось в горах по отношению к более старшему мужчине. — Я не могу подставлять птицам голый кулак. С ястребом-то я могу

управляться — тот сам понимает, что вцепляться нельзя, а эти… Вон у них когти какие, они мне всю руку располосуют. К тому же я хотел бы отпустить их полетать на линьке — пусть поохотятся по очереди. Найдут какую-нибудь падаль…

— Перчатку ты получишь, — вместо Орейна ответил дом Карло. — Дай ему свою старую, приятель… Она, конечно, не блеск, но руку защитит. У нас есть во вьюках запас кожи, ты бы мог скроить рукавицу сегодня вечером, мои люди ее сошьют. Но зачем их выпускать? Почему не распорядиться, чтобы кто-нибудь сходил на охоту и настрелял дичи? Ты можешь послать любого… — Дом Карло взглянул на Ромили, и в следующее мгновение его рыжие брови поползли вверх. — Вот так так! Кто же это был, Румал?

Ромили опустила голову, уставилась в землю. Потом чуть слышно сказала:

— Мне бы не хотелось ябедничать, ваи дом. Потом тут такое начнется… В любом случае птицам надо дать возможность поработать крыльями — им нельзя без движения.

— М-да, по-видимому, ты прав, — согласился Карло. — Что ж, если настаиваешь, можешь дать им возможность поупражняться. Однако я не люблю, когда мои приказы не выполняются

или тем более когда ими пренебрегают. Орейн, дай ему перчатку, затем пригласи на пару слов Аларика.

Ромили заметила, как глаза дома Карло вспыхнули, словно искры. Точно так же, когда кремнем бьют о металл… Девушке выдали перчатку, затем она направилась к жердочке, на которой сидела Умеренность, прикрепила к ее ноге длинный тонкий кожаный поводок, посадила на запястье и принялась поглаживать ее найденным перышком. Стервятник с удовольствием склонил голову и довольно поглядывал на человека. Это было хорошим знаком в деле приручения страшной, уродливой птицы. Прежде всего птица должна понять, что человек ей друг и его присутствие связано с приятными ощущениями. Наконец Умеренность взлетела, сделала несколько кругов и вдруг пала с небес на мертвую птичку, обнаруженную ею в кустах. Ромили долго стояла и наблюдала, как стервятник клевал падаль — стоя на одной ноге, разрывал мертвую плоть когтями и клювом. Потом Ромили занялась Усердием — повторила все в точности так, как и в первый раз. Наконец дошла очередь и до Благоразумия. Эта была меньше других, и ее легче было держать на руке.

Все-таки какие уродливые птицы, но если приглядеться, то по-своему они очень красивы — сильные, необыкновенно зоркие… Мир стал бы намного беднее без подобных созданий. Кому-то надо же очищать его от падали…

Ромили привела в восторг острота их зрения — стоило стервятникам набрать высоту, и они видели все до мельчайших деталей. Поводки не были им помехой. Тут же отыскали в густой траве добычу. Ромили прошла бы совсем рядом и ничего не заметила, даже запаха не почувствовала бы… Людям бы такое зрение! Насколько легче тогда им было бы отыскивать добычу!..

Ей вдруг показалось, что она случайно набрела на разгадку так долго мучившей ее тайны. Может, ларан и есть подобная сверхчувствительность мозга? Этот дар, которому она долгое время не доверяла, издревле прижился в ее семье. Ромили не переставала спрашивать себя: за какие заслуги Макараны обрели подобную способность? Почему, в конце концов, жребий пал именно на нее? Или на дома Карло, который, вне всякого сомнения, тоже обладал этим драгоценным даром — все в этом человеке говорило о наличии незримой могучей силы, с которой он так запросто обращался. Однако ему не дано было входить

в мысленный контакт с животными и птицами… Тоже загадка!.. А вот люди для него были прозрачней стекла.

Дар Макаранов!..

Однако отец ни о чем подобном и слышать не желал. За упоминание слова «ларан» он поднял на нее руку. Собственно, если повнимательнее вглядеться в себя, то не из-за этого ли дара она покинула семью? В какой-то миг пружина оказалась спущенной, наследство предков взяло свое… Может, в этом и заключается зов судьбы? И хуже нет положения, как запретить себе думать об этом, считать все это сказкой, выдумкой, побасенками и всю жизнь подавлять в себе ларан. Шарахаться от него, как от огня…

Бедный отец!

В конце концов, Руйвен был прав, оставив «Соколиную лужайку». Он сделал выбор, узрев в небе свою звезду? Кто разберет? Одна лишь смерть расставит точки… Нет, в этом Ромили не права — точки будет расставлять жизнь, а не смерть. Каждый день в борьбе и трудах ты станешь составлять фразы, сама же будешь ставить то восклицательный, то вопросительный знаки, то многоточие… И очень редко жирную точку.

Как живется Руйвену в Трамонтане? Нашел ли

он там свое место — неужели он и есть тот самый ларанцу, который ждет не дождется этих птиц?.. Когда-нибудь эта Башня станет и ее домом…

Неистовые гневные крики Благоразумия отвлекли девушку от дум. Ромили встрепенулась — птица уже закончила трапезу и вновь натянула поводок. Девушка позволила ей несколько минут полетать кругами, затем вошла в ментальный контакт со стервятником и дала команду на посадку. Стервятник беспрекословно — даже с какой-то лихостью, знай, мол, наших — исполнил приказ и вцепился в запястье, прикрытое кожей охотничьей перчатки. Если Орейну эта перчатка была как раз, то Ромили все же чувствовала боль, когда птичьи когти касались руки. Она отнесла птицу на предназначенное ей место на луке седла.

Когда отряд уже был готов отправиться в путь, Ромили с горечью подумала, что, собственно, она и ее спутники — совершенно чужие люди. Один Аларик чего стоил! Все заботы девушки были направлены на то, чтобы держаться поближе к Орейну и дому Карло. Если когда-нибудь Аларик застанет ее одну… С другой стороны, стоило вчерашним днем взять немного в сторону, разминуться с этим отрядом, что бы с ней тогда

было? Так бы и скиталась по дикой местности? А вчерашняя горная дорога, камень, сорвавшийся из-под ее ног?.. Еще чуть-чуть, и она последовала бы за камнем — так бы и летела, ударяясь о скалы, потом бы канула в туманной низине. От подобных мыслей тошнота подступила к горлу. Неужели это все проделки Аларика, неужели это он мысленно подтолкнул ее?.. Но за что? Почему такая жестокость? Ведь она не причинила ему вреда…

Может, потому, что она разоблачила его перед домом Карло, который до встречи с Ромили, по-видимому, вполне верил этому бандиту. Что-то с ней творилось неладное. Наверное, не только с ней одной… Но, вспомнив Рори, девушка спросила себя: уж не она ли сама вызывает в других людях ненависть, похоть и злобу? Пусть не во всех, но всегда найдется человек, испытывающий к ней отвращение. Даже в этой незнакомой, мужской компании. Ладно, мужской костюм хотя бы защищает ее от посягательств… Но как же отец, ее братья, Алдерик? Случалось ли с ними подобное? Им тоже преграждал дорогу испытывающий к ним лично необъяснимую злобу человек? Или и они такие же? Отец-то вон как показал свое истинное лицо — прикинул, что сделка для него

выгодна, и тут же продал дочь дому Гарису. А братья, Алдерик? Она же их совсем не знает, может, они просто не обращали внимания на нее. Она, мол, еще ребенок. Теперь-то Ромили с мрачным прозрением увидела, что и в их душах тоже таился дьявол.

Сжав зубы, Ромили оседлала своего коня, подтянула подпруги, потом оседлала коней Орейна и дома Карло. В общем, в ее обязанности входила исключительно забота о птицах, но в этой неразберихе, суматохе чувств ей куда легче было с животными, чем с людьми. Эти ее понимали, относились дружески, помахивали хвостами при ее появлении, а люди? Того и гляди всадят в спину кинжал.

Голос дома Карло прервал ее размышления:

— Я смотрю, ты уже успел оседлать для меня Длинноногую. Спасибо, парень…

— Это просто замечательная кобыла, — ответила Ромили, похлопывая лошадь по крупу.

— Я смотрю, ты разбираешься в лошадях. Неудивительно, если ты из Макаранов. Эта родом с равнин Армиды — там разводят самых лучших коней. Хотя к горным переходам они не очень-то приспособлены — выносливости не хватает. Иной раз я даже чувствую вину перед Длинно-

ногой за то, что взял ее в это путешествие. Ее бы следовало вернуть на родину, дать ей отдохнуть, а в дорогу взять какого-нибудь конька пониже, позадастей, лучше всего червина. Для этой местности это то что надо. Тут скачки устраивать негде. Хотя, — он погладил кобылу по шелковистой гриве, — я льщу себя надеждой, что она тоже привыкла ко мне. Знаешь, за время изгнания у меня осталось не так уж много верных друзей, с которыми я без всякого страха разделил бы все испытания. Длинноногая одна из них, пусть даже она бессловесное создание. Скажи, парень, ты знаешь толк в лошадях, этот климат не слишком суров для нее?

— Думаю, что нет, сэр, — помедлив, ответила Ромили, — она прекрасно пасется, легко несет седока. Может, стоит обернуть ей ноги, чтобы было потеплее?..

— Хорошая мысль, — согласился дом Карло и поманил к себе Орейна.

Они наложили что-то вроде повязки на ноги коней с равнины. Конь Ромили вырос в Хеллерах и был приспособлен для горных переходов. Он ни разу не подвел ее!.. Ромили вознесла молитву богам, чтобы только не сглазить.

После долгого перехода — все вниз и вниз — они

достигли долины, где сделали полуденный привал. Дорога здесь уже была достаточно широка и вела прямо в Город Снегов — Неварсин.

Прежде чем они достигли Неварсина, пришлось претерпеть еще одну ночевку в чистом поле. На следующее утро Орейн собрал слуг и приказал им заняться осмотром червинов. «И чтоб комар носа не подточил», — добавил богатырь. Слуги мрачно выслушали его, потом Ромили услышала, как один из них пожаловался другому:

— Почему бы сопляку не заняться животными? Его же и наняли для того, чтобы он ухаживал за ними. Это его работа, а не наша!

— Скорее всего, — мрачно буркнул Аларик, — этот Орейн уже трахнул гаденыша. Птицы — это только для отвода глаз. Этого сопляка взяли для развлечений, а не для ухода за птицами. Вы думаете, лорд Карло откажет своему телохранителю и дружку? Да ни за что в жизни!

— Ты бы придержал свой грязный язык, — заметил третий. — Как ты вообще смеешь говорить такие непристойности в адрес благородных людей! Лучших из лучших… Кто из нас может пожаловаться на дома Карло? Он что, плохо с нами обращается? Он остался верен Каролину. А что касается Орейна, то он сводный брат короля.

Ты что, не знаешь? Он только на первый взгляд грубиян и деревенщина, а когда надо, может изъясниться очень даже благовоспитанно. Совсем как дом Карло… Или кто-нибудь из лордов Хастуров. Что касается его вкусов, то мне плевать, с кем он спит — с женщиной, парнишкой или рогатым кроликом; лишь бы не с моей женой.

Ромили, невольно услышавшая эти слова, сразу покраснела, нестерпимо запылали уши. Воспитанной в семье, где исповедовали религию христофоро, ей и в голову не могло прийти, что о таких гнусностях можно говорить вслух. Этот разговор окончательно уверил ее во мнении, что мужская компания значительно более скверная, чем женская. После того что она услышала, Ромили было стыдно подходить к Орейну и дому Карло, всю ночь она провела, свернувшись клубочком, между улегшихся на землю червинов, чтобы хоть как-то согреться. К утру она дрожала от холода и решила подсесть к костру. Заодно сварила себе кашу, поела горяченького, однако так до конца и не согрелась. А когда отправилась с рассветом кормить птиц, ее знобило… Аларик еще вчера добыл на охоте двух рогатых кроликов. Тушки уже подпахивали. Преодолевая тошноту, Ромили порезала мясо кусками, отнесла стер-

вятникам… Тут на девушку напал чих, и дом Карло, седлающий свою кобылу, бросил на нее пристальный взгляд и спросил:

— Надеюсь, ты не очень замерз сегодня, мой мальчик?

Ромили едва слышно прошептала, что все нормально, при этом отвела глаза в сторону.

— Давай-ка поговорим начистоту, — нахмурился Карло. — Здоровье каждого из сопровождающих меня людей — моя наиглавнейшая забота. Не меньшая, чем сохранность птиц… Люди находятся под моим присмотром, как птицы под твоим. Я просто не имею права пренебрегать моими людьми, у меня их не так много. Иди сюда, — позвал он, и Ромили покорно приблизилась к нему. Он положил ладонь ей на лоб. — Ты простыл. Как ты теперь можешь отправиться в путь? Ладно, что, да как, да почему — спрашивать уже поздно, сегодня к вечеру мы будем в монастыре. Если ты по-настоящему заболел, отлежишься в тепле. Добрые братья присмотрят за тобой.

— Со мной все в порядке, — попыталась возразить Ромили, хотя ее состояние не нравилось ей самой. Не хватало еще заболеть! Если она свалится в жару, все очень быстро узнают, что она девушка.

— У тебя одежда теплая? — тем временем продолжал допытываться дом Карло. — Орейн, ну-ка подбери ему что-нибудь согревающее.

Он по-прежнему касался ее лба. Вдруг выражение его лица резко изменилось, он удивленно глянул на Ромили, и на мгновение ее бросило в холодный пот — она была уверена, что теперь он знает. Как это получилось, сам ли догадался, ларан помог — девушка объяснить не могла. Она замерла, смертельный испуг охватил ее; однако тот ничего не сказал — отошел и тихо бросил:

— Орейн даст тебе нательную фуфайку и теплые носки. Я вижу, у тебя сапоги надеты на голые ноги. Сразу переоденься… Если ты такой гордый, чтобы принять эти вещи в подарок, Орейн вычтет их стоимость из тех денег, которые тебе причитаются. Предупреждаю — все, кто скачет со мной, должны быть тепло одеты, сыты, здоровы. Что прикажешь делать с больным человеком в этих горах? Ступай к огню!..

Ромили поклонилась, выражая тем самым покорность, потом, спрятавшись за червинами и лошадьми, переоделась. С особенным наслаждением натянула теплые шерстяные носки… Они были велики, но какое счастье держать ноги в тепле! Она опять расчихалась, и Орейн

пальцем показал ей на горшок, висевший над огнем. Потом зачерпнул полный ковш кипятка и бросил туда несколько сухих листков из своего мешочка.

— Нет лучшего средства от простуды, чем настой из трав, это тебе всякая женщина скажет, — поучающе заметил он и протянул ей кружку с дымящимся пахучим напитком. — Пей! — приказал гигант.

Ромили глотнула, и ее тут же перекосило от горечи.

— Да-да, это горше, чем последняя любовь, однако лучшего средства от лихорадки нет.

Девушка совсем сморщилась, однако с таким великаном не поспоришь. После нескольких глотков внутри ее заполыхало так, что она рта не могла закрыть, тем не менее Орейн настоял, чтобы она допила до конца. Уже позже, когда Ромили почувствовала себя лучше, а нос совсем очистился, она оценила чудодейственную силу этого напитка.

По дороге она подъехала к гиганту и сказала:

— Мастер Орейн, вы бы в городе с помощью этого средства составили себе состояние.

Он засмеялся:

— Моя мать была лерони и знаменитая знахар-

ка. Знаешь, сколько времени провела она среди простолюдья! У них и вызнала она силу разных трав. Однако целители в городе откровенно смеются над этими суевериями.

Вот, задумалась Ромили, тоже загадка — сводный брат короля, теперь служит его соратнику в изгнании — Карло из «Голубого озера». Такой человек врать не будет, однако когда он говорил со слугами, то и выражался, как бедняк; в разговоре же с домом Карло или с ней речь выдавала в нем образованного человека. И вот что еще — по сравнению с другими в его присутствии она не чувствовала необходимости насторожиться, ждать подвоха — совсем наоборот, он как бы излучал спокойствие и безопасность.

После некоторой паузы девушка спросила:

— Король… Каролин… он ждет нас в Неварсине? Я слышал, что монахи дали клятву не принимать участия в раздорах, развязанных на нашей земле сильными мира сего. Как же так вышло, что они приняли сторону Каролина? Я… я так мало знаю, что творится на равнине. До нас, жителей предгорий, доходили какие-то слухи, но никогда точно не знаешь, кому верить, а кому нет.

Она уж было совсем собралась рассказать Орейну то, о чем толковали Дарен и Алдерик, потом

спохватилась — первое правило, которому научил ее отец, заключалось в том, чтобы уметь держать язык за зубами. За свою короткую жизнь если Ромили в чем-то и уверилась напрочь, то именно в том, что эту заповедь надо соблюдать неукоснительно.

Орейн долго жевал ус, потом наконец ответил:

— Братьев в Неварсине совершенно не заботит судьба трона Хастуров. Какая им разница, кто сидит на нем? Убежище Каролину они предоставили потому, что он сейчас находится в беде, — так они говорят. Мол, в этой ситуации речь идет не о праве на корону, а о безжалостном убийстве: этот негодяй Ракхел грозится лишить Каролина жизни, как только тот попадет ему в руки. Монахи не встали на сторону Каролина, но никогда не выдадут врагам, коли он попросил у них приюта.

— Если претензии Каролина на трон справедливы, почему же у Ракхела так много сторонников?

Орейн пожал плечами:

— Из-за жадности. Чему тут удивляться!.. Мои земли, например, сейчас переданы новому главе королевского Совета. Он первый наушник узурпатора. Люди служат тому, кто им платит или позволяет обогащаться, и на закон в этом случае

наплевать. Он становится чем-то вроде фигового листка… Все эти мужички, — он показал рукой на своих спутников, — были арендаторами, мелкими фермерами… Они ни в чем не виноваты, разве лишь в том, что поддержали законного короля. Но как только их согнали с принадлежащих им наделов, они тут же включились в борьбу с могучим, захватившим все бразды правления в стране врагом. Их лишили всего, кроме надежды, а это, Румал, сильное оружие. Аларик пострадал больше других. Мало того что он потерял свои земли, его еще в тюрьму заключили. Приговор гласил — отрезание языка и руки.

— Что же он такого совершил? Это, должно быть, какое-то страшное преступление?

— К такой мере действительно приговаривали за насилие и грабежи, но это было до того, как кагаверцу[23] Ракхел захватил трон. В чем, спрашиваешь, его преступление? В том, что его дети кричали: «Да здравствует король Каролин!» — когда один из приспешников узурпатора проезжал мимо их деревни. Детишки просто хотели поприветствовать приближенного короля, спроси их, и они бы не смогли объяснить, чем один

---

[23] notes: 23
Ругательство.

король отличается от другого, но этот законченный негодяй Лиондри Хастур усмотрел в этом заговор и заявил, что следует научить малых деток культурному обхождению. Детей схватили и отправили в поместье Лиондри, а Аларика бросили в тюрьму. Один ребенок умер, жена Аларика была так расстроена свалившимися на нее несчастьями, что выбросилась в окно и разбилась насмерть. Да-а, Аларику пришлось хуже всего, так что не думай о нем плохо. Это не тебя он ненавидит, а свою проклятую жизнь.

Решили опустила глаза и долго задумчиво изучала переднюю луку седла. Понятно, почему Орейн рассказал ей эту историю — он, Орейн, был благородный человек. Он мог быть терпимым, мог симпатизировать даже такому человеку, как Аларик, а то, что у этого мужика душа с изъяном, Ромили не сомневалась. Те гнусности, которые он говорил о своем хозяине, ничем не могут быть оправданы. Даже этой душераздирающей историей…

Наконец она тихо ответила:

— Я постараюсь не обращать внимания на его выходки. Буду относиться к нему по-дружески, дядюшка.

Но тут она почувствовала смущение — своим

рассказом Орейн задел какую-то струнку, вызвал неудовлетворение и любопытство, которые необходимо было прояснить. Алдерик упоминал о Хастурах как о людях, спустившихся с небес, рожденных богами, а в устах Орейна имя «Хастур» звучало как оскорбление.

— Неужели, — спросила она, — все Хастуры продались дьяволу?

— Ни в коем случае! — воскликнул Орейн. — Более замечательного человека, чем Каролин, еще не знала наша земля. Единственная его ошибка состояла в том, что он отметал всякие подозрения, любые обвинения в измене в адрес его ближайших родственников. Он был слишком добр с незаконнорожденными и прощал им все, даже дерзкие выходки, ставившие под сомнение законность власти короля…

Великан замолчал, впав в размышления, и Ромили, окинув взглядом его застывшее лицо, догадалась, что в ту минуту он умчался мысленно далеко-далеко, за сотни лиг от нее, от своих людей, от дома Карло. Ей показалось, что она знает, где теперь плутала память великана — перед ней въявь открылся прекрасный город, лежащий в котловине между двумя горными седловинами. Зеленая долина подковой охватывала озеро, во-

ды которого были так прозрачны, что казалось — это зеркало, отражающее небо, горный хребет и белые стены. Там на берегу вздымалась Башня — жители сновали через городские ворота. Все они были высоки, хорошо одеты, наряды их шелковисто и ярко поблескивали… Мираж был таким завораживающе сказочным, что трудно было поверить в его реальность… Следом на нее накатили отчаяние и печаль, поселившиеся в душе этого огромного, могучего человека. Отчаяние изгнанного, печаль бездомного…

«Я тоже потеряла дом, тоже лишилась всякой связи со своими родственниками… хотя, возможно, Руйвен ждет меня в Трамонтане… Вряд ли… даже если до него дошла весть о моем побеге. Вот и Орейн совсем один…»

В сумерках через ворота, проделанные в крепостной стене, отряд въехал в Неварсин. Ночь в эту пору спускалась очень быстро, к тому же небо в мгновение ока затянуло облаками, пошел дождь… Дом Карло скакал во главе отряда — на голову был натянут капюшон, почти полностью скрывавший лицо. Все вверх и вверх — сначала по булыжным мостовым, потом по извилистой дорожке. Тропа местами была занесена снегом, и, обогнув несколько скальных выступов, дорожка

наконец уперлась в монастырскую стену. Ромили казалось, что никогда она не испытывала такого холода — монастырь располагался за границей вечных снегов, и все его помещения, а также стены и башни были вырезаны из цельной скалы. Перед воротами отряду пришлось немного подождать — они скучились у пьедестала, на котором возвышалось исполинское изваяние Хранителя Разума, склонившего голову под бременем вечных печалей, знаний и прозрений. Рядом — чуть поменьше, но тоже громадная скульптура покровителя монастыря, святого Валентина.

К тому моменту, как их пустили в помещение, Ромили уже совсем окоченела — не спасли даже теплые вещи, подаренные домом Карло.

Наконец высокий грузный монах, державшийся с непередаваемой величавостью, одетый в просторную темно-коричневую рясу с капюшоном, жестом пригласил их войти. Ромили охватили сомнения — вообще-то она была христофоро и ей было хорошо известно, что женщинам не дозволяется входить в монастырь. Даже в дом для гостей… Но жребий брошен, и сейчас не время для неожиданных сюрпризов. Она быстро прошептала молитву:

— Умоляю тебя, Хранитель Разума, и тебя,

святой Валентин, простить меня, я не хотела вторгаться в это мужское сообщество. Клянусь, я не допущу, чтобы какой-нибудь мой позорный поступок осквернил эти стены. Вот скандал здесь поднимется, если они узнают, что я женщина!

В общем-то в этом вопросе для Ромили тоже было много неясного. Отчего существуют такие строгие запреты на посещение женщинами святых мест? Неужели монахи боятся, что стоит появиться представительницам прекрасного пола — и все их клятвы, обеты, самоотречение разлетятся в пух и прах? Тогда что же это за самоотречение, если оно не может выдержать встречи с женщиной? Или братья считают, что стоит женщине увидеть монаха в сутане, и она тут же набросится на него в порыве страсти? Глядя на встретившегося им толстого монаха, Ромили невольно хихикнула — чтобы соблазнить такого, требуется скорее милосердие, чем желание ввергнуть его и себя в грех. Если откровенно, то подобный увалень не самая лучшая добыча для женщины.

Кони и червины были отведены в конюшни. Птиц поместили рядом в огромном каменном помещении, где были устроены насесты.

— Тебе придется спуститься в город и купить

для них съестное, — сказал ей Орейн, протягивая несколько медных монет. — Постарайся вернуться к ужину — еда в доме для гостей подается в строго определенное время. Если хочешь, можешь принять участие в ночных молениях, в этом случае получишь большое удовольствие от их хорового пения.

Ромили тут же кивнула — это распоряжение обрадовало ее. Дарен рассказывал ей о хоре. Это было что-то необыкновенное. Неварсинский мужской хор славился повсеместно — Дарена, когда он здесь учился, туда не приняли. Он, видите ли, не был достаточно музыкален, а, по мнению Ромили, брат хорошо пел. Громко!.. Вот и отец тоже упоминал о пении в этом хоре как об одном из главных событий своей жизни. Он в молодости тоже обучался здесь и принимал участие в молебнах.

В предвкушении праздника она поспешила в город — правда, к радости примешивалась толика страха перед этим святым местом. Торговца она отыскала быстро, однако когда он узнал, что именно нужно Ромили, то сразу догадался, что речь идет о сторожевых птицах. Вот еще незадача — как пронести через город заметно припахивающее мясо? Ладно, один раз куда ни шло, а потом?

Однако торговец попался ей шустрый, находчивый — он сам предложил доставлять съестное птицам.

— Ты же поселился в монастыре, парень, не так ли? Если желаешь, я сам буду приходить в конюшни.

Ромили пожала плечами:

— Спрошу хозяина. Я не знаю, как долго они собираются оставаться там.

Вот это было бы здорово! Удобней не придумаешь, однако когда торговец назвал ей цену, девушка обомлела. С другой стороны, охотиться самим вне стен монастыря на такой высоте было безнадежной затеей. Пришлось заплатить, сколько он запросил.

Возвращаясь по темным, мрачным улицам — дома здесь были старой постройки, многие совсем обветшали, — Ромили почувствовала легкую робость. Всякая связь с Пречиозой оборвалась, что случилось сразу, как караван въехал во внутренний двор монастыря. Здешний климат не подходил для ястребов… Наверное, Пречиоза спустилась пониже, к кромке лесов. Где в городе она могла найти себе еду? Падали на улицах достаточно, но это же не пища для ястребицы! Главное, чтобы она была в безопасности…

Теперь основной заботой Ромили были сторожевые птицы. Если с едой все уладится, то лучшего места для занятий с ними придумать трудно — монастырский двор широк, выложен булыжником. Просто раздолье!

На следующее утро во время тренировки, которую она проводила в одном из углов двора, у нее появились нежданные зрители.

Птицы спокойно кружили в поднебесье на длинных поводках, по команде спускались вниз, взмывали вверх. Это было верным признаком, что они уже в достаточной степени привыкли к ее голосу. Когда же Усердие спокойно уселась на руку, в толпе собравшихся поодаль мальчиков раздался восхищенный шепот. Все они были в рясах с капюшонами. Конечно, Ромили догадалась, что они были слишком молоды для пострижения в монахи, — по всей видимости, это были ученики, как Руйвен и Дарен, посланные сюда получить образование. Придет день, и сюда отправят Раэля.

Как она соскучилась по маленькому братцу!

Дети с неподдельным интересом следили за всеми маневрами птиц. Один из них, более решительный, чем остальные, приблизился и спросил:

— Как же вы управляетесь с птицами, не наказывая их?

Тут же он смело протянул руки к Умеренности, Ромили жестом остановила его и попросила отойти назад.

— Это страшная птица — она может больно клюнуть. Если она доберется до твоих глаз, плохо тебе придется.

— Но вы-то их не боитесь? Они же на вас не бросаются?..

— Это потому, что я работаю с ними. Я уже успела приучить их к себе. Они меня знают и доверяют, — ответила девушка.

Мальчик послушно вернулся к сверстникам. Он был не намного старше Раэля — чуть больше десяти, но не более двенадцати лет. В это время зазвонил колокольчик, и мальчишки гурьбой бросились в дом, только парнишка, осмелившийся заговорить с ней, задержался.

— Ты разве не слышал звонка? — спросила его Ромили.

— У меня сейчас свободное время. Пока колокольчик не позовет на репетицию хора. Вот тогда мне придется бежать и петь. Потом у меня урок владения оружием.

— В монастыре?!

— Я же не монах, — гордо ответил мальчик. — К нам каждый второй день приходит из деревни учитель фехтования, который занимается со мной и некоторыми другими ребятами. А сейчас у меня нет занятий, и я хотел бы понаблюдать за птицами. Как вы их тренируете, как они летают… Если вы не против… Вы, ваи домна, настоящая лерони, если так умело с ними обращаетесь?

Ромили несказанно удивилась:

— Почему ты решил, что я домна?

— Я же вижу, — мальчик пожал плечами, — хотя вы и одеты в мужское платье.

Вид у Ромили стал такой, что мальчик понизил голос и, нахмурив брови, конспиративным шепотом добавил:

— Не беспокойтесь, я никому не скажу. Отец настоятель, конечно, очень рассердится, но я думаю, вы никому не собираетесь навредить. Непонятно только, зачем вы переоделись в мужскую одежду. Вам разве не по нраву быть девчонкой?

Ну дела! Ромили все еще не могла прийти в себя. Она глянула в ясные глаза мальчика — такой взгляд ей еще не доводилось встречать — и спросила себя: «Как же так устроены его очи, что он видит то, что никому другому не доступно?» Он ответил ей молча, посредством мысли: «Таким

уж я уродился. Меня обучают работать с этими птицами, как вас учили обращаться с ястребами и другой живностью. Придет день, и я буду служить в Башне в качестве ларанцу».

— Такой малявка, как ты? — удивилась Ромили.

— Мне уже двенадцать лет, — с гордостью ответил мальчуган. — Мне только три года осталось до совершеннолетия. Мой отец — Лиондри Хастур, он советник короля. Боги влили в мои жилы благородную кровь, поэтому мне следует быть готовым помочь тем людям, которые в нужный час сделают меня правителем.

Сын Лиондри Хастура! Она вспомнила то, что Орейн рассказал ей о несчастной семье Алариков. Она сделала вид, что занята распутыванием некстати затянувшегося ремешка. До этого дня Ромили никогда не приходилось скрывать свои мысли. Ей был известен только один способ добиться этого — быстрое беспорядочное бормотание, чтобы заглушить захлестнувшие ее чувства!..

— Не хотел бы ты немного подержать Благоразумие? Она самая легкая из всех трех и, возможно, придется тебе по руке. Я ее сейчас успокою. Хочешь?

Мальчик покраснел и благодарно взглянул на Ромили. Та накинула Благоразумию темный колпачок и, мысленно успокаивая птицу — этот малыш твой друг, он не причинит тебе вреда, успокойся, — сунула ему охотничью перчатку, помогла натянуть ее, потом пересадила стервятника. Парнишке было трудно удержать его, но он старался изо всех сил. Наконец мальчик более-менее освоился… Тогда Ромили осторожно передала ему перышко.

— Погладь ей грудь. Птиц нельзя касаться руками, даже если они у тебя чистые. Можно повредить оперение… — предупредила она, и паренек послушно принялся гладить перышки на груди у Благоразумия. Той явно понравилась эта процедура — она склонила уродливую голову и чуть прикрыла глаза.

— Я никогда не держал сторожевую птицу, — восхищенно прошептал он. — Я слышал, они страшные злюки и почти не поддаются приручению. Но, думаю, имея ларан, с ними можно договориться, правда, домна?

— Здесь ты не должен называть меня домной, — тоже шепотом попросила Ромили, чтобы не встревожить птицу. — Зови меня Румалом.

— Это ведь из-за ларана, Румал? Ты думаешь, я

смогу командовать подобной птицей?

— Если тебя научат — конечно, — ответила Ромили, — но тебе бы следовало начать с маленьких ястребов или ястребов-перепелятников, пока у тебя рука не окрепнет. Теперь дай-ка я заберу у тебя Благоразумие, а то как бы чего не вышло, — добавила девушка, обратив внимание, что у мальчика лицо перекосилось от внутреннего напряжения. Она посадила птицу на жердочку. — От ларана в нашем деле толку немного — разве что с его помощью можно установить контакт с сознанием птицы. А дальше что? Дальше ты должен отчетливо представлять, как следует поступать… У тебя должны быть навыки, умение обращаться с птицей. Я бы могла тебя кое-чему научить, но здесь не подходящий для ястребов климат — слишком холодно, так что тебе придется подождать, пока не спустишься на равнину.

Мальчик с сожалением взглянул на сторожевую птицу, вздохнул…

— Эти куда тяжелее ястребов, правда? Они родственники кворебни?

— Внешне они похожи, — согласилась Ромили, — однако эти птицы куда умнее. Они даже сообразительнее ястребов.

Ромили почувствовала некоторое угрызение

совести — было как-то неудобно говорить подобное о Пречиозе, но после нескольких дней работы со стервятниками она пришла к выводу, что эти «красавцы» с голыми шеями намного превосходят умом всех остальных пернатых.

— Могу ли я чем-нибудь помочь вам, дом… Румал?

— Я уже почти закончила, но если желаешь, можешь смешать эту зелень и мелкие камешки с их едой. Только, если ты будешь касаться падали, руки у тебя будут долго пахнуть. Как ты тогда отправишься на хоровые занятия?

— Я их отмою… — заверил мальчик. — Хорошенько ототру их песком… Отец хормейстер очень толстый и почти всегда опаздывает…

Ромили улыбнулась — парнишка с нескрываемым энтузиазмом взялся за дело. Как и она когда-то… И запах его не смущает… Надо же, сын Лиондри Хастура… Улыбка медленно исчезла с ее губ — такой сильный телепат может представлять для них большую опасность.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Кэрил. Я получил это имя в честь человека, который был королем, когда я родился. Правда, папа сказал, что сейчас не то время, чтобы называть сына Каролином. Этот Каролин растратил

свои силы — так, по крайней мере, говорят; дела у него пошли неудачно, и брат короля Ракхел сверг его с трона. Но ко мне он был добр.

Ромили заинтересовало — ребенок повторяет то, что ему сказал отец, или передает слухи?

Когда Кэрил закончил приготовление пищи, он попросил разрешения покормить одну из птиц.

— Займись Благоразумием, — предложила Ромили. — У нее характер помягче, чем у других, к тому же, как я заметила, вы уже успели подружиться.

Кэрил поднес Благоразумию еду и долго стоял, наблюдая, с какой жадностью та принялась поглощать падаль. В это время Ромили кормила двух других.

Звон колокольчика словно разбудил их — Ромили даже вздрогнула.

— Ну все, — вздохнул мальчик, — пора отправляться на хор. Потом снова уроки… Можно я приду вечером, чтобы помочь вам кормить птиц, Румал?

Она помолчала — мальчик ударил себя в грудь кулаком и решительно заявил:

— Я никому не скажу. Честное слово!..

Ромили кивнула:

— Что же, приходи, если хочешь.

Мальчик убежал. На ходу вытер ладони о штаны… Все ребята одинаковы — совсем забыл о том, что обещал хорошенько вымыть руки.

Когда он скрылся в дверях, Ромили тем не менее долго стояла без движения. Погрузилась в свои мысли и про птиц забыла.

Все в голове перепуталось! Сын Лиондри Хастура здесь, в монастыре? Именно сюда стремился дом Карло, чтобы встретиться с королем Каролином? Ему в подарок вез он этих птиц… Здесь у стен города должна была собраться целая армия… Все это совершенно не стыковалось одно с другим, все вместе это было невозможно, ведь парнишка, например, может тут же узнать короля, и тогда…

Ей-то какое дело, что за мошенник сидит не троне. Так, кажется, отзывался ее отец обо всех дворцовых дрязгах. Не слишком ли просто? Легче всего держаться в сторонке, но обычно таких лупят с обеих сторон. Возьмем, например, Алдерика, самого достойного молодого человека, которого она знала. Ну, кроме ее братьев… Он явно относился к людям Каролина, возможно, был его сыном. Карло и Орейн тоже были верными вассалами изгнанного короля. С другой стороны — советник короля Лиондри Хастур. Если судить по истории, рассказанной Орейном,

этот Лиондри — отъявленный негодяй, о каком она когда-нибудь слышала. Почему же он назвал своего сына в честь свергнутого короля?

А какое место во всей этой катавасии занимает она? Поскольку она получает плату от дома Карло, значит, входит в число его сподвижников. Дому Карло следует знать об опасности, угрожающей свергнутому королю. Может, он успеет предупредить Каролина, что тому не стоит появляться в монастыре. Ведь ребенок узнает его в любой одежде, как тут ни переодевайся… С таким лараном!.. Он же людей видит насквозь. Сразу определил, что Ромили — женщина.

Хотя мне не следует упоминать об этом в присутствии дома Карло и его друзей. Разве так уж важно, что именно сумел раскрыть парнишка с помощью своего дара?

Ромили отправилась на конюшню, осмотрела лошадей и червинов и, поняв, что уход за ними вполне приемлемый, поговорила с конюхами и каждому вручила условленную сумму. Орейн заранее договорился с Ромили, что та будет присматривать за конюхами. После неожиданной встречи с Кэрилом она вела себя очень осторожно, однако никто из работников не обращал на нее никакого внимания — заплатил, и Бог с ним!

Никто не бросал на нее косых взглядов, не разглядывал — все принимали за парнишку. Мало ли слуг у вельмож, которые останавливаются в монастыре! Успокоившись, Ромили отправилась разыскивать дома Карло, чтобы предупредить его о нависшей над королем опасности. Однако в комнатах, которые они снимали в доме для гостей, господина не было. Только Орейн, зашивавший дратвой свои огромные сапоги.

Как только Ромили вошла, он оторвался от работы.

— Что-нибудь случилось с птицами или животными, парень? — спросил гигант.

— Нет, с ними все в порядке, — ответила девушка. — Простите меня за назойливость, но я очень хотел повидать дома Карло.

— Это какая же надобность привела тебя? — равнодушно поинтересовался Орейн. — Его сейчас нет и еще некоторое время не будет. Он беседует с настоятелем… Не думаю, что тот занялся отпущением грехов, ведь Карло не христофоро. Может, парень, я чем-нибудь смогу помочь? Или тебе просто нечем заняться? Птицы и лошади под присмотром… Можешь пойти осмотреть город, если хочешь. Вот, например, тебе поручение — отнеси мою обувку в сапожную мастерскую, пусть

их там надежно подремонтируют. Мне умения не хватает, а сапоги еще хорошие — глянь, подметка какая и каблуки почти не стоптаны.

— Я охотно выполню это поручение, — кивнула девушка, — но у меня важное сообщение для дома Карло. — Помедлив, она продолжила: — Он и вы, ваши люди сохраняете верность Каролину, однако вот что я только что услышал… В монастыре есть некто, кто знает короля в лицо. Это сын Лиондри Хастура, Кэрил.

Лицо Орейна мгновенно изменило выражение, он тихонько, сложив губы трубочкой, присвистнул.

— Точно? Детеныш этого волка в монастыре? Он что-то замыслил против моего господина?

— Мальчику всего двенадцать лет. На мой взгляд, он хороший, добрый ребенок. Он очень неплохо отзывался о короле — сказал, что тот всегда был добр… Беда в том, что он может узнать его…

— Ай! — раздраженно махнул рукой Орейн. — Не сомневаюсь. Молодой гаденыш способен ужалить так же больно, как и старая змея. Согласен, ребенок может ничего не знать, но если Аларик узнает… Он может отомстить за сына, взять плату кровью. Стоит только ему проведать,

что сын лорда Хастура живет в монастыре, он тут же схватит его за горло. Господин должен как можно скорее узнать об этом.

— А дома Карло Кэрил не может опознать? Если тот был при дворе… К тому же дом Карло — родственник короля.

— Да-да, родственник, — закивал Орейн. — Ладно, я гляну на паренька, потом шепну на ухо дому Карло. Ты молодец, что предупредил меня. Я у тебя в долгу, Румал — Тут он глянул на сапоги и словно вспомнил о поручении. — А сапоги ты все-таки снеси. Чтобы ты не заблудился, я покажу тебе дорогу.

Он бесцеремонно взял Ромили под руку — так они и вышли из дома и направились в город.

Было холодно, и легкий морозец сразу начал пощипывать щеки и нос девушки. Ей и в теплой одежде не удалось унять дрожь, а Орейну было хоть бы хны. Даже в легкой куртке он чувствовал себя вполне удовлетворительно.

— Я люблю горный воздух, — сказал он, когда они добрались до центра города. — Рожден я у подножия пика Кимби, хотя зачат был на берегах озера Хали. Там, в горах, и вырос, так что с полным правом считаю себя горцем. А ты?

— Я был рожден на холмах Киллгард, — ответи-

ла Ромили. — Это к северу от Кадарина.

— А-а, земля Сторнов. Я знаю эти места, — заявил Орейн. — Неудивительно, что умение обращаться с ястребами у тебя в крови. У меня тоже. — Он печально рассмеялся. — Хотя в этом ты куда как превосходишь меня. Раньше мне не приходилось иметь дела со сторожевыми птицами.

Они свернули и вошли в какую-то лавчонку, где остро пахло кожей, дубильными веществами и смолою. У сапожника, когда он увидел обувку Орейна, брови поползли вверх. Но когда гигант позвенел у него над ухом тугим кошельком, он мигом угодливо спросил:

— К какому сроку, ваи дом, исполнить заказ?

— Как можно быстрее, — сказал Орейн. — И вот что — сделайте мне еще одну пару по этой мерке. Пригодится для прогулки по снегу. Румал, у тебя есть обувка для похода в Хеллеры? Ты же поедешь с нами в Трамонтану?

«Конечно, — подумала Ромили. — Может, там мне удастся разыскать Руйвена. Или, по крайней мере, узнать о нем что-нибудь. В Трамонтану, только туда!..»

— Эти сапоги, что на молодом господине, — скептически заметил сапожник, — развалятся сразу. Стоит только пройти по леднику — и каюк!

За две серебряные монеты я могу изготовить для вашего сына отличные башмаки. Ноские, удобные… Просто загляденье…

Что ж, если дом Карло заплатит ей за работу таким образом, она возражать не станет. Две серебряные монеты, конечно, дороговато, но без обуви в горах делать нечего.

— Согласен… — Ромили было кивнула, но Орейн недовольно поморщился.

— Помолчи, ладно? Дом Карло приказал мне хорошенько проследить, чтобы его люди были экипированы как надо. Вот и оставь эту заботу для меня. — Потом он обратился к сапожнику: — Сними-ка с него мерку, а ты… сынок, давай садись. Не журись!.. — добавил он, усмехнувшись.

Ромили поступила, как было велено. Сняла сапог и протянула вперед ногу, на которой был надет огромный ношеный носок. Сапожник хмыкнул, потом присвистнул — так без конца и насвистывал, пока снимал мерку, записывал цифры мелком на краю лавки.

— Когда прикажете исполнить?

— Вчера! — рыкнул богатырь. — Ладно, шучу, шучу… Чем быстрее, тем лучше, мы можем покинуть город в любой момент.

Сапожник запротестовал. Начал доказывать,

что и кожу надо раскроить, и работы здесь край непочатый. Орейн терпеливо слушал его, а потом рявкнул:

— Послезавтра! И точка…

В цене они уже сошлись быстрее.

Когда вышли из лавки, Орейн мрачно заметил:

— Надо бы завтра, да что толку настаивать? Что нынче за сапожники? Так, шваль!.. Ни гордости, ни мастерства…

Он вдруг так громко чихнул, что Ромили присела, гигант, как ни в чем не бывало, бросил:

— М-да, а не пора ли нам вернуться в монастырь и пообедать? Слушай, Румал, нас опять ждут холодная чечевица и пиво? Прямо напасть какая-то! В дороге все каша да каша, сухари и холодная вода из ручья. Что мы, не люди, что ли? Как было бы здорово сожрать здоровенного жареного петуха, да к нему еще доброго вина, чтобы можно было пить, сколько влезет. Слушай, зачем нам спешить? Птицы у тебя накормлены, не так ли? Кони под присмотром? Монахи дадут им сена, куда они денутся. Давай-ка погуляем по городу.

Ромили, пожав плечами, согласилась. Ей не приходилось бывать в таком большом городе, как Неварсин. Одной бродить здесь боязно — вдруг заблудится. С Орейном же другое дело. Почему

не погулять!.. Конечно, потерять дорогу до монастыря в Неварсине невозможно — он высился над крышами домов, и все равно ее охватывала робость. Столько людей на улицах, все куда-то спешат; крики торговцев, детский плач… Жуть!..

Вот и прошел короткий зимний день. Уже спустились сумерки. Орейн и Ромили молча бродили по улицам. Этот могучий человек особой разговорчивостью не отличался; правда, ничего, что было приметного или занятного в городе, не пропускал. Дергал Ромили за рукав и кивком указывал, куда следует смотреть. Если требовались пояснения — давал их. Потом неожиданно разговорился — стал рассказывать о разных частях страны, о доменах, их владельцах, которые теперь покоились в усыпальнице монастыря Святого Валентина в Снегах. Там, в горах, есть труднодоступная пещера, где покоится прах святого, — там он жил и скончался… Проходили мимо кузни — Орейн и про кузню поведал, мол, здесь, как говорят, лучше всего подковать коня. Таких мастеров, как в Неварсине, к северу от Армиды не сыщешь. Добрались до кондитерской — он рассказал, что студенты из монастыря непременно заходят сюда по праздникам. У Ромили сложилось впечатление, что гуляет она

с братом, презрев дурацкие обычаи, которые не позволяют женщинам выходить на улицу. С Орейном было легко, словно она знала его всю жизнь. Говорил он теперь без всякого налета просторечья, сразу стало ясно, что человек он образованный.

Возраст его угадать было невозможно. Определенно не молод, однако вряд ли старше ее отца. Руки привыкли держать меч, мускулы бугрились даже под одеждой, а ногти чистые, ухоженные. Не то что у других спутников дома Карло. Те как были мужиками, так и остались…

По рождению Орейн, по-видимому, очень знатен. Во-первых, сводный брат короля; во-вторых, мать тоже не из кухарок… По всему видно, что отец привечал незаконнорожденного сына, дал ему отличное воспитание, и хотя дом Карло обращался с ним не как с ровней, все-таки относился он к Орейну с нескрываемым уважением и, главное, что принималось во внимание среди знати для выявления степени влияния на господина, прислушивался к его советам.

Уже в поздних сумерках Орейн все-таки нашел какую-то забегаловку, зашел туда и сделал заказ. Ромили почувствовала некоторое смущение.

— Зачем сразу на двоих — я готов заплатить

за себя…

Орейн жестом заставил ее примолкнуть.

— Садись и не рассуждай! — объяснил он. — Я ненавижу обедать в одиночестве. Дом Карло предупредил, что сегодня вечером его попотчуют рыбкой в другом месте.

Делать было нечего — пришлось подчиниться. И как можно было устоять! Ромили никогда не посещала таверны или харчевни подобной той, куда они забрели. Женщин здесь не было и в помине, исключая шумных толстых официанток, которые бесцеремонно метали тарелки с пищей перед гостями и так же равнодушно и скоро уносили пустые блюда. Если бы Орейн хотя бы чуть-чуть догадывался, что она женщина, он бы никогда не привел ее сюда. Зайди леди в подобное заведение, это привело бы к невообразимому скандалу.

Нет уж, лучше прикидываться парнем! У нее теперь есть работа, за нее неплохо платят. Три серебряные монеты за десять дней!.. Какая кухарка или служанка могла бы рассчитывать на такой заработок? Тут ей припомнился рассказ старухи, бабушки Рори, о прежней безбедной жизни, когда муж, получив отказ от жены, отправлялся к служанке. Спать со служанками считалось в порядке

вещей. Лучше провести всю жизнь, переодевшись мужчиной, чем делить ложе с нелюбимым господином.

Тут Ромили пришло в голову, что и ее отец не пренебрегал этой привилегией. Вспомнить хотя бы сына Нельды. Как же Люсьела мирилась с подобным обычаем, ведь вся их семья была христофоро?.. Что тут непонятного? Когда дело доходит до удовлетворения плоти, кто может устоять? Грех? Ничего, замолим… Не было лорда, который бы не имел недестро как мужского, так и женского пола. Ромили до сих пор не задумывалась над судьбами их несчастных матерей.

Она поерзала на стуле, и Орейн, ухмыльнувшись, спросил:

— Что, голоден? Ничего, сейчас заморим червячка. Чуешь, как здесь пахнет… — Он потянул носом и возбужденно добавил: — Мясо!

Полдюжины мужчин метали дротики в мишень, представлявшую собой разноцветные концентрические круги. В другом углу играли в кости.

— Сыграем в дротики, парень? — предложил Орейн.

Ромили отрицательно покачала головой, призналась, что никогда в них не играла.

— Ну, вот и попробуешь. Надо же когда-то начинать учиться.

Не прошло и минуты, как она обнаружила, что стоит перед чертой, в руке у нее дротик.

— Руку держи вот так, — принялся учить ее Орейн. — Старайся бросать плавно, пальцами особо не сжимай…

— Ты вот что, — сказал какой-то посетитель у них за спиной, — представь, что этот круг, нарисованный на стене, — голова короля Каролина и у тебя появился шанс заработать пятьдесят рейсов награды.

— М-м, — раздался за спиной еще один голос. — Ты лучше представь, что перед тобой пасть этого волка Ракхела. Или, что еще лучше, голова одного из его шакалов, лорда Лиондри Хастура.

— Измена, — вкрадчиво пискнул со стороны чей-то высокий тенорок, и тот, предыдущий, сразу примолк.

Первый продолжил:

— Подобная болтовня не доведет до добра, что здесь, что за Кадарином. Кто знает, может, шпионы Лиондри Хастура орудуют и в нашем городе.

— Я бы сказал — Зандру их обоих побери! — проворчал кто-то в углу. — Напустил бы на них чуму со всеми ее бубонами и лихорадкой. Ка-

кое дело свободным горцам, чья задница будет давить трон? Что нам, молиться на нее, любопытствовать, у кого она толще? Повторяю, Зандру их побери!.. Одно радует — пусть они подольше дерутся к югу от реки и оставят в покое честных людей. Пусть дадут им возможность мирно заниматься своими делами.

— Каролину надо что-то предпринять, или ему не видать трона как своих ушей, — заметил кто-то. — Эти, из долины, думают, что Хастуры находятся в родстве с их богами. Когда я путешествовал, мне пришлось выслушать немало сказок об этом. Мог бы и порассказать вам…

О дротиках сразу забыли — никто не занял очередь за Ромили. Она растерянно огляделась и шепнула Орейну:

— Неужели вы позволите им трепать имя короля Каролина?

Тот не ответил. Он потер руки и напомнил:

— Наше мясо уже на столе, Румал. Они могут сколько угодно болтать языками, а мы не можем допустить, чтобы наш обед остыл. — И указал Ромили на стол.

Та отложила дротик и села на свое место. Орейн отрезал огромный кусок мяса и принялся объяснять с набитым ртом:

— Мы здесь для того, чтобы служить Каролину, а не спорить с глупцами. Принимайся-ка лучше за еду. — Спустя некоторое время он добавил, еще более понизив голос: — Для того в общем-то я и отправился в город, чтобы послушать, что говорят люди, как относится народ к неизбежной схватке за корону. Сколько, оказывается, здесь сторонников короля. Даже тот, который заявил, что ему наплевать и он не собирается молиться на венценосные задницы, — наш!.. Потому что Ракхел, раздарив поместья своим приспешникам, настроил простолюдинов и знать против себя. Он выпустил такие могучие силы зла, которые сомнут и его самого. Скоро произвол, наглое беззаконие, взятки придут и в эти еще не пуганные места, тогда посмотрим, что запоют горожане… Если нам удастся поднять людей в горах, нам уже не будет страшно предательство. Собирать армию нужно в открытую.

Ромили ела молча. Мясо казалось необыкновенно вкусным — конечно, после стольких дней на каше и чечевице… Она думала о том, что в разговоре с ней Орейн невольно выражался на литературном языке, словно забыв, что в общении с другими все время использовал местные диалекты. Собственно, если он как сводный брат

короля принадлежал к высшей знати, это неудивительно. Карло тоже, по-видимому, занимал высокое положение — как он уже рассказывал, его лишили владений в результате дворцового переворота.

Далее мысли потекли сами собой…

«Не знаю, есть ли враги у короля в Неварсине, но в монастыре обитает по крайней мере один из них. Хотя Кэрил еще ребенок и он сам признался, что Каролин по-доброму относился к нему, в любом случае, если Карло и Орейн ждут встречи с королем в стенах монастыря, мальчик может узнать свергнутого монарха».

Тут Ромили вздохнула — ей-то чего беспокоиться насчет короля? Вспомнить хотя бы слова отца — в них много разумного…

Тут ей стала ясна причина тревожных дум о Каролине, которые уже несколько дней не давали ей покоя: «Но ведь ни Орейну, ни Карло обратной дороги нет. Стоит им попасть в руки Ракхела — их песенка спета! А моя? Разве меня оставят в живых? Никому не будет снисхождения. Вот и выходит, что забота о безопасности свергнутого короля — это забота о собственной шкуре».

История о жестокости сэра Лиондри Хастура служила веским тому доказательством. Другое

дело, что ей самой трудно понять, как же она оказалась в рядах сторонников Каролина, но кого это будет интересовать?

— Возьми-ка последнюю котлету, Румал. — Голос богатыря привел ее в чувство — Ты парень рослый, тебе нужна хорошая еда.

Наконец Орейн подозвал служанку и попросил принести еще вина. Ромили тоже было потянулась за кубком, но спутник легонько шлепнул ее по руке. Казалось, чуть тронул, но девушка едва не вскрикнула.

— Нет, тебе достаточно. Принеси-ка лучше сидра, женщина. Это слишком крепко для него! Вот уж чего мне не хочется, так это тащить его домой. Такие ребята, как ты, никогда не знают меры. Сразу начинают хорохориться…

Ромили почувствовала раздражение. Она глотнула сидра — даже струйки побежали из уголков рта — и тут же откинулась на спинку стула. Напиток был необыкновенно вкусный — куда лучше, чем крепкое вино, обжигающее рот и желудок и быстро ударяющее в голову.

— Спасибо, Орейн, — с трудом вымолвила девушка.

Он доброжелательно кивнул:

— Не стоит. Когда я был в твоем возрасте, мне

всегда хотелось, чтобы у меня нашелся старший товарищ, который удержал бы мою руку, тянущуюся за вином. Теперь уже поздно! — улыбнулся он и, отсалютовав огромным кубком, осушил его до дна.

Ромили потянуло в сон, а Орейну вдруг приспичило сыграть в дротики. Он и ее позвал с собой, но девушка отрицательно покачала головой. В тот момент ее слуха достиг интересный разговор за соседним столиком.

— …Брось, наконец! Если очень хочется, дай в глаз любому королю, который тебе не нравится.

— Я слышал, Каролин скрывается в Хеллерах. Эти Халимины совсем слабаки, куда им пытаться отыскать его здесь! Они могут обморозить щечки!

— Где он прячется, мне наплевать. Знаю только, что у него хватает приверженцев. Он хороший парень!

— Во всяком случае, мне он нравится, — поддержал его собеседник. — Я пойду за любым, кто сможет накинуть веревку на горло этому мерзавцу Лиондри. Он заслужил подобный конец. Слышал, как он поступил со старым лордом Астурийским? Сжег его — представляешь, старого человека! — вместе со старой леди заживо. И

знаешь, за что? За то, что один из лесников лорда не пустил их переночевать…

Спустя какое-то время Ромили потянуло в дремоту. Во сне ей привиделись оба — и Каролин, и Ракхел. Вместо человеческих лиц — морды огромных пум. Оба крались, потом бросились друг на друга и принялись рвать на части. Услыхала девушка и крики ястребов, словно она парила высоко-высоко и сверху наблюдала за битвой. Потом она прилетела к высокой белой Башне, и Руйвен приветствовал ее взмахом руки. Затем и он неожиданным образом обрел крылья и взлетел в небо. Там они и принялись кружиться, жалуясь друг другу, что отец вряд ли одобрит такое бесшабашное поведение. Он так и заявил: «Хранитель Разума объявляет, что подобное поведение предосудительно. Мужчины и женщины не имеют права летать. Видите, у меня же нет крыльев!» Сказав это, он превратился в камень… Девушка с трудом разлепила веки — Орейн легонько тряс ее за плечо.

— Пойдем, парень, уже поздно. Они закрывают… Нам пора в монастырь.

Он уже был в заметном подпитии — дышал тяжело, с натугой. Язык заплетался… Девушка испугалась — сможет ли он идти? Однако воз-

ражать было бессмысленно — она схватила его плащ и накинула ему на плечи.

Они вышли в ясную морозную ночь. Было тихо, и, может, поэтому каждый звук необычно четко врезался в сознание — вот тявкнула собака, ей ответила другая, и вновь все замерло. Уже было поздно, в большинстве домов свет был потушен. Вдали над крышами домов ясно читался голубоватый серп Киррдиса.

Орейн нетвердо ставил ноги, опирался рукой о стены домов. Когда же улочка пошла ступенями в гору, он споткнулся о булыжник и, взревев, растянулся во весь рост на камнях. Ромили бросилась к гиганту, помогла подняться, настояла, чтобы взять его за руку. Она почувствовала особую ответственность за этого пьяного великана — сколько он старался для нее. Теперь ее черед отдавать долг. Нужно довести его до монастыря. Собственно, дорогу и искать не надо — кремнистый путь поблескивал в свете звезд, и стены монастыря ясно виднелись на склоне.

— Орейн, вы не знаете, Каролин на самом деле скрывается в этом городе? — тихо спросила она.

Орейн даже остановился, подозрительно уставился на нее и погрозил пальцем.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

Ромили прикусила язык. Действительно, ее вопрос ей самой показался теперь каким-то не таким… Странным, что ли? О подобных вещах надо спрашивать трезвого, а так выходило, будто девушка выбрала подходящий момент и пытается выведать планы сторонников короля. Орейн ничего не ответил, повернулся и пошел в направлении монастыря, Ромили поспешила следом. Он крепко взял ее под руку и, стараясь сохранить равновесие, двинулся дальше, потом обнял за плечи, прижал к себе, и девушка испугалась — не дай Бог, этот тоже определит, кто она!

«Орейн хороший, он мне нравится. Его есть за что уважать, однако, если он узнает, что я девушка, он станет таким, как все…»

С каждым шагом рука гиганта давила все тяжелее и тяжелее. Добравшись до стены, он повернулся — Ромили невольно обежала его, — расстегнул ширинку и принялся мочиться на стену.

Ромили выросла в деревне, ей не раз приходилось видеть подобное. Будь она чувствительной особой, как Люсьела или ее младшая сестра, она бы при виде этого упала в обморок. Будь она кисейной барышней, ей бы в голову не пришло бежать из дома, она покорно вышла замуж за

дома Гариса. Уж тем более не сумела бы влиться в мужскую компанию и так долго путешествовать вместе с ними. Но зачем же она здесь? Поддержать в трудную минуту облегчавшегося громилу?.. Сколько же это может продолжаться?

У монастырских ворот Орейн подергал за веревочку, зазвонил колокольчик, подзывавший служку из гостевого дома. На мгновение Ромили засомневалась — пустят ли их в монастырь, однако вскоре привратник загремел ключами и, поворчав, позволил им войти. Он неодобрительно поморщился, почуяв запах вина, но ничего не сказал. Когда же Орейн предложил ему серебряную монету, решительно покачал головой.

— Мне не позволено, приятель. Благодарю тебя за добрые чувства. Ступайте с Богом, — сказал монах, потом обратился к Ромили: — Сумеешь довести его, парень?

Та в ответ кивнула и подтолкнула великана:

— Двигайте в ту сторону, Орейн.

Уже в своей комнате он неожиданно спросил:

— Где я?

— Дома. Уже дома… Ложитесь и поспите.

Ромили подвела его к одной из кроватей, стоявших в номере. Тот рухнул на постель. Девушка стащила с него сапоги. Орейн безвольно запро-

тестовал — он был куда пьянее, чем можно было подумать.

Он ухватил ее за запястье.

— Слушай, ты неплохой паренек… — начал он. — Ты мне нравишься, Румал, к сожалению, ты христофоро. Однажды я слышал, как ты обращаешься к Хранителю Разума… Черт!..

Ромили осторожно высвободила руку, сняла с Орейна плащ и тихо вышла. В душе ее теплилась надежда, что дом Карло будет у себя в комнате. У него оказалось закрыто — может, он еще сидит у отца настоятеля? Собственно, это не ее дело, ей тоже пора отдохнуть — завтра с утра опять придется заняться животными и птицами. От предложения разделить комнату с другими людьми дома Карло она уклонилась, лучше спать на соломе в конюшне. Там было тепло и никто не мог проследить за ней. Ей меньше всего хотелось, чтобы за ней следили, когда приходилось отправлять естественные надобности. Только теперь она осознала, какую трудную роль выбрала, — оказалось, что прикинуться мужчиной не так-то просто. Помимо всех физических неприятностей приходилось постоянно следить за языком, за каждым словом, жестом…

На этот раз Ромили тоже отправилась на

конюшню — устроилась в углу, в стоге сена. Разулась — все-таки носки здорово спасали от холода, забралась в самую середину и закрыла глаза.

Сон не шел. Она полежала, попыталась думать о чем-нибудь хорошем — не помогло. Мешали посторонние звуки — на насесте не знали покоя птицы, шуршали перьями, двигались по жердочкам, те жалостливо поскрипывали. Мягко переступали с ноги на ногу лошади и червины, изредка всхрапывали, шумно отдувались. Эти шумы наполняли сводчатое пространство строения неким умиротворяющим, одухотворенным спокойствием, подобием жизни неземной — мягкой, счастливой. Здесь не было надобности браниться, истошно вопить или стонать в предсмертных муках. Все здесь шло своим чередом, не спеша, без суеты. Это был светлый мир, и Ромили невольно заслушалась…

Этот мир был широк, велик, безграничен… Где-то за стенами конюшни ласково и мелодично прозвенел колокольчик, потом послышалось шарканье многих ног — по-видимому, монахи собирались на ночную службу. Это было так вовремя, так к месту, что девушка невольно заплакала. Душа ее потянулась ввысь… Почему Орейн с такой неприязнью упомянул о христо-

форо? В чем причина этой вражды? Отчего он сказал, что он ему нравится, что он, Румал, хороший парень, но, к сожалению, христофоро? Зачем здесь сожаление? Он что, фанатик? Ромили вообще мало задумывалась о религии, она была христофоро — и ладно! Всю жизнь она слышала сказки, мудрые изречения, заветы Хранителя Разума, чья мудрость, как утверждают христофоро, давным-давно была принесена в этот мир со звезд. Случилось это так давно, что неизвестно, когда умер человек, который был свидетелем этого чуда и мог бы поведать о нем.

Наконец до слуха девушки донеслось невнятное пение, и она окончательно проснулась. Так ей показалось вначале… Ромили еще глубже зарылась в сено. Потом Ромили вдруг снова отправилась в полет — парила в поднебесье на гигантских ястребиных крыльях. Или то были крылья сторожевых птиц? Какая разница! Она отмахнулась и принялась жадно разглядывать землю. Это не горы, внизу расстилалась равнина, зеленая и нарядная… Озера, широкие поля и вот наконец все та же белая, ослепительно посверкивающая башня на берегу чудесного водоема. Обширного, безбрежного озера… Тут со стороны вновь долетел звон колокольчика, убедившего

девушку, что она не спит. Она уныло подумала, что вот уже вторую ночь проводит в монастыре, а так и не послушала хор монахов. Зачем надо было отправляться в город? Она же может оказаться единственной женщиной, которой довелось услышать чудесное пение.

Ничего, они пробудут здесь еще несколько дней. Может, тогда ей повезет. Какая удача, что Дарена нет в монастыре, он непременно узнал бы ее…

Впрочем, если король Каролин явится сюда, его тоже узнают, дом Карло должен предупредить его…

Помыслив об этом, Ромили окончательно уснула. Тогда перед ней чередой пошли некие венценосцы, мальчики, и кто-то незнакомый начал расспрашивать ее голосом Орейна. Наконец и эти все ушли — растворились в небытии.

Утром девушка поднялась с первыми лучами багрового светила и занялась животными и птицами.

Жизнь в монастыре свершалась по давным-давно заведенному уставу. Ромили быстро усвоила его — подъем с первым светом, легкий завтрак, который подавали в доме для гостей, поручения, которые давали либо дом Карло, либо Орейн.

Через пару дней Ромили обзавелась новыми сапогами, сделанными по ее мерке, — это было так здорово! Как намучилась она, таская на ногах здоровенные сапожищи Руйвена. Да еще без носков!.. Теперь другое дело… Прошло десять дней, как она поступила на службу, и Ромили получила причитающиеся ей десять монет и отправилась в город, где отыскала лавку портного. Там приобрела теплые носки на смену. Чтобы можно было стирать… Купила еще несколько теплых вещей.

Казалось, жизнь наконец улыбнулась… Девушка отправилась в Неварсин в полдень, совершенно свободная, с деньгами в кармане — когда бы такая удача выпала благородной дочери Макарана? Вернулась, позанималась с птицами, покормила их, осмотрела ездовых животных и после скромного ужина в доме для приезжих с затаенным нетерпением принялась ждать ночи. Уж как-нибудь она проскользнет в часовню и наконец-то услышит мужской хор монастыря. Там, говорят, есть один мальчик, поющий сопрано — голос у него божественный, зовущий на небеса. Это был не кто иной, как Кэрил, сын Лиондри Хастура.

Ромили надеялась, что Орейн предупредил дома Карло, а тот довел эту новость до самого ко-

роля. Может, именно поэтому Каролин так долго не появлялся в городе.

Дважды за эти десять дней Ромили в компании Орейна посещала городские харчевни. На этот раз богатырь не позволил себе лишку — один, ну, два кувшина местного вина. Вино, казалось, не оказывало на него никакого влияния. Дома Карло она больше не видела — девушка предположила, что он по горло занят делами Каролина. Готовит его приезд в город… Но как же быть с маленьким Кэрилом? Ребенок не выдаст, но вот его отец… Ромили ни о чем не спрашивала Орейна — ей была памятна его реакция, когда они ночью возвращались домой. Не хватало еще, чтобы ее посчитали ищейкой! Вот и не суй нос не в свое дело, осаживала она себя. Лишние хлопоты ей совсем ни к чему…

Изредка странные, сумасбродные мысли приходили ей в голову. Как бы она себя повела, если бы отец выбрал ей в мужья человека, похожего на Орейна? Отказала бы ему? По-видимому, нет.

«Ради чего я должна была оставаться дома и ждать, пока меня выдадут замуж? Тогда бы мне не удалось побывать в Неварсине и в его тавернах, пожить в лесах, полях. Никогда бы я не плутала в пустыне; никогда бы не работала, и у меня ни-

когда бы не было своих денег. И со сторожевыми птицами не пришлось бы повозиться… Но главное — я бы никогда не испытала свободы».

С каждым днем Ромили все более привязывалась к уродливым, нелепым сторожевым птицам. Теперь они с готовностью садились ей на руку, ели с нее так же охотно, как домашние пернатые. То ли рука у нее окрепла, то ли она успела привыкнуть к весу птиц, однако теперь Ромили могла держать их на запястье сколь угодно долго. Они были послушны, с удовольствием подчинялись командам, и, когда Ромили входила с ними в телепатическую связь, ее буквально обдавало волной доверия и любви. Может, по этой причине Пречиоза больше не появлялась в небе. Ястребица оскорбилась, взревновала? Как бы то ни было, Ромили часто тосковала по ней.

Девушка редко виделась с другими слугами, встречались они только утром и вечером, когда все собирались в монастырской столовой в доме для приезжих. Ее такое положение устраивало как нельзя лучше — Ромили все еще побаивалась Аларика. Что можно ожидать от злобного психа? Другие тоже не вызывали особого доверия, их враждебность ощущалась ясно. Казалось, круг ее общения определился — разговаривала только

с поставщиком корма для сторожевых птиц и конюхами, приглядывающими за скакунами. Большую часть времени Ромили проводила с Кэрилом, который вертелся возле птиц. Он обожал этих созданий, для него счастьем было подержать их, покормить, запустить в полет. Конечно, хлопот с мальчишкой тоже хватало — он все время забывался и то и дело величал ее ваи домной.

Однажды Орейн явился в часовню послушать хор. Место он выбрал в тени, подальше от распевающих монахов. Ромили была уверена, что мальчишка не сможет различить его лицо, — и все равно страх не отпускал ее. Если мальчик знает Каролина, он должен помнить и его приближенных. Эта мысль настолько возбудила ее, что она сочла за лучшее покинуть службу. Парень с такими телепатическими способностями мог прочесть ее взъерошенные мысли.

Приближалась Середина зимы — большой праздник. Хлебные лавки и кондитерские уже были украшены цветами, вырезанными из медной фольги; на рынке начали торговать нарядными, яркими расписными игрушками; торговцы сладостями выложили на прилавки пряники в форме звезды и сердца и праздничные караваи имбирного хлеба, горки ореховой пасты.

Боже, как взволновал девушку запах имбиря, как стало ей тоскливо в чужом городе, как захотелось домой — сама собой вспомнилась предпраздничная суета, сводившая с ума всю «Соколиную лужайку». Люсьела всегда сама пекла имбирные пряники, никому не доверяла и убеждала всех и каждого, что слуги тоже люди, им тоже следует дать отдых. Сердце Ромили, бредущей по улицам Неварсина, сжималось при виде разноцветных гирлянд. Она начала сожалеть, что оставила дом, и только трезвая мысль о том, где и как провела бы она эту ночь — конечно, в доме Скатфеллов и, конечно, с домом Гарисом, — исцелила ее тоску. Стоило ей вспомнить Дарису и только на секунду вообразить себя на ее месте — к середине зимы она бесспорно уже ходила бы с огромным животом и страдала одышкой, — ее вновь охватывала радость.

Свобода! Жить по собственной воле — что может быть прекрасней и трудней? Ромили была по-настоящему счастлива, если бы не перчинка грусти. Как было бы здорово пройтись по улицам с Раэлем! Пусть бы он тоже порадовался!..

Утром в канун Праздника зимы ее разбудил снег, падающий в прорехи крыши. Нет, она вовсе не замерзла — как можно было дрожать от холода

в ворохе теплой, уютной соломы! Ее разбудили снежинки, таявшие на лбу и щеках. За стенами конюшни завывал ветер, в щели мело — кое-где по углам уже обозначились небольшие сугробы. Ветер прилетел сюда, сорвавшись со Стены Мира, нагнал тучи, засыпал монастырский двор мелкой снежной крупой.

Однако становилось прохладно — Ромили жаль было расставаться с воспоминаниями о доме, о Раэле, но раз наступило утро, значит, пора за дело. Зачем валяться и травить душу? Она свободна — этим все сказано. Она надела обе пары носков, шерстяную фуфайку и накидку, которой с ней — тут девушка хихикнула — поделился Рори. И не беда, что на дворе ее пробрало до костей; пусть зубы отбивают дробь, пусть вода в рукомойнике замерзла и ей пришлось ломать корку льда!.. Вон ученики босиком бегают по снегу, при этом кричат и хохочут как оглашенные. Не забывают метнуть друг в друга на ходу слепленный снежок. Взгляните, какие они румяные, а у нее руки посинели от холода!

Ромили бегом вернулась в конюшню и замерла на пороге. Вот так дела! Лошади дома Карло не было в стойле! Ее украли? Или дом Карло куда-то тайком ускакал поутру и даже такой буран был

ему не помеха? Мело по-прежнему — сильно, с надувом, с подвывом. Снежинки залетали в щели в стенах, небо над монастырем низкое. Вращающееся крошево, а не небо. Она уже было совсем собралась бежать доложить, как заметила идущего в направлении конюшни Орейна. Ромили бросилась к нему.

— Нет кобылы дома Карло!..

— Помолчи, парень, — тихо и очень веско ответил тот. — Ни слова! Его жизнь с этой минуты в твоих руках. Никому ни слова!!!

Ромили ничего не поняла, но, перепугавшись, покорно кивнула.

— Вот и ладушки. Какой ты понятливый, парень… После полудня мы с тобой отправимся в город. Возможно… Кто знает, может, я сделаю тебе подарок к празднику, ведь тебе нечего ждать, что тебя вспомнят дома, в семье.

Должно быть, он читает ее мысли? Ромили смутилась, пожала плечами:

— Я не жду подарков, мой господин.

Откуда он узнал, как смог угадать? Орейн таинственно усмехнулся и бросил напоследок:

— Помни, в полдень…

После завтрака Ромили решила позаниматься с птицами. Ничего, решила она, что валит снег

и дует ветер, птиц тоже не следует приучать к особым нежностям. А перед кормежкой совсем неплохо размять крылья.

Не тут-то было! Стервятники, почуяв, что их собираются выносить на мороз, да еще запускать в неприглядное, посыпающее землю белым пеплом небо, возмущенно заголосили. Сразу принялись клевать линьки, которые Ромили привязала к их ногам. Ромили решила: она-то зачем себя мучает, у нее уже от глубокого снега, набившегося в голенища, ноги подмокли! Тут еще Кэрил появился — этакий здоровый румяный мальчик, жизнерадостный и морозостойкий… Подбежал к ней и простодушно поинтересовался:

— Ты замерзла?

— А тебе разве не холодно?

Он засмеялся и отрицательно покачал головой.

— Это самый первый урок, который дают нам монахи. Прежде всего нас учат, как можно согреть себя изнутри. Это можно сделать посредством дыхательных упражнений. Некоторые из старых монахов могут облить себя водой и потом высушить на себе одежду, невзирая на температуру воздуха. У меня это пока еще не получается, но уж себя согреть — нет проблем. Когда меня привезли

сюда, мне сначала тоже было холодно. Раньше я вообще не видал снега. Бедный Румал, у тебя нос совсем посинел. Давай я научу, что надо делать.

Он протянул руку и пересадил туда Благоразумие — при этом очень серьезно начал объяснять птице:

— Давай, птичка, тебе обязательно надо полетать. Я знаю, тебе не нравится, когда падает снег, но ничего не поделаешь, нельзя же все время сидеть на жердочке, ты можешь совсем разучиться летать, а крылышки у тебя должны быть сильные, крепкие.

Благоразумие слушала его, склонив голову, потом, словно решив, что тут не отвертишься, отчаянно вскрикнула и взлетела на всю длину линька, тут Кэрил осторожно потянул за ремешок, и птица резко спланировала. Мальчик восторженно закричал:

— Смотри, ей нравится играть с поводком. Ей и снег не помеха!..

— Тебе хорошо, — кисло заметила Ромили, — тебе и метель нипочем!

— Нет, дело в том, что не явился мой учитель фехтования, — ответил мальчик. — Я радуюсь, потому что завтра каникулы. В монастырь приедет отец повидаться со мной. Я так по нему скучаю,

и по братьям тоже. Папа привезет мне подарок — мне уже двенадцать, и он обещал подарить мне хороший меч. Может, это и будет сюрприз! Мы с ним погуляем по городу, я накуплю целую гору пряников и сладостей. А от мамы ко Дню середины зимы я получу новую одежду. Вот почему я так стараюсь — хочется, чтобы папа был доволен мною.

Лиондри Хастур? Здесь, в монастыре?

Первой мыслью Ромили было предупредить дома Карло и Орейна. Вторая — о короле… Потом она опомнилась и осторожно, как бы невзначай, спросила:

— Твой отец уже приехал?

— Пока нет, но он обязательно прибудет на праздник. Пока, наверное, погода мешает. Езды ему день, — ответил мальчик. — Отец, правда, никогда не боялся пурги. У него с детства дар, который был у старого Деллерея. Понимаешь, стоит ему поднапрячься, и он может остановить снегопад.

— Что это за ларан такой, о котором я никогда не слышала? А ты им обладаешь?

— Думаю, что нет. Правда, я никогда не пробовал. Слушай, позволь мне запустить Умеренность, пока ты будешь заниматься с Усердием?

Ромили кивнула, протянула конец линька ребенку — при этом изо всех сил пыталась скрыть охватившее ее волнение. Теперь за Алариком нужен глаз да глаз — если он узнает, что его враг объявился в монастыре, быть беде. Тревожные мысли захлестнули ее, она едва отвечала парнишке. Когда же они приступили к кормежке, дверь в конюшню распахнулась и туда ступил Орейн. Ромили обмерла от страха, а тот как ни в чем не бывало подошел и распорядился:

— Поскорее заканчивай с птицами, парень. У меня есть для тебя поручение. Надо сходить в город…

В этот миг Кэрил повернулся, увидел Орейна — глаза его чуть расширились.

— Я приехал сюда попросить убежища, парень. Как раз с тех пор, когда меня больше не приглашают ко двору. Там теперь твой отец вертит новым королем как хочет. Ты выдашь меня?

— Конечно нет, — с достоинством ответил мальчик. — Под крышей монастыря Святого Валентина даже осужденный на смерть может чувствовать себя в безопасности. Все, кто живет или укрывается здесь, — братья. Это относится и к христофоро, мастер Румал. Если желаете отправиться с вашим господином, я могу рассадить

птиц по жердям.

— Спасибо, но я сам управлюсь.

Ромили посадила Умеренность на запястье, Кэрил последовал за ней с другой птицей на руке. По пути он встревоженно зашептал:

— Вы знаете, это же один из лордов, сохранивших верность Каролину. Им небезопасно находиться здесь.

Девушка притворилась, что ей эта новость безразлична.

— Мне, собственно, без разницы, кто мне платит. А ты, Кэрил, ступай на занятия хора.

Он поджал губы, молча повернулся и побрел по двору. Мальчик был бос… Ромили перевела дыхание. Она вернулась, хотела что-то сказать Орейну, но тот положил ладонь ей на плечо и крепко сжал его.

— Не здесь, — коротко бросил он. — За стенами. Я не уверен, что нас здесь не подслушивают.

Ромили, ни слова не говоря, закончила с птицами, надела им на головы колпачки и так же молча вышла вслед за Орейном за ворота монастыря.

Уже в городе, на пустынной, прикрытой снегом улице, Орейн отрывисто спросил:

— Хастуров щенок?

Ромили кивнула. Подумала немного и заго-

ворила полушепотом — так тихо, что гиганту пришлось наклониться к ней:

— Это еще не самое худшее. Его отец, Лиондри Хастур, собирается навестить его на праздники.

Орейн сжал кулаки.

— Черт побери! У-у, дьявольская сила. Уж кто-кто, а Зандру знает, как этот подонок соблюдает обычай неприкосновенности монастыря. Если он заметит… — Богатырь на мгновение примолк, потом возмутился: — Ну почему именно в этот момент дом Карло покинул нас? Где его теперь найти? Надо бы немедленно сообщить ему эту новость.

Опять наступило молчание — так и брели они, каждый сам по себе, вороша свежевыпавший снег.

— Ладно, — Орейн махнул рукой, — пошли в таверну. Такое известие, как это, необходимо обмыть. Думаю, они припасли сидр на праздники.

Ромили мрачно заметила:

— Надо что-то сделать с Алариком, да и за другими тоже нужен глаз да глаз, если они узнают, что в монастыре объявился Хастур.

— Я их предупрежу, — думая о чем-то своем, ответил Орейн. — А теперь помолчи.

В таверне, где несколько дней назад Орейн учил

ее метать дротики, он заказал вина и горячий сидр для Ромили. От напитка приятно и пряно пахло ароматными травами. Ромили с удовольствием попивала сидр и, когда Орейн предложил добавить, легко согласилась.

— Значит, — начал великан, — у меня есть для тебя подарок. В той одежде, в которой ты шныряешь по конюшне, много не наработаешь. Смотри, что я нашел тебе в лавке! Она хоть немного и поношена, но все же, кажется, будет тебе впору. — Потом он обратился к одной из официанток и распорядился: — Принеси-ка мне тот узел, что я оставил у тебя вчера.

Когда служанка принесла сверток, Орейн пододвинул его к Ромили.

— Ну-ка взгляни, сынок.

Та покорно распустила узел и сняла завязки. Под оберткой оказался зеленый плащ-накидка, связанный из шерсти рогатого кролика. Он был отделан вставками из прекрасно выделанной кожи. Вещь была очень старая, однако прекрасно сохранившаяся — такие накидки с обрезанными рукавами и пелериной она видела на старинных портретах прежних — стародавних — владельцев «Соколиной лужайки», однако эта вещица была куда более богата и искусно отделана. Ромили

тотчас скинула свою изношенную накидку, схваченную в доме Рори, и сразу же натянула новый плащ. Тут она замкнулась, нахмурилась, потом призналась:

— Мастер Орейн, а мне нечего вам подарить.

Он положил руку ей на плечо:

— Мне ничего не надо, сынок. Обними меня и чмокни в щеку, как бы ты поцеловал отца.

Ромили тут же прижалась губами к его щеке.

— Вы очень добры ко мне, сэр. Большое спасибо.

— Не стоит! Теперь ты одет, как подобает. Вылитый сынок благородного господина.

В его голосе Ромили явственно ощутила нотку иронии, и ее обдало страхом. Уж не догадывается ли он, что она женщина? Теперь ее не надо убеждать — она уверена, что дом Карло знает.

— Это старая добрая вещь, ее можно использовать как попону. — Орейн подозвал мальчика-служку и приказал ему убрать обертку, шпагат, старую накидку. Ромили хотела было заметить, что она пойдет на попону для коней, взращенных на равнине, однако не захотела вмешиваться.

В тот вечер в таверне было немноголюдно — всего несколько посетителей сидели за столиками. Буран на дворе, приближающийся

праздник заставили людей остаться дома.

Когда они перекусили, Орейн предложил:

— Не хочешь пометать дротики?

— Я не такой уж хороший игрок, чтобы состязаться с вами.

Орейн рассмеялся:

— Ничего. Пошли…

Весь вечер они метали дротики. Неожиданно Орейн застыл.

— Ваша очередь, — напомнила Ромили.

— Давай-ка ты, я выйду на минутку, — неразборчиво выговорил Орейн, и Ромили удивилась: неужели вино уже ударило ему в голову? Что-то не похоже. Однако великан вышел, заметно покачиваясь на ходу, и один из посетителей засмеялся:

— Надо же, такая рань, а он уже на ногах не стоит. Эдак ты все праздники пропьешь, голубок…

Ромили терялась в догадках: не заболел ли он? Может, выйти и помочь? Однако каждый раз, когда Ромили появлялась в городе, она старательно избегала всяких темных углов, тем более задов и дворов таверн. А также отхожих мест… Именно там можно было ждать всяческих неприятностей. Того и гляди, обнаружат, что она женщина… Но теперь другое дело. Если Орейн в беде и нуж-

дается в помощи…

В то же мгновение что-то внутри ее предупредило:

«Не спеши. Оставайся здесь. Поступай так, как будто ничего не случилось — ну, вышел человек и вышел…»

Ромили еще не привыкла пользоваться лараном, тем более с его помощью проникать в мысли другого человека, в его внутренний мир. Кое-что ей удавалось ощутить, но это случалось очень редко. Другое дело с животными и птицами… С этими существами у нее никаких сложностей не возникало. Собственно, беда была в том, что Ромили не доверяла наплывавшим на нее картинам, отражающим мысли других людей; не верила себе и, следовательно, не могла удержать даже возникшую связь. На этот раз довериться шестому чувству следовало. Пусть все идет своим путем.

Она обратилась к посетителям:

— Никто не хочет составить компанию, пока мой друг отсутствует?

Двое местных жителей откликнулись, и началась новая партия. Играла Ромили так плохо, что скоро в счет проигрыша должна была поставить выпивку. Ей показалось, что в дальнем углу в

полумраке она различила мужчину, похожего на Орейна. Неужели ему просто надо было уединиться в темном уголке? Но с кем? И вновь внутренний позыв: продолжай играть! Она так и поступила и, метая дротики в цель, изо всех сил старалась сдержать себя и не поворачиваться к тому углу, где бугрилась спина Орейна — это точно был он. Кто же его спутник? В этот момент она как бы увидела его внутренним взором — мужчина… высокий, изящный… лицо скрыто под широким капюшоном, черт не разобрать. Они шепчутся… Тут ее словно укололо — в сознание вторглись чужие голоса… Понять ничего нельзя, но голове стало больно, и она взмолилась: «О всемогущий Хранитель Разума, сколько же это может продолжаться?! Как же я ухитрилась попасть в эту западню? Какое мне дело до их интриг, до королей… кто из них займет трон Халиминов! Черт бы побрал их обоих — и изгнанного короля, и узурпатора. Зачем, скажите на милость, такому человеку, как Орейн, рисковать своей головой ради того или другого претендента? Если с ним что-нибудь случится, я… — На этой мысли она замерла как вкопанная. Что она может поделать? Оружием, в отличие от своих братьев, она не владеет. Она вообще безоружна и беспомощ-

на… — Если мне суждено выйти живой из этой темной игры, я обязательно попрошу Орейна научить меня владеть мечом, копьем, луком».

Тут Ромили рассмеялась:

— Вот это бросок! В самое яблочко… — и сама метнула стрелку — подошла ее очередь. Девушка очень удивилась, когда ее дротик попал в цель.

— Пей, парень, — сказал проигравший мужчина и поднес ей бокал с вином.

Ромили бесшабашно осушила его.

— Еще сыграем? — предложил напарник. — Теперь моя очередь выигрывать.

Ромили пожала плечами и взяла дротик. Шея у нее постепенно онемела, в пальцах закололо.

Чем же он там занимается? Черт бы побрал всех этих заговорщиков…

Неожиданно тяжелая лапа «дядюшки» Орейна сдавила ей плечо.

— А-а, — заметил он, — смотрю, ты уже освоился, однако дай-ка и мне поиграть. Не тебе учить старую собаку, как метать кости.

Он взял оперенные дротики, проверил их, заказал вина — Ромили заметила, как возбужденно и таинственно блеснули его глаза. Потом наклонился и шепнул:

— Нам пора уходить, еще один круг, и все…

Она кивнула, показывая ему, что все поняла.

В следующее мгновение Орейн воскликнул:

— Девять чертей тебе в глотку, мужик! Посмотри, где твой башмак, — наполовину залез за черту. Я с таким ублюдком, как ты, состязаться не намерен. Тем более в ночь Середины зимы. На подарки я щедр, но не люблю, когда меня надувают. Чтобы я вот так запросто сорил деньгами на всяких мошенников!..

Орейн с размаху ударил мужчину по ноге — тот завертелся на месте.

— Ты кого обозвал мошенником, ты, педераст с равнины? Ты у меня проглотишь эти слова, — закричал пострадавший, — или я вколочу их в твою глотку!

Он резко, без размаха, пятерней отпихнул Орейна — голова у того мотнулась. Раздался треск… Великан был вынужден сделать шаг назад, и, когда нападавший бросился на него, Ромили метнула дротик. Острие впилось в ладонь горожанина. Мужчина взвыл, затряс кистью, потом погнался за девушкой, схватил за плечо, затем вцепился в горло, словно собираясь задушить ее, однако Ромили удалось вырваться. Она бросилась в ту сторону, где стояли бочонки, но не удержалась — растянулась во весь рост, поскольз-

нувшись на рассыпанных мокрых опилках.

Поднял ее Орейн — сгреб одежду на спине и рывком поставил на ноги.

— Эй-эй, ребята! — Владелец таверны бросился к дерущимся, встал между ними и принялся расталкивать петушившегося горожанина и Орейна, с мрачным видом закатывающего рукава. Кулаки у хозяина таверны тоже были пудовые — он с легкостью разнял противников.

— Вишь! — плаксивым голосом запричитал горожанин. — Этот подлый маленький ублюдок всадил мне стрелу в руку!

Он показал на ладонь, по которой бежала струйка крови.

— Ты что, ребенок, чтобы плакать? Комар его тяпнул, — сыронизировал Орейн и шагнул к сопернику.

Владелец таверны опять тычками разогнал их в разные стороны.

— Не надо ссориться! — начал он. — Лучше глотните вина!.. — Потом вдруг сделал зверское выражение лица и оглушительно рявкнул: — Сядьте! Оба!.. Наказание вам такое — оба выпьете по кубку за счет заведения.

С некоторым облегчением Орейн вытащил кошелек и бросил на свой стол горсть медных

монет.

— Сам пей, черт бы тебя побрал. Может, это заставит тебя заткнуться. А мы пойдем поищем более тихое место, где никто не помешает спокойно опрокинуть рюмку-другую. — Он подхватил Ромили под локоть и поволок к выходу. Уже на улице Орейн отпустил ее и шепотом спросил: — С тобой все в порядке?

— Все хорошо…

— Вот и ладушки!.. А ну, руки в ноги!.. — добавил он и быстро зашагал вверх по улице, потом выбрался на одну из тропок, ведущих к монастырю, и, не сбавляя хода, двинулся в ту сторону.

Ромили едва поспевала за ним. Еще немного, и у нее не хватило бы сил… Наконец он повернулся и, спохватившись, извинился:

— Прости, я что-то задумался. Держись, — протянул ей огромную лапищу.

Ромили ухватилась за указательный и средний пальцы — на большее руки у нее не хватало.

— Не надо было тебе пить этот последний кубок, — укоризненно заметил Орейн.

— А что было делать?

— Ладно, ты мне здорово помог, — шепнул он ей. — Давай поспешим, может, ты еще успеешь немного отдохнуть в монастыре, прежде чем…

Глянь-ка! — Он жестом указал на очистившееся от туч небо. — Видишь, снег прекратился… Подождем начала церковной службы, посвященной Середине зимы. Соберутся все гости — каждый мечтает послушать монахов, даже тот, кто лежит в постели со сломанной ногой. Уж больно здорово они, черти, заливаются! Любо-дорого послушать. Погодка-то налаживается, и эта грязная крыса Лиондри, — он ударил кулаком по воздуху, — вполне возможно, уже там. Ничего ему не делается — живет в свое удовольствие, здоровеет. Сидит и слушает божественные гимны, и кошки на душе не скребут.

Ромили перепугалась:

— Он же узнает вас, дядюшка!

— Меня-то что, — нахмурился Орейн. — Он других может узнать…

Девушка поняла его в том смысле, что, может, сам Каролин скрывается где-то в монастыре? Или он имел в виду Аларика, чью семью погубил этот негодяй? А может, дома Карло? Положение у него было очень высокое — это сразу видно, теперь же он является одним из главных советников Каролина.

Лапа Орейна легла ей на голову.

— Послушай, Румал, — шепнул великан. — Я

притворюсь больным и спрячусь в доме для приезжих. Меня поместят в лазарет. Не бойся, ничего плохого мне не сделают, разве что поднесут бокал монастырского вина…

Снег теперь падал редкими, крупными снежинками — не спеша, плавно кружил в воздухе. Ветер тоже стих и лишь слегка поддувал под подаренную накидку.

— Послушайте, а что, действительно существует ларан, с помощью которого можно изменять погоду?

— Поговаривают, что можно. — Орейн вновь помрачнел, потом процедил сквозь зубы: — Вот он перед тобой, результат подобного колдовства.

4

Всенощная Праздника середины зимы в монастыре Святого Валентина в Снегах была событием в Хеллерах. Со всей округи приходили на нее люди, чтобы послушать божественное пение. На службе отпускались грехи, отмаливалась пролитая кровь, алчность и блуд…

Кое-что Ромили уже доводилось слышать — издали, из конюшни, фрагментами. На этот раз она решила дождаться финала. В предвкушении радости девушка не замечала беспокойства, охватившего Орейна, который настоял, чтобы сели они в задних рядах. По простоте душевной Ромили поинтересовалась, где же дом Карло и будет ли он на службе. Орейн набычился и ничего не ответил. Его очень тревожил Аларик — только бы тот не явился в церковь. К концу службы он шепнул Ромили:

— Лиондри Хастура еще нет. Слава тебе, Господи. Может, он сверзился где-нибудь с обрыва? Вот это была бы удача! Редкостная!..

«Удача удачей, но как же насчет магического управления погодой? Неужели это дается ему так просто?»

В переднем ряду хористов она увидела Кэрила, чистенького, нарядного. Рот у него во время пения открывался, как у птички, — у мальчика был изумительный дискант, сразу выделявший его среди других голосов. Может, это было к лучшему, что дом Карло не явился на службу. Орейн явно не в себе, ни на минуту не может угомониться — все время ерзает, оглядывается… В конце концов он, не позволив дослушать службу, стащил ее с места и повлек в конюшню, где ни с того ни с сего принялся проверять службу птиц. Ромили разозлилась — он что, считает, что девушка не в состоянии сама присмотреть за ними? Только позже она узнала, почему он вдруг приказал все подготовить, чтобы по первому сигналу, моментально они могли сняться с места и покинуть монастырь. Но в те минуты Ромили просто вышла из себя. Орейн придирчиво осмотрел коней, червинов — проверил наличие снаряжения — попон, седел, потников, одеял для людей, вьюков. Ромили ждала объяснений, их не последовало. Нервы у нее были на пределе…

Наконец гигант хмуро глянул на нее, потом отвернулся.

— Отличный праздник, не правда ли, парень? — И грубо ткнул Ромили в бок. — Если тебе здесь

холодно, можешь занять кровать дома Карло. Никто ничего не заметит…

— Я думаю, мне лучше остаться возле птиц, — ответила Ромили и тоже отвела взгляд.

Не то чтобы она не доверяла Орейну — уже столько времени она живет среди мужчин, и, если никто из них до сих пор не заметил, что она женщина, едва ли Орейн предлагает что-либо предосудительное. Пусть даже они и будут спать в одной комнате. А если он?.. Она почувствовала слабость в ногах, даже ладони вспотели… Орейн же не христофоро, и ему не претит заниматься любовью с мужчинами — сколько подобных историй она слышала в своей жизни; каким только грехам не предавались жители равнины и эти… Халимины… И все же Ромили не думала, что он попробует овладеть ею силой. Даже считая ее парнем.

Ей вдруг стало очень неуютно в обществе Орейна, она быстро отошла. Тут еще вспомнился недавний сон, в котором он ласкал ее как женщину, не зная при этом, что она на самом деле женщина…

Ромили как обычно устроилась в сене — поворочалась, чтобы было удобнее. Дрожь не унималась… Однако, несмотря на все тревоги и

страхи, через несколько минут она уже крепко спала. Она вновь увидела сон, где летит то ли в оперении ястреба, то ли сторожевой птицы. Кто-то нагнал ее и заговорил голосом Орейна, потом начал ухаживать за ней. У нее не было сил сопротивляться…

Ромили мгновенно проснулась, впопыхах вскочила на ноги. Где-то гулко забухали колокола, потом послышался звон колокольчика у ворот. Что это? Исполнение какого-то обряда? Что за человек в дверях? Да это же Орейн! Почему его лицо белее бумаги?

— Румал, Румал! Дом Карло с тобой? Сейчас нет времени на приличия! Вставай!

— Кто? Дом Карло?! Я уже не видел его несколько дней. Что ты имеешь в виду, Орейн?

— Нет времени объяснять. Ты все равно сразу не поймешь, что я имею в виду! Черт побери!!!

Орейна шатнуло.

— Я так надеялся! Не верил, а надеялся… Не может быть, чтобы его схватили. Алдонис обещал, что его обязательно предупредят и помогут бежать. Слышишь? — Он ткнул пальцем в дверной проем. С той стороны опять донесся звон колокольчика. — Нас предали! Кто-то узнал его, а может, меня… Я уверен, он бы не стал рисковать

сегодня.

Орейн грубо выругался, ударил кулаком по стене.

— Быстрее, парень, беги в дом для гостей, пошукай там. Они знают, что Каролин должен быть поблизости. Хотя отец настоятель обещал мне надежное убежище, я не верю, чтобы это могло удержать лорда Хастура, пусть даже перед ним явится сам Повелитель Света и погрозит ему пальцем…

Орейн был смертельно напуган. Его лицо исказило страдание, однако во взгляде уже начинала закипать ярость.

— Еще этот отпрыск Лиондри… Он разболтал? Как ты думаешь? А может, его дружки? Этот мальчишка совсем как пес, все вынюхивает, вынюхивает… Может, еще успею пощекотать его кинжалом — хуже не будет. Все равно из этого щенка ничего путного не получится. Вырастет таким же негодяем, как и его отец.

Ромили бросилась к нему, повисла на руке. Орейн сдвинул брови.

— Да не причиню я вреда этому ублюдку! — огрызнулся он. — И Лиондри не трону. Что я, сумасшедший? А вот ноги отсюда надо уносить как можно быстрее. Подальше от этого прокля-

того города. Если нас схватят, я и гроша не дам за наши жизни. Быстро обувайся, ступай и… Нет, я сам подниму Аларика и других. Ты приготовь лошадей и червинов.

На миг Ромили показалось, что в конюшне — где-то над яслями — мелькнуло лицо дома Карло. Нет, просто привиделось — нет его здесь. Но в следующую секунду до ее сознания как бы долетел его голос: «Возьми птиц и отправляйся к верхним воротам, там есть тайный проход повыше скитов возле ледника».

— Шевелись, парень! — прорычал Орейн. — Куда ты уставился?

Дрожащим голосом Ромили передала ему слова дома Карло.

— Он здесь, я слышала его. Это точно его голос!..

— Сказки! — Орейн нетерпеливо дернул головой.

Тут же в сознание Ромили вновь проник тот же мысленный голос: «Напомни ему о поясах из красной кожи, в которых мы боролись и до крови разбили друг дружке носы».

Ромили уже решительно схватила Орейна за рукав плаща, развернула к себе.

— Клянусь, Орейн. Это голос дома Карло. Он тре-

бует напомнить тебе о поясах из красной кожи, в которых вы боролись. Вы тогда еще пустили друг другу кровь из носа.

Орейн несколько раз озадаченно моргнул.

— У тебя что, ларан такой силы? Ну ты даешь… Мы на этих поясах боролись много раз. Пойду подниму людей, а ты приготовь животных. И поспеши.

Дело привычное! Кожа рук Ромили уже так загрубела, что хоть седла из нее выделывай. Силенки тоже заметно прибавилось — поворочай-ка бадьи с водой, поноси птиц! Она быстро оделась, накинула новый, подаренный к Празднику середины зимы плащ и принялась ссыпать зерно во вьючные сумы. Наполненные она немедленно приторачивала к седлам. Когда с фуражом было покончено, Ромили приготовила запас пищи для сторожевых птиц, а затем накинула им на головы колпачки, накрыла попоной, иначе они бы подняли такой крик во дворе, что перебудили бы весь монастырь. Потом бросилась седлать лошадь Орейна, своего коня и червина Аларика. Спустя мгновение к ней подошел Аларик и сам затянул подпругу.

— Какой-то ублюдок предал нас, — сказал он дрожащим голосом.

Когда до них вновь долетел звон колокольчика, Аларик явно перепугался. Он быстро сообщил Ромили:

— Они там, в городе, обыскивают дом за домом, потом доберутся и до монастыря. И здесь все вверх дном перевернут, ни одного уголка не пропустят, ни одну часовенку. Все алтари проверят… Слушай, парень, Орейн доверяет тебе, куда мы поскачем? К нижним воротам?

— Он со мной не советуется! — огрызнулась Ромили. — Однако он упоминал о тайном проходе у верхних ворот.

— Пока мы потратим время, чтобы отыскать этот проход, люди Лиондри отыщут нас. Тогда мне уже не отвертеться от петли…

Ромили твердо заявила:

— Не думаю, что дом Карло бросит нас. Доверься ему!

— Ай, ваи дом из Хастуров. Поможет он нам, как же, жди! Появится, когда будет поздно, — забормотал Аларик.

— Послушай, Аларик!.. — Ромили разозлилась. — Не думаешь же ты, что дом Карло примет сторону Лиондри, чтобы поймать нас? Тебя, меня, Орейна?..

— Нет, только не Орейна, — ответил тот. — На-

день-ка то седло, парень. Шанс-то у нас есть, но вот как его использовать? Ты, наверное, сам из благородных… — Он не договорил.

— Кончай седлать червинов и не мели чепухи, — резко ответила она. — Проверь вьючные сумы, может, я слабо затянул узлы.

Он послушал ее и повел пони из конюшни. В этот момент кто-то схватил Ромили за запястье и сжал с такой силой, что она вскрикнула. Не узнать эту хватку было невозможно даже в темноте.

— Иди за мной, — шепнул великан.

Девушка поспешила за Орейном, едва успевая переставлять ноги, с такой силой он потащил ее. Направлялись они к темному проходу. Девушка различила мужские голоса и сразу постаралась ступать тише, не производить лишнего шума. Теперь только стебельки соломы и кусочки навоза похрустывали под ногами. Кто-то в глубине конюшни наткнулся на стену и еле слышно выругался. Затем она услышала тихий детский голос:

— Господин Орейн?..

— А-а, это ты, чертов щенок…

Кэрил сдавленно вскрикнул.

— Я не причиню вам вреда, — задыхаясь, зашептал мальчик.

Ромили не могла ничего различить во мраке, но было ясно, что Орейн может запросто придушить паренька.

— Я… Я только хотел проводить вас, показать тайный проход. Я не хочу, чтобы папа нашел вас. Нашел ваи дома. Он, конечно, рассердится, но…

— Отпусти его, Орейн! — встрепенулась Ромили. — Он говорит правду.

— Смотри, парень, я доверяю твоему ларану.

Следом до нее долетел всхлип облегчения — очевидно, Орейн выпустил мальчика.

— Ты знаешь тайную тропу? Тогда веди нас. Но если ты предашь… — После небольшой паузы — Ромили отчетливо слышала басовитое сопение Орейна — он предупредил: — Я проткну тебя кинжалом.

Куда они двинулись, Ромили разобрать не могла. Все тесно столпились, сторожевые птицы некстати завозились под накидками. Кто-то растерянно выругался — следом в темноте мелькнула крупная зеленоватая искра и послышался стук кремня о кресало.

— Спрячь! — отчаянно зашипел Орейн, и на мгновение наступила полная тишина, все замерли, испуганные этой искрой и голосом хозяина. Наконец кто-то посмел пошевелиться, раздались

вздохи и непременная для мужчин ругань…

Тут послышался шепот Аларика:

— Тише, тише!

Опять все замерли, однако теперь хоть что-то прояснилось вокруг. Высветилось небо, серовато покрывалом обозначился склон горы, а в нем чернел проход в скале. Рядом с проходом возбужденно переступали с ноги на ногу лошади. Проход был настолько узок, что двигаться по нему можно было только по одному, и как назло в самом узком месте застрял один из червинов. Аларик вместе с товарищем начали снимать с него вьюки. Матерились они без продыха. Наконец им удалось протолкнуть несчастное животное. Потом опять началась погрузка, ругань, окрики… Скоро беглецы достигли места, где вообще невозможно было дышать. Здесь пахло так, будто в этом месте обнажилось сернистое ядро планеты. Все отчаянно кашляли, а Кэрил уже громче предупредил:

— Простите, это будет недолго. Прошу, смотрите под ноги, здесь кругом трещины и разломы. Особенно следите за животными. Если кто-либо сломает ногу…

Теперь Ромили пошла еще медленнее — принялась в темноте ощупывать ногой камни впереди себя. Действительно, не хватало еще сломать

ногу ей или ее коню…

Наконец тропа расширилась, и в лицо сразу дохнуло морозцем ближайшего ледника. Поднялся легкий ветерок, и на открывшемся небе заиграли звезды. Бледный диск одной-единственной луны повис над седловиной. Жемчужный Мормалор едва угадывался на западе, и под ногами тускло-серебряным сиянием отсвечивали снега.

— По этой тропе давным-давно никто не ходил, — объяснил Кэрил. — Разве что несколько братьев, которые совершенствуются в вере, живя в таких суровых условиях. Не бойтесь — они не обратят на вас никакого внимания, все мирское не задевает их сознания. Ни короли, ни войны, ни страсти вокруг трона. Однако, господа, будьте осторожны — все это сопряжено с опасностью…

— Какой опасностью? — воскликнул Аларик, хватая мальчика за горло.

Кэрил как-то странно захрипел, однако вырываться не стал, и перепуганный слуга, опомнившись, отпустил его.

— Опасность исходит не от людей. Там живут птицы баньши. Братья каким-то образом договорились с ними. Как они утверждают, первым, кто общался с ними, был святой Валентин. Он проповедовал среди них и назвал их меньшими

братьями…

— Так ты ведешь нас к самому гнезду баньши? Ах ты, дьяволов щенок! — Аларик опять схватил мальчика.

— Оставишь ты мальчишку в покое или нет, черт тебя, в конце концов, побери!.. — возмутился Орейн. — Если ты еще раз прикоснешься к нему, я повторю урок, который однажды дал тебе! Что, баньши его выдумка? Он же предупреждает, чтобы мы были осторожны. Поблагодарил бы его, а ты сразу за горло!..

— Вот-вот, убери руки, Аларик! Ты что, совсем свихнулся? — раздался чей-то голос, и в следующее мгновение непонятно каким образом рядом с ними очутился дом Карло.

Откуда он появился, Ромили так и не поняла. Позже ее осенило — конечно, он присоединился к ним, добравшись до этого места еще одним тайным проходом, но в тот момент это было подобно чуду. Кэрил вскрикнул сдавленно, глаза Ромили уже привыкли к темноте, и ей удалось разглядеть испуг и изумление, отразившиеся на детском личике. Он протянул руки, чтобы обнять дома Карло — совсем как близкий родственник, — прижался к нему и просто сказал:

— Дядя, как я рад видеть вас живым и здоро-

вым.

— Знал бы ты, — признался в ответ Карло, — как мне стало легко на сердце оттого, что ты мне не враг.

С ребенком, к удивлению Ромили, он говорил не как с дитятей, но как с равным себе по рангу. Расцеловал мальчика в обе щеки.

— Теперь, — приказал дом Карло, — ступай обратно. Мы еще встретимся, парень.

— Ваи дом, — голос мальчика неожиданно задрожал, — я действительно не враг вам. Я ваш друг. Но… Я прошу вас… Если мой папа попадет к вам в руки… пощадите его! Ради вот этих самых минут!.. Будьте милосердны…

Дом Карло мягко взял мальчика за плечи.

— Я бы очень хотел обещать тебе это, сынок. Я с удовольствием дал бы тебе клятву, взяв в свидетели Повелителя Света, которому я служу, как ты служишь Хранителю Разума… Вот что я могу твердо обещать тебе: первым я не начну раздор с Лиондри, если он не полезет в драку. Во всем же остальном… что я могу обещать? Молю богов, чтобы Лиондри держался подальше от меня. Я ему зла не желаю. Не то что он. Он был моим другом, и не по моей вине началась вражда. — Он поцеловал Кэрила еще раз. — Теперь

возвращайся, ложись в кровать, чтобы твой отец не узнал, куда ты отлучался сегодня ночью. Старайся, чтобы и отец настоятель не узнал об этом, иначе тебя строго накажут. Пусть боги будут с тобой, чьюи[24].

— И с тобой, мой господин.

Кэрил повернулся и направился к узкой, мрачной теснине. Аларик бросился вслед за ним, схватил мальчика. Тот начал было сопротивляться, однако Аларик ударил его и накрепко прижал к полу.

— Это вы свихнулись, ваи дом'ин, — усмехаясь, заявил он. — Сынок самого Лиондри попал к нам в руки, а вы собираетесь отпустить его? Такого заложника?! Нет уж, дудки, вы как хотите, а я его теперь не выпущу. Если этот щенок будет с нами, мы всегда сможем договориться с Ракхелом, а уж с Лиондри Хастуром и тем более.

— Значит, ты вот как решил вознаградить его за то, что он помог нам избежать опасности? — не выдержала Ромили. Голос ее дрожал от гнева, однако Аларик и бровью не повел.

— Ты глуп, парень. И вы тоже, господа, — добавил он, обращаясь к дому Карло и Орейну. —

---

[24] notes: 24
Ласковое обращение к мальчику.

Щенок мог поступить честно и указать нам путь — как же не поверить таким чистым глазам и ангельскому личику? Но те, кто постарше, обладают лараном. Если даже он полагает, что не сможет причинить нам вреда, как мы можем быть уверены, что они не отыщут наши следы? Стоит им только покопаться в его мыслях — нам крышка. Я не хочу причинять ему вреда, ни один волосок у него с головы не упадет, но он останется с нами до той поры, пока мы не преодолеем ледник и люди Лиондри уже не будут нам опасны. Мы можем оставить его в Каер-Донне или в любом другом месте.

— Если с ним что-нибудь случится… — мягким, проникновенным голосом сказал дом Карло, и Ромили содрогнулась — не хотела бы она испытать на себе гнев такого человека, как ее хозяин. Дом Карло ощупал лоб мальчика. — М-да, не хотелось такой монетой платить мальчику за то, что он сделал для нас. Но он без сознания, и мы не можем оставить его здесь в таком состоянии. Он погибнет от холода. Придется взять его с собой. Нам больше нельзя терять время. Мы с тобой еще поговорим на эту тему, Аларик. — Потом распорядился: — Возьмешь его, Румал, он не может держаться в седле самостоятельно. Может, лучше

привязать его к себе… Все, разговоры окончены. Отправляемся!..

Тут же все было в точности исполнено — мальчика привязали к седлу, Ромили оставалось только поддерживать его, чтобы он случайно не сполз на одну сторону или, того хуже, не рухнул на покрытую льдом каменистую тропу. Разговоры скоро прекратились, в молчании они забирались все выше и выше. Только сторожевые птицы время от времени начинали верещать под покрывалами. От холода, наверное… Двигаясь в темноте, придерживая обмякшее, слабенькое тело Кэрила, Ромили не могла избавиться от воспоминаний о Раэле. Словно бы это он прильнул к ее груди и спит. Прежняя тоска и горечь охватили ее. Увидит ли она когда-нибудь меньшого братишку?

Узкая тропка все круче и круче взбиралась вверх — девушка уже почти легла на мальчика, а тот — на голову коня… Заметно нервничали сторожевые птицы, пытались расправить крылья; их волнение передалось коням и червинам… Ромили попыталась мысленно успокоить их, однако добиться надежного контакта никак не удавалось. Ее самое все время трясло, к тому же угнетал страх за мальчика — что-то он надолго

примолк…

Неожиданно в ночной мгле раздался истошный вопль. Услышав его, Ромили почувствовала, как кровь застыла в жилах. Лошадь под ней дернулась и всхрапнула — девушке с трудом удалось подчинить ее своей воле. Стервятники заерзали, одной из птиц — кажется, Благоразумию — удалось скинуть колпачок, и она в панике захлопала крыльями. Ромили чуть привстала в стременах, и в этот момент снова прозвучал визгливый, наводящий ужас крик. Ей не надо было объяснять — так могли кричать только баньши. Это были огромные птицы, потерявшие способность летать. Они жили выше границы вечных снегов, были слепы, но обладали отличным обонянием и — что самое главное — длинными, прочными как сталь когтями. Всякое теплокровное существо они находили по запаху и могли одним ударом лапы выпотрошить коня или человека. Ночью они еще могли кое-что различать, но в дневное время свет красного солнца ослеплял их. От их жутких криков жертвы обычно замирали на месте. Теперь же Ромили молилась о том, чтобы, не дай Бог, не увидеть их наяву.

Этот крик привел в чувство Кэрила — мальчик застонал, пошевелился, принялся ощупывать

шишку на голове. Это испугало коня — тот и так со всей возможной осторожностью переставлял ноги. Дорога была скользкая и неровная… Ромили наклонилась вперед и тихо шепнула:

— Все в порядке, но тебе следует вести себя тихо-тихо — дорога здесь очень опасна. Если напугаешь коня — беды не миновать. Он может упасть. Пожалуйста, веди себя потише, Кэрил.

— Госпожа Ромили! — прошептал он.

Девушка тут же пресекла всякую попытку к разговору:

— Тихо!

Малыш тут же замолк, повернулся к ней. Глаза уже совсем обвыклись с темнотой, и Ромили отчетливо разглядела маленькое, милое, перепуганное до смерти лицо. Потом Кэрил еще раз пощупал шишку на виске, поморгал и притих. Ромили оставалось только надеяться, что он не закричит от страха.

Мальчику удалось взять себя в руки, он уже почти беззвучно шепнул:

— Как я очутился здесь? Что произошло? — Потом, словно что-то вспомнив, добавил: — Меня кто-то ударил? — В его голосе прозвучало скорее удивление, а не гнев.

По-видимому, его, папенькиного любимчика,

до сих пор никто не осмеливался и пальцем тронуть.

— Не бойся, — едва слышно выдохнула Ромили. — Я не дам тебя в обиду.

Мальчик осторожно поерзал, уселся поудобней в седле — теперь он уже мог сам наклоняться вперед, балансировать, что значительно облегчило Ромили управление конем.

— Где мы? — так же тихо спросил Кэрил.

— Движемся по дороге, на которую ты нас вывел. Дом Карло вынужден был взять тебя с собой, потому что ты потерял сознание и не мог вернуться, а если бы остался в расселине, погиб от холода. Аларик настаивал на том, чтобы взять тебя в заложники, однако Орейн не позволил ему…

— Лорд Орейн всегда был добр ко мне, — ответил Кэрил. — Даже когда я был совсем маленьким… Как бы я хотел, чтобы папа перестал враждовать с ним! Отец настоятель будет очень сердиться на меня…

— Ты же ни в чем не виноват.

— Отец настоятель говорит, что в любом несчастье виноват пострадавший. Тем или иным образом. Всякая беда есть наказание, оно непременно настигает человека. Не в этой, так в другой жизни. Если мы совершаем добро — наградой

будет радость; если же согрешим — на нас падут невзгоды. Пусть даже мы сами не можем осознать, в чем провинились. Я, правда, не совсем понимаю, как это так получается, но он объяснил, что все пойму, когда стану постарше.

— Я, должно быть, тоже слишком молода для этого, — посетовала Ромили и невольно беззвучно рассмеялась — какие вопросы философии христофоро решали они на скользкой, опасной дороге. — По крайней мере, мне не стыдно признаться в этом.

Орейн услышал легкое хихиканье. Он подъехал ближе, подождал, пока дорожка чуть расширилась, и спросил:

— Проснулся, маленький Кэрил?

— Я и не спал, — серьезно ответил мальчик. — Кто-то ударил меня.

— Правильно, — также серьезно согласился Орейн. — Дом Карло предупредил этого человека, поверь мне. Теперь ничего не поделаешь, придется тебе скакать с нами до Каер-Донна. Одному тебе не вернуться назад. Я бы с удовольствием поверил тебе — знаю, ты не обманешь, но помню, кто-то говорил, что твой отец обладает сильным лараном и сможет прочитать твои мысли, когда ты вернешься. Даю слово, когда мы приедем в

Каер-Донн, тебя отправят к отцу. Станешь, если можно так выразиться, знаменем перемирия. Он… — Орейн кивнул в сторону едущего впереди всадника, в котором можно было узнать дома Карло, — очень сожалеет и верит, что все обойдется. Ты не заболеешь… Но мне следует предупредить тебя, чтобы ты здесь не трепал языком…

— Господин… — начал Кэрил, однако Орейн предостерег его жестом и быстро предложил:

— Ты бы не хотел пересесть ко мне? Со мной будет удобнее. Правда, только после того, как мы одолеем этот участок… Здесь опасно останавливаться и менять лошадей. Можно поступить по-другому: если ты даешь слово Хастура, что не будешь пытаться сбежать, я прикажу освободить от груза одного из червинов, и ты поедешь один. На настоящем седле…

— Спасибо, — вежливо поблагодарил Кэрил, — но я бы хотел остаться… — Он на секунду запнулся, потом закончил: — …с Румалом.

Девушка была поражена его самообладанием. Никакой другой ребенок, она была уверена, не справился бы с подобной ситуацией.

— Береги его, Румал, — предупредил Орейн, — скачи осторожно. — И отъехал.

Ромили заботливо приподняла мальчика и поз-

волила ему сесть поудобнее. При мысли об этом необыкновенном ребенке у девушки потеплело на душе. Бесспорно, он куда умнее и развитие Раэля, но главное то, что он умел сострадать людям. Или уважал их?.. Вот, например, не выдал ее. Зачем Кэрилу молчать? Наоборот, ему было бы выгоднее объявить во всеуслышание, что она женщина. То-то бы началась суматоха! Какими бы глазами смотрел на нее Аларик?..

Но Кэрил смолчал. Он поступил благородно — не в смысле куртуазного обхождения, а в самом что ни на есть обыденном, человеческом. Каждый должен бережно относиться к ближнему своему, ибо жизнь и разум — бесценный дар.

Необычный мальчик! Удивительный!..

Вот, например, дом Карло — тот, по-видимому, тоже догадывался, что она женщина. Вроде бы он держал это в секрете — опять же, по каким причинам — неизвестно. Странно другое: какое двусмысленное выражение употребил Орейн, когда прибежал будить ее? «Дом Карло с тобой? Сейчас нет времени на приличия!» Выходит, дом Карло поделился с ним — возможно! — своей догадкой, и тот не сообразил ничего лучше, как искать господина в ее постели. В соломе!.. Несмотря на обжигающий мороз, Ромили по-

чувствовала, как вспыхнули от стыда ее щеки. К какому же сорту женщин он ее отнес? О каком же благородстве здесь может идти речь? Оба они — и дом Карло, и Орейн — неплохие люди, но тем не менее!.. Жизненные передряги выбили из них то благородство, которое так украшало и выделяло маленького Кэрила. Ведь ради того, чтобы спасти отца, он указал им безопасный проход и фактически отдал себя в руки своих врагов.

Так должны научиться поступать люди, иначе все это бессмысленно. Даже ее дар и ларан этого двенадцатилетнего отрока.

Ужасно, что такой добрый и неплохой человек, как Орейн, видит в каждой женщине шлюху. Хорош благородный лорд! Уже без кавычек благородный… Истинный джентльмен. Она верила ему — и вот на тебе!

Вдруг откуда-то сверху из нагромождения скал вновь раздался вопль баньши. Теперь уже ближе. По телу пробежала дрожь — девушка не могла справиться с испугом, казалось, хищная птица охотится именно за ней. Теперь ей стало понятно, что чувствует и как ведет себя жертва. В глазах помутнело, сознание переполняло жуткое ощущение полной беспомощности, опасности… Кэрил застонал и торопливо прикрыл руками

уши, трепет агонии пробежал по его телу. Люди впереди едва могли управиться с конями — те совершенно обезумели. Сторожевые птицы принялись бить крыльями, червины впервые подали голос — никогда ранее Ромили не слышала, как они кричат. Этот рев, жалобный, терзающий душу, пронзил Ромили насквозь. Животные сбились в кучу… Один червин споткнулся, упал, с ним повалился и всадник. Заскользил куда-то под уклон, потянув за собой пони. Одним словом, началась неразбериха. Жуть, овладевшая сердцами людей, казалось, хлестнула через край. Тут еще крики стервятников окончательно взбудоражили коней. Ругань людей, пытавшихся удержать скакунов, хлопанье крыльев и, наконец, вскрик баньши. Тут же ему ответила еще одна…

Ромили отчаянно встряхнула Кэрила.

— Прекрати паниковать! — заорала она. — Помоги мне успокоить птиц!..

Дышала девушка прерывисто — легкими толчками пар вырывался изо рта, но она уже не видела этого. Ромили сосредоточила мысли на этом невнятном отзвуке начавшейся среди птиц, людей и животных паники — именно в это чуть посвечивающее радужное зарево она направила поток мыслей… Сразу почувствовала

импульсы, исходившие от Кэрила, и посланные им вдогон флюиды мира, тепла, спокойствия и любви. Прежде всего они оба обрушили эту силу на птиц — те затихли быстро, сложили крылья, принялись чистить перышки. Наконец поерзали на жердочках и замерли. Теперь Карло и его людям стало куда проще приструнить животных, навести хотя бы какой-нибудь порядок. Дом Карло распоряжался скупо, ясно — сразу было видно, что человек привык командовать. Прежде всего он перестроил колонну — теперь дорога позволяла двигаться в несколько рядов; вот он и собрал свою группу покучнее…

Между тем приближался рассвет, и в подступившем сумеречном свете обозначились контуры нависавших над дорогой скал. В небе засветились розово-пурпурные перья облаков. Стало ясно, что путь их через небольшую теснину вел на заснеженную гладь ледника. С того места, где они собрались, было видно, как по сереющей поверхности плавали неясные огромные тени. Тут горы потряс еще один жуткий вопль, ему вторил другой — еще пронзительнее, еще более душераздирающий.

Орейн сжал губы, долго всматривался во все более четко проявляющиеся тени, потом сказал:

— Вот что нам нужно! Прежде всего дневной свет, но до него еще добрый час. Правда, даже когда взойдет солнце, нам вряд ли удастся избежать встречи с этой пакостью. Черт бы побрал этих тварей!.. И на месте оставаться нам нельзя, нас схватят. Значит, надо перебраться на ту сторону досветла. Потом дорога будет полегче, пойдет под уклон, углубится в лес, там наши следы затеряются… А здесь нас и слепой отыщет, а Лиондри, уверен, возьмет с собой не менее полудюжины этих чертовых лерони!

— М-да, мы, как говорится, находимся у самой ловушки, — прибавил Карло. Он примолк, его лицо окаменело, и он вымолвил: — Погони нет. Пока еще нет… Мне не нужны лерони, чтобы осмотреть дорогу. Ты сделал страшную глупость, Аларик, ударив мальчика. Пока он у нас, Лиондри не отстанет, он пойдет за нами и через все девять преисподен Зандру. Теперь-то он лично заинтересован в этом.

— Если парень будет с нами, — сквозь зубы ответил Аларик, — мы, по крайней мере, спасем себе жизни.

Кэрил приподнялся в седле и сердито выкрикнул:

— Папа никогда не поступится честью, даже

ради сохранения жизни сына! И я не хочу этого!

— Какая тут честь, — возмутился один из спутников, — когда вокруг полно баньши! Они нам всем сейчас раздадут пропуска в царство Зандру.

— Я не желаю слушать… — начал было Кэрил, но Ромили успела перехватить его запястье — мальчик уже был готов нанести удар оскорбившему его. Дом Карло добавил примиряюще:

— Достаточно, Кэрил. Благородные чувства, конечно, украшают сына Лиондри, однако, парень, надо знать меру. У нас нет времени на пустую болтовню. В любом случае мы должны перебраться на другую сторону ледника. Хотя у меня нет никакого желания ущемлять твое достоинство, я все-таки буду вынужден заткнуть тебе рот, если ты не в состоянии держать язык за зубами. Моим людям вряд ли придется по нраву выслушивать подобное от сына человека, который назначил награду за их головы. А ты, Гаран, и ты, Аларик, тоже не делайте таких зверских рож — нечего дразнить ребенка! У нас и так слишком много хлопот, чтобы тратить время на перебранку.

В этот момент опять раздался крик баньши, и дом Карло глянул вверх. Ромили поразилась его самообладанию — он был смертельно напуган, но умудрялся держать себя в руках… Ромили крепко

обняла Кэрила, не задумываясь — больно ему или нет. Душа пылала, какое-то бурное, бесшабашное, истерическое веселье охватило ее.

— Помоги мне успокоить животных, — шепнула Ромили на ухо мальчику. Вот, оказывается, что ее беспокоило — ребенка срочно нужно было занять делом. Тем более ребенка, обладающего такой могучей силой…

Опять Ромили увидала необычное свечение над головами животных и всадников. Это было возможным из-за ее дара — ларана, как его называли. Теперь свечение было ярким, многоцветным, пульсирующим. Заметил ли его Кэрил? Ее это страшно заинтересовало, но спрашивать было некогда — ее влекла неведомая сила, плеснувшая из души. Ответ пришел сам собой, ясный, очевидный — он тоже видит. Он включился!

Люди заметно повеселели, успокоились и животные. В наступившей тишине раздался голос Аларика:

— Я уже охотился на баньши, ваи дом. Набил их немало…

— Не сомневаюсь, ты храбрый человек, — ответил Карло, — но ты не понимаешь… Ты ошибаешься, если думаешь, что там, — он указал в сторону теснины и открывавшегося за ней

ледника, — нас поджидают только две твари. У нас нет ни собак, ни сетей, ни веревок. Если мы загородимся конями и червинами, в случае удачи сможем прорваться на ту сторону. Но что нам делать дальше? Пешим, без припасов, зимой в Хеллерах!.. И здесь нам оставаться нельзя — мы как в ловушке.

— Лучше погибнуть от клюва баньши, чем испытывать милосердие людей Лиондри, — заявил один из спутников, выехав вперед. — Ваша участь, мой господин, будет и моей участью. Поеду посмотрю, что там впереди.

— Послушай, парень, не пори горячку, — спокойно осадил его Орейн. — Погибнуть мы всегда успеем. Ты бы лучше учился у мальчишки, как обращаться со сторожевыми птицами. Послушай, Румал, ты можешь успокоить этих тварей? Попробуй!.. Вспомни, как ловко у тебя получалось с ястребами и нашими красавицами. И ты будешь нашим лерони, как то бывает у каждого Хастура.

Неужели он тоже догадался? Эта мысль смутила Ромили. Неужели ему тоже пришло в голову, что с этими птицами стоит пообщаться заранее, а не тогда, когда они бросятся на них, хлопая короткими крыльями. Просьба Орейна умалила ее решимость. По силам ли ей войти в контакт со

страшными, обезумевшими от близости добычи хищниками, излить на них елей умиротворяющей доброты, сострадания и милосердия?

Ромили глухо спросила:

— Вы шутите, ваи дом?

— Вовсе нет! — ответил за него Кэрил. — Почему не поработать с этими чудовищами при помощи ларана, как со сторожевыми птицами и домашними курами? В них же нет ничего сверхъестественного, и если Ром… Румал соберется с силами — а я ему охотно помогу, — почему, собственно, нам не постараться убедить баньши, что мы вовсе не годимся им на завтрак?

Ромили промолчала — отступать некуда. Это был единственный выход.

— С большой неохотой, — тихо сказал Карло, — я вынужден вручить наши жизни двум детям, которых нам более пристало защищать. Но когда взрослые мужики бессильны… — Он развел руками. — Ребята, у нас нет выбора. Твой отец, Кэрил, костьми ляжет, но скоро доберется сюда. Тебе это ничем не грозит, а нам всем придется помучиться. Нам не позволят так просто расстаться с жизнью.

Кэрил помигал.

— Я не хочу, чтобы вам причинили вред, сир. Я

верю, отец в душе знает, что вы добрый человек. Скорее всего, это дом Ракхел настроил его против вас. Как бы я хотел помочь вам поскорее закончить эту ссору! — Мальчик задумался, потом добавил: — Выбор сделан, сир. Я постараюсь помочь чем смогу. Беда только в том, что я их очень боюсь. — Голос Кэрила задрожал. — И Румал их тоже боится, а бояться нельзя, тогда ничего не получится. Я убеждаю себя, убеждаю, что они тоже Божьи создания, но ничего не выходит. Все равно боюсь… Одна надежда — давайте все помянем святого Валентина, ведь он же сумел найти общий язык с баньши. Он даже подружился с ними и звал меньшими братьями. Давайте обратимся к нему, вспомним его подвиг, совершенный в этих снегах…

«Не думаю, чтобы мне уж так хотелось побрататься с баньши», — решила Ромили, тем не менее сжала коленями бока лошади и заставила ее податься вперед. Конь вздрогнул, Ромили пришлось успокаивать его — бедное животное запрядало ушами, однако девушка, чуя приток силы, которая исходила от Кэрила, с легкостью уговорила скакуна не пугаться, держаться смелее, ведь она же не боится… «Все мы братья…» Конь, обретая надежду, доверился ей и, дробно

постукивая копытами, выехал вперед. «Мы все братья… Все мы от одного Творца. Хвала ему и слава…» Сторожевые птицы прекратили чистить перья и потянулись за конем — вытянули головы в ту сторону, проворковали на прощание что-то ободряющее. За ними потянулись остальные кони, веселее пошли червины. Сияние над ними приобрело голубоватый тон, кое-где возникали розовые прожилки. Все слилось в единое облако — оно вело их, как песня, исполняемая перед решающей битвой, в которой радостно было погибнуть с именем Бога на устах!

«Если баньши мне сестра…»

Она явственно услышала быстрый неслышимый шепот Кэрила — он бормотал что-то невнятно, страстно…

«Хранитель Разума… Святой Валентин…» Ребенок молился, и волны его дара подхватили девушку. Он повернулся к ней, взгляды их встретились. Их сознания начали сливаться, полниться несказанной добротой — ею было не жалко поделиться с баньши. Разумны ли они? Прочь, страх, испуг, неверие, ну вас! У них есть разум, они знают, что такое добро. Зачем бояться, хотя это естественно, это от незнания — дом Карло и Орейн боятся, а они вон какие здоровые,

сильные. Страх — это хорошо, но радость встречи с ближним своим — лучше…

Ромили закрыла глаза, погрузилась в молитву, читаемую мальчиком, сама решила сказать что-то свое, заветное…

«Хранитель Разума, ты же знаешь, что я люблю тебя, верю в тебя, но у меня сейчас нет достойных слов, чтобы выразить свои чувства. Мне надо спасти этих людей, мне потребуется много сил. Так наполни меня своей благодатью, положи мне свою светоносную руку на плечо! Святой Валентин, научи — о чем думать, как? Укажи мне путь. Надоумь…»

— Ну что, Кэрил, готов? — спокойно спросила она мальчика. — Попытаемся?

Он кивнул.

— Тогда держись за меня покрепче.

Ромили выпрямилась, конь легко двинулся вперед. Она все вобрала в себя — и разум своего коня, и загадочные умишки сторожевых птиц, до смерти пугающихся мрака, холода, но ведущих себя тихо и покорно потому, что они доверяли голосам Ромили и Кэрила, твердившим о доброте и любви.

Ее сознание распространилось далее — наконец коснулось чего-то обмерзшего, заледеневшего в

жажде крови и плоти. Баньши вновь вскрикнули удивленно, обиженно. Люди, птицы и кони с червинами опять замерли в ужасе, но девушка, обнявшая мальчика, не обратила на вопль никакого внимания. Им с Кэрилом ответили — и только!

Сначала она ощущала непробиваемое сопротивление, как будто уперлась в камень. Сознание баньши, в свою очередь, принялось давить на нее. В нем жил неутоленный голод — вот та страсть, которая полностью опутала сознание страшных птиц. Отсюда и крики, и желание смерти, пищи, тепла. Голод, точно неутоленное половое влечение, требовал немедленного и обязательного овладения всем тем, что излучает тепло, что движется, что излучает страх. Рождал жажду вкуснейшей, пьянящей и веселящей жидкости — крови!..

«Бедные, изголодавшиеся птички… это всего лишь поиск тепла и еды… как и каждая Божья тварь…»

В глазах зарябило, Ромили потеряла способность четко видеть — могла теперь только ощущать; она сама превратилась в баньши. Мгновение — и она одолела крутой гнев, ее прежнее, человечье, сознание взбунтовалось, однако

Ромили спокойно с помощью силы, истекающей от маленького друга, утихомирила себя и вся отдалась этой новой, ноющей и скулящей жажде пищи… Почувствовала, как ее руки сжали плечи Кэрила… Тут ей удалось нащупать границу между своим «я», страстным желанием жить, добраться до противоположной стороны ледника — и жгучим, неуемным, до одурения голодом. Более того, она почуяла инстинктивно, совсем по-звериному, что и те ее братья, прячущиеся в скалах вокруг дорожки, тоже внимают ей. Они слушали, застыли и пооткрывали клювы…

«Вот, братец баньши, ты тоже один из нас, такой же, как я. Бог сотворил тебя охотником, твой удел рвать на части свою жертву. Я восхищаюсь и люблю тебя, как и всякую Божью тварь… Но вокруг есть звери, теплые, полные горячей крови, которые не боятся тебя. Они просто не могут бояться, потому что не в состоянии понять, что такое страх. Они сотворены для тебя, чтобы ты насыщался ими, поищи их между скал, мой маленький братец, и позволь мне продолжить путь… Именем святого Валентина я заклинаю тебя, приказываю: уходи отсюда, ищи более подходящую пищу… Благословен тот, кто милосерден, кто сохраняет жизнь брату… Я не

причиню тебе вреда, — добавила Ромили, — поищи пищу для себя где-нибудь в другом месте».

Спустя мгновение ее разраставшееся, всеобъемлющее сознание слилось с сознанием всех разумных существ в горах. Это походило на единую радужную, переливающуюся ауру: и лошадь, на которой они скакали, и мягкое тело мальчика в ее руках, и мироощущение баньши, где главной страстью был голод, — все заискрилось, засветилось в лучах встающего над ломаной линией скал гигантского красного светила. Мир быстро наполнялся теплом, светом и всеохватывающим счастьем.

Рассвело. Кэрил прижался к девушке — так приятно было впитывать излучаемые им нежность и любовь. Метнулась откуда-то со стороны опасность, испугалась сама и растаяла.

«Даже если баньши сожрут меня как дань за то, чтобы все остальные могли пойти дальше, я буду счастлива тем, что испытала эту любовь, эту неиссякаемую жизненную силу, что до поры до времени таились во мне, в тебе, мой маленький братец баньши. Но я хочу жить, я хочу радоваться солнечному свету…»

Никогда ранее Ромили не испытывала такого наслаждения. Она не скрывала «слез. Это не име-

ло никакого значения — слезы тоже дар Божий. В тот миг она слилась с окружающим миром, даже промерзший ледник был по-своему чудесен и словно бы в ответ на ее радость и мольбу чуть шевельнулся своим длинным, покоившимся на каменном ложе телом.

Затем эта связь и единение растаяли, угасли. Ромили увидела себя на леднике, рядом люди, кони, червины. Вон и замершие стервятники, а выше по заснеженному пологому склону какие-то гигантские короткокрылые птицы с толстыми ногами топали вереницей ко входу в пещеру.

— Да-а, они были такие голодные, а мы их лишили завтрака, — засмеялся Кэрил и повертелся, чтобы освободиться от ее тесных объятий.

Ромили шлепнула мальчика — помолчи, баньши еще вполне могут вернуться.

Когда группа добралась до противоположного края ледника и дорога, уже достаточно расширившаяся, приглаженная, нырнула за выступ скалы, к ним подъехал Карло и осипшим голосом поблагодарил:

— Спасибо, ребята. Действительно, не очень-то хотелось попасть к ним на завтрак, даже если они так голодны. Правильно сказал Румал — пусть поищут пищу в каком-нибудь другом месте.

Мужчины окружили их — в глазах у них застыло благоговение. Даже Орейн некоторое время не мог слова вымолвить, потом наконец шлепнул себя по ляжкам и воскликнул:

— Ай, глупые баньши! Каких вкусненьких мальчиков упустили. А может, вы уже не в их вкусе? Такие большие, мясо у вас жесткое, то ли дело молоденький горный кролик.

Все загоготали. Смеялись долго, от души, вытирая выступавшие на глазах слезы. Ромили тоже хихикала, однако при этом чувствовала слабость и опустошенность, как всегда бывает после того, как воспользуешься лараном.

Дом Карло покопался в своей переметной суме и грубовато заворчал:

— Что-то я последнее время в долгах как в шелках. И угостить мне вас нечем. После такой работы лерони обычно испытывают страшный голод. Ну, чем богаты, тем и рады. — Он вручил Ромили и Кэрилу сушеного мяса, фруктов, ломоть еще не до конца засохшего хлеба.

Ромили и Кэрил с жадностью набросились на еду. Скоро их щеки порозовели.

«Боже, это же тоже когда-то были живые существа, а я рву их зубами, глотаю… Чем я лучше баньши? И зерно, и плоды, и мясо когда-то были

моими братьями. Нет, зерно и плоды Богом уготованы нам в пищу. А вот мясо — никогда!»

Кэрил, видно, тоже очень устал и с трудом жевал черствую корку. Мясо, как заметила Ромили, он тоже отложил. Значит, кое-что понял, осознал… Удивительно, как она раньше могла есть мясо! И позже, на привале, который сделали ближе к полудню, Ромили ограничилась только сушеными фруктами и хлебом, потом развела в воде муку и поела тюри. Вот что еще удивительно — когда во время кормежки сторожевые птицы с жадностью набросились на подвяленную тушку, это ее совсем не тронуло, не вызвало отвращения — так уж стервятники устроены.

Еще она заметила, что люди не очень-то льнут к ней, держатся на расстоянии. Это тоже было понятно — подобный дар внушал оторопь, а многих просто пугал.

Когда все отдохнули, лошади и червины были оседланы, Ромили обратила внимание на дома Карло — тот вернулся немного назад, повернул коня и, чуть привстав на стременах, внимательно вглядывался в ту сторону, откуда они приехали. Девушка уже была достаточно опытна, чтобы понять, что господин использует ларан.

— Теперь им нас не догнать, — наконец сказал

дом Карло. — Здесь столько тропок, что я не верю, будто Лиондри даже с ордой лерони сможет отыскать наш след. Часовых будем выставлять, как обычно. Думаю, теперь мы доберемся до Каер-Донна без приключений.

Потом он обратился к Кэрилу:

— Не желаешь пересесть на мою лошадь, мальчик? — Карло разговаривал с ним без всякой снисходительности, как равный с равным. — Мне бы хотелось кое-что обсудить с тобой, — добавил он.

Мальчик глянул на Ромили, потом как-то подтянулся и вежливо ответил:

— Как пожелаете, дядюшка.

Он встал ногами на седло и перебрался к дому Карло. Всю дорогу, до самого вечера, они что-то долго и оживленно обсуждали. Понять было ничего нельзя — беседовали они полушепотом. Ромили стало грустно — ей недоставало парнишки, она уже привыкла к нему, с Кэрилом было как-то уютней. Она сама не заметила, как подъехала ближе, теперь до нее стали долетать обрывки фраз.

— …о нет, дядя, даю вам слово, что…

Внезапный укол ревности причинил боль Ромили — ей стало обидно, очень захотелось узнать,

о чем они разговаривают. Может, использовать ларан? Один раз, с птицами, у нее получилось. Может, стоит только захотеть…

Вовремя успела опомниться!.. Что с тобой, упрекнула она себя, разве можно так опускаться! Как ни крути, а тебе все же дали приличное воспитание, ты росла в благородном доме. Как же можно? С детства ей внушали, что нет ничего хуже, чем подслушивать у замочной скважины или подглядывать за товарищами.

Тем более обладая лараном, данным Богом! Неужели она допустит, что спасшая ее способность будет использована в таких грязных целях? Ромили решила осмотреть птиц, пересадила к себе на седло Благоразумие, погрузилась в ее сознание и невольно задумалась: что же такое этот чудесный дар? Безусловно, она обладала некой силой, которая позволяла ей навязывать ястребам, лошадям свою волю. Особенно в минуты опасности… Но каковы границы этого дара? Она могла заставить лошадь скакать и день, и ночь, потому что та любила ее и очень хотела быть поближе к хозяйке, но разве подобное доверие не накладывало на Ромили определенные обязательства? Только при этом условии возможна такая дружба, какая возникла у них с Пречиозой.

У девушки сразу защемило сердце… Неужели она больше никогда не увидит свою ястребицу? Как же она сейчас была ей нужна!

Да, доверие возможно только на основе взаимных обязательств.

«Хранитель Разума! Я не просила тебя наградить меня этой силой, но раз уж так случилось, пожалуйста, научи меня ею пользоваться. Не применять в дурных целях… Как ухитриться не лишать жизни даже рогатого кролика, ведь мы все твои дети, Всеединый?!»

Она сделала паузу, потом шепотом добавила:

— И я тоже… Но какая же маленькая часть!

5

Всю долгую дорогу до Каер-Донна эти мысли продолжали волновать Ромили. Охотясь за дичью и рогатыми кроликами для сторожевых птиц, она постоянно помнила о своем ларане и без конца молила Бога помочь ей и не допустить, чтобы этот дар был использован во зло. Скольких зверьков она упустила в этих размышлениях! Дело дошло до того, что спутники начали бранить ее. Тогда она решила с помощью телепатии отыскать в лесу падаль, однако никому не хотелось возиться с полуразложившимися трупами.

Противоречие казалось неразрешимым. Телепатия помогла ей слиться с природой, осознать цельность, завершенность и взаимозависимость окружающего мира, его изначальное добро, и в то же время ларан оказывался средством насилия. Особенно мучила Ромили необходимость губить жизни одних невинных созданий, чтобы продлить жизнь других. Прежние годы, когда она тренировала ястребов, обучала лошадей, теперь казались ей райской порой. Этот дар был проклят, обладающие им, должно быть, в конце концов сходят с ума? Вряд ли… Стоит только взглянуть

на дома Карло, обладавшего этой могучей силой, и сразу можно было догадаться, что его волнуют совсем другие вопросы. Может, стоило подъехать к нему и поделиться сомнениями?

Наконец Ромили решила, что, пока не найдет ответа, не будет пользоваться лараном. Кормить сторожевых птиц, приглядывать за ними — да! Но без всякого вмешательства в их сознание. Птицы сразу почуяли неладное, сначала заерзали на своих местах, потом принялись недоуменно вскрикивать. Тут сам дом Карло подъехал к ней и выругал:

— Прекрати свои дурацкие опыты, парень! — Потом уже ласковее добавил: — Послушай, тебе платят за то, чтобы ты успокаивал их. Нам что, забот в дороге не хватает?

Делать было нечего — пришлось коснуться их сознания добрым помыслом. И тут же накатили прежние сомнения — кто ее просил влезать в чужой разум? Птицы? Или их владелец?.. После выговора, сделанного домом Карло, обращаться к нему уже не хотелось. И зачем? Выходит, он все понимает и догадывается, какое смятение вызвала у Ромили недавняя победа. Если она смогла убедить баньши не трогать путников, значит, ей дана великая сила и, следовательно,

на ней лежит ответственность за все живое. Как же использовать эту силу исключительно во благо и ни в коем случае не перешагнуть ту незримую черту, за которой любое применение ларана оборачивается насилием? Но ларан сам по себе сила, и нельзя проникнуть в сознание — например, лошади — без мысленного нажима. Но ведь лошадь — живое существо, и по какому праву она вынуждает тварь Божию совершать тот или иной поступок?

Ромили даже немного всплакнула от безысходности — так, чтобы никто не видел, — с удовольствием пожалела себя, мысленно погладила по головке. Вспомнила Руйвена… Неужели брат тоже попал в этот нравственный капкан и не знал, как из него выбраться? Может, потому он и сбежал из дома, что не хотел объезжать лошадей и обучать ловчих птиц, вот и рванул искать спасение в Башне. Получается, что только за их высокими стенами можно обрести покой? Как в те минуты, когда они вереницей двигались по горной дороге, Ромили завидовала Дарену, лишенному дара Макаранов! Пусть даже он до смерти боялся и ненавидел ястребов и коней, ему не нужно было вторгаться в их сознание и навязывать свою волю. С Кэрилом, вздохнула

девушка, говорить бесполезно, он еще ребенок, для него телепатическая сила всего-навсего игра. Впрочем, как и для нее самой в прежние годы. Ух, какое удовольствие доставляла ей возможность без слов и понуканий, одной силой мысли остановить коня на скаку, повернуть его в ту или иную сторону. А с каким аппетитом поедала она свежепойманную, зажаренную дичь — тех же кворебни! Правда, и тогда она задумывалась, что только что из-за нее угасло еще одно сознание. Ромили замыкалась в себе, отказывалась от мяса. Теперь, в дороге, она окончательно перешла на кашу, сухие фрукты, сухари. Через некоторое время она почувствовала, как повлияла подобная диета на ее состояние. Она постоянно ощущала голод, мерзла — не спасал и подаренный Орейном плащ; однако, даже когда дом Карло, теперь внимательно следивший за ней, приказал ей есть то же, что и другие, она отказалась. Тот принялся настаивать, и Ромили пришлось взять зажаренный кусок мяса дикого червина, но ее сразу вырвало.

Ромили встретила внимательный взгляд Орейна — девушка побелела, ее всю трясло, тем не менее она приблизилась к туше и заставила себя вырезать подходящий кусок на корм стервятникам. В снегах трудно было с гравием — острые

камешки птицам давать было нельзя, — поэтому она нарезала полосы кожи с шерстью, все смешала и только было собралась покормить птиц, как гигант окликнул ее:

— Дай мне, я сам… — Он подошел к ней, взял еду и направился к стервятникам, молча восседавшим на насестах, устроенных так, чтобы птицам было потеплее.

Накормив пернатых сторожей, он вернулся и спросил:

— В чем дело, парень? Есть мясо ты не можешь, тебя рвет. Ты, случаем, не заболел? Карло тревожится, что с тобой будет дальше. Дорога-то длинная, трудная…

— Знаю, — ответила Ромили, не глядя на него.

— Что тебе мешает? Может, я могу чем-нибудь помочь?

Девушка отрицательно покачала головой. Вряд ли кто-нибудь способен ей помочь. Если бы она могла поговорить со своим отцом, который, должно быть, тоже испытывал подобные муки в молодости, иначе почему так ненавидел ларан, даже слышать о нем не желал? Но что это могло изменить? Запрещай употреблять это слово в своем присутствии или нет — суть дела от этого не изменится. В работе он всегда пользовался

этой природной способностью.

С неожиданной силой Ромили вспомнила «Соколиную лужайку», в памяти всплыло лицо отца, любимое, незабываемое… Вот оно исказилось, налилось гневом, побагровело от ярости, вот отец ударил ее!.. Ромили закрыла лицо руками, пытаясь заглушить рыдания. Ох, как не ко времени — теперь всем станет ясно, что она не более чем взбалмошная девчонка… Однако слезы полились ручьем.

Тяжелая рука Орейна легла ей на плечо.

— Ладно, сынок, не придавай этому значения. Я не из тех, кто считает, что и поплакать уже нельзя. Плачь, если хочется… Я понимаю, ты очень устал, плохо себя чувствуешь. Пореви… Я не буду больше докучать тебе расспросами.

Он крепко и дружески сжал ей плечо и вернул девушку к костру.

— Вот, выпей горячего настоя — это успокоит твой желудок…

Орейн как обычно достал из кожаного мешочка какой-то травки, заварил ее в кружке и подал Ромили. Напиток был ароматен, приятно горчил… Чуть-чуть, в самую меру… Она сразу почувствовала себя лучше.

— Если мясо встает у тебя поперек горла, я при-

несу тебе сухих фруктов и хлеба. В любом случае надо основательно поесть. Здесь не тот климат, чтобы голодать. Подумай, Румал, что мы будем делать, если ты заболеешь? Так что соберись с духом и ешь…

Он отрезал огромный кус подмерзшего хлеба, намазал его вытопленным из мяса червина жиром, сунул девушке, и та быстро проглотила угощение, заев горстью сухих фруктов. Потом вместе с Орейном они покормили лошадей и пони. Теперь и самим можно на боковую. Ромили легла между Орейном и Кэрилом, которого с головой — один нос торчал — завернули в плащ. Сверху Орейн укрыл ее теплым одеялом, подоткнул по бокам… Стало тепло, но сон не шел. Совсем некстати. Она тайком сосчитала на пальцах — все точно, прошло тридцать дней. Опять подошли месячные… Черт, плоховато быть женщиной! Она лежала между мальчиком и здоровенным мужчиной и соображала, как скрыть месячные в этом проклятом климате. К счастью, все так уматывались за день, что, устроив общее ложе, чтобы было теплее, скучившись, засыпали как убитые. Ромили завернулась в плащ, подаренный Орейном, сверху старая накидка, которую она прихватила с собой из дома Рори, потом

одеяло — здесь в ямке было тепло, уютно, однако придется вылезать. Надо что-нибудь придумать… Ни тряпок, ни запасного белья нет, прокладки сделать не из чего. Правда, вокруг полным-полно мха, она, конечно, никогда не пользовалась им, даже не задумывалась над такой возможностью, хотя слышала, что женщины из бедных использовали мох в качестве прокладок. Ромили не сразу решилась на это, но стирать тряпки в горах просто невозможно. Завтра она наберет мху. Какая жалость, что она родилась женщиной!

К полуночи мороз окреп, и путники, словно стая бродячих собак, начали теснее сбиваться в кучу. Утром, когда лагерь начал просыпаться и Орейн откинул одеяло, Аларик недобро пошутил над ним:

— Эй, дядюшка, ты в няньки записался?

Услышав эти слова, Ромили напряглась — что-то будет? Спать возле Орейна было здорово, как возле печки, и Кэрил тоже жался к нему. Орейн был такой мягкий, совсем как отец…

Ромили вовсе не боялась гиганта. После того, что им довелось пережить, она верила, что в случае опасности на него можно положиться. Конечно, узнай Орейн, что она женщина, для него это было бы большим сюрпризом, но он никогда

бы не причинил ей вреда. Повел бы себя с ней как отец или брат… Каким-то образом девушка знала, что он не относился к тому сорту мужчин, которые могли посягнуть на честь или предложить женщине что-либо недостойное…

Ромили выбралась из груды тряпья и отправилась подальше по личной нужде — спутники часто подшучивали над ней за стыдливость: «Что ты, парень, такой скромняга, точно женщина. Показал бы свою штуковину, там, наверное, спрятано что-то неподъемное…» И все в том же духе… Правда, скалились беззлобно, объясняя подобную застенчивость тем, что он христофоро. Те, как известно, очень щепетильны насчет подобных вещей. Она была уверена, что никто из них ничего не подозревает, а Кэрил и дом Карло помалкивали.

Ясно, что хранить в тайне свой пол она должна как можно дольше. Когда они приедут в Каер-Донн, там, может, будет куда труднее найти работу по обучению ястребов или объездке коней, но с рекомендациями Орейна и самого дома Карло Ромили думала легче справиться с этой проблемой.

Ей все еще было не по себе — по-видимому, сказывалось сало червина, которое она слопала

вчера. Ну и глупо переживать по этому поводу — так уж самой природой устроено, что одни животные служат пищей для других, а те, в свою очередь, едят траву и всякую другую зеленую поросль. И подташнивает ее вовсе не из-за сала, хотя мяса лучше больше не есть. Интересно, рассказал Орейн дому — Карло насчет ее вчерашней рвоты? Может, теперь господин не будет силком пичкать ее мясом?

За завтраком, когда Ромили вновь отказалась от жареных кусков, Аларик грубо пошутил:

— Вот и правильно! Чем меньше он съест, тем больше нам достанется, ребята. Пусть питается, как он хочет. Нет еще желающих перейти на кашу и фрукты? Я бы с удовольствием умял и его долю.

Шел уже девятый день, как они выехали из Неварсина, и где-то ближе к полудню над ними начала кружить птица, прилетевшая со стороны предгорий. Ромили в тот момент кормила стервятников. Те сразу расшумелись, стали натягивать поводки. Дом Карло замер, чуть расставив ноги, поднял руки, лицо его побелело, окаменело. Птичка села ему на запястье и защебетала.

— Послание от наших людей в Каер-Донне, — сказал Карло и вытащил из-под крыла круглый

футляр. Открыл его, достал записку, прочитал…

Ромили с интересом разглядывала пернатого вестника. Они всегда возвращаются на свою голубятню и приносят сообщения в подобных чехольчиках. Ни горы, ни пустыни, ни леса им не преграда… Но вот чтобы посланец мог разыскать неизвестно где вполне определенного человека — такое ей довелось видеть впервые.

Карло вскинул голову, широко улыбнулся.

— Нам надо поспешить в Каер-Донн, ребята! — воскликнул он. — Через десять дней мы должны быть у Алдарана, куда доберется и Каролин. Там назначен сбор армии. Большой, должен сказать, армии. Потом марш на равнину. Пусть тогда Ракхел задумается о будущем. Так-то, мои верные друзья.

Отряд встретил это сообщение ликующими возгласами. Ромили радовалась вместе со всеми. Только Кэрил помрачнел, опустил голову, сжал губы. Ромили хотела спросить, что с ним, но придержала язычок. Ему-то нечего радоваться, что враги его отца собрали огромную армию. Как ни крути, а Лиондри был главным советником Ракхела, Не стоит приставать к малышу. К тому же, очевидно, он любит дома Карло — все-таки они достаточно близкие родственники, в этом девуш-

ка не сомневалась. Говорили, что все Хастуры, проживавшие на равнине, приходились родней друг другу. Более того, глядя на рыжеволосого, огненнобородого Карло, на светлую, в багрянец, шевелюру Кэрила, Ромили была уверена, что и дружок Дарена Алдерик принадлежал к их семье, причем занимал там куда более высокое положение, чем можно было судить по его наряду. Если уж Орейна, хотя он и был незаконнорожденным, сводным братом короля, именовали лордом, что уж говорить об Алдерике.

Они прибыли в Каер-Донн поздно вечером, и, уже миновав городские ворота, дом Карло, обращаясь к Орейну, распорядился:

— Размести людей и птиц в хорошей гостинице, закажи обед, блюда пусть выберут сами. Какие пожелают… Путешествие было трудным, и я хотел бы отблагодарить их за верность. Где меня найти, ты знаешь…

— Конечно, — кивнул Орейн.

Карло рассмеялся, пожал ему руку и добавил:

— Послезавтра…

— Да хранят тебя боги! — благословил его Орейн, и дом Карло свернул в боковую улочку.

Если бы Ромили не довелось побывать в Неварсине, она бы решила, что Каер-Донн — большой

город. На склоне горы возвышался укрепленный замок. Орейн кивнул в ту сторону и объяснил:

— Дом Алдаранов. Эта семья родственна Хастурам. В борьбе за власть над равниной они не участвуют, однако кровные узы еще достаточно сильны.

— Король тоже там? — простодушно спросила Ромили.

Орейн с облегчением вздохнул, потом рассмеялся:

— Мы вернулись в край, где этот паршивый Ракхел вызывает только презрение. На этих землях законным королем считается Каролин. И птиц мы везли сюда, парень, чтобы передать их королевским лерони. Слышишь, это тебя касается. Поверь мне, ты хорошо послужил Каролину, и король не забудет об этом, когда вернет себе трон. — Тут он огляделся и сказал: — Если память мне не изменяет, здесь где-то возле городской стены была чудненькая гостиница. Там всем будет удобно, всех достойно разместят — и птиц, и людей, и животных. Там мы и устроим пир. Так что вперед!

Как только они двинулись по улице, Кэрил, пересевший к Ромили, попросил ее подъехать поближе к Орейну.

— Лорд Орейн, вы же сами говорили… И ваи дом клялся, что, как только мы доберемся до Каер-Донна, вы отправите меня к отцу в знак перемирия. Он же дал слово… Папа… — Голос мальчика дрогнул. — Папа, наверное, места себе не находит, волнуется за меня…

— Вот и на здоровье! — грубо вклинился в разговор Аларик. — Пусть он тоже помучается, как я мучился, когда погибли моя жена и сын. Кстати, от рук твоего батюшки…

Кэрил удивленно уставился на него. Лицо Аларика почти полностью скрывала борода, из-под шапки выбивались волосы. Наконец мальчик выговорил:

— Теперь я узнал вас, мастер Аларик. То-то мне все чудилось что-то знакомое. Вы не правы, сэр; мой папа не имеет никакого отношения к смерти вашего сына. Он умер от знойной лихорадки. Мой собственный брат умер тем же летом, и королевские знахари лечили их обоих. Они старались изо всех сил… Печально, что ваш сын покинул вас, но, клянусь честью, мастер Аларик, мой отец не имеет к этому никакого отношения.

— А как насчет моей жены, которая выбросилась из окна, когда услышала, что ее сын погиб ужасной смертью?

— Впервые слышу об этом. — Голос его задрожал, на глаза навернулись слезы. — Моя мамочка была вне себя от горя, когда умер мой брат. Я сам не отходил от нее ни на шаг, боялся, чтобы она с собой что-нибудь не сотворила. Я очень сожалею… Действительно, мне очень жаль, мастер Аларик. — Кэрил обнял Аларика. — Если бы папа узнал об этом пораньше, он бы никогда не допустил этой ссоры. Никогда бы не обвинил вас…

Аларик судорожно сглотнул, попытался было освободиться. Не получилось — и он замер… Лошади и червины ступали бок о бок, все затаили дыхание.

— Боже! — глухо произнес Аларик. — Что ж ты не защитил моего сына? Парень, я не смею обвинять тебя за то, что ты любишь родного отца. — Голос его дрогнул. Он помолчал, потом выговорил: — Обещаю помочь лорду Орейну доставить тебя домой в целости и сохранности.

Орейн шумно, с облегчением вздохнул.

— Аларик, с кем мы пошлем его на равнину? С тобой? В пасть дьяволу? Я имею в виду, что там со дня на день начнется такая резня… К тому же ты нужен армии. Кэрил, ты пойми, время смутное, а мы должны решать более серьезные проблемы. Кэрил, я, право, в затруднении. Нужна предва-

рительная договоренность, да и отправить тебя к отцу можно лишь с надежным эскортом. Где гарантия, что на обратном пути наши люди не будут схвачены? Ты же разумный мальчик, сам должен понимать, что мы не имеем права рисковать тобой в такую пору. Здесь есть постоялый двор, принадлежащий Ордену Меча. Моя кузина одна из меченосиц. Вот их-то мы и наймем для сопровождения. Они отправятся на юг, в Тендару, ты с ними будешь в безопасности. Я поговорю об этом с домом Карло, Кэрил, и, возможно, тебя отправят в дорогу дня через два. Твоему отцу в Хали пошлют птицу-вестника. Ты сам черкнешь пару строк. Но обо всем следует договориться заранее. Мы не можем допустить, чтобы хотя бы один волосок упал с твоей головы. Поэтому мы должны сделать все, чтобы исключить даже намек на провокацию.

— Понимаю, — простодушно согласился мальчик, — и восхищаюсь вашей добротой и предусмотрительностью. Мне, честно говоря, пришлось по душе это путешествие. Если бы не мама и папа… Ведь им известно только то, что я покинул Неварсин.

— Я и так без конца думаю, как быть, — помрачнел Орейн. — Ладно, давайте доберемся до

гостиницы. Не торчать же посреди улицы!

Они быстро добрались до длинного одноэтажного дома. За строением угадывался двор, окруженный забором, еще какие-то постройки, по-видимому, конюшня. Над входом висело грубо намалеванное изображение ястреба.

— Здесь, «Под ястребом», нам готов и стол и дом, — указал на здание Орейн. — Я думаю, и от ванны вы не откажетесь. В городе бьют горячие ключи, и баня расположена совсем близко.

Все радостно загалдели, даже Ромили, хотя в голове у нее и мелькнула тревожная мысль — не хватало еще попасть в мужское отделение! Тем не менее ей так хотелось окунуться в горячую воду, полежать, понежиться, помыться. Нет, сурово осадила она себя, это не для нее! Ее удел присматривать за птицами, проследить, чтобы лошади и червины были сыты. Она лишь обмоет лицо, руки, полакомится вкуснятиной, которой угостит Орейн.

Прежде всего гигант заказал для них комнаты, причем сразу заявил, что лучшую предоставит Кэрилу, потому что среди них он всех выше по рождению.

— А ты бы не хотел разделить со мной жилье, Румал? — спросил Орейн.

— Вы очень добры, сэр, — сухо ответила Ромили, — но я предпочитаю конюшню, там у меня хлопот полон рот. Надо за птицами присмотреть, на новом месте они обычно ведут себя беспокойно.

Орейн пожал плечами.

— Как хочешь. Но после обеда я должен буду попросить тебя об одном одолжении.

— Как вам будет угодно, сэр.

Скоро вся компания собралась в столовой на обед. Подали свежеиспеченный хлеб, нарезанный ломтями, жареные ароматные корешки, печеные тушки птиц манили золотистыми хрустящими боками, гарниром к ним служили тушеные овощи. Все это изобилие завораживающе подействовало на изголодавшихся людей — они на мгновение замерли, оцепенение прошло только после первого тоста. Пиво и вино лилось рекой. Орейн запретил Ромили пить, но девушка так любила пиво, что, не обращая внимания на предостерегающий взгляд гиганта, взялась за вторую кружку.

— Румал, — он постучал пальцем по столу, — забыл, что у тебя головка слаба на выпивку?.. Эй, служанка! — позвал он. — Принеси ребятам сидра.

— О! — тут же передразнил его Аларик. — Матушке Орейн еще следует уложить этих птенчиков в кроватки и спеть им колыбельную. Ну, а мы, ребята, отправляемся в баню. Я правильно сказал, правильно? — обратился он к товарищам.

— Нет, — заявил Орейн, — я тоже иду с вами в баню.

— А потом в веселый дом, к девочкам! — воскликнул один из спутников, поедавший столовой ложкой тушеные овощи. — Гулять так гулять! Я уж, Зандру знает, черт-те сколько не видал женщин.

— Ай! — подхватил его сосед. — Я бы хотел что-нибудь поболе, чем только смотреть на них!

Орейн осадил его:

— Постыдился бы при детях!..

— Я тоже хочу в баню! — решительно заявил Кэрил.

— Нет, парень, бани в этом городе совсем не то что монастырские купальни, там полным-полно шлюх и всякой дряни. О себе-то я не беспокоюсь, а вот маленькому мальчику из приличной семьи там делать нечего. Я прикажу принести тебе в комнату огромную лохань, там ты помоешься, а потом — спать. Тебе надо отдохнуть. Тебе, кстати, тоже. — Он посмотрел на Ромили. — Ты еще

слишком молод для подобных развлечений. Проследи, чтобы Кэрил отмыл ноги, затем можешь заказать лохань и для себя. Из дома не выходи — уж больно ты хорошенький, совсем как молоденькая, свеженькая девушка.

— Что ты так заботишься о парне? — спросил Аларик. — Шагу не даешь ступить ему самому. Должен же он когда-то отведать настоящей жизни! Вспомни, каким ты сам был в его годы, лорд Орейн.

Гигант нахмурился.

— Что за напасть! Что бы я ни сделал, все не так! И парень под моей опекой, и сын Лиондри оказался здесь, а ему нельзя оставаться без присмотра. Поэтому ты, Румал, останешься здесь и приглядишь за мальчиком. Уложишь его спать, если я задержусь в бане.

— Что ж ты терпишь, парень, тебя же не нанимали ухаживать за мальчишкой! — воскликнул один из мужчин, выпивший больше других. — Ты что, записался в слуги к Хастурам?!

Ромили примиряюще сказала:

— Конечно, я останусь с Кэрилом. Я же христофоро, мой долг помогать слабым.

— Ах-ах, — засмеялся Аларик, — смотри, скоро обзаведешься нимбом и вознесешься. — Вот что

я скажу тебе, парень, — не дело для молодца заниматься подобными штуками. Ну да черт с тобой. Эй, здесь есть мужики? Ну-ка, кто со мной? Двинули, ребята!

Один за другим мужчины повставали из-за стола и потянулись к выходу. Ромили с Кэрилом отправились наверх, там уже была приготовлена большая бочка с горячей водой. Девушке следовало искупать мальчика — сердце сжалось при взгляде на его худенькое детское тельце, сразу вспомнился Раэль. Она повздыхала, предложила помыть его, однако Кэрил отказался от помощи.

— Я ничего не сказал мужчинам, но я-то знаю, что ты девушка. Я уже совсем большой, даже маме и сестре не разрешаю мыть меня. Я сам искупаюсь. Прошу тебя, госпожа Ромили, уйди. Я распоряжусь и для тебя приготовить бадью. Лорд Орейн ушел и, я уверен, вряд ли появится к утру. Тоже отправится искать женщин — видишь, я уже достаточно повзрослел, чтобы разбираться в таких вещах. Можешь помыться в его комнате, а потом лечь в постель.

Ромили невольно рассмеялась:

— Как прикажете, юный господин.

— Ты все шутишь надо мной, — обиделся мальчик.

— И не думаю. — Она постаралась придать лицу серьезное выражение. — Однако лорд Орейн поставил передо мной задачу приглядывать за тобой. Главное, чтобы ты тщательно вымыл ноги.

— Я уже много-много раз сам мылся в монастырской бане. Уже больше года… — похвастался он. — Так что прошу вас выйти, госпожа Ромили, пока вода не остыла…

Втайне Ромили была довольна подобной просьбой — как же ей самой хотелось обмыться, посидеть в горячей воде, распарить тело, помечтать… Однако нельзя было терять время, и девушка первым делом сбегала на конюшню, где достала из своей переметной сумы чистое белье. Когда вернулась, уже заканчивали наполнять горячей водой здоровенную кадку. Тут же на табуретке лежал ворох пушистых огромных полотенец, рядом стоял бочонок с мыльной травкой. Ромили отослала женщин из комнаты, одна молоденькая служанка задержалась, робко подошла к девушке и тонко намекнула:

— Я бы могла остаться и помочь вам, господин. Для меня большая радость потереть вам спину, поухаживать за ногтями на ногах… А если вы не пожалеете половину серебряной монеты, могу остаться с вами так долго, как вы пожелаете. Могу

и постель с вами разделить…

Сначала Ромили опешила, потом ее бросило в краску, и она, чтобы скрыть смущение, чуть улыбнулась. Неужели, мелькнула у нее мысль, ее приняли за смазливого парня или женщине нужны деньги?

— Я сегодня очень устал, — наконец нашлась Ромили. — Только ванна и сон — более ничего.

— Можно и массаж сделать. После ванны… — Служанка потупила глазки.

— Нет, нет, ступай. Дай мне спокойно помыться, — твердо заявила Ромили, вручив служанке медную монету и поблагодарив за навязываемые услуги. — Через час можете все здесь убрать…

Наконец Ромили осталась одна, разделась, влезла в горячую, ароматно пахнущую воду. Немного понежилась и скоро принялась отчаянно тереть себя мыльной травой. Последний раз мыться ей пришлось в доме Рори, в грязном закутке, как раз перед несостоявшимся замужеством. В монастыре, конечно, она не могла позволить себе баню — то-то бы монахи всполошились! — вот и терла руки и щеки. Тем более опасно было посетить женскую баню в городе. Она там и вывеску видела…

Какая же все-таки радость — горячая ванна!

Вымывшись, Ромили еще немного посидела в лохани, пока вода совсем не остыла, потом вылезла, насухо обтерлась полотенцами и надела все чистое… Она взгляда не могла отвести от постели Орейна, уже расстеленной, подготовленной девушками для сна. Хорошо ему — помоется в бане и отправится разыскивать женщин. Так и будут колобродить всю ночь, а эта прекрасная постель останется несмятой… Все они, как свиньи, напьются и залягут по кроватям у каких-нибудь шлюх. Ромили почувствовала укол ревности — ей припомнилось, что она не раз задумывалась, что вот за такого мужчину, как Орейн, она бы вышла замуж. Он был так заботлив, и — главное — его прикосновения не вызывали в ней отвращения. Боже, о чем это она, неужели ее волнуют какие-то подзаборные девки, в компании с которыми Орейн проведет ночь?

Ладно, подобные мечты ей совершенно ни к чему. Это скорее бредни, а не мечты. Надо позвонить в колокольчик — пусть служанки поскорее уберут здесь, а ей пора отправляться в собственный номер. На конюшню, где замечательно пахнет сеном, конским потом, навозом… Там такое мягкое сено! Потом колючки не выдерешь из волос. Если захочется, она может приказать, что-

бы ей принесли горячие кирпичи и пару одеял. С ними будет теплее… Ромили натянула бриджи и позвонила в колокольчик, а сама прошла в коридор и осторожно заглянула в комнату Кэрила. Мальчик был в постели и уже почти засыпал, однако, увидев девушку, тут же сел, подозвал ее и крепко обнял, словно она была ему сестрой. Он пожелал ей спокойной ночи, скользнул под одеяло и почти сразу же заснул.

На миг у Ромили мелькнула мысль прикорнуть тут в уголочке — в дороге они часто спали в обнимку. Однако, представив, как будет смущен Кэрил, когда утром обнаружит Ромили в своей постели — не такой он маленький, чтобы не понимать, что такое женщина, — вздохнула и вышла из комнаты. Значит, судьба ее такая — все как люди: одни пьют, развлекаются, другие спят на необъятных кроватях, только ей спальня уготована в конюшне. Без сомнения, Орейн не явится домой раньше утра — может, стоит прилечь, соснуть немного?.. Если даже и явится, то так напьется, что рухнет и сразу захрапит. Он ее даже не заметит — в таком состоянии мужику все равно, кто перед ним — парень или собака. Тем более он не догадывается, что она женщина… Все время, что они провели в походе, гигант ни сло-

вом не обмолвился — значит, ни Кэрил, ни дом Карло не поделились с ним своим открытием.

Она поспит совсем немного, чуть-чуть, тут же проснется и убежит в конюшню, едва услышит, как он шагает по коридору, воюет с дверью. Его в пьяном виде за версту можно услышать.

Кровать выглядела так заманчиво… Здесь, в комнате, было так тепло, так ароматно пахло, простыни подогреты… Ромили не могла совладать с искушением — так и легла в рубашке. Нырнула под одеяло… «Вот, я же не сплю — полежу немного и отправлюсь на конюшню… Орейн может явиться раньше…» И заснула.

Дверь тихо скрипнула, и Орейн бесшумно вошел в комнату. Скинул плащ и, зевая, сел на край постели.

Ромили вскочила как ужаленная. Страх охватил ее — неужели она проспала?!

Орейн, заметив ее, усмехнулся:

— А-а, это ты, парень. Что вскочил? Кровать широкая, для двоих места хватит.

Ромили, к своему удивлению, обнаружила, что он трезв. Орейн протянул руку и потрепал ее по волосам.

— Какие мягкие… Ну что, хорошо помылся?

— Мне надо идти!..

Он отрицательно потряс головой:

— Дверь во двор уже закрыта, куда ты пойдешь? — В голосе его опять послышались нотки, свойственные жителям равнины. — Оставайся здесь, парень, я уже почти выспался.

Гигант принялся стаскивать сапоги, потом снял верхнюю одежду. Ромили тут же отодвинулась в самый угол постели, забилась под одеяло, притворилась спящей…

Она так и не поняла, что разбудило ее, по-видимому — уже потом решила она, — это был крик. Орейн вдруг как безумный заорал в постели:

— Ай, Каролин!.. Они схватят тебя!.. — и принялся дубасить кулаками по воздуху. Один из ударов едва не оглушил Ромили, однако она сумела увернуться, даже перехватить его огромную лапу, прижать к постели.

— Проснись, успокойся! Это только ночной кошмар! Ну, привиделось что-то…

— А-а-ах… — Орейн так тяжко и глубоко вздохнул, будто расставался с жизнью. Несколько мгновений он лежал недвижимо — лицо его приняло обычное осмысленное выражение, — потом заявил: — Мне снился брат — он попал в руки Ракхела, этого ненасытного паука.

Лицо богатыря отразило сильнейшую муку.

Наконец он успокоился и вновь погрузился в сон. Ромили тоже свернулась клубочком и закрыла глаза.

Прошло несколько минут, и вдруг она почувствовала, как сильная, тяжелая рука коснулась ее тела, потом обняла.

Она принялась отбиваться. Орейн, не открывая глаз, мягко успокоил:

— Ах, парень, не бойся. Ты просто не понимаешь… Ты так похож на Каролина в ту пору, когда мы оба были мальчишками. У него были такие же рыжие волосы, он был такой же робкий, скромный, но, когда требовалось, умел быть мужественным.

Ромили начала бить крупная дрожь. Он вовсе не об этом, вовсе не о пакости! Он не знает, он ничего не знает. Но это все равно. «Все будет хорошо, я так и скажу ему — все будет хорошо!»

Теперь она не отталкивала его руку — было в его прикосновениях что-то волнующее, манящее, чему нельзя — и не хотелось! — противиться. Истинная доброта и тепло, что ли… В них не было и намека на те отвратительные, бесстыдные ласки, которые позволял себе дом Гарис, или наглые, грубые ухватки Рори…

Она подвинулась к нему и обняла за плечи,

положила голову ему на плечо.

— Все будет хорошо! Успокойся, Орейн, все наладится. — Ромили прижалась к его щеке, прошептала: — Орейн, ты знаешь? Я… я… — Выговорить последнее слово она не могла, всхлипнула и положила его руку на свою грудь. Он тут же сел на постели, замер, потом его лицо вспыхнуло.

— Адское пламя! — хрипло, с трудом выговорил он и отпрянул. — Ты девица!

Тут же вскочил с кровати, начал натягивать на ноги задравшуюся ночную рубашку, при этом старался не смотреть на девушку. Ромили почувствовала жгучий стыд, обиду — дрожь не проходила, только теперь ей вдруг стало противно. Ее отвергли!.. Даже из самых лучших побуждений. Во рту скопилась горечь. И не выплюнешь ее, не проглотишь…

— Госпожа, дамисела, тысячу извинений. Покорно прошу прощения. Никогда мне и в голову не приходило. Батюшки, не могу поверить, ты — женщина, дама… Аварра, милосердия! — И, немного успокоившись, сообразив в конце концов, кто есть кто по происхождению, спросил: — Кто же ты?!

Ромили бурно зарыдала и сквозь всхлипы с трудом выговорила:

— Ромили Макаран.

— О великие боги! Еще хлеще! Какая фамилия!.. — Орейн хлопнул себя по ляжкам, потом, спохватившись, бросился к ней, укрыл одеялом. — Только без крика. Не дай Бог, кто услышит. Леди, прошу вас, я вас пальцем не трону, только не шумите.

— Какой, к черту, шум! — рыдая, выругалась Ромили и закричала еще громче: — Забудьте, что я леди.

— Рад бы, да не могу, — ответил Орейн, сел рядом с ней, обнял за плечи. — Ведь мы же друзья, не так ли? В любом случае останемся друзьями… Прости меня, девонька, не надо плакать. Тихо! — цыкнул он, и Ромили замолкла. — Я так понимаю, — продолжил Орейн, — раз ты переоделась мальчишкой, значит, у тебя были на то причины. — Он вытер ей нос. — Вот так, вот так, ты же хорошая девочка, не надо плакать, радость моя. Лучше расскажи все, что с тобой случилось.

Часть третья
Меченосица

1

Снег падал все утро, и с рассветом Каер-Донн укрылся белым одеялом. В то же время было на удивление тепло, по закоулкам уже начало припахивать прелью и каким-то особым ароматом подступающей весны.

Ромили не могла справиться с печалью, когда с первыми лучами солнца Орейн вежливо предложил ей собрать свои пожитки.

— Здесь тебе не место, — просто сказал он.

«Говорил мне отец, что только безумцы или совершенно отчаявшиеся люди рискуют отправиться в горы зимой. Я же пересекла главный хребет во время солнцеворота, угодила в самую середку. Вот и не надо было! Надо было слушаться папочку!.. Стоит только взглянуть на Орейна, сердце кровью обливается. Смотрит, как побитая собака!..»

Теперь он обращался к ней исключительно учтиво — дамисела, госпожа; случалось, по привычке еще срывался и хотел было шлепнуть ее по плечу, однако спохватывался и касался нежно, слегка, как принято в танце. Ромили чуть не плакала от злости — как ей хотелось вернуть

прежние дни мужской дружбы. Даже непристойные шуточки Аларика вспоминала с тоской. Кто бы подсказал, посоветовал, пинками прогнал на конюшню?.. Как женщина она оказалась не нужна Орейну, а к прежней жизни возврата больше нет.

— Сюда, пожалуйста, дамисела…

Девушка тут же огрызнулась:

— Меня зовут Ромили. Орейн, я совсем не изменилась, ну, может быть, чуть-чуть, но какое это имеет значение для нашей дружбы!

Он моргнул — совсем как побитая собака — и, не отвечая, поднялся на крыльцо. Ромили засеменила за ним, вздохнула — вот и доставил он ее на постоялый двор, принадлежавший Ордену Меча. Теперь ее здесь запрут — начнется: дамисела, госпожа!..

Орейн будет оберегать ее от малейшей опасности. Разве позволит ей отправиться в поход, вновь пережить незабываемые приключения? Хотя бы взял ее в жены… Не возьмет… Ну, я тоже унижаться не буду.

…Женщина с суровым лицом, сильными руками, которым более пристало орудовать вилами, чем тряпкой или веником, пригласила их в прихожую. Ромили с удивлением отметила, что она

была немногословна и предложила войти совсем не так, как это принято в обществе, однако Орейн как ни в чем не бывало заявил:

— Будьте добры сообщить госпоже Яндрии, что с ней хочет поговорить ее кузен.

Он изъяснялся как настоящий вельможа, с интонациями, принятыми в благородных домах. Правда, если хорошенько вслушаться, становилось ясно, что этот богатырь привык чаще упоминать Зандру и все девять преисподних, чем вести светские беседы.

Женщина подозрительно — не скрывая неодобрения — глянула на него, потом указала на лавку и предложила:

— Подождите здесь.

Она еще раз мрачно оглядела посетителей, словно те были парой уличных попрошаек, от которых можно ждать чего угодно, и вышла из зала. Когда дверь в коридор приоткрылась, Ромили услышала доносящиеся оттуда женские голоса. Удивительно, что к болтовне примешивался звук, напоминающий удары молота о наковальню. Ромили невольно заглянула в открывшуюся щель — снова лязг металла. Уж не сражаются ли там?.. Ромили затаила дыхание — просто не могла оторваться от щели. Все двери закрыты,

все спокойно… В это время с противоположной стороны послышался шум. Девушка обернулась — две молодые женщины в малиновых рубашках, просторных мужских штанах и сапогах вошли в прихожую и, не обращая внимания на сидящих там Ромили и Орейна, под ручку направились в коридор. Волосы их были убраны под красные шапочки. Своим обликом они мало напоминали женщин, которых мачеха Ромили Люсьела причисляла к дамам, — обе были широкоплечи, у одной руки как у доярки, и вели они себя на удивление раскованно.

Через несколько минут в прихожую вышла нарядно одетая, ослепительно красивая женщина — ей было, как и Орейну, около сорока. В висках уже поблескивала седина.

— Привет, родственничек, — запросто обратилась она к лорду Орейну. — Что у тебя приключилось?

В ее речи слышался акцент жителей равнины, который все время пытался скрыть Орейн.

— Что привело тебя, да еще зимой? Королевские дела?.. Как он сам?

Женщина легонько обняла Орейна и чмокнула в щеку.

— Хорошо, Алдонес бережет его. Он сейчас у

Алдаранов… У меня к тебе две просьбы, Яни.

— Две? — Седеющие брови поползли вверх, на лице обозначилось насмешливое недоумение. — Прежде всего, кто это с тобой, парень или девушка? Или он — она — сам не знает?

Ромили опустила голову, пытаясь скрыть смущение. Эта беззлобная шутка показала, что ей лучше помалкивать.

— Ее зовут Ромили Макаран, — тихо сообщил Орейн. — Не смейся над ней. Она проделала с нами весь путь — это зимой, в Хеллерах, — и никто из нас, даже я, не догадался, что она девчонка. Она разделила с нами все тяготы, все опасности — ни слова жалобы. Никаких капризов… В пути она приглядывала за сторожевыми птицами. Никогда бы не подумал, что женщина способна приручить их. Без нее мы бы потеряли стервятников, а она эдак ловко… Сразу все сообразила… Наняли ее присматривать за птицами и животными, и с той поры мы с ними забот не знали. Я-то считал, какой способный парень, а теперь даже не знаю, что думать. Вот привел ее к тебе…

— Значит, обнаружил, что она не парень, и прибежал сюда за советом? — улыбнулась Яндрия. Затем она посмотрела на Ромили. — Ты бы не хотела рассказать о себе, девочка? Что при-

вело тебя в горы, да еще в мужской одежде? Уж не искала ли ты отвергшего тебя любовника? Послушай, нам не нужны девицы, которые могут бросить тень на наш Орден. Да, мы воюем, но мы не лагерные шлюхи, да будет тебе известно! Почему ты сбежала из дома?

Резкий тон заставил Ромили ощетиниться. Она ответила также громко:

— Я покинула дом, потому что отец отобрал у меня ястреба, которого я приручила, и подарил его моему брату. Я посчитала, что это нечестно. Кроме того, я не хотела выходить замуж за наследника Скатфелла, который хотел, чтобы я занималась рукоделием и каждый год рожала ему детей.

Глаза Яндрии сузились.

— Ты что же, не желаешь выходить замуж и рожать детей?

— Нет, дело не в этом! — возразила Ромили. — Просто я очень люблю ястребов, лошадей, гончих… Вообще всякую живность… Если я выйду замуж… — Она бы никогда не поверила, что сможет когда-нибудь выговорить подобное. — Я хочу выйти замуж за человека, который полюбит меня такой, какая я есть. И ему должно быть небезразлично, кого он решил назвать женой.

Я хочу выйти замуж за храбреца, который сумеет понять, что если жена скачет или охотится с ястребом, то в этом нет никакого унижения его достоинства. Тем более чести… Но пока я действительно не собираюсь замуж, по крайней мере в ближайшее время. Я хочу посмотреть мир и кое-чего добиться… — Она запнулась.

Ромили выпалила все это невнятно, торопливо, волнуясь. Ее бросило в жар — неужели эта величественная женщина решит, что перед ней всего лишь взбалмошная, капризная девчонка? Может, так оно и есть?.. Ну что ж, что сказано, то сказано, и, если госпоже Яндрии ее исповедь не понравилась, она вновь сбежит, переоденется парнем и будет пробираться в Башню Трамонтана.

— Я не прошу у вас милости, госпожа Яндрия, и лорд Орейн знает об этом лучше, чем кто-либо другой.

Яндрия рассмеялась.

— Меня зовут Яни, Ромили. И не стоит обращаться за свидетельством к Орейну, он ничего не понимает в женщинах.

— С тех пор как он узнал, что я женщина, Орейн еще больше мне по душе. Вы не правы, если обвиняете его в чем-то недостойном… — Ромили задело последнее замечание и смех хозяйки.

Яни весело уточнила:

— Я его ни в чем не обвиняю, я имею в виду то, что с того момента, как он узнал, кто ты, он будет видеть в тебе только существо, обязанное носить юбки, заниматься вышиванием, сидеть дома. Он жизни не пожалеет, чтобы защитить тебя, но чтобы скакать в седле… в мужском, разумеется? — Ромили кивнула, и Яни продолжила: — …охотиться с ястребом — этому не бывать. Ты только взгляни на него — он никогда не простит тебе, что ты оказалась женщиной. Такой был бойкий парнишка — и на тебе! Разве не так?

Лорд Орейн шумно вздохнул, отер пот со лба.

— Ты всегда была со мной бесцеремонна, Яни, но все же тебе следует признать, что леди Макаран не пристало путешествовать с грубыми — я бы сказал, необузданными — людьми, которыми я командую. Тем более жить с нами в одном лагере. Может, стоит и обо мне подумать?..

— Ну да, если не принимать во внимание тот факт, что сорок дней она тебя устраивала как спутник и напарник… — На этот раз Яни ответила брату довольно сухо. Даже глаза у нее чуть сузились. — В одном ты безусловно прав — здесь для нее найдется местечко. Если она умеет обращаться с лошадьми и ястребами — милости

просим. Конечно, если она согласится жить по нашим правилам.

— Как же я могу согласиться, если я не знаю, что это за правила? — возмутилась Ромили, и хозяйка опять засмеялась.

— Она мне нравится, брат. Можешь уходить, она остается у нас. Не бойся, я не кусаюсь. Подожди-ка, ты же сказал, что у тебя два дела?

Орейн кивнул.

— Все дело в сыне Лиондри Хастура, Каролине. Он учился в монастыре, в Неварсине, мы захватили его как заложника — не могу объяснить, при каких обстоятельствах, будет лучше, если ты не будешь этого знать. Я дал слово, что верну парнишку в Тендару в знак перемирия, когда откроются горные перевалы. Но сам я ехать не могу… К тому же деликатность ситуации заключается в том, что в любом случае мальчишка должен быть доставлен в целости и сохранности. Чтобы ни один волосок не упал с его головы — необходимо избежать самой возможности провокации, а подложить мне свинью — ну, и ты знаешь, кому еще, — охотники найдутся.

— Да, — согласилась Яни, — тебе ехать, конечно, нельзя. Твоя грешная голова при всех ее завихрениях куда лучше смотрится на плечах, чем на

пике какого-нибудь солдата Лиондри. Что ж, ради тебя мы доставим мальчика в Тендару — я сама могу сопровождать его. Лиондри определенно не помнит меня, ведь в последний раз мы с ним виделись на детском празднике — танцевали вместе… Я тогда носила длинные локоны… — Она улыбнулась. — Сколько лет теперь Каролину? Думаю, восемь, девять…

— Двенадцать, так, кажется… — ответил Орейн. — Парень просто замечательный. Очень жаль, что он оказался впутанным в эту историю, но без него я и мои люди отдали бы Богу душу, так что у Каролина есть причина вернуть мальчика в целости и сохранности.

— Хорошо. — Она пожала плечами. — Я отвезу его на юг, как только откроются перевалы, а пока ты можешь доставить его сюда. — Она опять рассмеялась и обняла Орейна. — Теперь, родственничек, ступай — что скажут обо мне люди, если узнают, что я принимала здесь мужчину? А для тебя будет еще хуже, если узнают, что ты любезно разговаривал с женщиной.

Орейн шумно завздыхал, начал оправдываться:

— Ну что ты, Яни?.. — Однако вскочил он резво и уже от порога, смущенно глянув в сторону Роми-

ли, сказал: — Желаю всего хорошего, дамисела.

На этот раз она не решилась поправить его. Если он не в состоянии перешагнуть границу, тем хуже для него. Он сейчас сам на себя не был похож — весь съежился, оробел. Где же тот бравый великан, с которым они устроили драку в таверне? Напомнить, что ли? Вряд ли этот щепетильный вельможа правильно поймет намек, тем более под пристальным взглядом своей сестрицы.

Когда дверь за Орейном закрылась, Яни спросила:

— Так что же случилось? Он пытался овладеть тобой, обнаружив, что ты женщина? Вел себя недостойно? До смерти перепугал тебя?

— Все было совершенно не так, — запротестовала Ромили. Сама не зная почему, она вдруг начала защищать Орейна. — Наоборот, я думала, что он знает, что я женщина, поэтому так добр ко мне и тоже хочет меня. Я вовсе не распутная... — защищаясь, попыталась объяснить девушка. — Однажды я едва не убила мужчину, который хотел меня изнасиловать.

Ее бросило в дрожь, она зажмурилась, вспомнив Рори. Ей казалось, что она уже освободилась от тех грязных минут, зачеркнула в памяти ту страшную брачную ночь, однако ничуть не бы-

вало — все это до сих пор было с ней, отравляло душу.

— Орейн совсем не такой. Он добрый, и я… Я хотела всего лишь утешить его, приласкать. Мне казалось, ему этого так не хватает! К тому же он мне по сердцу…

Яни опять засмеялась, и Ромили подумала: что же здесь смешного? Однако возразить не посмела. Женщина ласково заглянула ей в глаза.

— Я так понимаю, ты еще девственница?

— И не стыжусь этого! — вспыхнула Ромили.

— Какая ты колючая! Ладно, сможешь жить по нашим правилам?

— Решу, когда вы сообщите мне, что это за устав.

— Ну, прежде всего все мы сестры, вне зависимости от происхождения. Сможешь ли ты быть нам сестрой? Ты должна напрочь забыть о сословных предрассудках — никаких «моя леди», «дамисела» здесь быть не может. Никого не волнует, где ты родилась — в благородном доме или в бедной хижине. Ты должна выполнять любую работу и не требовать к себе особого отношения. Если ты только полюбишь мужчину, то видеться с ним дозволяется тайно и — главное — соблюдать приличия, чтобы никто не посмел бросить

нам обвинения в распутстве. Предупреждаю, мы не грязные девки, которые крутятся возле военных лагерей… Большинство из нас дают клятву в походе соблюдать полное целомудрие, хотя в этом отношении мы никого не принуждаем.

Все это звучало словно в сказке — именно эти условия были ей больше всего по душе. Никакого насилия, не давши слово — держись, а давши — крепись.

— Ты смогла бы дать такую клятву? — спросила Яндрия.

— Охотно.

— Кроме того, ты должна дать обет, что твой меч в любую минуту готов защитить каждую из наших сестер. В мирное ли время, на войне ли. Ты обязана будешь покарать любого мужчину, кто покусился бы на честь твоей сестры.

— Клянусь! — неожиданно для самой себя торжественно ответила Ромили и, тут же смутившись, добавила: — Но мне не верится, что даже с мечом в руке я смогу кого-то наказать. Я в этом ничего не понимаю.

Теперь Яни рассмеялась от души и обняла девушку.

— Этому мы тебя научим. Дело нехитрое… Ступай отнеси вещи. Этот дурень Орейн хотя бы

догадался покормить тебя или он так спешил от тебя избавиться, прогнать за пределы лагеря, что совсем забыл, что женщины тоже изредка хотят есть?

Ромили хотела возразить, ей неприятно было слышать, как хозяйка подшучивает над братом, но в ее словах не содержалось ни намека на злопыхательство. Тем более что так оно и было. Она тоже рассмеялась…

— Я так сильно проголодалась… — призналась она.

Яндрия взяла один из ее узлов.

— Ой, у меня же конь в гостинице остался! — воскликнула Ромили.

Яни кивнула.

— Я пошлю кого-нибудь из сестер за ним, а пока пойдем на кухню. Завтрак давно закончился, но хлеб и мед мы там отыщем. Потом мы проколем тебе уши, чтобы ты вдела в мочки особые серьги, так, чтобы любая женщина могла сразу догадаться, что ты одна из нас. Вечером ты примешь присягу. Сначала только на год, — предупредила Яни. — Затем, если тебе у нас понравится, — на три. Когда проживешь среди нас четыре года, сможешь решить: останешься ли ты навсегда или захочешь устроить жизнь по-другому — завести

семью, вернуться в родной дом.

— Никогда! — воскликнула Ромили.

— Ладно, до этого далеко — оперившегося ястреба мы пускаем в полет. А пока ты можешь пользоваться мечом одной из сестер. Если ты, как утверждал Орейн, искусна в обращении с ястребами и конями, мы будем рады тебе еще больше. Наша старая конюшая Мхари этой зимой умерла от горловой лихорадки, а женщины, которые ей помогали, отправились с войском на юг. Среди оставшихся в обители нет никого, кто мог бы прилично скакать на лошади, так и вылетают из седла. Ты не смогла бы их обучить? У нас есть четыре жеребенка, их уже надо объезжать, и большой табун пасется в Тендаре.

— Я участвовала в скачках возле «Соколиной лужайки», — заявила Ромили, но Яни предостерегающе подняла руку.

— Ни у кого из нас здесь нет ни прошлого, ни семей. Даже имен. Я предупредила тебя — ты уже не Макаран…

«Ладно, — решила девушка, — как бы я теперь ни звалась, я все равно Ромили Макаран из замка «Соколиная лужайка». Мне бы не хотелось кичиться родословной, но никто не может запретить мне гордиться предками. Вот только с

животными вышла неувязка — не такой уж я большой знаток. Так, нахваталась от опытных людей на холмах.

Ромили молча последовала за хозяйкой.

«По-видимому, у нее тоже были знатные предки, пусть даже она отказывается говорить об этом. Ведь она на детских утренниках танцевала с Лиондри Хастуром… Может, поэтому Яни так осторожна, может, поэтому не хочет вспоминать о прошлом?»

День выдался долгим, хлопотливым. На кухне угостили хлебом с сыром, попотчевали медком, потом она приняла участие в игре, более похожей на рукопашную, только девушки, которые в ней участвовали, не были вооружены. Все участницы чувствовали себя куда увереннее в единоборстве, чем Ромили, — случалось, что она даже не понимала, о чем речь, когда ей пытались объяснить тот или иной прием. Неприятно было чувствовать себя глупой и неуклюжей. Позже, около полудня, женщина с суровым лицом — было ей около шестидесяти, холодный взгляд, толстые выпяченные губы плотно сжаты — вручила ей деревянный меч наподобие того, каким она в детстве играла с Руйвеном и другими сверстниками. Девушке показали несколько приемов, преж-

де всего оборонительных. У Ромили ничего не получалось, ей было стыдно. В гимнастическом зале было много женщин — или ей показалось, что много, потому что за обеденным столом она насчитала только девятнадцать человек. Их она сразу не смогла запомнить. Позже ей было позволено отправиться с новыми подругами на конюшню — ее конь уже стоял в стойле. Клички лошадей, а также нескольких червинов она вмиг запомнила. После обеда Яни проколола ей мочки ушей и продела маленькие золотые колечки.

— Это только для того, чтобы дырочки остались, — объяснила ей Яни. — Когда уши заживут, ты получишь знаки Ордена, а пока тебе необходимо постоянно двигать эти колечки и следить, чтобы ранки все время были чистые. Три раза в день мой их горячей водой, настоянной на листьях торна.

Вечером ее поставили перед строем, и она дала обет верности женскому Ордену Меча. Она была связана клятвой до следующей весны. После торжественной церемонии новые подруги обступили ее и начали расспрашивать, кто она, откуда. Ромили растерялась — как же отвечать, если сама Яндрия запретила распространяться на эту тему? Ромили, прикинув, отвечала уклончиво,

общо, но никто не обратил на это внимания. Вообще, здесь было весело. В конце концов Ромили преподнесли латаную-перелатаную ночную рубашку и отправили спать в удлиненную комнату, где в ряд стояло шесть кроватей. Ей показали свободное место — в комнате, оказывается, жили девушки ее возраста и даже моложе.

Впечатлений за день набралось столько, что Ромили подумала, что она никогда не уснет, но стоило голове коснуться подушки, глаза закрылись сами собой. Когда же девушка проснулась, ей показалось, что она только что легла, однако на раздумья времени не оставалось.

В первые дни Ромили ничего не успевала — все вокруг нее летело с такой скоростью, что только держись. По-видимому, борьба давалась ей с трудом — тут еще преподавательница отдавала команды таким грубым и сердитым голосом, что сердце екало. Вот что удивительно — однажды, когда Ромили послали на кухню, где она передохнула и почувствовала себя почти дома, тренерша по ближнему бою заглянула туда и попросила налить ей чаю. Звали женщину Мерина. Они так дружески поболтали!.. Ромили задумалась — никто не злился на нее, просто во время занятий нельзя нежничать. Здесь, как решила Ромили, не

пансион благородных девиц, а школа самозащиты — и не только физической, но и нравственной и духовной. Мир жесток, вот почему на занятиях нечего замыкаться на переживаниях, а надо трудиться в поте лица. Уроки фехтования давались ей легче — тут пригодились несколько приемов, которым обучил ее Руйвен. Он иногда занимался с сестрой, когда ей было лет семь или восемь. Отца забавляли ее попытки научиться владеть мечом. Позже он запретил ей эти игры — даже наблюдать не позволил. Теперь детство как бы возвращалось…

Лучше всего — совсем как дома — Ромили чувствовала себя в конюшне. Этим, собственно, она занималась всю жизнь — мыла коней, чистила седла и полировала их с помощью масла.

Однажды, когда она работала на конюшне, с улицы донесся шум, лязг оружия, топот сотен ног. В тот же момент в помещение влетела девушка и закричала:

— Ой, Роми, побежали… Королевская армия марширует по улице. Ух, сколько их! Мерина разрешила нам посмотреть. Как только откроются перевалы, Каролин начнет поход на юг.

Ромили бросила намасленную тряпку и побежала за подругой. Лилия, Марга и Ромили застыли

в дверном проеме — улицу заполнили конники и пехотинцы. Шли они отрядами, по четверо в ряд и громкими криками приветствовали Каролина.

— Смотрите, смотрите, вон сам Каролин, — раздалось в толпе, собравшейся на тротуаре. — Вот едет под знаменем.

Ромили вытянула шею, чтобы лучше видеть, однако ей удалось только на мгновение охватить взглядом лицо высокого человека — аскетический профиль совершенно не напоминал Карло. Еще миг — и теперь девушка могла видеть только роскошный алый плащ, рыжие волосы.

— А кто это рядом с ним? Ну, великан… — опять раздалось в толпе.

Этого человека Ромили смогла бы узнать даже в темноте.

— Это же Орейн, — ответили любопытствующему. — Говорят, он один из сводных братьев Каролина.

— Ой, я его видела! — воскликнула одна из девушек. — Он навещал Яндрию. Утверждают, что она его родственница, хотя не знаю, правда это или нет.

С отрешенным видом, испытывая чувство сожаления, наблюдала Ромили за проходящей армией. Воины в доспехах, кольчугах, всадники в

нарядных латах, лес знамен, вымпелов, штандартов, громкие крики во здравие короля — жизнь, мало напоминавшая рутину повседневных занятий в Ордене. Ромили тянуло туда, хотя разум подсказывал, что и в походном лагере, разбитом, как говорили в толпе, на лугу возле Каер-Донна, тоже властвовала дисциплина и порядок, — все-таки… Дохнуло чем-то знакомым — ночевками в поле под открытым небом, когда слева к ней прижимался маленький Кэрил, а справа храпел огромный Орейн; ощущением опасности — слаще этого Ромили в своей короткой жизни ничего не испытывала; усталостью, чертыханием мужиков… Чудесными видами, рассветами и долгими горными закатами, когда тьма заполняла долины и медленно, осторожно поднималась снизу… Звездными ночами, рождавшими восторг и жажду иного, лучшего бытия, — как смешны были мелкие дневные неприятности, грубости Аларика перед лицом хора светил…

Боже, Боже, зачем ты лишил меня всего этого, почему не дал пинка и не прогнал на конюшню, с какой целью лишил решимости, разнежил, погрузил в сон? Что теперь вспоминать!.. Ромили резко повернулась.

— Пойду, — сказала она подругам, — закончу

работу. Что я, коней не видала? Король такой же человек, как и все остальные, Хастур он или нет.

Через пару дней Ромили вызвали к Яни, и, когда девушка вошла в комнату, она увидела Орейна и сидящего рядом с ним Кэрила.

Орейн обратился к ней с приветственным поклоном, которым воспитанный человек должен встречать благородную даму, а мальчик сразу бросился к девушке и обнял ее…

— Ромили! Я так по тебе скучал. Ну, ты теперь настоящая женщина, смотрите-ка, как вырядилась! Вот и ладушки, теперь я буду разговаривать с тобой, как с дамой, а то я всегда мучился, глядя на твой мужской костюм.

— Дом Каролин, — ровным голосом позвала его Яндрия, и мальчик послушно повернулся.

— Я слушаю, местра.

Он использовал вежливое обращение к женщине, стоявшей ниже по социальной лестнице.

— Лорд Орейн уполномочил меня сопровождать вас в Хали, обеспечить вашу безопасность и вернуть отцу. У нас две возможности… Я предпочитаю обращаться к вам как к человеку, умеющему держать слово, и спросить вашего согласия на тот или иной вариант, вместо того чтобы принимать решение за вас. Достаточно ли

вам лет, чтобы серьезно выслушать меня, честно ответить, дать слово и сдержать его?

Мальчик вмиг посуровел. Это было смешно, но Ромили удержалась от неуместной улыбки. Лицо у Кэрила стало таким же, каким оно было во время исполнения мессы в церкви монастыря Святого Валентина в Снегах.

— Я слушаю, местра Яндрия.

— Все очень просто. С одной стороны, формально вы заключенный, и я обращаюсь с вами как с пленником. В конце концов, мы только женщины, не можем обеспечить должное наблюдение, и в один прекрасный момент вы убегаете…

— Со мной такое уже бывало, — вежливо ответил мальчик. — У меня была гувернантка, которая обращалась со мной много хуже; чем любой монах в монастыре.

— Отлично, — кивнула Яни. — Предпочитаете ли вы быть нашим пленником или вы дадите нам слово, что не будете пытаться сбежать от нас? В этом случае вы поедете в седле рядом с нами и наравне разделите все удовольствия этого похода. Предупреждаю, дорога далека и очень трудна. Если вы выберете второй вариант, тем самым вы значительно облегчите нашу задачу. Нам не надо будет каждую минуту пялить на вас

глаза, привязывать к кому-нибудь из нас на ночь. Я без колебаний положусь на слово Хастура, если вы дадите мне обещание не убегать.

Он ответил не сразу, сначала некоторое время разглядывал ее, потом неожиданно спросил:

— Вы враг моего отца?

— Нет, — улыбнулась Яни. — О вашем отце, мой мальчик, я знаю только то, что говорит народ. Кому я точно враг — так это Ракхелу, но ваш отец его друг, поэтому как я могу доверять ему? Я не буду настаивать, чтобы вы брали на себя какие-либо обязательства. Я имею дело с вами, дом Каролин, а не с вашим отцом. Только с вами!

— Ромили поедет?

— Думаю вручить вас под ее опеку, тем более что вы уже совершили вместе труднейший переход. Конечно, если вы не будете возражать.

Теперь Кэрил улыбнулся.

— Я мечтаю о том, чтобы быть рядом с Ромили. А насчет слова чести — охотно обещаю, что не буду пытаться бежать. У меня нет никакого желания в одиночку скитаться по Хеллерам. Обещаю вам, местра, беспрекословно выполнять ваши распоряжения до той поры, пока меня не передадут отцу.

— Вот и хорошо, — сказала Яндрия без тени

улыбки. — В свою очередь, я даю слово, что буду обращаться с вами так, как если бы вы были одной из моих сестер. Вот моя рука, дом Каролин.

Они пожали друг другу руки, после чего мальчик попросил:

— Нет нужды, местра, называть меня домом Каролином. Это имя полноправно принадлежит прежнему королю. Хотя он и является врагом моего отца, но я с ним не враждую. Зовите меня просто Кэрил.

— Тогда ты зови меня просто Яни.

И Яндрия рассмеялась.

— Теперь ты наш гость, а не пленник. Роми, проводи его в комнату для гостей и устрой там. Орейн, — обратилась она к двоюродному брату, — мы отправимся завтра. Если погода позволит…

— Спасибо, кузина. И вам, — добавил он, повернувшись к Ромили, и отвесил ей церемонный поклон.

Девушка с сожалением подумала, что всего лишь несколько дней назад он бы попросту обнял ее, хлопнул по плечу… «Чтоб мы больше никогда не встретились», — обидевшись, подумала она.

Из Каер-Донна они выехали на заре и больше часа скакали по дороге, пока наконец из-за крутолобой мрачной горы не выползло гигантское

багровое светило. Лик его был подернут туманной дымкой. Кэрил ехал на пони, подобранном для него Яни, рядом с лошадью, на которой восседала Ромили. Сзади шестеро амазонок, ведущих в поводах еще двенадцать свежих скакунов. Их следовало перегнать на юг для армии. Для какой — никто не уточнял, а Ромили благоразумно не спрашивала.

Как замечательно было скакать ранним утром по еще не просохшей дороге! Редкие мшаники на склонах поблескивали росой. Скалы искрились, в долинах зеленели леса, заснеженные пики, казалось, подпирали ясное небо. В полдень они сделали привал, дали отдых коням, перекусили. Ромили нежилась под солнцем — предыдущее путешествие вспоминалось как дурной сон. Снега, холод, внезапно налетающие метели — и в то же время радость, безмерная, нежданная, когда, обернувшись, она заметила цепочкой направляющихся в свою пещеру баньши. Сколько всего произошло! У нее начались месячные… Смех! У Ромили на глазах выступили слезы — как это здорово, когда есть что вспомнить. Или этот мальчуган, слишком серьезный для своих лет, которому досаждали высокое происхождение, положение, семейные интриги, и в то же время

он оставался добрым, покладистым… Что ждало его впереди? Разве этих Хастуров разберешь?

В этот момент послышалась команда Яндрии, и девушка поспешно вскочила на ноги. Короткий возглас: «Вперед!» — и колонна продолжила движение. Ближе к вечеру сестры разбили лагерь. По приказу Яни две девушки разгрузили одну из вьючных лошадей — скоро возле ручья, на плесе потянуло дымком костра…

Вот еще что мучило Ромили — дисциплина, которую так строго поддерживала Яни. Нет, девушка была не против, но подобная безапелляционность иной раз коробила ее. В какой-то мере ее сомнения развеяла Мерина. На вопрос Ромили она ответила:

— Дисциплина — это жизнь. Объяснить это невозможно — на словах, разумеется. Если будешь задумываться над командами — погибнешь!..

— Роми, иди сюда, помоги мне, — позвала ее Яни.

Она тут же бросилась к сестре. Девушка понятия не имела, как установить палатку, но с готовностью, следуя указаниям, натянула веревки и начала привязывать их к колышкам. Через минуту-другую на лугу поднялся большой ша-

тер. Вокруг костра раскатали одеяла, и под этим пологом никакая сырость не могла их достать. Одна из сестер сварила кашу, густую и ароматную… С нарезанным репчатым луком, с жареной дичью это было что-то необыкновенное. После еды деревянные чашки были тут же вымыты и упакованы.

— Вот здорово, — восхитился Кэрил. — Мужики бы никогда так быстро не сумели разбить лагерь, накормить людей…

Яни хихикнула.

— В общем-то им ничего не мешает, — заметила она, — приложить чуточку старания, чтобы всем было удобно. У них обычно и повар бывает хороший, и дичи они по пути набивают не меньше, чем мы. Но они считают ниже своего достоинства позаботиться об удобствах — от этого, мол, можно совсем разнежиться и, — она еще раз хихикнула, — обабиться. Что касается меня, я не люблю спать в мокрой постели, а то и прямо под проливным дождем. Нет ничего позорного в том, чтобы путешествовать с комфортом. Наоборот, это сохраняет силы…

— Я тоже так думаю, — откликнулся Кэрил. В этот момент он разгрызал мозговые косточки. — Ты права, Яни. Спасибо за угощение.

Одна из женщин — Ромили не была с ней знакома, слышала только, что ее звали Лаурия, — вытащила из дорожного мешка маленькую арфу и принялась наигрывать какую-то мелодию. Теперь все сгрудились у лизавшего дрова огня и, по очереди вступая, начали петь древнюю балладу. У Кэрила разгорелись глаза, но уже через полчаса его сморило, он принялся клевать носом.

Яни указала на него Ромили:

— Разуй его и уложи в спальник.

Девушка молча, с охотой, принялась исполнять указание. Мальчик тут же запротестовал. Лаурия проворчала:

— Роми, оставь мальчишку в покое. Яни, почему это одна из наших сестер должна за ним ухаживать? Ведь он наш пленник! Мы никогда не были и не будем вассалами или слугами Хастуров.

— Он всего-навсего мальчик, нам следует позаботиться о нем, — ответила Яни.

— До сих пор не было, чтобы члены Ордена записывались в рабство к мужчине. — Лаурия по-прежнему была недовольна. — Надеюсь, что поручение мы исполняем за деньги?

— Не сомневаюсь! — подала голос еще одна из амазонок. — Любая из наших сестер, которая

считает, что смысл ее жизни ухаживать за мужчиной или, что еще хуже, служить подстилкой, позорит знаки Ордена.

— Он заснул, поэтому я и помогаю ему, — попыталась объяснить Ромили. — Кроме того, он так похож на моего младшего брата, они ровесники… Разве вы бы не помогли младшему братишке, если бы он валился с ног от усталости? И потом, я не понимаю, что плохого в том, если приходится о ком-то заботиться, кроме самой себя? Если Хранитель Разума заботливо пестовал младенца-вселенную, на плечах переносил его через Реку Жизни, как же я могу не позаботиться о ребенке?

— А-а, христофоро! — воскликнула одна из сестер. — Ты на ночь молишься, Роми?

Ромили уже была готова дать отпор — вот уж незачем богохульствовать и издеваться над богами, но, уловив предостерегающий взгляд Яни, сразу изменила тон:

— Может, я перед сном думаю о таких вещах, о которых не говорят вслух. — Она повернулась спиной к разозлившей ее сестре. Постелила Кэрилу, уложила его, накрыла одеялом.

— Как, неужели этот самец будет спать здесь, рядом с нами? — запротестовала насмехавшаяся над Ромили девушка. — Эта палатка только для

женщин.

— Потише, Мхари! Что, ты считаешь, мальчик должен спать под дождем вместе с конями? — повысила голос Яни. — В правилах нашего Ордена ясно сказано: мальчик считается ребенком! Неужели ты всерьез веришь, что он овладеет кем-нибудь из сестер?

— Это вопрос принципа! — зловеще откликнулась Мхари. — Если этот щенок из Хастуров, значит, мы должны позволить ему вторгнуться на территорию Ордена? Я бы сказала то же самое, даже если бы ему было не более двух лет от роду.

— Надеюсь, Бог услышит твои слова и ни в коем случае не наградит тебя мальчиком. Ты будешь рожать исключительно девочек, — засмеялась Яни. — Или ты из принципа откажешься кормить сына грудью? Давай-ка спать, Мхари. Ребенка мы поместим между мной и Ромили, тем самым твоя честь будет вне опасности.

Кэрил открыл было рот, но Ромили прижала палец к губам, и он сразу примолк. Однако видно было, что мальчик изо всех сил сдерживает смех. Все, что было сказано здесь, показалось девушке страшной глупостью, но стоило ли лезть со своим уставом в пока еще чужой монастырь? Все-таки что ни говори, а предписания, тем более принци-

пы — вещь серьезная. Она молча легла рядом с Кэрилом и скоро заснула.

Ей приснился сон — удивительный, яркий, цветной… Все происходило как наяву — словно бы она соединилась с сознанием Пречиозы и парит высоко-высоко над родными горами. Какая же красота открывалась сверху! Сердце замирало, когда она узнавала холмы, по которым скакала на черном жеребце. Душа не выдержала — Ромили проснулась, в горле стоял комок. Вроде бы вот он, шатер, угли в костре, слышится равномерное сопение сестер, а перед глазами по-прежнему стояли стены родного замка, широкий луг, где проходили ярмарки и куда отправляли в ночное коней; дорога под уклон, ведущая к дальнему пастбищу — широкому, поросшему кустарником лугу. Здесь она охотилась с Пречиозой. Вернется ли она когда-нибудь в родное гнездо, увидится ли с братьями, сестрой? Как они примут ее, как отнесутся к тому, что она стала меченосицей? Люсьела, конечно, вздернет брови, губы подожмет, но в конце концов смирится — она добрая. А вот отец?..

Побаливали уши, проколотые Яни… Что уши! Она жутко скучала по Орейну и дому Карло, даже по грубоватому матерщиннику Аларику. Боже,

какие странные подруги достались ей! Называют себя сестрами, а ребенка хотели выгнать на холод. Под дождь… Что поделаешь, дала обет и теперь на год привязана к ним — не сбежишь, не фыркнешь… Девушка прислушалась к ровному, ясно слышимому дыханию Кэрила. Вот Божья душа, и дыхание ангельское — не то что у этих сестер. Мхари храпит, как взвод пехоты!.. Никогда Ромили не чувствовала себя такой одинокой, даже когда сбежала от Рори, на сердце было легче.

Пять дней они скакали на юг и наконец добрались до Кадарина, традиционной границы между равнинными доменами и предгорьями Хеллер. Река поразила Ромили — никогда до того она не встречала таких широких водотоков. Яни в свою очередь была озабочена поисками брода. Брод они отыскали скоро; к удивлению Ромили, вода едва доходила лошадям до колен. Холмы на том берегу скоро разгладились в необъятную, местами покатую степь. Кэрил просто светился от возбуждения — когда бы ему пришлось совершить подобное путешествие по родной земле! Ромили решила, что мальчик радуется возвращению домой и необычным каникулам, нежданно-негаданно свалившимся ему на голову.

Сначала Ромили чувствовала себя неуютно. На душе лежала тревога: случись беда — и укрыться негде. Под этим необъятным небом она чувствовала себя букашкой или подобием рогатого кролика. Стоит зазеваться — тут же налетит исполинская хищная птица, камнем падет вниз и схватит ее. То-то забьется она в железных когтях!.. Ромили понимала, что это смешно, но все-таки нет-нет да и глянет с опаской на фиолетовые облака. Кто знает, а вдруг за ней следят? Наконец Кэрил, скакавший рядом, почуял, как неспокойно девушке.

— В чем дело, Роми? Что ты ищешь в небе?

Что она могла ответить?

— Мне как-то не по себе, когда вокруг нет гор. Я же всю жизнь прожила там, наверху, — она кивком указала на Хеллеры, — тут меня словно выставили на всеобщее обозрение…

И засмеялась — пусть все покажется шуткой, — и как назло не выдержала и еще раз глянула вверх. Черт их знает, эти небеса, что от них можно ожидать?

На самом деле!.. Что же это там, в самой сердцевине поднебесья, на пределе видимости? Мираж? Соринка в глазу? Ромили перевела взгляд на полегшие после зимы травы. Еще немного — и

степь зазеленеет, запестрит цветами. А пока по утрам жухлые побеги покрывает иней… Так же было и сегодня…

Девушка спросила мальчика:

— Не знаешь, какие ястребы встречаются здесь, в степи?

— Папа и его друзья предпочитают держать веринов. Это такие дикие хищники… Ты о них слыхала? Они действительно живут только в ваших местах?

— У меня был собственный верин, — вздохнула Ромили, — я учила его, мы вместе охотились…

Девушка невольно оглянулась.

— Ты? Девчонка?..

Его недоверие задело Ромили. Опять та же ирония.

— Почему бы и нет? Ты рассуждаешь, как мой отец. Он тоже считает, что раз мне суждено носить юбку, то у меня не может быть ни хорошего коня, ни верина.

— Я не хотел обидеть тебя, Роми, — извинился мальчик так степенно и важно, что девушка невольно улыбнулась. — Я просто не много встречал в жизни женщин; в общем-то знал только свою сестру, но она сразу бы упала в обморок, если бы коснулась охотничьего ястреба. Но раз

ты способна обучить сторожевых птиц и умиротворить баньши, чему я сам свидетель, то вполне возможно, что и с ястребами ты умеешь обращаться. И все же… — Он обратил внимание, что девушка все так же вскользь поглядывает по сторонам, словно птица на насесте, то влево, то вправо. Словно ожидая нападения… — Что ты все головой вертишь? — спросил он. — Боишься кого, что ли?

— Никого я не боюсь. — Девушка смутилась под пристальным взглядом Кэрила. — Но все же такое чувство, как будто кто-то следит за мной.

Пока не вымолвишь слово, не догадаешься, что там лежит в глубине души. Теперь ощущение, что за ней кто-то наблюдает, стало явственным, полновесным и ничуть не встревожило Ромили. Достаточно необычное чувство. Девушка смущенно попыталась объяснить:

— Возможно, это потому, что земля плоская и чувствуешь себя здесь так одиноко. — Она подняла глаза к небу. Опять там в вышине что-то померещилось…

«Нет, следят за мною, и все тут!»

— В этом нет ничего необычного, — сказала Яни, подъехав к ним. — Помню, когда я впервые попала в горы, то сначала даже спать не могла.

От них негде укрыться — такое впечатление, что просто под юбки лезут. Теперь-то я привыкла к ним, и все равно каждый раз, когда спускаюсь на равнину, чувствую такое облегчение, будто с меня сняли непосильный груз. Даже дышится легче… Думаю, что именно это обстоятельство куда сильнее разделяет жителей степей и горцев, чем обычаи и правители. Послушала бы ты, Роми, Орейна — тот так и заявляет: стоит мне спуститься на равнину, не могу избавиться от ощущения, что я голый, а небо так и давит на плечи…

Ромили могла бы точь-в-точь повторить эти слова — ну может, помягче, повежливее. Ей представилось, что это он сам разговаривает с ней, — она так соскучилась по добродушному великану, по его спутникам. Здесь, среди этих женщин, она чувствовала себя, словно рыба на дереве. Их нарочито грубые, с примесью какого-то напыщенного молодечества и ненужной брани речи, безапелляционные голоса раздражали. В какой-то момент Ромили пришло в голову, что, несмотря на умение владеть мечом, умение держаться в седле и легкость обращения со скакунами, они очень похожи на Мэйлину. Та же ограниченность и желание позлословить — вот что отличало ее новых подруг. Или, как теперь

их следовало называть, сестер… Среди всей компании амазонок только Яни представлялась ей более-менее разумным человеком, чьи мысли не замыкались на бесконечно упоминаемой ненависти к мужчинам, спорам насчет оружия и достоинств коней. Подобная чепуха в устах молоденьких симпатичных женщин ничего, кроме горького смеха, не вызывала. Можно сколько угодно восторгаться преимуществами того или иного колющего или режущего оружия — что могли изменить в женском предназначении эти нелепые диспуты? Конечно, Яни куда более похожа на своего брата — в них обоих ясно проступала какая-то трогательная смесь здоровой мужицкой простоты и светской утонченности. Но в таком случае в ней осталось мало женского, если считать женским все эти досужие разговоры, велись ли они Мэйлиной или сестрами-меченосицами. Эту проблему, казалось, не разрешить вовек. Если долго размышлять на эту тему, решила Ромили, можно окончательно свихнуться.

«Что же со мной творится?! Всего дней сорок назад мне была ненавистна компания мужчин. Видеть их бородатые рожи, слушать бесконечную матерщину не могла! И вот все перевернулось, теперь эти дамочки ничего, кроме досады, не

вызывают! Ну что мне, больше всех надо? Почему я не могу удовлетвориться тем, что есть? Что, мне всегда и везде придется чувствовать себя не в своей тарелке? С тем же успехом я могла бы остаться дома, выйти замуж за дома Гариса и без конца ныть и брюзжать… Только в этом случае меня окружала бы роскошь и удобства, а не голая степь».

В этот момент Ромили почувствовала легкое касание чужого разума. Несомненно, это Кэрил справлялся, почему она загрустила, о чем задумалась. Девушка глянула на него, улыбнулась и предложила:

— Скоро этот лужок кончится. А ну-ка, дай шпоры коню — посмотрим, кто из нас лучший наездник!

Они с ветерком, бок о бок, помчались вперед. Ход коня все убыстрялся, галоп становился все резвее — только успевай править. Скоро Ромили вырвалась вперед на корпус. Сзади донеслись встревоженные крики Яни: «Куда вы?! Местность нехоженая, немеренная, того и гляди, конь ступит в какую-нибудь ямку, ноги переломит, седока сбросит. Стойте!..»

Куда там! Ромили и Кэрил отмахали добрую милю, когда наконец встали. Девушка намного

обогнала Кэрила, но тот не обиделся — разве червину угнаться за настоящим скакуном!..

Вечером в лагере, который они разбили засветло — день между тем заметно удлинился, и даже после ужина над степью еще долго висели ясные протяжные сумерки, — Ромили вновь почуяла пристальный взгляд, непрерывно преследовавший ее после переправы через Кадарин. Именно почуяла… Словно она маленькое робкое животное и могучий ястреб давным-давно высмотрел ее из бездонной выси. Она принялась изучать темнеющее небо, но там было пусто. По крайней мере, она ничего не увидела… Затем, сама не зная почему — кто мог сказать, что там пробудилось в сознании? — она резко выставила вперед правую руку, и в следующее мгновение тяжелая крупная птица, захлопав крыльями, пала на запястье, вцепилась когтями в ткань.

— Пречиоза! — только и смогла выдохнуть Ромили.

Птица, устроившись поудобнее на руке — очень осторожно, не содрав кожи, — наконец затихла, чуть повернув голову, глянула на девушку, и прежняя волна любви и нежности затопила человечью душу. А может, не только человечью!..

Сколько пролетело дней! Как птица смогла

отыскать ее, как определила, когда Ромили покинет Каер-Донн? Как вообще добралась до этого горного поселения? Как рискнула покинуть родные горы и спуститься на широкую, вольную степь?..

С первого взгляда Ромили определила, что Пречиоза здорова, хорошо питается — оперенье блестело… Конечно, здесь ястребу охотиться куда привольнее, чем на родных холмах Киллгард, где она выросла. Между ними шло безмолвное, радостное для обеих общение. Им было что рассказать друг дружке. Так они и стояли — девушка с ястребом на руке, — молча смотрели друг на друга. Девушка улыбалась… Убей меня Бог — ястреб тоже…

— Вы только поглядите! — воскликнула одна из сестер и хлопнула себя по ляжкам. — Откуда ястреб-то взялся? Стоит как заколдованная…

Ромили, словно просыпаясь, глубоко вздохнула, потом повернулась к Кэрилу, который не сводил с нее ошарашенно-восхищенного взгляда, и объяснила:

— Это моя ястребица. Она следует за мной — следует! — Девушка порывисто вздохнула. — Еще с той поры, как я ушла из дома. Это было так давно, так далеко отсюда! — Она, не стесняясь,

заплакала от радости. Говорить сил не было.

Пречиоза завозилась на вздрагивающей руке Ромили, потом расправила крылья, поднялась в воздух и села на ветку на ближайшем дереве. Там и застыла, без всякого страха наблюдая за людьми.

Мхари подступила к Ромили, требуя отчета:

— Если это твой ястреб, значит, он обученный?

Ответила за девушку Яни:

— Она рассказала мне, что отец отобрал эту птицу и подарил ее брату…

Наконец Ромили справилась с чувствами и, собравшись с силами, сказала:

— Я тогда решила, что брат сообразит, что Пречиоза не его. Этот подарок ему не по зубам.

Теперь она прямо, не стыдясь просыхающих слез, глянула на дерево, где на ветке недвижимо, словно нарисованный, сидел огромный ястреб. Вновь между ними возникла прежняя связь — им не требовалось слов; в конце концов, в этой чужой стране, среди чуждых ей сестер, отказавшись от прошлого, а следовательно, в какой-то мере и от самой себя, обрекши себя на одиночество, она вновь обрела друга, старого, верного. Это давало надежду — теперь она не одна.

2

Три дня они скакали по степи, пока не добрались до гряды покатых зеленых холмов. Чудесные здесь были края — воздух тепел и мягок, травы густы, воды обильны. До конца дней своих Ромили помнила первое посещение равнин Валерона — так назвал эту страну Кэрил. В этом райском уголке все радовало взор — и рощи, где кроны деревьев украшали крупные распустившиеся соцветия, и волнистая линия горизонта, где небо затягивала чудная серебристо-пурпурная дымка, и стелющийся по обе стороны от дороги пестрый цветочный ковер, где мелькали красные, голубые и жемчужно-золотистые полевые цветы. Огромное око багряного светила казалось здесь ласковым, умиротворенным; пурпурные тени чуть размытыми… На равнинах Валерона никогда не случалось заморозков, климат влажный, здоровый, воздух ароматен и свеж.

Чем ближе к дому, тем больше радовался Кэрил. Он никак не мог унять возбуждение и, указывая Ромили на межевые знаки, приметные валуны и редкие поселения, речушки и озера, все время делился свалившейся на него удачей.

— Вот уж никак не ожидал оказаться дома до середины лета. Надо же, как повезло!

— А твой отец опять отошлет тебя в Неварсин. Там все еще лежат снега… Он что, тоже христофоро?

Кэрил отрицательно покачал головой, лицо его посерьезнело. Он показался совсем взрослым. Ответил тихо, словно решившись поделиться с закадычным другом великой тайной:

— Я служу Властелину Света. И папа тоже… Как и все Хастуры…

«Тогда почему?..» — Ромили едва не выкрикнула эти слова ему в лицо, но самообладание помогло удержаться от оскорбительной выходки. Сын за отца не отвечает, но девушка не могла не задать вопроса. Хотя бы самой себе… Однако мальчик сумел уловить его суть.

— Христофоро в Неварсине — ученые и порядочные люди, — неожиданно начал он, — вот почему он отослал меня туда. Есть, правда, еще одна причина… С тех пор как страна разделилась на сотни доменов, когда на равнине воцарился хаос и смятение умов, понимание, что есть добро, а что — зло, мало что значит само по себе. Сейчас право в руках сильных, и отец решил упрятать меня подальше от смуты. В горах еще сохрани-

лись какие-то человеческие ценности, тем более в монастырях, а здесь… Во владениях Хастуров сплошные грызня и раздоры. Здесь никого не щадят, ни старых, ни малых… Отец не разделяет взгляды христофоро, но их веру уважает. Он считает, что братья служат делу мира, а это в наше время уже кое-что…

Кэрил замолчал, и Ромили не решилась прервать это молчание — сколько крови, жестокости и насилия довелось ему увидеть на этой благодатной земле! Может, именно поэтому в нем так поразительно сочетались детская наивность и мудрая проницательность. В Кэриле как бы жили два человека… Как иначе ребенку не сойти с ума от сцен грабежей и убийств? Пусть помолчит, соберется с силами… Ей тоже, кстати, следует обдумать свое дальнейшее поведение. В родных горах, где жизнь текла так мирно, она слышала много рассказов о войнах на Дарковере. Сколько сражений произошло на этой благодатной райской планете! А что оставалось в наследство? Пепелища, кладбища, уныние и горе… Девушка словно воочию увидела: поля, почерневшие от крови, слезы и вопли невинных жертв, сожженные и разграбленные селения; это следы, оставленные армиями, их можно было встретить

на каждом клочке этой земли под багряным солнцем. Жуть брала, если подумать, что вон тот ангельский цветочек вырос на прахе погибших людей. И тот, и вон тот, что подальше…

Ромили содрогнулась — все эти видения возникли в голове маленького мальчика, она всего лишь восприняла их…

Верно поступил его отец, что отправил мальчика в уединенную обитель в вечных снегах. Пусть там, среди скал, возле святых мест излечится он от этих ужасов. Пусть забудет о мести и крови… Тем более такой ребенок, как Кэрил, со столь сильным лараном. Такой чувствительный, такой умненький…

«Боже, — взмолилась Ромили, — как же недостает мне дома!» С какой благодарностью она вспомнила мирное детство, ноги была готова отцу расцеловать, всем предкам, что им хватило упрямства и разума не ввязаться в эти свары. Хвала Макаранам, что они никогда не страдали от жадности, от жажды насилия, после бурных вспышек которых потомкам обычно достаются развалины, нищета, прозябание. Если, конечно, остаются потомки…

Ну их всех к старому Зандру в задницу со всем их имуществом, дрязгами и бахвальством!

«Ой, папочка, увижу ли я тебя когда-нибудь?»

Она искоса глянула на Кэрила, но тот все так же помалкивал. Скакал, глядя прямо перед собой. Видел ли мальчик что-либо или прежняя боль, проснувшиеся мучительные воспоминания отвлекли его взор? Она робко коснулась мыслью его сознания — как бы постучала, попросила разрешения войти. Ответа не было. Ромили вздохнула — что поделаешь…

«Неужели я везу ребенка, которого снова с головой окунут в семейные распри? Неужели его нельзя пожалеть — ему же только двенадцать! Совсем как Раэль. Что же я делаю? А как убережешь, где спрячешь? Свой путь я выбрала сама, а он за что страдает?»

Вопросы, вопросы — от них голова пухла. И не думать об этом она была не в состоянии. Украдкой оглядела своих спутниц. Странные они все-таки… А может, совсем наоборот? Ромили обратила внимание, что все ехали молча, погруженные в раздумья — кое-кто покусывал губу, кто-то время от времени тяжело вздыхал. Неужели каждую из них мучат свои жгущие, бередящие душу вопросы?

Может, не выдерживая этой тяжести, люди и взывают к Хранителю Разума, забывая при этом,

что он вовсе не Бог, а мудрый учитель? Кому же еще нести людям печали, как не богам, пусть они разберутся, дадут совет, хотя бы выслушают!.. Иначе как стерпеть, как дожить эту проклятущую жизнь, не теряя при этом рассудка?

Печаль Кэрила не давала девушке покоя. Сердце щемило от желания помочь ему. В конце концов, она уже взрослая и способна справиться с трудностями, следовательно, ее долг избавить мальчика от жутких воспоминаний, отвлечь его. Ромили наклонилась к нему и тихо спросила:

— Хочешь, я позову Пречиозу! Когда она спустится, ты можешь подержать ее. Я думаю, ей тоже одиноко в небе.

Не дожидаясь ответа, девушка свистнула и, подхватив взмахивающую крыльями ястребицу, посадила ее на луку седла. С лица мальчика тут же исчезла печаль — лучшей награды не придумаешь, обрадовалась Ромили. Теперь парнишка скакал необыкновенно гордый, ликующий. Еще бы — рядом с ним, как бы с хозяином, едет настоящий верин, такой громадный и сильный, каких он ранее и не видывал.

— Ромили, когда война окончится и наступит мир, можно мне будет поучиться у тебя, как тренировать ястребов? Вот если бы ты согласилась

стать моим сокольничим! О нет, девушка не может быть сокольничим, она — сокольничья…

Ромили ответила мягко, стараясь не обидеть мальчика:

— Неизвестно, что будет после войны, Кэрил. Я бы с удовольствием обучила тебя тому, что знаю. Беда в том, что, к сожалению, многое из того, что мне удается, нельзя выразить словами. Тебе следует обладать чутьем. В сердце, в ларане… — «Удивительно, но теперь, — отметила про себя Ромили, — это слово не вызывает во мне раздражения». Это радовало, и после небольшой паузы она продолжила: — Ты должен знать птиц, любить и понимать их.

Она запнулась, искоса глянула на Кэрила — что-то новое, непонятное отразилось на его лице. Или ей почудилось? Мало ли что может померещиться… Но нет! Ее взгляд словно пробил толщу лет… Боже, кто перед ней? Этот мальчик, обладающий удивительной способностью проникать в мысли людей и животных, серьезный, как монах, и в то же время отличающийся необыкновенным очарованием, присущим Хастурам, — кто он? Сияние королевской короны осенило его голову — это было как проблеск, как мимолетный взгляд в будущее. Неужели Кэрилу суждено когда-то за-

нять трон? Вот же он, образ грядущего монарха!..

Ромили едва не вскрикнула — отвергла эту картину, ясновидение вызвало страх. Нет, подобный дар к добру не приведет… Она перевела дух…

По той ли причине, что тем, кто обладал таким даром, было дано слишком многое, а это было опасно, очень опасно, Ромили чуяла возможную беду. Не потому ли отец отказался отправиться в Башню, где мог бы развить свой ларан? Не это ли ощущение опасности заставило его отвергнуть все, что не помогало в работе с животными и птицами, что казалось лишним, чуждым? Но сможет ли она не повторить его путь? Как же справиться с тем, что заложено в ее разуме, сердце, душе? Сможет ли она вынести это бремя или лучше отказаться и более не вспоминать о ясновидении, способности прозреть будущее? За что она получила этот дар? В радость ли он или в наказание за грехи отцов? Девушке вспомнились многочисленные легенды, которые рассказывали о людях, сходивших с ума, обнаружив у себя такой ларан.

Как могло взбрести в голову, что Кэрил когда-нибудь станет королем? Отец его всего лишь советник у дома Ракхела, и, если Ракхел победит, все равно это не приблизит Лиондри к трону. Безумием было бы считать, что Лиондри, разу-

верившись в обоих претендентах на корону, попытается основать новую династию…

— Ромили? Роми?.. Ты что, заснула?

Голос Кэрила привел ее в чувство.

— Роми, можно мне запустить Пречиозу? Мы вместе поохотимся — нам же на ужин нужна дичь, правда?

Девушка улыбнулась.

— Ну что ж, попробуй, однако сомневаюсь, что она принесет добычу кому-нибудь другому, а не мне. Но сначала спроси разрешения у госпожи Яндрии, может, нам и не нужна дичь. Она старшая, а не я.

— Прости, — поджал губы Кэрил, — но что-то я не могу признать в ней благородную даму или госпожу. Мне бы и в голову не пришло, что у нее надо спрашивать разрешения! Мы с тобой равны, словно ты одна из моих родственниц.

— Нет, я тебе не родственница, но ее кровь не уступает моей и даже твоей. Я тебе не говорила, что Яни — двоюродная сестра лорда Орейна?

— Лучше бы ты мне этого не говорила! Их родители — злейшие враги моего отца. Я бы не хотел, чтобы он расправился с ней…

Ромили выругала себя за то, что распустила язык. Надо было спасать положение.

— Знатность не имеет значения в нашем Ордене, и Яндрия отказалась от привилегий, связанных с благородным происхождением. Так же как и я, Кэрил.

Эта новость пришлась мальчику по душе, хотя Ромили не поняла, чему он обрадовался.

— Я спрошу Яни, нужно ли нам мясо на ужин, — наконец объявила она, — и ты пустишь Пречиозу, если она послушается тебя. Яни, конечно, не может запретить тебе поохотиться с ястребом. А там и я попробую. Может, удастся!.. Ведь никто же не может запретить тебе приготовить ужин.

— Я не умею, — гордо заявил Кэрил, потом усмехнулся, опустил глаза. — Конечно, если ты покажешь, как ощипать и зажарить дичь, то я…

Ромили глянула на него и захихикала. Кэрил тоже.

— Я научу тебя, как самому приготовить птицу, — сказала Ромили.

Через три дня всадники добрались до озера, лежавшего во впадине между холмами, и Кэрил, показав на величественное здание, расположенное в широкой долине, объяснил:

— Хали в той стороне… И замок моего отца.

Ромили решила, что здание более похоже на дворец, чем на крепость, но ничего не сказала.

Мальчик добавил:

— Как же я рад снова увидеть отца и мать!

Как будет рад Лиондри, встретив сына живым и здоровым, после стольких приключений вернувшегося из рук врагов! Но и на этот раз Ромили промолчала. Этим утром, выпустив ястребицу в полет, она глазами птицы оглядела широкие просторы равнин Валерона — на горизонте степи то там, то здесь столбы дыма, пожар уничтожал селения и замки, отряды вооруженных людей кружили вдоль границ, скапливались, сталкивались, отступали и шли вперед.

Весь этот день и последующие сестры скакали по выжженной земле. Повсюду бросались в глаза следы войны: сожженные фермы, башни в руинах — казалось, только землетрясение могло разрушить до основания сложенные из огромных камней стены замков. Что за ужасное бедствие прошлось по этим местам, из каких кругов преисподней Зандру оно вырвалось? И повсюду следы огня и трупы, скелеты… Теперь все ехали молча — жуткое безмолвие стояло над степью, даже свиста робких земляных крыс не было слышно. Все вымерло…

Всадники выехали на вершину холма — и не поверили глазам. Перед ними лежала ухоженная

деревенька. Цвели сады, однако в этом благоухающем уголке не было слышно ни единого человеческого голоса. Ни дымка не поднималось над крышами нарядных нетронутых домиков. Ни ржанья лошадей, ни воя рабочих червинов, ни квохтанья кур, ни собачьего лая не долетало до ошарашенных путешественников. Не скрипели колеса, не повизгивал колодезный журавль. Не было и людей… Мертвая тишина стояла над деревьями, пронзительное, грозящее бедой беззвучие. Только приглядевшись, можно было заметить неестественно ядовитый налет на стенах домов, на плетнях и по колеям широкой улицы. Словно напал невидимый враг, омыл деревеньку пронзительной, смертельной зеленью и умчался… Или нагнало откуда-то зеленоватое гибельное облако, заполонило оно поселение, потравило людей и растаяло.

Ромили долго наблюдала этот ужас — ее бессознательно пронзило видение ночи, во время которой над деревенькой ярко и приветливо посверкивает изумрудно-травянистое свечение. Оно бывает видно издали — этакий веселящий душу маячок в степи, но горе путнику, который, соблазнившись переночевать под крышей, вступит в манящую ловушку… Видение растаяло, а

страх, оледенивший сердце, по-прежнему цепко держал девушку.

Не все так мрачно и мертво было в этой деревне — откуда-то из-за плетня выскочила большая степная кошка и, не разбирая дороги, кинулась прямо к застывшим на холме всадникам. Сильное животное мчалось прыжками, но вот ее движения потеряли размеренность, хищник начал спотыкаться и в конце концов повалился на бок, испустив дух. При этом животное не издавало ни звука — от этого стало еще страшнее…

Яндрия прокашлялась и глухо объяснила:

— Гибельный липучий туман!.. Есть такое вещество… Там, где ларанцу разбрасывают его с воздуха, там земля умирает. Все гибнет — люди, животные, посевы, сады, дома… Здесь мы не проедем, иначе с нами случится то же, что со степной кошкой. Придется сделать крюк…

— Большой? — не удержалась от вопроса Ромили.

— Порядочный. От этого места надо держаться подальше, как если бы наткнулись на драконье гнездо. Хотя здесь нет и следов сражения… Были бы драконы, с ними можно сразиться, а с этим туманом — никак! Около десяти лет должно пройти, прежде чем на этих холмах восстановится

жизнь, появятся животные-немутанты. Помню, мне довелось видеть горную кошку с четырьмя глазами и червина с когтями на копытах. Жуть!..

Яндрию даже передернуло… Наконец она развернула коня, и отряд поскакал по водоразделу на восток.

— Придется потратить время! — воскликнула она, указывая на деревню. — Очень не хочется, чтобы после этой поездки у меня выпали волосы, а кровь перестала свертываться.

Объезд занял у них около трех дней. Яни предупредила, чтобы Ромили все это время не выпускала Пречиозу охотиться.

— Не дай Бог, она отведает дичи, отравленной этой зеленой пакостью. Ладно, если сразу умрет, но так бывает редко — чаще жертвы погибают в страшных мучениях. Нам тоже пока следует питаться из наших запасов. — Это она предупредила спутниц. — Иначе и волосы, и зубы выпадут. Тут не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Эта гадость попадает в желудки птиц, склевывающих семена злаков, ими питаются хищники, и круг расширяется, расширяется… Девушки, еще раз прошу — будьте осторожнее… Лучше лишний раз поберечься.

Делать было нечего, и Ромили скрепя сердце

привязала к ноге Пречиозы кожаный ремешок. Помнится, она давала клятву никогда не посягать на свободу ястребицы. Неужели та обидится и перестанет доверять хозяйке? Как всполошилась Пречиоза, почуяв на ноге путы, как закричала!.. Принялась клевать ненавистный поводок. Ромили, плача от жалости, пыталась успокоить ее, твердила одно и то же — надо, милая, ничего не поделаешь. Птица скоро притихла, однако нахохлилась и не смотрела на девушку, а Ромили все не могла успокоиться — без конца мысленно убеждала ястребицу: «Как ты не понимаешь — не могу я отпустить тебя на свободу. Пусть ты никогда не простишь меня, но останешься жива».

Словами тут не поможешь, укорила себя Ромили. Тоже нашла собеседницу — усиленно принялась формировать в сознании картинку; пыталась как можно подробнее представить отливающую едкой зеленью тушку, вызвать в Пречиозе отвращение и страх перед смертельно опасной пищей. Ястребица даже не взглянула на нее, но бунтовать перестала — так и ехала на луке седла, сунув голову под крыло. С трудом успокоившаяся Ромили уловила, как голод все сильнее овладевает крылатой подругой. Чем могла помочь ей девушка? Только свежатиной,

а именно этой еды и следовало опасаться. Пречиоза терпела, как могут терпеть животные. Кто не видал, как умирают собаки, кошки? Без криков, достойно. Так же вела себя ястребица, и эта стойкость, несмотря на весь ужас происходящего, наполняла сердце Ромили гордостью.

Наконец, отъехав на порядочное расстояние — Яни без конца предупреждала женщин, что, если они заметят, что волосы начали выпадать или зубы шатаются, необходимо тут же сообщить ей, — предводительница отряда подскакала к Ромили. Яндрия шепотом сообщила девушке:

— В этой деревне вырос Орейн. Теперь там долго никто не сможет жить. Думаю, не менее десяти лет. Боги, покарайте этого проклятого Лиондри, оберните против него же его дьявольское оружие.

Ромили быстро глянула в сторону Кэрила, однако тот оставался спокоен. То ли не слышал, то ли не подал виду.

В тот день они очень рано разбили лагерь, и, пока женщины ставили палатку, Яни отозвала Ромили в сторону. Они отошли подальше, спрятались в небольшой рощице.

— Мне необходимо поговорить с тобой. — Тут она заметила приближавшегося к ним с заин-

тересованным видом Кэрила и резко добавила: — Нет, Кэрил, не с тобой…

Мальчик как побитый щенок побрел назад. Яни взяла девушку за рукав и увела еще дальше, потом заставила сесть на ствол поваленного дерева. Сама, скрестив ноги, расположилась на траве.

— С волосами и зубами все в порядке?

Ромили растянула губы и постучала ногтем по крепким ровным зубам, потом попыталась выдернуть прядь из коротких густо-рыжих волос. Тоже безрезультатно…

— Все в порядке, Яни.

— Хвала Эванде! — воскликнула она. — Хвала покровительнице девушек и девичества!.. Сегодня утром, причесываясь, я обнаружила на гребешке несколько волос. Правда, лет мне уже немало и для женщин моего возраста это естественно. Все равно я испугалась — решила, что мы проявили небрежность и сделали слишком малый круг. Вот проклятое место! Посмотришь на него и задумаешься… Какой сумасшедший мог додуматься до того, чтобы таким странным образом погубить своих же вассалов? Знаешь, я бывала на войне, видела сожженные крестьянские дома — сама я не большая охотница губить людей, да еще ради величия и прав сильных мира сего, но

что было, то было… Дом можно восстановить, отстроить заново. Наладить хозяйство, развести скот, засеять пашню — лишь бы установился мир. Но изничтожить собственную землю, так, чтобы место оказалось зараженным, — этого я не понимаю! Возможно, я слишком чувствительна для бойца, — усмехнулась женщина, а затем, помолчав, спросила: — У тебя есть какие-нибудь проблемы с пленником?

— Нет, — удивилась Ромили. — Он, конечно, рад, что скоро будет дома, но слово свое держит.

— Знаешь, сколько я размышляла над этим!.. Не могу сказать, что меня обрадовало то, что ты мне сказала… Нет, нет, — она жестом остановила пытавшуюся возразить Ромили, — я верю, ты говоришь правду…

Тут Яни замолчала, расстегнула пряжку на ремне, вновь застегнула ее. На лице ее лежала печать крайней усталости. Сердце Ромили неожиданно затопила волна нежности.

— Послушай, Яндрия, тебе надо отдохнуть. Позволь, я вернусь в лагерь — там столько дел. Надо и дров нарубить, и животных осмотреть. Если хочешь, я принесу тебе еду. Могу и скатку притащить… Ты что, хочешь ночевать под открытым небом? Любоваться звездами?..

Яни невольно рассмеялась — вообще, смешливость была одной из главных свойств этой удивительной женщины. Она явно была из хохотушек, но с годами эти заливистые мелодичные звуки стали выражать, как показалось Ромили, самую глубокую печаль. Яни не хихикала, не ухмылялась, не посмеивалась, а заливисто хохотала. Кому как, а Ромили со временем стали очень дороги эти вечные рулады… Вот и на этот раз веселье Яни, блеснувшие глаза подсказали Ромили, что она еще недалеко ушла от Раэля, если задает такие вопросы.

— Разве я на них не насмотрелась, Роми? Все было — и звезды были, и ночи теплые напролет… Веселые были-ночи. — Она опять рассмеялась. — Но сейчас речь о другом. Меня волнует маленький Каролин… А также то, что я должна доставить его к отцу. К этому Лиондри… Возможно, мне придется попросить тебя доставить мальца в Хали и передать в руки лорда Хастура…

— Почему именно я, Яни?

Теперь предводительница посерьезнела:

— Ты, конечно, что-то слышала о тайных и коварных интригах, которые плетутся в благородных домах. Вероятно, даже у вас, в заповеднике дедовских нравов, это в порядке вещей. Знаешь,

я чувствую себя предательницей по отношению к Ордену, ведь в уставе записано, что, давая обет, мы отрекаемся от прошлого. Мхари, Реба, Шайя — все они замечательные, верные подруги, которые никогда не подведут в бою, но… Как бы тебе сказать… их кругозор ограничен происхождением. Я просто не могу послать их в это ядовитое гнездо с дипломатическим поручением. То есть послать-то я их могу, но уверена — живыми они не вернутся. Более того — мы все тоже… — Она грустно улыбнулась — на смех, по-видимому, не хватало сил. — Как бы я ни бахвалилась перед Орейном, Лиондри узнает меня, даже нарядись я в перья птицы баньши! Я танцевала с ним в замке «Легкое дыхание»… А теперь… Знаешь, у меня нет никакого желания погибнуть на дыбе. Все мы — Каролин, Орейн, Лиондри и я — одна компания. Мы вместе росли, были очень дружны… Наши пути разошлись, и для Лиондри нет более ненавистных врагов, чем наша троица. Дело в том… Орейн ни о чем не догадывался… Может, оно и к лучшему… — Яни замолчала, словно прикидывая, стоит ли рассказывать дальше, потом все-таки решилась: — Орейн всегда был наивен и излишне доверчив. Ему и в голову не могло прийти, что между мною и Лиондри может

что-то быть. А мы еще до моего совершеннолетия столько ночей провели вместе! Да и черт с ним, с Орейном! — внезапно ожесточилась Яндрия. — Мне сейчас не стыдно в этом признаться. Потом… В общем, ныне я исключила Лиондри из числа родственников, вряд ли он простил мне прежнюю обиду. Думаю, ему будет приятно, что, вешая меня, он тем самым не только отомстит, но еще и крепко досадит Каролину и Орейну. Я не выдержу встречи с ним — Аварра, смилуйся надо мной! — потому что я до сих пор люблю его. Люблю так же сильно, как и ненавижу!..

Яндрия машинально сглотнула, опустила голову и отерла слезы. Все это время она держала Ромили за руку.

— Теперь ты все знаешь. Знаешь, почему я так страшусь встречи с ним. Вся дрожу от страха, ненависти и любви… От надежды!.. Стараюсь головы не терять — не те годы, а все же!.. Так вот, насчет головы на плечах — я его хорошо знаю. Он вполне может наплевать на слово, данное его сыном. Собственно, ничье слово для него не значит ничего… Я не знаю, я вся в сомнениях, а дело настолько сложное, что мне просто нельзя…

— И не надо. — Ромили попыталась успокоить ее. — Я охотно все сделаю сама. Тебе не следует

рисковать.

— Ты поняла? В тебе Лиондри и Ракхел увидят лишь чужака, с которым, в силу его происхождения, все-таки необходимо считаться. Как бы то ни было, но имя твоего отца уважают в горах. Да, он небогат, да, род исхудал, но все же когда-то Макараны были королями. Зачем лишний раз настраивать горцев против себя, тем более что ты всего-навсего любовница Каролина? Не возражай, именно так они и подумают… Во всей этой истории ты сбоку припека, к тому же ты хорошо обращалась с сыном Лиондри. Надеюсь, он это подтвердит.

Ромили озадаченно развела руками. Теперь Яни рассмеялась уже веселее.

— Ничего, привыкай к придворной жизни. Там ничего просто так не пропадает — ни словечко, ни улыбочка… К тому же ты посланница Ордена Меча — мы клятву верности Каролину не давали, да и ссориться с нами тоже недальновидно. Все это, Ромили, досужие рассуждения… Поверь, в них, конечно, есть смысл, но все будет зависеть только от тебя… Одно неверное или, что еще хуже, лишнее слово — и твоя песенка будет спета. Всякие политические расклады будут отброшены. В этом смысле поведение Лиондри

непредсказуемо. Например, повторюсь, для Лиондри слово, данное его сыном, — пустой звук. Все решат впечатления, суть разговора, умение вести себя — главное, уметь сказать все и при этом не наболтать лишнего. Чем ты, собственно, рискуешь? Разве что заключением, но у тебя в этом случае будет надежный защитник. Кэрил… Уж он-то, как я заметила, не даст тебя в обиду. Кэрил — большая сила, тем более что он умен… Не забывай — Лиондри может и казнить тебя; хотя бы из желания отомстить мне.

Ромили невольно горько улыбнулась. Хорош расклад. Суть сказанного — головы можно лишиться в мгновение ока.

— Я не могу приказывать тебе, Роми. Я могу только просить. К сожалению, я не имею права отослать Кэрила одного в город — Ракхел может пойти на все, чтобы покрепче привязать к себе Лиондри. На любую провокацию, чтобы только обвинить Каролина и Орейна. Ребенок должен быть передан из рук в руки в целости и сохранности.

— Я, честно говоря, не думаю, чтобы слово наследника Лиондри ничего не значило, — задумчиво выговорила Ромили. — Зачем Хастуру лишние хлопоты с сыном? Да еще в такое вре-

мя…

— О, вижу, ты думаешь, что разбираешься в политике, но уверяю тебя — Лиондри нельзя верить. Он действует исключительно ради своих интересов, и… — Она замолчала, потом закончила: — …ни перед чем не остановится.

Яни закрыла лицо руками. Наступила долгая, томительная тишина. Ромили глянула в небо — там густели пурпурные сумерки. Добродушное, проницательное, в четверть небосвода, око светила уже укладывалось на спину близлежащих холмов. Ветер стих, птицы не пели, изредка посвистывали в траве легкокрылые серебристые кузнечики. Ох, как было хорошо кругом — дышалось легко и свободно, и ночь обещала быть теплой под крупными, подрагивающими, чуткими звездами… Вспыхнув, они начинали перешептываться, и этот хрустальный звон спускался с небес и баюкал землю. Кто она, Ромили? Так, замухрышка, сбежавшая из родительского дома, о чем горько сожалеет, но вернуться ей уже нельзя. Член Ордена Божьих невест, решивших силой оружия отстаивать свои права, но именно сестры пригрели ее в трудную минуту, дали кров, накормили, напоили. Кто же она, Ромили? Уж во всяком случае, не неблагодарная тварь! Тем

более она поклялась меченосице.

Она высвободила руку, положила ее сидящей на траве Яни на плечо и тихо сказала:

— Я поеду, сестра. Верь мне…

Перед тем как войти в город, Кэрил искупался в ручье, тщательно вымыл голову с помощью мыльной травы, подстриг ногти, переоделся наконец в свое прежнее потрепанное платье. Когда вылез на берег, попросил у одной из амазонок гребень и аккуратно причесался.

Последние несколько дней, постирав на одном из привалов свой наряд под руководством Ромили, он ходил в таком тряпье, что смотреть было больно. Кто-то из сестер одолжил ему рваные бриджи, кто-то латаную-перелатаную рубашку — таким образом, ему удалось привести свою неварсинскую одежду в более-менее пристойный вид. Хотя, скажем прямо, даже в этом облачении он мало чем напоминал принца крови.

Но ветхость одежонки не смущала мальчика — вообще за время путешествия он заметно опростился. Даже погрубел… С женщинами Кэрил теперь жил душа в душу, в общении не было сюсюканий и нежностей, но из палатки его не выгоняли. Парень-то он неплохой — это мнение было общим, даже Мхари перестала сверлить его

гневным взглядом…

Причесавшись, юный Хастур вернул гребень и с сожалением сказал:

— Папа к Празднику середины зимы прислал мне новый нарядный костюм, пришлось оставить его в монастыре. Ну и ладушки. — Теперь он часто повторял эту приговорку Орейна. — Что есть, то есть…

— Если ты желаешь, я могу подстричь тебя, — предложила Ромили.

Мальчик кивнул, и девушка принялась за стрижку, при этом Кэрил несколько раз повторил, что он не лошадь, чтобы носить длинную гриву.

— И чтоб никто не трепал тебя за вихор, — с мрачным видом добавила Мхари.

— Благородных за вихры не треплют, — жизнерадостно объявил Кэрил. — А я после стрижки — вылитый благородный господин. Вообще-то, — уже серьезно, обращаясь к Ромили, сказал мальчик, — терпеть не могу тряпье. Что я, бродяга?

Потом, когда они остались втроем, он обратился к Яни:

— Местра Яндрия, вы не собираетесь поехать с нами? Мой папа не будет гневаться на того, кто

был добр с его сыном.

Яндрия отрицательно покачала головой:

— Хороший ты мальчик, но мы с твоим отцом давным-давно в ссоре. Это случилось задолго до твоего рождения, тогда еще Ракхел не посягал на трон Каролина. После того, что случилось, мне бы не хотелось попадаться ему на глаза. С тобой поедет Ромили.

— Я вообще-то рад, что меня будет сопровождать Роми. Уверен, папа достойно наградит ее.

— Во имя всех богов, надеюсь, что так и будет! — с чувством воскликнула Яндрия.

Вот и настала минута прощаться. Кэрил отвесил предводительнице амазонок церемонный поклон, та подошла и попросту прижала его к своей груди.

— Аделандейо, — сказала она на прощание — так обычно женщины с гор провожали мужчин. — Скачите с Богом, и да пусть небесная сила сопутствует тебе. И Ромили!..

Только сейчас девушка заметила, с каким усилием Яни выговорила эти слова, как вздрогнули ее руки. Ясно, что предводительница имела в виду — дай Бог, девочка, чтобы мы снова увиделись; пусть минует тебя гнев Лиондри Хастура, его цепкие лапы.

Ромили легко впрыгнула в седло, огляделась и с неожиданной ясностью, возникшей с той поры, как она научилась глядеть на мир глазами Пречиозы — в такие моменты обострялись все чувства, — осмотрелась вокруг. Странно, но все окружающее, виденное и вроде бы изученное за эти два дня, теперь предстало перед ней как бы в первый раз.

Или в последний?

Бледное небо, латаная-перелатаная палатка-шатер, где разместились сестры, зеленеющие холмы — весна уже полноправно властвовала в округе, — редкая, насквозь прозрачная роща, вечная дымка над землей, пурпурная, манящая, — все вдруг предстало в своем первозданном виде. Все обрело смысл, получило собственный голос — а он тоже был хорош, звучен, волнующ: невдалеке Мхари и Лаурия сражались на палках, заменявших боевые мечи, — дерево стучало и пошуршивало тревожно и томительно; две другие девушки сошлись в рукопашной схватке и по многу раз отрабатывали один и тот же прием, чтобы в случае опасности защита сработала на уровне бессознательного — их уханья, возгласы звали размяться, сбросить лишний вес. Тревожно дымился костер… Непогасшие угли всегда

опасны… Тут Ромили опомнилась — не в лесу же они находятся, здесь кругом полно воды; звонко журчит ручей. Бежит, зовет куда-то… В город? Увидим, вздохнула девушка.

Все равно, непотушенный костер — плохая примета, упрямо сказала она себе. Ну и пусть! Я всего лишь член Ордена, меченосица, принадлежу к Ордену Меча, не важно, что я только послушница, в любом случае Лиондри Хастур должен вести себя со мной как с полноправной представительницей Ордена. Пусть я совсем не похожа на леди! Какое дело Лиондри до меня? Разве ему не хватает забот? Одета я, как подобает сестре — теплый плащ, тот, который купил ей Орейн в Неварсине, лучшей вещи у нее еще никогда не было. Как Лиондри узнает, кто ей сделал такой подарок? И ты держи язык за зубами… Правда, рубашка чужая — они по очереди надевали ее, чтобы не ударить лицом в грязь в кругу этих надменных Хастуров. Сапоги почищены…

Тут сердце девушки сжала непроходящая печаль, послышались в памяти слова Люсьелы: «Роми, это невозможно — сапоги, бриджи и верхом ты ездишь, расставив ноги, как мужик. Что скажет отец?»

Что он скажет? Да ничего!

Она тронула коня, кивком позвала Кэрила, и они скорой рысью поскакали по направлению к Хали.

Оказалось, что вокруг города нет стен — деревеньки незаметно сменились предместьями, потом пошли городские кварталы и, наконец, — широкая улица. Как объяснил Кэрил — проспект. Полотно дороги было до того ровное, каждая плита так искусно подогнана, что Ромили не смогла скрыть удивления. Мальчик объяснил, что мостовая уложена с помощью матриксной технологии.

— Это значит, — горячо заговорил мальчик, — без использования человеческих рук, или, как называли горожане, без ручного труда.

Ромили недоверчиво усмехнулась: как это без рук? Кэрил разгорячился:

— Я тебя уверяю! Папа однажды показал мне, как это делается. Десять — двенадцать лерони силой мысли поднимают плиту и укладывают ее точно в то место, которое обозначено в матриксной решетке. Однажды я тоже целый день работал колдуном-укладчиком, и у меня здорово получалось.

Роми, собственно, мало что поняла в его пояснении — что такое матриксная решетка, как

это всем вместе можно усилием мысли поднять каменную плиту? — однако спорить не стала. Не хватало еще перед самым приездом рассориться с заложником.

Он сам вел ее по улицам, направлял своего пони, так что Ромили вынуждена была тянуться за ним. Правда, времени, чтобы поглазеть по сторонам, было достаточно. Впервые она почувствовала деревенскую неуклюжесть, словно ее только что привезли с фермы. По ее мнению, Неварсин был большой город, Каер-Донн поменьше, но тоже ничего. Однако Хали ошеломил девушку. Перед ней теснились огромные, высотой напоминающие Хеллеры дома, мощеных грязных улочек не счесть, а кроме этого, еще фонтаны, странные родники, где вода почему-то бьет снизу вверх, а не падает сверху вниз, как должно быть. Вот что еще поразило девушку — сами дома! Они никак не походили на укрепленные замки, более того — кое-где даже двери были нараспашку. Как же эти чудные горожане не боятся спать по ночам? Да еще и без городских стен…

С ума сойти можно!

И люди — толпы людей!.. С первого взгляда видно, как разительно отличаются от горцев. Те были куда крепче скроены. В горах кутались в ме-

ха и кожу, иначе там от холода пропадешь; здесь же, в мягком, теплом климате, одевались куда легче, наряднее. И беспечнее, что ли… Расшитые, отделанные кружевами туники всевозможных цветов, яркие рубашки, светлые блузы и прозрачные покрывала на женщинах; пестрые плащи-пелерины и узкие брюки на мужчинах… Как в таких штанах сядешь на коня — они же непременно лопнут! Все эти наряды, конечно, красивы, отметила про себя Ромили, но по лесу или по горам в них не побродишь. В момент изорвешь…

Кое-кто на улицах внимательно присматривался и провожал взглядом ярко-рыжего мальчугана и стройную, одетую в мужской костюм всадницу. Ушки-то у нее проколоты — тю-ю, уж не из этих ли безумных фурий, что называют меченосицами? Вот плащ у нее замечательный, старинной работы… Кэрил, понизив голос, сказал:

— Они узнали меня. Они думают, что и ты из Хастуров, поскольку волосы у тебя огненные. Папа тоже так решит. Собственно, так оно, по-видимому, и есть. И ларан…

— Не думаю, — возразила Ромили. — Скорее всего, рыжие волосы — игра случая. Макараны были издавна как огонь, по крайней мере, моя

прабабушка. Она смутно стоит у меня перед глазами, я тогда была так мала, что не могла усидеть в седле. Так вот, волосы у нее были светловатые, песчаного цвета и чуть-чуть в рыжину, но вот корни волос были кирпичного оттенка…

— Что и доказывает, что они вполне могли быть родственны Хастуру и Касильде, — заспорил мальчик, но Ромили отрицательно покачала головой.

— Это совсем ничего не доказывает. Я мало знакома с твоими сородичами. — Она тактично употребила слово, применяемое в горах, но закончила про себя: «Но то, что я знаю, мне совсем не нравится». Тут ей пришло на ум, что Кэрил обладает сильным лараном и вполне может прочитать фразу. Она застыдилась, опустила голову. Тот тоже отвел взгляд в сторону и ничего не сказал.

Теперь они выезжали на улицу, ведущую к центру города, где возвышался Большой дворец. С каждым шагом коня, приближающим ее к вражескому логову, она робела все больше и больше. Совсем немного — и она лицом к лицу встретится с этим ужасным Лиондри Хастуром — человеком, который, по крайней мере так утверждают, возвел на трон Ракхела и добился,

чтобы прежний король Каролин был отправлен в изгнание. Скольких же людей он погубил, скольких выгнали из своих домов его приспешники! Народная молва стойко приписывала все злодейства режима Лиондри Хастуру.

— Не бойся, — ободрил ее Кэрил и указал на огромное здание дворца. — Папа будет очень благодарен. Он осыплет тебя милостями. Ведь ты же доставила меня в целости и сохранности. Он добрый, в самом деле, поверь мне, Ромили. К тому же я слышал, он обещал награду, когда гонец из Ордена принес ему весть, что меня сопровождают в Хали.

«Нужна мне его награда! — подумала Ромили. — Шкуру бы свою сохранить и голову в придачу». Как это свойственно юности, ей было трудно вообразить, что когда-нибудь пробьет ее смертный час, тем не менее слова Яни крепко запали в душу. К примеру, самоуправству сильных мира сего нет предела. И что ее отец? Помещик средней руки, хоть из родовитых, он и упрямствовал в меру своих возможностей, а здесь? В руках Хастуров судьбы тысяч людей, что я им? Мошка! Не понравится мой наряд или сболтну что-нибудь невпопад — придушат без долгих разговоров.

Ромили совсем оробела, даже руки задрожа-

ли. Какие огромные двери — Боже, настоящие ворота! А резьба на них… И позолота… Вот и гвардейцы, удивленно и радостно приветствующие юного принца. Ромили едва заставила себя улыбнуться им в ответ — так, растянув губы в глупой ухмылке, она и шла по лестнице. Мешали многочисленные придворные — их глаза так и выпытывали: кто она, откуда? Ну явилась! В сапожищах, вязаной шапочке с пером, драной рубахе — хотя плащ недурен. Знатный плащ! Особенно девушку смущали тесные штаны — все повторялось! Почему-то мужские взоры застревали именно на этой части тела. Это так унизительно… Она уже была готова спасаться бегством, однако Кэрил крепко ухватил ее за рукав. Тут к ним подошел высокий мужчина и вежливо, с поклоном сказал:

— Ваш отец ждет вас, молодой господин. Разрешите проводить вас.

Ромили решилась — такой момент нельзя упускать. Она встала по стойке «смирно» и кивком отдала честь. Потом объявила:

— Вы личный посланец дома Лиондри? Я вручаю вам принца… Позвольте откланяться…

— Еще чего! — завопил Кэрил. — Ромили, послушай, так нельзя. Ты должна встретиться с

папой. Он желает наградить тебя…

«Могу вообразить», — подумала Ромили. Но все же ей показалось, что Яни была не права — слишком много воды утекло, поутихла жажда мести. На кой ляд сдалась она Лиондри Хастуру, никому не известная, дикая меченосица? Чем она ему насолила? Не до такой же степени он зверь, чтобы растерзать ее! И по лицам придворных, и по достаточно вольному поведению гвардейцев-часовых было видно, что злобы и ненависти в огромном дворце не более, чем в домах попроще. Она обернулась — коня ее уже куда-то увели… Ничего не поделаешь — придется идти. Или вот этот встретивший их человек… насколько же он элегантен, как свободно держится, язык не поворачивается назвать его слугой. Он сообщил, что отец дожидается Кэрила в музыкальном салоне, тот бросился в направлении комнаты, Ромили ничего не оставалось, как последовать за ним.

«Значит, сейчас я увижу лорда Хастура, этого кровожадного зверя, о котором мне говорил Орейн. Поосторожнее с мыслями, — предупредила она самое себя, — у него такой же сильный ларан, как и у Кэрила».

Наконец они добрались до салона, оказавшегося довольно вместительным, красиво обстав-

ленным залом. Из глубины кресла, стоявшего у окна, поднялся высокий худощавый человек. В первое мгновение, когда они вошли, Ромили заметила, что он держит маленькую арфу. Увидев сына, Хастур отложил инструмент и протянул к мальчику руки.

— Слава богам, Каролин, ты вернулся.

Он вновь опустился в кресло, и мальчик бросился к нему. Лиондри обнял ребенка, поцеловал его в щеку, для этого ему пришлось наклониться.

— С тобой все в порядке, сынок? Смотрю, выглядишь ты хорошо, цвет лица здоровый. Сестры не морили тебя голодом?

— Нет! — радостно воскликнул Кэрил. — Они хорошо меня кормили, были очень добры ко мне. Когда мы двинулись в путь, одна из них угостила меня пирожными и конфетами, а другая одолжила мне ястреба и позволила охотиться с ним, так что я мог добывать себе дичь на ужин. Вот эта девушка — хозяйка ястреба, — добавил он и, высвободившись из объятий отца, подтащил поближе к креслу слабо упиравшуюся Ромили.

— Она мой самый верный друг. Ее зовут Ромили.

Итак, она оказалась лицом к лицу с лордом Хастуром, высоким, худощавым до хрупкости, с

длинным неподвижным лицом, которое, казалось, никогда не расслабляется. Четко очерченный подбородок, глаза серые, пронзительные… Сначала Ромили не могла догадаться: кого напоминали его глаза, потом дошло — так смотрят ястребы.

— Я благодарен вам за то, что вы были так добры к моему сыну, — сказал Лиондри Хастур. Голос у него был негромкий, этакий ясный, исполненный силы баритон. — После того, что случилось в Неварсине, я решил, что войны не избежать, но людям Каролина пришла в голову великолепная идея — взять его заложником, потом вернуть. Хитрый ход…

— Эта идея не принадлежала Ромили, папа, — заявил Кэрил.

Ромили замерла, но, по-видимому, мальчик сам сообразил, что пока еще рано упоминать имя Орейна, тем более Аларика. Не с первых же минут встречи дразнить гусей. Но было поздно — по крепко сжатым челюстям Лиондри девушка догадалась: отец понял, что не договорил сын. И голос Лиондри чуть изменился. Ромили готова была поклясться, что лорд мысленно сказал: «Еще одно очко не в пользу Орейна, а ведь этот человек клялся мне в верности еще до того, как присяг-

нул Каролину. Что ж, придется взять женщину в заложницы; она может знать кое-что о местонахождении Орейна, а где один, там и другой…»

Однако не только Ромили удалось разобрать его мысли. Глаза Кэрила широко раскрылись, на лице отразился неописуемый ужас. Он даже вслух выговорить не смог — голос сел. Так и просипел едва слышно:

— Ты же дал слово! Слово Хастура…

Этот сип резанул Ромили — мальчик поверить не мог, что безупречный образ отца так быстро даст трещину. Кэрил едва не потерял сознание. Лиондри перевел взгляд на Ромили.

— Сестра, знаешь ли ты, где сейчас находится Орейн?

Под его пристальным, проникающим в сознание взглядом лгать было бесполезно — правду он мог вытащить в любой момент. И эта ясность, жестокая, но незамутненная определенность облегчили ее состояние. Что ж, в лоб так в лоб, но хитро, иначе можно скорехонько без лба остаться. Спокойнее, спокойнее, чуть расслабься, вспомни какую-нибудь песенку — вот и распевай ее мысленно. Только не ври, правда — твое спасение.

— В последний раз я видела лорда Орейна в Каер-Донне. Он привел Кэрила… простите, Ка-

ролина, в гостиницу Ордена. Это было… дай Бог памяти… более десяти дней назад. Думаю, что теперь он при армии.

Хотя девушка и завела какую-то глупейшую мелодию, ей не удалось сдержать картинку, которая запечатлелась в памяти, — конные отряды, пешие полки, лес знамен, громкий рев боевых труб, приветственные крики толпы, она сама, стоявшая на пороге гостиницы, и, конечно, главный стяг — огромное знамя цветов Хастуров: голубой и серебряный… Орейн в доспехах, двигающийся рядом с так и не узнанным королем… Лиондри, естественно, считает его не королем, а узурпатором…

«Я надавал обещаний, которых не в силах выполнить… Не могу понять, каким же образом я стал палачом и правой рукой Ракхела? Как ему удалось окрутить меня… Боже, как тяжко прозрение…»

Ромили едва сдержала изумление. Неужели она может с такой легкостью читать мысли человека, стоящего напротив нее? Что же с ней такое творится? То же, что происходит, когда она сливается мыслью с животным? Или, может, она способна улавливать незаметные движения зрачков, губ, век, ноздрей? Но ведь чужие раздумья

ясно отдаются в ее голове. Это вконец перепугало девушку, однако Ромили удалось удержать себя в руках — сказались долгие годы тренировки с конями и ястребами. Если Лиондри поймет, что его голова — открытая книга, ей и дня не прожить. Держаться, не показывать вида, побеспокоиться о защите. Она уже начала подумывать о том, чтобы поставить защитный экран, отгородиться, но в этот момент Хастур как будто почувствовал что-то и сам закрылся.

«Чего я так испугался? Уже столько лет читаю чужие мысли — и ничего. Что ж я теперь так разволновался?»

Лорд Хастур произнес с холодной вежливостью:

— Я обязан наградить вас за заботу о моем сыне. Только не просите оружия, которое может быть использовано против меня в этой несправедливой войне. Исключая вооружение, что бы вы хотели получить?

Этот вопрос Яндрия и Ромили обсудили заранее. Предводительница научила ее, как поступить в этом случае, и Ромили твердо заявила:

— Я прошу наполнить три мешка медикаментами. Они очень нужны сестрам. Прежде всего перевязочные материалы, далее, желе, которое

помогает остановить кровь, и еще добавьте порошок каралы.

— Конечно, все это в каком-то смысле можно было бы причислить к оружию, ибо эти материалы будут использованы для излечения бунтовщиков, восставших против законного монарха, — громко объявил лорд Хастур, потом, как-то сникнув, пожал плечами. — Ладно, будь по-вашему, вы все получите. Я отдам распоряжение, и вьючные животные доставят груз в ваш лагерь.

Ромили постаралась скрыть вздох облегчения. Ее вроде бы не собираются сажать под замок, от участи заложницы ее освободил Кэрил.

— Теперь вы мне верите? — громко спросил Лиондри Хастур, затем коротко, трескуче рассмеялся. Опять его сознание раскрылось перед ней — двум телепатам никогда не удается соврать друг другу. По-видимому, Лиондри освоился с ее присутствием и уже что-то решил. Но при сыне он даже не то что не заикнется — помыслить об этом не решится. Нет, вряд ли его идея несла какую-то угрозу, просто следовало сохранить все в тайне. И главное — нельзя разочаровывать сына, для него это будет таким ударом, что все остальное меркнет по сравнению с тем, что с ним

может произойти. Ведь он не просто сын, но и наследник. Надежда…

Ромили возблагодарила судьбу, что ей повезло встретиться с Лиондри в присутствии Кэрила, чем бы в противном случае закончилась аудиенция, подумать было страшно.

— Папа, — попросил Кэрил. — Вот у этой женщины есть ястреб, она разрешила мне поохотиться с ним. Можно мне завести собственную птицу, а госпожа Ромили будет моей наставницей?

Лиондри Хастур усмехнулся — улыбка вышла сухая, отрешенная. Правда, пугала она еще больше, чем смех.

— Ладно, меченосица, вижу, ты пришлась по душе моему сыну. У меня служат сестры из вашего Ордена. Не хотела бы ты остаться здесь и заняться с Каролином искусством приручения ястребов?

Больше всего Ромили хотелось как можно быстрее уехать отсюда. Как бы она ни любила Кэрила, однако иметь дело с этим проницательным человеком с прищуренными глазами и тихим смехом…

Преодолев оцепенение, она вежливо спросила:

— Я все еще заложница, ваи дом?

Он мягко, принимая ее робость, ответил:

— Нет. Можешь поступать, как тебе захочется, местра. Каролин, пожелай счастливого пути своей подруге и пойди поздоровайся с матерью.

Кэрил подал Ромили руку — девушка слабо пожала ее. Неожиданно мальчик не выдержал и обнял ее. Потом сказал, глядя ей прямо в глаза:

— Может, когда война закончится, мы вновь увидимся, Ромили. Я верю в это. Я буду скучать по тебе… и по твоей ястребице. Погладь ее за меня перышком.

Затем он грациозно поклонился, словно Ромили была важная придворная дама, и быстро, сверкнув глазенками, выбежал из комнаты. Перед лицом отца ему не хотелось показывать слезы — девушка сразу же поняла это.

Лиондри Хастур кашлянул, а когда Ромили обернулась, сказал:

— Вьючные животные с обещанным грузом ждут тебя у бокового входа. Это рядом с конюшней. Слуга покажет дорогу.

Аудиенция была закончена. Жестом Лиондри подозвал слугу, тот подошел совершенно бесшумно.

— Прошу сюда, местра.

Ромили поклонилась ему.

— Благодарю.

Она уже совсем собралась уйти, как Хастур опять кашлянул.

— Госпожа Ромили?..

— Слушаю вас, ваи дом.

— Передайте Яндрии, что я вовсе не чудовище, каким она меня представляет. Ничего общего… Совершенно! Вот теперь все.

Покинув комнату, Ромили не могла справиться с дрожью. Ее пробрало от корней волос до кончиков ногтей. Жуткий человек! Далеко не монстр…

Что еще он знает?

3

Когда Ромили передала Яндрии последние слова Лиондри Хастура: «…я вовсе не чудовище, каким она меня представляет. Ничего общего… Совершенно!» — предводительница ничего не ответила. Долго молчала, погруженная в думы (Ромили попыталась в первый раз без помощи ларана определить, что тревожило в тот момент Яни, хотя бы получить ниточку, уловить намек, — ничего не вышло, прониклась только ощущением, что начальнице хочется многое высказать, но не ей), наконец Яни вздохнула и спросила:

— Ты привезла медикаменты? Неужели он так расщедрился?

— Да, он даже выделил вьючных животных, чтобы доставить их в наш лагерь.

Начальница вышла вместе с Ромили из шатра и тщательно проверила весь груз, осмотрела животных, потом процедила сквозь зубы:

— Он великодушен. Какими бы недостатками ни обладал Лиондри, скупость к ним не отнесешь. Вот задачка! Мне следует вернуть животных — я не приму никаких милостей от Лиондри

Хастура, тем более подачек! — но дело в том, что мы очень в них нуждаемся. Если вдуматься, это вознаграждение — слишком ничтожная плата за безопасное возвращение сына. Все равно что кулек с карамельками, купленными на рынке. Все, — резко добавила, — хватит пускать сопли по этому поводу. Если нужны вьючные червины, то их надо экспроприировать, и точка!

Она дала распоряжение трем сестрам тщательно перебрать медикаменты, перегрузить их так, чтобы все необходимое было под рукой. Потом объявила Ромили, что она свободна и может заняться конями — они уже заждались ее… С тем девушка и вернулась в палатку, но не прошло и минуты, как полог вновь откинулся и Яни прямо из проема крикнула:

— Спасибо, чиа![25] Это было трудное и опасное дело, не каждому оно по плечу. Не следовало так поступать с послушницей, однако ты справилась отлично. Я просто не ожидала! Это только на первый взгляд — или теперь — задание кажется простым, на самом деле даже опытному послу оно могло оказаться не под силу. Слушай, Роми, не хотела бы ты заняться чем-нибудь другим?

---

[25] notes: 25
Нежное обращение к девушке.

Я могу подобрать тебе кое-что получше, чем возиться с животными…

Ромили хмыкнула — зачем ей это? С животными она ладила, набралась опыта в обращении с ними — могла и за конюха, и за тренера сойти, а дипломатические поручения — штука тонкая!.. Она вспомнила недавний испуг, охвативший ее, когда Лиондри Хастур решил оставить ее в заложниках. Зачем ей это? Она так и сказала Яни. Та минуту-другую поиграла бровями, что-то прикинула, потом засмеялась:

— Что ж, не стану отговаривать. Хочешь возиться с навозом — возись, если тебе так нравится, дорогая. Все равно, огромное спасибо.

Ромили что-то проворчала и направилась на выгон, где пасся табун. Там же бродил и ее конь, еще под седлом. Он встретил хозяйку радостным ржанием — сними, мол, поскорее эту сбрую, пора и мне отдохнуть, пощипать травку… В этот момент ее окликнула Мхари, выбежавшая из шатра.

— Роми, — издали торопливо заговорила она, — седлай коня и приготовь пару вьючных червинов. Немедленно!.. Седлай и скакуна Яни… Она к вечеру покидает лагерь и предупредила, что ты будешь сопровождать ее.

— К какому вечеру? — опешила Ромили. — Уже спустились сумерки. Значит, сейчас?

Девушка недоуменно глянула на сестру, при этом машинально продолжая поглаживать коня. Тот сразу почуял неладное… То-то и хозяйка до сих пор не ослабила подпруги…

— Что случилось? Почему на ночь глядя?

— Спроси у Яни, — заявила Мхари с некоторым раздражением. — Я предложила отправиться с ней, но она даже слушать не стала, говорит: ступай предупреди Роми. Я ей: сестра, поди, устала, ведь не легко вырваться из пасти Лиондри Хастура… Яни разве поймешь — поди, говорит, приготовь смену белья и запас продуктов на четыре дня. Вот неуемная…

Ромили поджала губы — вот те на! Ни отдохнуть не дадут, ни коня выпасти. Конечно, она поклялась в верности Ордену, но должно существовать хоть какое-то милосердие. Даже среди женщин! Тем не менее, зная Яни и доверяя ей, Ромили поняла, что это неспроста. Собственно, спорить тут не о чем — приказ есть приказ. Она подтянула подпруги и, опустив голову, повела коня к коновязи. Потом занялась конем Яни, оседлала его, подготовила к дороге, осмотрела копыта… В этот момент Яндрия вышла из палатки.

Ромили сразу заметила: что-то неладно — глаза сестры покраснели, словно она наплакалась вволю, однако ни о чем спросить не посмела. Поинтересовалась только:

— Куда мы отправляемся, Яни? И так внезапно…

Та мгновение колебалась, потом облокотилась о седло и, повернувшись к девушке, объяснила:

— То, что Лиондри просил тебя передать, можно понять как предупреждение, что, мол, выбора у него нет. Он знает, что я здесь. И тот, другой, знает, что я здесь. Не сомневаюсь, за тобой высланы соглядатаи. Одним словом, оставаясь здесь, в лагере, я подвергаю опасности не только наших спутниц, но, по существу, весь Орден. Ведь мы не принимаем участия в войне, соблюдаем строгий нейтралитет. Однако Лиондри — и еще кое-кому — известно, что я родственница Орейна, значит, существует возможность через меня выйти на его след и на след короля Каролина.

— Так я же сказала, что видела Орейна в Каер-Донне.

— Ты не понимаешь, — досадливо поморщилась Яни, — они все это знают. Им необходимо обвинить Орден в сношениях с Каролином, то есть в тайном пособничестве противоположной

стороне, а это нам ни к чему. Кроме того, люди Ракхела могут решить, что я знаю о планах Каролина. Через Орейна, разумеется… На самом деле я ничего не знаю, но попробуй им это объяснить! Я должна немедленно покинуть лагерь, чтобы, если люди Ракхела нагрянут сюда, сестры могли честно сказать: нас здесь нет. Даже на допросе в присутствии лерони — те смогут прочитать их мысли и подтвердят, что сестры не знают, куда мы отправились, каковы планы короля и Орейна. В этом случае Орден будет чист и у нас не будут связаны руки. Тебя я беру с собой потому, то ты единственная, кто что-то знает. Даже слишком много, и Лиондри попытается захватить тебя как можно быстрее. Слово, данное сыну, он исполнил. К тому же, если Кэрил по простоте душевной расскажет, что случилось в Неварсине и о походе в Каер-Донн, считай, твоя песенка спета. Тебя неминуемо ждет допрос с пристрастием. Так что и тебя следует увезти отсюда. Мне, конечно, не надо было посылать тебя в Хали, но, поверь, выбора не было. Кроме того… — Яни жалко улыбнулась, на смех, по-видимому, сил не хватило, — существует традиция: члены нашего Ордена не должны уходить в путешествие в одиночку. Их должна сопровождать одна из сестер. Лучше всего, если

она верный товарищ.

Ромили даже не слышала об этом неписаном правиле. Еще больше ее взволновало напоминание о том, что Яни — двоюродная сестра Орейна и, естественно, Лиондри Хастур жаждет использовать ее в качестве заложницы. Он не казнит ее, Яни зря боится — по тому впечатлению, которое лорд Хастур произвел на нее, Ромили была уверена, что они имеют дело с человеком холодным, расчетливым, умным. Невероятно, чтобы его до сих пор волновали любовные приключения тридцатилетней давности. А вот взять в заложники — это да! Это перспективно!.. Ромили вскинула глаза на начальницу и сказала:

— К вашим услугам, местра!

— Проверь все, что приготовила Мхари. Собери еду — мы перекусим на ходу. И с Богом. Только поторопись, сестра.

«Какой смысл в подобной спешке, — недоумевала Ромили, — или у Яндрии есть на то причины? Хватит задаваться глупыми вопросами! Приказ отдан — исполняй!»

Девушка торопливо нарезала бутербродов с сыром. На всякий случай сунула в переметную суму каравай и едва начатую головку сыра. Запас душу греет. Надо было бы самой что-либо перекусить

перед дорогой, однако разговор с Яни напрочь отбил аппетит. С ее доводами трудно было не согласиться. Война — дело жестокое, тем более гражданская война. Ромили даже передернуло от мысли, что Лиондри действительно сможет взять их заложниками, тогда пиши пропало. Даже Кэрил не спасет ее…

Сестра протянула ей приготовленные яблоки — Ромили сунула их в багажную сумку.

Как только они сели на коней, Ромили спросила:

— Куда мы направляемся, Яни?

— Думаю, будет лучше, если ты не будешь этого знать, — ответила та, и Ромили почувствовала, что Яни действительно боится.

— Ну что, меньшая сестра, тронулись?

Они поскакали, как сообразила девушка, в северном направлении, однако вскоре принялись кружить, пока сестра не наткнулась на заросшую травой, редко используемую проселочную дорогу, изрытую копытами червинов — так и в горах они прокладывали тропы. Проселок вилял между холмами, потом почти совсем исчез. Ромили потеряла всякое представление о маршруте, однако Яндрия уверенно двигалась вперед, словно прекрасно знала цель путешествия.

Скакали они довольно быстро, пока не добрались до покрытых лесом увалов, здесь предводительница чуть придержала коня. Наконец Яни предложила перекусить, и женщины с аппетитом на ходу полакомились бутербродами с сыром. Потом неожиданно спешились и, к удивлению Ромили, устроили привал. Зачем тогда надо было жевать на ходу? Или, может, они кого-то ждут — девушка огляделась вокруг. Вряд ли — уж очень неприметное место. Яндрия вела себя спокойно — страх, давеча не дававший ей покоя, теперь почти совсем исчез. Ромили, не решаясь проникнуть в сознание спутницы, терялась в догадках — неужели здесь назначено место встречи? В это она никак ни могла поверить. Ни единой бросающейся в глаза приметы. Вероятно, они просто отдыхают. Загадки, загадки… Ни с того ни с сего Яндрия приказала сесть на коней и, уже тронувшись, подтянула за веревку вьючного червина и заявила:

— В этих местах даже сторожевые птицы не смогут нас отыскать. Не знаю, есть ли подобные стервятники на службе у Лиондри — найти и воспитать их непросто, — однако береженого Бог бережет. Чем быстрее он потеряет наш след, тем лучше. Не хватало, чтобы я вывела его прямо на

армию Каролина!

— Так вот куда мы направляемся!

— Орден меченосиц выделил отряд им в подмогу, — ответила Яни. — И ты можешь понадобиться, чтобы тренировать сестер. Заодно ты займешься боевыми конями. Каждый из нас должен заниматься своим делом, но в любом случае благо Ордена для нас превыше всего. Лиондри знает об этом, поэтому, считая, что мы в лагере, он вполне может рассудить, что рано или поздно я встречусь с Каролином. Если не ему, то это придет в голову Ракхелу. Как он должен действовать? Если удастся захватить меня и допросить с пристрастием с помощью лерони — хорошо. Если нет, значит, надо проследить за моим маршрутом. Вот почему я поспешила побыстрее покинуть лагерь и добраться до леса. Если даже соглядатаи уже кружили возле лагеря, то они нас все равно упустили. Ты ведь никакой слежки не заметила?

— Нет, — ответила Ромили.

— И как незаметно проследить за конным в степи? Невыполнимая задача!.. Значит, остается только сторожевая птица. Все равно, мы значительно опередили его. Ему-то надо сначала получить сообщение, потом дать указание, а у нас развязаны руки. Как ты считаешь, Роми-

ли, — я слышала, у тебя сильный ларан, — нам что-нибудь угрожает?

Ромили на минуту задумалась, потом отрицательно покачала головой.

— Все равно, расслабляться нельзя. — Яни с тревогой глянула в сторону, откуда они приехали, потом перевела взгляд в небо, редкими клочками проглядывавшее сквозь кроны деревьев. Ее настороженность передалась и девушке.

Эту ночь они провели, укрывшись в чащобе. Яндрия запретила разводить костер. Опять поели хлеба с сыром, попили ключевой воды, животных привязали под деревом, сами расположились под другим, расстелили постели, накрылись одним одеялом (хотя Ромили, выросшая в горах, совсем не ощущала холода). Девушка тут же провалилась в сон. Спала сладко, пока ее не разбудили странные булькающие звуки. Сначала не могла понять — то ли вода где-то каплет, то ли ветер так странно шумит. Потом догадалась — это плакала Яни, тихонько и жалко всхлипывая… Ромили замерла от испуга, сердце забилось быстро-быстро, бросило в жар, но потревожить сестру она не решилась. Нечего лезть в душу спутницы; если бы Яни захотела с ней поделиться, то все рассказала бы сама. Тем более чем она может помочь

взрослой женщине?

Когда она проснулась утром, на восходе, Яни уже встала и седлала коней. Глаза ее были сухи, лицо сурово, и, если бы не чуть покрасневшие веки, трудно было поверить, что тот плач, который Ромили слышала ночью, ей не приснился.

— Может, мы рискнем и разведем огонь? — спросила девушка. — Так хочется горяченького!.. Если мы, как ты говоришь, ушли от погони, зачем мчаться сломя голову?

Яни пожала плечами.

— Ладно, разведи огонь, только маленький… Ты же с гор и должна знать, как сделать, чтобы костер не дымил. Действительно, нет смысла осложнять путешествие больше, чем требуют обстоятельства. Я, наверное, совсем измучила тебя своими страхами. К тому же вновь сорвала тебя с места, не дала отдохнуть как следует… Если нас преследует Лиондри, то вряд ли он теперь сможет отыскать нас, если же кто-то другой, например Ракхел, то и он потерял след. Думаю, именно он пустил ищеек по нашему следу и выпустил сторожевую птицу. У-у, злыдень!

— Это уж точно, — подтвердила Ромили, не зная, что еще сказать. В любом случае ей это новое приключение нравилось. Что хорошего

оставаться в лагере с тупыми, претенциозными воительницами, с которыми она так и не смогла найти общий язык? Надо уметь обращаться с мечом, конечно, следует овладеть приемами рукопашного боя, чтобы дать сдачи любому обидчику, но выставлять драку и кровь как главную цель жизни, пылать гневом и стараться доказать свое превосходство над сильным полом посредством грубой силы и тупости — это было выше ее понимания.

Ромили опустилась на колени и разожгла костер — положила сухие ветки, так что даже намека на дым не было, только колеблющиеся языки пламени. Кашу она сварила быстро. Когда женщины поели, оседлали коней, Ромили не выдержала и спросила:

— Ты все еще печалишься о Лиондри?

Яндрия, казалось, сразу поняла, что имеет в виду сестра.

— Моя печаль — это моя печаль, — чуть резковато ответила начальница, потом смягчилась: — Вот что меня мучает во всей этой смуте… Если бы ты знала, каков тогда был Лиондри! Настоящий мужчина, благородный человек!.. Как, почему Ракхел сумел подчинить его? Чем соблазнил? Я долго думала над этим: Лиондри

можно было заставить плясать под свою дуду, только поманив властью. Власть, Ромили, — это страшная, бездушная сила… Необоримое искушение… Тот человек, которого я любила, умер. Так давно скончался, что даже богам не под силу вернуть его из той адской пропасти, в которой сгорают наши надежды. По-видимому, он до сих пор дорожит моим мнением — об этом говорят переданные тобой слова, все равно, послание или предупреждение. А может, это всего лишь игра в благородство — пойми, нового Лиондри я боюсь и плохо понимаю. Его поступки, случалось, вызывали у меня сомнения в здравости его рассудка. Может, слова эти не более чем начало какой-то многоходовой интриги — в этом он силен. Я не думаю, что он окончательно продал душу дьяволу… — Она сделала паузу, потом закончила: — Во всем виноват Ракхел. Но теперь поздно — Лиондри увяз по уши во всех этих злодействах. Неужели он до сих пор не разобрался, с кем имеет дело! Ведь Ракхел и его приспешники — негодяи из негодяев. Думаю, что теперь Лиондри обратного хода нет. А может, есть!.. — неожиданно заключила она.

Ромили молчала некоторое время, потом решилась спросить:

— Ты их обоих знаешь — и Ракхела, и Каролина. Как же тому удалось свергнуть законного короля с трона?

Яндрия пожала плечами:

— Не знаю. В ту пору, когда я покинула двор, Ракхел был самым ярым сторонником Каролина. Не уставал повторять, что король — самый-самый… Тот и поддался на лесть.

— Должно быть, Каролин — добрый человек, — задумчиво сказала Ромили. — Как бы то ни было, он доверяет людям. Тому же Орейну. И тебе… Вот бы взглянуть на него.

— Неужели ты его не видала, когда путешествовала с Орейном?

— Я знала, что король в Неварсине, но мы не встречались.

Яндрия удивленно вздернула брови, только добавила:

— Заканчивай с кашей, дитя мое, помой посуду, и отправляемся в дорогу.

Ромили молча выполнила, что было велено, оставшуюся пищу уложила в сумы. Уже вскочив в седло — оставалось только тронуть коня, — Яндрия вдруг сказала:

— Да, Каролин — добрый человек. Его единственный недостаток в том, что он слишком

доверчив. Вот и с Ракхелом ошибся — нашел с кем дружбу водить! Ракхел — недестро, правда, получивший все законные права, кроме права наследования престола. Ты же знаешь, так всегда бывает с детьми от внебрачных связей. Если отец признавал ребенка, он становился членом семьи, но все равно незаконное происхождение накладывало свою печать. Подобный человек может занять самую высокую должность, никто не сомневается в благородстве его происхождения, однако он лишен права наследовать трон. Сколько Орейн ни доказывал Каролину, что Ракхел — змея, которую тот пригрел на груди, король не обращал внимания на его предупреждения. Считал, что Орейн завидует Ракхелу, ревнует, что ли… Орейн — и ревнует! Как такое могло прийти ему в голову!

— Но, вероятно, у Ракхела есть какие-то достоинства… Ведь не зря же Каролин приблизил его к себе.

— Я не могу судить объективно, ненависть слепит глаза. Понимаешь, Каролин — широкий человек, превыше всего он ставит честь. Он увлекается науками, новыми людьми… А Ракхел стремится к цели, как стрела, пущенная в мишень. Его заботит только власть — она ему

и мечта, и жена, и надежда, и пища, и воздух! Он чем-то напоминает черную кошку, которая сходит с ума от запаха крови. А тот — от зловония власти… — Она сделала паузу, потом распорядилась: — Сегодня ты поведешь в поводу нашего червина. Я же поскачу вперед, чтобы разведать местность.

Скоро лес кончился, опять потянулись зеленые холмы, где в распадках копились прозрачные светлые рощи, а по берегам мелких речушек стеной вставали заросли кустарника. Не прошло и часа, как Ромили вновь почувствовала, что кто-то наблюдает за ней — все тот же редкий, смутный наплыв чужого видения, распростершаяся внизу земля. Теперь девушка уже не пугалась подобных картин — значит, Пречиоза опять сопровождает ее… Ромили закидывала голову и, щурясь, смотрела в зенит, раза два ей удавалось разглядеть в небе черную точку. Эта близость грела душу, она себя в чужом краю уже не так одиноко чувствовала.

«Ястребица и я — одно целое, наши жизни слились воедино: она вручила мне свою, я ей — свою».

Ромили могла бы сравнить их отношения с браком по любви, основанным не столько на

плотской радости, сколько на духовном единении, на желании слышать, видеть, в полной мере ощущать вблизи родную душу. Слияние разумом с Пречиозой было полным, таким волнующим и горячим, какое она никогда не испытывала ранее. Даже с любимым скакуном! Она заботилась о коне, и он отвечал ей дружбой, но по сути они были чужими друг другу. Хозяин и работник, не более того…

«Да, Легконогий был мне как товарищ, надежный, сильный, а Пречиоза нечто большее… Совсем как любовник…»

Мысли ее потекли по иному руслу. Последнее всколыхнуло душу, и в первый раз девушка подумала, что не так уж плохо иметь любовника. Иметь кого-то, похожего на нее, и жить с ним совсем как она и Пречиоза. Вот тут-то и заключалась загвоздка. С ястребицей они давным-давно слились сознаниями, ну, можно сказать, сердцами, но ведь это слияние возможно и по-другому, не так, как Макараны относились к лошадям, собакам, ястребам. Конечно, это здорово — суметь преодолеть разделяющую человека и животное пропасть, но это не более чем дар природы. А вот дом Гарис хотел слиться с ней совсем иначе, однако его прикосновения, дерзкие взгляды,

напор ничего, кроме омерзения, не вызывали. Еще более гнусным оказался Рори, когда начал выставлять напоказ похоть, право владеть ею — точнее, использовать ее как подстилку. Тот вообще был простак — за коня и плащ готов был перерезать горло человеку. Что же отвратило его от этого намерения? Ромили честно сказала себе — похоть, грязная страсть. Отдаться ей у девушки не было никакого желания.

Что касается Орейна — к сожалению, надо признать, что желал он ее, только когда считал, что она мальчишка. Это было, было, что уж там скрывать, и намеки Аларика имели под собой основание. Хотя, может, она и ошибается, потому что… — тут Ромили засмущалась сама себя, — потому что сама захотела отдаться ему, а он испугался. Странные все-таки существа эти мужчины. Когда это случилось, она, правда, сама ничего не поняла — повеяло только желанием приласкать этого впавшего в отчаяние богатыря. Теперь другое дело, теперь она соображает, что к чему, и, честно, Орейн устраивает ее более как друг, чем как любовник. Даже в тот раз, когда она была готова отдаться ему, ее тревожила мысль о возможности крушения дружбы, а как друга она его терять не хотела, вот с чисто женской

интуицией и выбрала способ, который бы еще крепче привязал его к ней. Однако существует ли в принципе мужчина, который предназначен для нее? Определенно, его нет и не может быть среди парней, с которыми росла, среди друзей ее братьев, об этом даже смешно думать.

«За кого я могла бы выйти замуж, так это за такого мужчину, как Алдерик. Он единственный, кто разговаривал со мной как с человеком. Он и видел во мне человека, а не просто глупенькую сестричку Дарена, Алдерик, по крайней мере, не считает, что мужчина должен контролировать каждый шаг женщины. Что я, в конце концов, прирученный ястреб? Стоит на мгновение развязать путы, и тут же вырвусь на свободу? Так, что ли?.. Не то чтобы я очень хотела выйти за него замуж, но все же прежде, чем выходить замуж, надо, чтобы мужчина стал другом».

В течение этого дня и последующего всякий раз, когда Ромили бросала взгляд в небо, она могла видеть — то точкой, то росчерком — реющую в выси Пречиозу. Ястребица не желала садиться хозяйке на руку — Ромили один раз попробовала, потом оставила это занятие, однако мысленный контакт между ними не прерывался. Это было странное, уже привычное, но по-прежнему будо-

ражащее ощущение. Смотрела ли она вперед на дорогу, под ноги ли коня, по сторонам — всякий раз в ее сознании возникала и другая картина: холмистая степь, частые перелески, скрученные нити речушек и масса зверья. Дичи тоже хватало…

Яндрия объяснила, что эти холмы, где они сейчас проезжают, называются холмами Киллгард.

Ромили была поражена — она выросла на холмах Киллгард, но та местность, которая раскрывалась перед ней, была ей совершенно незнакома. Ее родина — горы, пусть невысокие, повсюду скальные обрывы, крутые откосы, плодородной земли мало, и большинство полей создавалось трудом многих поколений. Люди носили землю на себе, на лошадях, на червинах, покрывали ею каменистые пустоши, склоны, осыпи. Земледелие в тех краях давалось большими усилиями, кровавыми мозолями. Все это мало походило не только на бескрайние плодородные равнины Валерона, но и на высокое, поросшее лесом нагорье. Горы были достаточно населены — здесь не было заметно и следов человека. Деревья встречались такие, что и десятку мужчин, взявшись за руки, не обхватить ствол. Дичи здесь было столько, что в глазах рябило. Охотиться не надо, стоит немно-

го подождать, и рогатый кролик сам выбежит на тебя. Вот этим Пречиоза страшно ей досаждала. Сколько раз это повторялось, и каждый раз Ромили в дрожь бросало. Начиналось все невинно — неожиданно в поле зрения возникала движущаяся тень, вызывавшая пристальный интерес ястребицы. Сердце у Ромили сжималось в предчувствии неизбежного — хищник камнем падал вниз, вскрик, когти впиваются в оперенное или покрытое шерстью тело, удар клювом — и следом ощущение свежей теплой крови, заполнившей рот. Нескрываемое удовлетворение — и вновь мерный взмах крыльев и земля уплывает вниз.

Однажды — это случилось, кажется, на шестой день их путешествия — Ромили опять слилась сознанием с Пречиозой, как вдруг ее конь ступил в кроличью нору, споткнулся, упал; уже лежа, жалобно заржал, задрожал. Девушка вылетела из стремян и долго лежала, ощупывая руки и ноги. К тому времени, как она пришла в себя, Яндрия уже спешилась и помогла ей подняться.

— Чтоб тебя в ледяные преисподни Зандру! — воскликнула она. — Где были твои глаза?! Такая наездница, как ты, и не разглядела норку в земле!..

Ромили, оглушенная падением, не в состоянии

вынести надрывного ржания коня, так, на коленях, и подползла к нему. Глаза скакуна налились кровью, на губах выступила пена — тоже розоватого оттенка. Девушка уловила его безмолвный вопль, слилась сознанием, и в следующую секунду нестерпимая, выворачивающая наружу боль пронзила ей ногу. Ромили глянула — обломок кости торчал из передней правой ноги коня. Зрелище было жуткое! Выбора не было… Глотая слезы, всхлипывая, она вытащила нож из ножен, быстро нащупала жилу и резко, точно ударила в нее. Кровь брызнула фонтаном, началась агония, смертельная боль пронзила сознание Ромили — и вмиг все стихло. Боль коня, переживаемая ею как своя, внезапно ушла, растаяла в вечности — точнее, в леденящем, непроницаемом мраке.

Все, больше внутри ее ничего не было, исключая собственную вину, раскаяние и безнадежное горе. Не выговорив ни слова, Ромили медленно, тщательно вытерла нож о пучок травы, сунула лезвие в ножны. На погибшую лошадь она смотреть не могла — подняла глаза и встретила остановившийся взгляд Яндрии. «Мой чертов ларан, — отрешенно подумала Ромили, — подвел меня. Из-за него конь лишился жизни. Переживания переживаниями, но и под ноги надо

смотреть...»

Наконец пришедшая в чувство начальница, сглотнув, спросила:

— Это было необходимо?

— Да, — коротко ответила Ромили. Распространяться на эту тему ей не хотелось. Яндрия не поймет — ларан у нее слабенький, прочитать мысли она не сумеет. Какой смысл исповедоваться? Разве сможет она в полной мере оценить тот гнев и злобу, которые теперь вызывал у девушки так называемый дар? Награда богов, как его иной раз называли... Хороша награда, которая не только не может помочь, но еще и губит животных. На кой ляд Пречиоза постоянно лезет в ее сознание?.. Ромили наконец поднялась на ноги, пару раз кашлянула, чтобы прочистить горло, потом сказала: — Прости, Яни. Мне... мне следовало быть более внимательной.

Яндрия замедленно, не сводя глаз с младшей сестры, кивнула.

— Помилуй Бог, я не упрекаю тебя, чиа. Просто не повезло — со всяким бывает! Конечно, в этой безлюдной местности нам будет очень недоставать коня, но от судьбы не уйдешь. Вытри слезы, девочка, — если уж реветь, так в полный голос! — посоветовала она.

Неуместное утешение, свидетельствующее, что Яни вообще не способна проникнуть в чужие мысли, — разреветься можно, потеряв куклу, а испытывая отвращение и злобу к самой себе, можно только разрыдаться, — успокоило Ромили. Она спросила:

— Это то место, куда мы направляемся? И зачем?

— Я не хотела до срока сообщать тебе… Если бы нас преследовали, лучше, чтобы ты знала поменьше…

«Значит, Яндрия не доверяет мне. И правильно делает! Как можно верить такой… погубившей собственного коня… — Тут в сознании девушки невольно родился протест: — За кого же она меня принимает?»

Ромили поджала губы и заявила:

— Я ни за что не предам тебя…

Яни обняла ее за плечи.

— Не в этом дело. Подобная мерзость мне и в голову не приходила, девочка моя. Просто так сложились обстоятельства, я хотела уберечь тебя от пытки, или, что еще хуже, они могли подвергнуть тебя просвечиванию с помощью звездного камня. У них есть на такие случаи особые лерони. Лучше тебе их никогда не видеть… Они бы

быстро выяснили, что ты ничего не знаешь — это уберегло бы тебя от многих бед. Теперь ждать осталось недолго — день, два. Все узнаешь — хотелось бы только верить, что полная ясность не внесет смуту в твою душу.

Яни присела и начала расстегивать подпруги.

— В этих местах без коня нельзя, — уже успокоившись и повеселев, начала объяснять начальница.

Еще немного — и она вновь зальется смехом, решила Ромили, однако до этого дело не дошло. Яни продолжала все тем же ровным тоном:

— Тебе придется пересесть на одного из червинов. Они, конечно, не так быстроходны, как кони, но выбора у нас нет. Вьючные сумы поместим на одного, на другом поедешь. Седло, надеюсь, подойдет? Вот и здорово!.. Конечно, прыти у нас поубавился: червины — это вам не добрые скакуны, но все-таки… Давай-ка, Роми, снимай с какого-нибудь пони груз.

Заметив, что девушка не двинулась с места и по-прежнему, не отрывая взгляда, смотрит на погибшую лошадь, она тоже остановилась.

Между тем над трупом и лужей черной свернувшейся крови уже начали столбом кружить насекомые.

— Может, мы закопаем ее? — неожиданно предложила девушка.

Яни отрицательно покачала головой.

— Нет времени, да и копать нечем. Оставь, пусть другие полакомятся.

Ромили ошарашенно глянула на нее.

— Милая девочка, я знаю, кем для тебя был этот конь…

«Нет, ты не знаешь, — зло подумала Ромили, — откуда тебе знать? Ты не сумеешь…»

— Послушай, это теперь имеет значение? — спросила Яндрия. — Это ему чем-нибудь поможет? Похороним ли мы его в усыпальнице Хастуров или оставим на съедение диким зверям, от этого что-нибудь изменится? Его уже нет в этом теле. Душа теперь далеко…

— Знаю, — хмуря брови, ответила Ромили, — но когда ты говоришь об этом в таком тоне…

Яндрия положила ей руку на плечо.

— В лесу живет множество существ, которым этот труп послужит пищей. Они не могут без этого. Должны же они чем-то питаться!.. Ромили, оставь сантименты… Разве ты не чувствуешь боль и предсмертные крики жертвы, когда твой ястреб бросается на добычу?

Ромили решила, что начальница позволила

себе подшутить над ней. Неужели она настолько бессердечна, что способна даже в такую минуту… Откуда ей знать, что в то мгновение, когда ястребица ударила птицу на лету, ее конь ступил ногой в эту чертову нору. И все это свершилось в ее, Ромили, сознании! Вот, вот в чем загвоздка!.. Стоило ей ощутить смерть, как тут же все повторилось наяву… Возможно, это домысел, игра взбудораженного воображения, но тем не менее нет ли здесь связи? А если есть?.. Тогда… У девушки даже дыхание перехватило. Зачем же лезть с утешениями, с идиотскими советами, если ни черта в этом деле не смыслишь? Она сбросила руку начальницы со своего плеча и горько выговорила:

— Что ж, пора в дорогу… Раз нет возможности… А вес ордес[26], местра. — И принялась сноровисто разгружать стоявшего поблизости пони. Само собой вспомнились — с болью, с укоризной — возбужденные крики сторожевых птиц, когда они с Орейном подтащили к ним поближе тушу погибшего дикого червина. Теперь коня облепят кворебни, устроят небывалый пир, разгалдятся на весь лес, подманят какого-нибудь хищника.

---

[26] notes: 26
К вашим услугам.

Тот тоже наестся до отвала… Пусть все идет своим чередом… Но видеть все это, смаковать, рассуждать, теоретизировать — увольте!

Ромили старалась смотреть только в небо, но Пречиозы нигде не было видно.

Неужели она тоже оставила меня?..

Ближе к ночи местность вокруг изменилась. Нарядные росистые луговины, зеленеющие склоны холмов начали перемежаться суходолами, длинными языками песка. Дорога была покрыта глиной, и вокруг, насколько хватал глаз, все побурело, порыжело. Высохла трава, пошли заросли колючек, песчаные осыпи все ширились, пока не захватили добрую часть земли. С каждым часом становилось все жарче и жарче. Скоро Ромили скинула плащ, скатала, приторочила к седлу. И только сейчас обратила внимание, как мучительно переносили зной мохнатые червины. Они исходили потом — им бы в горы, на каменистые тропы, преодолевать подъемы и спуски, бодрящий морозец; что им стоило проломить копытом ледок на берегу горного ручья и вволю попить сладкой холодной воды… Гнетущий жар полупустыни животные переносили с трудом. И небо изменилось, как бы побледнело или посерело.

Уже в сумерках Яндрия указала на горизонт:

— В той стороне лежит Серайе. Там есть постоялый двор, принадлежащий нашему Ордену. Туда нам и надо добраться до ночи… Я так соскучилась по нормальной постели, чистым простыням. А ты?

— Я тоже, — согласилась Ромили, но втайне, в глубине души пожалела, что путешествие подходило к концу. Не такое уж оно выдалось долгое, с Яни она сдружилась. С ней можно жить душа в душу, не то что с этими фанатичками из Ордена! Последнее время девушка только об этом и думала — очень не хотелось тратить жизнь на качание мускулов, осуждение пороков, присущих мужчинам, к которым, в конце концов, придется тайком бегать. К тому же, добравшись до резиденции Ордена, ей неминуемо придется вновь заняться фехтованием и участвовать в рукопашных схватках. К стыду своему, Ромили готова была признать, что подобные уроки вызывали у нее ненависть. Эти бои, даже учебные, были противны ее натуре.

— Сколько мы там пробудем? — спросила она.

— Что-то около десяти дней. Может, чуть больше, может, чуть меньше…

Что ж, никто не побуждал ее давать клятву на верность Ордену, и, раз слово вылетело, она

должна, пусть даже сжав зубы, влиться в эту новую и очень обременительную для нее жизнь. Трудно отрицать, что, вступив в Орден, она наконец обрела пристанище в этом обезумевшем жестоком мире.

«Хранитель Разума, помоги мне вынести все трудности, как ты справляешься с грузом человеческих пороков! Я знаю, что тяжесть вселенского зла несоизмерима с заботами, гнетущими такого маленького, ничтожного человечка, как я, и все же где мне еще искать силы, как не у тебя…»

Тут Ромили смутилась. Удивительно, она не в первый раз замечала, что в последнее время все чаще обращается к Богу, поминает его доброту и любовь, изливаемую на всякую тварь, населяющую землю. Чуть что — сразу Хранитель Разума!.. Раньше она за собой такого не замечала. Неужели с ней случилось то, что в «Книге Мыслей» названо «Дхе шайя», или «милость Божия»? Или все это от слабости, от постоянно ощущаемого одиночества, от некой холодной отъединенности, которую не могла преодолеть даже дружба с Яни? «Она замечательная, чуткая женщина, но ей не дано понять, что творится у меня в душе, помочь совладать с теми страхами, что грызут сердце. Яндрии радостна жизнь в Ордене, она не только свыклась

с ней, но уже не представляет себя иначе как в тесном кругу сестер. Мысли о войне, сражениях нисколько не ужасают ее — конечно, она испытала ужас, увидев последствия гиблого зеленого тумана, но это была сиюминутная слабость. Эта картина не заставила задуматься — зачем все это? Зачем кровь, убийства невинных людей? Вот так они все — посмотрели, поохали и отправились дальше. А раздайся тут же, у отравленной деревни, боевой клич — сразу бы бросились в атаку. И ну колоть, рубить!.. Всех подряд!.. В пылу боя как-то не очень разберешь…»

Прочь думы! Немыслимо жить и задумываться обо всем, что есть мерзкого, непристойного в мире. Если бы да кабы!.. Этак действительно свихнешься, а ведь так хочется жить…

Ромили отерла пот со лба…

Они прибыли в Серайе в вечерних сумерках, когда тьма уже растеклась вокруг. Промчались по необычно широкой улице — старые дома из белого камня тускло и мертвенно просвечивали в скудном лунном сиянии. Ромили почти дремала в седле, полностью доверившись развалистому осторожному шагу червина. На мгновение встрепенулась, когда Яндрия остановила коня перед высокими арочными воротами. Начальница

дернула за шнурок, и за стеной послышался звон колокольчика. Спустя минуту изнутри донеслись шаркающие шаги, потом раздался недовольный сонный голос:

— Кто там?

— Две сестры, принадлежащие к Ордену, приехали из Хали… Яндрия, меченосица, и Ромили, послушница, давшая обет. Мы ищем убежища…

Дверь, прорезанная в левой створке ворот, скрипнула и отворилась. Какая-то женщина выглянула на улицу.

— Входите, сестры. Добро пожаловать. Животных можете провести на конюшню — вон туда. Там же и фураж, засыпьте им в кормушки. Мы все ужинаем.

Женщины спешились, ввели животных во двор и направились к большому каменному строению. Света здесь было маловато, единственный фонарь скудно освещал стойла и отдельно стоящую коновязь. Ромили заморгала от удивления, когда разглядела стоявших здесь коней. Таких красавцев она в жизни не видывала. В дальнем конце прохода они нашли свободные стойла, куда и загнали червинов и коня. Все равно Ромили не могла справиться с удивлением. Что это за место? Почему в такой пусть даже просторный

сарай согнали столько лошадей? Им же здесь тесно!.. Опять вопросы, вопросы. Она даже разозлилась — тебе-то что за дело? Вообще лучше бы помалкивала. Займись-ка червинами, нечего глаза пялить! Она расседлала своего пони, затем коня Яни, сложила кожаные мешки отдельно в углу, наполнила ясли кормом. Встретившая их женщина терпеливо дожидалась у входа.

Она же провела их в дом. С порога Ромили почувствовала запах свежеиспеченного хлеба, к которому примешивались какие-то острые ароматы незнакомых пряностей. В длинной комнате, куда они вошли из прихожей, где оставили кожаные сумки, стояла пара вытянутых столов, за которыми разместилось шесть-семь десятков похожих друг на друга женщин. Все ели суп из деревянных мисок. В столовой стоял нескончаемый шум перестукивающихся ложек и чашек; женщины, сидевшие за разными столами, а то и за одним, но на разных концах, бесцеремонно переговаривались, не понижая голоса. Ромили от неожиданности вздрогнула — все это было так непривычно после тихого шелеста леса и позванивающего лепета степи.

— Там есть пара свободных мест, — сказала женщина, встретившая их, и указала на дальний

от двери стол. — Меня зовут Тина. После ужина я проведу вас к главе нашей семьи. Она отыщет вам место в спальне. У нас, правда, немного тесновато, но, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Дело в том, что власти поставили к нам на постой половину отряда, набранного из сестер Ордена. Могу заметить, что продовольствие они посылают регулярно, так что с этой стороны ущерба семье нет. Тем более что в последнее время нам приходилось питаться прошлогодними орехами. Проходите и садитесь — устали, наверное, с дороги, проголодались…

Со стороны казалось, что за столами едоков набито столько, что и втиснуться не удастся, однако Яндрии были чужды колебания, она нашла место, подвинула свободно сидевших на лавке сестер, при этом грубовато, но решительно пошлепывая их по спинам и задницам — двигайтесь, мол, двигайтесь, ишь барыни какие! Те что-то ворчали, но часть лавки освободили. Тут же к ним подошла разносчица, ходившая по кругу между столами с горшком и половником, швырнула чистые миски, с размаху наполнила посуду и ткнула пальцем в деревянное блюдо, на котором лежал нарезанный толстыми ломтями хлеб. Каждый кусок размером с кирпич!.. Ромили

вытащила нож и порезала хлеб на более мелкие доли. В следующее мгновение женщина, сидевшая рядом с Ромили, схватила ее за запястье и прижала руку к столу. Соседка была очень симпатичная — лицо усыпано веснушками, взгляд задорный, волосы густые, темные. От подобной бесцеремонности Ромили вздрогнула, но сестра не обратила на ее испуганный взгляд никакого внимания и, подвинув ей деревянный горшок с фруктовым джемом, сказала:

— Масло уже кончилось, но этот джем очень вкусен. Намажь на хлеб. Возьми ложку…

Джем действительно по вкусу напоминал пряные яблоки, однако Ромили не решилась есть сладкое с супом. В нем, правда, плавали какие-то непонятные овощи, и мясо было нарезано очень неаккуратно, однако голод не тетка, и девушка быстро съела свою порцию. Теперь можно было приняться и за джем.

Соседка легонько ткнула ее в бок и назвалась:

— Меня зовут Изабет, правда, все кличут меня Бета. Я приехала сюда из Тендары, а ты?

— Мы были в Хал и, а до того в Каер-Донне.

Глаза у Беты расширились.

— Это куда сбежал король? Слушай, ты видела его армию?

Ромили, припомнив восседавшего на коне Орейна с королевским флагом в руках, кивнула.

— Я слышала, король разбил лагерь к северу от Серраиса, — поделилась с ней Бета. — И еще, они собираются наступать на Хали и захватить его до зимы. Здесь ходит столько слухов — с ума можно сойти. Один мрачнее другого! Ничему верить нельзя… Ты чем занимаешься?

— Да особо ничем. Я в оружии не сильна, мое дело объезжать коней, иногда обучать ястребов, а также ухаживать за сторожевыми птицами.

— А-а! — Бета радостна хлопнула по столу. — Они говорили нам… Мол, из Хали должен прибыть опытный человек. Послушай, но говорили об одном человеке, а вас двое. Как зовут твою соседку?

— Яндрия. — Ромили ответила просто, но Бета опять расширила глаза.

— Что ты болтаешь? Сама леди Яндрия? Ну, я слышала о ней… Если, конечно, это о ней говорят, будто она двоюродная сестра самого Каролина. Я знаю, что в нашем кругу не принято обращать внимание на происхождение, но все-таки… Сестра короля!.. Ну точно — у нее и волосы рыжие, и похожа она на Хастуров. Ну дела!.. Правильно, так и говорили, что она должна прислать из Хали

какую-то девчонку, которая умеет обращаться с лошадьми, так это, значит, ты? Ну ты даешь… Нам без тебя зарез — видела, какие красавцы в конюшне? А еще больше на выгоне… Их набрали ремонтные комиссии в Альтоне на холмах Киллгард… Теперь они должны влиться в конницу Каролина… Да, сестры будут за него сражаться, за нашего короля… — Тут она подозрительно взглянула на Ромили и спросила: — Надеюсь, ты за Каролина?

— Слушай, я весь день не слезала с седла, а до этого провела еще семь дней верхом, — ответила Ромили. — Я сейчас едва могу вспомнить, как меня зовут, а ты меня о королях расспрашиваешь.

Ей показалось, что в комнате очень жарко, девушку неумолимо клонило в сон. Потом неожиданно вспомнилось, что в бегство они пустились, потому что боялись быть схваченными Лиондри Хастуром, и Ромили коротко кивнула:

— Да, мы за Каролина.

— Ну, я же тебе говорю, — шлепнула ее по плечу соседка, — половину отряда поместили здесь, на постоялом дворе. Столько слухов, просто проходу не дают. Куда ни сунешься — все слухи, слухи… Здесь теперь такая теснотища — спасу нет. Две ночи назад некоторым женщинам приходилось

спать на столах, а на кроватях лежали по двое. Это те, кто постоянно живет здесь. Не знаю, где вас разместят…

— Я часто спала прямо на голой земле, — устало ответила Ромили. — Могу и на полу перебиться, все-таки крыша над головой есть, значит, дождь не замочит.

— Ну, я уверена, что для леди Яндрии обязательно найдется свободное местечко. — Потом она наклонилась и шепнула прямо в ухо: — Ты ее любовница?

Как бы Ромили ни утомилась, все равно она даже вздрогнула и смутилась.

— Нет, нет, ни в коем случае.

Конечно, вынуждена была признаться Ромили, в этом вопросе был определенный смысл. Действительно, с какой стати взрослая женщина пришла в Орден? Почему бы ей не выйти замуж? Вспомнилось, что ей самой пару раз приходили в голову подобные мысли — уж не означает ли твердый отказ иметь дело с мужчиной какого-нибудь тайного умысла? Уж не занимаются ли сестры любовью друг с другом? К собственному удивлению, эта тема растормошила ее, прогнала сон и вовсе не вызвала того отвращения, какого следовало ожидать. Правда, интереса тоже. Тем

более любопытства… Ее симпатия к Яндрии, которая так усилилась за время этого побега, не имела ничего общего с ощущениями, которые однажды она испытала от близости Орейна. Но теперь ее внимание опять, силком, возвращали к этому предмету. Зачем?

«Уж не по этой ли самой причине я никогда по-настоящему не хотела мужчину, даже в отношениях с Орейном мною двигало всего лишь желание отогреть его, успокоить? Глупости, в таком состоянии можно до чего угодно додуматься. Тем более в таком важном вопросе».

Однако пускать этот вопрос на самотек было нельзя. Надо все хорошенько обмозговать Жить в такой компании и не выработать собственную позицию — этак опять окажешься замешанной в какой-нибудь грязной истории.

Одна за другой, группами по трое-четверо женщины выходили из-за столов и отправлялись на поиски спального места. Одеяла и постели были скатаны и стояли в ряд в коридоре, а также в большом зале, где их тут же начали расстилать на полу. Сразу поднялась веселая возня, смех, выкрики — каждая хотела занять место поближе к очагу, где горели толстые поленья… Яндрия и Ромили жались в уголке, пока к ним не подошла

Тина и не проводила в комнату, где стояли три кровати, две из которых были заняты.

— Вы можете расположиться на этой, свободной, — сказала Тина. — Леди Яндрия, мать нашей небольшой семьи хотела бы увидеться с вами, — обратилась она к спутнице Ромили.

Яни кивнула на кровать и предложила Ромили:

— Ложись и спи. Я приду позже…

Девушка так устала, что, несмотря на то что в комнате было четверо женщин, две из которых оглушительно храпели, стоило голове коснуться подушки, как она тут же заснула и не слышала, когда вернулась Яндрия.

На следующее утро, одеваясь, Ромили тихонько предупредила Яни:

— Кажется, они все знают, кто ты. По-видимому, нас здесь поджидали.

Яндрия глянула на нее и так же тихо ответила:

— При войске Каролина есть знакомая лерони. Так как мне нельзя было попасть в руки Лиондри, я связалась с ней и попросила ее передать на постоялый двор Ордена, что со дня на день прибуду туда. Поэтому они и знают. Неужели ты считаешь, что они открыли ворота просто так? Ночью, в городе, где полным-полно солдат!

Кажется, тебе еще не приходилось сталкиваться с пьяной солдатней.

Ромили остолбенела, захлопала глазами — с каждым днем она открывала что-то новенькое в начальнице. Оказывается, и лараном она обладает. Каким-то совсем особым, позволяющим ей связываться с нужным человеком, находящимся за сотни лиг от нее. Опять она поспешила с выводами, опять попала впросак! Выходит, Яни вполне могла прочитать ее мысли? Ромили тут же заторопилась.

— Меня кони ждут… Я отправляюсь на конюшню. Столько дел, столько дел…

Яндрия расхохоталась. Опять на нее смешинка напала!

— Может, сначала позавтракаешь? Управительница предупредила, что после такой скачки мы можем спать, сколько нам хочется. Думаю соснуть еще пару часиков. Вот только подзаправимся и найдем укромный уголок. Можно было бы устроиться на кухне, но там нам покою не дадут, начнут греметь котлами и кастрюлями. Ты уже заметила, какая здесь суматоха? Столпотворение!

К тому времени, когда они явились в столовую, завтрак уже заканчивался. В комнате было пу-

сто, лишь несколько пожилых сестер допивали молоко из глиняных кружек — при этом куски хлеба они обмакивали и, прежде чем прожевать, чуть обсасывали. Яни и Ромили сами наложили себе каши из котла, сами половниками налили молоко… Как только они покончили с завтраком, в столовую заглянула Тина.

— Леди Яндрия, глава нашей семьи просит вас зайти к ней, — сообщила она. — А вам, госпожа Ромили, следует пройти на конюшню…

Начальница рассмеялась и поправила Тину:

— Называй меня Яни. Не забывай правила, которые приняты в Ордене… Яндрия! Это уж слишком!

— Хорошо, Яни, — повторила Тина, и все равно в ее устах это простенькое имечко прозвучало с подобающим почтением. Следом сестра объявила распорядок дня: — В полдень занятия по рукопашному бою — проведены они будут на лужайке возле дома. В четыре часа урок фехтования на мечах. Там и встретимся…

Ромили отправилась на конюшню, потом на выгон, осмотрела коней. Чудо что за скакуны! Вороные, все из Киллгарда, на вид просто превосходные!.. Вот так удача выпала, порадовалась она, таких красавцев объезжать.

— Они позарез нужны войску. Их надо подготовить как можно быстрее — такое было указание, — пояснила Тина. — Требуется объездить, приучить к седлу, овладеть несколькими аллюрами, при этом необходимо, чтобы кони могли держать строй и чтобы не боялись шума. Помощников у тебя будет столько, сколько требуется, но все бестолковые. Хороших объездчиков у нас здесь нет, а у тебя, как сказала леди Яндрия, дар Макаранов. Так что давай приступай… И вот еще что, Роми, девчата у нас активные, так и норовят шмыгнуть туда, куда их не просят. Ты уж постарайся не угробить их до начала дела, а то и воевать будет некому.

Ромили кивнула и еще раз внимательно осмотрела коней. Было их чуть побольше двух дюжин…

— Есть в косяке уже объезженные?

— Около половины.

— Хорошо. Тогда давай сюда своих помощниц — из тех, кто хорошо держится в седле. Пусть они начнут разучивать аллюры здесь, на выгоне. Я им все покажу, расскажу. Потом начну с другими. Пора бы познакомиться с вашими красавцами.

Когда на выгон явились женщины, уже овладевшие навыками верховой езды, среди них

оказалась и Бета. Девушки радостно поприветствовали друг друга. Для начала Ромили велела размять лошадей — пусть побегают на корде по кругу. Кнут или нагайку применять запретила. Потом отправилась на конюшню, чтобы заняться необъезженными лошадьми. Решила сразу распределить коней, чтобы каждая сестра ухаживала за своими скакунами, чистила, выгуливала.

— Животное должно доверять вам. Это прежде всего, — начала объяснять Ромили. — Тогда оно охотно выполнит любое ваше приказание. Но связь не может быть односторонней, — предупредила она. — Если конь полюбит и доверится вам, вы должны испытывать те же самые чувства. Как ни странно, вся хитрость именно в том, чтобы полюбить приручённого вами жеребца. Или кобылу. Причем здесь должна быть полная искренность — кони прекрасно чувствуют отношение хозяина, и никакая ложь не ускользнет от них. Лучше быть откровенной с животным до конца — тогда скакун никогда не подведет вас. Ваши думы, чувства должны быть ясны ему. Хочу предупредить еще раз. — Она показала девушкам хлыст, который держала в руке. — Этой штукой пользоваться можно, но, во-первых, только после того, как вы подружитесь с конем, во-вторых,

чтобы я не видела. Плох тот наездник, который только тем и занимается, что безжалостно лупит скакуна. Если я замечу что-нибудь подобное, прогоню. Лучше сразу отправиться на занятия по фехтованию.

Она дала команду начинать, сама задержалась, чтобы послушать, о чем переговариваются девушки.

— Не использовать нагайку! Надо же!.. Тогда зачем они вообще нужны?..

— Что она болтает? С трудом понимаю… Откуда она родом? С дальних гор? У нее такой странный выговор…

Ромили в свою очередь усмехнулась — это ваша речь, любезные подруги, ясностью не отличается. Стоят, замедленно цедят слова, а ничего не разобрать. Будто что-то жуют… Пожуют-пожуют и выложат. Она-то как раз разговаривает нормально, а эти странные какие-то… Наругавшись про себя от души, Ромили прикинула — не может быть, чтобы все были не правы, а она одна права. Что ж, будем тоже в час по чайной ложке выговаривать, может, тогда они наконец уловят, что к чему. Прямо по слогам, да еще пожевать их по нескольку раз.

Побывали бы в «Соколиной лужайке», там бы

их быстро окрестили глупенькими, чужаками и отъявленными жеманницами. Просто все дело в том, что они привыкли так говорить… Что ж, с волками жить, по-волчьи выть.

С конями общаться намного проще и приятнее. С ними она была самой собой, уж этим жеребцам и кобылам в голову не придет критиковать ее выговор и манеры.

«Лошади всегда поймут, что я им скажу. И им акцент не помеха».

Конный состав, собранный на конюшне, был очень разнообразен. Были здесь и крепкие лохматые червины, похожие на того дикого, которого она завалила в лесу на пути сюда, были и прекрасные вороные кони, очень похожие на тех, что выводили в конюшне отца. Ромили, не раздумывая, вошла в загон — Бета с нескрываемым ужасом следила за ней; девушка онемела, словно сестра, приехавшая из Хали, безрассудно вошла в клетку с кровожадными горными кошками. Ромили едва успела сдержать улыбку, походила среди животных, выбирая, с какого коня начать. Вопрос был очень серьезен — она улавливала скептические замечания и недовольное ворчание сестер: что это за малявку прислали, чему она сможет научить? Они ей малейшей оплошности

не простят…

«Не такая уж я зеленая, — обидчиво подумала Ромили, — с девяти лет работаю с животными. Из конюшни с тех пор не вылезала. Но им-то откуда об этом знать?»

Она по очереди осмотрела всех коней и червинов, пока не набрела на вороного сильного жеребца, который при ее приближении начал бить задними ногами по деревянному ограждению. Глаза у него выкачены, он звучно всхрапывал и скалил зубы.

— Осторожнее, Ромили, не подходи!.. — закричала Тина. — Этот вообще убийца… Ой, не подходи!.. Мы подумываем: вернуть его, что ли, в армию, да никто не решается вывести его из конюшни. Он уже тут одну слишком храбрую тяпнул за палец — так верхнюю фалангу и отхватил. Теперь никто не отважится сесть на него, и староват он уже, чтобы привыкнуть к седлу.

Ромили как будто не слышала ее.

«Он боится. Перепуган до смерти! Вот в чем беда. Ну, на меня-то не кинется…»

— Принеси-ка мне уздечку и длинную вожжу, — обратилась она к Тине. — В загон не входи, если боишься — повесь на забор.

Тина нашла длинный тонкий поводок и уз-

дечку, бросила на ограду и отскочила назад. Вздохнула с облегчением… Ромили протянула руку и взяла испрошенные вещи — глаза между тем ни на секунду не отводила от вороного.

«Все хорошо, красавец ты мой. Мы с тобой станем друзьями, обязательно станем. Правда?»

Конь отскочил назад, однако уже не брыкнул, не ударил копытами в стену.

«Какой дурак посадил его в этот тесный загон? Тише, успокойся, черныш, я не причиню тебя вреда. Разве ты не хочешь выбраться на белый свет? Знаешь, как там хорошо, какая вкусная травка…»

Ромили мысленно проговорила, что собиралась делать. Конь тревожно всхрапнул, потом заметно успокоился, не стал шарахаться даже тогда, когда девушка накинула ему на голову уздечку и привязала к ней поводок, который можно было использовать как лонжу. Она услышала, как тихо ойкнула Тина, затем в толпе девушек наступила тишина, словно дыхание у них перехватило. Все это Ромили заметила как бы отстраненно — теперь она полностью слилась сознанием с животным, и рвать эту связь ей не хотелось. Коню умиротворяющие, ясные мысли — сейчас мы с тобой выйдем на солнышко, побегаем, ты учуешь

запах травы и свежего ветра; успокойся, родной, пойдем; вот так, вот так — были по сердцу. За эти ужасные дни первое двуногое существо заговорило с ним по-доброму, начало убеждать, что неизвестности больше не будет; нечего бояться; вот и копыта у нее теплые, мягкие…

— Открой ворота, — не отвлекаясь, распорядилась Ромили. — Пошире, пошире… Достаточно. Пойдем, красавец ты мой, вот мы какие большие, сильные…

На ходу, опять же не оборачиваясь к сестрам, Ромили сказала:

— Вот видите, если подойти к ним с лаской, то все будет хорошо. Кони не злые, они только боятся. Теряются от неизвестности, не знают, что же с ними будет. Это все от страха, от отчаяния…

— Да-а, это потому, что ты обладаешь лараном, — обиженным голосом заметила одна из сестер. — А у нас его нет. Поэтому у нас ничего не получается.

— Есть ларан или нет, — ответила Ромили, — какое это имеет значение? Если у вас каждая жилочка, каждая косточка дрожит от страха, а все мыслишки разбежались в предчувствии самого дурного, то ничего хорошего не жди. Вы думаете, кони не чувствуют, не понимают, что

творится вокруг? Действуйте так, будто вы полностью доверяете животному, поговорите с ним, ясно представьте, что вы собираетесь делать. Кто может сказать, а вдруг они тоже обладают какими-нибудь лараном? Самое главное, вы должны их убедить, что не собираетесь причинять им вреда. Животные очень проницательны, они сразу догадаются, если у вас на уме что-нибудь дурное. Также не следует бояться их. Тот, кто боится, не владеет собой и в свою очередь вызывает страх у окружающих.

Теперь Ромили сосредоточила все внимание на коне.

— Пойдем, дружок, пойдем на лужок… там хорошо, смелее, смелее… Ну что ты, глупый, не надо пятиться, что тебе делать в конюшне?.. — заговорила она вполголоса и легонько натянула уздечку. Конь заупрямился, несколько раз переступил с ноги на ногу, наконец двинулся за Ромили. На выгоне с полдюжины женщин гоняли по кругу лошадей на корде, покрикивали на них, добиваясь ровности хода. Выучить годного для строя коня нелегко — скакун должен многое уметь, различать команды. Вот, например, одна из трудностей — необходимо научить лошадей с места брать в галоп и при этом сохранять ли-

нию… Занятия проходили удовлетворительно — Ромили на мгновение задержалась, отметила про себя, что амазонки для первого раза выбрали самых послушных животных — ну что ж, так действительно полегче. Затем девушка прошла с конем на дальний конец выгона, подальше от кобылиц, чтобы не смущали вороного; вполне может быть, что у какой-нибудь лошади подошло время случки. Тут она отпустила лонжу и присвистнула.

Вороной — сильный, высокий, отличных кровей конь — рванул так, что Ромили едва устояла на ногах. Поводок натянулся, девушка изо всех сил мысленно попыталась успокоить скакуна. Наконец тот ослабил напор и побежал ровной рысью по кругу. Ромили тут же натянула лонжу, заставила вороного замедлить ход — шагом, шагом… Через некоторое время, когда девушке стало ясно, что конь послушен, она постепенно начала давать ему волю. Вороной побежал быстрее…

«Какая у него стать! Такой скакун и для самого Каролина сгодился бы. Каков красавец!..»

Больше часа она гоняла коня — пусть побыстрее привыкнет к уздечке. Потом, остановив его, она заставила взять в пасть удила. При этом Ромили все время утешала его: «Понимаю, мой хороший,

понимаю, милый, кому приятно брать в рот холодный металл… но что поделаешь, приходится, иначе ты не сможешь понять хозяина».

В полдень Ромили повела вороного в конюшню, где попросила одну из сестер перевести своего более спокойного коня в общий загон, а в освободившееся стойло ввела вороного. Что ни говори, а скакун как нельзя лучше подходил для короля — и девушка представила Каролина, въезжающего в Хали на этом жеребце.

Потом ей пришлось принять участие в занятиях по самообороне без оружия. Если выездка была делом нелегким, но приятным, доставлявшим удовольствие, то рукопашный бой вызывал у нее нескрываемое отвращение. Более-менее безболезненно у Ромили получались падения; за то время, пока она освоила верховую езду, она много раз падала с лошадей и наловчилась правильно перекатываться и группироваться. Теперь эти навыки пригодились… Что же касается захватов, ударов, толчков, болевых приемов — все это казалось ей сложной наукой, освоить которую было просто немыслимо. Ромили была уверена, что каждая женщина в зале, даже молоденькие девушки, знали и умели больше ее. Все у них выходило очень ловко — ей никогда не

достичь подобного совершенства. Порой просто руки опускались…

Одна из более старших и опытных наставниц долго наблюдала за ней, наконец отвела в сторону, при этом приказала всем остальным продолжать занятия.

— Как давно ты дала обет на верность Ордену? — спросила она у Ромили.

Девушка задумалась, начала подсчитывать в уме. Столько всего случилось за эти несколько лун — сразу не вспомнишь.

— Я не уверена, но вроде бы пару десятидневок…

— По-видимому, ты считаешь, что борьба не женское занятие и тебе не нужна, не так ли?

Ромили тактично ответила:

— Нет, что вы, конечно, каждой сестре необходимо владеть своим телом. Это очень важно… Этим занимаются в каждом лагере, общежитии, принадлежащим Ордену.

— Откуда ты родом? Как тебя зовут?

— Ромили. Иногда меня кличут Роми. Я родом с холмов Киллгард, предгорий Хеллерского хребта. Там расположен наш замок «Соколиная лужайка».

Женщина удовлетворенно кивнула.

— Я уже поняла это по твоей речи. Значит, ты выросла в приграничных краях, там у вас нет больших городов. Там все друг друга знают, чужак всегда на виду, точно?

— Да.

— Теперь представим, что ты идешь по городской улице, где-нибудь в трущобах или бедном районе… — Она поманила кого-то, и к Ромили подошла Бета, с которой она сидела вчера рядом за ужином. — Значит, ты идешь по грязной улице. Вокруг полно воров — шляются шайками. И прочей швали хватает, которые к каждой женщине относятся, как к подзаборной шлюхе. Ты идешь-идешь и чувствуешь, как некий молодчик заинтересовался тобой. Ну-ка, Бета… — скомандовала она.

Девушка пожала плечами и начала изображать слоняющуюся по грязным улицам даму. Она не спеша двигалась вдоль стены, и в следующее мгновение подозвавшая к себе Ромили женщина бросилась на нее с намерением схватить за горло. Ромили, открыв рот от изумления, следила, как Бета изогнулась верхней половиной тела и откинулась назад, при этом ударила нападавшую коленом и завела руки за спину. В таком положении она свободно удерживала обидчицу.

— О-о! Бета! Ты уж слишком… Надо помягче. Ну ладно, в любом случае Ромили, надеюсь, разобралась, что к чему. Так, теперь нападай на меня с ножом…

Бета взяла деревяшку, напоминавшую кинжал, и, держа ее у пояса острием вверх и вперед, бросилась на женщину. Все случилось так быстро, что Ромили ничего не успела разобрать — только спустя мгновение Бета лежала на спине, «нож» оказался в руках наставницы, и та была готова в любой момент нанести ей завершающий удар.

— Осторожней, Клеа, — обиженным голосом предупредила Бета и неожиданно, изобразив в воздухе подобие ножниц, ударила ногой позади колена. Женщина рухнула на пол, засмеялась и в свою очередь применила прием, ослабивший хватку Беты.

Наконец они обе поднялись и начали отряхиваться…

— Теперь ты понимаешь, как необходимо это искусство. Необходимо тебе лично, каждой сестре… Практически в любом городе полно подобных негодяев — особенно в таком населенном месте, на границе Сухих Земель, где каждый двуногий самец смотрит на женщину как на собственность или объект наслаждения, которым можно

пользоваться всякий раз, как ему захочется. Для этого наших сестер — не из Ордена, а вообще — запирают по домам, заставляют заниматься домашним хозяйством, приковывают к детям. Даже в более цивилизованных краях — например, в Тендаре — тоже полным-полно подобных ублюдков, которые не уважают никого в мире, кроме самих себя. Каждая женщина, вступившая в Орден, обязана научиться защищать самое себя, и, — ее улыбающееся лицо посерьезнело, — если ты помнишь нашу клятву, которую мы все даем, вступая в Орден, то в ней сказано — оружие дано тебе для того, чтобы сохранить свою честь. — Она поднесла учебный кинжал к своему горлу. — Я поклялась, что убью себя, но не допущу, чтобы надо мной сотворили насилие. Безнаказанным такой поступок оставлять нельзя — убей его, если сможешь, или себя, если не сможешь. Этот обычай и тебе следует хорошенько помнить.

Дрожь пробежала по спине Ромили. Тренерша коснулась темы, которая давно не давала ей покоя. Прежде всего Ромили никак не могла разобраться в себе — способна ли она на такой жестокий выбор, достанет ли у нее сил, чтобы в нужный момент точно решить: или — или! Она не пожалела Рори и всегда считала, что поступи-

ла правильно. Он получил свое, она обязана была вывести его из строя, ударить… Но убить?! Не допустит ли она в этом случае страшную ошибку? Не встанет ли с ним на одну доску? Не будет ли ее грех столь же тяжким, как и его?

«Я смело встречу опасность — с того самого дня, как я дала клятву на верность Ордену, я уже знала, что не подкачаю, если такой день придет. Но убить… Теперь даже не знаю, хватит ли у меня на это сил. И умения… Ведь это не так просто… Интересно, сколько Бета осваивала эти приемчики?»

Клеа заметила сомнения Ромили и хлопнула ее по плечу.

— Совсем недолго. И ты скоро овладеешь подобным искусством, в нем нет ничего хитрого… Послушай, Роми, ты крепкая девушка, прекрасная наездница, умеешь обращаться с животными. Неужели ты не в состоянии освоить такие простые движения! Тебе все дано — сила, быстрота, выносливость, так что больше никаких колебаний, панических настроений, обреченности. Выше нос, подруга!.. А ну-ка, Бета, проведи ее в дальний угол, покажи начальные движения, и пусть она упорно попрактикуется в этом. Не смущайся, Роми, все мы так начинали, потом попозже мы переведем тебя в группу новичков.

Теперь, когда Ромили почувствовала заботу о себе, когда ей объяснили, что умение защитить себя не блажь, не чья-то прихоть, дело у нее пошло веселее. Трудно отрицать, что грядущие дни принесут ей много неожиданностей, и если она решила жить своим умом, если решила, что свободна в выборе, то ничего другого не остается, как только во всеоружии встретить надвигающиеся беды. Как же иначе? Тот разговор стал поворотным пунктом — разве она в чем-то хуже других? Что за блажь вбила себе в голову? Она ловка, смела, терпелива и быстра, внимательна и сильна. Ну-ка, докажи обратное. У нее явное преимущество перед многими другими женщинами: природные гибкость и подвижность, однако одного знания недостаточно — необходимо овладеть специальными приемами, захватами и удержаниями. Бета посоветовала Ромили сосредоточить внимание на одном-двух приемах и овладеть ими в совершенстве. Все движения ног, рук, корпуса должны быть доведены до автоматизма. Однако нельзя забывать и об основополагающих движениях — каким образом должен перемещаться центр тяжести, стопа, в каком положении должны находиться руки.

«В мужской одежде я проехала по всем Хел-

лерам. Вот уж действительно, хуже нет, как оказаться жертвой мужчины».

Скоро ее охватило чувство гордости: все-таки это здорово — быть способной самой защитить себя. Никого не надо просить о милосердии… У них, у этих жеребцов, допросишься!.. После небольшого перерыва, когда сестры отправились на урок фехтования, Ромили уже шла в первых рядах… Правда, теперь ей не давало покоя другое:

«Ладно, владеть деревянной палкой, в конце концов, научусь, но ведь этим так называемым оружием можно лишь отлупить противника до синяков». Но стоило подумать о настоящем мече, об ужасных ранах, которые им можно нанести, как сразу начинали дрожать коленки. Неужели она на самом деле рискнет вступить в схватку? От картины, как из раны хлынет горячая кровь, ее всю передернуло.

«Нет, я не меченосица… Ну какой я воин? А они именно так величают меня. Я объездчица, разве что хорошая сокольничья… Сражения не мой удел».

Так бежали дни, наполненные уроками и тяжелой работой. Миновал четвертый десяток дней, приближалась макушка лета. Скоро минует год, как она убежала из дома. Скорее всего, отец и

мачеха считают, что ее уже нет в живых, и Дарен теперь уже объявлен полноправным наследником «Соколиной лужайки». Бедный Дарен, как, должно быть, ненавистно ему это! Может, маленький Раэль окажется в состоянии заменить ее, может, ему передался дар Макаранов? Вот было бы здорово! Обладай Раэль тем, что Микел считал самым важным качеством «истинного Макарана», Дарену было бы позволено вернуться в монастырь. Или, может, ему следует поступить так же, как она?

Год назад отец сговорился с домом Гарисом. Чем же все кончилось? Что произошло за это время? Ромили, например, сильно вытянулась — приехав в этот городок, она, к своему удивлению, обнаружила, что необходимо перешить все платья. Попробовала надеть — и ничего не получилось. Девушка настолько выросла, что пришлось выбросить старую одежду и подобрать другую, по размеру, в запасниках постоялого двора. Она и в плечах заметно раздалась, на руках и ногах выпирали мускулы — сказывался результат длительных тренировок и нелегкой работы. Теперь и Мэйлина, и приемная мать, увидев ее, в один голос воскликнули бы: «Нет, Ромили, ты совсем не похожа на благородную даму!» Она бы

им так и заявила: «Я не дама, матушка, я меченосица».

Но все эти тягостные мысли отступали на второй план, когда девушка начинала работать с лошадьми, особенно с вороным жеребцом. Ему она ежедневно выделяла час. Жеребец никому, кроме нее, не позволял прикасаться к себе, и все-таки Ромили мечтала, что наступит день, и на нем будет скакать сам король. Дни бежали незаметно, так же чередовались луны на бледном небосводе. Менялись времена года, приближалась зима, «становилось все холоднее. Ударили морозы, тренировки лошадей пришлось прекратить. Время брало свое, она сдружилась с сестрами, жившими на постоялом дворе. Теперь среди них не было внушавших подозрения чужаков — кругом милые, знакомые лица. Вот и Праздник середины зимы пришел — девушки и женщины в общежитии обменивались подарками. У некоторых женщин оказались семьи, и они, получив отпуска, отбыли на праздничные дни из города. Когда же Ромили спросили, не желала бы она навестить родственников, девушка, не дрогнув, заявила, что у нее никого нет. Это был пусть и тяжкий, но самый разумный выход. Можно было себе представить, как встретил бы Микел

Макаран блудную дочь, приехавшую домой на побывку, крепкую меченосицу в малиновой рубахе, галифе, сапогах, с проколотыми ушами, в которых болтались серьги — знак принадлежности к Ордену Меча. Это было интересное развлечение — размышлять на эту тему. Отец бы сразу выгнал ее, заявил, что она ему не дочь. У него не может быть дочери, которая принадлежала бы к этому бесполому Ордену, черт бы его побрал… и не выговоришь правильно! Сестричеству, что ли? Язык сломаешь… А вдруг он пригласит ее в дом, любезно встретит и не будет скрывать гордости от того, что дочь хотя и пренебрегла его словом, однако многого добилась в жизни? Теперь она меченосица, сильный, независимый человек, и достигла всего этого вдали от «Соколиной лужайки».

Мечты, мечты!.. От них сжималось сердце и дух захватывало. Однако разум подсказывал, что ничего хорошего от возвращения домой ждать нельзя. Возможно, когда-нибудь, годы спустя, Ромили и рискнет появиться в «Соколиной лужайке». Но в любом случае это не будет зима, тем более середина ее, самая холодная пора, только безумец решится путешествовать в Хеллерских горах зимой. Большинство женщин, уехавших из Серайе для встречи с семьями, жили не дальше

Тендары или Хали. Здесь дороги было не более семи дней.

Скоро в пустыне стали замечаться первые признаки приближающейся весны. Один денек выпадал морозный, метельный, ледяной ветер завывал на улицах городка, а наутро небо уже было совершенно чистое, огромное солнце ласково посвечивало, чуть поднявшись над горизонтом. По улицам бежали ручьи, мальчишки пускали кораблики… Ромили все чаще посещала тоска — так хотелось увидеть родные края. Там, наверное, тоже уже оттепель, дороги развезло, и в полдень в лесу отчаянно пахло теплом и прелью. Выгон перед замком, где проводились ярмарки, освободился от снега, появилась первая бархатистая травка… Лошадей скоро пустят на выгон, пусть попасутся!..

С приходом весны поползло множество слухов о перемещениях войск, о битве между армиями Каролина и Лиондри Хастура. Позже стало известно о перемирии между Каролином и Большим дворцом в Хали. В то же самое время войска свергнутого короля опять начали собираться на равнине. Ромили эти разговоры почти не интересовали. Все последние дни она занималась с новым табуном, пригнанным в Серайе с наступ-

лением весны. Дел было по горло — теперь она вставала задолго до восхода и ложилась позже всех. Для новой партии коней необходимо было построить конюшню, и, поскольку прежнего выгона, входившего в границу участка земли, отведенного Ордену, не хватало, надо было снять еще один луг, уже за пределами участка. В полдень начиналась строевая подготовка и занятия по выездке с сестрами. Ее мир в ту пору ограничивался пределами конюшни и пастбища, самой главной заботой был уход за лошадьми и добывание корма — того, что давала эта полупустынная земля, не хватало, приходилось ждать подвоза со стороны военного лагеря… Однажды в полдень, когда Ромили с группой всадниц выехала с постоялого двора и миновала городские ворота, она заметила в поле шатры, несколько коновязей и скакунов возле них, а также вооруженных людей, снующих между палаток.

— Кто это? — удивилась девушка.

Одна из ее спутниц, которую ранним утром послали в город, чтобы купить молока и фруктов, объяснила:

— Это авангард Каролина. Они разбили здесь лагерь, ждут, пока не подойдут главные силы. Отсюда начнется новый поход на равнины Вале-

рона. Там, как говорят, будет дано решительное сражение королю Ракхелу — Она сплюнула.

— Выходит, ты сторонница Каролина? — спросила Ромили.

— Я? Конечно! — страстно заявила сестра. — Люди Ракхела выгнали моего отца с фермы в Вензинских холмах, а землю передали дружку этого негодяя — Лиондри Хастуру. После того как нас лишили дома, умерла мама. И мой отец в армии Каролина — я бы хотела завтра съездить туда, если Клеа позволит, и попытаться разыскать его. Очень хочется повидаться, расспросить — не получил ли он весточки от наших братьев, которых тоже разбросало по миру. Плохо без родного дома, без корешка, любой ветерок несет тебя, несет… Вот и меня прибило к Ордену. Куда мне еще было идти? С братьями? Не хотелось быть им обузой… И отцу тоже… Денег у нас не было, чтобы поместить меня в приличный дом, снять угол. И где в это смутное время найдешь работу, разве что в шлюхи податься? Они в ту пору и жениха мне сыскали. Неплохой парень, однако он оказался приверженцем Лиондри и Ракхела. Ну, думаю, мне с ним по одной дорожке не гулять. Женишок затаился в своем доме как слизняк, в то время как мой отец и братья шляются по белу

свету. Он что думает, война до него не доберется?

— Что ты словно оправдываешься, Марели? — успокоила ее Ромили. — Никто тебя не осуждает. — Она вспомнила свое путешествие по Хеллерам зимой, в компании с Орейном и Карло, другими пострадавшими от нового правителя изгнанниками — необузданным грубоватым Алариком (его горе было куда весомее беды Марели). — Я тоже, — добавила она, — сторонница Каролина, пусть я ничего о нем не знаю. Просто мне довелось познакомиться с людьми, которые сражаются за него. Это настоящие ребята. Если они за него, то я тоже.

Мечта о возможном отпуске была очень соблазнительна. Вот с кем бы повидаться — с Орейном, домом Карло! Где еще им быть, как не при войске Каролина?! Может, ей тоже отправиться вместе с Марели в военный лагерь? Орейн, хочется верить, остался ей другом, несмотря на то что она оказалась женщиной. Он такой богатырь, что ему сделается? Не мог же он пострадать во время зимней кампании!

— Гляньте-ка! — отвлек ее возглас Клеа. Женщина указала в сторону шатров. — Там знамя Каролина — серебряная сосна на голубом поле. Знаете, что это значит? — возбужденно выгово-

рила она. — Это значит, что сам король здесь.

Ромили тут же припомнила когда-то услышанные слова: «Где прячется Орейн, там недалеко и Каролин». Пришла на ум и та праздничная ночь, в которую они отправились в таверну. Там Орейн как-то странно удалился от нее — послал играть в дротики, а сам уединился в темном углу с каким-то незнакомцем. Неужели то был сам Каролин?

Интересно, теперь Орейн — большой человек. В силе. Примет ли он ее? Или до сих пор испытывает смущение от одной только мысли, что она оказалась женщиной? Ромили решила: когда в следующий раз Яндрия появится на постоялом дворе — весь год она разъезжала по стране по поручению штаба Каролина, посещала в основном южные города, Далерет и Темору, — она узнает, что старшая сестра думает по этому поводу.

К ее удивлению, уже на следующий день к ней на конюшню заглянула Яндрия. Это совпадение или мысль имеет свойство телепатически достигать разума другого человека и там возродиться в виде мысли, независимой, как бы рожденной им самим? Когда девушка привела вороного жеребца на конюшню, завела его в стойло (тот стал совсем как ребенок; после года работы выучка его была поразительна, Ромили уже совсем ре-

шилась обратиться к настоятельнице с просьбой передать его в дар Каролину), она заметила, что кто-то загородил дверной проем.

Ромили выглянула из стойла. На пороге стояла Яндрия.

— Роми! — воскликнула она. — Я была уверена, что найду тебя здесь. Что же ты с ним сотворила, с этим красавцем? Это просто чудо! Помнишь, как ты в первый раз набросила на него уздечку? Мы все решили, что он тут же прикончит тебя.

Яни была одета в походный костюм, по ее виду можно было заметить, что она только что соскочила с коня — сапоги в пыли, на лице матерчатая повязка, какие обычно используют при езде по Сухим Землям, один конец ее был отстегнут и висел вдоль правой щеки.

Ромили бросилась, чтобы обнять ее.

— Яни! Я не знала, что ты вернулась!..

— Я не могу здесь долго задерживаться, младшая сестра. — Женщина радостно обняла юную подругу. Ромили откинула назад разметавшиеся волосы — провела по ним мозолистой рукой.

— Давай я расседлаю твоего иноходца, потом немного поболтаем. Хоть на это мы имеем право? Это было бы замечательно — я так по тебе соскучилась. Я хочу назвать вороного Солнечным

— он подсказал мне, что сам называет себя этим именем. Да, он очень любит свет, особенно когда сияние отражается в капельках росы. Он у нас романтик, наш Солнечный…

— Он, бесспорно, заслужил эту кличку. Однако стоит ли давать нашим коням такие изысканные имена или входить в его возвышенные мысли? Им всем судьба одна — в солдаты, поэтому и называться они должны попроще, чтобы самый тупой крестьянин смог запомнить. И вот еще что — тебе бы не следовало расточать ему столько внимания, совсем скоро их заберут отсюда. Пора на службу. Правда, некоторые будут оставлены для наших сестер, которые отправятся в поход вместе с Каролином. Девушек переведут в военный лагерь. Ты уже его видела? Вот я и говорю — стоит ли глубоко привязываться к животным, если расставание неизбежно? Причем приказ может прийти со дня на день…

— Что я могу поделать с собой! — пожаловалась Ромили. — Мне с ними возиться одно удовольствие. И для них тоже… Иной раз вроде труднейшее задание надо освоить, а они разыграются, как дети… Просто душа радуется… Я к ним с лаской, и они в ответ с лаской. Как я могу отмерить, кому сколько? Если конь тебе по сердцу, то

и привязываешься к нему…

Яндрия виновато глянула на нее.

— Очень жаль, что нам приходится использовать твой ларан для подобной цели. И тебя тоже… Что их ждет в бою? Кони грудью идут на врага. — Она погладила Ромили по волосам. — Помнится, Орейн сказал мне, что ты умеешь обращаться со сторожевыми птицами… в тот раз, когда он привел тебя к нам на подворье…

Ромили кивнула.

— В таком случае я вынуждена взять тебя в лагерь Каролина. Тебе придется дать несколько уроков тем, кому поручено работать с ними. Пойди и переоденься — нехорошо в таком тряпье появляться в лагере.

— Опять переодеваться! — возмутилась Ромили. — У меня времени на это нет. Ни капельки!.. Я вполне нормально одета…

— Для конюшни! А тебе надо выехать в город, — настаивала Яндрия, и в следующее мгновение Ромили увидела себя ее глазами: волосы спутаны, в них застряли стебельки соломы; рубашка расстегнута — в тот день стояла сильная жара и пот лил ручьями, подол вылез из брюк. Девушка глянула в расстегнутую щель ворота — Боже, грудь наружу! А брюки? Такое тряпье даже в

конюшне носить стыдно, если же появиться во всем этом в военном лагере, да еще попасться на глаза Орейну!.. Девушка вспыхнула от смущения и неожиданно хихикнула.

— Ой, действительно! — всполошилась она. — Я быстренько. Минуточку!..

Она тут же умылась у рукомойника, потом бросилась в дом. Комнату она делила с Клеа и Бетой… Там причесалась… Затем достала все чистое — переодела нижнее белье, натянула малиновую рубашку, новые бриджи, подпоясалась — на пояс подвесила кинжал. Теперь другое дело… Теперь она выглядела не как батрачка, не как крестьянский паренек, но как полноправная меченосица, профессиональный солдат, достойный служить в армии Каролина. В новом одеянии она сама себе понравилась — явно повзрослела, можно сказать, похорошела, почувствовала себя уверенней… Вот что значит одежда, почему-то решила Ромили, словно забыв, что ее годки упорно бегут и с каждым днем прибавляют ей женственности.

Когда она вышла во двор, Яндрия одобрительно рассмеялась. Все такая же хохотушка… Одета она была тоже в походную форму члена Ордена Меча — малиновая блуза, меч на поясе, на шее в ножнах висел кинжал; в мочке левого уха по-

блескивала серьга.

Сев на коней, они бок о бок поскакали к левым воротам подворья Ордена. Миновав их, добрались узкой улочкой до крепостной стены…

4

Подъехав к лагерю поближе, Ромили могла более тщательно рассмотреть вооруженных людей, знамя — серебряная сосна на голубом поле, — развевающееся над самым высоким шатром, где — Ромили так хотелось верить в это — находились апартаменты короля или, по крайней мере, его штаб. Скоро они приблизились к внешнему обводу войсковой стоянки, проехали мимо многочисленных коновязей — кое-где уже были устроены летние конюшни, — мимо походных кухонь, с той стороны пахло чем-то очень вкусным; далее они добрались до огороженного канатами плаца, на котором только что набранных рекрутов гоняли строем, других же обучали приемам рукопашного боя. Ромили подобные занятия уже стали привычны. Тут она заметила, что руководила занятиями одна из сестер и вчерашние крестьянские парни бросали на нее хмурые взгляды. Каково им было чувствовать себя под началом женщины! В дальнем углу шел урок фехтования. Разбитые носы и огромные синяки украшали почти всех новобранцев.

Вход в центральную часть лагеря охранял ча-

совой. Он остановил всадниц. Яндрия отдала ему честь и заявила:

— Меченосица Яндрия и послушница Ромили. Я ищу лорда Орейна, мы прибыли по его вызову.

Ромили на мгновение напряглась — у часового было такое лицо, что он вот сейчас непременно ляпнет какую-нибудь грубость, обматерит их с ног до головы, однако тот, не изменив выражения лица, так же равнодушно отдал честь и послал рассыльного — мальчишку лет пятнадцати — разыскать лорда Орейна.

Девушка считала, что могучую, высокую фигуру ее бывшего спутника она сразу заметит, но Орейн неожиданно вынырнул откуда-то сбоку. Сердце у нее замерло…

На этот раз он был одет в изысканный наряд цветов Хастуров — голубое с серебряным, на груди — украшенный драгоценными камнями большой кулон, сбоку — меч, рукоять которого посверкивала в солнечном свете. Ромили пришло на ум, что стоило встретить его в таком наряде в тот первый день, у нее бы сразу язык отнялся. Она бы в присутствии такого важного вельможи и слова выговорить не смогла. Лорд вежливо поклонился женщинам, сказал что-то — в речи его и следа не было от тех просторечных оборотов,

которые он позволял себе в переходе через Хеллеры. Ни малейшего намека на акцент… Именно так должен был выражаться придворный.

— Местр'ин, с вашей стороны было очень любезно так быстро откликнуться на мою просьбу и прибыть в лагерь, — сказал он.

И Яндрия ответила в том же духе — что для них, мол, огромное удовольствие явиться по первому зову. Служба королю — высокая честь… И тому подобное…

Обменявшись любезностями, Орейн продолжил по-человечески, без этих куртуазных выкрутасов:

— Помню, что Ромили умеет обращаться не только с ястребами, но и со сторожевыми птицами. Недавно к нам прибыл ларанцу из Трамонтаны, но у него нет опыта в обращении с этими тварями. Тем более что они вам, дамисела, хорошо знакомы — это все те же Благоразумие, Умеренность и Усердие. Не будете ли вы так добры обучить нашего мага обращению с птицами?

— Рада помочь вам, лорд Орейн, — ответила Ромили и добавила: — Но только в том случае, если вы перестанете называть меня дамисела, да еще в таком тоне.

Лицо у Орейна вытянулось, он как-то робко от-

вел глаза в сторону — создавалось впечатление, что взгляд Ромили его пугал.»

— Прости — конечно, Ромили. Ты это имела в виду? — Уловив одобрение в глазах девушки, он пригласил их: — Сюда, пожалуйста.

Ромили последовала за Яндрией и Орейном, который взял сестру под руку.

Яндрия поинтересовалась:

— Как сам-то?

Орейн пожал плечами.

— Куда лучше, чем после получения посланных тобой новостей. Ты встречалась с Лиондри лицом к лицу?

Ромили заметила, как дернулось веко у Яндрии.

— Я слишком боязлива для этого. Я тогда послала вместо себя Ромили. Если мне доведется встретиться с ним… — Она не договорила, и некоторое время они шли молча. — Не знаю, видел ли он эти деревни, что были расположены вдоль северной дороги. Там до сих пор еще гибнет все живое. — Теперь Яндрия повела плечами, словно ей стало холодно. — Слава богам, что я всего-навсего простая меченосица, а не лерони. Если бы я хотя бы раз увидела, что они сотворили в таком благодатном краю, я не знаю… Я бы не могла

поднять глаза. Дневной свет мне был бы не мил.

Ромили неожиданно почудилось — вот она, разгадка такой ненависти отца к ларану. Вот почему он слышать это слово не мог, а также все, связанное с ним. Вот почему он возносил хулу на Башни, в одну из которых сбежал Руйвен. Поэтому, может, он и выставил из дома приехавшую к ним в «Соколиную лужайку» лерони и не дал ей возможности проверить телепатические способности Ромили и Мэйлины.

Потому что ларан является оружием, и то, что она видала, — это малая толика силы, погубившей деревню, где рос Орейн. Оказывается, там были и другие поселения, по которым безжалостная рука прошлась зеленым туманом.

Если так, то ларан — это что-то чудовищное!.. Если же ему можно обучить при наличии даже маленьких способностей, то страхи отца вполне можно понять и разделить.

Орейн горько заметил:

— Каролин сказал, что он никогда не применит для ведения войны ларан, пока подобное оружие не будет использовано против него. Если Ракхел, обезумев, вновь созовет лерони, чтобы атаковать короля, Каролину придется поступить так же. Выбора у него не будет. Ты же сама знаешь это, Яни.

Не хуже меня… Ты бы собралась с духом и лично рассказала ему о том, что узнала в Хали, пусть даже известия печальные. Что касается Ромили… — Гигант повернулся в ее сторону и немного подумал. — Люди, занимающиеся со сторожевыми птицами, расположились вон там. — Он указал девушке направление. — И хозяин их, и его помощник… У них там шатер. Думаю, они оба сейчас на месте. Отправляйся к ним, Ромили, а нам, — он обратился к сестре, — сюда.

Они, по-прежнему рука об руку, направились к королевской палатке, а Ромили пошла в указанную ей сторону. В душе у нее царили растерянность и страх. Надо же, сейчас ей предстоит встреча с настоящим ларанцу! О чем же с ним говорить? И если этот неизвестный обладал скрытой силой, то и ей тоже был доступен этот дар. Она же урожденная Макаран, меченосица, у нее есть собственный ястреб — кого ей теперь бояться в этой жизни? Ну-ка выше голову!.. Тверже шаг, смелее взгляд. Ее позвали! Без ее услуг и знаний этот самый ларанцу не может обойтись…

На задах возле палатки ларанцу она обнаружила плохо одетого мальчишку лет тринадцати или около того. Тот что-то собирал в большую плетеную корзину — туда можно было не заглядывать,

чтобы определить, что в ней лежало. Вокруг смачно, полновесно несло падалью. Тут же на жердочке, изготовленной из толстой сучковатой ветви, сидели три знакомые сторожевые птицы. Увидев по-своему красивых уродцев, Ромили бросилась к ним, радостно засмеялась.

— Умеренность ты моя! А вот и Благоразумие!.. Ах ты, радость моя Усердие!.. — Она протянула к ним руки, и они одновременно, дернув головами, словно собираясь нырнуть, возбужденно заголосили, потянулись к ней. — Узнали, узнали, мои хорошие. — Ромили тоже почувствовала прилив нежности.

В этот момент у нее за спиной раздался испуганный и странно знакомый голос:

— Не приближайся к ним! Отойди назад!.. Эти птицы могут выклевать тебе глаза. Вчера мой ученик лишился ногтя…

Она обернулась и увидела спешащего к ней худощавого бородатого мужчину, одетого в темную, напоминавшую монашескую рясу. Вид у него был сердитый, тем не менее Ромили вытянулась, замерла — сквозь густую поросль на лице проступили знакомые черты. И голос! Он был все тот же, его нельзя было не узнать!..

— Руйвен! — не веря себе, воскликнула Роми-

ли. — О, я должна была догадаться, о ком идет речь, когда мне сообщили, что к нам явился ларанцу из Трамонтаны. Руйвен, ну же! Ты что, не узнаешь меня?

Она засмеялась. Мужчина замер с открытым ртом.

— Роми, — наконец выговорил он. — Сестренка! Вот уж кого я не ожидал увидеть здесь! Но… в этом наряде… — Он оглядел ее с ног до головы, почесал бороду. — Что ты здесь делаешь? Как вообще ты попала сюда?

— Глупый, меня послали, чтобы научить тебя и твоего помощника обращаться с птицами. Я сопровождала их на всем пути от предгорий Хеллер в Неварсин, потом оттуда в Каер-Донн. Посмотри, как они рады встрече со мной. — Девушка принялась почесывать их по очереди перышком, и пернатые создания довольно заквохтали. — Но вот что ты здесь делаешь?

— То же, что и ты, — ответил брат. — Сын лорда Орейна и я — бредины. Он замолвил за меня словечко, мне прислали вызов — и вот я здесь. Но ты!.. — Руйвен еще раз, уже более внимательно, оглядел ее приметную форму, сразу выдававшую принадлежность к Ордену Меча. — Отец знает, что ты здесь? Как же он тебе позволил?

— Точно таким же образом, как и тебе. Помнишь, как он разрешил тебе совершенствовать дар в пределах стен Трамонтанской Башни? — Ромили усмехнулась, и Руйвен все понял.

— Бедный отец! Он потерял двоих детей… И Дарен… — Руйвен покачал головой. — Ладно, что сделано, то сделано. Теперь ты носишь форму женского ордена, я напялил рясу, какие надевают служители в Башнях. Оба мы служим Каролину — хорошо еще, что мы не оказались в разных лагерях. Ты видала короля?

Ромили отрицательно покачала головой.

— Не довелось, однако какое-то время я путешествовала с его самыми близкими людьми — Орейном и домом Карло.

— Карло? — задумался брат. — Что-то я такого не знаю. Значит, это твоими заботами были спасены эти птицы? Помню, помню, у тебя всегда была легкая рука насчет всякой живности — с конями, собаками ты всегда обращалась запросто. Надеюсь, с ястребами тоже?.. Конечно, зачем я спрашиваю — у тебя же сильный дар Макаранов. Надеюсь, ты научилась с ним обращаться, сестренка?

— Нет, я развиваю его, работая со зверями и птицами — вот так, ежедневно, во время испол-

нения обязанностей.

Руйвен нахмурился.

— Необработанный, плохо воспитанный ларан — опасная вещь, Роми. Когда эта заварушка закончится, я найду тебе местечко в Башне. Пойми, это дело нельзя оставлять на полпути. Вот пример — ты еще даже не поздоровалась со мной, как того требует обычай. — Он обнял ее и чмокнул в щеку. — Ладно, это все потом. Сейчас самое главное — ты знакома с этими птицами… Давненько не встречал я подобного человека, за исключением разве что лорда Орейна, который знает, как обращаться с ними…

— Это я его научила, — с гордостью сообщила Ромили и, шагнув к насесту, протянула руку. Свободной рукой девушка распутала узел и освободила поводок, с помощью которого птица удерживалась на насесте. Благоразумие довольно курлыкнула и тут же перепорхнула к ней на запястье. Руку Ромили защищала лишь тонкая ткань блузы, однако птица вела себя очень осторожно, даже переступала по руке с какой-то ласковой бережливостью. Это пустяки, подумала Ромили, найдутся же в лагере добротные охотничьи перчатки. Не могут не найтись…

В тот же момент ее кольнуло воспоминание о

Пречиозе. Она не видела ястреба с тех пор, как приехала в эту полупустыню. Нет, Пречиоза оставила ее еще раньше. В лесу… Увидит ли она когда-нибудь любимую ястребицу? Доведется ли встретиться?.. Если же нет, то, значит, она стала совсем свободна… Вольная дикая птица, как ветер, как солнце… Сама себе хозяйка…

— Ты не можешь дать мне охотничью рукавицу? — попросила она брата. — С этой-то справлюсь, Благоразумие самая маленькая и легкая из них. Самая сообразительная и деликатная… Другие куда более тяжелые и вцепляются так, что только держись…

— Этот стервятник — деликатный? — удивился Руйвен и рассмеялся, потом улыбка растаяла, когда он обратил внимание, насколько серьезна была Ромили. — Как ты называешь ее? Благоразумие, кажется… Ну и дела… Ладно, я пошлю помощника за перчаткой. Потом ты все расскажешь мне о них — имена, повадки, нрав. Ну, все-все…

Быстро пролетело утро. Все это время они говорили только о птицах, почти не касались прошлого — так, вскользь. Изредка вспоминали «Соколиную лужайку»… В середине дня в лагере ударил колокол — по словам Руйвена, пришло

время обеда. Он пригласил сестру с собой.

— В лагере много вашего брата — сестер из Ордена Меча, — объяснил он. — Ночуют они у вас, на постоялом дворе. Ну, ты об этом больше меня наслышана. Ты можешь поесть за их столом. Это было бы самое лучшее решение — нечего тебе с солдатами делать. Не будешь объяснять каждому, что ты моя сестра.

Ромили и Руйвен стали в очередь к одному из котлов, получили порцию тушеного мяса и ломоть хлеба. С едой в руках девушка удалилась к столу, за которым сидели семь или восемь сестер из Ордена. Все они были наняты в армию на разные должности — кое-кто курьерами, двое — как специалисты по выездке и рукопашному бою, одна — в качестве мастера-фехтовальщика, обучающего молодых солдат владению мечом. Некоторых сестер Ромили встречала на подворье в Серайе — никто из них не удивился, увидев ее здесь. Сразу заулыбались, похлопали по плечам… Яндрия не появлялась. Ромили решила, что она все еще занята делами с лордом Орейном и высшими офицерами штаба. Они, по-видимому, питались отдельно.

— Чем ты тут занимаешься? — поинтересовалась одна из соседок, и девушка, не вдаваясь в

детали, объяснила, что прислана в лагерь, чтобы ухаживать за сторожевыми птицами.

— Я всегда считала, что это работа для лерони, — заметила другая. — Хотя ты и впрямь рыжеволоса и обладаешь лараном.

— Дело совсем не в этом, — ответила Ромили. — Просто у меня есть профессиональные навыки в обращении с животными. Не знаю, ларан ли это или что-то еще. — Ей совсем не улыбалась перспектива, чтобы подруги сочли ее за лерони. Колдуний и колдунов в общем-то не очень жаловали. Их побаивались…

Закончив обед, она вернулась к шатру, который занимал Руйвен. К концу дня он уже вполне свободно, с той же легкостью, что и сестра, обращался с птицами.

К вечеру на лагерь спустился туман, и они сняли птиц с насеста, чтобы занести их под крышу. В это время Руйвен указал куда-то вбок.

— Глянь-ка в ту сторону. Видишь человека? Он — правая рука короля. Самого Каролина мы видим очень редко; все его приказы доходят до нас через лорда Орейна. Я так понимаю, ты с ним знакома…

— Мы вместе путешествовали с ним в Хеллерах; правда, я тогда переоделась мальчишкой, —

объяснила Ромили. Подробнее рассказывать не стала.

Орейн приблизился к ним и, не обращая внимания на Ромили, спросил у Руйвена:

— Скоро ли они будут готовы к работе?

— Дней через десять.

— И Дерик еще прибыл, — нахмурившись, сказал Орейн. — Как считаешь, ему удалось уговорить лерони?..

— Вообще-то поле боя не очень подходящее место для домны Мауры. К тому же Лиондри ее родственник. Она заранее предупредила меня, что могла бы заняться птицами, однако с просьбами участвовать в военных действиях на стороне Каролина к ней лучше не приставать. Я ее не осуждаю — это ужас, когда брату приходится идти на брата, отцу выступить против сына. Разве здесь подходящее место для женщины?

Орейн сухо засмеялся:

— Ну не важно. Пусть весь мир встанет вверх дном, но она должна быть в нашем лагере. Эта война началась не по прихоти Каролина. Тем не менее я уважаю чувствительную душу леди Мауры. Однако у нас в лагере должен быть кто-то другой, кто умеет с ними обращаться. Заметь, в полете…

Здесь он неожиданно, в том же чуть сердитом тоне, обратился к девушке:

— Ромили, ты смогла бы выпустить их в небо? Смогла бы поработать у Каролина?

«Когда он хочет чего-то добиться от меня, он сразу вспоминает, что я не только дамисела, но и друг…»

Девушка разозлилась, ее охватила ярость, может, поэтому ответила чересчур холодно:

— Что касается работы, ваи дом, вам следует обратиться к моим начальницам по Ордену. Я всего лишь подготовишка, и мое желание здесь не играет никакой роли.

— Ну, я думаю, Яндрия не станет возражать, — улыбнулся Орейн. — И старшие сестры тоже, уверяю тебя.

Ромили молча поклонилась ему, словно говоря: к вашим услугам.

На закате они отправились на постоялый двор. Солнце уже пожирало линию горизонта, небо было ясно. Все здесь, в этом полупустынном, насквозь прожаренном солнцем, негостеприимном краю вызывало у нее тоску. Как соскучилась она по дождику на закате или дождю со снегом, которые ежедневно на короткий миг проливались на ее родине! Яндрия пыталась привлечь ее

внимание рассказами об армии, об окружающей местности, указала ей на Большой дворец, построенный на пологом холме, где должны были размещаться родственники Хастуров. Подобные обширные здания были возведены и в Хали, и в Тендаре, в Алдаране и Каркосе. Ромили отмалчивалась, отвечала односложно — ехала, глубоко погруженная в свои думы.

«Руйвен уже совсем не тот, каким я знала его. Или представляла… Мы по-прежнему дружим, но о прошлой близости, родстве душ и речи идти не может. Я надеялась, он поймет меня, поинтересуется, что же случилось в «Соколиной лужайке». Он даже не заикнулся — а ведь с ним приключилось почти то же самое… Может, поэтому он и не хочет бередить рану… Только обратил внимание на то, что я стала меченосицей, умею обучать ястребов… словом, всякие пустяки… Когда я покидала «Соколиную лужайку», расставалась с отцом, мачехой, домом, я надеялась, что, встретившись с Руйвеном, в какой-то мере возмещу все это. Наивные мечты! Он очень изменился… Прошлое ушло навсегда… Ничего у меня не осталось, кроме летающей где-то ястребицы, умения объезжать коней и обучать птиц».

Грустные эти мысли так и катились потоком

— Ромили не заметила, как они добрались до подворья Ордена. Там поужинали. Девушка жевала вяло. Ей было как-то невдомек, что ужин давно закончился и им дали то, что осталось. Всухомятку… Так же безвольно Ромили направилась в спальню. Яндрия тоже примолкла, уже не похохатывала — видно, свои грустные думы одолели.

«Черт бы побрал эту войну! Она и Орейна испортила, и Руйвена тоже… Может, прав был папа… Какое нам дело, что за ублюдок сядет на трон!!»

Каждое утро Ромили начинала работу с теми лошадьми, которые легче поддавались дрессировке. Многого от них ожидать было нельзя — туповаты они были, это девушка отчетливо чувствовала. В последнюю очередь бралась за Солнечного — это было как награда, подарок самой себе. Между тем сестры уже почти освоили выездку и теперь тренировались в строе — брали с места в галоп, выдерживали линию, учились поворачивать по команде — их готовили в отряд регулярной кавалерии. Оказывается, вокруг Серайе было много инструкторов, которые готовили конников для войска Каролина. Со многими из них Ромили познакомилась во время полевых занятий. В том не было тайны — порученные ей кони были более тренированны, и добивалась

этого девушка за более короткое время.

Теперь после окончания занятий Ромили как обычно не спеша обошла свои небольшие владения — подошла к каждой лошади, к каждому червину, каждого похлопала, погладила, пощупала шершавые носы; нашла минутку с каждым войти в мысленный контакт, испытать долгий миг блаженства, одарить и получить взамен бессловесное выражение любви. Любое животное было ей дорого, они все были известны ей до самых мельчайших подробностей — она как бы сумела слиться душой с каждым из них. Их ждала нелегкая судьба — война и для скакунов война… В моменты духовного слияния она испытывала те же чувства, что и ее подопечные, ощущала вес всадника, их глазами следила за вкатывающимся на вершину небосвода распаленным багряным солнцем; и бег она ощущала как легкий перебор всех четырех ног — не двух! Где-то на задворках сознания Ромили чувствовала: каждое из этих животных, мчавшее седока, что-то знало о той истине, которая, как записано в наставлении святого Валентина, была рождена бременем мира. Только Хранитель Разума мог вместить ее всю целиком, но он был щедр и одаривал ею всякое живое существо. Если человек в лукавстве своем

мог убедить себя, что истина — ложь, заумь или идеал, то коню это знание было дано и он так же просто верил в него. Незамутненно и искренне… Поэтому и жилось коням несладко — знание награждало терпением, но оно же смиряло гордыню, и им приходилось гнуть шеи…

Теперь их ждал бой…

Смутное волнение всколыхнуло Ромили — возможно, только лошади сохранили в себе эту святую чистоту истины, пусть только мельчайшей капельки ее… и поделились с человеком, дали ей, Ромили, возможность прозреть…

На том спасибо! С конями Ромили было куда легче работать, чем с ястребами или сторожевыми птицами. Это потому, решила она, что кони обладают куда более развитым разумом. Именно разумом! Вот, например, птицы!.. Они очень эмоциональны, они тоже доставляли радость при общении, но это все более связано с полетом — самое необычное ощущение для человека. Сознание их менее развито и было сосредоточено — или приспособлено? — для обработки поступающих зрительных образов. У коней не было подобной ограниченности — их сознание было шире, сложнее, организованнее. Их разум более всего походил на человеческий и в то же

время был наособицу. Спутать невозможно, а вот слиться, пообщаться душами — вполне. Это было такое блаженство!

Наконец она добралась до стойла, где томился Солнечный. Жеребец, заметив ее, сразу замотал головой. Ей не надо было приказывать — Ромили набросила уздечку и, не оглядываясь, пошла к выходу. Вороной последовал за ней. С ним они сливались сознаниями мгновенно. Тогда и рождалось удивительное существо, обладавшее единым разумом и двумя столь несхожими телами коня и человека. Оба они купались в любви, ниспосланной свыше. Седлая скакуна, Ромили не могла сразу разобраться — не на ее ли спину легло это изогнутое удобное сиденье? Дальше — больше. Устроившись в седле, она переживала все ощущения, которые рождались в голове жеребца… Спроси ее в тот момент: она ли взгромоздилась на спину лошади или это ей подбавили тяжести, надавили на седло — девушка не смогла бы дать определенный ответ. Как ни странно, но, даже ощущая частью сознания собственное тело, она испытывала редкое удовольствие… Она как бы окуналась в быстрое движение, сливалась с ветром, мчалась с ним наперегонки — все это происходило с ней, с Ромили, и в то же время с

каким-то другим, состоявшим из двух ипостасей существом. Это двуединое создание только на первый взгляд было необычно и странно — Ромили бессознательно проваливалась в распахнувшееся перед ней откровение. В иной мир, блистающий и добрый… Это была реальность, о которой она никогда не догадывалась, — она представляла собой бесконечную дорогу слияний или, может, ряд ступеней, ведущих ввысь, к однозначно ощущаемому теперь совершенству — Божьему свету. И каждая ступень — это было лишь слабое отражение его… В том мире, куда она вознеслась вместе с Солнечным, время текло необычно. Оно как бы дробилось на бесконечно малые доли, и в каждую из них вновь рожденное двуединое существо — а значит, и Ромили как личность — проживало целую жизнь, полновесную, звучную… Мгновения замерли — здесь в блистающем мире не было ни прошлого, ни будущего. Это был экстаз настоящего. Все здесь свершалось неспешно, весомо — было видно каждую шерстинку на залитых потом боках скакуна, каждый солнечный лучик, щедро рождаемый гигантским светло-вишневым светилом. Его можно было пощупать, прижать к щеке… С сожалением Ромили пришлось разделиться с конем

сознанием — нехотя отделилась от Солнечного, подогнала его к ограждению, спрыгнула на землю… Расстаться не было сил — девушка обняла коня за лоснящуюся сильную шею. Им не надо было слов. Человек стад конем, конь — человеком. Это было величайшее наслаждение, словно она до сих пор скачет на жеребце, а он несет ее вперед, и пути этому не видно конца, и каждый шаг, скок и вздох причиняли им невыразимое наслаждение. Если с чем сравнить ощущение Божьей вечности, то именно с этим безграничным мгновением.

И вновь — с легким сожалением, очень-очень слабым, повеявшим откуда-то из глубины разума, напомнившим, что все на свете имеет завершение, всему есть предел, даже вечности, — она сняла руки и, вернувшись в самое себя, полностью осознав, что она Ромили, и больше никто, шлепнула его ладонью по груди и направила в конюшню. Солнечный сам доберется до стойла… Она же побрела к похожему на сарай постоялому двору. Чей-то голос вывел ее из состояния задумчивости, с некоторой развязностью вторгшись в сознание:

— Как же он красив! Это вороной, о котором мне столько рассказывали? Ничего в нем нет

страшного, меня убеждали, что к нему никто и подойти не мог... — Ромили подняла голову — на пороге стояла Клеа. Заметив по ее лицу, что с девушкой творилось что-то непонятное, она встревожилась: — Что с тобой? Это из-за него?

— Нет, он послушен, как дитя, — с отсутствующим видом ответила девушка. — Он любит меня, теперь с ним и ребенок сможет управиться.

Тут Ромили пришло в голову, как нелепа и абсурдна человеческая гордыня. Смешным показалось ей желание подарить этого коня Каролину. Разве жеребец — бездушная вещь?.. Другое дело маленькому Кэрилу. Мальчик тоже без ума полюбит подобного красавца, а тот, в свою очередь уловив, что у ребенка тоже есть дар, ответит ему тем же. Это была хорошая мысль. Взять его себе? В ее положении это было бы непозволительной роскошью — конюх не может восседать на коне имперских кровей. «Как же, — издевательски осадила себя Ромили, — такого коня — и сынку Лиондри Хастура!» Она наконец полностью пришла в себя и спросила у Клеа:

— Я тебе нужна?

— Пришла напомнить, что пора заняться рукопашным боем. Урок-то уже начался... Но по дороге я встретила Яндрию. Она предупредила,

что тебя сейчас должны отослать в военный лагерь, пора, говорит, заняться сторожевыми птицами. Беги собери вещи, я так понимаю, сюда ты уже не вернешься.

«Не вернусь?» Тогда ей надо попрощаться с Солнечным. И как можно быстрее! Хотя чем может помочь прощание? Они связаны навечно. Их сознания не разделишь. Их объединила высшая реальность — теперь ей, как и Солнечному, до конца дней своих нести в душе частичку мировой гармонии.

— Спасибо, Клеа, — улыбнулась Ромили наставнице. — Спасибо за все, чему ты научила меня.

— Ох, Роми, как у тебя глазки загорелись! Поверь, заниматься с тобой мне было в радость. Ты очень способная — может, мы в чем-то схожи. — Она обняла ученицу и добавила: — Мне жаль расставаться с тобой. Может, ты как-нибудь выберешь время и навестишь нас? Если нет, встретимся в другой раз. Меченосицы всегда так: не знают покоя, путешествуют по стране, сходятся, расстаются — так что все впереди. Вот еще что… Не бросай тренировки — это полезное занятие для укрепления духа, для сохранения уверенности в себе. В нашей жизни это очень важно.

Ромили от души расцеловала ее и бросилась в дом собирать вещи.

Закончив дела, упаковав нехитрый скарб в дорожный кожаный мешок, Ромили отправилась разыскивать Яндрию. Долго искать не пришлось — та сама шла ей навстречу с мешком, где были собраны ее пожитки.

— Я забираю Солнечного, — сказала она Ромили. — Другие скакуны будут отправлены в армию через несколько дней. Я заметила, что ты так тщательно готовила его, так заботилась о жеребце, и решила: уж не подарок ли это Каролину? Что же, за все твои заслуги тебе представляется честь лично вручить его королю.

«Вот как? — удивилась Ромили. — Все свершилось куда быстрее, чем я загадывала. Теперь мне все равно, под чьим седлом он будет ходить, нас ведь водой не разольешь».

Еще проблема с поводьями — как он к ним отнесется? Ромили, втайне мечтая получить вороного в свое распоряжение, не пользовалась уздой — управляла им мысленно. Что будет, если ему сунут удила в пасть? Она успокаивала коня голосом, поглаживанием, мысленным внушением, обдавала волной нежности, умиротворения — этого бывало вполне достаточно.

«Теперь тебя поставят под седло короля. Это большая честь, мой красавец».

Скакуну, собственно, было все равно, какой седок управляет им — король или простой воин. Дело в другом — сумеет ли новый владелец найти с ним общий язык, полюбить коня и вызвать в нем ответное чувство? Это трудно, хотя и возможно, но Каролин — Ромили почувствовала угрызения совести — обязательно получит уголок в сердце коня.

5

Что-то случилось в лагере за время их недолгого отсутствия. На плацу собралась толпа солдат, более похожих на наемных работников — оружия ни у кого не было, — все шумно переговаривались… Флаг Хастуров был приспущен… Ромили оставила жеребца под опеку Яндрии и подбежавших к ней конюхов, а сама поспешила к палатке, где содержались сторожевые птицы. Там она и застала Руйвена, суетившегося возле жердочек стервятников. Насест соорудили в углу, где были привязаны червины. Вьючные животные терпеть не могли запаха падали, которой питались птицы, и в их присутствии всегда вели себя беспокойно, постоянно всхрапывали, топтались на месте.

— Что, — спросила Ромили, — получен приказ? Армия выступает в южном направлении и мне поручено следовать с тобой?

Он кивнул.

— Не могу же я один управиться с тремя птицами! Кроме тебя, в радиусе ста лиг нет ни одного приличного телепата. Исключая тех, кто служит у Ракхела. Да поможет нам Бог — у него полно

разведчиков, и вполне вероятно, что авангард тоже имеет сторожевых птиц. Мы получили известие из Хали, «что Ракхел собрал войска и передал их под командование Лиондри Хастура. Если тот выступил, как мы считаем, то обе армии должны встретиться неподалеку от Нескьи, возле холмов Киллгард. Правда, это непроверенные сведения, теперь все зависит от нашего умения обращаться с птицами. Лорд Орейн уже интересовался, сможем ли мы уже сегодня запустить наших стервятников и осмотреть местность.

— Ну, если лорд Орейн просит, — сыронизировала Ромили, — вся армия должна встать на задние лапки.

Руйвен удивленно уставился на нее:

— Что с тобой, Роми? Ты, случаем, не прихворнула? Лорд Орейн возглавляет штаб Каролина, он его ближайший советник и друг. Чем он тебе не по нраву? Какие здесь могут быть насмешки?..

Ромили упрекнула себя — ну что опять завелась! Это всего лишь обиженное самолюбие, все та же старая песня. Пока она была одета как мальчишка, Орейн был очень добр и близок с ней, стоило ему только узнать, что она женщина; сразу все переменилось. Словно она представляет для него какую-то угрозу. Или он всех женщин

считает ничтожествами, от которых, кроме неприятностей, ждать нечего? Но это его проблемы, а не ее; она не совершила ничего такого, что бы дало ему повод обращаться с ней так, как он теперь обращается.

«Это именно он нуждался в поддержке, а не я».

— Я оцениваю внимание Орейна куда выше, чем ты мог подумать, — твердо заявила она. — В течение многих месяцев мы вместе проделали трудный путь, работали бок о бок. Я не думаю, что раз я женщина, меня следует держать на дистанции и цедить сквозь зубы. Я уже доказала, что вполне могу справиться с порученной мне работой. Не хуже любого мужика. А то и лучше…

— Никто не сомневается в этом, — пожал плечами Руйвен и так взглянул на сестру, что Ромили пожалела о сказанном — слишком явно бурные чувства отразились на ее лице. — Орейн таков, каков он есть. Ну, не любит женщин — и что из того? В Башне он не обучался — мы же, кто прошел курс в Трамонтане, прекрасно знаем, что между женской и мужской силой нет большой разницы. Мы являемся первой Башней, которая допустила женщин в круг Хранителей. Они оказались очень искусны в нашем деле. Куда даровитее, чем многие мужчины. Даже Хастуры… Думаю, ты тоже

могла бы пройти подобный курс.

— Я много размышляла об этом, — ответила Ромили. — Но теперь мне кажется, что я разобралась и догадалась, что мой ларан и те способности в обращении с животными, которые я получила от отца, — одно и то же. Так что здесь нет ничего темного, опасного, требующего специальной подготовки, чтобы, не дай Бог, позволить этим способностям выйти из-под контроля.

— Я бы не хотел, чтобы ты вот так поспешно судила об этом. Требуется ли обучение в Башне или нет — будущее покажет. Я тоже считал, что полностью овладел лараном… Еще в Неварсине так полагал — мол, теперь-то он в моих руках, куда хочу, туда и поверну. Но пока я оборонялся от него молитвами и постами, он подполз с другой стороны. Знаешь, с лараном нужен глаз да глаз, нельзя допускать, чтобы он вольничал. Выпустишь из-под контроля — тут тебе и крышка! Вот и я чуть не совершил подобную глупость…

Ромили нетерпеливо повела рукой — все эти туманные откровения были ей неинтересны. Подобные рассуждения к ней не имели никакого отношения…

— Послушай, — перебила она брата, — если нам приказано произвести разведку, и немедленно,

давай займемся птицами… Тем более что сам наиглавнейший королевский советник соизволил лично отдать подобное распоряжение.

Руйвен опять хотел было что-то возразить — при чем, мол, тут сарказм, — но, взглянув на сестру, сразу стих. Ромили, готовая дать решительный отпор, не получив ответа, невольно задержала на нем свой взгляд. В черном балахоне, мешковатом, с воротом, стянутым тесемкой, он очень походил на монаха. Узкое отрешенное лицо, отсутствующий, ничего не выражающий взгляд — ну вылитый монах из Неварсина.

— Когда потребуется, — тихо сказал брат, — они придут и объявят. Ты бы занялась птицами. Тебе не кажется, что ремешок у Умеренности слишком туго затянут? Посмотри, ей старый шрам не натерло? Орейн объяснил, что он был еще до того, как ты появилась в их компании. Взгляни, пожалуйста, твои глаза зорче и опыта у тебя побольше.

Ромили молча принялась разглядывать ногу Умеренности — птицу она успокоила волной ласки и нежности, — пощупала кончиком пальца шершавую, уже зажившую натертость. Все было в порядке — и узелок не тесен, и ранка совершенно затянулась. Хотя можно еще раз

каралой присыпать — это не повредит. Можно и хохолки присыпать. Она осторожно, по очереди взъерошила их и тоже посыпала порошком. От потницы и всяких паразитов, которые иногда появляются на перышках и причиняют птицам много беспокойств.

Руйвен стоял рядом, потом наконец заметил:

— Тебе следует извинить меня, что мне приходится использовать свои способности на войне, в то время как мне положено оставаться в Башне и заниматься обычным мирным трудом. С другой стороны, мы не должны закрывать глаза на то, что все королевства могут в один прекрасный день пасть, и тогда на нашей земле установится тирания Лиондри Хастура и этого негодяя Ракхела, у которого нет ни чести, ни ларана, ни чувства справедливости, только звериная алчность и жажда власти. Каролин, по крайней мере, держит слово.

— Ты так говоришь, и Орейн тоже, а мне так и не довелось взглянуть на короля.

— Ты его скоро увидишь, — раздался чей-то голос. Это был Орейн. Он, очевидно, услышал ее последние слова. — Яндрия рассказала, какой подарок ты подготовила королю. Очень своевременно, госпожа Ромили. Так что, прошу, вручите

его сами.

Ромили вопросительно взглянула на брата.

Тот кивнул, снял охотничью перчатку и заявил:

— Я тоже пойду с тобой.

«Выходит, Руйвен — королевский сокольничий, а я считаюсь его помощницей. Так, что ли? Но почему? Я — меченосица и куда более опытна в деле приручения птиц! Руйвену все это не очень-то по нраву, он бы предпочел остаться в Башне, а для меня эта работа — вся жизнь. Выходит, в армии Каролина женщин, как и прежде, считают низшими существами?»

Эти бунтарские мысли сразу улетучились, как только она заметила Яндрию, державшую под уздцы вороного жеребца. Он уже был оседлан и, увидев Ромили, негромко заржал. Девушка похлопала коня по шее и сразу коснулась его сознания, омыла его волной ласки и любви.

Яндрия торжественно обратилась к ней:

— Для Ордена Меча большая честь, что мы можем вручить Его величеству такой замечательный дар, взращенный твоими руками. От имени всех сестер я выражаю тебе благодарность.

— Я всего лишь верный слуга Ордена, — ответила Ромили. — Для меня была большая радость

работать с Солнечным.

— Вот он, видишь, идет рядом с лордом Орейном, — сказала Яндрия и указала на приближающуюся пару.

Ромили глянула в ту сторону — лорд Орейн был в костюме для верховой езды. Рядом с ним в темной одежде с накинутым капюшоном шел высокий мужчина. Девушка перехватила у Яндрии поводья.

— Ваше величество, — тем временем сказала Яндрия, обращаясь к нему. — Уделите нам несколько минут вашего драгоценного времени. — Она низко поклонилась и объявила: — Орден Меча имеет честь вручить вам этого замечательного коня. Его лично подготовила наш самый лучший тренер — Ромили.

Девушка склонилась в поклоне — не смела поднять глаз на короля, хотя чувствовала, что Орейн не сводит с нее глаз. Потом выпрямилась и, глядя на жеребца, объяснила:

— Ваше величество, его кличка — Солнечный. Он обучен всем аллюрам, всем необходимым приемам. Может совершить любой маневр. В выездке он непревзойден. В дороге он не знает усталости. Чтобы управлять им, не нужны ни плетка, ни шпоры.

— Если этим конем занималась сама госпожа Ромили, уверен, что все сделано как надо. Я знаю, она прекрасно чувствует душу животных…

Голос ей кого-то напомнил — девушка сразу не догадалась, кого именно, а когда подняла глаза, то увидала перед собой дома Карло из «Голубого озера». Заметив ее удивление, он рассмеялся:

— Простите, госпожа Макаран, что мне приходилось скрывать, — я давным-давно догадался, кто вы на самом деле…

Ромили невольно вспомнила тот момент, когда он коснулся ее своим лараном. В тот день она впервые осмотрела королевского коня, скакуна Орейна и червинов — в той пустынной местности. Вот встреча так встреча!.. Если бы не дом Карло, не Орейн…

Кстати, лорд Орейн как раз и не выразил особой радости по поводу подарка. Возможно, какие-то обстоятельства смущали его. По крайней мере, он ворчливо заметил:

— Как бы я желал, чтобы вы поделились со мной вашим открытием, ваи дом. Если бы я только знал, что рядом со мной девица, я бы не вел себя как последний осел.

Дом Карло — нет-нет, напомнила себе Ромили, Его королевское величество, предводитель

Хастуров, сиятельный владелец Тендары и Хали — глянул на него с любовью, улыбка была полна доброты, и сказал:

— Ты, бреду, видел то, что хотел видеть, — и похлопал Орейна по плечу. Потом обратился к Ромили: — Я благодарю тебя и Орден Меча за этот изумительный подарок, за вашу верность. Поверь, ты по-прежнему дорога мне, с той же любовью буду относиться и к подаренному коню. Я слышал, что ты продолжаешь работать с теми сторожевыми птицами, которые выжили только благодаря тебе. Помнишь, что с ними творилось, когда мы встретились на пути в Неварсин? Я ничего не забыл, я все помню — память у меня хорошая… — Он запнулся, помолчал, потом официально заключил: — Меченосица, я рад! Благодарю тебя и в твоем лице всех сестер.

Ромили поклонилась, потом погладила жеребца, слилась с ним сознанием.

— Хорошенько послужи ему, — шепнула она на ухо наклонившему голову коню. — Подчиняйся каждому жесту, слушайся и люби его, как я… как я люблю тебя.

Она подала королю поводья и опять с поклоном отошла в сторону, откуда с замиранием сердца наблюдала, как Каролин вскочил в седло, подо-

брал уздечку…

«У него есть дар, и не менее сильный, чем у меня. Он справится, найдет с ним общий язык. Все будет хорошо. Слава Богу, что Солнечный не попал к какому-нибудь зверю в человеческом образе или бесчувственному мужлану. Уж кто-кто, а Каролин сам под стать этому коню — они подружатся».

Однако некоторое смутное волнение не давало ей покоя. Может, все дело в том, решила она, вспомнив, как резко Орейн отдалился от нее, что ему теперь становится не по себе от одной только мысли, что в ее присутствии он позволял себе много вольностей? Было дело, они и в таверне вино распивали, и на язык он не очень-то был деликатен, даже, не стесняясь, помочился при ней у монастырской стены. Вспомнив этот эпизод, Ромили одновременно и покраснела, и едва не прыснула от смеха. Каково ему теперь глядеть ей в глаза?

Ладно, что было, то было, нечего больше вспоминать об этом.

Руйвен подошел к ней, и она представила его Яндрии:

— Мой брат Руйвен. Леди Яндрия…

— Меченосица Яндрия, — поправила старшая

сестра и засмеялась. — Я уже объясняла вашей сестре, что в нашей среде не имеют значения ни звания, ни должность, ни происхождение. Все это остается за порогом наших подворий, как только мы берем в руки меч. А твой брат?..

— Руйвен Макаран, — поспешил представиться тот. — Четвертый год в Трамонтане, Второй круг. Вы уже закончили с моей сестрой, домна?

Ромили обратила внимание, что он как бы машинально назвал Яндрию так, как обычно именуют равную или превосходящую знатностью даму. Домна — все равно что леди; это обращение куда более светское, чем, например, местра. Именно так он должен был обратиться к ней в этой обстановке.

— Да, она может идти, — ответила Яндрия, и Ромили, раздосадованная, что Яндрия чем-то недовольна, пошла вслед за братом.

В общем-то Ромили все еще пылала надеждой поведать брату о своем бегстве из «Соколиной лужайки», о своих последующих приключениях, о той мечте, которую она с ним, Руйвеном, связывала — в любом случае отыскать дорогу в Трамонтану и найти его. Их судьбы были очень похожи — вот и хотелось обсудить все, посоветоваться, и прежде всего о том, как быть с родными,

передавать ли им весточку о себе, есть ли такая возможность? Или уж если рвать, то напрочь? Она почему-то рассчитывала, что он наконец пригласит ее в какой-нибудь укромный уголок, там она поплачется у него на плече, ведь они были так дружны и близки в детстве. Однако этот монашеского вида бородач с отсутствующим взглядом, отрешенным лицом мало располагал к откровенности. Казалось, он не имеет никакого отношения к тому, прежнему Руйвену. Теперь, следуя за ним, она внезапно почувствовала, что ни за что не поделится с братом всем, что случилось с ней, о чем было передумано, о планах и мечтах. Конечно, если спросит, она ответит, но холодно, коротко — так ведь он даже не спросит! Вот в чем беда… Перед ней словно отдернули занавес, и она с трепетом перед новизной открывшейся реальности почуяла, что теперь Яндрия — даже Орейн — ей куда ближе.

На мгновение она обернулась, глянула на Солнечного — его опробовал дом Карло, пускал то рысью, то в галоп. Нет, не дом Карло, а Его величество Каролин… Удивительное дело — в тот момент ей показалось, что жеребец ей куда ближе, чем любой человек.

К концу дня, ближе к закату, за ней пришла

Яндрия.

— На том краю лагеря есть отдельная палатка, предназначенная для наших сестер. Тех, кого наняли в армию Каролина. Пойдем, Ромили, я покажу тебе дорогу.

— Зачем? Я останусь здесь, возле птиц. — Девушка пожала плечами. — Какой сокольничий покидает доверенных ему птиц! Я могу переночевать и здесь, на открытом воздухе. Завернусь в плащ — и все дела…

— Тебе нельзя оставаться среди мужчин! — заявила Яндрия. — Как тебе могло такое в голову прийти!..

— Но в чем дело? Это же мой старший брат, — ответила Ромили, теряя терпение. — Неужели ты считаешь, что он опасен для моей чести? Наоборот, его присутствие — порука моей безопасности.

Яндрия повысила голос:

— Тебе известны правила нашего Ордена, ты же знаешь, как следует вести себя за пределами наших постоялых дворов. Мы не должны давать ни малейшего повода для грязных намеков. Неужели ты думаешь, что мы должны объяснять всей армии, что он твой брат? Разве это поможет? О чем речь, Роми? Это тягчайшее нарушение

устава — ночевать в палатке рядом с мужчиной, да еще в походе…

— Ты рассуждаешь подобно сплетницам в Тендаре, — сердито заявила Ромили — И зачем на каждый роток набрасывать платок? Значит, я должна бросить птиц только для того, чтобы несколько мерзавцев не раскрыли бы свои пасти?

— Прости, не я устанавливала правила, и не мне — тем более тебе — их отменять. Ты давала клятву соблюдать их.

Втихомолку ругаясь про себя, Ромили пришлось последовать за старшей сестрой. Там, в кругу сестер, она поужинала, потом отправилась спать. В общем-то в шатре собрались все знакомые и симпатичные ей женщины. Они были наняты в основном для обучения солдат. Открыто Орден меченосиц не принимал ничью сторону — это была принципиальная политика, особенно во время гражданской войны, и дальновидные политики уважали и защищали подобную позицию. Просто необходимо, чтобы в обществе сохранялись островки благоразумия и мира, иначе самоистребление населения могло выйти из-под контроля. Такими областями и организациями служили пограничные земли и монастыри…

Здесь же в компании женщин Ромили встретила Клеа, были и две приезжие из других подворий — они обучали воинов Каролина приемам рукопашного боя. Были здесь и специалисты по выездке, и писари при главном штабе и в команде квартирмейстера. В компании оказалась и незнакомая Ромили темнокожая женщина, сильная, высокая. К удивлению девушки, она была кузнецом. Когда женщина разделась, мало кто удержался от соблазна подойти и потрогать ее огромные бугристые мускулы, особенно заметно твердые лоснящиеся жгуты выделялись на спине и плечах. Она была совсем как мужчина…

Ромили была поражена.

«Не могу поверить, чтобы кто-то посмел покуситься на ее честь, даже если она заснет обнаженной в шатре с десятком солдат. Она выглядит так, что, как говорят в Халии, сможет защитить себя от всей своры кузнецов Зандру».

Потом ее мысли вновь потекли по прежнему руслу. Возмущению не было предела — красиво получается! Куда более свободной она чувствовала себя, одевшись в мужской костюм. Золотое было времечко, когда ей довелось путешествовать по Хеллерам вместе с Орейном, Карло-Каролином и их дикого вида спутниками! Она работала с

мужчинами и ощущала себя вполне равной с ними, свободно разгуливала по городу, посещала таверны. Даже вино пила… Ну, вино — это, может быть, слишком. Теперь, получив некий социальный статус, Ромили почувствовала тиски незримых, но тяжких условностей. Понятно, что правила, которым следовало подчиняться сестрам, диктовались необходимостью, только соблюдая их, можно было надеяться избежать позора и досужих разговоров. И все же, все же… Оказавшись свободной меченосицей, она не чувствовала себя свободной…

Поворчав немного, девушка принялась раскладывать постель. Расправила, подбила подушку — опять рассердилась. Как ударило — это называется свободные люди, а как живут! Взять, например, Яндрию — женщину, которую она любила, за которую пошла бы в огонь и воду, которой могла доверить самые заветные мысли, и, что скрывать, очень высокого происхождения, что очень много значило в этой жизни. Но даже она ежилась, когда задумывалась, как могут расценить вояки поведение ее сестер. Тем более — сказать! Тогда чем положение свободного и полноправного члена Ордена Меча отличается от положения замужней женщины где-нибудь

в предгорьях Хеллер? Почему нельзя жить со всеми душа в душу, ведь с животными ей удается найти контакт, и приручить, и добиться дружбы, и убедить работать? А среди людей… Кого здесь можно считать другом? Разве что Клеа, ну, может, еще несколько человек…

«Попав в Орден, я надеялась, что наконец-то обрела полную свободу. Как я хотела быть сама собой! Как хотела, чтобы мне никогда более не пришлось стыдиться, что я женщина! Пусть все об этом знают!.. Я не желаю переодеваться в мужское платье, чтобы ходить с гордо поднятой головой. Меня вовсе не прельщает быть мужиком и уподобиться мужикам, при этом как бы стыдливо не замечая свой пол. В то же время не жажду слиться с Орденом, подчинить ему все свои мысли и стремления. Ну почему я не могу ни в чем найти удовлетворения?»

Тем не менее, уже лежа в постели, закинув руки за голову, она довольно подумала, что, вручив Солнечного королю, она всем доказала свое умение в обучении выездке. Кто может сравниться с ней в этом искусстве? Да и Рори бы теперь она не испугалась — попался бы он ей… Она вспомнила, как он бросился на нее, достал у двери, повалил, схватил за горло. Ромили со злобным удоволь-

ствием подумала: как бы он взвыл в следующую минуту! Она, ни на минуту не сожалея, отделала бы его как котлету. Живого места не оставила бы. Это жестоко — жестокость у нормального человека всегда вызывает грусть и уныние, даже когда приходится ее использовать. Лучше помечтать о приятном. Король похвалил ее. Лично… Сейчас бы выйти и еще раз пообщаться с Солнечным — так она поступала все то время, что провела на постоялом дворе в Серайе. Но теперь Ромили уже не была наивной девчонкой и вполне понимала, что значит шляться в темноте по лагерю, полному вооруженных солдат. К тому же вертеться возле шатра, где обитает король… Часовые тут же обнаружат ее, потом позора не оберешься, будет стыдно смотреть Яндрии в глаза. Нет, лучше спать, сложить руки под щечкой, закрыть глазки и бай-бай. Руйвен теперь, верно, тоже ворочается с боку на бок — как ответственный за сторожевых птиц, он обязан лечь рядом с ними. Ну и пусть… Завтра встретимся.

Утром после подъема и завтрака она побежала к шатру, где размещались стервятники, и в компании с Руйвеном и подмастерьем — парнишкой по имени Гарен — принялась кормить птиц. В тот момент, когда начала проверять потертость на

ноге Умеренности, она внезапно почувствовала, что где-то рядом находится чужак. Тут и птицы заволновались, задергали головами, заклекотали… И вновь наплывом ощущение присутствия постороннего.

Девушка обернулась — возле шатра стоял молоденький офицерик в форме, на плечах зеленая, в золотую полоску накидка. Волосы у него были светлые, заметно отдающие в рыжину, лицо узкое, губы тонкие, чувственные…

— Это вы сокольничий?

— Разве я похожа на сокольничего? — ответила Ромили. — Скорее на меченосицу, пара сервирте[27]. Позвольте представиться — Ромили, королевская сокольничья.

— Простите меня, местра, я не хотел вас обидеть. Меня зовут Ранальд Риденоу. Я был послан передать приказ Его величеству. Мне поручено возглавить отряд, которому предписано двигаться впереди главных сил.

Голос его звучал жестко, даже несколько грубовато, но без примеси высокомерия, которое обычно присуще аристократам. Неожиданно он нервно улыбнулся.

---

[27] notes: 27
К вашим услугам.

— Мне также поручено отыскать мою родственницу, домну Мауру Элхалин. — Чтобы перекричать разгалдевшихся птиц, ему пришлось говорить чуть погромче.

— Как вы видите, достопочтенную леди я в своем кармане не прячу, — едко ответила Ромили. — Нет ее, насколько мне известно, и в постели моего брата. Но вы сами можете поинтересоваться. Теперь, дом Ранальд, будьте так добры, отойдите подальше от насеста — видите, птицы не могут успокоиться, пока вы не выйдете из поля их зрения.

Однако офицер не двинулся с места.

— Ваш брат, местра… Где бы я мог найти его?

Эти слова ему пришлось почти выкрикивать — птицы зашлись в воплях, и Ромили буквально вытолкнула его с площадки. Вопли постепенно стихли до невнятного клекота, потом наступила тишина.

— Теперь можно поговорить нормально. Я ничего не слышала о вашей родственнице. Я могу пойти… Ой, нет, в этом нет нужды, он сам идет сюда.

— Роми? Я услышал, птицы всполошились. Что их побеспокоило? — Руйвен наконец обратил

внимание на офицера. — Си серва[28], дом… Чем могу быть полезен?

— Леди Маура…

— Госпожа отдыхает вон в том шатре. — Руйвен указал на небольшую круглую палатку.

— Одна? Среди солдат, в военном лагере? — Ноздри у Риденоу затрепетали, и Руйвен улыбнулся.

— Сэр, ваше беспокойство напрасно. Леди Маура — лучшая из всех, кто умеет обращаться со сторожевыми птицами. С ней не может тягаться целый выводок молоденьких сопровождающих… — Потом он неожиданно нахмурил брови. — Вам же было сказано, что любой незнакомый человек способен потревожить птиц. Если вы не отойдете подальше, то рискуете разбудить не только леди Мауру, но и весь лагерь.

Ранальд Риденоу оглядел бородатого, но еще довольно молодого мужчину в темной рясе и почему-то одобрительно кивнул.

— Вы, случаем, не монах христофоро?

— Не имею чести, сэр. Я Руйвен Макаран, четвертый год в Трамонтане, Второй круг, — ответил тот, и молодой офицер в зеленой накидке с зо-

---

[28] notes: 28
К вашим услугам.

лотыми полосами приветствовал его еще одним полупоклоном.

— Считаю, что в ваших руках моя кузина в безопасности, ларанцу. Простите за излишнюю назойливость. Вы не знаете, госпожа Маура уже проснулась?

— Я как раз собирался будить ее, сэр. Она просила поднять ее пораньше. Но лучше я пошлю к ней мою сестру, — ответил Руйвен и обратился к девушке: — Роми, будь так любезна, скажи леди Мауре, что ее разыскивает родственник.

— Это вовсе не к спеху, можно и подождать, — сказал лорд Риденоу. — Но если вы решитесь разбудить ее, сообщите, что король Каролин приказал нам выехать как можно быстрее. У меня на этот счет самые строгие указания…

— Мы будем готовы не позже чем через тридцать минут, — сообщил Руйвен. — Роми, у тебя все собрано для похода? Разбуди леди Мауру и передай ей приказ короля.

Последние слова не понравились девушке — не много ли он на себя берет? Уже распоряжается, да еще с такой бесцеремонностью. Стоило появиться этому самонадеянному лорденку, и Руйвен начинает командовать, как будто он здесь хозяин. Хорошенькую должность придумал для

нее — быть на побегушках у какой-то неведомой госпожи с равнины!

— Все это вам не тяп-ляп! — возразила Ромили. — Птицы еще не жрамши. И в слуги я никому не нанималась. Если тебе не терпится будить и ползать перед ней кверху задом, то милости прошу.

К своему ужасу, Ромили услышала, что от возмущения вновь перешла на самый дикий горный диалект, а ведь она уже почти год следила за своей речью, стараясь облагородить ее. Давным-давно ей стало ясно, что щеголять просторечьем могут только отъявленные глупцы. В таком случае с ними и надо обращаться как со слугами — ничего иного они не заслуживают. А ведь она меченосица, и не пристало услуживать какой-то Халимин! Руйвен ошарашенно глянул на сестру, потом пришел в себя, но, прежде чем к нему вернулся дар речи, кто-то произнес мягко:

— Хорошо сказано, меченосица. Смею заметить, что я не настаиваю, чтобы передо мной ползали — как вы выразились — кверху задом. Это бессмысленное занятие с точки зрения службы королю. А я, как, впрочем, и вы, верно служу Его величеству.

Все обернулись. У маленького матерчатого шат-

ра стояла молодая женщина в плотной ночной рубашке, скрывавшей ее фигуру. Огненно-рыжие волосы свободно, крупными локонами ниспадали до пояса.

— Я не имела удовольствия встретиться с вами вчера, меченосица. Так это вам доверено присматривать за птицами? — Не дожидаясь ответа, она легким кивком приветствовала Ранальда. — Благодарю вас за заботу, кузен, но я ни в чем не нуждаюсь. Итак, меня вызывает Каролин, не так ли? Если вы не желаете расшнуровать мою ночную рубашку, чем вы с такой радостью занимались, когда вам было девять лет, то можете доложить Каролину, что мы будем готовы отправиться в путь через час. Ровно!.. Действительно, необходимо накормить птиц, осмотреть их… Встретимся через час, братец.

Женщина махнула рукой, словно разрешая ему удалиться, и когда тот, повернувшись через левое плечо, зашагал в сторону королевского шатра, взглянула на девушку и улыбнулась.

— Значит, вы и есть Роми? Руйвен рассказал мне о вас по пути сюда, но нам и в голову не могло прийти, что вы станете нашей дрессировщицей. Послушайте, пока мы будем в пути, может, вы расстанетесь с компанией меченосиц

и поселитесь в моей палатке? Все-таки поближе к сторожевым птицам. Знаете, мне как-то не очень хочется оставлять их без надзора. Они слишком ценные создания. Тем более в походных условиях. Надо бы поговорить с Каролином, чтобы он отдал распоряжение… Хотя нет!.. Руйвен, есть у вас смышленые крепкие ребята, которые были бы способны дежурить возле птиц и в то же время не попадаться им на глаза?

— Найдем, — неожиданно совсем по-детски улыбнулся Руйвен.

Леди Маура кивнула и вновь обратилась к Ромили:

— Меня зовут Маура Элхалин, я лерони. В Трамонтане я являюсь наставницей в Третьем круге. Моя мать — урожденная Риденоу, так что мой ларан относится к тем, что распространены в окрестностях Серрариса. Вы слышали о такой разновидности?

Ромили, завороженная такой длинной и церемонной речью, простодушно ответила:

— Нет. Я вообще-то не много знаю о ларане…

— А вам бы следовало иметь более глубокие знания по этому предмету, если вы занимаетесь со сторожевыми птицами, — чуть укоризненно заметила Маура. — Правильное обращение с

ними строится исключительно на ларане. Иначе почти невозможно работать — хуже того, можно вконец испортить птиц. Мы же кормим, обучаем, заботимся о них не для того, чтобы они жирели в неволе, не правда ли? — Ответа она не дождалась, собственно, он ее не очень-то интересовал; тем же размеренным, хорошо поставленным голосом женщина продолжила: — Вы обладаете древним даром Макаранов, не так ли? В какой Башне вы совершенствовали его, местра? Кто был ваш наставник?

Ромили отрицательно покачала головой — она слова не могла вымолвить. Потом наконец прокашлялась, прочищая горло, и коротко ответила:

— Я никогда не бывала в Башнях, домна.

Маура удивленно взглянула на нее — брови чуть-чуть, насколько позволяло благородное воспитание, поднялись вверх.

— Если вы позволите, я удалюсь на несколько минут. Надо переодеться… Потом я тоже займусь птицами — это же входит в мои обязанности. Я вовсе не желаю взвалить это бремя на вас одну, меченосица.

Не откладывая в долгий ящик, Маура на ходу принялась развязывать шнуровку на рубашке. Ромили, постояв немного, вернулась к Умеренно-

сти — как там у нее ножка? Она никак не могла справиться с растерянностью — эта дама кого угодно заболтает. Она считает себя пупом земли? Где-то в глубине души отзвуком, сожалением отозвалось: она имеет на это право. Надо же — наставница в Третьем круге! Хочешь не хочешь, а придется перебраться в ее шатер. Мысль довольно неприятная, но бороться с ней, Ромили отлично сознавала это, смысла нет. И все-таки она взбунтовалась и, глядя на Руйвена, который неподалеку осматривал Усердие, спросила:

— Теперь эта дама сядет нам не шею — так, что ли?

— Не суди по первому впечатлению. Лерони не такая уж говорливая натура, как может показаться. К тому же она много знает и умеет, а садиться кому-нибудь на шею не в ее привычках. Она до сих пор ни разу не видела этих птиц, а они даже не вскрикнули — ты, надеюсь, обратила на это внимание? Без нее нам туго придется: двое на трех птиц — это слишком!

— Почему же? — возразила Ромили. — Я же справлялась со всеми тремя, когда мы зимой шли по Хеллерам. С другой стороны, конечно… — Ромили нахмурилась — одно дело возить птиц, другое — с ними работать. Говорят, после каждого

сеанса телепат сутками приходит в себя. К тому же, если быть честной с собой, то неподдельный дружеский настрой Мауры пришелся девушке по душе. Ну а речистость? С кем не бывает. О чем ты думаешь, впереди такое ответственное задание, неужели такой опытный человек, как наставница Третьего круга, может помешать?

— Послушай, — смущаясь, обратилась она к Руйвену, — что это за ларан Серраиса, о котором она говорила?

— Я очень немного слышал об этом, — ответил Руйвен. — Так, по разговорам… Даже в Башнях этот дар — большая редкость. Некоторые роды в Серраисе были внесены в особые списки еще во времена особых генетических программ среди Хастуров. Представители из Великих Доменов рода Серраисов могли телепатически связываться и общаться с теми, кого нельзя причислить к людям: с негуманоидами… с народом преследователей или с разумными котами… и прочими, подобными им. Они их вызывают с помощью звездных камней из запредельных измерений. Сама понимаешь, если им дано такое искусство, то установить связь со сторожевой птицей для них плевое дело. Однажды Маура сказала, что их дар родственен наследию Макаранов; возможно,

провидчество Серраисов и было им порождено.

— Ты познакомился с ней в Башне? — с налетом зависти спросила Ромили. Брат отрицательно покачал головой.

— Я христофоро. Она же дала обет до конца дней своих хранить девственность. Только таким девам позволено жить среди солдат. Они считаются как бы святыми…

Он хотел еще что-то сказать, но в этот момент из палатки вышла леди Маура и направилась к ним. Одета она была в простенькое одноцветное платье, рукава закатаны до локтей. Без всякого колебания подхватила корзинку с дурно пахнущей едой, набрала полную горсть — даже тени брезгливости не отразилось на лице — и, что-то напевая про себя, так в горсти и подала Благоразумию.

— Ой, мы какие хорошие, — засюсюкала леди Маура, — вот, поешь. Здесь твой завтрак, вкусненький-вкусненький. Кстати, Ромили, а ты сама успела поесть? Нет, конечно нет, я же вижу. Как всякий добросовестный сокольничий ты сначала покормишь птиц, а сама уж как-нибудь, разве не так? Сейчас никаких занятий проводить смысла нет, им еще предстоит сегодня поработать. Руйвен, не послать ли нам за завтраком? Мы могли

бы поесть прямо здесь. Если нам скоро выступать, зачем тратить время, чтобы идти на кухню?

Она говорила ровно, размеренно, разумно, при этом подсовывала птице самые, по ее мнению, лакомые куски падали — опять начала напевать что-то невнятно-сладостное. Птица млела от удовольствия, добродушно квохтала, словно домашняя курица.

«Голос — пустяки, — подумала Ромили, — к голосу можно привыкнуть, даже не к голосу, а к манере выговаривать слова, что в общем-то было свойственно всем жителям равнин, этакая нудная напевность. Приятно, что эта работа явно доставляет ей удовольствие, а то, что цедит в час по чайной ложке, так это самый пустяковый недостаток. Она, может, считает, что я тараторю без остановки?»

С внезапным прозрением девушка решила, что уживется с Маурой — может, чему-нибудь и научится от нее. Надо же, держит связь с разумными котами!.. Чего только на свете не бывает.

Руйвен отдал соответствующее распоряжение дневальному, а сам придвинулся поближе к сестре и, понизив голос, сообщил:

— Вот что я тебе скажу. В Трамонтане она приручила ястреба-верина, представляешь! Сама

выдрессировала его… Могу добавить, что леди Лириэль Хастур — в табели о рангах она там самая старшая — пришла в неописуемый ужас. Так же, впрочем, как и ее наставник, лорд Доран. Они тоже очень любили возиться с ястребами, но были вынуждены оставить всякую надежду стать профессиональными сокольничими.

— Выходит, она не из тех изнеженных дамочек, которые только и ждут, чтобы их заперли под замок в каком-нибудь замке, — одобрительно заметила Ромили.

Когда они втроем закончили кормить птиц, дневальный принес им завтрак с кухни и горшок молодого пива. Они позавтракали прямо на земле, невдалеке от птиц. Леди Маура без всякого стеснения подобрала длинную юбку и запустила пальцы в миску. Впрочем, они все ели руками…

Как только они насытились и приставленный к Руйвену солдат отнес грязные миски и кружки, появился Ранальд Риденоу с полудюжиной солдат. Все они были верхом и тут же пересадили птиц на заранее приделанные к седлам дуги, после чего маленький отряд двинулся прямиком через начинавший просыпаться лагерь. Направлялись они к востоку и скоро выехали на дорогу, ведущую к равнинам Валерона.

Риденоу сразу пустил лошадь быстрой рысью. Для Ромили, Руйвена и солдат в том не было ничего необычного, они легко держались за ним. Леди Маура тоже не отставала. Она восседала в дамском седле — держалась уверенно и так же умело обращалась со скакуном. На первом же привале, где дали отдохнуть коням, призналась Ромили:

— Видит Бог, как бы я хотела надеть такие же бриджи, как у тебя, меченосица. Однако все мои друзья и даже наставник устроили мне неслыханный разнос — и «как тебе не стыдно», и «это унизительно для женщины», и «подумай, что скажут люди»… Хватит, — вздохнула она. — Не хочу больше скандалов!

— Руйвен сказал, что вы выучили верина? — спросила Ромили.

— Что было, то было. У-у, какой он был дикий, — засмеялась Маура. — Но, как говорят люди, не я первая, не я последняя, не правда ли, меченосица? Знаешь, мне так хотелось приучить его к своей руке. Какой смысл охотиться с птицей, которая воспитывалась чужим человеком? Иной раз, могу признаться, казалось, что я сама летаю в вышине. Хотя, возможно, мне это только казалось…

— А возможно, и нет, — возразила Ромили. — Я

сама проводила такие опыты.

Ее словно укололо — она до боли ясно вспомнила Пречиозу. Уже скоро год она живет в этом Богом забытом городе. Пречиоза, конечно, давным-давно улетела в лесные предгорья.

«Что ж, если даже я не увижу ее ни разу в жизни, те минуты, когда мы были вместе, когда наши сознания сливались, — незабываемы. Чудесное было времечко — летишь в самом поднебесье, а видишь каждую былинку. В такие мгновения не существовало ни прошлого, ни будущего…»

Ромили невольно погрузилась в воспоминания — все, что случалось с ней в присутствии Пречиозы, необъяснимым образом сплавилось с переживаниями, которые она испытала с Солнечным. Удивительно, сливаясь сознанием с животными или птицами, она в полной мере ощутила и полет, и различные аллюры, но что самое важное — с их помощью почувствовала священное единение со всем окружающим: с небом, землей, звездами…

— Меченосица!..

Голос леди Мауры оторвал ее от воспоминаний, и девушка сказала первое, что пришло в голову:

— Меня зовут Ромили… Если мы будем работать вместе, то не стоит каждый раз окликать меня

так официально — меченосица! Можно попроще — Роми.

— Роми? — засмеялась спутница. — А я — Маура. У нас в Башнях мы не придаем значения должностям и происхождению. Мы все друзья, и, если ты подружилась со сторожевыми птицами, значит, и ты тоже мой друг.

«Выходит, Башни имеют что-то общее с Орденом? По-видимому, там тоже дают клятву верности, тоже учатся… Правда, вряд ли фехтованию или приемам рукопашного боя. Вероятно, те науки, которые составляют круги знания, весьма любопытны…»

Додумать эту мысль ей не удалось. Ранальд созвал солдат, и вскоре маленький отряд вновь отправился в путь. Ромили терялась в догадках — почему они забирались все дальше и дальше от армии?

Скакали они весь день до самого захода. Уже в сумерках разбили лагерь. Мужчины легли спать под открытым небом, леди Маура расположилась в маленькой палатке — она настояла, чтобы и Ромили разделила с ней укрытие. Они очень устали после стольких часов верховой езды. Когда они уже устроились в походных постелях, Маура тихо поинтересовалась:

— Ромили, почему ты никогда не приезжала в какую-нибудь Башню для обучения? Уверена, у тебя достаточно сильный ларан…

— Если вы хорошо знаете Руйвена и то, как он очутился в Башне, — ответила Ромили, — тогда вам должно быть известно, почему у меня ничего не вышло с поездкой в Башню.

— Но ведь ты же убежала из дома, ты же поссорилась с родными? — чуть повысив голос, спросила Маура. — Когда закончится эта заварушка, надеюсь, ты все-таки доберешься туда…

«И я надеюсь, — подумала Ромили. — Но я хочу пройти по жизни собственным путем. Я не нуждаюсь в советах, даже если они исходят от сильных лерони. Не надо убеждать меня делать то-то и то-то. О своем ларане я знаю куда больше, чем кто-либо другой. Я уже опробовала свой дар и уверена, что при работе с животными он развивается куда быстрее, чем если бы я занялась им в тиши, отгородясь от тысячи дел и обязанностей, ежедневно сваливающихся на меня».

Они находились в дороге два дня и к исходу последнего оставили за плечами угрюмую полупустынную местность и добрались до привольно зеленеющей, изумрудно-багровой степи. Ромили сразу вздохнула с облегчением; богатые пастби-

ща, чащи колючника, живописные холмы — все радовало глаз. Пахнуло чем-то родным, полузабытым — то ли густым до головокружения настоем трав, то ли свежим ветерком, приносящим издали подзванивающий шепот ручьев, то ли согрели душу пронзительные ястребиные крики. Здесь для них было раздолье — и вновь полная до боли дума о Пречиозе. Теперь ежедневно перед закатом степь поливали холодные дожди — недолгие, обильные, благодатные…

Хорошо!..

Была макушка лета, однако как всегда и в эту пору по утрам на землю ложился иней. Заморозки освежали воздух, бодрили людей — было в них что-то торжествующее…

На третий день Ранальд повел отряд куда-то в сторону, и через несколько часов конники въехали на пологую вершину исполинского холма. Это была командная высота — с нее открывался вид на многие лиги окрест. Здесь устроили привал.

— Отличное местечко, — сказал Ранальд, подъезжая к Мауре. — Вы готовы?

Лерони, по-видимому, была в курсе того, чем им сейчас предстояло заняться. Она кивнула, затем поинтересовалась:

— Кто выйдет на связь с тобой? Орейн?

— Сам Каролин, — тихо ответил лорд Риденоу. — Орейн обладает лараном, но небольшим. Этого мало, чтобы принять сообщение. К тому же на его плечах вся армия…

Маура моргнула, лицо ее напряглось — складывалось впечатление, что она вот-вот зайдется в истошном крике. Ромили замерла, однако женщина неожиданно хриплым недовольным голосом заявила:

— Ох, не люблю я этого! Я дала Ракхелу слово, что не буду бороться против него, а тут на тебе — включайся и начинай шпионить за перемещениями его войска. Впрочем, первым нарушил слово Лиондри — пусть пеняет сам на себя. Вот уж клятвопреступник… После того, что он сделал… родственник он или нет… — Она вдруг замолчала, крепко сжала губы и некоторое время стояла, наблюдая даль в южной стороне. Потом спросила Ромили: — Роми, это твой первый опыт?

— Я не имею представления, что от меня требуется. Ни малейшего… — Девушка почувствовала страх.

— Но ты же занималась обучением ястребов…

— Это совсем другое дело. Как обращаться с ястребами или сторожевыми птицами, я знаю. Знакома с их привычками, могу накормить их,

поухаживать, иногда вылечить. Но теперь…

Маура испуганно взглянула на нее, потом быстро отвела взгляд и улыбнулась девушке. Что это она так волнуется, подумала Ромили? Лерони еще раз окинула даль взглядом, потом вновь обратилась к Ромили:

— От тебя требуется не так уж много. Прежде всего запусти птицу в полет, войди с ней в телепатическую связь и поддерживай ее на протяжении всего сеанса. Ты будешь наблюдать за местностью их глазами, и все твои впечатления будут приниматься Ранальдом. Он передаст то, что ты видишь, Каролину, и тот сможет, сверяясь с картой, определить, где находится армия Ракхела, выступила ли она. Если да, то в каком направлении движется… Сколько их, как построено войско, каково вооружение… При этом прошу тебя — будь очень настойчива и цепка, нельзя ни на секунду терять связь с птицей; далее, не подмешивай к передаваемому изображению своих мыслей, оценок, суждений. В то же время и глупым передаточным механизмом тоже быть не очень-то полезно. Тебе надо без слов направлять птицу, осознавать, какой участок следует рассмотреть подробно, какой мимоходом. Не волнуйся, сегодня этого не потребуется — это

я тебе на будущее говорю. Сегодня всего лишь общий обзор. Необходимо узнать — выступила ли в поход армия Лиондри?

Маура еще что-то продолжала говорить, но Ромили, почувствовав, что она опять впала в менторский тон, и сердцем уловив, что все советы, наставления ей сейчас не помогут, уже почти не слушала ее. Ее поразила мысль, которая до сих пор не приходила в голову. Вот, оказывается, в чем смысл названия «сторожевые птицы».

— Все понятно? — спросила Маура, пытливо вглядываясь в лицо девушки.

Ромили кивнула. Маура недоверчиво вздохнула и скомандовала:

— Начинай.

Девушка сняла Благоразумие с жердочки, одной рукой распустила узел, который был затянут на ноге пернатого существа, и подбросила птицу в воздух.

Стервятник взмахнул крыльями, на мгновение провалился почти до земли, потом начал набирать высоту. Девушка некоторое время наблюдала за полетом, затем, устраиваясь поудобнее, поерзала в седле — лишь частью сознания, самой незначительной, она старалась удерживать свое тело в устойчивом положении. И…

Высокое небо… купол раздался, наполнился ветром, упругим, сильным… все выше и выше…

Внизу во всю ширь распахнулась земля — необъятная цветастая карта. Ей открылись извивы рек и ручьев, чащи и заросли колючника, поодаль дремучий лес, просвечивающий до самой земли. Острота зрения, пронзительность была исключительная. Все являлось в человеческом сознании вживе — травинки колыхались под напором легкого ветерка, ползали жучки, кузнечики, стрекоча, прыгали меж травы, верхушки деревьев раскачивались, листва шелестела…

Вот не спеша, осторожно в ее видение проник еще чей-то взор, как бы наложился на ее ощущения — должно быть, к изучению местности присоединился Каролин… Теперь Ромили начала постепенно извлекать смысл из наблюдаемого, вносить в изучение панорамы земли сознательную волю и целенаправленность. Она сама — без всякого принуждения. Все сознания слились в одно, принадлежащее исполинскому глазастому существу, с любопытством и определенной целью разглядывающему местность. Собственно, цель эта была неизвестна Ромили и не интересовала ее… Смысл проявлялся постепенно, неявно, как будто ее приглашали участвовать в некой

захватывающей игре. В солдатиков? Кажется… Или в прятки. Она — водящая… Или в разбойников? Не ясно…

Внизу очертилась береговая линия озера Мирин, за ним, подальше к северу, — Нескья. У самой границы холмы Киллгард… И там… о Боже! Зримый, нагоняющий ужас круг черноты…

Нет, это не лесной пожар — это место, где люди Ракхела обрушили с неба клингфайр. С помощью их адских летающих машин… Там жили сохранившие мне верность люди. Все погибли… Были сожжены заживо. Они дали присягу, и я поклялся, что сумею защитить их, несмотря на все козни Ракхела, встану стеной против любых грабежей и насилия, за это они и были уничтожены… Ракхел, клянусь Алдонесом, я сожгу твою руку, которую ты поднял на верных мне людей, которой подписал приказ, принесший смерть и муки невинным женщинам, старикам и детям…

…А тебя, Лиондри, я повешу как самого обыкновенного разбойника — ты потерял право на почетную смерть, достойную благородного человека. Твоя жизнь теперь — жизнь подручного Ракхела, жизнь сеятеля смерти и страданий, разбойника и грабителя — более ужасна, чем если бы ты был повешен у городских ворот…

…Теперь через Киллгардские холмы — обрати внимание, как зелены они в разгар лета, как светятся на солнце сосны… Видишь, там башня возвышается…

Быстро вперед, на север, лети смелее, храбрая птица, подальше от мстительных глаз прислуживающих Лиондри лерони.

…Ага, вот она, армия Ракхела… Выходит, я смело могу двигаться на восток. Им не найти меня до тех пор, пока они не обзаведутся подобными зоркими очами… Думаю, теперь им долго не сыскать сторожевых птиц — разве что исключая самые дальние области в Хеллерах…

До Ромили донесся истошный вопль стервятника — нет, это кричала она сама… Внезапно изображение зарябило, картинка поплыла, и спустя несколько секунд контакт прервался. Девушка обнаружила, что сидит в седле — в мыслях нет раздумий Каролина; вот брат, там Маура, рядом Ранальд Риденоу. Уставился на нее, словно впервые увидел… Девушка покачнулась в седле, сохраняя равновесие, взмахнула руками.

Маура тихо сказала:

— Для первого раза достаточно. Теперь твоя очередь, Руйвен…

Ромили сидела, бессмысленно хлопая ресни-

цами, до нее никак не мог дойти смысл происходящего… Вот Руйвен развязал Умеренность, как она сама несколько минут назад поступила с Благоразумием. А Усердие теперь сидит на луке седла Мауры… Вот брат вдруг грузно осел в седле, взгляд его стал бессмысленным… На мгновение она почувствовала, что стала частью Руйвена — Ранальда — Каролина, и это многомерное нелепое существо начало медленно всплывать в небо. Теперь она явственно ощущала себя Ромили, человеком, девушкой, и в то же время — словно огонек или щелочка, через которую открывался вид на землю с иной точки зрения, — летающим существом, которое резко спланировало вниз и полетело над вражеской армией, подсчитывая и отмечая на ходу…

Всадники, пехота, очень много… фуры с припасами… Лучники и… о Боже… Эванда, храни нас, я узнаю этот запах… Они опять изготовили липучий огонь. Где они его прячут?.. Ага, вон на тех повозках.

Только крепким усилием воли, выругавшись, Ромили сумела вырваться из тисков тяжкой ментальной силы. Состав и вооружение войска Ракхела ее не интересовали. Ей лучше не знать об этом; вообще лучше ничего не ведать — тем более

когда, даже после обрыва незримой пуповины, она почувствовала ужас, охвативший Руйвена, который вел сеанс. Или то был страх, сжавший сердце Каролина? Не важно, все равно от этих — чужих! — переживаний она почувствовала себя совершенно разбитой и больной. Сильно кружилась голова. Девушка согнулась, обмякла, веки сами собой слипались — дай ей волю, так бы и заснула в седле. Краем сознания заметила, что солнце уже клонится к горизонту, и в подступивших сумерках, при ослабленном свете, на востоке уже можно было различить огромный фиолетовый серп Лириэля — еще несколько ночей, и он превратится в диск. Во рту стояла отвратительная сушь, голова начала раскалываться от боли, словно с десяток молоточков разом заработали внутри черепной коробки, отыскивая путь наружу. Особенно усердно они стучали в висках…

Темнота спустилась так быстро, что Ромили испугалась — не уснуть бы в седле по-настоящему. Ей казалось, что все слилось в один момент — и долгое разглядывание серпа Лириэля, и ожидание ночи, и непонятные разговоры, которыми обменивались ее спутники. Она никак не могла вникнуть в их смысл. Неожиданно она догадалась, что и Руйвен вернулся из телепатического

далека. Он озабоченно разглядывал ее.

— Ты уже вернулся? Так скоро?.. — удивилась Ромили.

— Не так уж и скоро. — Тот тоже удивленно взглянул на сестру. — Слезай, солдаты приготовили поесть.

Он куда-то ткнул пальцем, и Ромили послушно соскользнула с коня. Голова по-прежнему раскалывалась, каждая жилочка вопила от боли. Далее двух шагов вокруг она ничего не видела, не могла толком разглядеть ни Мауру, ни Ранальда… Тот в свою очередь подсказал:

— Обопритесь на меня, меченосица. Вам будет полегче, поудобнее…

Однако девушка гордо выпрямилась.

— Спасибо, я сама дойду, — ответила она.

В этот момент ноги у нее подогнулись. Руйвен едва успел подхватить ее и мягко усадил на траву. Девушка слабо, протестующе махнула рукой. Сначала птицы…

— Не беспокойся, если ты способна различать, взгляни туда — Маура, заметив твое состояние, занялась ими, — ответил брат. — Ешь!..

— Я не голодна, — заявила Ромили и решительно отодвинула протянутую ей миску, после чего быстро вскочила. — Мне обязательно надо

заняться Благоразумием…

— Я же сказал тебе — с ними Маура. С птицами все в порядке, — нетерпеливо повторил Руйвен и сунул ей в руку несколько сушеных фруктов. — Попробуй это…

Она откусила, пожевала и недовольно поморщилась — стоит только проглотить, ее тут же вырвет. Выплюнула и, едва соображая, с трудом воспринимая контуры палатки, которую делила с госпожой Маурой, пошатываясь, побрела в ту сторону. Неожиданно сбоку выплыло побелевшее и перепуганное лицо Ранальда Риденоу — он поддержал ее под локоть… Она попробовала было оттолкнуть его руку — ей не нужна помощь, она сама справится, — но и на это сил уже не было. С трудом вползла в палатку, ничего не соображая, улеглась на соломенном тюфяке и провалилась в сон. Словно в пропасть с крутого обрыва рухнула…

Провал был черен и удивительно прозрачен — она погрузилась в странное нечто, где ей было доступно и то, что творилось за стенами палатки — там сгущались сумерки, — и то, что лежало внутри матерчатых скатов. Предметы приобрели необъяснимую прозрачность. Даже ее тело. Оно теперь казалось сотканным из тончайшей

газовой субстанции, в которой отчетливо были различимы внутренние органы. На мгновение Ромили здраво рассудила: что же это со мной творится? Но в следующую минуту открывшееся зрелище полонило ее. Она уже не владела нахлынувшими мыслями и образами. Вот сердце — ясно было различимо его биение, колыхание мускулистой плоти; вот кровеносная система — можно было проследить, как по жилам толчками струится кровь. Члены тела, как ни странно, слушались ее, Ромили взмахнула рукой — удары сердца участились, кровь быстрее начала бежать по венам и капиллярам. Но разве это рука? Ни капельки не похожа на пятипалую конечность — скорее уж крыло. Роскошное крыло с радужными перьями… Пара крыльев. Что, если ими взмахнуть? Увлеченная этой идеей, она одним махом поднялась над набитым соломой тюфяком. Еще взмах, еще — и, удивительное дело, она сверху глянула на свои пропитанные кровью бренные останки. Сама же парила в вышине, внизу расстилались равнины и холмы. Ромили направилась в сторону Хеллер. Скалистые обледенелые кручи вздымались перед ней. За ними, в провалах глубоких пропастей, чуть возвышаясь над седловинами, вставали стены какого-то

города. Через равные промежутки возвышались башни до неба. На одной из них стояла женщина и призывно махала ей рукой.

«Сюда, сюда, добро пожаловать домой. Спеши к нам, возвращайся…»

Ромили резко свернула и, по-прежнему усердно работая крыльями, стала набирать высоту. Все выше, выше… Горные пики, снежные шапки остались далеко внизу — теперь сердце вело ее к фиолетовому диску… Помилуйте, но это, оказывается, шар, сфера, маленький мир, напоминающий ее собственный. Кто бы мог подумать, что видимая на багряном небосводе луна является целым миром… Ее звало вдаль, в черный бесконечный провал… Вот и зеленая луна осталась позади — Боже, она тоже шарообразна; там различались скалы, горы, равнины… Слева тускло посвечивал увеличившийся в размерах полудиск Киррдиса — темный, только по краю очерченный тончайшей радужной полоской, создаваемой лучами жидко-вишневого светила, которое каким-то образом выделялось на чернильном пологе открывшегося перед ней пространства. Она летела все дальше и дальше, пока блещущее багряным светом солнце не сжалось до размеров клубка шерсти. Наконец и оно превратилось в искрящуюся красноватым

светом звезду, ничем не отличающуюся от россыпи подобных ей драгоценных капель. Теперь ее родной мир и четыре луны, плывущие над ней, напоминали сверкающее самоцветное ожерелье. Кто-то шепнул ей: «Хали — это созвездие Тельца. Хали — это арабское слово из древнего земного языка, оно как раз и означает «ожерелье».

Она ничего не поняла — ни что такое «земной язык», ни что такое «созвездие Тельца». Все эти звуки не имели никакого смысла…

Тем временем полет продолжался, только Ромили не сразу догадалась, что скорее это было падение. Что-то не ладилось в ее огромном, набитом механизмами и приборами теле; трещала металлическая оболочка; становилось все жарче и жарче, потом жар стал совершенно нестерпимым… Громадный корабль в дыму и пламени рухнул на округлые вершины холмов Киллгард, и Божий Дух, или Мировая душа, выскользнул из обессиленного, разломившегося искусственного тела, и ветер отнес его в сторону главного хребта Хеллеров… И прежний неясный шепот вновь прозвучал в ее сознании: «Рациональное никогда не может сохранить то, что не поддается чувственному опыту, но в генетической памяти есть уголки, которые недоступны…»

Следом Ромили обнаружила, что летит вдоль горной цепи Хеллеров, холодное дыхание ледников сковывало ее. Ее крылья начали на глазах покрываться ледяной коркой. Неодолимая тяжесть гнула вниз — она отчаянно боролась, взмахивала крылами. Ужасный холод проник в сердце, вдруг одно из крыльев хрустнуло и отвалилось — упав на землю, оно разлетелось на множество мелких осколков. Нестерпимая боль пронзила мозг и сердце. Следом обломилось и другое крыло… Она стала падать, падать…

— Ромили! Ромили!.. — Леди Маура мягко хлестала ее по щекам. — Проснись, проснись…

Девушка открыла глаза — тусклый слабый свет был разлит в палатке. Все обрело реальность. Маура, верхний шов, разбросанные вещи, но сквозь них, сквозь ауру узнаваемости она все еще въявь ощущала гибельное дыхание ледника. Плечи сжимала страшная боль. Руки — нет, крылья? — разлетевшимися осколками лежали на земле. Стыло сердце… в тисках льда оно едва билось… Так… судорожно, не в такт, пошевеливалось чуть-чуть…

Маура схватила кисти ее рук, принялась согревать их дыханием — Ромили сконфузилась, окончательно пришла в себя, осознала, что вот

ее тело, вот она сама. Жуткий сон растаял… Затем — опять же на уровне ощущений — она почувствовала, как какая-то незнакомая, настойчиво-ласковая сила проникает в нее… Каким-то образом Маура очутилась внутри ее тела. Она ментально коснулась ее… Огладила сердце, переворошила и уложила мысли в голове, восстановила размеренный ток крови. И все же это вмешательство было неприятно Ромили… Она пошевелилась, пыталась что-то выговорить, но с губ скатилось нечто подобное мычанию, и Маура мягко надавила ей на плечи, вновь уложила пытавшуюся встать девушку.

— Лежи спокойно, позволь мне подлечить тебя. Для этого сначала я должна осмотреть мозг… Послушай, если сможешь, ответь: тебя сейчас терзают приступы боли? Ты уже перешла порог?..

Ромили, окончательно придя в себя, оттолкнула ее руки.

— Я не знаю, о чем вы говорите. Это было дурное наваждение — и только. Должно быть, я просто устала… Со мной никогда ничего подобного не случалось, может, потому, что я до этого таким образом не работала со сторожевыми птицами. Из меня словно все соки высосали. Лерони, наверное, привыкают к этому…

— Мне очень важно проверить твое состояние, и будь уверена…

— Нет, нет. Со мной все в порядке!..

Ромили повернулась к ней спиной и замерла, даже дыхание затаила. Маура некоторое время сидела рядом с ней, потом вздохнула, привернула фитилек в лампе. Наступила тишина. Маура легла, долго ворочалась на тюфяке, и до Ромили с паузами начали долетать обрывки мыслей: «Упрямая, но я не имею права вламываться силой… Она не ребенок… Возможно, ее брат…» Тут девушка провалилась в сон, на этот раз — никаких видений!..

Утром она проснулась со слабой головной болью, отправилась кормить сторожевых птиц, однако от запаха падали ей вновь стало дурно — затошнило, едва смогла оправиться… Словно на четвертом месяце беременности, усмехнулась Ромили. Ну уж нет, что бы с ней ни случилось, но только не это — точно, она девственница, как и давшие обет лерони. Возможно, пришла пора месячных — закрутившись с занятиями, с выездкой Солнечного, вновь потеряла счет дням. А может, она съела что-нибудь недоброкачественное. Такое тоже случается… В любом случае даже упоминание о завтраке вызывало приступ тошноты.

Ромили стиснула зубы и продолжила осмотр птиц, после чего без всякой охоты вскочила в седло — в первый раз за все это бурное время она с тоской подумала: какое же это, должно быть, счастье — посидеть в собственном доме, заниматься штопкой, вязанием! Даже вышивание в ту минуту стало любезно ее сердцу.

— Ромили, — запротестовал Руйвен, — так нельзя. Ты же ничего не ела.

Она передернула плечами.

— Наверное, вчера я немного простудилась. Может, продуло в седле… Аппетита нет…

Брат взглянул на нее с таким видом, словно ей было столько же лет, как и Раэлю.

— Ты не можешь знать, почему у тебя пропал аппетит после вчерашнего. Леди Маура проверила тебя?

«Опять то же самое».

Ромили резко ответила:

— Я поем в седле. Пожую хлебушка…

Она взяла ломоть хлеба из миски — он был намазан медом, потом откусила маленький кусочек, пожевала и тайком выплюнула.

По команде отряд отправился в путь. Ранальд Риденоу скакал бок о бок с Ромили и время от времени бросал на нее равнодушные взгляды.

Или изучающие?.. Потом вдруг его взгляд совершенно обессмыслился — по-видимому, юноша вышел с кем-то на связь, решила Ромили. Через некоторое время во взоре у него вновь затеплился живой огонек.

— Мне приказано выяснить, как далеко от нас находятся главные силы армии. Каролин только что связался со мной и распорядился провести воздушную разведку. Ромили, ты в состоянии поднять птицу в воздух? Как ты себя чувствуешь?

Девушка тут же ощутила, что к горлу подступила тошнота. Неужели каждый сеанс будет сопровождаться подобными осложнениями? Однако не спеши, прежде всего возьми себя в руки — клин клином вышибают; значит, надо работать и работать…

Выпустив сторожевую птицу, следя за неспешными взмахами крыльев, соединяясь с ее сознанием и приступив к наблюдению за местностью — горизонт при этом раздался вширь, — Ромили не испытала никаких неприятных ощущений. Больше всего она опасалась потерять ориентацию и указать Ранальду неверное направление. Но нет, занявшись работой, она почувствовала себя значительно лучше: вот оно, солнце, красный диск, находится там, где ему положено быть, на

северо-востоке, а вот и армия Каролина, вернее, главный корпус… Марширует в полудне пути от места, где находятся Ромили со спутниками. Зрение птицы превосходило человечье в сотню раз — острота его поразительна, но, собственно, ничего сложного в этом наблюдении не было. Те же ощущения она испытывала с Пречиозой… На мгновение она уловила мысли Ранальда, работу его ларана, с помощью которого он передавал информацию Каролину.

Легок оказался и разрыв контакта со сторожевой птицей — только небольшая слабость и головокружение…

— Здесь мы разобьем лагерь, — властно распорядилась Маура, — и подождем подхода армии. Нам всем необходим отдых. Нельзя работать на износ, тем более следует пощадить Ромили.

«Не надо меня щадить! Я против всяких поблажек, после которых Руйвен, Орейн и даже сам Каролин могут заметить: «Ну-у, она женщина, у нее слабый организм». Я уже доказала Орейну, что ни в чем не уступаю мужчинам. В этом тоже…»

Лорд Ранальд зевнул, потом небрежно заметил:

— Я тоже чувствую себя так, словно меня прота-

щили через водопад. Все тело ломит от скачки… Привал так привал, я только рад. Птицам, кстати, тоже не мешает перевести дух… — С этими словами он отдал команду подыскать место для устройства лагеря.

6

Первым признаком приближения армии был неясный гул и подрагивание земли. Ромили ощутила их, лежа в палатке, которую она делила с домной Маурой, и если бы она не знала о выступлении войска, это ритмичное могучее трясение почвы вряд ли встревожило бы ее. Мало ли от чего земля колышется — подобное часто случалось в горах… Другое ощущение, пришедшее внезапно, цепкое, емкое, до глубины души взволновало ее. Такого с ней никогда не было. Случись подобное еще раз — и действительно, впору немедленно подаваться в Башню. Бежать сломя голову, криком кричать, топать ногами: «Ой, ребята, что же со мной творится? Спасите меня от этого обезумевшего ларана!.. Или по крайней мере научите им пользоваться». Мало того что после первого опыта работы с птицами ее унесло в чудовищную бездонную даль, где с ней кто-то заговорил на родном языке, но непонятными словами: «древний земной язык», «по-арабски», — так теперь, когда она сквозь полудрему прислушивалась к тяжкой поступи пехоты, на нее вдруг обрушилось… Нет, скорее в ее мысли вползло чужое — чуждое! —

сознание. Узнаваемое, любимое — но чуждое!.. И без спросу!..

Солнечный!.. Это был он, выезженный ею жеребец. Правда, после секундного замешательства Ромили осознала, что, собственно, не жеребец вторгся в ее мысли, а она сама каким-то образом завладела его сознанием. Пусть это даже доставило радость скакуну, но так внезапно ощутить на своей спине тяжесть короля (а он субтильностью и тщедушием не отличался — Каролин был мужчина видный, вальяжный и стати ему доставало), мало того, ясно различить сопровождающего его Орейна, по бокам гвардейцев из личной охраны, услышать шелест знамен, ощутить запах лошадиного пота, окинуть взором полки, марширующие на восток, — это было слишком.

Дружба дружбой, любовь к животным любовью, но пронзительность и ясность картины ошеломили Ромили. И перепугали до задержки дыхания… А Солнечный был несказанно рад, что вновь обрел родственную душу, ему не надо было слов, чтобы поделиться с подругой радостью от наездника, от того уважительного отношения, с каким ее двуногие родичи ухаживают за ним… Ромили чуть оттаяла, только было собралась мысленно приласкать коня, огладить его, как

следом навалилось еще более острое прозрение.

Она явственно ощутила, с какой любовью относился король к Орейну. Это чувство было взаимным, в нем не было ничего сексуального — всего-навсего редчайшее чудо человеческой жизни. Это была сохраненная с четырехлетнего возраста дружба. Они впервые встретились толстощекими карапузами — Ромили с умилением, замерев душой, видела все это — и с той поры были вместе. Так и шли рука об руку — мальчишки, подростки, юноши — в ту пору они побратались, потом мужчины, и дружба их, испытав некоторый период охлаждения, когда у Каролина внезапно закружилась голова от неограниченной власти и его понесло, перешла в прочный мужской союз, скрепленный стальными обручами общего прошлого, нерушимой преданности и радостью быть рядом друг с другом.

Все эти картины настолько ясно отразились в сознании Ромили, что она не могла двинуться с места. Душа ее была потрясена до основания. Чем? Она в ту минуту не смогла бы объяснить. Может, живостью картинок — вот она, неразлучная четверка: Каролин, Орейн, Лиондри и принятая в их крут хорошенькая, как куколка, Яндрия; вот их клятва верности — им тогда было

лет по десять, так, кажется; вот клятвопреступник Лиондри, уже живший с Яндрией, бросается на Орейна, тот тоже хватается за кинжал… В чем состояла размолвка — коню было невдомек.

Ромили едва не заплакала — что же с ней творится? Зачем это? Ладно — способность видеть глазами коня, сторожевой птицы, ястребицы… К этому она притерпелась, это усиление чувства наполняло жизнь радостью. Но посредством разума животного проникать в святая святых — мысли других людей — это уже слишком!

Она резко оттолкнула сознание Солнечного — как бы стряхнула его с себя, восстановила контроль над своим телом. Перепугалась до смерти!..

Хорошие сюрпризы готовит ей собственный ларан! Если так пойдет дальше, то долгое хождение по мукам ей обеспечено. Как ни крути, а выходит, без Башни ей не обойтись…

Чтобы отвлечься — или развлечься? — после подобных «взлетов мысли», Ромили отправилась к птицам. Здесь ее разыскал первый гонец приближающейся армии — Яндрия. Меченосицы бросились друг к другу в объятия, расцеловались… Наконец Яндрия сказала:

— Мы получили твои послания. Сам поделился

со мной… — И старшая сестра многозначительно ткнула пальцем в небо. — Он очень доволен…

Ромили невольно вспомнила тот случай в конюшне монастыря, когда ей во мраке явились очертания лица Каролина и она услышала его шепот.

— Ты, Роми, не представляешь, как он доволен. Ну, что еще… Могу тебя обрадовать — получено разрешение от нашего Ордена дозволить тебе делить палатку с леди Маурой. Если, конечно, ты пожелаешь… Прости, я побегу и поговорю с ней, мы вместе выросли…

Ромили ничего не ответила — воистину, сегодня день удивительных открытий! Она подозревала, что Яндрия по рождению принадлежит к знатному роду, но чтобы к столь высокому! Чтобы девочка из семьи Элхалинов являлась ее детской подругой?! Ну дела!.. Пусть говорят, что в Ордене Меча ни происхождение, ни богатство не играют никакой роли. Но и Орден не может игнорировать социальные условности, существующие в человеческой среде, тем более традиции, установившийся порядок, при котором происхождение, по существу, определяло все — и социальный статус, и право владения землей…

Подруги горячо обнялись, затараторили, стоя

неподалеку от девушки, и Ромили почувствовала укол ревности… Вот балаболки! О чем они там судачат?..

«Совсем я одна, — взгрустнула Ромили, — нет у меня ни друга, ни наставника… Даже любовника нет… Вроде кругом народу много, а все чужие, родной брат тоже… Живу, как монах в келье… из тех, что добровольно заточили себя в ледяных пещерах возле Неварсина…»

И опять уже неодолимо наплыло сознание вороного жеребца… Ромили пришла в себя, оглянулась — рядом на коне возвышался король.

Девушка церемонно поклонилась (как учила ее Калинда встречать в торжественных случаях отца), только потом осмелилась взглянуть Каролину в лицо. Спросил бы ее в тот момент Каролин, кого она приветствовала, короля или его скакуна, Ромили затруднилась бы ответить.

Каролин спешился, шагнул к ней. Девушка опустилась на одно колено.

— Меченосица Ромили, я решил лично выразить вам свою благодарность за неоценимую помощь, которую вы оказали законной власти. Ваша работа со сторожевыми птицами восхитительна. Завтра мы продолжим поход до столкновения с армией Ракхела. Вам предстоит

продолжить разведку. Действовать нужно в сотрудничестве с лерони. Дело в том, что я дал слово леди Мауре, что она не будет участвовать ни в каких мероприятиях, направленных против ее родственника. — Король улыбнулся. — Подойди, дитя мое. Помню, когда мы добирались до Неварсина и потом, когда дали деру оттуда, ты была куда более разговорчивой. В ту пору ты называла меня дядюшкой…

Ромили вспыхнула.

— Я просто не знала. Я не хотела вас обидеть… Я считала, что вы Карло из «Голубого озера», а это, как ни крути, ровня моему отцу…

— Я и есть Карло — так меня звали в детстве, как моего маленького родственника называют Кэрил. Когда мне исполнилось пятнадцать лет, мама подарила мне поместье, которое называется «Голубое озеро». И если я оказался не тем человеком, за которого себя выдавал, так и ты была вовсе не тот мальчишка, помощник конюха, внебрачный сын Макарана. Теперь-то я знаю, что ты — лерони.

Ромили припомнила, что Каролин быстро разобрался, кем она является на самом деле, однако молчал. Наверное, на то у него были веские причины.

Наступившее молчание нарушил подъехавший Орейн, и девушка благодарно глянула на него. Теперь, словно набравшись смелости, она сказала:

— Ваше величество…

Король махнул рукой.

— С друзьями я не люблю церемоний, Ромили. К тому же я буду всю жизнь помнить, что, если бы не ты, я бы попал на завтрак к баньши… Ладно, сейчас не до сантиментов… Ты способна запустить в полет сторожевую птицу, чтобы мы могли ознакомиться с расположением войск Ракхела? Или, если угодно, Лиондри? Дело движется к битве… К кровавой битве…

— Сочту за честь, сэр.

— Прекрасно. Значит, мне есть чем порадовать родственницу, а то она беспокоится. Госпожа Яндрия, — тихо сказал он, — по-видимому, все еще не забыла Лиондри.

— Только такого, каким он был, — неожиданно откликнулась Яндрия — она стояла у входа в палатку Мауры. — А не того, каким он стал, Карло. Пусть это говорит не в мою пользу, что я до сих пор не способна причинить ему вред, но я и пальцем не пошевелю, когда на него обрушится достойное возмездие. Если бы я обладала лара-

ном в достаточной мере, я бы сейчас была среди ваших лерони и обязательно продемонстрировала бы Лиондри, кем он стал. Если хотя бы иногда он вспоминает о прошлом, если раскаивается, то буду молить Бога, чтобы он послал ему легкую смерть.

Глаза Мауры наполнились слезами.

— Карло, я поклялась, что никогда не подниму руку и не воспользуюсь лараном, чтобы навредить родственнику из Хастуров. Любому… Хотя я и Элхалин, кровь Хастуров — наша кровь. Но, как и Яндрия, я не осмелюсь мешать тебе. Ты должен сделать то, что должен. В любом случае…

Маура прошла к птицам, приблизилась к Умеренности, отвернулась, и Ромили догадалась, что она плачет.

«Что это за война, которая стравила братьев и сестер, бросила друг на друга отцов и сыновей… Какая важность, кто восседает на троне?! Ради этого проливать реки крови?..»

Кто это? Чьи мысли долетели до нее? Руйвена?.. Сказывается макарановское воспитание? Или просто припомнились слова отца насчет одного мошенника, восседающего на троне, и другого, более хитроумного, который пытается спихнуть его.

Лицо Каролина омрачилось.

«Если бы дело касалось только меня, стал бы я затевать эту заварушку! — произнес он вроде бы ни с того ни с сего, ни к кому явно не обращаясь. — Но я дал клятву защитить людей, которые сохранили мне верность. Им-то разве все равно, от чьей руки погибать? От руки моего родственника или чужака? Послушай, Ромили…»

Теперь стало ясно, к кому он обращался, и сердце у девушки упало. Она почувствовала, как вспыхнули щеки. Тем временем король продолжил:

«Можешь ты припомнить случай, когда бы я повел себя с тобой нечестно? Вот и сейчас я даю тебе слово, что трон, захваченный Ракхелом, меня мало интересует. Я бы с радостью договорился с ним. Мои условия вполне для него приемлемы — он должен обращаться с людьми, сохранившими мне верность, как с обычными верноподданными. Я бы дал клятву, что никаких заговоров, мятежей не будет. Но он что сотворил? Никакой, самый жестокий завоеватель не будет сжигать деревни со всеми их жителями… — Казалось, король в который раз размышлял над этим вопросом и убеждал скорее себя, чем Ромили. — Я ли виноват, что он попал в ловушку, которую

устроило ему содеянное им злодейство? Чтобы творить зло, нужны подручные, а с ними тоже надо расплачиваться — выходит, отбирать земли, поместья, фермы. То есть снова творить зло — и так по нарастающей. Какая страна переживет подобное правление? А мне что в этом случае делать? Как поступить? Уйти в монастырь? Замаливать грех клятвоотступничества? Может, лучше не совершать его?»

Ромили невольно встряхнула головой. Что же с ней творится? Король-то молчит… Он всего-навсего размышляет, и эхо его мыслей гулко звучит в ее сознании? Ее ларан, оказывается, способен и на такие шутки? Неужели ее такой маленький разумишко способен вобрать в себя всю полноту дум окружающих ее людей? Точно, они стучались в ее башку, требовали места, оценки, сочувствия… Усилием воли Ромили отогнала непрошеных постояльцев, обратилась к Каролину:

— Ваше величество, можно мне поздороваться с давним моим другом, вашим конем?

— Конечно. Думаю, он соскучился по тебе…

Ромили бросилась к Солнечному, обняла его за шею — тот радостно заржал.

«Ты теперь королевский скакун, но в то же время и мой. — Без слов, мягко она внедрила свою

радость в его сознание. Он заржал еще раз, словно догадался. — Мой хороший, мы снова вместе, Солнечный, на всю жизнь…»

Когда она пришла в себя, то обнаружила, что стоит у коновязи одна — Солнечного уже увели, а Руйвен нетерпеливо трясет ее за плечо.

— Что с тобой, Роми? Ты не заболела?

— Нет, — резко ответила сестра и направилась к птицам.

Опять она утратила ощущение времени — с ней действительно творится что-то неладное… Может, начинают открываться какие-то новые грани ее ларана? Ей, по причине ее полной необразованности в этих вопросах, просто не дано этого понять? Может, посоветоваться с Маурой? Нельзя же пускать все на самотек! Ведь, в конце концов, она известная лерони и уже предлагала свою помощь. Да-а, обратишься, она до сих пор страдает по своему Ракхелу, продолжает слезы лить по этому прохвосту, который добивался ее руки… Опять поплыло! (Возмущению Ромили не было предела — опять она, не имея разрешения, погрузилась в чужие воспоминания.) …Ничего из этого не вышло… и ей пришлось стать лерони… дать обет целомудренности… Она так же похоронила в душе образ Ракхела, как Яндрия

— Лиондри… Она и с Орейном давно дружит…

Отработав свое, Ромили наконец получила возможность отдохнуть. Совсем замучили ее всплески откровений, вторжение чужих мыслей — они без конца обрушивались на нее. Не давало покоя и вчерашнее пространственное видение и, самое главное, непонятные слова. Она же явственно слышала их… Все, хватит! Больше ни одной самой захудалой мыслишки, ни единого самого легкого переживания. Прочь, прочь! Хороший мой Солнечный, дай отдохнуть. Но вот чего нельзя забыть — это разговора, который состоялся между Орейном, леди Маурой и Ранальдом Риденоу. Произошел он, когда отряд во главе с королем выбирал место, откуда можно было запустить сторожевую птицу.

Орейн убеждал Ранальда заняться уходом за стервятниками.

— Послушай, парень, у тебя же ларан из рода Серраисов. Тебе не составит трудностей научиться этому делу. Научишься ухаживать за сторожевыми птицами. Для этого, оказывается, достаточно и дара Макаранов. Обрати внимание, как госпожа Ромили ведет себя с птицами, все примечай — у нее есть чему поучиться. Я к ней несколько недель присматривался. Когда мы вез-

ли этих красавиц, они уже были при последнем издыхании, а она быстро привела их в норму…

Точно, в голове Ромили тотчас поплыли воспоминания Орейна и то, с какой нежностью он следил за ней — за ним! Теперь она узнала, почему Орейн избегал ее — он, глядя на Ромили, постоянно вспоминал Румала и то, как запросто он вел себя при нем.

— Я бы хотел попытаться, — ответил Ранальд. — Может, госпожа Ромили согласится принять меня в ученики? К сожалению, как и все меченосицы, она слишком самонадеянна, к тому же язычок у нее…

Маура весело рассмеялась, потом сказала, что он просто не привык общаться с женщинами, которые бы не восхищались им, не заботились о нем, для которых он, лорд Риденоу, не был бы светом в окошке.

— Эх, Маура, — вздохнул Ранальд, — не такой уж я бабник, как ты считаешь. С другой стороны, если, как говорят, женщины и созданы Эвандой для наслаждения, зачем же я буду обижать великую богиню? Лучше я воспою ей хвалу и исполню свой долг по отношению к ее созданиям. То есть буду любить их и в хвост и в гриву!.. — Он засмеялся. — Не сомневаюсь, дорогой Орейн, что

однажды вам крепко нагорит за то, что вы пренебрегаете ее дарами.

Орейн добродушно рассмеялся.

Ромили было ясно, что эта беседа не предназначалась для ее ушей. Она попыталась отвлечься, но как это сделать, девушка не знала — разве что сосредоточить свое внимание на каком-нибудь другом предмете. Она было попробовала пообщаться с Солнечным, однако сразу наткнулась на мысли Каролина. Ну и денек выдался! Вечером к ней обратился Ранальд с просьбой оказать, так сказать, содействие, помочь освоить… собственно говоря… Одним словом, не разрешит ли она ему общаться с птицами и не научит ли верному обхождению с такими ценными созданиями? Дело в том, все так же официально продолжал он, что леди Маура имеет кое-какие обязательства перед узурпатором и не может принять участие в боевых действиях…

Ранальд, ожидая очередной колкости, напряженно глянул на Ромили.

Девушка чуть повеселела.

— Это не такое простое дело, уважаемый лорд, — в том же тоне ответила она. — Но вы можете попытаться. Однако чур не жаловаться, если вам отхватят ноготь или выклюют глаз.

Ромили не очень-то нравилось, как Ранальд посмотрел на нее. Что-то неприятное, полузабытое напомнил ей этот взгляд. То ли ухаживания дома Гариса, то ли наглое посягательство Рори — Риденоу словно облапал ее. Ей физически был неприятен подобный взгляд. Ранее он не позволял себе ничего подобного, а тут на тебе — откровенное желание овладеть ею. Однако Ранальд больше ничего не сказал, стоял не двигаясь — стоял и ждал, когда она начнет первый урок. На это нечего было возразить, тем более что сама согласилась. Она закуталась в плащ, словно озябла, и, жестом поманив офицера, направилась к птицам.

Ранальд смешался, опустил глаза, словно догадался, что Ромили видит его насквозь. Он тихо сказал:

— Простите меня, местра, я не хотел вас обидеть.

Почему «словно»? Он же был из рода Хастуров и, по-видимому, смог прочесть в сознании девушки, как ей неприятны подобные взгляды. Он не ожидал, что девушка с такой легкостью сможет проникнуть и в его мысли.

«Обладать женщиной, которая лишена ларана, все равно что совокупляться с бессловесным

животным, с неживой куклой… Ах, черт, опять вырвалось…»

Ромили обратила внимание, как густо покраснел Ранальд. Она сделала вид, что на этот раз ничего не разобрала, и как ни в чем не бывало подвела Ранальда к птицам, остановилась в нескольких шагах, жестом пригласила его приблизиться к ним.

Ранальд смело шагнул — пустил впереди себя плотную волну искренней приязни, дружбы. Он сделал все, чтобы убедить птиц, что не причинит им вреда.

Ромили стояла и ждала — это был решительный момент, и она ничем не могла ему помочь. Либо стервятники откликнутся, либо нет…

Умеренность долго недоверчиво глядела на мужчину, осторожно протянувшего к ней запястье, потом легонько квохтнула и вдруг, переступив несколько раз, перепрыгнула на его руку.

«Выходит, он обладает необходимым даром и станет одним из нас. Как Маура…»

Эта мысль почему-то огорчила ее.

«Кстати, где же Маура? — спросила себя Ромили. Она не показывалась целый день». Армия неутомимо шла вперед, не могла же она оставить ее? Теперь лорд Ранальд заменил Мауру — он

управлялся с Умеренностью, которая сидела на передней луке его седла. Ромили уступила свою любимицу Благоразумие Руйвену, а сама работала с наиболее вздорной Усердием. С ней управляться было труднее всего. Она не знала покоя, вела себя возбужденно, и девушке постоянно приходилось мысленно успокаивать ее.

«Все хорошо, моя красавица, все замечательно» — подобные импульсы Ромили посылала всякий раз, когда птица начинала шевелить крыльями или подпрыгивать на жердочке.

К ее удивлению, Риденоу быстро научился входить в контакт со своей птицей. Ясно было, что он справится с ней и в полете, помощь Ромили ему уже не понадобится. Теперь девушка позволила себе отвлечься — ее сознание скользнуло вдаль, коснулось разума вороного, на котором скакал Каролин.

Армия двигалась по выжженной, опустошенной земле. Повсюду виднелись заброшенные деревни, поросшие травой поля, засыпанные колодцы. Дома были либо сожжены, либо развалились от старости. Вокруг — ни человека. Ромили, связавшись с конем, невольно услышала разговор короля с Орейном и непонятно откуда подъехавшей к ним Маурой. Женщина была

укутана в теплый плащ, капюшон наброшен на голову — она почти не принимала участия в разговоре.

— Когда я был ребенком, все вокруг здесь цвело. Земли были заселены фермерами, все поля засеяны, ухожены. Ах, какие урожаи здесь собирали! Теперь гляньте — пустыня!

— Из-за войны? — спросила Маура.

— Да, это случилось еще при жизни отца, — ответил король. — Я тогда был еще совсем маленький, меча не мог удержать. Население из этих мест перебралось в предгорья. На холмы… Там безопаснее… Самое страшное бедствие войны — это не разорение во время боевых действий — они обычно скоротечны, — а последствия… Масса людей лишается крова, плодятся бандитские шайки — так кругами распространяется зло. В этих местах шайки буквально свирепствовали — они и разогнали население. Народ стал переселяться поближе к Нескье — там крепость, гарнизон…

Недоумению Ромили не было предела — зачем же воевать? Земля здесь была на диво плодородна, пастбища обильны травой, воды вдосталь — и на тебе! Пришли смутные времена, и то, что было нажито, бросай, спеши под охрану солдат.

А смутным временам конца-краю нет — одни заканчиваются, другие начинаются…

К вечеру передовая колонна, во главе которой следовали король и Маура, достигла небольшой речушки, которая каскадами бежала по обнажившимся скальным выходам. Зрелище было удивительно живописное — стремясь в долину из распадка меж двух холмов с обрывистыми склонами, водный поток чередой водопадов скатывался к широкой пойме. Луг порос густым травянистым ковром, на котором россыпью посвечивали голубые и золотистые цветы.

— Мы проведем здесь отличную ночку. Лучшего места для лагеря не придумать, — вальяжно объявил король. — До рассвета успеем полюбоваться тремя лунами, две из которых в полной фазе.

— Какая жалость, что мы не можем справить здесь Праздник середины лета! — засмеялась Маура, и Каролин, внезапно нахмурившись, ответил:

— Я клянусь, Маура, — и ты, бреду, будешь свидетелем — что этот праздник мы справим в Хали. Что скажете на это, родственнички?

— Да хранит тебя Эванда! — воскликнула Маура. Голос ее был очень серьезен. — Я так скучаю по дому…

— Маура, неужели никто из тех молодых людей, что собрались в Башне за горами, — пошутил король, имея в виду Башню Трамонтану, — так и не тронул твое сердечко? Неужели никто из них не заставил тебя отказаться от клятвы хранить девичество?

Маура вновь рассмеялась, хотя на этот раз в ее голосе послышались горькие нотки.

— Я все жду, когда ты сделаешь мне предложение стать королевой, Каролин. Вот и не хочу тебя разочаровывать.

Солнечный громко заржал и перебрал ногами, когда Каролин, ни слова не говоря, наклонился и коснулся губами ее щеки.

— Если Совет одобрит, быть посему! Я боялся, что твое сердце разорвется на части, когда Ракхел отказался от тебя…

— Нет, уязвлена была только моя гордость, — тихо ответила Маура. — Я любила его как родственника, как сводного брата, однако его жестокость мне глубоко противна. Он почему-то решил, что лучший способ завоевать мое сердце — это устлать дорогу к нему горами трупов. Он рассчитывал, что я все прощу, обо всем забуду, стоит предложить мне корону, словно я ребенок, и, поставив синяк, забуду о нем, как только боль

утихнет. Или когда мне протянут сладкий орешек… Я бы не хотела, чтобы пошли разговоры, будто я переметнулась к тебе только потому, что жажду получить корону. — Ее голос задрожал, и Солнечный мотнул головой, желая помочь Каролину еще раз наклониться к ней. Но на этот раз жеребец почувствовал — и Ромили вместе с ним, — что его седок мягко поднял лерони и пересадил к себе на седло… Наступила тишина, слов не было, однако Солнечный — и Ромили — ощутил могучий поток страсти. Этот наплыв обеспокоил жеребца — он отпрянул, и королю пришлось приструнить его — он натянул поводья. В сознании девушки поплыли неясные образы — обнаженные тела, сплетенные в объятиях, освещаемые мерцающим лунным светом. Ее самое затрясло как в лихорадке — Ромили сразу заставила себя отключиться.

Не тут-то было!

Издали в мысленном эфире долетело…

«Что это со мной? Что за сила овладела разумом? Я хочу плакать и смеяться одновременно… Мне не нужны слова…»

Наступила тишина. Потом она услышала мысленный голос Каролина — впечатление было такое, что он находится рядом.

«Отличный выпас, сюда можно пустить коней на ночь; ты же лерони: не могла бы заставить их пастись в одном месте, чтобы они не разбегались? Городить забор у нас времени нет…»

Ромили едва машинально не ответила, но в следующий момент до нее донесся голос Мауры. Девушка даже вздрогнула — лерони сказала ясно, каждое слово воспринималось отчетливо:

«Я не обладаю даром, которым в избытке владеет Ромили. Если бы ты вызвал ее, чтобы она помогла мне, можно было бы попробовать».

Ромили натянула поводья, ее конь остановился. Руйвен повернулся и удивленно глянул на сестру.

— Мы остановимся здесь на ночевку, — объяснила та, — а меня сейчас позовут к королю и лерони.

Руйвен изумленно открыл рот, и в этот момент к ним подскакал Орейн и крикнул:

— Где ты прячешься, Ромили? Ваи дом требует, чтобы ты была поближе.

— Знаю, — ответила девушка и поскакала вслед за Орейном. Руйвен по-прежнему не мог вымолвить ни слова и только неотрывно смотрел им вслед.

Когда они подъехали к Каролину, тот, обведя

рукой излучину реки, объявил:

— Здесь мы разобьем лагерь. Не смогла бы ты помочь Мауре? Мы распустим коней, но очень бы не хотелось, чтобы они к утру разбрелись по всей округе. Ставить ограждения времени нет — люди устали.

— Так точно, — откликнулась Ромили.

Король тут же отдал необходимые распоряжения.

Проходившие колонны, добравшись до поймы, сразу по команде распускались, и скоро на траве выстроились палатки, задымили полевые кухни, караулы заняли посты, разведчики отправились в секреты по внешней границе бивака. Отряды конницы, спешившись, вручали скакунов коневодам — те отгоняли их на широкую луговину ниже по течению.

Теперь пришло время лерони и Ромили. Маура объяснила:

— Видишь, через поток лошади перебраться не смогут — единственный брод ниже и вправо по течению. Если будем переправляться там, утром их полдня придется собирать. Нам надо создать иллюзию пропасти. Пусть кони как бы видят перед собой провал — они высоты боятся…

Молодая лерони объединилась сознанием с Ро-

мили, и вместе они начали нагнетать незримый образ глубокой пропасти, отделявшей пастбище от раскинувшейся за ней равнины, от людей, от разгоравшихся костров, от горизонта, затуманившегося подступавшей ночной мглой. Ромили начала с Солнечного — напрочь впечатала в его сознание жуть обрыва, потом взялась за своего коня, потом за следующего… Так и побежала по головам послушных скакунов, объясняя им, что туда нельзя и туда нельзя… На бегу, краем сознания уловив ощущения Солнечного, как бы воочию увидела результат своей работы. Вернее, почувствовала ужас, который охватил вороного, когда он очутился на краю обрыва. Тот сразу отпрянул…

— Ромили, — неожиданно серьезно окликнула ее Маура, пытливо заглянула ей в глаза, — послушай, ты являешься, как мы это называем, природным телепатом.

Девушка опустила голову — ей почудилось, что Маура сейчас опять начнет уговаривать ее.

— Я не знаю, что вы имеете в виду, — наконец ответила она.

— Я считаю, что ты относишься к тому редкому типу людей, у которых этот дар развивается сам по себе, вне всякой связи с образованием, которое

дают в Башнях. Неужели никто не предупреждал тебя, что это опасно? Я бы хотела, чтобы ты позволила мне просветить тебя. Я должна убедиться, что ты можешь совладать с лараном. Это очень непростая штука.

Ромили вновь ответила твердо, не повышая голоса:

— Члены семьи Макаранов являются хорошими дрессировщиками. Мы с незапамятных времен умеем работать с птицами, конями, собаками, и никого из нас пока не проверяли люди из Башен.

Как получилось, что в ее речи опять ясно прорезался акцент, присущий горцам, Ромили не понимала, но внезапно возникшее недоумение не могло осилить ее упрямство.

— Это Халимины считают, что их сознание должно кем-то направляться. Это они идут на поклон к лерони из Башен.

Маура спокойно возразила:

— У меня нет никакого желания руководить тобой или взять под контроль твои мысли, Ромили, но в последнее время у тебя такой нездоровый вид, я же вижу, что тебя трясет словно в лихорадке. Сейчас самое главное — не упустить время. Ты находишься в возрасте, когда развивающийся дар еще можно обуздать, устранить связанные

с ним опасности. Если ты не желаешь, чтобы твоей учительницей была я, то послушай, что расскажет тебе брат…

Вот еще, раздраженно подумала Ромили, позволить этому зануде аскету копаться в ее разуме! Еще бы не хватало, чтобы этот христофоро, этот монах, уловил то, чего она сама стыдится, о чем хотела бы забыть.

— Это очень любезно с вашей стороны, ваи домна, но поверьте, вам вовсе не следует обращать на меня ваше драгоценное внимание.

Маура нахмурилась, и Ромили догадалась, что лерони в эту минуту решала сложную проблему: по неписаному уставу служителей Башен, было недопустимо без разрешения хозяина вторгаться в его мысли. Тем более подвергать тотальному просвечиванию… Все эти абстрактные вопросы, бесполезное самокопание раздражали Ромили. При этом Маура была не намного старше ее, почему же она уверена, что сумеет совладать с лараном Ромили?

«Пусть все остается, как было, даже в этот трудный момент я не нуждаюсь ни в чьей помощи. Кто помог мне, когда родной отец решил мою судьбу и продал меня дому Гарису? Кто защитил меня от Рори, когда тот хотел убить меня, а

потом изнасиловать? Или взять тот случай в Каер-Донне, когда я как идиотка заснула в кровати Орейна. Каждый раз мне приходилось сражаться в одиночку. На чью поддержку я могла тогда рассчитывать? Почему же я теперь должна сдаться на милость этой дамочки? Почему все они так страстно убеждают меня, что без чужой помощи мне не обойтись? Маура о чем-то догадалась? Почему так тревожен стал ее взгляд? Слава Богу, отвела глаза в сторону».

В этот момент к ним подошел король.

— Что ж, — задумчиво вымолвил он, — вы уверены, что навеянная вами иллюзия сработает?

Ромили глянула в сторону пасущихся коней и обмерла от страха. Солнечный мчался по направлению к ним — голова высоко поднята, ноги почти не касались земли. Это был стремительный, накатистый бег.

Маура подняла руку.

— Подождите, — успела выговорить она, указывая рукой на бегущего коня.

Солнечный уже почти достиг границы луговины — еще немного, и он доберется до них, и в это мгновение он неожиданно замедлил бег, уперся всеми четырьмя ногами, словно действительно оказался на краю обрыва. Пена выступила на

морде, он по инерции сделал еще пару шагов и пронзительно, жутко заржал. Так, замерев на несколько секунд на краю иллюзорной пропасти, он наконец отпрыгнул, мотнул головой, повернулся и помчался назад.

— Как видите, пропасть вполне правдоподобная.

— Но он так перепугался! — возразила Ромили. Ужас, охвативший коня, в полной мере передался ей. Она даже вспотела от страха.

— Он уже забыл об этом, — ответила Маура и пытливо взглянула в лицо девушки. — Что-то ты нехорошо выглядишь — уж не ощутила ли себя Солнечным?

Ромили ничего не ответила, глянула в сторону вороного жеребца — тот безмятежно щипал траву, потом поднял голову, раскатисто пофыркал и потрусил в сторону косяка кобылиц.

Орейн хмыкнул:

— Эти королевские конюшни пришлись ему по душе. Как и все те кобылы, которых он покроет за ночь, они тоже будут довольны…

Король рассмеялся:

— К этому он всегда готов, дружище. Это нам, погрязшим в войне, — он осторожно и ласково коснулся руки Мауры, — придется подождать. —

Король и женщина обменялись взглядами и Ромили бросило в краску. — Однако это ожидание более похоже на оправу, где драгоценным камнем сияет скорая радость, не так ли, любимая?

Маура в ответ улыбнулась.

Перед ужином Яндрия навестила Ромили и поинтересовалась, не желает ли та присоединиться к сестрам-меченосицам — теперь, мол, нет особой необходимости оставаться ночевать поблизости от птиц. По голосу Яндрии было ясно: она ожидала, что ее предложение обрадует девушку — все-таки в компании веселей, однако Ромили так намучилась за день, что сама мысль о том, что сейчас она попадет в шумную компанию молодых женщин, где не будет отбоя от вопросов, вызвала у нее неприятие. Девушка ответила, что ей надо еще повозиться с птицами — завтра, мол, трудный день…

— К тому же я надежно защищена с одной стороны леди Маурой, с другой — моим братцем-монашком. Чтобы ты не беспокоилась, я еще помолюсь Аварре и сотворю заклятья, так что ни один мужчина не сможет войти в палатку. В любом случае его настигнет проклятье ночной богини.

Ромили заметила, что Яндрия была недовольна

подобным поворотом дела, однако ничего не сказала, только обняла младшую сестру.

— Хорошенько отдохни, младшая сестра. Ты выглядишь такой измученной, как будто постарела на несколько лет. Получше питайся — я знаю, сколько сил тратят лерони, как важно возместить расход энергии. Помню, как одна хрупкая девушка после сеанса сразу съела двух рогатых кроликов. Целиком!.. И обязательно крепкий сон…

Она ушла. Ромили отправилась кормить птиц. К ней присоединились Руйвен и Ранальд. Приглядываясь к лорду Риденоу, Ромили была вынуждена признать, что первоначальное впечатление об этом молодом человеке как о напыщенном хлыще страдало явной предвзятостью. Парень, конечно, был себе на уме, простаком его не назовешь, и спесь высокорожденного аристократа в нем чувствовалась — чуть-чуть, тем не менее Ранальд был дисциплинированным и работящим. Нос от падали, которой кормили сторожевых птиц, не воротил и ухаживал за ними с откровенной заинтересованностью и увлеченностью. В этом обмануть нельзя, усмехалась Ромили, тем более такую прозорливую лерони, как она. Так-то оно так, но ей-то что делать — едва почуяла запах

подгнившего мяса, которое с утра заготовили армейские охотники, ее вновь чуть не вырвало. Тошнота была неодолима — она не могла смотреть не только на пищу, которой кормили стервятников, но и на жареную ляжку молодого червина под белым соусом, присланную Каролином со своего стола для команды разведчиков. Руйвен и Ранальд уписывали это блюдо за обе щеки — Ромили вяло ковырялась вилкой, стараясь придавить время от времени возникавшие судороги.

Положение незавидное, долго так продолжаться не может — она было решила пойти в палатку соснуть, однако к тому моменту лагерь уже был разбит и ровный гул тысяч голосов стоял над поймой.

Были поздние сумерки — легкие, тончайшие, одновременно позолоченные и посеребренные. Все четыре луны выплыли на небосвод — три в полной фазе и одна ущербная. Все они лили мерцающий невесомый свет на чуть подкрашенную густо-вишневым цветом землю. Стих ветерок, с небес чуть покапало — и вновь все замерло… Дарковер погружался в сладостную ночь, которая не часто выпадала даже в разгар лета. Это было время сказок, привидений, час посещения земли

рожденными ею богами. Вечерняя свежесть полнила сердца и груди живительным, пьянящим воздухом…

— Четыре луны… Надо же!.. И перед битвой… — скрывая смущение, засмеялся Ранальд. — Какие только безумства не совершаются в такую ночь! Знаете, что говорят в Тендаре? Того, что случилось в ночь четырех лун, уже не забудешь, от того не откажешься…

Руйвен с непробиваемо холодной вежливостью заметил:

— Подобная ночь относится к числу священных, приятель. Сколько я посвятил часов молениям и медитации, но высшее наслаждение испытал именно в такие часы. Если бы не солдаты… — он недовольно поморщился и обвел рукой лагерь, где уже горело множество костров и сквозь плотный гул легко прорывались отдельные вскрики, возгласы, песни, — я бы с охотой занялся самосозерцанием.

Это было сказано просто, как отметила про себя Ромили, и в то же время напыщенно, видно, брату тоже случалось впадать в грех гордыни. Если он и опростился, то явно не до конца. И чтобы добраться до заветной, тусклой, серенькой, под цвет рясы, простоты, ему еще надо много потру-

диться. Такую ночь упускать нельзя… Ромили встряхнула головой, а Ранальд как ни в чем не бывало объяснил:

— Королевские интенданты выдали солдатам двойную порцию вина — этого, конечно, недостаточно, чтобы нарезаться вдрызг, но попеть можно. Тем более если душа просит… У нас здесь есть такие мастера — заслушаешься!.. — Он предложил Ромили свою руку. — Не желаете присоединиться? Можно пройти к огню, где сейчас расположился мой прежний отряд. Там у меня была троица… нет, четверка таких певунов… Они ходили и распевали по тавернам. Что, спрашиваете, пели? Что закажут… На пиво и закуску всегда хватало, случалось, и деньгами их награждали. Будьте уверены, они ребята хорошие… Что? Мои стрелки… Отличные ребята, меченосица. Да что вы, никакого хамства — я с ними уже столько протопал… Знаем друг дружку до гвоздика на подметке сапога… Любезные парни…

— Что-то по их голосам не слышно, чтобы они были большие мастера, — ответила Ромили, прислушиваясь к нестройным хорам то в одном, то в другом углу лагеря. Ранальд засмеялся:

— Они же не подражают благородным. Они поют по-своему. Называют себя Братьями Песен

Ветра… Что? Нет, они не все родные братья, двое двоюродные. То, что вы слышите, — это не они. Братья Песен Ветра не начнут, пока не соберутся люди, не затихнут горлопаны у других костров. Тут целый ритуал… Так как, не желаете?..

От такого приглашения отказаться было невозможно, и все равно Ромили еще несколько мгновений колебалась. Она по-прежнему неважно себя чувствовала. Лучше, конечно, отправиться спать, но раз впереди намечается концерт, какой может быть сон? Это Руйвен, по-видимому, обладает секретом медитации, когда все нормальные люди веселятся, души хохочут, слушают песни. Ведь завтра или послезавтра в бой! Она решительно приняла протянутую руку.

Четыре луны залили зыбким оранжевым с серебряным отливом сиянием всю округу. В лагере было светло как днем — может быть, пасмурным, тусклым, но удивительным и сказочным. Все природные краски смешались — следы на траве поблескивали красным отсветом, ее плащ неожиданно стал сиреневым, малиновая офицерская накидка с пелериной Ранальда теперь казалась фиолетовой… Пока они добирались до костра, где собрались певцы, Ромили метнула мысль в сторону разбредшихся по пастбищу коней,

отыскала Солнечного. Редкая умиротворенность, сытое удовлетворение коня не передались ей — девушку охватило странное беспокойство. Солдаты у костров ревели песню, слова которой трудно было назвать приличными, посвящена она была скандальным историям, случавшимся с представителями высшей знати:

Хранитель Башни Арилинн
Соблазнил девчонку в поле,
Поманил цветочком киресета;
Вскоре трое появились,
Два младенца — эммаска,
Третий — я!

Солдаты ревели с необыкновенным воодушевлением…

— Если эту песню, — объяснил Ранальд, — исполняют где-нибудь на Арилиннском плато, то упоминают Нескью, а здесь, на Валеронских равнинах, только Арилинн. Между ними всегда существовала неприязнь…

— Любопытными делами, однако, занимаются в Башнях, — заметила Ромили. До сих пор ее представления об этих образовательных центрах складывались из слухов, рассказов очевидцев и наблюдений за совершенно помешавшимся на святости Руйвеном. А тут на тебе! Экий козлик

этот хранитель Башни Арилинн…

Ранальд неожиданно хихикнул.

— Я несколько лет провел в Башне — как раз сколько надо, чтобы научиться контролировать свой ларан. Вы, должно быть, знаете, как это делается… Когда меня привезли туда, мне было тринадцать лет — как раз начал созревать. И вот это возбуждение страсти, разлитое вокруг, буквально изводило меня. Я же все воспринимал отчетливо, каждую струйку похоти, истекавшую от сук на ферме. Подобная возбудимость очень расстраивала мою гувернантку — я же еще школьником был! Естественно, она была старой девой с каменным, надменным лицом… Что? Да-да, знаете, еще уголки губ так скорбно опущены вниз. Я же проникал в ее мысли и готов поклясться… Что? Она готова была кастрировать меня, как вьючного червина, лишь бы сохранить мое целомудрие.

Ромили не выдержала и рассмеялась, но как-то неуверенно, отстраненно. Он почувствовал, что соседке неловко, и смущенно извинился:

— Простите, я забыл, что вы христофоро и подобные разговоры не для вас. Знаете, могу заверить… Что? Все девушки очень разные — могу судить по своим четырем сестрам. Ведь я

невольно воспринимал их мысли и подспудные желания… Что? Пока не научился контролировать свой ларан. Так вот, они были изнеженные создания, но вы-то выросли в горах, работаете с животными, уж вы-то должны знать, что к чему. Собственно, что в этом непристойного, почему мы должны стыдиться красоты мира… Что? Этим, я думаю, и живет земля…

Ромили слегка покраснела, однако этот разговор в общем-то не был ей неприятен. Она вспомнила ту одуряющую, трепещущую страсть, которой полнились холмы Киллгард в разгар лета. Все вокруг «Соколиной лужайки» изнывало от любовного томления. Вспомнились светлые ночи на пастбище — ржание жеребцов и кобыл, рев червинов, собачьи свадьбы, особенно бурные в это время года. Она сама в ту пору, даже будучи ребенком, ощущала прилив смутных томительных желаний. Они не были направлены на какое-то конкретное существо, однако это было, было…

— Послушайте, — отвлек ее Ранальд, — вот певцы…

У костра, где сгрудились солдаты, расположившиеся прямо на траве, сидели на ящиках четверо — все в униформе, задумчивые, притихшие; в руках держали наполненные пивом кружки. В

центре сидели двое — высокий и дородный здоровяк и густо заросший гривой темно-рыжих волос, с кустистыми бровями и лохматой бородой мужчина. Слева от них располагался добродушный толстяк — личико у него было чистое, розовое, ухмылка кривая, едкая; справа костлявый, высокий солдат с лицом, напоминавшим лошадиную морду, с красными, по-крестьянски огромными, добрыми руками. Он-то и запевал. Ромили, услышав его — певцы прежде, чем начать, несколько минут спевались, — обмерла. У него был высокий, чуть подрагивающий — соловьиный — тенор. Без всякой примеси слащавости… Сильный, свободный, заставлявший вздрагивать сердца слушателей…

Начали они с удалой, часто исполняемой в кабаках, любимой народом песенки:

Хвала Алдонесу, что создал локоть он
И что руке сгибаться так удобно.
Ведь будь она длинней,
То лили б в уши мы,
Короче — выпить было б невозможно…

Закончив, они высоко подняли наполненные пивом кружки и разом осушили их. Примеру певцов последовали почти все присутствующие. Рев одобрения стоял над лагерем, раздавались

громкие хлопки, возгласы ликования. Певцам тут же вновь налили, и они, не сговариваясь, сразу попав в нужную тональность, на четыре голоса завели старинную балладу. Припев подхватили все, и Ромили включилась в общий хор — невозможно устоять, когда запело само сердце.

Песни, исполняемые у костра, были грубоваты, но без всяких срамных намеков — женщину в них хотели страстно, весело, ею восхищались, обращались как к любимой подруге, жене, матери. Радовались сладкой браге и тому, что покрепче, что шибало в голову, заставляло ноги плясать, руки прихлопывать, а сердца петь. Вместе со всеми Ромили скоро наголосилась до хрипоты — и все равно было мало, а уж когда ребята грянули плясовую, да еще и с подсвистом, она едва удержалась. Другие, кто попроще, похмельнее, пошли в круг… Она не заметила, как кто-то доброжелательно сунул ей в руки кружку с пивом — это было местное ароматное крепкое пиво… У девушки сразу закружилась голова, потом прояснилась, и все боли, докучавшие в последние дни, как рукой сняло.

Наконец прозвучал отбой, и солдаты начали разбредаться по палаткам. Братья Песен Ветра, уже заметно опьяневшие, но не потерявшие ни

капельки в своем искусстве, под аплодисменты и приветственные крики исполнили последнюю, прощальную…

К своей палатке Ромили возвращалась в обнимку с Ранальдом. Уже у цели он шепнул ей на ухо:

— Роми, что должно случиться в ночь четырех лун, тому бесполезно противиться…

Она слабо оттолкнула его.

— Я же меченосица. Я не имею права навлечь позор на Орден… Вы, верно, считаете меня распущенной, я же девушка с гор! Леди Маура уже, наверное, спит в палатке…

— В такую ночь Маура не расстанется с Каролином, — ответил Ранальд. Он был очень серьезен. — Пока Совет не даст разрешение, они не могут пожениться. Во всяком случае, пока она находится при армии в качестве лерони. Они все равно поженятся — чему быть, того не миновать, это давняя история… О-о, я понимаю… Вы считаете, что я слишком эгоистичен и мне все равно — забеременеете вы в такое лихое время или нет? Роми, ты ошибаешься. Неужели я не сознаю, какую ценность представляет для всех нас твое умение…

Он попытался обнять ее за плечи, но она, даже не тронувшись с места, обмерла, охолодела, отри-

цающе покачала головой. Он убрал руки…

— Я тебя жажду, — прерывистым шепотом вымолвил Ранальд. — Сил моих нет, но если у тебя нет желания, если ты не испытываешь того же, я не могу. — Он наклонился и поцеловал ей руку. — Может быть, когда-нибудь… Ложись спать, Ромили.

Он еще раз поклонился ей и скрылся в полумраке. Девушка почувствовала, как вмиг опустела душа, ее бросило в дрожь. Она едва не вскрикнула, призывая его вернуться…

«Не знаю, что со мной. Даже думать об этом не хочу…»

Уже в палатке — она сразу обратила внимание, Ранальд был прав, постель Мауры не разобрана — Ромили почувствовала лунный свет. Матерчатые скаты ему не помеха. И одежда ему не помеха!.. Ее тело призывно вбирало эту обжигающую, зябкую взвесь. Трясущимися руками она раскатала по соломенному тюфяку — уже сбитому, комковатому — постель, расстелила одеяло, скинула верхнюю одежду, полезла под одеяло… Покоя не было! Она разделась донага — пусть тело досыта напьется сумеречного зыбкого настоя, пусть каждая жилочка нарадуется… В голове до сих пор звенели мелодии, хмель не выветрился — потому, может,

ей казалось, что не сна она ждала, а чего-то большего, способного навалиться и затушить жар, пылавший в теле. Неожиданно в нос ударило густым ароматом травы, духом влажной земли, она почувствовала неодолимый жар, неутоленное желание мчаться, прыгать, биться об иное что-то, столь же жаждущее, неугомонное…

«Боже, это ты, Солнечный? Это ты так вовлек меня в щекочущий, возбуждающий светоносный поток, истекающий от четырех лун… Теперь нам не разорвать эту связь… наши сознания сплелись прочно, навек… Но что-то с тобой, такого я прежде не ощущала… или не желала замечать… Тогда, прошлым летом, когда тебя выпускали в табун… Но никогда это не схватывало душу с такой силой… Мой ларан окончательно проснулся, может, поэтому… или тело созрело и теперь способно сопротивляться ему… Одуряющий до забытья запах свежей травы — он вливается в кровь, насыщает ее жизненной силой, заставляет быстрее бежать по венам, ноги не могут обрести покоя… и низ живота запылал… Какой-то незнакомый запах, сладковатый, с примесью мускуса и цветов, от которого я не могу совладать с собой». Кто она — жеребец, подбирающийся к обильно текущей кобыле, или человек, девушка, Ромили? Не в си-

лах совладать с вожделением — как это ужасно, низко, стыдно, сладко, черт побери… Слишком много сразу, любая опешит, лишится остатков воли, рассудка, здравого смысла… Куда же ты полез? Следом накатила волна незамутненной животной похоти — какая нежная шерстка у кобылы, как нежно ее лоно. «А мое?.. Ведь я же Ромили, человек, невинная девушка… Куда же ты?! Я не вынесу, мне нельзя… *Страсть, ужас, вожделение… Нет, нет…*»

Она на мгновение пришла в себя, вернулась в сознание. Ниспадавшее занавесом крыло палатки оказалось откинутым, лунный свет свободно вливался внутрь… Ромили застонала… И через мгновение ощутила, как мягкие теплые руки коснулись ее. Зовущий голос долетел до нее. Потом вновь ласкающее прикосновение рук…

— Ромили, Роми… Роми… любимая, приди сюда, иди ближе. Позволь мне… я так хочу тебя, моя маленькая нежная Роми… Иди ко мне…

Она неожиданно четко узрела Ранальда — его лицо, освещенное луной, заглянуло в шатер.

Не она — ее руки, ее тело потянулось к мужчине. Из последних сил, сопротивляясь, она раскинула руки, и его губы коснулись ее губ. С этим уже нельзя было совладать — она обняла

его за плечи, сначала робко, стыдливо; потом — с новым поцелуем — сильно, страстно. Прижала его к своей груди — ее тело, переполненное желанием, выгнулось. Она не испытывала страха, она жаждала, чтобы он вошел в нее, это он вдруг оробел, дрогнул… Ромили впилась в его мысли — они стали прозрачны насквозь. Он затрепетал и восхитился, однако тень сомнения накрыла разум. Боже правый, она девственница! Ромили снова прижала его к себе. Он замешкался и необычайно плотно, весь вошел в нее. Боль была мимолетна, сладкой горечью наполнилось сердце, она потянулась навстречу ему. Еще, еще…

Потом он прошептал:

— Я знал, я чувствовал, что надо быть рядом. Я ждал твой призыв, вот почему я был рядом. Ты позвала, любимая… Может, не меня, но я был рядом… Я знал это…

Она не ответила, только улыбнулась и благодарно поцеловала его. Изумление и радость были так безмерны, так пугливы — зачем слова? Все случилось, как и должно было случиться, в охотку, поманив и оделив счастьем… Уже засыпая, Ромили со смехом подумала:

«С домом Гарисом у меня никогда ничего подобного быть не могло. Какая я умница, что не

вышла за него замуж».

7

Два дня армия Каролина простояла в излучине реки. На третье утро Ромили доставили приказ отправляться на разведку. Ранальд скакал сбоку, по другую сторону — Руйвен, позади охрана. Девушка изо всех сил старалась защитить свои мысли от недоуменных, лезущих один за другим вопросов Руйвена — он так и не понял, что произошло. Что случилось с сестрой? Для него это было неприемлемо — его младшая сестра теперь делит постель с лордом Риденоу, но что нужно делать, как поступить, он не знал. Братские обязанности были ему чужды — он давно порвал все узы, связывающие его с семьей, но и закрыть на происшедшее глаза он не мог. Приличия требовали что-то предпринять. Но что? Как он должен повести себя, чтобы не потерять лицо? Ромили, догадавшись о сомнениях брата, не отмахнулась от них. Легкомыслия в ее положении она не могла допустить. Более всего она была озабочена сохранением мира в их маленькой компании — любая ссора, выяснение отношений могут взбудоражить птиц. Армия не могла позволить себе лишиться всевидящих глаз. В

этом вопросе ни Каролин, ни Орейн поблажки не допустят. Никакого стыда или смущения от того, что занималась любовью с Рэнальдом, она не испытывала, однако сложившаяся ситуация очень заботила ее. Руйвен, должно быть, решил, что Ранальд — типичный соблазнитель, воспользовался, мол, неопытностью молоденькой девушки, и все такое… Пусть думает, лишь бы работал… В глубине души девушка знала, что это она искала мужчину — Риденоу помог ей утолить жажду. Нет, не просто подвернулся под руку — она с каждым часом ощущала его возрастающую любовь и тягу к ней, но по сути так и было… Вот только спросить себя, любит ли его, она боялась. Рассудила мудро — время покажет.

— Ромили, прошу, не забывай напоминать мне, что я не имею права без конца пялиться на тебя, глупо улыбаться и сиять от счастья, — тихо шепнул ей Ранальд, улучив момент, когда Руйвен занялся птицей.

Ромили улыбнулась в ответ. Ей самой было несказанно хорошо и спокойно. Теперь она чуть свысока посматривала на Солнечного, окруженного молодыми кобылицами. Нет, между нею и жеребцом все оставалось по-прежнему, они свободно сливались сознаниями, однако теперь

они оба стали немного постарше.

«Теперь Ранальд одарил меня счастьем». Помнится, Маура заметила: «Кони не знают, что такое память или воображение». Может быть… Тогда выходит, что именно память гонит меня в его объятия, и я никак не могу остановиться».

Два раза за это время она навещала сестер-меченосиц, делила с ними трапезу. Клеа долго приглядывалась к ней, потом отозвала в сторонку и предупредила:

— Ты все еще одна из нас. Помни об этом, когда будешь водить дружбу с аристократами. Да и с другими тоже…

— Будем честными, — заметила Яндрия, — работает она дай Бог каждому, и леди Маура внимательно приглядывает за ней — не хуже, чем на нашем постоялом дворе. Один из ее спутников — собственный брат. А если слухи верны… — Старшая сестра испытующе глянула на Ромили — та напряглась, однако Яндрию, оказывается, интересовало совсем другое. — Леди Маура в один прекрасный день станет королевой. Ты что-нибудь знаешь об этом, Роми?

— Не больше, чем вы. Мне известно только, что король Каролин не может взять себе супругу, пока не получит разрешения Совета. В свою

очередь, леди Маура при ее положении не имеет возможности выйти замуж без родительского благословения, тем более если к ней посватается сам король. Конечно, если они будут настаивать, то поженятся в любом случае.

— А если нет, то у короля родится недестро, от которого можно будет ждать столько же неприятностей для страны, как и от этого Ракхела, — презрительно заметила Тина. — Достойное поведение для лерони! От ее служанки я слышала, что две ночи она провела в королевском шатре. Как же она сможет присмотреть за Ромили?

Ранальд дал Ромили несколько начальных уроков установки защитного барьера, так что девушку ни в краску не бросило, ни глаз она не отвела.

— Неужели вы полагаете, что надзора моего брата, хлопот с птицами недостаточно? Разве я уж так нуждаюсь в дуэнье, Тина? Что касается Мауры, я слышала, что она дала обет хранить целомудрие. Что-то мне не верится, чтобы она осмелилась нарушить клятву, даже в королевском шатре. По крайней мере, пока война не кончилась. Конечно, ее мысли мне неизвестны — она взрослая женщина, к тому же лерони, ей самой решать.

Клеа презрительно фыркнула:

— Она вполне может продать девственность за корону и отдаться королю вовсе не по любви. Вот это лерони… Весьма отважная дамочка… — Она неслышно поаплодировала. — Посмотрим, какой урок ты извлечешь из ее поведения, Роми.

Еще недавно Ромили верила, что среди этих женщин она сможет встретить понимание. Ну, может, не у всех, но кто-то способен будет ее выслушать, посочувствовать, поохать, порадоваться, какое безмерное счастье выпало на ее долю, но теперь всякая охота откровенничать мигом пропала. Разве что с Яндрией, она бы наверняка поняла. Однако старшая сестра спешила на совещание у короля — он собирал Совет — и, попрощавшись с подругами, направилась к королевскому шатру.

Может быть, с Клеа? Ее-то она считала своей подругой, самой закадычной… С ней можно было разговаривать открыто. Если бы не сказанное Клеа, если бы не иронично-презрительный тон… Нет, и ей нельзя сообщить правду об их отношениях с Рэнальдом. Печально, но здесь ее никто не поймет.

Собственно, почему? — спросила себя Ромили. Что преступного, позорного в том, что она полю-

била Ранальда? Разве любовь может запятнать звание меченосицы, нанести какой-либо ущерб Ордену? Теперь ее больше не связывала клятва — она так сама решила. Грех был бы несмываем в том случае, если бы она польстилась на деньги дома Гариса или позволила, чтобы ее продали в обмен на сохранение доходной торговли лошадьми, конями и собаками.

День, когда им было приказано возобновить разведку, выдался пасмурным, дождливым. Мелкая изморось висела в воздухе, низкие тучи плыли над равниной. Время от времени начинался частый холодный дождь, иногда переходящий в град. Порывами налетал ветер — случалось, он на короткие минуты разгонял облака, тогда землю и промокших людей сразу вымораживало. Сторожевые птицы, нахохлившись, сидели на насесте и, когда с них снимали накидки и колпачки, жалобно вскрикивали. Такая погода была им явно не по нраву, тем не менее их следовало пускать в полет — раз в три дня им просто было необходимо размять крылья; к тому же Каролин остро нуждался в самой свежей информации о противнике. Важно было точно определить направление движения вражеской армии. Скрытность и маневр — вот что могло позволить им

избежать сокрушительного удара клингфайра.

Ранальд, Руйвен и Ромили посовещались.

— Придется, по-видимому, заставить их летать ниже облаков, — озабоченно заметил Ранальд, однако Ромили запротестовала:

— Они этого не любят.

— Меня, собственно, их мнение, желание-нежелание не очень-то интересуют, — грубовато объявил Ранальд. — Мы выпускаем птиц не для собственного удовольствия и, уж конечно, не для их. Ты что, забыла об этом, Роми?

Она не ответила — трудно понять почему, но в тот момент она прониклась сочувствием к большим птицам. Сама кожей почувствовала, как им холодно, как отвращала их мысль, что необходимо подняться в воздух, погрузиться в эту влажную муть… Но делать было нечего! Первой она отвязала Усердие, пересадила ее на свое запястье и внедрила в ее сознание приказ: лететь надо низко, чтобы видеть все, что творится в округе. Ромили с трудом подбросила ее в воздух. Усердие, пару раз взмахнув широкими крылами, обрела устойчивость и, едва заметно набирая высоту, полетела на восток — туда, где в последнюю вылазку они обнаружили армию Ракхела.

Даже сверхострое зрение сторожевой птицы

не могло пробить повисшую над землей хмарь — пришлось посылать стервятника все дальше и дальше, стараться искать разрывы в облаках, и все равно Ромили физически ощутила, как намокли ее крылья. Ветер все гнал с севера тучи. Полет над самой землей был очень утомителен — скоро в глазах зарябило от проносящихся картин. Мелкие детали мелькали так, что было невозможно не то что оценить их значение, но и попросту разобраться, что же это такое. Тем более что Ромили приходилось бороться со все нараставшим желанием птицы повернуть домой. Усердие не могла понять, кому нужны были ее мучения, когда так приятно парить в чистом небе, высоко-высоко, и вот оттуда, из самой выси, любуйся землей сколько душе угодно…

«Сторожевые птицы, летающие разведчики… Похоже на меня, как там ни крути. Такое же устройство, не более чем инструмент в руках Каролина…»

Как бы рассердился ее отец! Старший сын пошел по кривой дорожке, теперь и старшая дочь ударилась в бега. Любимая дочь, которая, как ему казалось, в полной мере унаследовала его дар. И от нее приходится отказаться!.. Ради чего? Ради того, чтобы вот так в промозглую сырость

страдать самой и заставлять страдать пернатое существо? А их родовое гнездо пропадает пропадом. На кого они оставили его — на Дарена? Ромили вздохнула… Как средний брат умеет обращаться с животными, ей было хорошо известно. Это значило погубить конюшню и всех племенных лошадей, растерять все лучшие качества собак, взращенных в семье Макаранов, прикрыть соколятник.

Ромили встрепенулась — связь с птицей она потеряла и следом почувствовала безмолвный вопрос Руйвена, напомнивший, что отвлекаться нельзя. Погода не дозволяет этого — видишь, как хлещет, как больно сечет град! Какая боль!.. Она пронзила ее… или Усердие? Может, еще снизиться? Здесь хотя бы ветер послабее, иначе просто сил нет, чтобы пробиться сквозь плотные завеси дождя со снегом…

Тут ее внимание переключилось на Умеренность, птицу более крупную, сильную, она уверенно мчалась вперед, к образовавшемуся в облаках разрыву. Ниже лежала пустынная земля — теперь это было ясно, но дальше на восток к облакам тянулись приметные дымки. Понятно, что это костры армии Ракхела. Дождя там не было… Теперь все три птицы были в воздухе

— Благоразумие летала неподалеку точно в хвост Умеренности. Прекрасная возможность обозревать местность с трех точек. Если бы только Усердие благополучно выбралась из снежного заряда… Кажется, птица справилась — слава Богу, теперь начинается работа. Пришло прежнее ощущение расплывающейся мысли, дробление сознания между тремя стервятниками и разумом Каролина, напряженно ждущего информацию о местоположении противника.

Пятнышко впереди вдруг начало стремительно расти… Конечно, неужели она рассчитывала, что при армии Ракхела нет подобных птиц и их не выпустят в такую погоду? Ромили — или Усердие? — резко изменила курс, желая избежать столкновения с приближающейся птицей. Может, это сам Ракхел или один из его колдунов направил этого стервятника на перехват…

Вступить в бой? Но она не сможет сохранить контроль над птицей, если у той проснутся природные инстинкты. Когда все хорошо и спокойно, владеть ее сознанием невелик труд, но когда рядом враг… Умеренность все еще стремилась вперед, и, в какой-то мере связанная с сознанием Руйвена, Ромили смогла разглядеть вражеский лагерь. Там была повозка, вид которой рождал

ужас и отчаяние… Своими ли глазами она видит все это? Понять уже ничего было невозможно — то ли девушка вторглась в сознание брата, то ли действительно видит эту картину исключительно глазами птицы?

Птицы? Ей припомнились слова Мауры — они эхом прозвучали в мозгу: ни памяти, ни воображения. Выходит, они могут реагировать только на что-то конкретное, касающееся их лично, например на пищу, на особь противоположного пола. Тогда откуда это ощущение смерти при виде зловещей фуры?

Прочь! Прочь посторонние мысли!.. Ей крайне важно удержать в полете Усердие. Птица ослабла, однако теперь уже нельзя менять направление. Тот же отвратительный, непонятный запах — казалось, что зловоние пронзило ее насквозь. Ее ли? Может, птицу?.. Следом вновь наплыла чернота, и в ней кадрами время от времени мелькали изображения, наблюдаемые другими птицами. Времени оценить увиденное у нее не было, ей, кстати, и не хотелось сосредоточивать внимание на каких-то деталях, подсчетах, делать анализ. Эта часть работы выпала на долю Каролина.

Что-то мелькнуло в воздухе… Опасность… опасность… страх пронзает мозг…

Птица повернула, громко вскрикнула, следом в сердце ударила нестерпимая боль. Ромили тоже издала хриплый, гортанный крик, пытаясь совладать с нею… Боль… Страх… Теперь девушка сообразила — Усердие падала. Пыталась взмахнуть крыльями… Голова закружилась, гаснет сознание, падение, смерть…

Ромили, сидевшая на коне, судорожно схватилась за грудь, словно стрела, пронзившая сердце сторожевой птицы, попала и в нее. Боль была нестерпима, остра — она огляделась вокруг и ничего не разобрала. Глаза застилала кровавая пелена.

Усердие! Милая птичка!.. Это она послала ее на гибель. Послала сознательно, зная, чем может кончиться полет на такой высоте. Вот ее и подстрелили. Это она заставила ее забыть об опасности, задавила инстинкт самосохранения, понуждавший сторожевую птицу забраться повыше, в недоступное для стрел пространство.

Чувство вины и глубокая печаль боролись в ее душе.

Кто-то из беспросветного далека окликнул ее… Сквозь кровавый туман проступило лицо Ранальда, с тревогой смотрящего ей в лицо. Он сам едва сдерживал скорбь. Ромили торопливо

зашептала:

— Умеренность… Благоразумие… их следует немедленно вернуть.

Риденоу порывисто вздохнул:

— Мы уже подняли их повыше, стрелы солдат их не достанут. Они теперь высоко-высоко… Я очень сожалею, Роми, ты так любила ее…

— А она любила жизнь! — яростно воскликнула Ромили. — И погибла из-за тебя и Каролина! Из-за вас!.. Ах, как я ненавижу тебя, всех вас — королей, солдат, этих ненасытных вояк, эту чертову войну — будь она проклята! Все это дерьмо не стоит и перышка Усердия… — Она закрыла лицо руками и разрыдалась.

Лицо Руйвена по-прежнему было неподвижно — он все еще был в полете, так и сидел на коне, пока из облаков не вывалилась сторожевая птица и, спланировав, не устроилась у него на запястье.

— Умеренность, — с облегчением прошептала Ромили, — а где же Благоразумие?

Словно отвечая на этот вопрос, в облаках раздался протяжный жалобный крик, и два пятнышка, пронзив слои тумана и косые струи дождя, пали на землю. Летели вниз они сцепившись, только возле самой земли распались на два окровавленных комочка. Следом за ними с небес

посыпались перья. Сторожевая птица шлепнулась у ног коня, а другая неожиданно расправила крылья и отвалила в сторону, издав при этом торжествующий крик.

— Не гляди! Ранальд, держи ее! — закричал Руйвен, однако Ромили уже успела соскочить с коня и подхватила погибшую Благоразумие на руки. Птица не подавала никаких признаков жизни. Девушка прижала ее к груди, ее лицо исказилось от отчаяния.

— Благоразумие ты мое! Ах, бедная птичка, — запричитала Ромили, — любовь моя, тебя тоже больше нет!

Птичья кровь закапала у нее между пальцами. Ранальд с трудом разжал ее руки и осторожно принял у нее погибшую птицу.

— Бесполезно, Ромили, она мертва, — тихо, с трудом выговорил он. — Любимая, не плачь. Это не поможет, это — война…

«И ты считаешь, что этим можно все оправдать? Все списать?! — Девушка почувствовала, как волна ярости поднялась в ее душе. — Значит, можно играть жизнями этих невинных созданий, а потом сказать — ничего не поделаешь, это война… Я спрашиваю, кто дал им право посылать птиц на смерть? Мне плевать, погибнут ли они

сами, это их дело. Но чем провинилась перед королями эта птица? Разве к этому я ее готовила?.. Этому учила?..»

Руйвен осторожно пересадил Умеренность на луку седла и неторопливо слез с коня.

— Ромили, — сказал он, — постарайся успокоиться. Нам еще много чего надо сделать. Ранальд, ты видел?

— Да, — коротко, с мрачным видом отозвался Риденоу. — Где-то в обозе Ракхел прячет клингфайр. Я не знаю, где и когда узурпатор собирается применить его, но это надо узнать немедленно. Не теряя ни секунды. У нас нет выбора, нет времени на прикидки, если мы не желаем, чтобы Ракхел поджег эту дрянь и спалил меня, тебя, всех людей, всю землю вокруг…

— Мне тоже не по себе от подобной перспективы, — отозвался Руйвен. — Я уже имел радость видеть, на что способно это зелье. Не на войне… В Башне Трамонтана… Каролин дал клятву никогда не применять эту пакость против собственного народа. Но если Ракхел выпустит этот огонь против нас, я не представляю, как защищаться от него.

Ромили, стоявшая неподвижно как истукан, вдруг подала голос:

— Что еще за клингфайр?

— Что-то подобное адскому пламени, вырывающемуся из горна Зандру, — сказал Ранальд. — Это горящая смесь, которая если прилипает к телу, то оторвать уже невозможно. Смыть нельзя — от воды она разгорается еще жарче. Одним словом, если попадет на тело, прожигает его насквозь — кожу, кости. Этот огонь изготовляют при помощи колдовства и ларана.

«Я в этом не сомневалась. Люди, которые способны походя, играючи поразить птицу стрелой, с легкостью обрушат все силы ада на головы себе подобных».

— Тебе следует поехать с нами. — Ранальд мягко посадил ее в седло. — Каролин должен немедленно узнать об этом, теперь он нуждается в поддержке всех лерони. Маура дала клятву не принимать участия в войне против Ракхела, но в этом случае, ввиду угрозы применения липучего огня, она колебаться не будет. Это злодейство надо остановить, иначе от нашей земли останутся только головешки. Сейчас не имеют значения ее чувства к Ракхелу. Но каков негодяй! — неподдельно искренне изумился Ранальд. — На все готов…

Однако Ромили не ответила, она скакала, не

замечая ничего вокруг. Менее всего в тот момент ее могли заинтересовать рассказы о небывалых средствах ведения войны, о справедливости и возмездии. Это все человеческие заботы — животным и птицам, всем этим бегающим, парящим, ползающим, плавающим тварям не было никакого дела до суеты сует, одолевшей разумных двуногих, посмевших в пылу гордыни окрестить себя царями природы. Остальные живые существа, выходит, пыль под ногами, мясо и средство передвижения? Хороши люди! И что, в этой бесконечной гордыне, в страстях своих они обрели покой, радость? Куда там!.. Все их существование насквозь пропитано страхом, жаждой не пожить, а выжить… Еще клингфайр придумали!.. Мало им мечей, стрел, копий…

Рядом скакал Ранальд, но Ромили не испытывала желания мысленно опереться на него. Кто он? Тот же человек, ну, еще партнер, и все мыслишки его суетны, непостоянны, вспыхивают — гаснут; то нырнет в прошлое, то воспарит в будущее, и каждый образ отмечен тенью страха, извечного и постоянного. С ним разве отдохнешь? С ним погорюешь? Разве он сможет понять — не на словах, а в глубине души?

Телепатически она подалась в сторону лагеря,

отыскала Солнечного и — как в теплое ласковое море — бухнулась в безмятежное, сытое спокойствие жеребца. Слилась с ним, ее даже передернуло от удовольствия — жаль только, что поплакаться ему нельзя. Не поймет… Ему невозможно объяснить, что существуют такие хорошенькие, очень разумненькие птички, которые видят насквозь. Их безжалостно погубили злые люди… Ромили вздохнула — даже траву щипать не перестанет, шепчи ему на ухо или не шепчи о безмерной потере, о ценности каждой жизни. Ну и хорошо! Она вот здесь в уголочке свернется клубком, прикорнет ненадолго, оценит вкус травы, понюхает воздух — может, где кобылка пустила струйку, — почувствует вес Каролина, уже давно любимого — хороший хозяин и седок в меру тяжелый, — поплачет в тиши… Хорошо, когда нет времени, когда каждая минута существует, пока бегут ее секундочки. Отстучала положенное — и нет ее. Ни впереди, ни позади…

Хорошо-то хорошо, только скучно — вот и мужики по соседству о чем-то болтают. Кажется, о ней… Господи, сочувствуют даже… Вспоминают Благоразумие и Усердие.

«…Она их очень любила, особенно эту молоденькую, Усердие. Птицы тем же платили ей. Как

тут не переживать? Помню, как-то я только заикнулся: ну и уродцы, так она мне все расписала — и чем они красивы, и чем отличаются, и как к ним обращаться…»

Это несомненно Орейн.

«…Это ее первая трагедия. Ее бы надо научить отделять себя от птиц. Нельзя же так — никакая психика не выдержит».

Ага, это король.

«…Что вы хотите от необузданного, дикого самородка?! Так бывает со всеми, кто не обучался в Башне…»

Это, конечно, Маура. У нее одна песня — учиться, учиться и еще раз учиться! Чему? Если тому, чтобы хладнокровно наблюдать за гибелью живых существ, уметь отстраняться от страданий ближнего, то ей такая наука не нужна.

— Пожалуйста, поймите — Каролин все еще продолжал убеждать всех троих — Руйвена, Ранальда, Ромили. — Я никого не обвиняю, но, как ни крути, две птицы потеряны, я решительно настаиваю на том, чтобы выпустить в полет третью. Немедленно! Невзирая на то, опасно это или нет! Кто из вас возьмется за дело?

— Придется мне, — подал голос Руйвен. — У сестры шок, подобные неудачи ей в новинку. Она

сильно горюет… Так долго обучала этих птиц, привязалась к ним — и вот! — Брат развел руками. — Мне кажется, ей непременно надо дать отдохнуть, сир.

Каролин, как будто не слыша последнего восклицания, в упор глянул на Ранальда.

— Сейчас мне потребуются все мои лерони. Нам необходимо как можно скорее сотворить что-нибудь с этим проклятым огнем, пока он не пустил его в ход. Что касается Ромили… — Он сочувственно поглядел на девушку, однако та в ответ нахмурилась и сурово посмотрела на короля. Каролин чуть усмехнулся. — Послушай, Ромили, с Умеренностью ничего плохого не случится. Я сумею на этот раз избежать опасности…

Король слез с Солнечного, подошел к девушке, положил руку на плечо.

— Я тоже горюю. Поверь, мне очень жаль птиц, с ними связано столько хороших воспоминаний… Но постарайся взглянуть на все случившееся с моей точки зрения. Мы жертвуем птицами и животными, чтобы спасти жизни людей. Я знаю, птицы значили для тебя много, этого ни одному из нас не понять, но вот вопрос — согласилась бы ты, чтобы ценой их жизней была моя жизнь? Мы их побережем — тогда должны умереть Руйвен,

Ранальд, все сестры-меченосицы…

Ромили в исступлении хотела было возразить, что птицы не сделали Ракхелу ничего плохого. В отличие от людей… Почему люди не могут договориться, чтобы жизнь пернатых созданий была вне опасности, и жизни коней, и червинов?

Ей стало обидно — горе горем, но впадать в откровенную глупость, тем более высказывать ее вслух не к лицу взрослой, самостоятельной меченосице. Она же человек! Существует закон (быть может, установленный Хранителем Разума — ему и возмездие), требующий жертвовать птицами, чтобы сохранить жизнь Орейну, Каролину, брату…

Она поджала губы, потом подняла голову и доложила:

— Жизнь птицы в ваших руках, Ваше величество. Вы имеете полное право послать ее туда, куда пожелаете. Только хотелось бы… если уж опасность, то только когда выбора нет…

Она невольно замолчала, заметив, как исказилось лицо короля, какая печаль и тоска вдруг обнажились в его взгляде, в уголках опустившихся губ.

— Ромили, дитя мое… — Он не мог говорить дальше. Ему понадобилось несколько минут,

чтобы восстановить дыхание. — Ты сейчас коснулась самого больного места. В том и состоит главная трудность для каждого человека, обязанного посылать людей на смерть. И зверей, и птиц… Никто не может снять с него эту ношу, и оправдываться ему придется не перед людьми, а перед тем, — он указал рукой на небо, — кто там! Как бы я хотел снять с себя это бремя и не испытывать этой одуряющей, вконец изматывающей необходимости выбирать, а потом еще мучиться — а правильное ли ты принял решение, а нельзя ли было с меньшими жертвами? Лучше бы я их никогда не видел, не помнил в лицо — ведь я, считай, всю армию знаю. Тем не менее я обязан… нет, не вынужден, именно обязан так поступать, потому что многие тысячи людей — женщин, стариков, детей — верят, что я король. Они послали под мое начало мужей, отцов, братьев, они доверили мне их жизни на том поприще, где их нельзя сохранить. Но уменьшить количество потерь в моей власти. Власть!.. — Он усмехнулся. — Иной раз мне кажется, что служить куда легче, чем править… Ступай, принеси птицу, — добавил он, и только спустя несколько секунд до Ромили дошло, что лишь последние три слова он произнес вслух. Это открытие ошеломило ее.

«Значит, я прочитала его мысли и он знает, что они мне доступны? И раньше знал?.. Он никогда так подолгу не говорит — с солдатами и офицерами общается запросто, но без запанибрата. Приказы отдает короткие, точные… Но свои мысли он не в состоянии спрятать от того, кто обладает лараном.

Что хорошего в том, что такой король поведет людей на войну? Подобные колебания не к лицу человеку, вынужденному каждый раз решать, какой ценой должна быть куплена победа. И если разведка, на которую должна вылететь сейчас сторожевая птица, поможет спасти жизни хотя бы нескольких человек, здесь не может быть сомнений…» Ромили едва не ахнула, чуть не прикрыла рот ладошкой — ишь как стала рассуждать! И о своем горе забыла, и птичку готова послать в пекло. Может, для того и раскрыл король свои мысли? Ох, простая у тебя душа, Ромили, укорила она саму себя. О каком выборе в подобных случаях может идти речь? Что ж ты не скормила себя изголодавшемуся до крайности баньши? Неужели тогда смерть хотя бы одного человека была бы оправданна, хотя виновных в том вовсе не было. Баньши хотят есть, люди не хотят быть съеденными. Вот и вся простенькая

правда! Ты, Ромили, человек, так зачем же куражиться, впадать в безутешное горе? К примеру, король послал бы ее на смертельно опасное задание — она бы посмела нарушить приказ?

Девушка повернулась, подбежала к коню Руйвена, сняла с луки Умеренность и запустила ее в полет.

Вошла в контакт.

Птица высоко парила над брошенными полями… Вот до нее долетел частый перестук копыт, грохот прокатывающихся по деревянному настилу фур, мерное шествие отряда солдат, сбивавших шаг при переходе через мост и опять размеренно бьющих сапогами по пыльному, уже разбитому проселку. Армия Ракхела покинула лагерь и теперь шествовала к лугу. Когда же они успели навести переправу? Положение обострялось на глазах.

Кони… солдаты с обнаженными мечами… трупы, лежащие по обочинам… трудно сказать, чьи они люди — Каролина или Ракхела… главное то, что они мирные жители…

Что это?! Конный отряд с копьями наперевес, развернувшись, лавой тек в их сторону. Сюда, где развевалось голубое с серебряной сосной знамя Каролина?

«Солнечный, спасай короля!..» Какой-то частью сознания она уловила, что и ее конь перешел в резвый галоп, вслед за вороным. Все это она видела сверху — небольшая группа всадников, удирающая под напором отряда вражеской конницы.

И в этот момент полыхнуло!.. Казалось, вспыхнул воздух, все вокруг мгновенно пропиталось отвратительным зловонием. Люди и кони кричали так, что Ромили, все еще находящаяся на связи с птицей, содрогнулась. Но голову не потеряла — наоборот, еще более укрепилась в стремлении довести разведку до конца. Это в настоящую секунду было необходимо. Король ее глазами наблюдал за ходом так неожиданно начавшейся битвы. Вид с высоты давал ему решающее преимущество, тем более что Лиондри явно поспешил с началом сражения — большая часть его армии еще оставалась на противоположной стороне речки, а наведенный мост был слишком узок, чтобы обеспечить скорую переправу главных сил. Ему бы часок выждать, тогда бы он сумел нанести смертельный удар. Но и теперь положение было критическое. С помощью конницы и клингфайра враг мог разметать застигнутые врасплох войска Каролина. К радости Ромили,

она нигде не заметила признаков паники. Конница уже была выстроена и разворачивалась, чтобы ударить во фланг наступающим, прижать к скалам, к каскаду водопадов…

Каролин ни на секунду не выпускал из рук управление боем. Первый же натиск всадников под синими вымпелами смял вражескую конницу — тут бы их и добить. Но вновь полыхнуло так, что Ромили на мгновение ослепла. Липучий огонь коснулся края массы всадников, но и этого хватило, чтобы смешались ряды, кони в ужасе разбежались в разные стороны.

После первой стычки войска начали маневрировать, пехота занимала позиции, разворачивалась в боевой порядок. Наконец Ракхел и Лиондри отступили, надежно прикрыв пехотой и, по-видимому, клингфайром мост.

Ромили поддерживала связь с птицей, и все маневры ее конь совершал под управлением Руйвена — брат тянул его за уздечку. Сейчас, когда битва стихла и птица вернулась к ней на запястье, она вновь пришла в себя…

Теперь девушка могла оглядеть поле битвы.

«Мертвые кони… Вон тех семерых я сама объезжала, сама учила брать с места в галоп… Теперь они убиты, погублены… Боже, это Клеа! Это она,

веселая, добрая Клеа, с ней было так приятно… Она мечтала о том, чтобы судьба наградила ее легкой смертью, вот и вымолила награду. Кровь не видна на малиновой рубахе сестры-меченосицы… Она умерла на руках у Яндрии. Был человек — и нет человека. Ничего нет — ни надежд, ни стремлений, ни страха, ни радости… Все ушло в небытие».

В лагере царили уныние и печаль — слишком много потерь для первого боя. Молча, с угрюмыми лицами солдаты хоронили погибших. Кое-кто ходил по полю и добивал умирающих лошадей — какое-никакое, а все же милосердие… Руйвен со знахарями перевязывали раненых. Ромили, от испытанного ужаса неспособная и слова вымолвить, ухаживала за его подмастерьем, которому крепко ожгло руку клингфайром. Теперь, разбираясь во впечатлениях, она припомнила, что это зелье падало с небес. Разбрызгивалось наподобие дождя… Потом занялась единственной сторожевой птицей. Кормила ее и плакала — две другие жердочки были пусты. Давала падаль, перетертую с песком, галькой, и заливалась слезами — вон сколько теперь для нее пищи. На охоту ходить не надо. Корми хоть человечиной, хоть кониной. Остаться на ночь в палатке, которую

она делила с леди Маурой? Это было невыносимо, и она отправилась к сестрам. Их палатка была разбита на краю лагеря. Хорошо, что хотя бы лагерь удалось отстоять!..

У сестер стояла гнетущая тишина — слезы здесь старались скрывать. Молча помянули Клеа — Ромили про себя вспомнила и о погибших конях, — потом все-таки несколько разговорились, поведали, как было. Яндрия вынесла Клеа с поля боя, у нее на руках она и умерла…

Кто-то тихо окликнул Ромили:

— Сестра, ты, случаем, не ранена?

— Нет, — едва ворочая языком, ответила девушка. Сил у нее уже не оставалось — слишком много смертей довелось ей сегодня увидеть. Сразу-то нельзя было испугаться, всплакнуть — надо было работать, и теперь этот ком буквально придавил ее. Каждая жилочка ее гнулась под этой тяжестью, однако Ромили была уверена — это испытание она тоже вынесет. Сдюжит! Чай, не кисейная барышня… Трудно, но выправится!..

«Обладаешь даром целительницы?»

Кто это все пытал ее? Ромили хотела было поинтересоваться, почему этой любопытствующей сестре больше всех надо, и возблагодарила Бога, что вовремя прикусила язычок. Зеленая все-таки

она еще, осудила себя Ромили, послушай, что люди говорят. Ей и сказали, чтобы брала лопату и отправлялась копать могилу для Клеа.

— Меченосица не может лежать среди солдат, — объяснили ей. — Что в жизни, то и в смерти. Лежать они должны отдельно.

Ромили обиженно подумала, что Клеа теперь наплевать, где и с кем ее положат. И опять укорила себя: какая же ты глупая. Это мертвым все равно, а живым нет. Да и мертвым, если честно, тоже. Каково бессмертной душе Клеа взирать на эту братскую сырую постель? Что уж тут хорошего.

Ах, Клеа, Клеа!.. Как искусна она была в обращении с оружием! Скольких сестер обучила искусству обороны, однако против смерти не устояла. Та безжалостно овладела ею, и теперь, вглядываясь в черты ее посеревшего, холодного лица, Ромили не могла избавиться от ощущения, что Клеа до сих пор не может понять, как же это произошло. Так и стыло едва заметное изумление в чуть вскинутых бровях… Просто не верилось, что она никогда не засмеется, не покажет, как надо проводить захват, не поинтересуется, все ли в порядке у ученицы. Ромили вздохнула и, так и не решив этой загадки, выбрала лопату по-

легче и отправилась с другими сестрами копать могилу. Занятие нудное, всегда вызывавшее у нее неприязнь, но в ту минуту надо было чем-то заняться, как-то отвлечься, натрудить руки и тело — может, схлынет побыстрее до сих пор стоящее в глазах наваждение: трупы, отрубленные конечности, кровь, окрасившая траву и впитавшаяся в землю… Может, стихнет неумолчный в ушах гул, сотканный из предсмертного ржания коней, воплей умирающих, матерных выкриков, посвиста мечей и глухих шлепков, когда сталь врезалась в плоть… Ранальд учил ее кое-каким упражнениям, позволявшим снять психологическую нагрузку, однако на этот раз ничего у нее не получалось. Слишком много всего навалилось. Слишком много…

Скоро наступила ночь, покрыла пологом землю. Уже в сумерках, после похорон Клеа, она побрела в ту сторону, где лежали ее кони. Погибшие… Уже начинали слетаться стервятники, одного она спугнула — тот, недовольно квохтнув, взлетел в небо. Следом на тушу коня плюхнулся другой поедатель падали. Потом они полетели десятками, сотнями… Пир начался!.. Птицы рвали друг у друга куски мяса — прямо из клювов выхватывали… Ромили бросило в дрожь: гибель

людей — радость для стервятников. Пир горой…

Тут ею овладело нестерпимое чувство голода. В этом заключалась ирония. Может, подобный круговорот является сердцевиной жизни?

Подошла Яндрия и увела ее — неназойливо, ласково — в палатку. Все сестры ухаживали за тремя ранеными женщинами. Одной из них клингфайр опалил руку, другая получила мечом по голове — она была без сознания. Третья сломала ногу, свалившись с шарахнувшейся лошади. Все бы ничего, но попавшая под липучий огонь лошадь упала на нее. Тоже судьба, задумалась Ромили, не упади она с коня, не придави он ее своей тяжестью, вряд ли бы она осталась жива.

Поражение заметно отразилось на психологическом состоянии армии. Все ходили погруженные в себя, даже опытные солдаты и сестры. В лагере копилась ненависть — возможно, к врагу, но пока она выливалась на своих. Каждый невольно, бессознательно искал виноватого, и до той поры, пока все не убедятся, что во всем виноваты только они сами, до того момента войско представляет собой сборище озлобленных, потерявших веру людей. Опытный командир знает, что этот этап неизбежен и нужны жесткие меры, вплоть до приговоров военно-полевых судов,

но главное — не дать разгуляться злобе, безрассудной, неистовой. Не дать победить страху и отчаянию — а-а, все пропало, все равно крышка! Вот и Яндрия на явно вызывающий вопрос одной из раненых, что здесь делает эта Ромили, ведь она целехонька, шла бы лучше помогать хоронить подругу, спокойно ответила:

— Она тоже пострадала, и ей тоже очень тяжело.

Яндрия знала, что еще немного — то ли вечером, у костров, когда плеснут страсти; может, к утру, — и осознание собственной вины и связанного с ней стыда, ясное понимание, что если и завтра в бою он поведет себя так же, тогда действительно всем крышка, овладеет массой, и тогда армия превратится в непобедимую, всесокрушающую силу. Тогда эти небритые мужланы, эти потерявшие женственность сестры наведут такой ужас на врага, что только держись. Ого-го — мы еще повоюем, мы еще им покажем. И искра здоровой уверенности в своих силах, ощущение, что еще чуть-чуть, и армия победит, вдохновляли Яндрию.

Но все эти чувства, надежды не следовало торопить — нужно работать с каждой живой душой, которой завтра придется заглянуть в лицо

смерти…

Она оттащила Ромили в угол, усадила, положила ее головку к себе на плечо и принялась баюкать, поглаживать по волосам. Девушка не отзывалась, она даже не чувствовала прикосновений — картины человеческой смерти стояли перед глазами. Они навевали такую тоску, такое одиночество…

Незаметно она провалилась в глубокий, беспросветный колодец — можно ли назвать его сном? — где увидела Клеа. Та, посмеиваясь, скакала на одном из погибших коней, и Благоразумие сидела у нее на луке седла… Но скакали они так далеко, что догнать их не было никакой возможности, тем более что брела Ромили пешая, по колено в каком-то непонятном кровавом сиропе. Никогда ей не догнать их… Никогда, никогда…

Сквозь забытье до нее долетел чей-то голос. Знакомый, но кому он принадлежал, догадаться Ромили не могла. А надо бы…

«Она никогда не сможет защититься от этого. Ну что я могу поделать? На этот раз попробую поставить барьеры в сознании, но это ненадолго. Ей бы учиться, но она такая дикая и упрямая… Я так боюсь за нее».

Ромили терялась в догадках. И проснуться не

могла. Кто же это говорит? Каролин? Маура?

Кто-то коснулся пальцами ее лба. Неожиданно она очнулась, обвела глазами сероватый матерчатый шатер, нависающий над головой. Опять все вернулось. Она обняла Яндрию и заплакала…

— Клеа мертва… И мои лошади… И птицы…

Яндрия страстно обняла ее, прижала к себе.

— Я знаю, милая. Знаю… Поплачь, хорошая моя, пореви вволю. Нам всем нелегко…

Ромили тронула пальцем щеки Яндрии — та тоже плакала.

Непонятно почему, но эти всхлипы, их общий рев показался ей немного неуместным. Чересчур, что ли…

8

На следующее утро Ромили проснулась от звуков барабанящего по крыше шатра дождя. Она встала, выглянула наружу — низкие лохматые тучи плыли над самой землей. Дождь не прекращался. Поле, где вчера произошел бой, было пустынно, разве что вездесущие стервятники бесцеремонно и бесстрашно кружили над землей и время от времени собирались на чьем-нибудь трупе. Человека или коня — им было все равно.

«А-а, плевать», — равнодушно подумала Ромили. С другой стороны, она трезво решила, что быть похороненной в сырой земле все же лучше, чем если бы ее плоть рвали клювами и над ней бы скандалили эти омерзительные кворебни. Хотя так или иначе, все равно мертвому телу путь один — распасться на простые элементы, стать едой для всякой ползающей, ковыряющей землю твари, напитать корни травы и деревьев. Так свершается круговорот — вышли мы из праха и вернемся в него же, чтобы где-нибудь, когда-нибудь возродиться вновь. «О чем тут горевать?» — спросила себя Ромили.

И зачем? Что ей до ссоры двух властелинов?

Тут в рассуждениях произошла некая заминка — ей припомнилась встреча с Лиондри Хастуром. Теперь она могла точно объяснить, чем поразил ее в тот момент Лиондри. Своей жестокостью!.. Жизнь человека для него ничего не стоила. С другой стороны, не накручивает ли Каролин различные философии, чтобы оправдать неуемное желание власти? Нет, он искренне верил в то, что его долг состоит в защите людей, присягнувших ему. Так оно, по-видимому, и есть…

Каролин чем-то похож на коня… Кони его любят, а это о многом говорит… В то время как Ракхел и Лиондри — вылитые баньши, питающиеся живой плотью. Неожиданно впервые за все время, что она провела в разлуке с Пречиозой, Ромили порадовалась, что ястребица улетела. Они уже не виделись больше года…

«Она тоже питается живой плотью. Я знаю, она так устроена, и я люблю ее, но вынести это не в моих силах. Тем более видеть…»

Ромили оделась, набросила накидку, покрыла голову капюшоном и поспешила к Умеренности. Первым побуждением было — пусть птицей займется Руйвен. Она видеть не могла пустые жердочки, где еще вчера восседали Усердие и Благоразумие. Весь ужас случившегося вновь

ожил на мгновение. И угас… Страдай ни страдай, ее наняли как сокольничью короля, и забота о птицах входит в обязанности. Никто ее не освобождал, а Руйвен? Брат относился к делу без особого интереса, по долгу службы. Он не любил их так, как она.

Умеренность одиноко сидела на жердочке. Съежилась от холода и сырости… Ветер продувал насквозь место, где был устроен насест, и девушка решила перенести птицу в палатку, где жили они с Маурой. Уже несколько дней шатер пустовал. Теперь за Умеренностью нужен глаз да глаз — она единственная сторожевая птица на всю армию. Если она простудится и не сможет летать, войско Каролина ослепнет и оглохнет. Тем более что сегодня ей предстоит не менее напряженная работа, чем вчера. Что бы ни случилось, ее в любом случае поднимут в воздух. Перспектива нерадостная, но какой смысл в этих условиях рассуждать о всеобщем счастье, о единении с животным миром!.. Отдадут приказ — и полетишь как миленькая, пророчила ей Ромили. Потому что ты военное имущество! Приспособление для разведки. И я тоже… Так что нечего ежиться, лезь в палатку греться…

Опять на ум пришел Лиондри — что он там ду-

мал, над чем размышлял? А-а, ему-де не хочется быть палачом Ракхела. «Скажи Яндрии, — наказал он ей, — что я вовсе не чудовище, каким она меня считает». Ну, миленький, возмутилась Ромили, раньше надо было думать. Тоже небось рассчитывал поживиться от трона. Все власти мало? Так что теперь, дорогуша, поздно в благородных играть.

Вот загадка. Они же с Каролином родные братья, как же могут быть так не похожи?..

За матерчатой стенкой шатра послышались чьи-то шаги. Ромили повернулась и увидела в прогале входа знакомое лицо.

— Дом Алдерик! — воскликнула она, но прежде, чем он удивленно глянул на нее и что-то сообразил, на него накинулся и заключил в объятия Руйвен.

— Бреду! Я должен был догадаться, что первым делом ты поспешишь сюда! Как только появишься в лагере, сразу ко мне… Молодец!..

Алдерик Кастамир удивленно тряхнул головой и растерянно улыбнулся. Потом сказал:

— Ты знаешь, я только что из «Соколиной лужайки». Твой отец позволил мне отправиться к армии, однако сколько мне пришлось его уговаривать! Ты слыхал — Дарен вернулся в

монастырь?

Руйвен пожал плечами.

— Я в общем-то рад за него. Я скинул ему на плечи такую обузу, как наследственную вотчину. Надеялся, что, когда меня не будет рядом, отцу станет ясно, что ему это бремя не по плечу…

— Естественно, — откликнулся Алдерик. — Дарен не испытывал особой привязанности ни к лошадям, ни к собакам, ни к ястребам. И дар Макаранов ему не достался. Он вовсе не виноват в этом. Так же как ты не виноват в том, что ты есть, бреду. Умение Дарена в другом, и в конце концов отец согласился отправить его в Неварсин заканчивать курс. В один прекрасный день он станет управляющим у Раэля — я уже начал обучать мальчика искусству обращения с конями и ястребами.

— Маленький Раэль! — изумилась Ромили. — Когда я оставила «Соколиную лужайку», он еще сидел на коленях у Люсьелы. Вот так дела! Я знала, я верила — у него должен был проявиться дар Макаранов. Слава Богу, что Дарен нашел свое место, как и я свое.

Алдерик повернулся к ней и протянул девушке руку:

— Госпожа Ромили…

Та поправила его:

— Меченосица Ромили… Догадываюсь, что бы сказал отец, узнав об этом…

— Роми, твой отец любит тебя, — глянув ей прямо в глаза, ответил Алдерик. — Правда, Макаран и мачеха считают, что тебя нет в живых. Могу я попросить разрешения — как ваш друг и их тоже, твой отец всегда был очень добр ко мне — послать им весточку, что ты жива?

Она усмехнулась:

— Нет уж, не надо. Мне кажется, отец, узнав, что я зарабатываю хлеб мечом и вступила в Орден, решит, что лучше бы я умерла.

— Не стал бы я спешить с подобным выводом. С тех пор как ты сбежала из замка, он сильно изменился. Не могу сказать, что он на все махнул рукой — голову он по-прежнему держит высоко, — но, например, Дарена он отпустил. Если бы ты знала, как тот был счастлив!.. Нельзя быть такой бессердечной! Неужели ты засохла душой до того, что забыла — ведь ты была его любимым ребенком. Он любил тебя больше других.

— Знаю. — Ромили опустила глаза. Голос ее дрогнул. — Надо же, отпустил Дарена… Никогда бы не подумала, что он способен так круто измениться. Я плохая дочь… Слишком грубая,

нечуткая. Гордыня меня гнетет… Но если мы выберемся живыми из этой заварушки — Хранитель Разума, обереги меня! — задыхаясь, воскликнула она, — я обязательно поеду в «Соколиную лужайку» и вымолю у него прощение. И буду просить, чтобы он, пока не поздно, отпустил Раэля в Башню. Пусть мальчик подучится… Если мне придется вытерпеть всяческие унижения, пусть будет так…

— А ты сама, Ромили? — спросил Алдерик. — Он так горевал по тебе, что сдал буквально на глазах. Если бы ты только могла видеть его…

Девушка поморгала и слизнула скатившуюся слезу. Сердце ее готово было разорваться на части от одной только мысли, что отец так постарел из-за нее. Все же заявила:

— Пусть лучше он считает меня умершей, чем узнает, что дочь опозорила его — надела вот эти серьги. — И она указала на знаки Ордена, что были вдеты в мочки.

Алдерик пожал плечами.

— Не буду настаивать, но, может, тебе интересно будет узнать, что на Праздник середины зимы Мэйлина вышла замуж за дома Гариса.

— Мэйлина? Моя меньшая сестричка?! За этого… отвратительного развратника?.. — вос-

кликнула Ромили. — А ты еще уверял, что он изменился!

— Опять ты начинаешь осуждать не разобравшись, — предостерег ее Алдерик. — Гарис безумно влюбился в нее, и, судя по всему, она тоже. Перед самой свадьбой она мне призналась, что Гарису так плохо, он такой несчастный, одинокий. Она сказала, что ей так жалко бедного парня; и все свои безумства он совершал от отчаяния. А теперь, когда он нашел ту, которая будет любить его, заботиться о нем, Гарис совершенно изменился. Ты бы только посмотрела на них.

— Упаси Боже! — Ромили даже потрясла головой. — Если он сделал Мэйлину счастливой… Действительно, лучше ее, чем меня… — Она вообразить не могла, что кто-то способен стерпеть ласки этого мужчины, но Мэйлина всегда отличалась некоторой глупостью, может, ему такая и была нужна, вот они и спелись. В любом случае он нашел себе такую жену, какую хотел.

Руйвен наконец вступил в разговор:

— Ты с такой страстью расписывал нам нашего отца, а своего ты уже успел повидать?

Алдерик нахмурился.

— Он не очень-то ищет мою компанию. Видите ли, мое лицо напоминает материнское…

Ромили вспомнила все свои романтические мечты, обуревавшие ее в «Соколиной лужайке». Конечно, Алдерик — сын Каролина! Значит, законный наследник всех земель…

Она поклонилась ему и предложила:

— Ваше высочество, позвольте проводить вас к вашему отцу.

Алдерик удивленно уставился на нее и рассмеялся:

— Ромили, Ромили! Мой маленький друг, ты что, всерьез решила, что я наследный принц? Ты ошибаешься! Сыновья Каролина находятся сейчас в безопасном месте, у Хастуров, в Каркосе. К тому же я слышал, что Каролин влюбился в некую лерони из Трамонтаны. — Он улыбнулся и сказал: — Слухи уже носятся по всей стране…

— И домна Маура обещала выйти за него замуж, если Совет даст разрешение, — угрюмо подхватил Руйвен. — При условии, что все мы останемся целы во время войны. Ракхел применил клингфайр. Мы начали контратаку, но он вылил на нас огонь… Только Хранитель Разума знает, какую новую напасть, выдуманную его колдунами, он применит в следующий раз! Так что поспеши обнять отца, Дерик, а то, может, будет поздно. Теперь уже вопрос стоит: или — или. Ну, так дешево

мы свои жизни не отдадим. Помолимся, разберем мечи — и с Богом. — Лицо его ожесточилось, окаменело, потом он неожиданно улыбнулся. — Так что не вовремя ты приехал. Что ты здесь сможешь найти — так это отчаянную заварушку.

— Не так уж плохо! — тоже засмеялся Алдерик. — Неужели все так мрачно?

Руйвен кивнул, потом ответил:

— Мы попали в самое пекло. В наше время мир — большая редкость… Кстати, Каролин нуждается во всех лерони, которых только может собрать.

Тут в разговор вмешалась Ромили:

— Послушайте, если вы не сын короля, то…

Алдерик тихо ответил:

— Моего отца зовут Орейн, он сводный брат Каролина. Я был воспитан при дворе.

Ромили порывисто схватила его за руку. Как же она не догадалась? Он же сам рассказывал, что отец не может спокойно смотреть на него. Лица сына не выносит. Каролин, даже вступая в ненужный, вредный с точки зрения передачи наследства, брак все равно будет нежен и верен той женщине. Другое дело Орейн — он сам признавался, что, недолго пожив с супругой, больше не выносит женщин. Оказывается, и дети от подобных браков тоже страдают с детства. Им

достается больше всего… Как это можно вырасти и не испытать отцовской любви!..

— Я теперь королевская сокольничья… — ни с того ни с сего брякнула она. — Сегодня этой птичке, — она кивком указала на нахохлившуюся Умеренность, — предстоит много поработать. Будет атака, не будет — мы должны быть готовы. Ваш отец, лорд Алдерик, без сомнения, находится возле короля…

— Конечно, — усмехнулся гость. — Он от него никогда не отходит. Когда я был помоложе, я буквально ненавидел его за это. Меня всегда возмущало — ну почему он куда больше внимания уделял королевским сынкам, даже маленькому мальчику, отпрыску Лиондри Хастура, чем мне! Видела бы ты, как он с ними возился… Он в общем-то любит детей, но мне не перепадало ни капельки. — Алдерик пожал плечами и усмехнулся. — Как было, так и будет — любовь нельзя внушить в приказном порядке. Даже к собственному сыну… Тем более если личиком он вышел в мать… До сих пор не могу понять, какая кошка пробежала между ними?.. Когда стал постарше, кое-что почувствовал. Отец сам мучился оттого, что каждая встреча со мной вызывала в памяти самый мрачный период его жизни. По-

чувствовать-то почувствовал, а сердце не может простить. Я свой сыновний долг выполняю честно, никогда не пренебрегал им, но не более того… Родственные узы с королем иногда мне кажутся чем-то вроде хитрой, замысловатой игры, которую боги ведут с людьми. Накрепко привязывают нас к тем, кого мы не любим, мы верим, что в конце концов сможем примириться с ними, даже испытать тень дружбы. Но дружба — это дар. Твой отец в полной мере одарил им меня, он мне был как приемный отец. Мы как-то не обращали внимания на эту войну… А ты не хочешь послать ему весточку… Ну ладно, ладно, — Алдерик взял ее за руку, — не надо было этого говорить. Но мне казалось, я был обязан все выложить…

Ромили даже не взглянула на него — взор ее был обращен на ближние холмы, над которыми, уже опорожнившиеся, проплывали лохматые тучи. Дождь стих, но погода не улучшалась, по-прежнему над полем носился ветер, шевелил воду в речке, оглаживал травы, сносил отяжелевших, грузно взмахивающих крыльями, набирающих высоту стервятников…

Было время, когда она охотно вышла бы замуж за этого человека. Сколько воды утекло с той поры! Она успела влюбиться в самого Орейна,

едва не отдалась ему. Пусть он и не захотел взять ее… Теперь Ранальд… То, что произошло с ними, трудно было назвать дорогой к браку — высокородному лорду с равнины не пристало брать в жены девчонку с гор, к тому же еще и меченосицу. Она в общем-то и не собиралась выходить за него замуж, даже если бы он и предложил, но по здравом размышлении девушка пришла к выводу, что подобное предложение вряд ли поступит. Они доставили радость друг другу — точнее, их тела, но все произошло в необычных условиях; она бы отдалась в ту ночь любому мужчине, лишь бы он хотя бы чуточку нравился ей. Тогда она никак не могла совладать с собой — это было похоже на безумие, они буквально накинулись друг на друга. Однако их мало что связывало. Если Алдерик узнает, что она уже не девственница, захочет ли он ее?

— Я откликнусь, лорд Алдерик, — наконец ответила Ромили. — Обязательно напишу домой. Когда война закончится…

— Зови меня Дериком, как твои братья, — прервал он ее. — Мы с Руйвеном — бредины, и с Дареном мы дружим. Выходит, я просто обязан защищать тебя как брат. А может, и больше…

— Я же меченосица, Дерик, и не нуждаюсь в

мужской опеке, но твоей дружбе я очень рада. Это началось еще в «Соколиной лужайке»… Что же касается того, что больше дружбы… — Ее голос задрожал. — Нам не следует даже разговор заводить на эту тему. Пока идет война…

— Я очень благодарен тебе, Ромили, за честный ответ. И ясный… Мне не по душе женщины, которым застит глаза мой титул, положение моего отца, являющегося главным советником и другом короля. Мой отец вынужден был жениться, так как старому королю взбрело в голову, что сводный брат его сына должен обладать некоторым весом при дворе. Поскольку он был рожден от простой женщины, то положение могла выправить только женитьба на какой-нибудь знатной особе. Родители с первого же взгляда возненавидели друг друга, я не могу понять почему, ведь и мать, и отец — хорошие люди, могли бы как-нибудь договориться; вот они и нашли общий язык. В ненависти… Ладно, о чем это я? Ах да, сама догадываешься, какое мне выпало детство. Этого я страшусь больше всего — не дай Бог, если мои дети попадут в те же жернова. Никому бы я не хотел подобной судьбы, и в первую очередь своим детям. Тем более когда мне выпала удача познакомиться с вашей семьей. Там тоже все

не просто, но вы, Макараны, любите друг друга. Эта ноша тяжела — может, не менее трудна, чем ненависть; пылкой любовью можно кого угодно задавить или вогнать в гроб. Однако плоды подобных отношений намного слаще. И прочнее… Поверишь, но я давным-давно дал клятву, что женюсь непременно только на той женщине, с которой мы подружимся. С которой мне будет интересно, и ей тоже… Напиши отцу, Ромили…

Их глаза встретились, неожиданно девушка заплакала…

— Мы можем и подождать, меченосица… Сможем?..

Она кивнула, наконец справилась со слезами и предложила — так, наобум. Первое, что пришло в голову:

— Пойдем проведаем твоего отца…

Однако далеко ходить не пришлось — Орейн сам подошел к ним.

— Госпожа Ромили, срочно потребовалась ваша птица… — Тут он неожиданно остановился и недоуменно моргнул, разглядев, кто стоит рядом с девушкой.

— Отец, — дрогнувшим голосом сказал Алдерик и поклонился.

Орейн торопливо обнял его — весьма холодно

и формально, чем привел в удивление Ромили. Он был душевным, добрым человеком. Орейн заявил:

— Я не знал, что ты уже приехал, сынок. Ты слышал, что он обрушил на нас липучий огонь?

— Да, как только добрался до лагеря, отец. Я рад предложить использовать все, что я умею. Мой ларан невелик, и все-таки. Но, сэр, прежде всего мне бы хотелось повидаться с вами.

Орейн подумал и сухо выдавил из себя:

— Благодарю, сын, за то, что ты готов помочь — об остальном после… Королевские маги собрались там. — Он торопливо ткнул пальцем в направлении королевского шатра. — Госпожа Ромили, хватайте птицу — крайне важно знать, сколько у нас времени до начала атаки Ракхела.

— Мы что, сами пойдем в атаку? — удивился Алдерик.

Орейн поджал губы, взгляд его ожесточился.

— Только для того, чтобы вырваться из этой ловушки. Создадим видимость, а сами марш-марш отсюда… Нам нужна свобода маневра, а где здесь развернуться? Стоит отрезать нас от холмов и прижать к реке, нам крышка. Сожжет, подлец, клингфайром. Поэтому нам нет смысла и в леса залезать — он всю округу выжжет. Отсюда и до

Нескьи…

Ромили глянула в сторону шатра Каролина, она увидела, что лагерь в спешном порядке свертывается. Шатер уже собрали, и два гвардейца спустили голубое с серебряной сосной знамя.

Алдерик тоже обвел взглядом пойму, потом посмотрел на Ромили, сказал:

— Мне пора. Береги себя, Ромили… — и ушел.

Девушка торопливо принялась за дело — оседлала коня, пересадила Умеренность на седло, приказала помощнику Руйвена свернуть пожитки, убрать шатер Мауры и сложить в повозку. Ей все-таки не верилось — неужели Ракхел окончательно свихнулся и готов пожечь собственную страну? Неужели он и на эти благодатные леса метнет огненные стрелы? Чему удивляться? Это полностью в характере грязного, якобы разумного существа, называемого Ракхелом. Нет, с ним пора кончать — так или иначе, но на негодяя, объявившего себя королем, необходимо набросить узду. Подспудное возмущение само собой вылилось в холодную, расчетливую ярость — прежде всего на самое себя, на те слюнтяйские капризы по поводу гибели птиц. Да, их жалко, она всегда будет помнить о них, а всех лесных тварей ей не жалко? Ведь там, возможно, обосновалась

Пречиоза! Ну погоди, мерзавец…

Опять начал накрапывать дождь. Умеренность неохотно развернула крылья, этак лениво помахала ими, но на этот раз Ромили не испытывала колебаний — она решительно послала сторожевую птицу в небо. Заставила лететь чуть ниже облаков, касаясь грязно-серых лохм, протянувшихся к земле.

Стервятник неспешно, постепенно расширял круги, так что король мог сразу окинуть взглядом армию Ракхела, которая тоже выступила из лагеря… Тут ее взволновала картина, мелькнувшая на краю сознания: не только Каролин, но и все собравшиеся вокруг него лерони — мужчины и женщины — следили за перемещениями вражеского войска. И Ромили с внезапной гордостью ощутила себя одной из них. Словно в том и состояло ее предназначение, словно это место в строю королевских магов и было уготовано ей судьбой.

«Пусть я еще меченосица, но какая радость, что мне не придется взяться за клинок! Какое облегчение для души… Если бы возникла необходимость, я бы, конечно, тоже бросилась в схватку, но я не желаю убивать!.. Мое искусство, мой удел в другом… Однако и забывать о тех, кому сегодня, возможно, предстоит лишиться жизни, тоже не

дело, поэтому свой долг я исполню до конца…»

Ромили усмехнулась. Зачем лукавить? Она тоже являлась винтиком в этой масштабной, многоликой машине убийства, тем более что, по-видимому, именно глаза сторожевой птицы наводят на цель и там, куда они глянут, начинает литься кровь. И она в этом участвует — ее место в строю как раз между леди Маурой и Ранальдом. Все мы одной веревочкой повязаны…

«Каково сейчас Яндрии с оружием в руках выступить против Лиондри? Знать, что ты несешь ему смерть… Он должен погибнуть, не от ее меча, так от чьего-нибудь еще».

Вот что странно, Ромили не могла быть уверена — ее ли это мысли или леди Мауры, а может, и самого Орейна. Их сознания так слились, настолько усердно и плотно отдались работе, что случайные мысли могли принадлежать кому угодно из тесной группки лерони, собравшихся вокруг Каролина. Среди них был и Алдерик — вот бы его мысли уловить. В следующее мгновение она увидела — так, чуть сбоку — всплывшую из глубины картину: Алдерик приветствует Яндрию и обращается к ней: «Тетя…» Тут уж мелькнула до глупости радостная мысль, что если она выйдет замуж за Алдерика, то они с Яндрией станут

родственницами.

«Но мы же поклялись в верности Ордену. И к чему мне становиться ее родственницей? Алдерик что сказал? Только дружба — дар богов…»

…Тут Ромили заметила, как Маура бросила на нее недовольный взгляд, и девушка тотчас вновь включилась в работу, глянула на землю глазами птицы, которая по-прежнему без отдыха кружила над равниной. Что же там творится?

Армия Ракхела на этот раз на удивление быстро и организованно переправилась на другой берег речки и теперь полным ходом шла к опушке леса, покрытой клочьями тумана. Эта новость была тут же передана Каролину, и спустя мгновение Ромили четко уловила раздумья короля:

«Итак, он собирается прикрыться лесом; правильно, под сенью деревьев птица сможет и не разглядеть очередной маневр. Знает, подлец, что я дал слово не использовать не только клингфайр, но и огненные стрелы. Очень не хочется поджигать лес, смолистые стволы даже в эту погоду вспыхнут как спички… Каким-то образом нам надо задержать Ракхела прежде, чем он доберется до зарослей, оттуда его уже не выковырять. Как бы принудить его вступить в битву по моему выбору? Не по его… — Тут Ромили услышала его

команду, обращенную к Солнечному: — Вперед, вороной...»

Каким-то боковым взором она увидела, как король поворотил жеребца. Ее коня вел в поводу Ранальд, так что она могла полностью отдаться работе. К этому моменту дождь прекратился, и резкий, необычно кровавый солнечный свет пробился сквозь разрывы в облаках. Ромили принудила Умеренность спуститься пониже, до самой рискованной высоты, на расстояние полета стрел.

Армия Ракхела разделилась? Не может быть! Тогда что же это за отряд — довольно многочисленный, — отваливший в сторону и изо всех сил удирающий в направлении Нескьи? Ничего нельзя понять. После первого, так удачно закончившегося для них дня солдаты Ракхела решили оставить его?.. Тут же она уловила мысль Каролина:

«Так, эти смываются — видимо, разобрались, с кем имеют дело... Хороший признак! С желанием сражаться до конца у них не все ладно. Собственно, за что им воевать, за что класть животы свои? Ракхел уже показал, как он способен «наградить» за верную службу».

Тем не менее сил у узурпатора еще достаточно,

однако было ясно, что единства в его армии уже нет. Таких солдат в атаку не поведешь — значит, следует занять оборону и постараться обескровить противника. Ракхел так и поступил — не доходя до опушки, его войска заняли невысокий холм, крутыми скатами обращенный в сторону Каролина. Это была стратегически выгодная позиция, которая к тому же давала возможность и маневра, и отхода в лес. Штурмовать холм в лоб было верной гибелью; попытаться обойти с флангов — значило поставить себя под удар. Время работало на Ракхела — он сколько угодно мог оставаться на этой позиции, а Каролину нельзя было ждать. Останешься на ночь в чистом поле — сожгут липучим огнем…

Нельзя было медлить, тем более спешить, и все равно должен был существовать какой-нибудь тактический ход, с помощью которого Ракхела можно было бы выманить из укрытия.

Алдерик подскакал к отцу и что-то начал страстно доказывать ему. Тот слушал сына, потом, так и не выслушав до конца, подъехал к Каролину.

— С вашего разрешения, сир! Мой сын предложил одну забавную штуку…

Ромили, краем сознания следившая за своими спутниками, напряглась…

— Что, если нам использовать старую как мир уловку — ею часто увлекаются в горах. У нас достаточно лерони, чтобы добиться успеха. Позвольте мне взять два-три десятка людей — вместе с лерони, чтобы создать иллюзию, что нас во много раз больше. Мы начнем огибать его левый фланг — он не выдержит, ударит. Тут вы его и прижмете. Сир, взгляните на местность — мы начинаем движение вдоль вон той балки…

Каролин, размышлявший некоторое время, прервал его:

— Ясно, Орейн. А что, это может сработать… Нервишки у них того. Ракхелу как воздух нужен хотя бы малюсенький успех. Обороняться с такими людьми можно, воевать — нельзя.

Орейн хмыкнул.

— Да, но у него немало отъявленных негодяев, у которых руки по локоть в крови. Этим терять нечего. Этих бы… в капусту…

— Я не могу рисковать лерони, большинство из них никогда не держали в руках оружия.

Ранальд Риденоу выехал вперед.

— Ваше величество, мой ларан, так же как и мой меч, всегда верно служил вам. Позвольте мне возглавить группу.

— Давай! Собери своих людей. Постой, а хватит

у тебя сил, чтобы воспроизвести полноценную иллюзию? Надо взять всех лерони.

— Нам поможет госпожа Ромили, — ответил Ранальд. — Другого выхода нет.

Орейн засомневался:

— Стоит ли брать на такое дело женщину?

— А выбор у нас есть? — спросил Ранальд, однако Ромили, на мгновение оторвавшись от сознания птицы и полностью овладев своим разумом, перехватила у Риденоу поводья и решительно заявила:

— Лорд Орейн! Я — меченосица!.. И в эту минуту я должна быть рядом с братом.

Руйвен слова не вымолвил, однако Ромили почувствовала волну благодарности, хлынувшую из его головы: «Хорошо сказано, сестричка…» Тут же ее обдало трепещущей мыслью Алдерика. Что-то подобное она испытала в тот день, когда они встретились на ярмарке возле «Соколиной лужайки» в разгар Праздника середины лета.

«Пусть только кончится эта война! Никогда больше не поеду на охоту, теперь-то я знаю, что чувствует зверь…»

«О, это мысли Орейна, это его стиль… Как это близко к тому, что я сама испытываю!» В который раз Ромили с горечью подумала о том неодоли-

мом расстоянии, которое отделяло ее от Орейна. «Все-таки у нас столько общего, мы так похожи!»

Что поделаешь — так устроен мир, и Орейн какой он есть, таким и останется. Его не переделаешь… Усилием воли она вновь связалась со сторожевой птицей — теперь Ранальд наблюдал посредством ее мозга за всем, что делалось в лагере Ракхела. Прочь глупые пустые мысли, нашла время, когда взгрустнуть об Орейне или Алдерике.

По периметру позиций Ракхела стояли отряды конницы, ближе к центру — пехота и в самом центре — дурно пахнущие огромные фуры, в которых и хранился клингфайр. Оборона была выстроена по всем направлениям — там, где склон был полог, его спешно подкапывали саперы. Линия редутов вычерчивалась буквально на глазах…

Теперь и Ромили стало ясно, что выкурить врага на открытое место атакой невозможно. Предложение Алдерика, как бы оно ни было скороспело и наивно, давало единственную возможность выманить главные силы Ракхела в поле. «Ах, как было бы хорошо, если бы тот поддался на эту уловку! В этом случае он не смог бы применить липучий огонь. Не по своим же пулять?!»

Между тем Алдерик и Ранальд уже скакали во главе небольшого — числом не более двух десятков — отряда, следом за ними — Руйвен…

Тут ее словно ошпарило — она видит их всех в последний раз! Боже, они же смертники!.. Как же так, за что? Впервые ей стало ясно, что солдаты Ракхела, обрушившись на всадников Каролина и обнаружив, что тех всего горстка, изрубят их. В капусту!..

Было поздно… «Надо взять себя в руки, попытаться защитить их, сделать все, что можно… Что можно? Как успеть?..»

Между тем группа всадников, прикрываясь туманом, подобралась к подножию холма. Потом они скопились в неглубокой лощине… Пелена тумана растекалась прямо на глазах, но что это? Огонь? Зыбкое зарево двинулось вверх по склону, змейками поползли по траве языки голубого пламени, а в нем, набирая скорость, вытаптывая траву, с криками и воплями пошла бессчетная масса всадников… Чьи солдаты? Батюшки, это же воины Ракхела! Недоумение отразилось на лице Ромили, еще большее смятение обнаружилось в рядах вражеской армии. Что-то знакомое было в этом исступленном набеге конницы, и вдруг девушка догадалась — нечто подобное она уже

видела. Только что! Эти всадники… Это та часть войска Ракхела, которая дезертировала! Удиравшая во всю мочь конница, словно отразившись в гигантском зеркале, неслась на свои же позиции. Теперь она со всем пылом вкупе со все расширяющимся, плодящим новые очаги огнем штурмовала вершину холма.

Некоторое время солдаты Ракхела твердо стояли на позициях. Для начала они осыпали подступающего противника дождем стрел, но они все канули в смердящем удивительном крошеве огня и влаги. А стена огня между тем неумолимо наползала на них…

«Поддержите нас! Именем Господа, все, кто обладает лараном, дайте нам свою силу. Помогите удержать иллюзию…»

Дышавшее смертью облако внезапно начало делиться, слоиться, и в прогалах можно было видеть атакующие ряды. Но кто шел на штурм — неясные гигантские фигуры, скелеты, скачущие на костяных остовах коней, — все они источали пламя, изрыгали гибель…

До Ромили, следившей за разворачивающимся сражением глазами сторожевой птицы, донесся исступленный призыв: «Стойте непоколебимо! Смелее, смелее!» Однако гибнуть за Ракхела,

грудью встретить наваливающийся ужас охотников оказалось немного, и когда прозвучал рев боевой трубы и раздался приказ контратаковать врага, немногие отряды выполнили его. Это была роковая ошибка, и Ромили сразу почувствовала, с каким облегчением вздохнул король. Как он и предсказывал, все решила выдержка, боевой дух. Стоило частям Ракхела смело дождаться приближения этого облака, и, возможно, чары бы рассеялись; теперь же, когда солдаты должны были броситься вперед (на явную гибель — так подсказывало зрение), многие побежали назад, в рядах занявшей вершину холма армии началась паника. Огневая слизь текла под ноги коней, чьи всадники исполнили приказ и бросились на врага — лошадям-то невдомек, что огонь им только кажется, и неожиданный разгром отдельных конных отрядов, ударивших в это месиво, довершил дело. Река огня перевалила через бровку, тщетно несколько офицеров и опытных солдат руками черпали горящую жидкость и кричали: «Видите, это не огонь, он без запаха и жара. Это только колдовство, химера…» Линия обороны была разорвана, и в лагере Ракхела начали беситься кони, скидывать всадников…

Наступил решающий момент.

«Пора! Каролин! Каролин! Хастур! Хастур!»

Боевой клич потряс округу, и король бросил вперед конницу. Следом бегом, в каре в атаку пошла пехота — нельзя было терять ни секунды. Лерони почти обессилели.

Атакующие половодьем охватили подкову холма и отчаянно рванули вверх. В течение нескольких минут по всему северному и западному участкам обороны закипела кровавая битва. Тут Ромили бросилось в глаза, что Алдерик и Ранальд во главе своего небольшого отряда прорвали вражеский строй и устремились вперед, прямо к центру лагеря, где под охраной самых верных Ракхелу солдат располагался фургон с клингфайром. Их осыпали кучей стрел, но Алдерик и Орейн прорвали хлипкую оборону и вместе с Ранальдом, на мгновение придержав коней, пустили впереди себя раскаленный, размером с лошадь шар — так и гнали его мыслью. Этот сгусток энергии вонзился в фургон. Время остановилось — Ромили едва успела отогнать подальше сторожевую птицу, — и со страшным, переливчатым, сухим треском в небо взметнулся столб огня. Тут же треск сменился протяжным нестерпимым ревом. Все бросились врассыпную, и тотчас из-под облаков посыпался частый огненный дождь.

Капли падали на траву, на повозки, на людей, прожигали доспехи насквозь. Запылало дерево — в лагере начался кромешный ад. Живые факелы метались по вершине холма, вопли, вскрики, рев животных слились в единый вой. Тут как раз подоспела одолевшая первую линию обороны конница короля, и началась такая резня, что кровь полилась ручьями.

Ромили на миг оторвалась от созерцания поля битвы — то-то изумилась она, когда часть ее сознания оказалась намертво сцепленной с разумом Солнечного. Каролин не жалея гнал его вперед. Ромили почуяла запах горелой травы, паленого мяса, в морду ее коня пахнуло смердящим жаром огня; вокруг мелким дождиком падали полыхающие капли, пятнавшие землю круглыми обугливающимися проплешинами… Однако жеребец, управляемый сильной рукой, бесстрашно мчался вперед. Вот он перемахнул через траншею… Или это сама Ромили несла на себе короля? Они оказались в самом сердце вражеского лагеря.

Собственно говоря, и вражеской армии как таковой уже не существовало. Разве что испытавшая смертельный ужас толпа отчаявшихся людей, которую топтали конями, рубили мечами,

кололи копьями.

— Эй! — послышался зычный голос Орейна. Только он и мог перекричать шум битвы. — Ищите Ракхела. За ним, ребята!.. Взять подлеца живьем!..

Теперь Ромили совсем рассталась со сторожевой птицей — та свободно, в стороне, парила над землей. Вся, мыслями и чувствами, девушка была с вороным жеребцом. В чужом лагере сгорело все, что могло сгореть, — хорошо поработали лерони короля. Кое-где враги еще оказывали организованное сопротивление — туда и направил свой бег Солнечный. Его не надо было понукать — Каролин правил им при помощи мысленных приказов.

Вдруг вороной споткнулся. Ромили сразу не поняла, ей почудилось, что сбился с ноги ее конь, нет, это всадник притормозил бег и вздернул его на дыбы. Солнечный уже опускался на внезапно оказавшегося перед ним человека, взмахнувшего мечом… Конь ударил его огромным копытом, ударил сокрушительно, как бьют молотом. Ромили невольно ощутила, как смялась голова солдата, скорее лопнула, как созревший плод. Это сделали ее копыта? Или то был вороной?.. Она ощутила, как Каролин поерзал в седле, сохраняя равно-

весие. В этот миг еще один солдат возник перед ним, взмахнул мечом — Каролин откинулся назад и грохнулся оземь; следом Ромили ощутила, как режущее лезвие коснулось незащищенной шеи, острая боль пронзила ее, голова отделилась от плеч, хлынула кровь, и вместе с ней из нее умчалась жизнь…

Как она упала на землю, Ромили уже не почувствовала.

Дождь. Крупный холодный дождь… Барабанит и барабанит по земле. Почва уже пропиталась влагой, вода выступила, а капли все падают, падают… Даже запаха клингфайра не слышно, а это такая вонь, что за версту почуешь. Но нет, не слышно… Все смыл дождь. И небо черным-черно, полночь, что ли? Ромили села — голова отчаянно кружилась, она ничего не могла понять, потом на мгновение вспомнила свист опускаемого меча, острейшую боль в шее и вновь, потеряв сознание, повалилась на мокрую траву.

Теперь забвение длилось недолго, и не такое оно было полное, мерцало на грани сознания.

Солнечный! Она вновь села — ее неожиданно обильно вырвало. Сразу полегчало, девушка решительно принялась отыскивать в беспробудной темноте вороного.

Напрасно!..

Вокруг стояла глухая вязкая тишина, разве что шелест дождя, редкий свист ветра и еще какие-то неясные звуки сливались в мучительное, едва слышимое неясное ворчание. Ромили глянула в одну сторону, в другую — неожиданно остро заныла шея, однако прочная мгла поглотила местность и только в нескольких шагах от нее смутно угадывалось тело лошади. Уже привыкнув, девушка обнаружила, что голова коня почти напрочь отрублена и неестественно закинута назад. Здесь же под трупом валялись человеческие останки — по-видимому, тот самый солдат, кого затоптал Солнечный… Дождь смыл остатки крови, потому, может, особенно отвратительно и зловеще выглядела чудовищная рана. Какой же силы удар обрушился на коня! Солнечный, Солнечный — мертв, мертв, мертв! Она едва не потеряла сознание — голова закружилась, опять подступила тошнота. Солнечный, чьей жизнью она так долго жила…

Которого она так откровенно предала, привела к гибели. Два властителя не поделили трон… Никто из них не достоин и копыта этого скакуна… «Ах, Солнечный… вместе с тобой умерла и моя душа…»

Ромили ощутила пустоту и безысходность — да жива ли она?! Или ей весь этот кошмар только мерещится. Она слышала легенды, в которых рассказывалось, что некоторые люди, распростившиеся с жизнью, еще пытались подать знаки живым, вступить с ними в контакт. «Ах, какой бред! Что я несу! Какие тут могут быть легенды!..» Что ей осталось, кроме ярости и чувства вины…

Она выпрямилась. Начинало светать…

Вокруг лежали трупы солдат — по форме она определила, что здесь были солдаты и Ракхела, и Каролина. Самого короля видно не было, хотя он должен был лежать неподалеку. Ее охватила смутная тревога — неужели Ракхел одержал победу? Нет, что-то здесь не то — она ясно слышала, как Орейн призывал своих людей схватить узурпатора. Выходит, дело сделано? Тогда почему кругом такая тишь, почему безмолвие?.. Что же случилось на самом деле?

«Какая разница, кто из мошенников займет трон!..»

Наконец к ней вернулось ощущение собственного тела и огромной давящей усталости и бессилия. Над полем в сумрачной мгле черными тенями кружили кворебни. Один из стервятников тяжко опустился на труп Солнечного

— Ромили замахала на него руками, — к сожалению, горло еще не подчинялось ей, тем не менее стервятник с ленцой взмахнул крыльями и взмыл в мерцающее, зыбкое, едва различимое небо. На этот раз он улетел, но скоро вернется. Кто сможет помешать?

«Солнечный мертв. Я обучала его, своими руками каждую шерстинку приглаживала. И в конце концов передала его человеку, который повел его на верную гибель… Какой ты был скакун! Никогда не спотыкался, не уставал, ты принес Каролина к тому месту, где тебя поджидала смерть. Лучше бы я убила тебя собственными руками — еще тогда, на постоялом дворе. Лучше бы я не подходила к тебе, когда ты зверем смотрел на этих двуногих, загнавших тебя в тесную коробку. Лучше б я миновала тот постоялый двор, и ты никогда бы не узнал, что такое жалящий огонь, что такое лезвие меча, коснувшееся твоей шеи…»

Вдали в ночи мелькнул и пропал тусклый свет. Еще раз… Кто-то обходил с фонарем поле битвы. Грабители, обыскивающие трупы? Похоронная команда? Неожиданно она догадалась — это сестры из Ордена, разыскивающие своих товарищей, тех, кому заказано быть похороненным вместе с солдатами…

Словно теперь это имеет значение…

Огонек зигзагами, то замирая, то вновь пускаясь в путь, двигался по полю. Ее тоже считают погибшей… Скоро они доберутся сюда — когда она полетела с коня, сраженная насмерть гибелью Солнечного, все решили, что она тоже убита. Теперь они ищут ее тело. Когда найдут — обрадуются…

Как-то разом исчезли гнев и ощущение безысходной тоски. Будущее смутно замаячило перед ней — ничего, кроме недоумения и желания отринуть его, оно не вызывало. Пройдет еще с полчаса, ее обнаружат, доставят в лагерь, объявят героем. То-то будет радость… Спасибо, не надо. Для того ли она лишилась семьи, родины, чтобы попасть в тесные, неразрывные объятия Ордена? И ладно, что ей доверили объездку и обучение коней. Это ей по вкусу. Но с какой целью? Чтобы подготовить их к смерти? Чтобы какой-нибудь негодяй, ничтоже сумняшеся, поднял меч на такое чудо природы, как лошадь? Какое дело вольным коням до тревог человеческих? Какое дело птицам до наших звериных инстинктов, которые кто-то хитроумно — или злоумышленно — объявил «чувствами».

Хороши чувства! Жажда власти, крови, обла-

дания — алчность во всевозможных степенях; убийства… И все это на фоне тоски, печали, раскаяния, посыпания головы пеплом. Ну лицемеры! Ну злоденыши!.. Шваль подзаборная, голь кабацкая!.. Велика храбрость — погубить коня. Мечом его по шее — вон рана какая, на одной жилочке да на кусочке кожи голова держится…

И вновь вернуться ко всему этому? Ни за что! Никогда!.. И не ищите…

Трясущимися руками она вытащила сережку — знак принадлежности к Ордену Меча, — тончайшая проволочка рвала ухо, но Ромили этого не замечала. Даже боли не ощутила… Вырвав, бросила серьгу на землю… Вот оно, жертвоприношение, совершенное на могиле коня. Святой дар… Прощай, друг…

Ромили с трудом поднялась, а выпрямившись, покачнулась так, что едва устояла на ногах. Теперь яснее было видно, что творилось на поле брани. Огоньков оказалось несколько, стервятников — множество, живых не видно… Разве что потерявшие хозяев кони бродили между трупов. Ей хватило легкого прикосновения лараном, и всхрапывающий неподалеку скакун подбежал к ней. Вновь начало накрапывать, но дождь робел разойтись во всю силу, словно давал возможность

все исполнить не спеша, обстоятельно. Ромили взгромоздилась в седло, перевела дух, справилась с головокружением, едва не выбросившим ее из седла. Конь покорно пощипывал траву… Ромили легонько пнула каблуками в бока, и скакун мелко потрусил по полю. Куда — девушке было все равно. Коню тоже, он перешел на шаг, однако Ромили вновь толчком заставила его перейти на рысь.

«Тоже вопрос — куда? Какое это имеет значение? Все равно, лишь бы подальше от этого места. Прочь от этой открытой братской могилы, клекота ненасытных стервятников, от тусклых огоньков, врученных сестрам, жаждущим вернуть ее к жизни. Какой такой «жизни»? Насквозь пропитанной кровью? Извините — это не жизнь. Даже не существование, а последовательная подготовка к смерти. Или к убийству — не ты, так тебя! Что, собственно, одно и то же… С любой точки зрения… Прощай, друг…»

Ромили разрыдалась в полный голос — завыла, как воют солдатки, получив похоронки. Может, так и было? Может, в каком-то смысле Солнечный был ей супругом? Не в каком-то, а в самом высшем. Божественном!.. «Ибо ты, Господи, дал мне этот дар; ты обручил меня со всяким суще-

ством — бегающим, летающим, ползающим и плавающим».

Душа ее полнилась святым кощунством — она в страхе примолкла, приглушила мысли. Но в чем она была не права? Не ей судить. Это точно. Не надо судить — надо рубить концы. Прочь человеческие установления, прочь Орден, прочь лерони. У нее своя дорога, началом которой служило поле, усыпанное телами погибших, а продолжение терялось в сумеречной завеси все усиливающегося дождя.

«С этого момента я отказываюсь быть в подчинении у любого из людей, будь то мужчина или женщина…»

Ромили крепко ткнула коня, и тот, обученный, сразу взял в галоп…

Всю ночь она ехала в неизвестность — конь сам выбирал дорогу. Ему тоже было все равно. Утром встало солнце, утомленное этими несколькими дождливыми днями. Теперь следовало разгонять туман, сушить землю, подбавить жара, чтобы вновь распустились цветы, ожил лес. Ромили все еще не могла прийти в себя, при каждом шаге лошади ее мотало из стороны в сторону, но — опытная наездница — она легко удерживала равновесие. Ромили никак не могла сообразить,

что делать дальше — в общем-то не очень старалась. Пустота и беспросветность грядущего устраивали ее — вот так бы и с прошлым. Забыть все и жить только настоящим. Солнечный мертв — и это факт. Каролин и Орейн тоже сгинули — правда, неизвестно куда… Да это ее и не касается… Орейн не желает перейти на «ты». Госпожа Ромили, госпожа Ромили!.. Она вовсе не госпожа, а просто женщина. А с женщинами лорд Орейн обходится вежливо и круто… Боже, какие глупости! Какая теперь разница, как лорд Орейн обходится с женщинами. Или Каролин? Ну, это особый разговор. Король при всей его деликатности использует людей и их способности. От нее Каролину нужен был только ларан. Ордену тоже — готовь, мол, Ромили, лошадок, воспитывай, обучай, а потом мы их пошлем в бой… Руйвен? Брат теперь мало что значил для нее, он превратился в монаха, и его правда, его вера стали слишком далеки от людей. И животных… К тому же он имеет дело с проклятыми Башнями, где изготовляют эту дьявольскую горючую смесь — клингфайр.

«Одним словом, во всем свете нет человека, который мог бы что-то значить для меня».

Весь день она скакала по безрадостной пустын-

ной местности. К вечеру подъехала к опушке, слезла с коня и похлопала его по шее.

— Ступай, братец, — прошептала девушка, — и больше никому не попадай в рабство. Любой хозяин в конце концов приволочет тебя на бойню. Будь вольным, скачи куда хочешь, живи как знаешь…

Лошадь несколько мгновений смотрела на нее — Ромили улыбнулась и напоследок пошлепала ее, потом толкнула. Ступай!.. Та помотала головой, теперь уже откровенно удивленно глянула на человека и легкой рысцой затрусила прочь. Девушка побрела в лес. Одежда промокла до нитки, но она не замечала ни сырости, ни холода. Конь тоже живет под открытым небом, и ему хватает одной шкуры. Между корней старого дерева она обнаружила небольшую уютную норку — там и расположилась. Свернулась клубочком, завернулась в плащ, подаренный Орейном, и заснула как убитая.

Утром, проснувшись, услышала крики и пение птицей показалось, что к этому хору примешивается и квохтанье кворебни. Неужели поле битвы так близко? Выходит, конь бродил по кругу? Ромили выбралась наружу и, не разбирая дороги, пошатываясь, пошла в глубь леса. Подальше от

этого зловещего поля.

Она шла большую часть дня. Голода не ощущала… Бродила подобно дикому зверю — избегала тропинок, заслышав какой-нибудь шум, скрывалась в чаще. В полдень едва не угодила в ручей, бежавший среди густых трав и зарослей колючек — сложила ладони лодочкой и попила. Вода была необыкновенно вкусна. Потом устроилась на солнечном месте и высушила одежду. Замерзнув, снова оделась и, свернувшись, заснула в кустах. Какая-то тварь, копошившаяся в траве, пробежала по ней, но Ромили даже не пошевелилась.

На следующее утро она проснулась поздно, когда солнце напекло спину. Девушка открыла глаза и вскрикнула — над самым ее носом паук успел развесить паутину, и капельки росы блистали на ней, как драгоценные камешки. Она засмотрелась на них — впервые за эти дни позабытое чувство довольства, потаенной радости, что она жива, охватило ее. Солнце палило ласково, травка ровнилась, густела… Что-то ткнулось в левую ногу — Ромили осторожно перевела взгляд. Кустарниковая попрыгунья вела четверых своих детишек прямо через штанину. Хвосты, голубые, пушистые, у всех были гордо задраны. Девушка невольно рассмеялась, и зверьки замерли, опу-

стили хвосты. Ромили тут же замолчала, однако грызуны молниями метнулись вперед и скрылись в траве.

В лесу было удивительно тихо. Ясно, что никакого человеческого жилья здесь и в помине не было. На много лиг вокруг… Если уж кустарниковые попрыгуньи вели себя так беззаботно, то, значит, они никогда не встречали человека.

Она лениво потянулась, размяла затекшие члены. Очень хотелось пить, но ручья поблизости не оказалось. Пришлось собрать в большой лист скопившуюся за ночь росу. На поваленном мшистом стволе девушка обнаружила несколько старых грибов и съела их, потом полакомилась ягодами. Некоторое время она бесцельно бродила по лесу, пока не наткнулась на выпирающий из земли корень. Корень был съедобен, и Ромили при помощи заостренной палки выковыряла его из земли, очистила от грязи и с большим удовольствием съела. Режущий запах выдавил слезы на глазах, тем не менее она насытилась.

Теперь, когда прошел запал первых дней, когда неумолимо гнавшие ее вперед гнев и ярость растаяли, девушка как бы протрезвела и бродила по лесу, словно в полудреме. А то сидела, грелась на солнышке. Когда же наступала ночь, там и

засыпала.

Каждую ночь во сне ее кто-то окликал — звал из немыслимого далека, томил несказанной печалью. Чей это голос, она не могла разобрать. Орейна? Вряд ли. С чего бы ему звать ее? Он дружил с ней, когда Ромили переоделась мальчишкой, однако стоило ему узнать, кто она на самом деле, и вся дружба врозь. Отец старался мысленно докричаться? Тоже не может быть — «Соколиная лужайка» слишком далеко от этих лесов. Вот было золотое времечко, спокойное, безмятежное… Если бы только она не научилась там этому дьявольскому ремеслу — объезжать коней, усмирять ястребов! Те, кого она любила, оказались в руках смерти. Во сне ей часто являлся Солнечный, она взбиралась на него и скакала по бледно-серой, подернутой туманом равнине… Эта картина каждый раз будила ее, и Ромили просыпалась со слезами на глазах.

Спустя день, а может, два она осознала, что где-то оставила сапоги и портянки и носки изодрались в клочья. Теперь так и шаталась по лесу. Ноги до середины голени покрылись коркой грязи и налипших травинок. Ромили все глубже и глубже забиралась в лес — питалась фруктами, выкапывала корни, вечерами охлаждала

натруженные ступни в ручьях, но ни разу не подумала о том, что их следует вымыть. Ела, когда находила еду; пила, обнаружив источник или речушку, при этом не обращала внимания, что пьет, где… Однажды она три дня не могла найти еду — в общем-то ее это ничуть не обеспокоило, как-то смутно свербило в желудке, но девушке было плевать… Спустя какое-то время она уже не удосуживалась счищать грязь с выкопанных корней — так и пожирала с землей. Случилось найти несколько ореховых деревьев — Ромили было встрепенулась, влезла; полакомилась плодами… Это была такая вкуснятина, как… Как что — она не могла припомнить. Наевшись, слезла и побрела дальше, даже не сделав запас, не рассовав орехи по карманам.

Как-то раз она проснулась ночью — диск Лириэля стоял в небе и с упреком смотрел на нее. Ромили задумалась.

«Я что, точно сошла с ума? Куда я бреду, зачем? Сколько можно безумствовать?»

На следующий день все было забыто. Теперь, правда, тот далекий зовущий голос стал яснее, громче: «Ромили, где ты?» В голове смутно проблескивало, что Ромили — это она. Непонятно, зачем они ищут ее?

Проходило несколько минут, и сознание мерк-ло вплоть до нового мысленного оклика: «Ромили, где ты?» Кто бы это мог быть — Ромили? Странное имя, недоумевала девушка. Сколько можно звать эту самую Ромили?

На следующий день она неожиданно вышла на опушку леса. Перед ней распахнулась обширная холмистая степь. Лишь кое-где по распадкам еще копились мелкие рощицы и заросли колючника, но это вблизи, а далее открывалось бескрайнее приволье. Ветер шевелил высокую нетронутую траву — по ней бежали волны. Злаки давно зако-лосились, и зерна уже созрели. Она налущила их и с шелухой — сдуть не догадалась — отправила в рот. Девушка сплюнула… Что-то она делала не так…

Ромили долго стояла, разглядывая степь. Тут бы жить людям, распахивать целину; здесь и влаги вдосталь. Девушка замычала — что-то смутно теребило ее сознание, какой-то непорядок, но чем взволновала ее эта земля, понять было трудно. Как тень мелькнуло трудное слово — «безлюдье». Но что бы это могло значить? Когда-то ей был ясен тоскливый смысл этого понятия, теперь смысл ушел, осталась тоска. Все нагоняло тоску — и ширь необъятной степи, раскатившаяся с

запада на восток, и хмурая стена леса позади (то там, то здесь робкие рощицы деревьев мелькали в степи), и серовато-жемчужные, прикрытые лиловой дымкой горы на севере — чуть скошенные зубья побеленных снегами вершин…

Сплюнула еще раз и догадалась, что надо сдуть шелуху… Принялась дуть на ладонь, пока чистые крупные зерна не освободились и не застряли в ложбинках между пальцами. Вот это другое дело! Какая вкуснятина… Из зерен еще что-то ухитряются добывать… А может, печь?.. Она нахмурила брови, глянула вверх, на солнце, и, прикрыв ладошкой глаза, разглядела в серо-розовой выси ястреба. Что это он?

Девушка без страха следила, как хищник, сложив крылья, камнем бросился вниз и только у самой земли, распустив маховые перья, спланировал и сел ей на плечо. Человек и птица долго смотрели друг другу в глаза — Ромили удивлялась, зачем он сел ей на плечо? Что-то упорно стучалось в ее сознание, какие-то мысли о прошлом пытались проникнуть в ее разум. Прошлое? Что такое прошлое? Это как-то связано со странной птицей? Да-да, она когда-то кормила ее с руки. И в сознании ясно обозначилось темное помещение соколятника, насест, она сама и эта

ястребица, гордо отвергающая мясо. Точно, она еще обучала ее охотиться. Не как дикие звери и птицы, а так, как нужно человеку, которому следует принести добычу и только по свистку взять выделенный тебе кусочек. Человек? Что такое человек? Человек — это тот, у кого есть имя. Без имени ты не человек. Но у этой ястребицы тоже было имя. Как же ее звали? Девушка мучительно пыталась вспомнить, а хищник тем временем пытливо, не мигая, смотрел ей в глаза.

Нет, никак не вспомнить… Значит, она не человек. Ну и пусть! Все равно она хорошая… Прилетела и села на плечо… Ромили потянулась, чтобы погладить ястребицу, но что-то остановило ее… Нельзя касаться ее оперения. Почему? Непонятно… Девушка, так же не мигая, уставилась в круглые, с черными зрачками золотистые глаза ястребицы и все пыталась вспомнить, где же ее видела раньше.

Ночью Ромили опять проснулась — сердце билось неровно, воздуха не хватало. Как никогда стало ясно, что она сходит с ума, что дальше так продолжаться не может. Надо как-то выбираться из этой привольной безлюдной пустыни. Но куда идти? В какую сторону? И спросить не у кого… В этот миг девушка ясно сознавала, кто она. Ее

зовут Ромили Макаран, она сбежала из дома, после долгих приключений принимала участие в битве… Тут мысли несколько расплывались, она не помнила — то ли ударилась головой о землю, то ли настолько сильным оказался шок от увиденного, что она, очнувшись, бежала с поля боя; потом заблудилась и теперь плутает в незнакомой местности. Рядом с ней ее любимая Пречиоза — вон сидит на суку над самой головой. Как она разыскала ее — тоже непонятно. Может, почувствовала, что Ромили изнемогает от затмения рассудка. Глупо! Пречиозе должно быть известно, что ей нельзя оставаться рядом; что всякая тварь, попавшая в руки Ромили, обречена; что всякое обучение есть не что иное, как подготовка к гибели. Впрочем — девушка сделала себе поблажку, это касается не только ее, но и всякого другого человека.

Пять дней Ромили брела по степи — никакой надобности считать дни она не видела, но делала это по привычке, машинально, надо же что-то считать! Вот и Лириэль талдычит о том же. Луна уже обрела свое истинное полукруглое лицо. Когда же последний, четвертый месяц вошел в фазу полнолуния, она возненавидела вернувшуюся память. Слишком обжигающи,

нестерпимо болезненны были картины прошедшего. Еды ей хватало, воды тоже довольно. Однажды ястребица принесла ей добычу, села на плечо, вскрикнула от негодования. Ромили долго смотрела на мертвую тишину, так и не вспомнив, что надо срочно выделить птице долю. Вот что привлекло ее внимание — окровавленный клюв. Ромили содрогнулась — опять кровь. Всюду кровь! Лицо девушки исказилось, она отшвырнула тушку и отбежала подальше от убитой птицы. Затмение разума в тот день было особенно плотным, беспробудным.

К ночи Ромили добрела до небольшой рощицы, нашла дерево, усыпанное плодами, орехов было столько — ешь, не хочу! Поужинав, она, не в пример прошлым дням, набила орехами карманы. Разум медленно, но возвращался — теперь Ромили инстинктивно забирала все севернее и севернее. Ее тянуло к людям… Двигалась быстро и бесшумно… сама не знала почему.

К вечеру Ромили насторожило кряканье, долетевшее с небес. Утка летела высоко в поднебесье, и в той стороне, откуда появилась птица, блеснула гладь озера. Ромили замерла, приставила к глазам ладонь. Белая башня возвышалась на берегу.

Батюшки, куда же она забрела?

В ту ночь она почти не спала — все четыре луны-красавицы плыли по испещренному звездами небосводу. Лириэль и Киррдис находились в полной фазе, две другие обозначили себя бледно-палевыми полудисками. Душа девушки была полна предчувствий — может, на самом деле, когда все четыре месяца полностью откроют свои лики, случится что-то необычайное. Или случилось? Только она не могла вспомнить что. Тем не менее чувствительно ныло тело, какое-то смутное вожделение томило плоть… Спать она устроилась на мягком мху, ковром покрывшем землю под одиноким деревом, однако сон не шел — хотелось прижаться к чему-то. Или к кому-то?..

Скорее она угадала, чем услышала, шорох в кроне дерева. Большая дикая кошка ползла по ветви, сжигаемая тем же огнем, который не давал покоя Ромили. Та же страсть, то же вожделение… Вот во мраке блеснули крупные зеленые глаза — зверь не спеша, мурлыкая, спустился по стволу. В нос девушки ударил острый, сладковатый, с мускусным припахом аромат — Ромили, спрятавшись за корнями, внимательно следила за самкой. Впечатления мешались — на мгнове-

ние ей почудилось, что она не прячется в ямке, поросшей мхом, а спускается вниз, перебирая когтистыми лапами и вздрагивая сильным гибким телом.

Зверь ударил по земле хвостом, и в тот же момент совсем рядом послышался глухой рык, потом мурлыканье; наконец кот, приближавшийся к дереву, начал отчаянно колотить толстым, шерстистым хвостом по стволу, и звуки, издаваемые им, слились в какое-то хриплое причитание, некую исступленную песнь любви. Кошка, учуяв приближение самца, визгливо замяукала, потом принялась злобно шипеть. Прошло несколько секунд, и она уже более удовлетворенно заурчала, хотя кота встретила ударом лапы и шипением. Однако сопротивление было недолгим, и вот уже кот оседлал подругу, и дикое мяуканье огласило округу. Ромили не могла совладать с собой — она каталась по мшистой подстилке, сцепив зубы, чтобы не закричать от боли и вожделения.

— Ранальд!.. — исступленно шептала она. Это имя открылось ей в сжигающем тело угаре. Между тем огромные кошки, сцепившись в клубок, вопили во все горло.

Долго потом Ромили лежала как бездыханная, смотрела на проглядывающие сквозь редкую

крону звезды, пока разом, переполненная чувствами, так и не утолив похотливый голод, не провалилась в сон.

На следующее утро после пробуждения девушка едва ли могла вспомнить, что произошло. Разве что все тело ломило и какая-то неутоленная страсть гнала ее. С прежним пылом и стремительностью она шагала через лес. Шире шаг, здесь можно пробежаться — скоро обрела второе дыхание и быстрой рысцой мчалась вперед, как вдруг визгливое досадливое мяуканье, переходящее в рев, остановило ее. Гигантская лесная кошка преградила ей дорогу. Сначала Ромили даже не почувствовала испуга при виде разинутой пасти с длинными острыми клыками. За кошкой ощущалось присутствие маленьких пушистых комочков — в листве прятались котята.

«Кошка защищает свой выводок. И ты, Ромили, без спросу ворвалась на чужую территорию, пересекла невидимую черту…» Она отступила на несколько шагов, с трудом подавив искушение убежать сломя голову. В этом случае спасения не будет — прощай, жизнь! — кошка моментально нагонит ее. Все так же медленно девушка отступала назад, изо всех сил стараясь поймать взгляд хищника, овладеть его сознанием с помощью

ларана.

«Тише, тише, я не причиню вреда ни тебе, ни котятам…»

Когда-то ей удалось это, а в те минуты опасность была куда более велика; тогда ей, в снегах, удалось притушить холодную ярость и неодолимое чувство голода…

Спокойней, спокойней, вот так, по шажочку, назад, назад… «Тише, тише, я не причиню вреда ни тебе, ни котятам…»

Затем, когда Ромили уже отступила к краю поляны, кошка, словно молния, метнулась вперед и одним прыжком достигла ног девушки.

«Тише, тише, моя хорошая. Спокойней…»

Кошка неожиданно зевнула, обнажив огромные клыки, и улеглась возле Ромили.

«Тише, тише».

Вдруг девушка замерла.

«Нет, нет! Я погубила Солнечного, я завлекла его в ловушку, там он и погиб… Я поклялась, что никогда больше не воспользуюсь лараном. Больше никогда. Никогда… Чтобы вновь погубить невинных…»

Передняя лапа взметнулась в воздух и мелькнула у самых глаз Ромили, в тот же миг рука окрасилась кровью и вдруг странно отяжелела. И

по щеке заструилась кровь — девушка невольно слизнула натекшую на губы солоноватую влагу.

«Теперь она отведала моей крови! Теперь она убьет меня и отнесет котятам. Вот оно, возмездие за гибель Солнечного…»

Мягкое звериное рычание огласило поляну, и Ромили машинально кубарем отскочила в сторону, прикрыла лицо. Приемы рукопашного боя не годятся для схватки с многопудовым хищником, ловким и безжалостным; кошка явно сознавала это — теперь добыче никуда не деться, и она чуть помедлила перед решающим прыжком. Это мгновение и спасло Ромили. В воздухе захлопали могучие крылья, и тут же в звериную морду вцепились когти павшей на нее сверху ястребицы.

«Пречиоза! Это она спасла меня!..»

Девушка быстро вскарабкалась на ближайшее дерево, и ястребица взлетела с морды ошеломленной кошки, не ожидавшей нападения сверху. Тут же она, чуть поведя крыльями, опять ударила зверя сверху, вцепилась когтями и с такой силой долбанула клювом, что кошка взревела, перекатилась через спину и скрылась в траве, где уже спрятались соскочившие с дерева котята. Воспользовавшись моментом, Ромили тоже спрыгнула с дерева и со всех ног бросилась в

противоположную сторону. Пречиоза тут же присоединилась к ней — она летела невысоко, почти над самой ее головой. Ромили слышала свист рассекаемого крыльями воздуха. Пречиоза как-то ворчливо клекотала в полете. Наконец девушка в изнеможении остановилась, повернулась и выставила вперед руку. Так же, как делала много раз до этого злополучного дня.

«Пречиоза!» — мысленно воскликнула она, и сразу гигантские, длиной в человеческий палец когти нежно обняли ее запястье.

Ромили все вспомнила, подергала головой и разрыдалась.

— О Пречиоза, ты вернулась!

Этим же днем в тихой заводи, образованной звонким ручьем, она тщательно вымылась — натрясла с мыльного дерева листьев и обтерлась жгутом сухой травы. Потом постирала одежду — всю, до трусиков… Поискала знак принадлежности к Ордену Меча, потрогала зажившую мочку, однако так и не сумела вспомнить, где обронила сережку. Теперь девушка попыталась сориентироваться. Скорее всего, башня, увиденная ею с пригорка — это Нескья, но, возможно, она ошибается. В любом случае она до вечера доберется туда — направление запомнила. Там

постарается все выяснить — чем окончилась битва, что с Каролином, где теперь его армия? От мысли, что придется вернуться в строй, девушка вздрогнула, однако нельзя всю жизнь плутать по лесам и степям. Наступит день, когда придется вернуться.

Позже, ночью, так и не достигнув башни, она нашла сухое место и долго не засыпала, надеясь, что голос, столько ночей окликавший ее, вновь раздастся в телепатическом эфире.

Точно, ближе к полночи, когда земля окончательно притихла, до нее донеслось:

«Ромили! Ромили!.. Ищем-ищем ее с помощью ларана, и все напрасно. Где она может упрятаться?.. Она жива. Я бы почувствовал, если бы она погибла…»

С усилием она определила, кому принадлежали слышимые ею голоса.

«Если тебе удастся связаться с ней, уговори ее вернуться к нам».

Так могла говорить только ее любимая Яндрия, и, хотя Ромили не знала, как это делается, сверхсильным напряжением она послала:

«Где ты, Яндрия? Что случилось? Война кончилась?»

«Кончилась, кончилась!.. Каролин разбил ла-

герь в предместье Хали, — последовал ответ. — У нас сложная ситуация — Лиондри держит Орейна заложником где-то в городе».

И Ромили тут же воскликнула:

— Я возвращаюсь, и как можно быстрее! Лечу, лечу…

9

В эту ночь ей так и не удалось заснуть — маялась до самых утренних сумерек и, едва на востоке забрезжило, отправилась в путь. Шла быстро, доверившись ларану, и после полудня набрела на деревню. Здесь она столкнулась с человеком, который сдавал внаем лошадей. Ромили сразу подступила к нему:

— Мне нужен самый быстрый конь. Я принадлежу к Ордену Меча и выполняю важное задание короля Каролина. Мне срочно надо быть в Хали.

— Не так быстро, местра, и за горло меня брать не надо. Мы сами с усами. Я главный повар Его величества, а также хранитель винного погреба. — Он презрительно усмехнулся. — А платить тебе есть чем?

Ромили взяла себя в руки, глянула со стороны — изможденная, похожая на чучело, босоногая женщина в рваной блузке и бриджах. Лицо исцарапано, на руке кровь запеклась…

— Это после сражения! — решительно заявила она, потом порылась в карманах и неожиданно вытащила горсть медных монет.

— Возьми это, — презрительно сказала она

и, не считая, сунула опешившему мужику в руку. — Клянусь, что остальное пришлю, как только доберусь до постоялого двора. Заплачу в два раза больше, если ты отыщешь мне сапоги и дашь еды.

Смущенный ее решительным тоном, мужчина заколебался:

— Вообще-то моя цена тридцать серебряных монет или медных, но с королем. И только при том условии, что вернешь мне лошадь.

Глаза Ромили сверкнули гневом, и где-то в глубине сознания какой-то ехидный голосок поинтересовался: куда ты так спешишь? Однако сил ждать уже не было — порыв, стремительное движение составляло основу ее характера. Она сама не могла толком ответить, зачем ей нужно сломя голову мчаться в Хали. И все-таки нужда была — невысказанная, смутная, но не дающая передыха. Вперед и как можно скорее — все существо ее рвалось в дорогу, возможно ведомое лараном — этой неясной могучей силой, которая, скопившись, нередко подспудно руководила всеми ее поступками.

— Именем короля, — объявила Ромили, — я имею полномочия реквизировать любую лошадь…

Она глянула на ближайшего у коновязи скакуна — конь тут же мотнул головой в ее сторону, — здоровенный, хорошей стати чалый жеребец. Девушка мысленно позвала его, и тот, низко, покорно опустив голову, двинулся в ее сторону. Хозяин хмыкнул от негодования и направился к коню, пытаясь перехватить его, однако он, взбрыкнув задними ногами, отбежал в сторону и снова упрямо устремился к Ромили. Приблизившись, он положил голову ей на плечо.

— Лерони… — прошептал хозяин. Брови его поднялись…

— Даже больше, — ответила девушка.

Стоявшая в дверях молодая женщина вытерла руки о передник и тихо, почти шепотом, заметила:

— Моя тетка тоже вступила в Орден, местра. Она убеждала меня, что меченосицы всегда расплачиваются по обязательствам. Ради доброго имени сестры возвращают долги. Муж, пусть она возьмет коня и… — Она скрылась в доме и тут же вынесла пару яловых сапог. — Это моего сынка. — Голос ее дрогнул. — Солдаты Ракхела проходили через нашу деревню, и один зарезал его. Как собаку… Им приглянулся наш бык. Поужинать им вкусненько захотелось, а сынок осмелился по-

просить за него плату. На чем нам теперь пахать? Только попросить осмелился… Люди Каролина себе ничего такого не позволяли… — Она порывисто вздохнула. — На чем теперь пахать будем?..

Ромили ничего не ответила, села рядом с ней на ступеньку крыльца, примерила сапоги. Они были впору… Добротно, хотя и неуклюже сшиты, с мехом внутри, со стельками. Затем женщина вручила ей полкаравая хлеба.

— Если подождешь, местра, чего-нибудь горячего сготовлю. Сейчас-то у меня ничего нет…

Ромили отрицательно покачала головой.

— Этого хватит… Времени у меня нет.

— Нет так нет, — покивала женщина и вновь обтерла передником руки, потом вздохнула: — Как жить? На чем пахать?..

Ромили не выдержала, спросила:

— Один был?

Хозяйка кивнула.

Девушка помедлила, потом решительно села на коня. Теперь всполошился хозяин, закричал:

— Госпожа, госпожа, вам нельзя скакать на этом коне! Это зверь, а не скакун!..

— Я не госпожа, а меченосица…

В этот момент зов ларана стал особенно ощутим — какая-то неодолимая сила гнала вперед, не

позволяла тратить секунды. А хозяин все никак не мог успокоиться. Он забежал перед конем и, моргая от удивления, спросил:

— Это как же? Без седла, без стремян?..

Хозяйка крикнула с крыльца:

— Позволь мне хотя бы смазать твои раны, меченосица!

— У меня нет времени, — ответила Ромили. — Покажите дорогу на Хали.

Женщина бросилась к воротам, начала что-то бестолково рассказывать, а хозяин, застыв на месте, удивленно таращил на Ромили глаза. Та, кое-как разобрав порядок поворотов, ударила коня пятками. Зачем ей седло, стремена? Она еще в «Соколиной лужайке» привыкла скакать без всех этих причиндалов. Была бы уздечка — остальное приложится. Ее вел ларан, он же руководил конем. На мгновение Ромили почувствовала острое, мучительное раскаяние — Солнечный!

Ее любимый скакун… Вспомнился конь, на котором она бежала с поля битвы и потом отпустила на волю. Она тогда совсем обезумела…

Лошадь хорошей рысью мчалась вперед, длинные сильные ноги шаг за шагом поглощали дорогу. На ходу девушка принялась ломать хлеб и по кусочкам запихивать в рот. Более вкусной еды

она никогда не ела. Тут же приплыли мысли о новой одежде, о горячей ванне, о необходимости хорошенько промыть голову и наконец расчесаться… Все эти мелкие заботы вытеснил жуткий страх, неодолимо зовущий вперед. Поспешай, Ромили, поспешай!.. Это было смутное, но веское ощущение. Потом неожиданно припомнился мысленный вскрик Яндрии: «Орейн, он в руках Лиондри!» Вот оно, то нестерпимое, что заставляло нестись вперед…

Один привал ей все-таки пришлось сделать — не то коня можно было загнать. Он-то в чем виноват? От одного намека на подобную жестокость Ромили бросило в дрожь — накатило все сразу: гибель сторожевых птиц, безумная атака на редуты, за которыми прятались солдаты Ракхела, бездыханное тело Солнечного и огромная рана на шее. Этот провал, эта метка смерти заманили ее? Ее опять повело в зыбь смутных видений, однако на этот раз Ромили легко справилась с рецидивом, тем более что тяга и ужас все сильнее будоражили ее. Даже время от времени охлаждавшее душу сомнение — ну прискачу, а чем я смогу помочь? — казалось ей надуманным возражением.

Озеро Хали открылось ей неожиданно, со взгор-

ка — серо-стальная волнующаяся гладь, частой рябью волн накатывающаяся на пологий берег. Возле озера возвышалась башня, а на другой оконечности озера, в стороне, противоположной той, откуда дул ветер, у самых городских стен был разбит лагерь. Ларан подсказал девушке, что именно там находится человек, когда-то называвшийся домом Карло. Он ей друг, надежный, проверенный. Какая разница, король он или нет! Он помог в трудную минуту, предоставил защиту и ни словом, ни взглядом не выдал ее тайну. Даже сводному брату, ближайшему к нему человеку, не обмолвился…

Вот и с этим великаном приключилась беда — с человеком, который всегда был добр к ней. Кто-кто, а Орейн был настоящим человеком, и теперь он в беде…

Девушка вихрем промчалась между рядов палаток — солдаты удивленно пялились на нее, одна из сестер-меченосиц невольно выкрикнула ее имя, потом так и застыла как столб. Ромили гнала скакуна к шатру, где реяло королевское знамя. Правда, на какой-то миг она смутилась. Вид, конечно, у нее был дикий — шапка всклокоченных волос, запекшиеся кровавые отметины от следов кошачьих когтей на лице, крестьянский

конь без седла, без стремян. Удобно ли в таком виде появляться перед королем?

Дело важнее, решила Ромили. И правда — Яндрия, завидев ее, тут же бросилась к соскочившей с коня младшей сестре и заключила ее в объятия.

— Ромили, Ромили! Мы думали, ты погибла. Где же ты была?

Девушка тряхнула головой и внезапно поняла: объяснить, что с ней случилось, невозможно. Слов не хватит. Теперь не время… Она неопределенно махнула рукой.

— Там, потом в другой стороне, а может, там. Везде… Нигде… Разве в этом дело! Что случилось? Я мчалась как ветер… Когда закончилась битва? Что произошло потом? Почему Орейн вдруг оказался в заложниках у Лиондри?

Алдерик и Руйвен, успевшие прибежать к шатру, заключили девушку в объятия.

— Я пытался связаться с тобой. Каждую ночь!.. Вместе с леди Маурой! — закричал Алдерик.

Тут же подхватила Яндрия:

— Что с твоим лицом? Где серьга?..

— Позже, позже, — не уставая, отвечала Ромили. — Все потом!..

Из шатра выглянул Каролин, бросился к ней, схватил за обе руки.

— Дитя мое! — Он обнял ее крепко, по-отцовски. — Орейн бы тоже от всей души обнял тебя, он тебя так любил. Я уже решил, что потерял обоих, кто был всегда верен мне. Даже тогда, когда я был беглецом… Пойдем! — Он повел ее к шатру. Яндрия, наполнив кубок вином, подвинула его к Ромили.

— Нет, нет! — Та отчаянно замахала руками. — Я почти ничего не ела. Я сразу засну, если выпью так много. Я бы чего-нибудь пожевала.

Каролин указал ей на стоявший отдельно стол:

— Все там. Сама разберешься?..

Однако Яндрия и здесь не оставила ее своими заботами — нарезала тонкими пластами мясо, сделала бутерброд, однако Ромили взяла только хлеб. С мясом было покончено раз и навсегда. Хлеб Ромили жевала медленно — он был так вкусен! Яндрия между тем принялась обмывать царапины на ее лице.

— Где же это тебя так угораздило? После кошачьих когтей раны всегда гноятся — тебе надо показаться знахарю. Если начнется заражение, ты можешь остаться без глаза.

Ромили отрицательно покачала головой.

— Сейчас не время. Как-нибудь я все тебе расскажу. Что с Орейном?..

— Они держат его где-то в городе, — сказал Каролин. До того момента он расхаживал из угла в угол, теперь же, словно потеряв силы, безвольно опустился в походное кресло. — Я даже не отваживаюсь дать команду, чтобы его начали тайно разыскивать. С другой стороны, в случае обнаружения заложника, возможно, ему достанется более легкая смерть, чем та, которую уготовил ему Лиондри. Армия Ракхела разбита, основная ее часть сдалась мне, но Ракхелу с некоторыми пособниками и Лиондри удалось уйти… Они и захватили Орейна. Слишком он увлекся, оторвался от основных сил. Теперь они используют его как козырь на переговорах.

Король непроизвольно сглотнул.

— Я предложил им самые выгодные условия: безопасная переправа через Кадарин — пусть едут куда хотят, — сохранение жизни. Я готов взять обязательство доставить сына Лиондри в монастырь в Неварсине, потом оставить его при дворе на тех же условиях, что и мои собственные сыновья. — Его руки задрожали. — Но они… они…

— Позвольте мне, дядя, — тихо сказал Алдерик. — Я послал им письмо, в котором предлагал взять в заложники меня вместо отца и следовать

с ними через Кадарин, куда они пожелают. В любое место, которое они сочтут надежным убежищем. Я также предложил деньги…

— Короче, — продолжила Яндрия, — эта драгоценная парочка потребовала, чтобы сам Каролин сдался им в обмен на жизнь Орейна. Я тоже предлагала себя в качестве заложницы, мне казалось, что Лиондри согласится на это. И Маура дала слово, что выйдет за Ракхела и последует за ним в изгнание, куда он пожелает, однако… — Она помрачнела. — Позвольте, сир, показать Ромили ответ, который они прислали.

Руйвен взял небольшой, обернутый в золотистый шелк пакет, передал королю. Тот трясущимися руками попытался развернуть его. У него ничего не получилось, тогда Маура пришла на помощь. Так, вдвоем, они и открыли его.

Там лежал отрезанный палец. Увидев подобное послание, Ромили почувствовала тошноту. На конце пальца запеклась кровь, на средней фаланге медное колечко с голубым камешком — точно такое носил Орейн. Не точно такое, поправила себя Ромили, а это оно и есть…

— К этому они добавили, — подал голос король, — что будут возвращать Орейна по частям. До тех пор, пока я не сдамся и не распущу ар-

мию. — Руки его вновь задрожали, однако он сумел совладать с ними и осторожно завернул подарок. — Они дали два дня. Вчера это было… это было ухо, сегодня… вот.

Он кивком указал на сверток. Крупная одинокая слеза выкатилась из глаза, побежала по щеке…

— Я должен пожертвовать жизнью за Орейна, — вымолвил Каролин. — Но… все те люди, что были со мной?.. Я знаю, чего стоит честное слово. Как я могу передать их в лапы этого подонка и убийцы Лиондри?

— Орейн и слова не скажет, он позволит, чтобы его резали по кускам ради тебя, и ты знаешь об этом, — твердо сказала Маура. Каролин опустил голову и зарыдал. — И Лиондри знает об этом, — прежним строгим голосом продолжила она.

— Будь он проклят! Будь он проклят всегда и во всем! — воскликнул король.

— Перестань. — Маура положила руку ему на плечо, потом взяла пакет и отложила в сторону.

Яндрия тихо молвила:

— Клянусь, что я не успокоюсь, пока Лиондри будет топтать нашу землю.

— Я тоже, — поддержал ее король, — но чем это может помочь Орейну? Выход один — как только

истечет срок, мы начнем штурм. Это единственная возможность добиться быстрой смерти для Орейна. Не знаю, будет ли она легкой… К тому же мы должны любым способом выяснить, где они его прячут. К несчастью, Лиондри сумел поставить ментальную завесу, и мы не можем использовать ларан. У нас, правда, есть сторожевая птица, однако сомнительно, сможет ли она летать? Руйвену никак не удается справиться с ней.

Ромили воскликнула:

— А как же Ранальд?

Ответила ей Маура:

— Он был убит во время атаки. Мы тогда решили, что и ты тоже погибла, однако Руйвен был упрям как скала. «Ромили жива, — твердил и твердил он, — если бы она погибла, я бы почувствовал». Сестры два дня искали твое тело — никакого результата. Мы никак не могли понять, что случилось — тебя нет, тела нет! Тогда где же ты, если жива?.. Одним словом, запутала ты нас… Ладно, как, ты сама сказала, это долгий разговор. Что касается Орейна, то здесь вся проблема со временем. Нет его у нас. Если бы мы хотя бы знали, где они его прячут, в какой части города… Не зная этого, и штурм нечего начинать. Сколько

он займет? День, два?.. Вполне достаточный срок, чтобы они успели исполнить угрозу.

Говорила женщина спокойно, обстоятельно, даже чуточку суховато, только лицо у нее время от времени подергивалось.

— И наугад мы действовать не можем, лерони Лиондри каким-то образом охраняют город от проникновения нашего ларана. Может быть, они не заметят птицу?..

— Они обнаружат ее в первое же мгновение, — заявила Ромили. — Лиондри явно готов к подобному маневру.

— Я им то же самое говорю, — включился в разговор Руйвен. — Но выбора у нас нет, придется выпустить Умеренность.

— Нет, есть иное решение. Я пошлю в город Пречиозу. В армии ее никто не видел, так что и шпионам докладывать нечего, никто ее со мной не свяжет. Да, это лучший вариант…

Ромили на мгновение ужаснулась. Все начиналось сначала — она дала клятву никогда больше не пользоваться лараном, но прошло всего несколько дней — и вновь тот же выбор. Собственно, выбора никакого не было! Допустить, чтобы из-за глупых капризов вздорной девчонки погиб такой человек, как Орейн! Прочь,

безумные мысли! Однако ее сомнения имели под собой веское основание. Что, если она вновь дрогнет — как тогда, во время встречи с черной кошкой? Нет, это не повторится — душа ее была полна решимости. Дикий зверь убивает, потому что он так устроен; ради чего Ракхел и Лиондри мучают человека? Исключительно ради власти — гнусного стремления доказать другим, что они лучше их. Только им, мол, дано право на владение чужой собственностью, чужими жизнями, чужими душами. Противопоставляя себя другим, они исключили себя из числа тех, кто является человеком. Их надо уничтожить как можно быстрее, иначе не остановить потоки крови. Дурную траву с поля вон!.. Что может быть проще и мудрее этой старой сентенции, которую она вычитала в «Книге Мыслей»? Когда это было сказано — и где! — Ромили не знала. Может, в тех неведомых далях, привидевшихся ей после первого опыта работы со сторожевыми птицами? И звучало это на каком-то чуждом, но когда-то хорошо известном ее предкам языке.

Она молча смотрела на короля. В шатре стояла глухая, вязкая тишина.

— Что ж, — неожиданно громко объявил Каролин, — это может сработать. В окрестностях Хали

множество ястребов, они частенько залетают в город. Никто на них внимания не обращает. Значит, ты говоришь, что с ее помощью ты сумеешь отыскать место, где они прячут Орейна? Если мы ударим именно туда, у них не останется времени для пытки.

В этот момент где-то вдали затрубил рог. Король съежился от страха.

— Опять этот страшный сигнал, — тихо вымолвил он. — Наступил срок — как раз за час до захода солнца… Значит, впереди у нас два дня. На все — два дня: на подготовку к штурму, на разведку. И пока я сижу здесь, Орейна там… — Он не смог договорить.

Еще раз протрубил рог, и Каролин вышел из палатки. Посланцем являлся рядовой вражеской армии. В руке он держал очередную, завернутую в желтый шелк посылку. Он поклонился и сказал:

— Каролин, претендующий на трон Хастуров, имею честь передать тебе очередную порцию поклявшегося тебе в верности человека. Ты можешь гордиться им — он ведет себя достойно.

Он издевательски засмеялся, и вперед вышел Алдерик.

— Мерзавец, которого я имею честь назвать поганым псом, придет час, и ты вспомнишь,

как смеялся здесь… Ты, вероятно, считаешь себя неуязвимым? Или бессмертным?!

Яндрия успела схватить его за рукав.

— Нет, Дерик, они отыграются на Орейне.

Солдат, по-прежнему ухмыляясь как ни в чем не бывало, предложил:

— Не желаете ли взглянуть, что именно находится в посылке?

Руки короля затряслись, и Яндрия, отпустив Алдерика, взяла коробочку.

— Позвольте мне.

Она развернула материю — внутри лежал еще один палец.

— Это послание от Лиондри. Им уже наскучила эта игра. Завтра они пришлют глаз, на следующий день — другой. Еще через день — яйца. Если вы будете продолжать упорствовать, они начнут вырезать кусочки кожи у него со спины. Ярд за ярдом… Так они просили передать.

— Ублюдки! Сучьи дети!.. — выругался король.

Солдат отдал честь и, повернувшись, не спеша зашагал к городским воротам. Вновь раздался протяжный крик охотничьего рога.

— Помни, как ты смеялся здесь! — крикнул ему вслед Алдерик.

— Племянник, прекрати! — коротко распоря-

дился король и тут же обратился к присутствующим: — Проследите за ним с помощью ларана.

Собственно, это распоряжение было лишним. Все — Руйвен, Маура, Алдерик — уже «вели» солдата с помощью телепатического чувства. И Ромили тоже… Все было напрасно — их мысленный посыл словно на стену наткнулся. Ромили даже почувствовала, как какая-то могучая сила буквально оттолкнула ее от сознания солдата. Когда же он добрался до ворот и вошел внутрь, она совершенно потеряла его из вида. Он словно растворился во тьме.

— Дражайший, дражайший Орейн! Как же ты угодил им в лапы!.. — Король даже слезы не вытирал — они так и бежали по щекам.

— Не надо, Каролин! — обняла его Маура. — Орейн никогда бы не допустил, чтобы ты сам сдался им в плен. Что теперь поделаешь?

— Прости меня, Аварра!.. Лучше бы я сам убил его. Собственной рукой… Ладно, хватит, — неожиданно рявкнул король. — Штурм, штурм, и только штурм.

Уже в шатре он исступленно продолжил:

— Я не могу позволить им ослепить, оскопить его. Содрать с него кожу… Если мы ничего не придумаем за ночь, утром начнем штурмовать город.

Всеми силами. Надо будет объявить, что мирным жителям мы не причиним вреда. Но всякий, кого застанем с оружием, кто посмел смеяться мне в лицо… Мы обыщем весь город, перероем каждый дом… Все, что они сотворили и сотворят с Орейном, испытают на собственной шкуре… Мы еще сочтемся… Кстати, Алдерик, позаботься, чтобы город был взят в плотное кольцо… Нет, в два кольца… Усиленные посты на дорогах и по всей местности секреты. Чтобы мышь не проскочила.

Ромили с напряженным лицом выслушала королевский приказ, даже губами шевельнуть не позволила себе, но внутри она горько усмехнулась: Каролин — порядочный человек, и, даже если ему в руки попадет сам Лиондри, он всего-навсего прикажет казнить его и не опустится до того, чтобы пытать пленника. Конечно, он может повесить его, предать постыдной казни, выставить его труп в назидание — одним словом, Лиондри всегда будет находиться в более выгодном положении, чем Орейн. Но ведь чем-то следовало допечь негодяя! Не слишком ли несправедлив Бог, чтобы оставить без должного наказания подобные преступления? Что же это за милосердие, что за божественный промысел?.. Она терялась в догадках… Тут ее отвлек вопрос

Каролина:

— Значит, ты утверждаешь, что твой ястреб достаточно хорошо видит в ночи?.. Сможет ли он провести нас к тому месту, где прячется Ракхел со своими подручными? Не думаю, что он все это выделывает сам…

— Не знаю, — честно призналась Ромили.

Все в шатре заспорили, и в это мгновение у девушки родился план.

— Сколько часовых наблюдают за стенами?

— Не знаю, — ответил король. — Ракхел вообще-то не очень доверяет своим людям — положение-то его, собственно говоря, безнадежное. Все это понимают, так что он сделал упор на сторожевых птиц и громадных собак. Если кто-нибудь попытается проникнуть в город, взломав, скажем, городские ворота, птицы и собаки поднимут такой шум, что уже через несколько минут туда сбегутся верные Ракхелу люди. Мы уже пытались провести подобную операцию.

— Отлично. — Ромили даже прихлопнула в ладоши. — Это просто здорово.

— Что ты хочешь этим сказать?..

— Сир, мой ларан не очень-то силен против людей. Как вы заметили, лерони Ракхела охраняют город исходя из того, что туда попытаются

проникнуть люди, которые им хорошо известны. И ларан, и возможности, которыми обладает, например, леди Маура, для них не тайна и они так и концентрируют свою силу. Со мной дело другое — ни птиц, ни собак, даже самых страшных, я не боюсь. Одним словом, все, кто бегает на четырех ногах, летает, — мои друзья. Позвольте мне одной отправиться в город и попытаться отыскать Орейна. До рассвета…

— В одиночку? Ты, девушка?.. — начал было Каролин, потом примолк и после глубокого раздумья заметил: — Ты опять и опять убедительно доказываешь, что ты не так проста, как выглядишь, меченосица. У тебя сильный характер, смелое сердце… Попытаться проникнуть в город — смертельный риск. Но если бы у нас был выбор! Яндрия, покорми ее, потом ей надо немного поспать…

— Я не хочу спать! — запротестовала Ромили.

— Надо же немного отдохнуть. И без возражений!

Ромили покорно склонила голову.

— Будет исполнено.

Яндрия привела девушку в палатку, где жили сестры-меченосицы, там подобрала ей чистую одежду и занялась горячей пищей.

— Но прежде, — попросила Ромили, — умыться и расчесать волосы!..

Яндрия сразу бросила готовку и принесла ей горячей воды. В первый раз за все дни бродячей жизни Ромили наконец вымылась по-настоящему и прежде всего оттерла ноги от въевшейся грязи. Потом пригладила волосы — Яндрия умело постригла ее, совсем коротко, под мальчишку… Ромили надела все чистое, свежее. Только сапоги, отданные ей крестьянкой, оставила — они были впору. Требовались новые носки и портянки. Какая радость надеть все чистое! А уж после того, как Яндрия накормила ее вкусным горячим супом, девушка окончательно почувствовала себя человеком.

— Все, теперь отдохни. И не возражай! — замахала на нее Яндрия. — Это приказ Каролина. Обещаю, что разбужу тебя, как только пробьет полночь.

Ромили развернула скатку — решила: полежу немного рядом со старшей сестрой, которая тоже прикорнула рядом. Поболтаем… Свет убывающей луны проникал в шатер, лагерь затихал, да и не было в нем привычного шумного веселья. Вот и Ранальд погиб… Ей стало очень грустно — до жути явственно она ощутила его крепкие волну-

ющие объятия в полнолуние. Теперь он лежал в сырой земле, безмолвный, бесчувственный… Нет, она не любила его, но он был очень добр с ней, он был ее первый мужчина, такое не забывается, и в сердце ему всегда найдется уголок, в котором будет жить печаль и сожаление.

Яндрия лежала рядом, она тоже не была расположена к разговорам. Думы об Орейне не давали покоя, они буквально сочились из ее сознания. Скомканные, черные, безнадежные… Вот что еще вплеталось в эту раздирающую душу ауру — размышления о Лиондри Хастуре, который был для Яндрии тем же человеком, каким для Ромили был Ранальд. Он первый пробудил в ней желание и сделал женщиной. Но думы о нем явно раздваивались — те, печальные, относились к молодому Лиондри. О нынешнем же она без отвращения не могла вспоминать. Каким же образом нормальный и, в сущности, добрый человек превратился в чудовище? Ромили обняла Яндрию, прижала к себе, попыталась утешить.

«Боже, сколько скорби разлито в мире! Отчего же такая безнадежность? Прости меня, высший судия, в своей гордыне я возомнила, что тот вред, который я причинила невинным существам, есть величайший, несмываемый грех, искупить

который в моей воле. Какая самонадеянность! И вина не так уж велика — впрочем, опять гордыня: не мне судить об этом. Он воздаст! Но чем бы я оправдалась, если бы в ослеплении и ложном раскаянии продолжала бродить по лесам и за этот срок Орейна порезали бы на кусочки? Если я не попытаюсь помочь ему, чем оправдаюсь перед людьми и Богом? Тем, что жалела, впадала в истерики по поводу несчастных животных? Но это же естественный ход жизни — сожалеть о нем глупо, в то время как выродки в человеческой шкуре бросают вызов не только людям и природе, но и Божьему уставу. Вот оно, испытание, уготованное мне судьбой!.. Клянусь, если ты, Хранитель Разума, поможешь Орейну и мне, если я останусь жива, то непременно пошлю весточку папе и Люсьеле. Я вымолю у них прощение. Пусть они больше не убиваются по мне».

Ромили тихо погладила всхлипывающую Яндрию и почувствовала, как смежаются веки. Уже на грани сна задалась извечным вопросом:

«Как же так, Всевышний? Как сохранить устои мира, если преступления Лиондри останутся безнаказанными? Разве смерть — достойное возмещение за их злодеяния? Если Орейн погибнет, я буду очень переживать, и все-таки в смерти его

не будет никакой загадки — он умер за правое дело. Сложил голову за короля, которого любил и которому верно служил. Но если удар меча настигнет Лиондри или Ракхела — их поганые души тоже отлетят на небо? Расквитавшись за все земные грехи? Я не кощунствую, я пытаю себя… и тебя… Дай знак великой мудрости, яви чудо возмездия — не мне. Сущий в небесах, не мне! Яви Лиондри, пусть он воочию убедится!..»

— Вставай, Ромили! Пора!..

Девушка как будто ждала побудки, вскочила резво, как пружина. Сполоснула лицо ледяной водой, пожевала хлебца на дорогу. От вина отказалась — голова должна быть ясная, мысли чистые, сильные… Каролин поджидал ее возле своего шатра, лицо его было задумчиво и угрюмо.

— Едва ли мне стоило заводить с тобой разговор, Ромили. Что надо сделать — ты знаешь. Как — в этом я ничем не могу тебе помочь. В любом случае ты должна освободить Орейна, даже если тебе придется вонзить кинжал ему в сердце. А награда? Что ж, это дело суетное… Проси тогда, чего захочешь, вплоть до обручения с одним из моих сыновей.

Ромили улыбнулась — что за странные фантазии? Почему бы она должна мечтать именно об

этом? Она ответила просто, как если бы перед ней стоял дом Карло:

— Дядюшка, я иду туда не ради награды, а потому что Орейн был добр со мной даже тогда, когда я переоделась мальчишкой и ухаживала за ястребами. Неужели вы считаете, что меченосица и урожденная Макаран не знает, что такое долг чести? Неужели вы считаете, что я взялась за это из жадности?

— Конечно нет, — король протестующе махнул рукой, — но наградить тебя — радость для меня.

Ромили неожиданно обратилась к Яндрии:

— Яни, милая, нельзя ли подыскать мне пару мягких тапочек? Эти сапожищи ужасно скрипят.

Яндрия быстро вернулась в шатер, где жили меченосицы, и принесла ей свои кожаные сандалии. Они были чуть великоваты, но Ромили туго затянула ремешки, потом повязала голову темной косынкой, чтобы скрыть рыжие волосы, вымазала грязью лицо. Вся в черном, она на глазах превратилась в подобие привидения. Даже свет фонаря часового не мог вырвать ее из тьмы. Стоило ей замереть, и она напрочь сливалась с землей.

Итак, все было готово. Алдерик предложил дрогнувшим голосом:

— Я провожу тебя до ворот.

Ромили кивнула. Что ни говори, а Дерик тоже обладал лараном. Он взял ее за руку, и они исчезли в темноте. Ступали они бесшумно, и Алдерик сделал большой крюк, прежде чем подобраться к боковым воротам. Где-то взлаяла одинокая собака. Проявила бдительность? Или учуяла мышь? Наконец и она замолкла — тихая, спокойная ночь лежала над городом.

— Осторожнее с воротами, они очень скрипят, если ты попытаешься их открыть, — прошептал Алдерик. — Возле них посажены сторожевые птицы — вот кого тебе надо опасаться больше всего. Попытайся перелезть.

Он подсадил ее, и Ромили, уцепившись за край, подтянулась и села на деревянную планку. Голова ее чуть-чуть не доставала до каменной кладки. Сверху девушка бросила взгляд на залитый зыбким лунным светом город.

Не спускаясь вниз, она принялась настойчиво излучать в ту сторону спокойствие, ощущение благости и безопасности. Теперь она могла рассмотреть птиц. Их было две — обе с воспитателями, сидят нахохлившись, подобно статуям. Только шевельнись, и они поднимут такой шум, что разбудят весь город.

«Тихо, тихо, мои милые… спокойно. Все спокойно…» Ромили внедрилась в их сознания и посредством их глаз осмотрела залитые лунным светом улицы. Огни в городе были потушены — редкие окна светились в темноте. Ромили поочередно заглядывала в них — обычный телепатический дар не мог проникнуть сквозь ментальную завесу, раскинутую над городом, однако она следила теперь за всем происходящим глазами птицы (другую она усыпила). Вот ближайшее светлое пятно — девушка заглянула в окошко. Там в родах мучилась женщина, повивальная бабка держала ее за руки и шептала слова утешения. В другом окне мать склонилась над больным ребенком и что-то напевала ему. В следующем можно было разглядеть раненого мужчину…

На боковой улице заворчал пес, Ромили догадалась — он что-то учуял и сейчас поднимет тревогу… Она выскользнула из сознания птицы, успокоила собаку и только потом, немного подождав, прыгнула вниз и устремилась к боковой улочке.

Уже хорошенько поплутав по городским кварталам, постоянно прислушиваясь — не заверещит ли где-нибудь сторожевая птица? — девушка на-

шла затененное место и слилась с ночной тьмой. Теперь предстояло решить самый главный вопрос: охраняли ли лерони Ракхела весь город или их усилиями держались под наблюдением только стены и, конечно, ворота? Ромили долго томилась во мраке, не решаясь применить ларан для поиска Орейна. Терпеливо выжидала — этого умения человеку, поработавшему с ястребами, всегда хватало. Вот прошла смена стражи, мимо нее прошагал ночной патруль, и снова все стихло. За все эти полчаса в центре города ни единого всплеска мысли. Ни разу Ромили не коснулся взгляд посаженной, скажем, в засаду сторожевой птицы. Логика подсказывала, что перекрыть весь город телепатическим экраном у Ракхела просто не хватит сил. Не должно хватить. Ворота, участки, где городская стена низка и более-менее доступна, — и все!

Пришел ее час, можно попробовать!.. Ромили осторожно, готовая каждую секунду погасить телепатический взор, принялась обшаривать улицы. В смысле обладания лараном Орейн конечно был слаб, но кое-что у него в голове теплилось — в Башнях ему удалось в какой-то мере развить свои способности, и почувствовать, что его ищут и зовут, он был в состоянии. Ясно, что он

не спит — с отрезанными пальцами что за сон! Негодяи!.. Подлые выродки!.. Тихо, успокойся… Он не спит, но спят ли лерони, которые охраняют его? Его непременно должны охранять, по крайней мере, время от времени проверять. Колдуны Ракхела и Лиондри, по-видимому, отвечают за Орейна головами, но сколько можно не спать? Как не понадеяться на непробиваемую, с их точки зрения, защиту?

Ага, мелькнуло что-то знакомое, давнишнее… Ромили шмыгнула в проулок и боковыми улочками, постоянно держа на прицеле это дуновение, легкий отзвук мысли, двинулась вперед. Двигалась совершенно беззвучно, распространяла вокруг волны тихого, безмятежного умиротворения, так что ни один пес не гавкнул, ни одна мышка не завозилась…

«Тихо, тихо, в городе все спокойно…» Лошади в стойлах всхрапывали во сне; кошки, пригревшись у домашних очагов, выпускали коготки — даже в дремотном забытьи зверьки продолжали ловить мышей; набегавшиеся за день дети вповалку спали на лавках. Во всем городе ни единой бодрствующей души — повивальная бабка прикорнула возле счастливо разродившейся женщины; даже мать задремала — прикрыл

глазки, ровно задышал младенец.

«Мир, тишина, спокойствие…»

Ромили пришлось пересечь весь город — ларан привел ее к большому дому у противоположной стены. Вблизи него она отчетливо различила, как мучаются во сне двое погрузившихся в забытье мужчин. Правда, на одного из них — на Орейна — нагнали сон против его воли, и он томился под незримым гнетом чужой воли, из-под которой смутно, редко прорывались боль, страх, надежда, мольба о быстрой смерти… Сердце Ромили не выдержало, и она рискнула едва слышно, тончайшим лучиком внедрить в его сознание предостерегающую мысль:

«Не двигайся и не шевелись, когда проснешься. Ни в коем случае не буди часового…»

Дверь едва слышно скрипнула — Ромили так и застыла с поднятой ногой, — однако часовой, спавший у двери, за которой томился Орейн, даже не пошевелился. Тут в коридоре до нее отголоском, проникшим сквозь ледяную стену, которой отгородил от людей свои раздумья Лиондри Хастур, долетело:

«Ужас, ужас… Кто я? Боже, ведь я никогда не был так жесток. За что же ты, Всевышний, искусил меня властью?.. За что, за что?..»

Потом раскаяние уступило место жесткому, протянувшемуся к ней телепатическому окли-ку: кто она? Что ей здесь надо? Все свершалось на грани дремоты и бодрствования. Еще чуть-чуть, еще несколько мгновений без ответа, и он проснется, поднимет тревогу. Вот, оказывается, какой ларанцу охраняет Орейна! Ромили мгно-венно слилась с сознанием кошки, свернувшейся у очага. Лиондри, мысленно обшарив помещения и не встретив ничего подозрительного, вновь погрузился в глубокий сон.

Ромили, выждав немного, с силой сжала ру-коять кинжала. «Если даже я убью его одним ударом, Орейн все равно вскрикнет. Этот вопль разбудит Лиондри. Может, напугать его во сне и он убьет Орейна собственной рукой? Глупости, чем я смогу напугать отъявленного злодея и мо-гучего ларанцу?»

Нет, этот акт милосердия ей придется испол-нить самой. Другого выхода нет!.. Тут только она обратила внимание, что сон у часового какой-то неестественный… Почему он вообще заснул на посту? В военное время за это карают смертью, а он посапывает как ни в чем не бывало. Кто наложил на него печать беспробудного сна? Затаившись на мгновение, она решительно по-

вернулась, выхватила кинжал…

— Не губи меня, Ромили, — прошептал Кэрил. Одет он был в детскую ночную рубаху, волосы всклокочены — видимо, он только что вылез из постели. Мальчик быстро зажал ее в тесные ментальные объятия.

«Отпусти меня!»

— Ой, Ромили, Ромили. Клянусь, что каждый день умоляю отца, однако он не хочет меня слушать… Я больше не могу выносить этого… Что же они делают с Орейном! Я жить не могу… Ты пришла вызволить его отсюда? — Он шептал на грани слышимого. Если Лиондри Хастур неожиданно проснется и проверит сознание мальчика, он решит, что того мучают ночные кошмары.

«Лиондри Хастур окончательно сошел с ума? Он творит все это на глазах сына?..»

— Он сказал, что мне пока трудно понять, что иной раз ради победы добра необходимо быть жестоким. Я страшно болен, у меня в голове не умещается — неужели мой отец способен на подобное? Как это? Какое же это добро? — Он едва сдерживал слезы. Стоило ему разрыдаться, и Лиондри тут же проснется. Кэрил ослабил ментальную хватку.

Девушка попросила:

— Помоги мне утихомирить сторожевых псов… — и молча проскользнула мимо спящего часового. На мгновение осветила его мозги.

«Палач… Ничего человеческого. Он хуже зверя… Рассудок сходен с разумом животного. Может, оно и лучше — в этом случае мне удастся сравнительно легко овладеть им».

Уже в камере она задумалась: как бы ей разбудить Орейна, чтобы Лиондри ничего не почувствовал? Сможет ли он сдержать возглас удивления? Не плеснет ли мгновенной радостью… План действий созрел мгновенно — собственно, она и раньше подумывала об этом, теперь же, в реальных условиях, этот путь казался ей единственно надежным, ведущим к спасению.

— Орейн, — прошептала Ромили и тут же ладонью зажала ему рот. Следом послала мысленный приказ: «Ты спишь, ты крепко спишь, и все, что с тобой происходит, ты видишь во сне. Это не более чем мираж, греющее душу видение…»

Хвала тебе, Всевышний! Орейн мгновенно понял ее замысел — если Лиондри проснется, он должен быть убежден, что Орейну только снится, что он встает (Орейн встал), медленно идет к распахнутой двери (он туда и направился), дверь чудесным образом распахнута, а мучитель-часо-

вой сладко посапывает (Ромили, проникнув в его сознание, изобразила, что этот тупой исполнитель бодрствует и честно несет службу).

…Все едва не пошло насмарку, когда Ромили бросила взгляд на повязку, наложенную на руку Орейна. И нога тоже была перевязана. Девушку затрясло от ужаса — еще мгновение, и она потеряла бы контроль над сознанием, глядя, с каким трудом обувается Орейн, как он ковыляет к двери. Все это время он представлял, как покидает темницу, что движется он легко, чуть ли не летает по воздуху.

Уже за дверью Орейн шепнул Ромили:

— Этого я в живых не оставлю… Не сейчас… — и вновь мысленно воспарил над полом. Во сне все удается узнику!..

Ромили откликнулась коротким сухим доводом:

«Когда Лиондри проснется и не найдет тебя в темнице, что он сделает с человеком, упустившим пленника? Если ты ударишь его кинжалом, то спасешь его от заслуженного наказания».

Он также ответил ей мысленно:

«Я должен быть милосердным и убить его сам, однако в моем сердце нет той силы доброты. Я не святой…»

На улице легкий ветерок напомнил девушке, что рассвет близок. Нехватка времени значительно осложнила их положение. Ведь ближе к утру должны проснуться собаки и сторожевые птицы, и если они не пробудятся, то люди, следящие за животными, непременно встревожатся. Им следует покинуть город до зари. Она взяла Орейна за плечо, стиснула зубы и постаралась не замечать повязку на его руке. Тут еще на голове великана Ромили обнаружила открытую рану, вокруг которой запеклась кровь, — ушной раковины у него не было. Это был первый орган, которого лишил его палач. Подобное неслыханное зверство охладило ее душу, истеричное негодование сменилось ледяной яростью. Только бы выбраться из города, потом она доберется до этих негодяев. Теперь им не спрятаться, она запомнила характерные приметы их мыслей. Единственное спасение для Лиондри — не думать. Не позволить себе ни единой мысли, ни надежды, ни отчаяния, нельзя будет испытать чувство голода, жажды, нельзя будет помыслить об отдыхе, о женщине, о Божественном. Стоит допустить промашку — он будет тут же найден. Неизвестно, поймают ли Ракхела, но его образ мыслей знаком Мауре. Ромили замерла — она почувствовала, что кто-то бесшумно

следует за ними. Она свернула за угол, прикрыла собой Орейна, перехватила рукоять кинжала.

Опять он! Все та же светлая всклокоченная голова, ночная рубашка до пят…

— Вернись, черт бы тебя побрал! — Она потрясла мальчишку за плечо. — Я не хочу брать на себя ответственность… Тебе же голову оторвут!..

— Я не вернусь! — Кэрил упрямо мотнул головой. — Он мне больше не отец. Чем бы я стал, оставшись с ним? Таким же чудовищем?..

Крупные слезы текли у него по щекам. Ручьем… Он их сглатывал, всхлипывал, вытирал сопли тыльной стороной ладони.

— Я могу помочь утихомирить часовых…

— Ладно, — наконец согласилась девушка. — Только не реви… А то сторожевых псов разбудишь. Помоги Орейну, поддерживай его с другого бока.

Времени почти совсем не оставалось — небо уже посерело на востоке, с минуты на минуту она должна позволить птицам заквохтать перед рассветом, иначе беда неминуема. И допустить этого нельзя.

Вот наконец и ворота! Кэрил бросился вперед, положил руку на замок — тот щелкнул, открылся и закачался на дужке. Мальчик тут же выдернул

дужку из пробоя, отбросил замок, отодвинул щеколду — Ромили сняла чары со сторожевых птиц и изо всех сил потянула на себя створку.

Позади послышался шум, и через несколько мгновений — крики, яростные возгласы, звон оружия. Беглецы бросились в открывшуюся щель — и бегом, бегом к ближайшим кустам. Там тут же появились конники, прикрыли их, а Орейн, ковыляя, поддерживаемый с обеих сторон Ромили и Кэрилом, направился в лагерь.

Армия между тем выстраивалась поотрядно. У шатра их ждал Каролин. Он сразу заключил Орейна в объятия, заплакал навзрыд. Ромили в свою очередь крепко, защищая, прижала мальчишку к себе. Его жизнь и безопасность она потребует в награду. О чем еще следовало просить? То ли озарило ее светом восходящего солнца, то ли невидимая Божественная длань коснулась ее — только в эти несколько секунд привиделся ей Лиондри, до которого как раз дошло, что побег Орейну устроил его сын и тем самым подписал приговор родному отцу. Точно, так и случится — кто видел ее в осажденном городе, кому придет на ум подозревать ее? Край солнца всплыл над лесом — ей показалось, что слепящий вишневого цвета полудиск улыбчиво подмигнул ей. Это был

ответ? Это был знак высшей справедливости, отголосок Божественного разума, отягощенного бременем земных грехов?.. Кто знает!..

К ним подошел Каролин и обнял обоих.

— Что, ребятки? Все кончилось, вы теперь в безопасности. Кэрил, мы бы никогда не догадались, что так может поступать человек с человеком. Не бойся, тебе не причинят вреда.

— Послушай! — воскликнул Орейн. — Этот шум… Они догадались, что я сбежал…

— Нет никаких поводов для беспокойства, — тихо ответил Каролин. — Им теперь не достать тебя, брат. Им, как мне кажется, ничего не остается, как сдаться, — мне бы очень не хотелось сжигать город, где живут мои подданные. Я прощу каждого, кто сложит оружие и даст клятву верности. Не думаю, что Ракхел и Лиондри найдут много желающих отдать за них жизни. Брат, позволь мне позаботиться о тебе. Тебя надо подлечить…

Они прошли в королевский шатер, за ними последовали Яндрия и Маура, потом Ромили с Кэрилом. Пока женщины перевязывали раны Орейна, король спросил девушку:

— Чем я могу наградить тебя, Ромили?

— В этом нет необходимости, Ваше величество.

Ей внезапно стало плохо, закружилась голова

— то ли от усталости, то ли от осознания, что все кончилось, и она с благодарностью оперлась на подставленную Алдериком руку. Тот другой рукой подал ей бокал вина.

— Мне вполне достаточно, если лорд Орейн наконец поймет… — Ромили помедлила немного, потом выпалила: — …что даже девушкой я не потеряла ни капельки той храбрости или чести, которыми обладала, когда носила мужскую одежду.

Орейн молча не до конца разбинтованными руками сгреб ее в охапку.

— Радость ты моя! Дитя ты мое ненаглядное!.. — прошептал он. — Я вовсе не имел в виду… Я всегда хотел быть твоим другом… Теперь я понимаю, какой я был дурак.

Ромили разрыдалась, тоже обняла его и поцеловала в щеку. Он начал укачивать ее, как ребенка, гладить по волосам, потом одной рукой подозвал Алдерика.

— Эти сказали мне, что ты предложил заменить меня собой в заложниках… Не знаю, сын мой, заслужил ли я это. Я никогда не был тебе настоящим отцом…

— Вы дали мне жизнь, сэр, — тихо ответил Алдерик. — Это уже немало, даже если вы были

скупы на любовь и доброе отношение. Да и я был с вами слишком холоден.

— Я это заслужил, — кивнул Орейн.

Подошел Кэрил и обнял Ромили и Орейна.

Каролин похмыкал, прочищая горло.

— Мальчик, теперь ты в безопасности. Все закончилось… Кэрил, я буду тебе отцом, ты будешь воспитываться вместе с моими сыновьями. Я ничего не могу поделать — Лиондри нельзя оставлять в живых. Я не могу больше доверять его клятвам. Если удастся, я позволю ему удалиться в изгнание.

Кэрил заплакал и ответил:

— Я знаю, вы не поступитесь своей честью, дядя.

— В конце концов, мы когда-нибудь закончим перевязку? — раздраженно воскликнула Яндрия. — Не хотелось бы видеть, как за завтраком из его ран будет капать кровь.

Орейн улыбнулся и сказал:

— Я себя не так уж плохо чувствую. Этот парень хорошо знает свое дело. Не хуже армейского хирурга. Действовал быстро, точно… Так, говорили мне, будем действовать и в дальнейшем… — Он неожиданно передернул плечами и добавил: — Ты поспела вовремя, Ромили… — Он взял ее руку,

мягко объяснил: — Ромили, я не могу жениться на тебе, это противно моей природе, но если король даст согласие, я бы хотел, чтобы ты обручилась с моим сыном. — Он глянул на Алдерика. — Я вижу, он не против…

— И для меня это был бы лучший выбор, — вмешался в разговор Руйвен.

— Значит, так тому и быть! — заключил Орейн.

Ромили вне себя от гнева воскликнула:

— А меня даже и спрашивать не стоит?! — Ее рука непроизвольно коснулась мочки уха, откуда она несколько дней назад вырвала сережку. — Никто не освобождал меня от клятвы на верность Ордену. Год еще не кончился. Вот еще что, — она нервно глянула на Алдерика и Руйвена, — теперь я убедилась, что, как бы ни был силен мой ларан, его еще надо воспитывать и воспитывать, или мне плохо придется. Он уже подвел меня на поле боя, когда погиб Солнечный… В результате я сама едва не простилась с жизнью, потому что не знала, как приструнить мозги. Выходит, мне в любом случае необходимо отправиться в Башню и научиться управлять лараном. Затем мне необходимо повидаться с отцом и мачехой и только потом, — она нерешительно улыбнулась

Алдерику, — когда я вполне разберусь со своими мыслями, я решу — выходить ли мне за вас замуж, господин. Или еще за кого-нибудь…

— Ты рассуждаешь, как настоящая меченосица, — одобрительно заметила Яндрия.

Алдерик взял Ромили за руку.

— Что бы ни случилось, я буду ждать твоего решения.

Она на мгновение сжала его пальцы. Но только на мгновение…

— Сир, — обратилась она к королю. — Позвольте, я отведу вашего родственника в шатер меченосиц, мы там подберем ему штаны.

Кэрил покраснел от смущения.

— Ну пожалуйста, дядя. Не могу же я показаться перед армией в ночной рубашке!

Король засмеялся:

— Поступай, как знаешь, повелительница ястребов. Думаю, что, как только ты научишься обращаться со своим лараном, навестишь родителей и вернешься к тому человеку, за которого ты решишь выйти замуж, мы будем иметь радость увидеть тебя в Хали. — Он повернулся и взял Мауру за руку. — Помнишь, я обещал тебе, что Праздник середины лета мы будем праздновать в Хали? Срок пришел — через одну луну наступит

священный день. Леди, если вы не будете возражать, мы сыграем свадьбу Ромили в тот же самый день, когда и ее королева вступит в брак. Мы ведь с вами можем подождать, не так ли? — Он опять громко засмеялся и добавил: — Вот такой уж я тиран… Ромили, — обратился он к девушке, — надеюсь видеть тебя своей сокольничей, как когда-то в бытность мою домом Карло.

Ромили поклонилась.

— Благодарю вас, сир, за честь… — Однако мысленно она уже была далеко-далеко. В стенах Башни Трамонтана.